ВИТЕБСКИЙ ФИЛИАЛ
УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ВЕКТОР 3.0»

VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE OF YOUNG RESEARCHER "VECTOR 3.0"



Материалы VI Международной научно-практической конференции приуроченной к Году белорусской женщины

Витебск, 15 апреля 2026 года

ГОД БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

ВИТЕБСКИЙ ФИЛИАЛ
УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ВЕКТОР 3.0», ПРИУРОЧЕННАЯ К ГОДУ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE OF YOUNG RESEARCHER "VECTOR 3.0"

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Научное электронное издание

(Витебск, 15 апреля 2026 г.)

Витебск 2026

УДК [34+33+81+316.346.2-055.2](476)(063)
ББК 67+60.542.21(4Беи)+ 65+81я43
Ш 51

Рекомендовано к опубликованию
Научно-методическим советом
Международного университета «МИТСО»
(протокол от 13.04.2026 № 4)

Редакционная коллегия:
Николаева И.В. (главный редактор),
Бездель В.Е. (заместитель главного редактора),
Лавицкий А.А., Побяржина Т.П.
Шибеко М.И. (технический редактор)

Рецензенты:
профессор кафедры белорусской и русской филологии ВГУ имени П.М. Машерова, доктор педагогических наук кандидат филологических наук, профессор **Е.Ю. Муратова**;
профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова доктор юридических наук, профессор **А.Б. Скаков**;
заведующий кафедрой истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова кандидат исторических наук, доцент **А.Н. Дулов;**
декан факультета повышения квалификации и переподготовки кадров ВГТУ кандидат экономических наук, доцент **А.Р. Лавриненко.**

П 99

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ВЕКТОР 3.0» = VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE OF YOUNG RESEARCHER “VECTOR 3.0”: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 15 апреля 2026 г.: электронное научное издание / Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; редкол.: И.В. Николаева [гл.ред.]; [и др.].– 592 с.

В издание вошли тексты докладов, представленные на VI Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Вектор 3.0», приуроченной к Году белорусской женщины. Материалы предназначены для всех участников образовательного процесса учреждений высшего образования, научных сотрудников, работников государственных, профсоюзных, общественных учреждений и организаций, а также для широкого круга лиц, интересующихся вопросами права, истории, лингвистики и экономики.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы.

Научное электронное издание
Вектор 3.0 : материалы VI Международной научно-практической конференции молодых исследователей, приуроченной к Году белорусской женщины

Минимальные системные требования:
браузеры Google Chrome, Mozilla Firefox (32- и 64-разрядная версия) и др.;
скорость подключения к информ.-коммуникат. Сетям 1 Мбит/с;
доп. настройки к браузеру не требуются.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО» Витебский филиал.
Ул. М.Шагала 8А, 210015, Витебск.

УДК [34+33+81+316.346.2-055.2](476)(063)
ББК 67+60.542.21(4Беи)+ 65+81я43

© Коллектив авторов, 2026
© Витебский филиал Международного университета «МИТСО», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Маслакова А.А. ПАРТИСИПАТИВНАЯ ОГОВОРКА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 11
Петров П.А. СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СО СВОБОДОЙ СЛОВА И СМЕЖНЫМИ ПРАВОВЫМИ КАТЕГОРИЯМИ..... 15
Тихоновская Д.С. ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ 18
Герман К.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА..... 21
Волкова Е.В. РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА КАК ОДНО ИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА..... 25

СЕКЦИЯ 1.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андреева В.А. ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЫНОВЛЕНИЯ..... 30
Аниськова В.Д. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ ЛИЦ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО КОЛЛЕКТИВНОМУ ИСКОВОМУ ЗАЯВЛЕНИЮ..... 34
Бабич С.А., Лагун М.Н. РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ..... 38
Бахмат В.Д. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И ИНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ АНТИКОРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 43
Берговина Я.О. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ БРАКА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 46
Березин Н.М. ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА: ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ..... 50
Богословский В.В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ БЫВШИХ МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ НАЦИСТКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ..... 54
Булыня А.И., Соболев Т.К. СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ТОЧКА БИФУРКАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ..... 58
Васильева М.И. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА 62
Винникова В.М. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ..... 66
Витенбергский А.И. ПРАВО РАБОТАЮЩИХ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА..... 69
Волков М.А. ПРИНЯТИЕ В АВСТРАЛИИ «ЗАКОНА О ВОЕННЫХ МЕРАХ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ» В 1914 ГОДУ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 74
Герасимов Г.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА NON-REFOULEMENT В АКТАХ МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА..... 78

Горбачева В.В. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ..... 81
Горборова К.Е. МОТИВАЦИЯ И СТРАТЕГИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ К.ЮНГА..... 84
Григорьева Е.А. БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ..... 87
Григорьева Е.А. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НА ЖИЛИЩЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ..... 90
Достанко А.С. ИНКЛЮЗИВНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 93
Ескина Д.И. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АБСЕНТЕИЗМ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАССИВНОСТИ: СУЩНОСТЬ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ..... 97
Журавский А.Д. ПРИНЦИП ПАРТИКУЛЯРНОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ..... 101
Зива М. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕИ НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 105
Зубрик Д.А. РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 108
Ивченко А.А. ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 112
Игнатчик А.М. ПРИМЕНЕНИЕ LEGALTECH В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА..... 115
Кирпиченко В.Ю. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА..... 119
Ковалевская Ю.Д. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 122
Козловская С.А. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЛАРУСЬ..... 126
Кресова М.С. К ВОПРОСУ ОБ ОТСТРАНЕНИИ ОТ НАСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ПРАВО НА ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ В НАСЛЕДСТВЕ..... 129
Кричевцов Н.В. ПРАВО РАБОТАЮЩИХ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА..... 133
Кудёлко Д.А. УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ..... 136
Кукета А.К. АУДИОФИКСАЦИЯ КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РОДОВ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ..... 139
Латош К.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ ШКОЛЬНИКАМИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН..... 143
Лемешонок А.С. ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ..... 147
Лисай С.А. МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ..... 150
Литвинчук Д.Ю. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ

ПРАВОНАРУШЕНИЙ..... 154
Литвиненко Д.М. ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИНАМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ВАЙОМИНГЕ 157
Литвинов К.Е. ПРИЗНАКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА..... 161
Луганский Н.В. ПРИОРИТЕТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 164
Луганский Н.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭВТАНАЗИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ..... 166
Лущинский Д.П. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ ИРЛАНДСКОГО СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА..... 168
Малишевская Е.О. ФИКТИВНЫЕ БРАКИ И НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 172
Маров А.О. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 175
Матвеенко В.Е. «ИНСТИТУЦИИ» ГАЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПАМЯТНИК ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО РИМА..... 179
Новак Е.Н., Рашкевич П.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ (УДАЛЕННОЙ) РАБОТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ..... 183
Поляков Д.А. ЭЙБЛИЗМ КАК ДИСКРИМИНАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВОВОМ УРОВНЕ..... 187
Прокурат Д.В. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВЕ, И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ: КОНКУРИРУЮЩИЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ..... 191
Пусенков Г.И. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 194
Редненко М.А. ЗАКОНЫ ЭТЕЛЬБЕРТА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЭПОХИ..... 198
Романенко Д.А., Макаренко А.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ..... 202
Рышкевич Н.С. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ В БССР..... 207
Савинцева А.В. ЮРИСДИКЦИОННЫЕ КЛАУЗУЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ, ПРИЗНАЮЩИХ ЮРИСДИКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН..... 210
Сак К.С. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ..... 214
Сафонова А.И. ПРОБЛЕМА ОСПАРИВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК..... 216
Сачивко В.А. РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УКРЕПЛЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ..... 218
Сипайлова А.В. ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XVI-XIX ВВ..... 220
Смирнова Е.А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДОГОВОРА ПОСТАВКИ..... 224
Степанов И.Л. НОРМАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АДВОКАТУРЫ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И

РОССИИ..... 227
Сушинская Е.В., Казакевич А.П. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ЧЕХИИ 233
Тимошенко А. ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО УСТРОЙСТВА ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ..... 237
Торгонская А.Н. ЭСТОППЕЛЬ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 241
Федорова М.С. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА..... 244
Фурсов Д.А. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ..... 247
Шаделко А.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ..... 251
Шамкова Д.С. ВЫБОРЫ В ГЕРМАНСКИЙ БУНДЕСТАГ 2025 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ И ИТОГИ..... 254
Швед Б.П. ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИТЕТОМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ..... 259
Шнипова А.Д. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 262
Шупикова В.Д. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 265
Шутова В.И. К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ..... 269
Юнчик К.Г. ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕК: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ..... 272
Юхник Ю.В., Наскавец В.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: УНИФИКАЦИЯ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БЕЛОРУССКИХ КОДЕКСОВ..... 275
Яцко С.С. УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ..... 278

СЕКЦИЯ 2.
ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Беленко Д.А. РОЛЬ ПРОФСОЮЗА В УКРЕПЛЕНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ..... 282
Виниченко А.А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО И ЛОКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУТУСА РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ..... 286
Высоцкая М.А. СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАВОВОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 289
Даранчук Е.П. ИЗУЧЕНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА 292
Киммель Ю.В. ОСОБЕННОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЖЕНЩИН В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ..... 297
Кононович П.П. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ 300
Копать В.В. ПРАВОВОЙ СТАТУС МНОГОДЕТНЫХ МАТЕРЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ ЛЬГОТ ДО УЧАСТИЯ В РАБОТЕ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ 304
Коцур В.А. РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И ОХРАНЕ ТРУДА В БЕЛАРУСИ..... 309

Кулик И.Д., Ясюкевич К.И. ЖЕНЩИНА-ЛОГИСТ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК..... 312
Луцко Д.Ю. К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ЛОГОТИПА ГОДА БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ..... 316
Мостепанова К.С. СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И «ЖЕНСКАЯ» ЗАНЯТОСТЬ: ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И КАРЬЕРА..... 320
Микус М.А., Кашина Е.М. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ..... 323
Потапова А.Н. ЛЬГОТНОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МНОГОДЕТНЫХ МАТЕРЕЙ..... 327
Рэменчык В.А. ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАВАВОГА СТАТУСУ ЖАНЧЫНЫ-ШЛЯХЦЯНКІ Ў СТАТУТОВЫМ ЗАКАНАДАЎСТВЕ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА..... 331
Старовойт А.В. К ВОПРОСУ ГИГИЕНЫ СНА КАК ЭФФЕКТИВНОГО РЕСУРСА РАБОТОСПОСОБНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНТКИ 335
Соркін А.У. РОЛЯ ЖАНЧЫН У БЕЛАРУСКІМ НАЦЫЯНАЛЬНЫМ РУХУ ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ АЛАІЗЫ ПАШКЕВІЧ)..... 338
Хоменкова П.А., Тихоновская Д.А. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ СТАТУСА, ЗАНЯТОСТИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА..... 342
Холупова С.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ, ЗАКРЕПЛЕННОГО НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ..... 345
Ширяева А.А. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН И МЕХАНИЗМ ЕГО СООТНОШЕНИЯ С ЛОКАЛЬНЫМИ АКТАМИ НАНИМАТЕЛЯ..... 349
Ramanchyk S. S., Gurinovich D. N. WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGIES IN BELARUS: BARRIERS AND DRIVERS OF DEVELOPMENT IN 2026..... 352
Vasilyonak K. Y. COMPARATIVE ANALYSIS OF WORKER'S DUTIES IN OCCUPATIONAL SAFETY IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS: BELARUS AND CHINA..... 356

СЕКЦИЯ 3.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЛОГИСТИКИ

Бакевич Л.О. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В ЛОГИСТИКЕ..... 360
Бочарова С.В. К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ-УЧАСТНИКА ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК..... 364
Варакса Д.П. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РОБОТИЗАЦИИ..... 367
Ворохобко Е.С. РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК ВИТЕБСКОГО ФИЛИАЛА РУП «БЕЛТАМОЖСЕРВИС»..... 371
Ворохобко Е.С., Брауфер А.В. БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ..... 375
Галецкая А.В. МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ

ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СООО «БЕЛВЕСТ»..... 378
Гержа А.Г. ТЕОРИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ..... 381
Гилёв В.И. ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СКЛАДСКИХ ОПЕРАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ..... 385
Гончаренок Е.А. ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ..... 388
Громыко П.Н. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА В СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ БЕЛАРУСИ..... 392
Дакула Н.Л. КАДРОВЫЙ ДИСБАЛАНС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМА НЕСООТВЕТСТВИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ПОТРЕБНОСТЯМ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ..... 395
Долматович В.К. ВАКУУМНЫЙ И МАГНИТО-ЛЕВИТАЦИОННЫЙ ТРАНСПОРТ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ..... 399
Дьяченко К.А. ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ..... 402
Евдокимов Д.С. ПРИМЕР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГРУЗОПОТОКАМИ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ 404
Ерёменко П.С. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..... 406
Журун Я.А. БИОРАЗЛАГАЕМЫЕ И КОМПОНСТИРУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ В УПАКОВКЕ: МИФЫ, РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В ЗЕЛЕНОЙ ЛОГИСТИКЕ..... 409
Забовская Е.А. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ АВТОНОМНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В КОММЕРЧЕСКУЮ ЛОГИСТИКУ... 413
Зверкович Е.М. ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК В СЕТЯХ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ..... 417
Кажеко К.А. АВТОМАТИЗАЦИЯ СКЛАДСКИХ ОПЕРАЦИЙ С ПОМОЩЬЮ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА..... 420
Квитка Д.Е. СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЛОГИСТИКИ..... 423
Кейзер О.В. АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ СБЫТА..... 427
Князев В.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СКЛАДСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ЛОГИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ..... 431
Кушнерова М.Д. РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В УПРАВЛЕНИИ ЗАКУПКАМИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК 433
Лебедевич П.В., Пеньковская Е.В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ТОВАРОВ ДЛЯ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ, ПРИОБРЕТЁННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ..... 436
Леошко М.В. ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СЕТИ В СФЕРЕ ДОСТАВКИ..... 439
Липский А.С. МОНОПОЛИЯ: ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИНОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ..... 443
Марецкая М.К. ЦИФРОВАЯ МАРКИРОВКА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЯ НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОВАРА 448
Махонько С.Е. СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ 452
Мельченко К.А. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОСТАВКИ ПРОДУКЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК..... 456
Мясоедова А.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ..... 459
Найденко А.А. СЕРВИТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ К ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ..... 463
Нестеренко А.А., Мизерия В.В. ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ..... 467
Небрадовская В.С. ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ТОРГОВОГО АССОРТИМЕНТА В ОАО «НИКА»..... 470
Пушкарёва Е.С. ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ООО ПП «УНИВЕРСАЛ-ОКС»)..... 475
Русак А.М., Фронская П.П. ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 478
Ставров Д.А. КОНЦЕПЦИЯ КАЧЕСТВА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОДУКЦИИ..... 481
Степанова П.В. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СКЛАДСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПИ ПОСТАВОК..... 485
Степанова П.В., Семенькова Д.П. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ..... 489
Тозик А.А. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ К СИСТЕМЕ «ОДНОГО ОКНА» 492
Флерко С.С. ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛОМБ В ГРУЗОПЕРЕВОЗКАХ БЕЛАРУСИ..... 496
Хоружик П.А. ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК..... 500
Шавловская К.А. РОЛЬ АВТОМАТИЗАЦИИ В РЕИНЖИНИРИНГЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ АПК..... 502
Швед П.Н. АНАЛИЗ ЭФФЕКТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ..... 506
Шеенкова П.Ю. ДЕРЕВНЯ ДОМЖЕРИЦЫ КАК ПРИМЕР ПРОЕКТА «ДЕРЕВНЯ БУДУЩЕГО»..... 510
Шнитковская О.В. ЛОГИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СКЛАДСКИМ КОМПЛЕКСОМ ОАО «НИКА» И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ..... 513
Щеглов А.А. ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ..... 516
Gurinovich D.N., Romanchyk S.S. DIGITAL MATURITY OF WOMEN'S BUSINESS: FROM AUTOMATION TO INTELLECTUAL TRANSFORMATION..... 519

СЕКЦИЯ 4.
СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Артюховская К.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЗООНИМАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 523
Войтеховская А.Ю. ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ

ФАРМАКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЙ БАДОВ)..... 527
Вьюнова Л.М. КЛИКБЕЙТ В МОТИВАЦИОННЫХ ВИДЕОБЛОГАХ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ..... 531
Дубровская В.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА «ORDNUNG» В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА А.К. ДОЙЛА «ОБРЯД ДОМА МЕСГРЕЙВОВ»: КОГНИТИВНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 533
Казущик М.А. СЛЕНГ ПОКОЛЕНИЯ Z КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ..... 535
Койвумяко В.С. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИЙСКИХ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ..... 539
Митина П.И. СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 542
Мысливец А.И. СТРАТЕГИИ И ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ..... 546
Прищепа М.М. ПАЛИМПСЕСТ ПАМЯТИ: АНТРОПОМОРФНЫЙ КОД КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОМЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИСТОЛЯ..... 549
Реут А.Г. ГЕНДЕР В МЕЖДУНАРОДНОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ «СЛОВ ГОДА» (2015–2025 ГГ.)..... 553
Рябцева К. ТИПЫ ДИСКУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСОЛОГИИ..... 557
Сак В.Г. РОЛЬ АНГЛИЦИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ..... 560
Стариков К.Ю. КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ У СТУДЕНТОВ НА ПРАКТИКЕ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ..... 563
Стоянова Е.С. ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОНЦЕПТОМ «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ..... 566
Тимошенко А.В. ПЕРЕВОД ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В МУЛЬТФИЛЬМЕ «ЗВЕРОПОЛИС»: СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ, АДАПТАЦИИ И ОПУЩЕНИЯ..... 569
Хоронеко Н.А. ДИСКУРС КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ СЕРИАЛЕ «ДОКТОР КТО»..... 572
Цвикевич А.Д. ВОЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ..... 575
Chen Ying DIGITAL RESOURCE CONSTRUCTION OF HPU CONTINUING EDUCATION COLLEGE IN CHINA..... 578
Gnas A.Y. CHINESE BRAND NAMING ON THE INTERNATIONAL MARKET..... 582
Yang Xueling DEVELOPMENT OF CHINESE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE GLOBAL EDUCATIONAL CONTEXT 585
Yeskun A.D. THE CONCEPT OF LITERACY IN THE WORKS OF FOREIGN RESEARCHERS..... 587

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПАРТИСИПАТИВНАЯ ОГОВОРКА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.А. Маслакова
Минск, Акадмия управления
при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: Т.С. Таранова
Минск, БГЭУ

В современной гражданской правовой системе все более актуальным становится институт договорных оговорок, которые позволяют сторонам эффективно адаптировать условия правоотношений и своевременно реагировать на возникающие споры. В условиях развития гражданского оборота и усложнения экономических связей роль таких оговорок возрастает, поскольку они обеспечивают гибкость, снижают издержки и способствуют более оперативному разрешению конфликтных ситуаций. Особое значение приобретает партисипативная оговорка – специальное условие договора, регулирующее возможность использования примирительных переговоров сторон при содействии их адвокатов.

Материалы и методы. Материалом данного исследования является гражданско-процессуальное законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран. Основные используемые методы – сравнительно-правового и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Актуальное состояние цивилистической науки характеризуется пристальным вниманием к институту договорных оговорок, что обусловлено их возрастающей ролью в договорной практике. По своей сути, любая оговорка является элементом договора, который, в свою очередь, представляет собой инструмент индивидуального регулирования правоотношений, предоставляющий сторонам свободу в определении своих прав и обязанностей. Предпосылками возникновения и распространения договорных оговорок служат стремления сторон к консолидации своих волеизъявлений при согласовании условий договоров с целью оптимизации своих экономических интересов и снижения потенциальных рисков.

В правовой сфере понятие «оговорка» является широко распространенным и характеризуется многогранностью толкований и областей применения. В рамках гражданско-правового регулирования предусмотрены различные виды оговорок. К ним относятся, например, третейская оговорка, представляющая собой договорное условие или отдельное соглашение, позволяющее сторонам передавать споры на рассмотрение третейского суда по выбору истца, и медиативная оговорка,

которая устанавливает возможность применения медиации для разрешения споров, возникающих между сторонами договора [1, с. 256].

Ст. 165 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) предусматривает, что правовые споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров сторон при содействии их адвокатов (партисипативной процедуры) [2]. Начальным этапом данной примирительной процедуры является заключение соглашения о проведении примирительных переговоров. Заключение данного соглашения призвано способствовать разрешению конфликта вне рамок государственного судопроизводства, подтверждая обоюдное намерение сторон найти взаимоприемлемое решение. Оно выступает важным инструментам, позволяющим сторонам достичь компромисса при разрешении конфликтов, вытекающие из различных сфер гражданских правоотношений.

Анализируя целесообразность имплементации партисипативной оговорки в гражданско-правовые договоры, видится необходимым рассмотреть специфику третейских и медиативных оговорок, учитывая их функциональное сходство. Унификация процедуры заключения соглашений о применении партисипативных механизмов, медиации и третейского разбирательства посредством договорной оговорки способствовала бы повышению универсальности соответствующей правовой нормы.

В соответствии со ст. 9 Закона Республики Беларусь «О третейских судах» [3] третейское соглашение может заключаться в виде самостоятельного соглашения сторон о передаче на разрешение третейского суда споров, которые не только возникли, но и могут возникнуть из связывающего стороны правоотношения, а также в виде третейской оговорки − отдельного положения, содержащегося в договоре.

В отличие от законодательства Российской Федерации, в котором закреплено определение медиативной оговорки (под ней понимается соглашение сторон о том, что при возникновении спора, связанного с какими-либо правоотношениями, он будет передан на урегулирование с помощью медиации [4], действующее законодательство Республики Беларусь не содержит данного термина. Вместе с тем, возможность использования процедуры медиации как одного из способов досудебного урегулирования споров предусмотрена ч. 1 п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5]. Юрист Е. М. Кулькова определяет медиативную оговорку как письменное соглашение сторон, заключенное до возникновения конфликта, о применении медиации в отношении споров, которые могут возникнуть в будущем [6].

Анализируя процессуальное законодательство Республики Казахстан, где партисипативная процедура активно внедряется в правовую сферу, а также по аналогии со сходными вариантами договорных оговорок, можно дать следующее определение понятию партисипативная оговорка: это

письменное соглашение сторон, заключенное до возникновения конфликта, о применении примирительных переговоров сторон при содействии их адвокатов в отношении споров, которые могут возникнуть в будущем [7].

На наш взгляд, такая оговорка может включаться в заключаемое между сторонами соглашение и иметь силу соглашения о применении переговоров сторон с адвокатами. Важно отметить, что наличие партисипативной оговорки не препятствует осуществлению конституционного права сторон на защиту своих прав и законных интересов в суде. В случае, если стороны в ходе примирительных переговоров не достигают соглашения, спор подлежит дальнейшему урегулированию государственным судом, что согласуется с конституционным правом на юридическую помощь.

Определим особенности включения в договор партисипативной оговорки:

1. Упрощение процедуры переговоров при заключении договора.

Партисипативная оговорка выражает намерение в случае возникновения спора мирно урегулировать его и достичь взаимовыгодное решение, что согласовывается с принципом процессуальной экономии.

2. Обращение к подобной оговорке применимо именно к гражданско-правовым договорам между субъектами хозяйствования, т.к. именно договороспособность субъектов хозяйствования представляется важной характеристикой их правосубъектности. Кроме того, это связано с необходимостью соблюдения обязательного досудебного (претензионного) порядка разрешения спора субъектами экономической деятельности (ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ст. 5 КГС) [2].

Однако, ст. 169 КГС допускает обращение к партисипативной процедуре исключительно после инициирования сторонами искового производства в суде. Следовательно, действия сторон, направленные на примирение при юридическом сопровождении адвокатов, не могут быть квалифицированы как надлежащее исполнение досудебного порядка урегулирования спора. На наш взгляд, данная норма нуждается в пересмотре. Так, например, Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан допускает обращение к партисипативной процедуре до обращения в суд (ст. 181) [7], что расширяет инструментарий альтернативных способов разрешения споров, способствует снижению нагрузки на государственные судебные органы и соответствует принципу диспозитивности гражданского процесса.

Заключение. Таким образом, в современной цивилистике существенное значение приобретают институты договорных оговорок, которые позволяют сторонам более гибко и эффективно регулировать гражданско-правовые отношения. Партисипативная оговорка представляет собой письменное соглашение сторон договора, по которому споры между ними регулируются посредствам переговоров при содействии адвокатов. Данная оговорка может выступать важным инструментом в обеспечении

мирного разрешения споров и снижении нагрузки на судебную систему, расширяя возможность сторон для самостоятельного урегулирования конфликта. Примером такой оговорки может быть следующее условие договора: «Все споры, разногласия и требования, возникающие из настоящего Договора или в связи с ним, в том числе касающиеся его исполнения, нарушения, прекращения и недействительности, подлежат урегулированию с применением процедуры переговоров сторон при содействии адвокатов».

Вместе с тем, анализ процессуального законодательства показал, что в настоящее время урегулировать спор посредствам партисипативной процедуры до подачи иска в суд не представляется возможным, ввиду ограничений, предусмотренных ст. 169 КГС. Данная ситуация подчеркивает необходимость в пересмотре и унификации правового регулирования подобных механизмов, что, в свою очередь, способствовало бы значительному повышению их эффективности и расширению сферы применения.

Список использованных источников

1. Кашанский, Р. С. К вопросу о функциональной природе оговорок в праве / Р. С. Кашанский // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – №4. – С. 256 – 260.

2. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.02.2026).

3. О третейских судах : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З: в ред. от 17 июля 2020 г. № 42-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).

4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федер. Закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ : в ред. от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 07.03.2026).

5. Гражданский Кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.02.2026).

6. Кулькова, Е. Медиативная оговорка как способ досудебного урегулирования споров / Е. Кулькова // Журнал «Юрист». – URL: https://jurist.by/zhurnal/statia/mediativnaya-ogovorka-kak-sposob-dosudebnogo-uregulirovaniya-sporov (дата обращения: 01.03.2026).

7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан : 31 окт. 2015 года № 377-V ЗРК. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377 (дата обращения: 01.03.2026).

СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СО СВОБОДОЙ СЛОВА И СМЕЖНЫМИ ПРАВОВЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

П.А. Петров
Научный руководитель: А.А. Лавицкий
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Соотношение вербальных правонарушений со свободой слова требует детального правового и философско-правового осмысления, поскольку на этой границе сталкиваются два конституционно значимых интереса: охрана личности и общественного порядка с одной стороны и свобода выражения мнений – с другой. К вербальным следует относить все формы противозаконных деяний, предметом правовой оценки которых является текст [1, с. 307]. В этой связи необходимо опираться не только на формальные диспозиции норм, но и на принципы соразмерности, необходимости и минимального вмешательства в права. Таким образом, задача правоприменителя – установить, когда ограничение высказывания оправдано, а когда оно превращается в непропорциональное вмешательство в конституционно охраняемую сферу. Вследствие чего формулируются критерии допустимости ограничения свободы слова, пригодные для практики судов и административных органов.

Материал и методы. Материалом для настоящего исследования поступили диспозиции белорусского уголовного и административного законодательства, отдельные нормы гражданского права. Методологическую основу работы составили общенаучные методы анализа, систематизации, а также специальные методы: сравнительно-правовой, формально-правовой.

Результаты и их обсуждение. Комплекс правовых гарантий выражения мнений включает право на критику и на публичное обсуждение общественно значимых вопросов; одновременно необходимо различать охраняемые и неохраняемые высказывания, где последние – прямо наступающие последствия для охраняемых прав (клевета, угрозы) – могут быть подвергнуты юридической ответственности. Исходя из сказанного, на практике важна дифференциация «оценочных суждений» и «фактических утверждений»: первые как правило подпадают под зонтик свободы выражения, вторые при ложности и причинении вреда – под ответственность. Это разграничение требует лингвистико-юридической экспертизы и учёта коммуникативной функции высказывания; без такого анализа риск ошибочной квалификации остаётся высоким.

В частности, при квалификации значение имеет жанр речевого взаимодействия: публичное выступление политика, редакционная колонка, саркастическое высказывание в творческом тексте и анонимный пост в сети – все эти формы несут различную правовую оценку в силу различной общественной значимости, степени убеждающего воздействия и предполагаемой правовой ответственности. На этом фоне функционирует

критерий «публичности», который должен содержать количественно-качественные параметры: размер аудитории, средство распространения и повторяемость высказывания. В связи с этим требуется нормативная конкретизация понятия «публичность», чтобы правоприменитель мог объективно оценить степень риска причинения вреда, не опираясь на субъективные суждения.

Кроме того, важным элементом соотношения является элемент вины: умысел или неосторожность определяют границы ответственности и соизмеримость наказания. Вследствие чего при оценке ограничений свободы слова суд обязан установить наличие умысла на достижение конкретного вредного результата (например, дискредитация, возбуждение ненависти) либо же отсутствие такого умысла, что зачастую предполагает применение более мягких мер. Отсюда следует, что правоприменительная практика должна уделять должное внимание доказательной базе относительно внутренних установок субъекта высказывания и мотивов его поведения.

На этом фоне необходимо рассмотреть роль процессуальных гарантий: право на опровержение, право на защиту и право на объективную экспертизу являются ключевыми элементами, обеспечивающими баланс интересов. В результате этого вмешательство в свободу слова допустимо лишь при наличии надлежащих процедурных оснований и доказательной базы, подтверждающей общественную опасность высказывания. Таким образом, процедурные гарантии служат инструментом предотвращения произвольного ограничения свободы выражения и одновременно – механизмом защиты потерпевших от речевых посягательств.

Отсюда следует, что нормативное регулирование должно сочетать принцип гибкости с требованием юридической определённости: формулировки в нормах ответственности обязаны быть конкретизированы с опорой на объективные критерии (публичность, массовость, повторяемость, наличие умысла), чтобы избежать неоправданного расширительного толкования и злоупотребления правоприменением. В противном случае неопределённость правовых понятий будет порождать риски ограничения свободы слова и подрыва доверия к правовым институтам.

В итоге, для устойчивого соотношения вербальных правонарушений со свободой слова требуется сочетание чётких критериев разграничения, надёжных процессуальных гарантий и адаптации правовых механизмов к цифровой реальности; только при таком комплексном подходе возможно обеспечить одновременно и защиту личности, и невмешательство в конституционные свободы.

Значительную роль в установлении баланса играет принцип пропорциональности, который требует, чтобы мера ответственности за вербальное правонарушение была адекватна характеру причинённого вреда и целям защиты правовых благ; при этом применение уголовной

репрессии допустимо лишь в случаях, когда административные или гражданско-правовые средства защиты оказываются недостаточными. Исходя из сказанного, законодателю и правоприменителю следует отдавать предпочтение менее репрессивным формам воздействия – опровержению, извинению, компенсации морального вреда – резервируя уголовное преследование для наиболее серьёзных случаев, связанных с систематическим и целенаправленным посягательством на охраняемые блага либо с угрозой общественной безопасности.

В контексте цифровой трансформации коммуникационного пространства особую актуальность приобретает вопрос о распределении ответственности между авторами контента, операторами платформ и пользователями, распространяющими информацию; при этом законодательство должно учитывать технические возможности модерации контента, скорость реагирования на жалобы и механизмы досудебного урегулирования споров. На этом фоне формируется концепция «совместной ответственности», предполагающая, что интернет-платформы должны внедрять системы превентивного контроля и оперативного удаления противоправного контента, не дожидаясь судебных решений; однако такая модель требует тщательной правовой регламентации, чтобы избежать злоупотреблений и необоснованной цензуры со стороны частных операторов.

Важным аспектом является также образовательная и превентивная функция правового регулирования: информирование граждан о границах допустимого в вербальной коммуникации, разъяснение последствий противоправных высказываний и формирование культуры ответственного использования свободы слова должны стать приоритетными направлениями государственной политики. Целесообразно включение в образовательные программы разделов, посвящённых медиаграмотности, цифровой этике и правовым аспектам коммуникации, что позволит снизить количество неумышленных правонарушений и повысить уровень правосознания граждан.

Существенное значение имеет и разграничение сферы частного и публичного интереса при оценке правомерности высказываний: критика публичных должностных лиц и обсуждение вопросов общественной значимости должны пользоваться более широкой защитой, чем высказывания о частной жизни граждан, не связанных с публичной деятельностью. Таким образом, при квалификации вербальных правонарушений суд обязан учитывать общественную значимость темы высказывания, статус объекта критики и наличие публичного интереса к обсуждаемому вопросу, что обеспечивает дифференцированный подход к оценке правомерности речевых актов.

Дополнительным элементом соотношения является взаимодействие между различными отраслями права: гражданско-правовые механизмы защиты чести и достоинства (иски о компенсации морального вреда,

опровержении недостоверной информации) должны рассматриваться как приоритетные по сравнению с административной и уголовной ответственностью, поскольку они обеспечивают более гибкое и индивидуализированное реагирование на вербальные посягательства. Исходя из сказанного, развитие института гражданско-правовой ответственности за распространение порочащих сведений может способствовать снижению количества уголовных дел и созданию более сбалансированной системы защиты прав личности.

Заключение. Таким образом, соотношение вербальных правонарушений со свободой слова и смежными правовыми категориями требует актуализации законодательства о вербальных правонарушениях с учётом развития технологий, изменения коммуникационных практик и эволюции общественных представлений о границах допустимого в публичном дискурсе; такой динамический подход позволит поддерживать адекватность правового регулирования реальным потребностям общества и предотвращать устаревание норм, что особенно важно в условиях стремительной цифровизации коммуникационного пространства.

Исходя из сказанного, соотношение вербальных правонарушений со свободой слова требует тонкой балансировки, при которой правоприменение должно опираться на чёткие критерии разграничения оценочных и фактических высказываний, обеспечить надлежащие процессуальные гарантии и предусмотреть специализированные меры регулирования для цифрового медиапространства.

Список использованных источников

1. Лавицкий, А. А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом / А. А. Лавицкий // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 300 – 314.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Д.С. Тихоновская
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Возрастающая роль цифровой трансформации в развитии транспортно-логистического комплекса обусловила пристальное внимание исследователей к данной проблематике. В научной литературе на сегодняшний день (в числе которых И.В. Музыкин и А.С. Букреева [1], О.В. Липатова и С.Л. Шатров [2], Т.В. Пильгун [3], А.А. Крюкова и Ю.А. Михаленко [4], А.А. Хорошевич [5] и др.) представлены различные

подходы к изучению перспективных направлений цифровизации логистических процессов. В работах указанных исследователей рассматриваются современные инструменты цифровой экономики, анализируются критерии эффективности функционирования логистических систем, а также определяются концептуальные основы цифрового взаимодействия участников транспортного рынка.

Цель исследования: анализ текущего состояния и обоснование перспектив внедрения цифровых технологий в логистические процессы для оптимизации управления цепями поставок. Объектом исследования является Витебское отделение Белорусской железной дороги.

Материалы и методы. Использовались материалы открытых научных публикаций, данные государственной отчетности, методы социально-экономический статистики, методы сравнительного анализа, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Железнодорожный транспорт имеет стратегическое значение в экономике и развитии транзитного потенциала Республики Беларусь в условиях глобальной трансформации логистики. Внедрение цифровых технологий является ключевым фактором повышения конкурентоспособности, однако на практике наблюдается фрагментарность цифровизации, особенно на региональном уровне. Анализ перспектив цифровой трансформации Витебского отделения Белорусской железной дороги важен для синхронизации его работы с общесетевыми проектами (например, развитие коридора «Север-Юг»), повышения прозрачности управления цепями поставок и подготовки к новым интеграционным требованиям ЕАЭС. Это позволит не только выявить «узкие места» в работе конкретного подразделения, но и предложить пути повышения эффективности грузоперевозок в условиях перехода к «цифровой зрелости» отрасли [1, с. 66].

Транспортное республиканское унитарное предприятие «Витебское отделение Белорусской железной дороги» является обособленным структурным подразделением Белорусской железной дороги, подчиненным Министерству транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. Отделение выполняет функции перевозчика, обеспечивая полный спектр транспортно-логистических услуг: грузовые и пассажирские перевозки, погрузочно-разгрузочные работы, складирование и хранение грузов, техническое обслуживание и ремонт подвижного состава. В структуру предприятия входит 21 структурное подразделение, включая дистанции пути, сигнализации и связи, локомотивные и вагонные депо, а также транспортную базу с парком в 100 единиц автотехники, которая обеспечивает доставку локомотивных бригад и хозяйственные нужды [6].

В связи с развитием научно-технического прогресса технологии эволюционируют и уже сейчас могут заменять собой большое количество человеческих ресурсов без потери качества. Автором был проведен анализ

преимуществ и оценка применимости на Витебском отделении Бел.ж.д. основных технологий, применяемых в сфере цифровой трансформации логистических процессов в управлении цепями поставок (в таблице 1.)

Таблица 1 – Анализ технологий, применяемые в сфере цифровой трансформации логистических процессов

Наименование технологии	Преимущества	Оценка применимости
1	2	3
Технология интернета вещей или IoT (Internet of Things)	Технология позволит сократить использование трудовых ресурсов, необходимых для выполнения определенной работы, и поэтому эту технологию следует рассматривать как инструмент для уменьшения вероятности недоиспользования ресурсов и тем самым максимизации прибыли.	применяется
Технология Blockchain	Возможность формирования технологии синхронизированного аудита между организациями, участвующими в процессе поставки в режиме реального времени и оптимизация процессов логистических процессов.	применимо в перспективе
Искусственный интеллект (ИИ) и нейросети	Возможность поддержки принятия решений, обработка больших данных для прогнозирования грузопотоков, технического нормирования, оптимизации графика движения.	применимо в перспективе
Цифровые двойники (Digital Twins)	Возможность для создания виртуальных копий инфраструктуры (пути, станции) и подвижного состава для моделирования и прогнозирования износа без вмешательства в реальные объекты.	применимо в перспективе
Электронный документооборот	Автоматизированные системы подготовки, оформления и визирования перевозочных документов (накладных, вагонных листов, дорожных ведомостей) в электронном виде	применяется

Источник: разработано автором на основе анализа источников

Заключение. Для повышения эффективной деятельности Витебского отделения Белорусской железной дороги необходимо осуществить переход от фрагментарной цифровизации к комплексному внедрению интеллектуальных технологий управления цепями поставок [5]. Ключевыми направлениями здесь выступают применение систем искусственного интеллекта для оптимизации грузопотоков и предиктивной аналитики состояния инфраструктуры, а также развитие технологий Интернета вещей для мониторинга подвижного состава в реальном времени. Перспективным представляется использование блокчейн-

платформ для создания «доверенной среды» и автоматизации взаиморасчетов с контрагентами на основе смарт-контрактов, что позволит минимизировать транзакционные издержки и спорные ситуации. Реализация данных направлений требует не только технологической модернизации, но и интеграции существующих и перспективных решений в единую цифровую экосистему, обеспечивающую сквозную автоматизацию процессов от планирования до контроля исполнения.

Список использованных источников

1. Музыкин, И. В. Цифровые технологии на железнодорожном транспорте / И. В. Музыкин, А. С. Букреева // Промышл. трансп. XXI в. – 2017. – № 3 – 4. – С. 66 – 69.
2. Липатова, О. В. Комплексный подход к оценке эффективности функционирования логистических систем / О. В. Липатова, С. Л. Шатров // Современные концепции развития транспорта и логистики в Республике Беларусь. – Минск, 2014. – С. 208 – 213.
3. Пильгун, Т. В. Перспективы цифрового взаимодействия видов транспорта в логистических цепях поставок / Т. В. Пильгун // Тихомировские чтения: синергия технологии перевозочного процесса : материалы Международной научно-практическое конференции, Гомель, 10–11 декабря 2020 г. / под общ. ред. А. А. Ерофеева. – Гомель : БелГУТ, 2021. – С. 304 – 308.
4. Крюкова, А. А. Инструменты цифровой экономики / А. А. Крюкова, Ю. А. Михаленко // Карел. науч. журн. – 2017. – № 3 (20). – С. 108 – 111.
5. Хорошевич, А. А. Цифровая трансформация цепей поставок на железнодорожном транспорте: базовые элементы и ключевые особенности [Электронный ресурс] / А. А. Хорошевич // Электронная библиотека Белорусского государственного университета. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/284347/(дата обращения 09.03.2026).
6. Витебское отделение Белорусской железной дороги // Официальный сайт РУП «Белорусская железная дорога». – URL: https://vitebsk.rw.by/(дата обращения 09.03.2026).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

К.В. Герман
Научный руководитель: Е.В. Чичина
Минск, БГЭУ

Актуальность темы исследования заключается в необходимости нового научного осмысления правового регулирования труда женщин в Республике Беларусь, которое характеризуется дифференцированным подходом, сочетающим охрану репродуктивного здоровья с обеспечением гендерного равенства. Центральное место в этом механизме занимают законодательные ограничения и запреты на заключение трудовых договоров по отдельным видам работ с вредными и (или) опасными условиями труда [3]. Как отмечается в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь, установление таких ограничений обусловлено

необходимостью особой защиты женщин, требующих повышенной социально-правовой охраны [4].

Значимость исследования обусловлена сохраняющейся дискуссией о балансе между охранительным и дискриминационным эффектами ограничений труда женщин в контексте проводимой Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Республики Беларусь политики по пересмотру и сокращению соответствующего Списка тяжелых работ.

Цель исследования – комплексный анализ правовых норм, регламентирующих заключение трудового договора с женщинами при наличии законодательных ограничений, и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере с учетом современных тенденций развития трудового законодательства Республики Беларусь.

Материал и методы. Особый правовой статус женщин в трудовых отношениях реализуется через дифференциацию законодательства, выражающуюся в двух группах норм: абсолютные запреты на выполнение определенных видов работ (тяжелые, вредные, подземные) и режимные ограничения (ночные и сверхурочные работы, работы в государственные праздники и выходные дни), степень императивности которых зависит от категории женщин (беременные или имеющие детей).

Рассмотрим содержание указанных нормативных предписаний более подробно, которые прописаны в Трудовом кодексе Республике Беларусь (далее – ТК). Согласно ст. 262 ТК запрещается привлечение женщин к тяжелым, вредным, опасным и подземным работам (кроме нефизических и санитарно-бытовых), а также к ручному подъему и перемещению тяжестей сверх установленных предельных норм, если иное не установлено ТК [9]. Список тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин, утверждается Министерством труда и социальной защиты [6]. Предельные нормы подъема и перемещения тяжестей женщинами вручную утверждаются постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь [5]. В ст. 263 ТК установлены запреты и ограничения ночных, сверхурочных работ, работы в государственные праздники, праздничные, выходные дни и направления в служебную командировку женщин. Так, для беременных женщин установлен абсолютный запрет на сверхурочные, ночные, праздничные, выходные работы и служебные командировки; женщины с детьми до четырнадцати лет (детей-инвалидов до восемнадцати лет) могут привлекаться к таким работам только и с их письменного согласия [9].

Нормативную базу данного исследования образуют Конституция Республики Беларусь, ТК (в частности, ст. ст. 262 – 263, регламентирующие запреты и ограничения при привлечении женщин к труду), а также подзаконные нормативные правовые акты. К последним

относятся Список тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин, утвержденный постановлением Министерства труда и социальной защиты и Министерства здравоохранения Республики Беларусь [8], и акты устанавливающие предельные нормы подъема и перемещения тяжестей женщинами вручную [7].

Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы (анализ, синтез, описание, сравнение), так и специально-юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический), системный, логический.

Результаты и их обсуждение. В результате комплексного анализа выявлено, что механизм охраны труда женщин по ТК представляет собой систему норм-запретов и норм-ограничений.

Сравнительно-правовой анализ выявил дифференциацию ограничений по ст. 263 ТК: абсолютный запрет на особые условия труда для беременных (как безусловная гарантия защиты материнства) и диспозитивный режим для женщин с детьми до четырнадцати лет (инвалидов – до восемнадцати лет), допускающий такие работы лишь с их письменного согласия. Данный подход представляет собой обоснованный компромисс между правом на заработок и выполнением семейных обязанностей.

В настоящее время наиболее дискуссионными являются положения ст. 262 ТК, устанавливающие общий запрет на привлечение женщин к тяжелым и вредным работам, который в современной парадигме может трактоваться как дискриминационный, поскольку ограничивает права на свободный выбор профессии (ст. 41 Конституции Республики Беларусь) и может выступать в противоречие с принципом равенства возможностей [2].

В ходе исследования было обращено внимание на зарубежный опыт правового регулирования. В частности, современный подход, закрепленный в Директиве 92/85/ЕЭС, смещает акцент с установления генеральных запретов для всего гендера на оценку риска для конкретного работника [1].

Данный подход предполагает индивидуализацию правового регулирования: ограничения устанавливаются не для всех женщин абстрактно, а для беременных женщин или кормящих матерей с учетом медицинского заключения об имеющихся противопоказаниях.

В российском законодательстве наиболее четко прописана связка между тяжелыми работами, медицинским заключением и обязательностью медосмотров. Так, в ст. 253 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) устанавливаются ограничения (не запреты) применения труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах ограничивается. В ст. 220 ТК РФ «Медицинские осмотры некоторых категорий работников» закреплено, что работники, занятые на вредных и (или) опасных работах, проходят

обязательные предварительные и периодические медосмотры для определения профпригодности и предупреждения профзаболеваний [10]. Как это работает для женщин: женщина не может быть допущена к работе, включенной в специальный перечень («Список тяжелых работ»), без прохождения медосмотра, который подтвердит, что состояние ее здоровья позволяет выполнять эту работу. Результат медосмотра (медзаключение) является юридическим основанием либо для допуска к работе (если здоровье позволяет), либо для отказа в приеме на работу (если работа входит в «женский запрещенный список» или есть противопоказания по здоровью).

Представляется, что в контексте гармонизации законодательства и стремления к гендерному равенству назрела необходимость научного обсуждения возможной реформы ст. 262 ТК. Перспективным направлением видится смещение акцента с абстрактного запрета «для женщин» на оценку индивидуальной способности и желания конкретной женщины выполнять ту или иную работу с учетом медицинского заключения об отсутствии противопоказаний.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) действующее трудовое законодательство создает многоуровневую систему защиту трудовых прав женщин, дифференцированную по категориям работниц;

2) абсолютные запреты в условиях, отличающихся от нормативных, для беременных женщин являются обоснованной и необходимой гарантией охраны материнства;

3) общие профессиональные запреты для всех женщин (ст. 262 ТК) требуют дальнейшего пересмотра, поскольку в современном контексте могут рассматриваться как ограничивающие конституционное право на труд;

4) оптимальным направлением реформирования представляется переход от гендерно-ориентированных запретов к индивидуальной оценке трудоспособности с учетом желания и медицинских показаний, что в большей степени соответствовало бы принципу запрета дискриминации и международным подходам к регулированию труда.

Список использованных источников

1. Директива № 92/85/ЕЭС Совета о мерах, способствующих улучшению безопасности и здоровья беременных, недавно родивших и кормящих работниц : принята 19 окт. 1992 г. // EECOLOG : сайт. – URL: https://eecolog.ru/docs/miQ8fVqwFTVDfoODskyZN/5. (дата обращения: 14.03.2026).

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2026. – 77 с.

3. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь : [сайт]. Минс к, 2021–2026. – URL: https://mintrud.gov.by/ru/ogranichenie-na-trud-zhenshin-ru. (дата обращения: 14.03.2026).

4. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2026. – URL: https://www.law.by/news_en/detail.php?ID=92293 (дата обращения: 14.03.2026).

5. Об установлении предельных норм подъема и перемещения тяжестей женщинами вручную : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 13 окт. 2010 г. № 133 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

6. Об установлении списка тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин : постановление М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь, 12 июня 2014 г., № 35 : в ред. от 06.06.2022 № 35 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

7. Предельные нормы подъема и перемещения тяжестей женщинами вручную // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь : [сайт]. – URL: https://mshp.gov.by/special/ru/ohrana-ru/view/predelnye-normy-podjema-i-peremeschenija-tjazhestej-zhenschinami-vruchnuju-910/. (дата обращения: 26.02.2026).

8. Список тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин : утв. постановлением М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 12.06.2014 № 35 (в ред. от 06.06.2022 № 35) // М-во труда и соц. Защиты Респ. Беларусь: [сайт]. – URL: https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/MTSZ-35.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

9. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 года: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

10. Трудовой кодекс Российской Федерации : от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федеральных законов от 28.12.2025 № 510-ФЗ, от 29.12.2025 № 532-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 14.03.2026).

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА КАК ОДНО ИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е.В. Волкова
Научный руководитель: Т.П. Побяржина
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях переориентации международных связей Республика Беларусь стремится развивать въездной туризм как инструмент «мягкой силы» и источник валютных поступлений. Витебская область обладает уникальным историко-культурным и природным наследием: здесь находятся памятники, связанные с историей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, а также крупнейший в Европе болотный

массив. Приграничное положение с Россией и либерализация визового режима создают условия для привлечения иностранных туристов [2].

Въездной туризм в Витебской области демонстрирует положительную динамику, что свидетельствует о восстановлении туристической отрасли после пандемийного спада и росте интереса к региону со стороны зарубежных гостей. Вместе с тем туристический потенциал Витебской области реализован недостаточно.

Цель исследования – выявление и анализ туристических объектов Витебской области (на примере Миорского, Верхнедвинского и Глубокского районов), представляющих интерес для иностранных туристов, и оценка перспектив их включения в туристические маршруты.

Материал и методы. Объектом исследования выступает туристско-рекреационный потенциал Витебской области, а предметом – совокупность историко-культурных, архитектурных и природных объектов Миорского, Глубокского и Верхнедвинского районов, представляющих интерес для иностранных туристов, а также сопутствующая туристическая инфраструктура. Материалом для исследования послужила краеведческая литература и интернет-ресурсы. Методы исследования: аналитический, описательный, картографический, классификации, синтеза, визуального наблюдения.

Результаты и их обсуждение. Успенская церковь в д. Сарья Верхнедвинского района является уникальным памятником неоготической архитектуры XIX века. Храм из красного кирпича, известный в народе как «каменное кружево», был построен в 1851–1857 годах. Для иностранных туристов объект интересен как редкий для Беларуси образец неоготики и место, связанное с историей рода Лопатинских и романтической легендой [3].

В д. Леонполь Миорского района находится уникальный исторический памятник – мемориальная колонна, воздвигнутая в честь принятия Конституции 3 мая 1791 года – первой в Европе и второй в мире писаной конституции. Памятник расположен в парковой зоне бывшей усадьбы Лопатинских (сама усадьба не сохранилась). В настоящее время колонна требует реставрации, отсутствует информационная табличка, территория не благоустроена. Для иностранных туристов, особенно из Польши, объект представляет исключительную ценность как памятник конституционного наследия.

Город Дисна Миорского района – один из самых маленьких городов Беларуси (около 1,5 тыс. жителей), но при этом сохранивший богатое историко-культурное наследие. Уникальными объектами являются деревянный мост через реку Дисна (один из немногих сохранившихся в Беларуси деревянных мостов) и действующая паромная переправа через Западную Двину. Для иностранных туристов Дисна интересна как пример аутентичного провинциального городка с богатой историей и редкими инфраструктурными объектами.

Костёл Святой Анны в д. Мосар Глубокского района – уникальный сакрально-парковый комплекс, который называют «белорусским Версалем». Храм в стиле классицизма построен в 1792 году на средства полоцкого каштеляна Роберта Бжостовского и освящён в честь Святой Анны. При костёле создан антиалкогольный музей, заложена «аллея трезвости», установлен первый в Беларуси памятник Папе Римскому Иоанну Павлу II (2005 г.), действуют вольеры со страусами, овцами и козами. Сегодня Мосар – один из самых посещаемых туристических объектов Беларуси. Для иностранных туристов он интересен как место паломничества, уникальный ландшафтный комплекс [2].

Республиканский ландшафтный заказник «Ельня» (Миорский район) – крупнейший в Беларуси озёрно-болотный комплекс. Площадь болота – около 20 тыс. га, возраст – примерно 9 тыс. лет. На территории заказника расположено 118 озёр, произрастает 18 видов растений из Красной книги. Заказник является важным местом гнездования и остановки мигрирующих птиц: здесь останавливаются десятки тысяч серых журавлей и гусей. Для туристов оборудована экологическая тропа с деревянным настилом протяжённостью 2,5 км – самая длинная в Европе тропа по болоту. На тропе есть наблюдательная вышка с биноклями. Организованы велосипедные маршруты, прокат велосипедов и болотоступов. Для иностранных туристов «Ельня» – объект мирового уровня для экологического и орнитологического туризма [1,8].

В Миорском, Верхнедвинском и Глубокском районах представлены различные типы средств размещения, которые могут стать базой для знакомства с описанными выше объектами [5].

Миорский район предлагает несколько вариантов для размещения туристов, посещающих заказник «Ельня», Дисну и Леонполь. В самом городе Миоры имеется небольшая гостиница, ориентированная преимущественно на командированных. Однако наибольший интерес для иностранных туристов представляют агроусадьбы: «Жураўліная Ельня» расположена непосредственно на границе заказника «Ельня»; «Хуторок» в деревне Заутье предлагает уединённый отдых на природе; «Тихая» расположена на берегу озера Обстерно в окружении леса; «Берендеево царство» в деревне Орцы, предлагает проживание в деревенском стиле с возможностью рыбалки и сбора грибов и ягод.

Глубокский район также обладает развитой сетью агроусадеб: «Усадьба Якимович» находится в самом городе Глубокое; «Живица» расположена в деревне Долгое; «Краина мар» в деревне Хролы предлагает небольшой уютный домик с тремя спальными местами, стилизованным сеновалом; «Родны кут» в деревне Володьково – одна из самых известных агроусадеб Беларуси, созданная Юлией Бука (усадьба предлагает отдых в аутентичных крестьянских избах с сохранённой старинной мебелью, вышитыми скатертями, возможностью отведать пищу из печи.

Верхнедвинский район также предлагает варианты размещения в агроусадьбах: «Яблоновка» расположена в городе Верхнедвинск на окраине, Усадьба обеспечивает питание из продукции с собственного участка, организует лыжные и велопробежки; «Путешествующий лось» известна своими спортивными традициями (дважды в год (зимой и летом) здесь проводится забег на разные дистанции (4, 7, 10 и 25 км) для всех желающих).

Таким образом, в каждом из исследуемых районов туристы могут найти подходящее размещение – от недорогих аутентичных деревенских домов до более комфортабельных усадеб с широким спектром услуг. Наиболее перспективным форматом для иностранных туристов, посещающих описанные объекты, являются агроусадьбы, позволяющие погрузиться в аутентичную среду, познакомиться с местными традициями и продуктами, а также получить индивидуальный подход от хозяев.

Заключение. Проведённое исследование туристического потенциала Витебской области для иностранных гостей позволяет сделать следующие выводы:

1. исследованные объекты обладают значительным туристическим потенциалом;

2. выявлены основные проблемы: недостаточное развитие инфраструктуры (отсутствие инфощитов на иностранных языках); слабая маркетинговая презентация региона; отсутствие комплексных туристических маршрутов; низкий уровень сервиса и языковой подготовки персонала;

3. перспективное направление – создание маршрута «Северное ожерелье Витебщины»: г. Глубокое – д. Мосар – заказник «Ельня» – г. Дисна – д. Леонполь – опционально д. Сарья с размещением в агроусадьбах. Маршрут на 2 – 3 дня позволит совместить паломнический, историко-культурный, экологический и сельский туризм.

4. Необходимые меры: реставрация колонны в Леонполе, установка информационных щитов на нескольких языках, активное продвижение региона на международных выставках и в интернете, подготовка кадров с языковым уклоном.

Таким образом, туристический потенциал Витебской области для приёма иностранных туристов высок, но требует комплексного подхода к развитию инфраструктуры и созданию качественного турпродукта.

Список использованных источников

1. Безрученок, А. П. Перспективы развития экологического туризма в Беларуси / А. П. Безрученок, И. Н. Шарапо // Туризм и гостеприимство. – 2024. – № 2. –С. 45 – 52.

2. Витебская область: природа, туризм, спорт, отдых / под общ. ред. Л. Л. Прокофьевой. – Витебск: Витебский центр маркетинга, 2005. – 256 с.

3. Габрусь, Т. В. Мураваныя харалы: сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск: Беларусь, 2001. – 287 с.

4. Кулагін, А. М. Каталіцкія храмы Беларусі / А. М. Кулагін. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2008. – 488 с.

5. Ландшафтные заказники Беларуси / под ред. Н. В. Михальчука. – Минск : Белорусская наука, 2019. – 312 с.

6. Официальный сайт Государственного природоохранного учреждения «Ельня». – URL: http://elnya.by (дата обращения 10.03.2026)

7. Туристские регионы Беларуси : справочное издание / под общ. ред. И. И. Пирожника. – Минск : БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – 608 с.

8. Янкевич, Е. М. Оценка состояния и перспектив развития внутреннего туризма в контексте социально-экономических эффектов / Е. М. Янкевич // III Махмутовские чтения. Управление социально-экономическим развитием региона в условиях внешних вызовов : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 15 ноября 2023 г. – Уфа : Мир печати, 2024. – С. 888 – 895.

СЕКЦИЯ 1.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЫНОВЛЕНИЯ

В.А. Андреева
Научный руководитель: Н.А. Маркина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Историческое исследование правовых институов выступает не просто вспомогательным методологическим приёмом, а ключевым инструментом понимания их правовой природы согласно суждениям А.М. Арсламова [1, с. 111 – 112]. Анализ генезиса конкретного института позволяет выявить глубинные закономерности его формирования, проследить, как менялись его функции, смысловые акценты и социальное предназначение под воздействием внешних факторов. В этом контексте обращение к истории становления института усыновления становится неотъемлемым условием его современного научного осмысления.

Материал и методы. Материалом для написания работы послужило национальное конституционное и отраслевое законодательство в сфере регулирования отношений по усыновлению. Основной используемый метод – историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. Институт усыновления впервые появился в контексте римского права, так как именно римская правовая система сформировала представления о частных правовых институтах, в том числе институтов, связанных с происхождением и статусом детей. В Древнем Риме указанный институт обладал патриархальной направленностью, так как в качестве условий усыновления ребенка выступала обязательность принадлежности к мужскому полу как усыновителя, так и усыновляемого. С правовой точки зрения институт регулировался нормами Закона Хаммурапи, который в свою очередь опредлял лишь цель усыновления и содержание его правовых последствий [2, с. 29].

Древнеримское законодательство сформировало фундамент для последующего развития института усыновления в древнебелорусском праве. Статуты Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), как первые кодифицированные акты, регулирующие опеку и попечительство, модифицировали традиционно патриархальный характер усыновления, допускав его осуществление женщиной. Анализ автора Н.А. Журович демонстрирует, что Статуты не разделяли между собой статус опеки родной матери и постороннего лица, закрепляя лишь общую обязанность

обеспечения содержания, воспитания и имущественного управления в отношении несовершеннолетних [3, с. 124].

В то же время нормы права ВКЛ содержали комплекс требований к опекуну, назначаемому вследствие смерти родителя, что свидетельствует о раннем выделении опеки в самостоятельный правовой механизм, функционально близкий современному усыновлению.

Согласно Статуту ВКЛ 1588 года, первоочередным опекуном признавалось лицо, указанное в завещании; при его отсутствии действовала установленная законом очередь кандидатов. Опекун должен был отвечать ряду критериев: зрелость, добросовестность, набожность, имущественная обеспеченность, проживание в том же повете и происхождение из ВКЛ, что исключало участие иностранцев [6, с. 407].

От правовой системы ВКЛ современное право унаследовало принцип строгой оценки личности кандидата, направленной на защиту интересов ребёнка. Однако современная модель базируется на судебном решении, тогда как в ВКЛ основанием служило завещание либо назначение по закону.

После присоединения белорусских земель к Российской Империи в конце XVIII века институт усыновления был трансформирован в соответствии с имперской сословной системой. Указ от 11 октября 1803 года впервые законодательно закрепил право бездетных дворян усыновлять ближайших родственников, фактически рассматривая усыновление как средство сохранения фамилии, имущества и статуса рода. Регулирование сосредотачивалось не на интересах ребёнка, а на сословной принадлежности и способности усыновителя обеспечить преемственность семейно-имущественных прав. Ряд ограничений, включая запрет усыновлять при наличии собственных детей, также отражал отсутствие универсальной правовой природы института [2, с. 30].

Кардинальный шаг в сторону его модернизации был сделан с принятием Закона «О детях усыновленных и узаконенных» от 12 марта 1891 года. Закон впервые обеспечил комплексное регулирование усыновления, существенно расширив круг лиц, имеющих право быть усыновителями: им могло стать любое лицо старше 30 лет, не имеющее собственных детей, вне зависимости от сословия. Религиозный фактор утратил ключевое значение. Закон различал три вида усыновления: по обещанию (основанное на заранее сформированном обязательстве принять ребёнка в семью), усыновление кормилицей (возникавшее вследствие устойчивой эмоциональной и фактической связи между ребёнком и женщиной, осуществлявшей уход) и усыновление в качестве награды (основанное на желании усыновителя выразить благодарность родителю ребёнка за услуги или верность). Таким образом, указанный период повлиял на универсализацию субъектов института усыновления и изменил вектор развития усыновления в сторону рассмотрения его как механизма обеспечения защиты прав несовершеннолетних.

На рубеже XIX – XX вв. усыновление в белорусских губерниях Российской империи регулировалось Сводом законов гражданских и Уставом гражданского судопроизводства. Законодательство впервые установило процессуальные нормы оформления усыновления, дифференцированные по сословиям. Для дворян процедура включала составление нотариального акта, его проверку окружным судом с участием органов опеки и окончательное утверждение судебной палатой, обеспечивая государственный контроль. При этом усыновлённый не имел равных с кровным ребёнком прав.

В 1918 году институт усыновления упразднили в связи с тем, что бедные слои населения, по мнению государства, не могли обеспечить должную защиту прав и свобод детей. Кроме того, отмена усыновления позволяла обеспечить реализацию Декрета 1919 года «Об отмене наследования», который ограничивал наследственную массу определенным лимитом, но допускал обеспечение иждивенцев наследодателя (следовательно, и усыновленных детей). Однако в 1927 году данный институт был восстановлен и получил свое дальнейшее развитие.

Например, Кодекс о браке, семье и опеке 1926 года сформировал нормативную определенность данного института. Усыновление рассматривалось как мера, направленная исключительно на обеспечение надлежащего воспитания и содержания малолетних и несовершеннолетних. Оно производилось постановлением органов опеки, которые проверяли личность усыновителя, его способность выполнять родительские функции, а также согласие родителей, опекунов, супруга усыновителя и ребёнка старше десяти лет. При этом несоблюдение требований о согласии не делало усыновление абсолютно недействительным, а юридические последствия полностью приравнивали усыновлённых к кровным детям [2, с. 125].

Кодекс о браке и семье БССР от 13 июня 1969 года впервые закрепил тайну усыновления как правовой принцип, направленный на усиленную защиту прав несовершеннолетних. Кроме того, указанный правовой акт закрепил специальные основания для усыновления без согласия родителей, что адаптирует институт к реальной защите детей, оставшихся без надлежащего родительского попечения. Данный правовой акт также установил требования к обязательной регистрации в органах ЗАГС факта усыновления по месту вынесения решения, что усилило статус усыновления как юридического факта [5].

Эти и другие изменения в последствии были перенесены в Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №278-З (далее – КоБС) [4], содержание которого учитывало все основные тенденции эволюции советского и постсоветского семейного законодательства. Тем не менее, институт претерпел и изменения: в частности, кодифицированный акт закрепил понятие усыновления, исчерпывающий перечень категорий детей, в отношении которых допускается усыновление;

систематизировал порядок усыновления в рамках единой нормы кодекса. В части процедуры осуществления усыновления – сегодня оно осуществляется в порядке особого производства в суде.

Заключение. Таким образом, институт усыновления прошёл многовековую эволюцию, которая включает шесть ключевых этапов. В античном периоде усыновление ограничивалось мужским полом усыновителя и усыновляемого и регулировалось римским правом и Законом Хаммурапи, закладывая базовые правовые принципы института. В Средневековье, по нормам Статутов ВКЛ, допускалось участие женщин, формировалась опека как самостоятельный механизм и вводились критерии оценки усыновителей, что обеспечивало защиту интересов ребёнка. В Российской империи институт имел сословную направленность, ограничивал наследственные права усыновлённых и акцентировал сохранение фамилии и имущества. Раннесоветский период (1927–1960-е гг.) закрепил нормативную определённость усыновления, административное регулирование органами опеки, проверку личности усыновителя и юридическое приравнивание усыновлённых к кровным детям. Позднесоветский этап (1969 г.) усилил защиту ребёнка через тайну усыновления, расширение оснований для усыновления без согласия родителей и обязательную регистрацию в ЗАГС.

Данные этапы развития повлияли на современное положение института усыновления, который характеризуется унификацией процедуры через судебное производство, закреплением исчерпывающего перечня детей, подлежащих усыновлению, и усилением правовой определённости и защиты интересов ребёнка.

Список использованных источников

1. Арсланов, К. М. Исторический метод и современные цивилистические исследования / К. М. Арсланов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 101 – 114.

2. Архипов, И. Н. История становление института усыновления (удочерения): от Древнего Рима до современной России / И. Н. Архипов // Universum: экономика и юриспруденция. – 2022. – №1 (88). – С. 29 – 31.

3. Журович, Н. А. История развития института усыновления (удочерения) в республике Беларусь / Н. А. Журович // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : сб. науч. трудов / Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2023. – С. 123 – 127.

4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 года №278-З: принят Палатой представителей 3 июн. 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июл. 2025 г. №86-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.12.2025).

5. Об утверждении Кодекса о браке и семье Белорусской ССР: Закон Бел. ССР от 13 июня 1969 г. (утратил силу) // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1969. – №17. – Ст. 278.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. СЭ, 1989. – 573 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ ЛИЦ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО КОЛЛЕКТИВНОМУ ИСКОВОМУ ЗАЯВЛЕНИЮ

В.Д. Аниськова
Научный руководитель: Е.В. Чичина
Минск, БГЭУ

Зародившись в странах англосаксонской правовой системы и доказав свою эффективность при разрешении споров с множественностью лиц на стороне истца, институт коллективного иска в последние десятилетия получает все более широкое распространение в государствах континентального права [1, с. 57]. В частности, с 1 января 2026 года Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) пополнился новой главой, регламентирующей производство по коллективным исковым заявлениям.

Адаптация англосаксонской модели к континентальной правовой традиции неизбежно порождает необходимость переосмысления устоявшихся процессуальных конструкций, в первую очередь касающихся правового статуса участников на стороне истца.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили положения главы 28 КГС, регламентирующей производство по коллективным исковым заявлениям, а также нормы ст. 63 КГС, закрепляющие институт процессуального соучастия. Теоретическую основу составили труды белорусских и зарубежных процессуалистов, в частности Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Д.В. Магони, Д.Я. Малешина, Э. Портер, П.Д. Сачавой. Методологическую основу работы образуют формально-юридический метод, примененный при анализе содержания правовых норм; сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить белорусскую модель коллективного искового заявления с зарубежными подходами; метод системного анализа, использованный для выявления сущностных различий между процессуальным положением соистцов и членов группы лиц в производстве по коллективному исковому заявлению.

Результаты и их обсуждение. Исторически в странах континентального права институт коллективных исков не признавался. Основным аргументом данной позиции являлось наличие института процессуального соучастия, который, по мнению многих ученых, позволяет эффективно защищать нарушенные права группы лиц. Дискуссии по данной теме доходили до того, что отдельные авторы с некоторыми оговорками уподобляли соистцов заявителям по

коллективному исковому заявлению [2, с. 470]. Действительно, внешнее сходство очевидно: в обоих случаях на стороне истца выступает множественность лиц, объединенных общим интересом.

С течением времени и усложнением общественных отношений, порождающих массовые однородные нарушения, возникла потребность в специальном процессуальном механизме, способном обеспечить защиту прав значительного числа лиц в одном производстве [3, с. 76]. Показательным примером служит Швеция, где в Кодексе юридической процедуры (The Swedish Code of Judicial Procedure) предусмотрен институт соучастия, а Закон о групповых исках (Group Proceedings Act) регулирует частные, публичные и организационные групповые иски.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что процессуальное положение заявителей по коллективному исковому заявлению принципиально отличается от статуса соистцов в классическом процессуальном соучастии. Ключевое различие заключается в наличии либо отсутствии процессуальной самостоятельности у лиц на стороне истца. При активном процессуальном соучастии каждый из соистцов выступает в процессе самостоятельно (ч. 2 ст. 63 КГС), что предполагает независимость процессуальных действий одного соучастника от других и отсутствие обязанности согласовывать правовые позиции. Соистцы могут поручить ведение дела одному из них, однако такое поручение является их правом, а не обязанностью (ч. 4 ст. 63 КГС).

В производстве по коллективному исковому заявлению наблюдается иная модель организации множественности лиц. Согласно ч. 1 ст. 327 КГС, из числа первоначальных заявителей выделяется уполномоченное лицо, которое ведет дело в интересах всей группы, концентрируя в своих руках весь объем процессуальных прав и обязанностей истца. Иные члены группы – как те, кто изначально значился заявителем наряду с уполномоченным, так и лица, присоединившиеся к требованию впоследствии, – осуществляют свои права исключительно через уполномоченного. Их самостоятельные правомочия носят достаточно ограниченный характер и исчерпываются правом на обжалование, возможностью знакомиться с материалами дела, ходатайствовать о замене уполномоченного лица, присутствовать в судебном заседании, либо отказаться от поданного заявления о присоединении (ст. 328 КГС).

Существенные различия прослеживаются и в порядке совершения распорядительных действий. При процессуальном соучастии отказ от иска одного из соистцов не влечет прекращения производства по требованиям остальных вследствие упомянутой выше процессуальной самостоятельности. В производстве по коллективному исковому заявлению распорядительные действия совершаются уполномоченным лицом от имени всей группы, и их правовые последствия распространяются на всех присоединившихся членов. Ст. 327 КГС, регламентирующая процедуру отказа уполномоченного от иска, содержит

важные гарантии: суд откладывает разбирательство и предоставляет группе срок для замены уполномоченного, однако если такая замена не производится, иск оставляется без рассмотрения. При этом члены группы не наделяются правом самостоятельно продолжать процесс, а лишь получают возможность выйти из него для последующей индивидуальной защиты. Данная конструкция призвана обеспечить баланс между коллективным характером защиты и правами отдельных участников, которые могут быть не согласны с позицией уполномоченного лица.

Принципиальное различие прослеживается и в природе связи правоотношений, лежащих в основе множественности лиц. Процессуальное соучастие возникает, когда соистцы являются субъектами либо одного общего, либо нескольких связанных между собой материальных правоотношений. При этом каждый из них обладает собственным материально-правовым интересом, который может быть защищен независимо [4, с. 142]. В производстве по коллективному исковому заявлению, хотя права членов группы являются однородными и основаны на схожих фактических обстоятельствах (ч. 1 ст. 325 КГС), процесс строится таким образом, что интерес группы консолидируется и представляется уполномоченным лицом: доказывание оснований ответственности ответчика осуществляется централизованно.

Особого внимания заслуживает вопрос о распределении судебных расходов. В процессуальном соучастии каждый соистец самостоятельно оплачивает государственную пошлину пропорционально своим требованиям и несет риск возмещения судебных издержек при проигрыше дела. В производстве по коллективному исковому заявлению именно уполномоченное лицо несет обязанность по уплате судебных расходов (ч. 2 ст. 327 КГС). Это подчеркивает особую роль уполномоченного лица как центральной фигуры в коллективном производстве.

В зарубежной доктрине для описания исследуемых конструкций используются две теоретические модели. Первая – «модель присоединения» (joinder model), которая рассматривает всех членов группы в качестве полноправных сторон процесса. Вторая – «представительская модель» (representational model), согласно которой только уполномоченные лица являются сторонами, а остальные члены группы рассматриваются как представляемые лица [5, с. 712]. Анализ положений главы 28 КГС позволяет сделать вывод, что институт коллективного искового заявления по белорусскому законодательству не может быть однозначно отнесен ни к одной из указанных моделей в чистом виде, а представляет собой гибридную (смешанную) конструкцию, сочетающую элементы обеих моделей.

С одной стороны, была воспринята ключевая идея представительской модели: уполномоченное лицо, выделяемое из числа первоначальных заявителей, выступает от имени всей группы, концентрируя в своих руках весь объем процессуальных прав и обязанностей истца, в то время как

иные члены группы занимают пассивную позицию, сохраняя за собой лишь отдельные контрольные правомочия, предусмотренные ст. 328 КГС.

С другой стороны, член группы не становится участником процесса в силу одного лишь наличия материально-правового требования – для этого необходимо его активное волеизъявление, выраженное в подаче заявления о присоединении к коллективному исковому заявлению (ч. 5 ст. 325 КГС). Такое нормативное решение отражает элемент модели присоединения, поскольку судебная защита предоставляется только тем лицам, которые явно выразили желание участвовать в коллективном производстве.

Заключение. Процессуальное соучастие предполагает параллельное существование нескольких самостоятельных истцов, каждый из которых обладает полным набором процессуальных прав и действует независимо. Производство по коллективному исковому заявлению представляет собой особую процессуальную конструкцию, при которой множественность лиц сочетается с единством процессуального представительства: группа выступает в лице уполномоченного, а остальные участники, добровольно присоединившиеся к требованию, занимают пассивную позицию, сохраняя за собой лишь контрольные правомочия, предусмотренные ст. 328 КГС.

Члены группы лиц, присоединившиеся к коллективному исковому заявлению, обладают двойственным статусом: с одной стороны, они являются носителями материально-правового требования, с другой – их процессуальные возможности существенно ограничены по сравнению с классическими соистцами, что позволяет рассматривать их как особую разновидность лиц, участвующих в деле, не совпадающая по объему прав ни с истцом, ни с третьим лицом. Такая конструкция обеспечивает баланс между коллективным характером защиты и процессуальной экономией, позволяя эффективно разрешать значительное количество однородных требований без излишнего усложнения процесса.

Список источников

1. Magonya, D. Class Actions in Russia / D. Magonya // Russian Law Journal. – 2013. – Vol. 1, № 1. – P. 57 – 63.

2. Сачава, П. Д. К вопросу о процессуальном статусе члена группы в коллективном иске по Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь / П. Д. Сачава // Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2024 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, г. Минск, 14 нояб. 2024 г. / Бел. гос. ун-т ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Мн. : 2025. – С. 468 – 470.

3. Малешин, Д. Я. Российская модель группового иска / Д. Я. Малешин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 4. – С. 70 – 87.

4. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – Изд. 3-е. – Мн. : БГУ, 2020. – 379 с.

5. Porter, A. Parties or Not?: The Status of Absent Class Members in Rule 23 Class Actions / A. Porter // Virginia Law Review. – 2023. – Vol. 109, № 3. – P. 711 – 748.

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ

С.А. Бабич, М.Н. Лагун
Научный руководитель: Е.В. Чичина
Минск, БГЭУ

В соответствии с ч. 3 ст. 41 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы [1].

Профессиональные союзы в Республике Беларусь определены Законом от 22.04.1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах» (далее – Закон). Согласно ст. 1 Закона, это добровольная общественная организация, объединяющая граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе получающих профессионально-техническое, среднее специальное, высшее, научно-ориентированное образование, связанных общими интересами по роду деятельности как в производственной, так и непроизводственной сферах, для защиты и реализации трудовых, социально-экономических прав и интересов [6].

Актуальность данной темы обусловлена современными вызовами на рынке труда, обозначенными в Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026 – 2030 годы. Для их эффективного преодоления важно учитывать не только экономические интересы нанимателей и государства, но также права и интересы работников.

Цель исследования: рассмотреть теоретические основы деятельности профессиональных союзов и соотнести их с актуальной ситуацией на рынке труда. Выработать рекомендации для реализации защитной функции и обеспечения занятости населения профессиональными союзами, учитывая положения Программы. При этом представляется важным рассматривать защитную функцию профсоюзов не только в контексте реагирования на индивидуальные трудовые споры, но и с точки зрения их участия в формировании условий эффективной занятости населения – через влияние на законотворческий и бюджетный процессы, механизмы адаптации уязвимых категорий граждан на рынке труда.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили научные труды Д. Д. Куприянчика и В. И. Смолярчука, а также современное законодательство о труде и законодательство о занятости населения Республики Беларусь.

Используемые методы – системный, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Участие в планировании бюджетов и внесение предложений по изменению и дополнению трудового и

социально-экономического законодательства – один из путей реализации профсоюзами их целей и задач.

Из легального определения профсоюза вытекает, что основным направлением его деятельности является защитная функция – защита и расширение социально-трудовых прав и интересов работников. Также профсоюзы в социально-трудовых отношениях рыночного общества выступают в роли социальных амортизаторов, направляя развитие неизбежных противоречий и даже конфликтов общества рыночной экономики в конструктивное русло. Преимущество профсоюзов в том, что они находятся рядом с работником и всегда могут и должны оперативно реагировать, используя права, предоставленные им законом.

Защищая интересы работников, профсоюзы обязаны осуществлять контроль за соблюдением законодательства при заключении и расторжении трудовых договоров и контрактов всеми нанимателями, независимо от их формы собственности. Например, если трудовой договор или контракт не соответствует требованиям закона, коллективному договору или соглашениям, представители профсоюзов имеют право требовать от нанимателя внести изменения в условия договора в интересах работника – члена профсоюза. Поэтому активная роль профсоюзных организаций в защите прав работников особенно важна при заключении, продлении и заключении новых трудовых договоров и контрактов. Участие представителя профсоюза на этих этапах способствует улучшению трудовых отношений, созданию комфортных условий труда и защите конституционного права на труд. Наиболее частыми нарушениями трудовых прав являются случаи, возникающие при прекращении трудовых отношений. Незаконное увольнение, лишающее работника возможности трудиться по своей профессии и получать доход, представляет собой серьёзное нарушение трудового законодательства [2, с. 315].

Мнение большинства исследователей обобщил В.И. Смолярчук, который отмечал: несмотря на то, что «профсоюзы нашей страны выполняют ряд государственных функций, не становятся в этой связи органами государства. Они продолжают оставаться массовыми общественными организациями работников … содержание их функций остается тем же, но способ их осуществления меняется … становится более демократичным» [3, с. 18].

Следует отметить, что усиление роли профсоюзов и необходимость расширения их полномочий является закономерным явлением для современного белорусского общества. Усиление защитных функций профсоюзов в условиях рыночной экономики связано с наличием нарушений трудовых прав и законных интересов граждан. Практика показывает, что эти нарушения не убывают, и потому главной задачей профсоюзов становится существенное сокращение подобных случаев.

Правильное понимание защитной функции профсоюзов на каждом историческом этапе развития Беларуси помогает глубже осознать природу

этих организаций и определить их актуальные задачи. При этом важно обратить внимание на дефицит теоретических исследований по деятельности профсоюзов в трудовой сфере за последние десятилетия [6, с. 327].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 2025 г. № 699 утверждена Государственная программа «Сбалансированный рынок труда» на 2026-2030 годы. В рамках Программы утверждена подпрограмма 1 «Рынок труда». В указанной подпрограмме обращается внимание на ряд особенностей ситуации на рынке труда:

- малочисленный выход поколения детей, рожденных в 1990–2010 годах

на рынок труда и уход с рынка труда многочисленного поколения 1960-х годов, обусловленные старением населения;

- в прошедшем десятилетии численность занятых в экономике имела тенденцию к сокращению: если в 2016–2020 годах она уменьшилась на 86 тыс. человек, то с начала 2021 года по июнь 2025 г. – на 152,5 тыс. человек;

- благодаря реализованным в стране мерам по консолидации внутренних трудовых ресурсов увеличивается численность молодежи, впервые «вошедшей» на рынок труда (до 13,9 тыс. человек за январь – март 2025 г.), работающих пенсионеров (до 470 тыс. человек) и работающих инвалидов (до 72 тыс. человек);

- высокий спрос на рабочую силу в таких видах экономической деятельности, как промышленность, торговля, сельское хозяйство, строительство, транспорт, образование, здравоохранение. Около 70 процентов вакансий – по рабочим профессиям;

- центростремительная внутренняя миграция, диспаритет оплаты труда между городами и сельской местностью.

Ключевыми направлениями подпрограммы 1 «Рынок труда», ориентированными на нужды нанимателей, станут:

- снятие регуляторных барьеров и «быстрый вход» на рынок труда (сокращение сроков подготовки кадров, введение механизма «частичной квалификации» (для активации трудового потенциала лиц, имеющих возможность реализовать часть трудовой функции, а не профессии в целом), установление современных требований к компетенциям);

- развитие гибких режимов труда и дистанционных форм занятости;

- расширение возрастных границ найма (стимулирование длительной трудовой деятельности путем активизации молодежной занятости и труда лиц старше трудоспособного возраста);

- расширение доступа нанимателей к финансовой поддержке в целях обучения работников, создания рабочих мест для трудоустройства молодежи и лиц с ограниченными возможностями;

- повышение эффективности организации труда, в том числе за счет улучшения качественного состава руководящих кадров (увеличение доли управленцев с бизнес-образованием) и развития института наставничества;

- цифровизация бизнес-процессов в сфере занятости (расширение функционала информационного портала государственной службы занятости, перевод государственных услуг в сфере занятости в электронный формат).

Ключевыми направлениями Государственной программы в части охраны труда являются:

- улучшение условий труда в организациях за счет механизации и автоматизации производственных процессов, модернизации средств коллективной защиты;

- реализация мероприятий, направленных на предупреждение (профилактику) гибели и травмирования работников в организациях, на основе мониторинга состояния и анализа причин производственного травматизма;

- перевод взаимодействия органов государственного управления с организациями по вопросам охраны труда в электронный формат;

- укомплектование служб охраны труда квалифицированными кадрами;

- пропаганда культуры безопасного труда [4].

Осмысление выделенных в Программе тенденций позволяет перевести защитную функцию профсоюзов из сугубо правозащитной плоскости (реагирование на нарушения) в плоскость превентивную. Сегодня защита трудовых прав работников означает не только общественный контроль за соблюдением нанимателем законодательства о труде и об охране труда, но и активное участие в создании таких условий на рынке труда, которые минимизируют риски безработицы, дискриминации и социально-трудовой изоляции.

Согласно приведенным выше направлениям и тенденциям на рынке труда за последнее время, можно сформулировать следующие предложения направлений деятельности профсоюзов, которые согласуются с программными положениями и могут быть учтены профсоюзами, чтобы помочь улучшить условия работников и обеспечить их занятость в рамках реализации Программы:

- содействовать введению понятия «частичная квалификация», что поможет разграничить его среди других смежных понятий, а также сместить фокус на более узконаправленные специальности и работников, реализующих часть трудовой функции; такая возможность предусмотрена ч. 3 ст. 6 Закона, и будет способствовать занятости таких категорий граждан, которые не могут освоить весь объем квалификационных компетенций (лица с особенностями психофизического развития и иными особенностями здоровья), обеспечивая им доступ к выполнению посильных трудовых действий;

- в рамках механизма социального партнерства инициировать обсуждение вопросов сбалансированного территориального развития, используя право на участие в планировании республиканского и местных бюджетов (ч. 5 ст. 6 Закона), с целью акцентировать внимание на необходимости создания рабочих мест в небольших городах и сельской местности и тем самым снизить нагрузку на город Минск и областные центры;

- содействовать развитию механизмов субсидируемой занятости и адаптации молодежи на рынке труда, используя право внесения предложений по изменению и дополнению законодательства о труде и законодательства о занятости. В частности, профсоюзы могли бы участвовать в информировании нанимателей и работников о возможностях трудоустройства молодежи с частичной компенсацией государством затрат на оплату труда, а также инициировать расширение перечня организаций, участвующих в таких программах, способствовать развитию института наставничества на локальном и отраслевом уровне для закрепления молодых специалистов на рабочих местах.

Заключение. Таким образом, предложенные на перспективу направления деятельности позволяют реализовать защитную функцию профсоюзов в ее широком, превентивном значении, обеспечивая основные цели и задачи профсоюзов по защите прав и законных интересов работников и содействию занятости населения. Они также способствуют реализации Программы и дополнению действующего законодательства в соответствии с предложенными в ней мерами и нововведениями.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск : Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2025. – 80 с.

2. Куприянчик, Д. Д. Защитная функция профсоюзов и ее реализация в нормах трудового права Республики Беларусь / Д. Д. Куприянчик // Наука и современность. – Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2013. – С. 313 – 317.

3. Смолярчук, В. И. Права профсоюзов в регулировании трудовых отношений рабочих и служащих / В. И. Смолярчук. – М.: Профиздат, 1973. – 176 с.

4. О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026 – 2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь 2 декабря 2025 г. № 699 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

5. О профессиональных союзах: Закон Респ. Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З // Эталон. Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 04.03.2026).

6. Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20 – 21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 324 – 327.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И ИНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ АНТИКОРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Д. Бахмат
Научный руководитель: Т.П. Иванова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

На протяжении всех исторических периодов коррупция являлась одной из причин, препятствующих государственному и социально-экономическому развитию обществ. Данная проблема и сейчас сохраняет в определенной степени свою актуальность для всех стран мира. Каждое из государств к настоящему времени наработало свой национальный опыт противодействия масштабному явлению коррупции.

Цель работы: изучить систему государственных органов, ответственных за контроль и профилактику коррупционных правонарушений в Республике Беларусь, их функции, полномочия и эффективность в обеспечении антикоррупционной политики страны.

Материалы и методы исследования. Материалами для исследования послужило антикоррупционное законодательство Республики Беларусь. Методы исследования: анализ, синтез, формально-правовой.

Результаты и их обсуждение. Борьба с коррупцией осуществляется государственными органами и иными организациями посредством комплексного применения мер в соответствии с Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Согласно статье 9 Закона «О борьбе с коррупцией» государственные органы и иные организации участвуют в борьбе с коррупцией в пределах своей компетенции и в соответствии с актами законодательства [5; 4].

Противодействие коррупции осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности Республики Беларусь. Государственным органом, ответственным за организацию борьбы с коррупцией, является Генеральная прокуратура Республики Беларусь.

В борьбе с коррупцией участвуют такие государственные органы и иные организации, как: Следственный комитет, органы Комитета государственного контроля, Государственный таможенный комитет и таможни, Государственный пограничный комитет и иные органы пограничной службы, Министерство по налогам и сборам и его инспекции, Министерство финансов и его территориальные органы, Национальный банк, другие банки и небанковские кредитно-финансовые организации. Порядок взаимодействия всех названных структур определяется нормами законодательства. Другие государственные органы и иные организации также участвуют в борьбе с коррупцией в пределах своей компетенции.

В целях обеспечения организации борьбы с коррупцией Генеральная прокуратура Республики Беларусь аккумулирует информацию о фактах, свидетельствующих о коррупции; анализирует эффективность применяемых мер по противодействию коррупции; координирует правоохранительную деятельность иных государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией; осуществляет надзор за исполнением руководителями государственных органов и иных организаций требований законодательства в сфере борьбы с коррупцией и в случае выявления правонарушений принимает меры по привлечению лиц, их совершивших, к ответственности. То есть полномочия Генеральной прокуратуры носят комплексный характер, охватывают весь спектр антикоррупционной деятельности.

Согласно законодательству определена обязанность всех государственных органов и организаций предоставлять органам прокуратуры сведения об имеющих место фактах коррупции.

Кроме разработанного национального законодательства Республика Беларусь придерживается международных правовых актов по данной тематике. С 2007 года активно взаимодействуют генеральные прокуратуры (прокуратуры) государств СНГ в сфере противодействия коррупции. С 2015 года в связи с вхождением Беларуси в ЕАЭС продолжается совершенствование нормативной правовой базы – изменены меры, связанные с перемещением товаров через таможенную границу, введены новые правовые нормы по стимулированию граждан, помогающих выявлять коррупционные правонарушения [2, с. 35, 47].

Исследователи из Республики Татарстан обращают внимание на созданную в Беларуси единую систему государственных органов и организаций, ведущих борьбу с коррупцией, межведомственное сотрудничество [1, с. 46]. Российские исследователи отмечают и опыт Генеральной прокуратуры Беларуси по проведению криминологической экспертизы нормативных правовых актов, роль прокурорского надзора в раннем предупреждении преступности [7, с. 72 – 73].

Некоторые полномочия и обязанности в сфере противодействия коррупции закреплены за специализированными службами и ведомствами Беларуси, что также регулируется соответствующим национальным законодательством, в том числе в части обеспечения их эффективности.

Национальная система мер по борьбе с коррупцией предусматривает и создание специализированных органов, в качестве которых выступают являются координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией. Они создаются на всех уровнях: республиканском, городском, районном, в отдельных государственных органах и организациях. Республиканское Координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией создано по Указу Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. и носит межведомственный характер.

Генеральная прокуратура, Совет министров, Следственный комитет, Комитет государственного контроля приняли совместное постановление 30 декабря 2014 г., которое знаменовало новый этап по унификации требований к деятельности государственных органов и иных организаций в борьбе с коррупцией.

О важности и значимости исследуемой проблемы свидетельствует и создание межведомственной комиссия по борьбе с преступностью при Совете Безопасности Республики Беларусь.

Мероприятия по противодействию коррупции разрабатываются в соответствии с функциями и специализацией конкретных государственных органов и в соответствии с законодательными нормами.

Руководители учреждений и организаций наделены достаточно широкими полномочиями согласно статье 43 Закона «О борьбе с коррупцией» [5]. Они ответственны в конкретном государственном учреждении (организации), которым руководят, за работу всей комиссии, основные функции, задачи и компетенция которой определены Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции [6]. Не только систематизация информации о коррупционных правонарушениях, но и стремление выявить коррупционные риски, принять меры для их устранения можно назвать в качестве основных функций комиссии по противодействию коррупции [6].

Осуществляемая государственными органами и иными организациями Республики Беларусь деятельность является системной и направлена не только на борьбу с исследуемым правонарушением, но и на профилактическую работу, устранение причин и условий, способствующих возникновению коррупции.

Важно регулярное профессиональное развитие сотрудников, включающее участие в семинарах, конференциях и специальных тренингах по вопросам борьбы с коррупцией, организация обучения и повышения квалификации в сфере антикоррупционной политики.

Заключение. Рассмотренная структура государственных органов, созданных в Беларуси для выполнения функций по противодействию коррупции, свидетельствует о детальной разработке, подготовке и принятии целой системы мер для борьбы с таким негативным явлением, как коррупция. Объединение усилий различных правоохранительных служб в единую систему позволяет сформировать и общую стратегию актикоррупционной деятельности в государстве. Функции компетентных государственных органов раскрыты в национальном законодательстве. Разработанные меры направлены на эффективную деятельность по борьбе с коррупцией. Важным аспектом является создание условий для регулярного профессионального развития сотрудников. Необходимо целенаправленно создавать и совершенствовать системы информационной поддержки и обучения персонала. Это обеспечит компетентность работников, повысит эффективность принимаемых мер и снизит

вероятность возникновения коррупционных правонарушений. В конечном итоге, такая комплексная работа будет способствовать формированию более прозрачной и подотчетной системы государственного управления, укрепит доверие граждан к институтам власти и будет способствовать развитию правового государства.

Список использованных источников

1. Гусева, Л. А. Антикоррупционная политика в Республике Беларусь / Л. А. Гусева, Р. Н. Фаизова // Вестн. научн. трудов «Юрист». – Казань: Акад. социальн. образования, 2020. – С. 272 – 281. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32519290 (дата обращения: 08.02.2026 г.).

2. Иванов, А. А. Конституционные основы противодействия коррупции в Республике Беларусь как участника Евразийского экономического союза / А. А. Иванов // Право и современные государства. – 2016. – № 5. – С. 34 – 49. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27705508 (дата обращения: 10.02.2026 г.).

3. Кийко, Н. В. Антикоррупционная политика и законодательство Республики Беларусь / Н. В. Кийко, Т. Г. Терещенко // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. – 2016. – № 1(33). – С. 38 – 45. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25727033_90128457.pdf (дата обращения: 08.02.2026 г.).

4. Методические материалы по вопросам организации антикоррупционной работы в государственных органах и организациях / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь; сост. : Д. Ю. Гора [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Белорус. Дом печати, 2021. – 296 с.

5. О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З; принят Палатой представителей 26 июня 2015 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015г. : с доп. и изм. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126–З // ЭТАЛОН : информ. – поисковая система (дата обращения: 08.02.2026 г.).

6. Об утверждении Типового положения о комиссии по противодействию коррупции : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 26.12.2011 № 1732 // ЭТАЛОН : информ. – поисковая система (дата обращения: 09.02.2026 г.).

7. Субанова, Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы в Российской Федерации и Республике Беларусь : сравнительно-правовые аспекты / Н. В. Субанова, Ш. М. Магомедова // Вестн. ун-та прокуратуры Российск. Фед. – 2023. – № 5 (97). – С. 69 – 79. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55078347 (дата обращения: 08.02.2026 г.).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ БРАКА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.О. Берговина
Научный руководитель: И.Ф. Гребенщикова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях интенсивной глобализации возрастает количество браков с иностранным элементом, что актуализирует вопросы их заключения и правового признания. Целью исследования является анализ особенностей правового регулирования заключения и признания браков с иностранным элементом в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалами исследования явились нормативные положения, регламентирующие порядок заключения и признание браков с иностранным элементом в Российской Федерации и Республике Беларусь. Использованы следующие методы изучения: диалектический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и метод системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Регулирование исследуемого института осуществляется в рамках международного частного права посредством коллизионных норм, принципа автономии воли сторон и публичного порядка.

Российско-белорусские отношения развиваются в формате союзного взаимодействия. Покинув единое политическое пространство СССР, государства, подтвердив независимость, выбрали путь сохранения близких партнерских связей. Правовую основу этих отношений формируют свыше 200 межгосударственных и межправительственных актов и договоренностей, в т.ч. и в сфере брачно-семейных отношений.

Межнациональные браки стали достаточно распространённым явлением. Сложности правового регулирования обусловлены конкуренцией как минимум двух правовых систем, по-разному трактующих институты брака и семьи. Собственные условия и ограничения для заключения брака, специфика регистрации и правила признания иностранных браков затрудняют положение «иностранных супругов». Тем не менее, вопреки национальным традициям, большинство европейских стран реализуют политику минимизации административных препятствий, упрощения и гармонизации норм в сфере семейных отношений и бракосочетаний.

Помимо основных международных документов, таких как, например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Беларусь и Россия руководствуются региональными международными документами, регулирующими вопросы брака и семьи. В их числе необходимо отметить Минскую конвенцию о правовых отношения и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее – Минская конвенция 1993 г.) и Кишинёвскую конвенцию о правовых отношениях и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция 2002 г.) [2]. Минская и Кишиневская конвенции неразрывно связаны между собой, поскольку последняя была создана на базе первой. Эти конвенции регулируют ключевые аспекты заключение и расторжение брака между

супругами разной гражданской принадлежности, признание брака недействительным и др. вопросы.

Обращаясь к национально-правовому уровню регулирования брачно-семейных отношений, осложнённых иностранным элементом, целесообразно сравнить нормы Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3] и Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [1].

Важность института брака проявляется в признании семьи государством. СК РФ не содержит легального определения брака, ограничиваясь закреплением принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины. Напротив, КоБС даёт чёткую дефиницию, определяя брак, как «добровольный союз мужчины и женщины, заключаемый на условиях, предусмотренных законом, с целью создания семьи и возникновения взаимных прав и обязанностей для сторон» [1].

Как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь признаётся исключительно брак, зарегистрированный в органах загса. Однако, сама процедура, перечень представляемых документов и сроки регистрации брака несколько отличаются. Например, в Республике Беларусь брак регистрируется в срок, согласованный брачующимися, который варьируется в пределах от 3 дней до 3 месяцев. В Российской Федерации брак регистрируется по истечении месяца со дня подачи соответствующего заявления, но не позднее двенадцати месяцев. Как СК РФ, так и КоБС предусматривают возможность регистрации брака в день обращения при наличии особых причин. Условия вступления в брак идентичны и касаются взаимного согласия лиц, вступающих в брак, и достижения брачного возраста, который по общему правилу составляет 18 лет, что значительно упрощает признание таких союзов для трансграничных пар.

Однако возможность снижения брачного возраста регламентирована по-разному. В частности, в Республике Беларусь снижение брачного возраста допускается на три года. Семейное законодательство Российской Федерации на федеральном уровне в качестве общей нормы предусматривает возможность снижения брачного возраста до 16 лет, однако делегирует право законодательным органам субъектов Российской Федерации предусмотреть условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено и до достижения возраста шестнадцати лет. Такие законы приняты более чем в 20 субъектах Российской Федерации (Московской, орловской, Новгородской, Калужской, Тверской, Рязанской областях и др.).

Препятствия для вступления в брак также идентичны и охватывают в совокупности 4 основания: родственные отношения, в т.ч. обусловленные усыновлением; недееспособность одного из брачующихся; наличие уже зарегистрированного брака. Такая идентичность в вопросах регулирования института брака позволяет исключить факт непризнанных или так называемых «хромающих отношений», когда брак, заключенный в одной

стране, не признаются в другой в связи с несоблюдением каких-либо императивных требований национального законодательства.

Правила заключения браков, осложнённых иностранным элементом закреплены в 6 разделе КоБС: 1) браки граждан с иностранными гражданами или лицами без гражданства заключаются в Республике Беларусь органами, загса, в соответствии с требованиями национального законодательства; 2) браки между иностранными гражданами, иностранными гражданами и лицами без гражданства, лицами без гражданства, хотя бы один из которых имеет разрешение на постоянное проживание – те же правила; 3) при отсутствии разрешения на постоянное проживание у лиц, названных в п.2, – в дипломатических и консульских учреждениях иностранных государств; 4) лица без гражданства, не имеющие разрешения на постоянное проживание, зарегистрировать брак не могут [1].

Условия заключения брака на территории Российской Федерации определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака, с соблюдением требований статьи 14 СК в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака. С 2024 г. не допускается заключение брака между лицами, хотя бы одно из которых является иностранным гражданином или лицом без гражданства, сведения о которых включены в реестр контролируемых лиц, предусмотренный законодательством Российской Федерации. Условия заключения брака лицом без гражданства на территории Российской Федерации определяются законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства [3].

СК РФ и КоБС содержат специальные правила признания браков, заключенных за границей. В частности, в Российской Федерации браки между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами или лицами без гражданства признаются действительными при наличии двух условий:

– соблюдение законодательства государства, на территории которого они заключены;

– отсутствие предусмотренных ст. 14 СК РФ обстоятельств, препятствующих заключению брака [3].

В Республике Беларусь браки между гражданами Республики Беларусь и иностранными гражданами или лицами без гражданства признаются действительными при наличии следующих условий:

– соблюдение формы брака, установленной законом места его совершения;

– браки не должны противоречить требованиям, ст. 17-19 КоБС, которые касаются не только препятствий для вступления в брак, но и условий вступления в брак и брачного возраста [1].

Тем не менее, некоторые различия в регулировании компенсируются участием обеих государств в Кишиневской конвенции, которая устанавливает следующие правила заключения брака:

– условия заключения брака определяются для каждого из будущих супругов законодательством договаривающейся стороны, гражданином которой он является, а для лиц без гражданства – законодательством договаривающейся стороны, являющейся их постоянным местом жительства;

– в отношении препятствий к заключению брака должны быть соблюдены требования законодательства договаривающейся стороны, на территории которой заключается брак. Форма и порядок регистрации брака подчиняются праву места совершения данного акта [2].

Заключение. Таким образом, на сегодняшний день семейное законодательство России и Беларуси демонстрирует высокий уровень унификации – как в регулировании института брака в целом, так и в коллизионных нормах для браков с иностранным элементом. Данное единообразие даёт будущим супругам возможность свободно реализовывать право на создание семьи и вступление в брак независимо от места регистрации, не опасаясь «хромающих отношений».

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.02.2026).

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : заключена в Кишиневе 07.10.2002 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 05.02.2026).

3. Семейный кодекс Российской Федерации : 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ; : принят Гос. Думой 8 декабря 1995 г. : одобр. Советом Федерации 22 деабря 1995 г. : в ред. Федер. Закона от 23.11.2024 № 405-ФЗ: с изм. и доп. вступ. в силу с 05 февраля. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 03.02.2026).

ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА: ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н.М. Березин
Научный руководитель: А.С. Андрианова
Могилев, Могилевский институт МВД

Традиционно честь и достоинство выступают как важнейшие социально-правовые ценности, без которых невозможно эффективное бесконфликтное взаимодействие людей. Развитие средств телекоммуникации актуализирует проблему, с одной стороны, определения способов посягательств на честь и достоинство личности, а с другой – совершенствования правового регулирования и разработки

эффективных способов защиты и охраны данных прав человека. Решение данной проблемы невозможно без изучения истории становления нормативного закрепления и правого регулирования защиты чести и достоинства.

Цель исследования – изучить историю становления правового регулирования защиты чести и достоинства на территории Беларуси.

Материалы и методы. В ходе работы над темой исследования были изучены исторические документы, научная и учебная литература по истории Беларуси. Методологическую основу составляют такие методы исследования как историко-правовой, сравнение, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Понятия честь и достоинство – взаимосвязанные, но не идентичные. Честь как морально-нравственная категория отражает оценку человека со стороны общества, достоинство связано с самооценкой личности, является основой его самосознания. Изучение истории развития правового регулирования защиты чести и достоинства на территории Беларуси позволяет проанализировать порядок их трансформации из морально-этических категорий в объекты правовой защиты.

В XIV – XVI в.в. понятие чести имело ярко выраженный сословный характер и было законодательно закреплено в Статутах Великого Княжества Литовского [1, разд. 1 арт. 28]. За оскорбление словом или действием предусматривались такие наказания как избиение розгами у позорного столба, изгнание, штраф [1, разд. 3 арт. 22, 23, 28]. Достоинство в современном понимании в рассматриваемый период не сформировалось и было производным понятием от понятия «честь»: достоинство имел тот, кто обладал шляхетской честью. Как видим, в Великом Княжестве Литовском честь выступала как привилегия, элемент правового статуса шляхты.

В XVI – конце XVIII в.в. понятия «четь» (гонар) и «достоинство» (годнасць) стали неотъемлемым элементам статуса правящего сословия, характеризуя внутреннее самоощущение, чувство гордости и независимости шахтичей. Для крестьянства и мещанства понятия чести и достоинства существовали в рамках общинных и цеховых устоев, однако на государственном уровне практически не защищались [2, с. 95].

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи (конец XVIII – начало XX в.в.) привело к изменению в правовом регулировании общественных отношений. Среди документов, закрепляющих право на защиту чести и достоинства привилегированного класса и устанавливающих меры ответственности за посягательства на них, следует отметить такие акты Российской империи как «Жалованная грамота дворянству» (21 апреля 1785 г.), Табель о рангах (24 января 1722 г.) и др. [2, с. 107].

После Октябрьской революции 1917 г. представления о чести и достоинстве претерпели существенные изменения, что нашло отражение в

правовом регулировании их защиты. Ликвидация классов и приоритет общественных, коллективных интересов над личными сделали защиту таких индивидуальных категорий как честь и достоинство не актуальными, несмотря на закрепление права на их защиту гражданском и уголовном кодексах БССР.

С денонсацией договора о создании СССР, получением независимости Республикой Беларусь в 1991 г. и принятием Конституции Республики Беларусь 15 марта 1994 г. произошло изменение в понимании и значении категорий «честь» и «достоинство», которые стали рассматриваться как основа правового статуса человека. Ст. 28 Основного закона нашего государства закрепляет гарантии на защиту чести и достоинства человека [3, ст. 28].

Положения Конституции Республики Беларусь нашли свое развитие в нормах гражданского, административного и уголовного права.

Согласно ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. от 9 декабря 2025 г.) (далее – ГК) честь и достоинство относятся к нематериальным благам, защита которых осуществляется способами, предусмотренными ГК, в том числе и посредством обращения в суд. Основанием для применения мер защиты является распространение сведений, не соответствующих действительности [4, ст. 153]. При этом распространенные сведения должны соответствовать следующим требованиям:

– должны быть сообщены третьим лицам, в том числе и посредством средств массовой информации, социальных сетей, публичного выступления и др.;

– должны иметь порочащий характер;

– должны не соответствовать действительности.

ГК предусматривает такие способы восстановления нарушенного права как опровержение распространенных порочащих сведений, удаление информации из источника распространения, компенсация морального вреда и др.

Умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, является административным правонарушением, за которое предусмотрена административная ответственность [5, ст. 10.2]. Привлечение лица к ответственности за оскорбление возможно, если выполняется одно из условий:

– умышленное унижение чести и достоинства выражается в неприличной, не соответствующей нормам морали форме;

– порочащие лицо сведения распространяются в публичном поле (группы в мессенджерах, сети Интернет, средства массовой информации и т.п.).

Субъектом данного административного правонарушения является четырнадцатилетнее вменяемое лицо [5, ст. 4.2].

Специальными составами оскорбления как вида административных правонарушений являются:

– оскорбление должностного лица при исполнении им своих служебных обязанностей [5, ст. 24.4];

– распространение в средствах массовой информации заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство Президента Республики Беларусь [5, ст. 24.22].

В уголовном праве деяние, состоящее в распространении не соответствующих действительности, порочащих сведений, квалифицируется как клевета [6, ст. 188]. Для квалификации деяния как клевету необходимо наличие одного из следующих признаков:

– распространение порочащих сведений в любой форме (в публичном выступлении, в средствах массовой информации, в сети интернет и т.д.);

– обвинение в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления.,

Уголовная ответственность за клевету наступает с 16 лет.

Специальными составами клеветы как преступления являются:

– публичное оскорбление Президента Республики Беларусь, в том числе и прекратившего исполнение своих полномочий [6, ст. 368];

– оскорбление представителя власти [6, ст. 369];

– угроза в отношении судьи или народного заседателя [6, ст. 389];

– оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного [6, ст. 444].

Заключение. Честь и достоинство являются основой для всестороннего развития человека, базисом его прав и свобод. В развитии правового регулирования защиты данных категорий можно выделить несколько этапов: обеспечение защиты чести и достоинства для представителей привилегированного класса, защита чести и достоинства представителей трудового, служебного и др. коллектива (преобладание коллективного над индивидуальным), защита чести и достоинства конкретного человека. В настоящее время в Республике Беларусь создан достаточно эффективный механизм правовой защиты чести и достоинства личности.

Список использованных источников

1. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_ rus_str.348-454.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

2. Довнар, Т. И. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / Т. И. Довнар, Е. И. Орловская. – 2-е изд. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2020. – 191 с.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.03.2026).

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.03.2026).

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.03.2026).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ БЫВШИХ МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ НАЦИСТКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ

В.В. Богословский
Научный руководитель: Т.П. Иванова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Определение термина «геноцид» дано в статье 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь [1, с. 85]. По инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь расследуется дело о геноциде белорусского народа. Содействие прокурорским работникам всех уровней оказывают сотрудники Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Министерства внутренних дел, Министерства обороны, а также сотрудники государственных архивов и граждане [2].

В Беларуси функционирует более 160 государственных музеев и около 1,5 тыс. музеев в учреждениях образования, деятельность которых регламентируется в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Согласно ст. 152 Кодекса Республики Беларусь о культуре, музейное дело – направление культурной деятельности по создании и развитии музеев, выявлении предметов музейного значения, комплектовании музейных фондов, а также по учету, хранению, изучению, использованию и популяризации музейных предметов, научно-вспомогательных и сырьевых материалов, осуществлениям других видов музейной деятельности [3].

При расследовании дела о геноциде белорусского народа немаловажную роль отводится историческим музеям. Одним из уникальных является музей бывших малолетних узников нацистских концлагерей. Данный музей находится в гимназии № 3 г. Витебска имени А.С.Пушкина.

Цель исследования: изучить деятельность музея бывших малолетних узников нацистских концлагерей, рассмотреть функции музея.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили законодательные акты (Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс о культуре Республики Беларусь), фонды музея и содержание бесед с

руководителем музея Ураковой Ириной Семёновной и учителем истории Фандо Назаром Николаевичем. В процессе исследования применялись методы дедукции, индукции, интервьюирование, формально-правовой.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время экспозиции белорусских музеев пополняются вещественными доказательствами уничтожения нацистами людей на территории республики, геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [4].

11 сентябре 2025 года в гимназии № 3 г. Витебска имени А.С.Пушкина прошло открытие обновлённой экспозиции музея бывших малолетних узников нацистских концлагерей. История ее создания следующая. В 1986 году создана группа «Поиск», её активными участниками стали: Смирнов Виктор Васильевич – редактор газеты «Віцебскі рабочы»; бывшие малолетние узники, угнанные из Витебска и Витебского района: Скуман Нина Васильевна, Тихонов Федор Петрович, Обливальная Лидия Егоровна, Кравченко Лидия Дмитриевна, Булахов Владимир Федотович, Сысоев Иван Васильевич и многие другие [5].

С 2007 года в гимназии № 3 г. Витебска начала свою работу музейная комната. Её открытие стало итогом более чем 20-летней работы группы «Поиск», к которой присоединились учителя истории и учащиеся гимназии, занимающиеся сбором документов и материалов, касающихся мест принудительного содержания. Особое внимание было уделено судьбам бывших малолетних узников, прошедших концентрационные лагеря. Архивные документы и фотографии были собраны благодаря активной переписке с музеями и архивами бывшего Советского Союза и стран Европы.

В процессе поисковой деятельности было собрано около 300 экспонатов. Среди них: архивные справки, акты комиссий, документы о депортации граждан Советского Союза в Майданек, письма-ответы на запросы из архивов лагерей Освенцим и Майданек, документы и личные вещи бывших малолетних узников, подборка периодической печати, книги, наградные знаки и грамоты, видеотека. Впоследствии все эти предметы стали частью экспозиции музейной комнаты. В процессе поиска и формирования экспозиции был создан каталог из анкет и воспоминаний бывших малолетних узников, все они бережно хранятся в музее.

С января 2025 года музейная комната обрела официальный статус музея. УО «Республиканский центр экологии и краеведения» удовлетворил ходатайство – 10 января 2025 г. был издан приказ об открытии в ГУО «Гимназия № 3 г. Витебска имени А.С. Пушкина» музея бывших малолетних узников нацистских концлагерей.

Открытие музея сопровождалось выполнением соответствующих законодательству Республики Беларусь требований о деятельности музея, а также рекомендаций по организации деятельности музеев на территории учреждений образования Республики Беларусь, в которых представлен алгоритм открытия музея в учреждении образования и организация его

дальнейшей работы. Для создания музея в Республике Беларусь необходимо зарегистрировать юридическое лицо, иметь фонды (не менее 100 предметов), отдельное помещение (от 20-25 кв. м), оборудованное для хранения, утвержденную концепцию. Оформление включает создание экспозиции с нейтральным фоном, использование витрин, обеспечение температурно-влажностного режима и ведение документации [6].

Музейное законодательство Республики Беларусь регулируется «Кодексом о культуре» (Глава 19), который устанавливает принципы деятельности музеев, хранения фондов и использования культурных ценностей.

Музей бывших малолетних узников нацистских концлагерей осуществляет свою деятельность в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре, Законом Республики Беларусь «О музеях и Музейном фонде Республики Беларусь», Кодексом Республики Беларусь об образовании, положением об учреждении общего среднего образования, уставом государственного учреждения образования «Гимназия № 3 г.Витебска имени А.С.Пушкина» и иными актами законодательства.

Музей организует свою деятельность согласно концепции развития музея и годовому плану по направлениям: фондовая, экспозиционная, экскурсионная, культурно-просветительская работа. Общее количество экспонатов: в основном фонде – 384 предмета, во вспомогательном – 69.

На открытии музея 11 сентября 2025 года представитель прокуратуры Витебской области Андрей Низюлько рассказал о конкретных фактах, установленных в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа на территории Витебской области. В своём выступлении он обозначил: «Экспозиция музея поможет сформировать чёткие представления о фашистских злодеяниях на территории Беларуси в тот исторический период и укрепить чувство патриотизма, а также гордости за несгибаемую волю и силу белорусского народа».

Как отметила официальный представитель прокуратуры Витебской области Виктория Драгель, содержание экспозиции музея будет способствовать формированию у учащихся и молодежи истинных представлений о фашистских злодеяниях на территории нашей страны в тот исторический период и укреплению чувства патриотизма. Также представитель надзорного ведомства обратила внимание молодежи на важность сохранения исторической памяти [7].

Немаловажное место в музейной экспозиции отводится описанию оккупационного режима, созданного нацистами на территории Витебского региона. На основе немецкой карты 1944 года, архивных документов, военных фотографий и аэрофотосъемки Люфтваффе учителями истории, учащимися гимназии № 3 г.Витебска были разработаны и созданы макеты наиболее крупных мест уничтожения населения в Витебске – концлагеря «5-й полк» и Витебского гетто. В музее также можно увидеть

фотографии, инсталляции, воссоздающие внутренний вид бараков концлагерей.

Председатель общественного объединения бывших несовершеннолетних узников нацизма Октябрьского района г. Витебска Надежда Гракова поделилась эмоциями, которые испытала, побывав в музее: «Мы передаём молодежи память о событиях Великой Отечественной войны. Мне было три года, когда меня вместе с мамой и братиком заключили в концлагерь «5-й полк», вскоре нас переправили в Кёнигсберг, откуда погрузили на немецкий корабль и привезли к берегам гитлеровской Германии, где мы находились в лагере в нечеловеческих условиях до победного 1945 года».

Заключение. В ходе исследования было выяснено, что музей бывших малолетних узников нацистских концлагерей выполняет несколько функций: комплектование и учет музейных фондов; обеспечение сохранности историко-культурных ценностей; популяризация музейных материалов, создание и открытие экспозиций, экскурсионное обслуживание посетителей; организация поисково-исследовательской деятельности; использование музейных предметов и музейных коллекций в образовательном процессе.

Посещение музея бывших малолетних узников нацистских позволяет узнать новую информацию о фактах геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, изучить и проанализировать архивные документы, воспоминания бывших малолетних узников нацистских концлагерей, документы о депортации граждан Советского Союза в Майданек, письма с ответами на запросы из архивов лагерей Освенцим и Майданек, ознакомиться с книгой Ф.П. Тихонова [8]. Экспонаты и документы музея бывших малолетних узников нацистских концлагерей содержат подтверждение фактов геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ. – поисковая система (дата обращения: 22.02.2026 г.)

2. Сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Расследование уголовного дела о геноциде. – URL: https://prokuratura.gov.by/special/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/ (дата обращения: 21.01.2026).

3. Кодекс Республики Беларусь о культуре : 20 июля 2016 г. № 413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. : с изм. и доп. Закона Респ. Беларусь от 21 июля 2022 г. № 201-З // ЭТАЛОН : информ. – поисковая система (дата обращения: 22.02.2026 г.).

4. Научное исследование геноцида белорусского народа проведут в Беларуси. – URL: https://sputnik.by/20220120/nauchnoe-issledovanie-genotsida-belorusskogo-naroda-provedut-v-belarusi-1059643159.html (дата обращения: 22.02.2026).

5. История музея. – URL: https://gymn3.oktvitebsk.by/istoriya-muzeya/ (дата обращения: 24.02.2026).

6.Документы, регламентирующие деятельность музеев. – URL: https: docs.google.com/presentation/d/16qgoKvGfQDCeos3lXjrQVsIbQQAXDFRD/edit?slide=id.p1#slide=id.p1 (дата обращения: 25.02.2026).

7. В Витебске в гимназии № 3 им. А.Пушкина при поддержке «МЛ Витебск» торжественно открыли обновленный музей бывших малолетних узников нацистских концлагерей. – URL: https://vitvesti.by/index.php/obshestvo/v-vitebske-v-gimnazii-3-im-a-pushkina-pri-podderzhke-ml-vitebsk-torzhestvenno-otkryli-obnovlennyi-muzei-byvshikh-maloletnikh-uznikov-natcistskikh-kontclagerei.html (дата обращения: 25.02.2026).

8. Тихонов, Ф. П. Великая Отечественная война глазами бывших малолетних узников фашизма / Ф. П. Тихонов. – Витебск: Витебск. обл. типограф., 2011. – 800 с.: ил.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ТОЧКА БИФУРКАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.И. Булыня, Т.К. Соболев
Научный руководитель: В.А. Барышев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Современная система международных отношений переживает глубокий кризис, который всё чаще рассматривается в категориях синергетики. Одним из ключевых понятий здесь выступает бифуркация – переломный момент в развитии системы, при котором прежняя устойчивость утрачивается и возникает необходимость выбора дальнейшей траектории: распад, деградация или переход на новый уровень организации.

Исторический опыт показывает, что каждая смена мирового порядка происходила через масштабные конфликты, закреплявшие новые правила взаимодействия государств. В этом контексте Специальная военная операция Российской Федерации на Украине рассматривается как кульминационная точка бифуркации, обозначающая переход от однополярной модели к многополярному миропорядку.

Цель исследования заключается в анализе трансформации международно-правовой системы в условиях современного кризиса и определении перспектив её развития.

Материал и методы. В качестве материала для исследования использовались исторические примеры формирования мировых систем: Вестфальская (1648), Венская (1815), Версальско-Вашингтонская (1919 – 1920-е), Потсдамо-Ялтинская (1945) и однополярная модель после 1991 г. Кроме того, были учтены современные международно-правовые документы (Устав ООН, Минские соглашения), а также фактические данные о реакции государств и международных организаций на конфликт на Украине. Методологическая основа исследования включает:

историко-сравнительный метод – для выявления закономерностей смены мировых порядков; системный подход – для анализа международных отношений как целостной динамичной системы; метод правового анализа – для рассмотрения противоречий в нормах международного права (суверенитет, территориальная целостность, самоопределение народов).

Результаты и их обсуждение. Историческая эволюция международных отношений подтверждает, что каждая система мирового порядка имела ограниченный жизненный цикл [1, с. 115]. Вестфальская система заложила основу принципа суверенитета, но со временем не смогла предотвратить новые войны. Венская система обеспечила равновесие держав после наполеоновских войн, однако не выдержала испытания революциями XIX века и ростом национализма. Версальско-Вашингтонская система закрепила результаты Первой мировой войны, но в силу дисбаланса интересов и отсутствия эффективных механизмов предотвращения агрессии фактически предопределила начало Второй мировой войны. Потсдамо-Ялтинская система обеспечила биполярное противостояние и относительную стабильность в мире на протяжении почти полувека, но в конечном счёте распалась вместе с распадом СССР. Однополярная модель, оформившаяся в 1990-е годы, также оказалась неустойчивой: её ресурс был исчерпан вследствие роста новых центров силы и неспособности США обеспечивать мировое лидерство в условиях глобализации и экономических сдвигов.

Современный этап развития международных отношений демонстрирует схожие закономерности. Институты, созданные в середине XX века (ООН, Международный суд, специализированные организации), оказываются неспособными адаптироваться к новой реальности [2, с. 198 – 202]. Совет Безопасности ООН парализуется правом вето, что препятствует принятию решений по ключевым кризисам. Генеральная Ассамблея остаётся дискуссионной площадкой без обязательной силы решений. Миротворческие миссии часто критикуются за формализм, ограниченные мандаты и неспособность реально влиять на предотвращение или урегулирование конфликтов. Всё это свидетельствует о кризисе легитимности международных институтов.

СВО на Украине стала катализатором этого кризиса и проявлением глобальной бифуркации. С одной стороны, она показала, что международное право не обладает универсальным инструментарием для разрешения противоречий между принципами территориальной целостности и права на самоопределение народов.

Принцип суверенитета и территориальной целостности (ст. 2 Устава ООН) противоречит принципу самоопределения народов (ст. 1 Устава ООН), на который ссылается Россия в отношении ЛНР и ДНР [3].

С другой стороны, она обострила разрыв между западными странами, стремящимися сохранить однополярную модель, и государствами, выступающими за многополярность.

Реакция мирового сообщества продемонстрировала отсутствие единого подхода:

Западные страны (США, ЕС, Великобритания, Канада, Япония, Австралия) инициировали масштабные санкционные пакеты, направленные на изоляцию России и её союзников.

Страны Глобального Юга (Китай, Индия, Турция, Бразилия, Южная Африка, ряд государств Африки и Латинской Америки) заняли более прагматичную позицию, сохранив экономическое взаимодействие с Россией и одновременно усилив собственное влияние в международных организациях.

Международные объединения (БРИКС, ШОС, ЕАЭС) стали площадками для выстраивания альтернативных форм сотрудничества, что указывает на тенденцию к регионализации международного права.

Особое значение имеет фактор институциональной конкуренции: если в XX веке нормы международного права имели универсальный характер, то сегодня усиливается тенденция к формированию региональных систем, которые могут противоречить друг другу. Например, западные страны опираются на правовую доктрину, основанную на «либеральных ценностях» и концепции «прав человека как универсальной нормы», тогда как страны Азии и Ближнего Востока акцентируют внимание на принципе невмешательства и культурной специфике [4].

Заключение. Обсуждаемый кризис можно интерпретировать как структурную перестройку международного порядка. Он выражается в следующих тенденциях:

В перспективе трансформация международного порядка будет зависеть от способности государств выработать новые правила взаимодействия, которые обеспечат баланс интересов различных центров силы. Можно выделить несколько возможных сценариев:

1. Конфликтный сценарий – сохранение тенденции к противостоянию между Глобальным Западом и государствами Глобального Юга, что приведёт к росту военных конфликтов, санкционной эскалации и дальнейшему ослаблению международных институтов.

2. Сценарий регионализации – постепенное закрепление влияния региональных объединений (БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, Африканский союз), которые будут формировать собственные правовые механизмы и системы безопасности.

3. Сценарий адаптации международного права – реформирование ООН и других универсальных институтов, которое предполагает пересмотр состава Совета Безопасности, ограничение права вето и выработку новых принципов взаимодействия государств, исходя из реалий многополярного мира.

Ключевой задачей международного сообщества становится поиск компромисса между принципом суверенитета и территориальной целостности с одной стороны и правом народов на самоопределение с другой. Только согласование этих норм может восстановить доверие к международному праву как универсальному регулятору [5, с. 124].

Важным фактором также выступает развитие международного экономического права, поскольку мировая конкуренция всё более смещается в сферу технологий, энергетики, продовольственной и финансовой безопасности. Уже сегодня заметен переход от односторонних санкций к формированию альтернативных финансовых систем (национальные валютные расчёты, создание независимых платёжных механизмов), что в будущем способно изменить архитектуру глобальной экономики.

Таким образом, современный кризис международных отношений представляет собой переходное состояние, при котором старые институты теряют эффективность, а новые ещё находятся в стадии формирования. В этих условиях особое значение приобретает гибкость международного права, его способность адаптироваться к меняющейся структуре мировой политики.

Специальная военная операция на Украине выступает не только локальным конфликтом, но и символом завершения эпохи однополярности. Она зафиксировала точку бифуркации, за которой открывается пространство для формирования новой многополярной системы, где ключевым вызовом станет создание справедливых и устойчивых правовых механизмов взаимодействия государств.

Список использованных источников

1. Ланко, Д. А. Эволюция мирового порядка: от Вестфальской системы до современности / Д. А. Ланко. – СПб.: СПбГУ, 2020. – 290 с.

2. Капустин, А. Я. Международное право в условиях глобализации / А. Я. Капустин. – М.: Норма, 2019. – 320 с.

3. Устав Организации Объединённых Наций : принят 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 07.03.2026).

4. Зонова, Т. В. Мировая политика: теория и практика / Т. В. Зонова. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 384 с.

5. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть / И. И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2016. – 512 с.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА

М.И. Васильева
Научный руководитель: И.Ф. Гребенщикова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Для того, чтобы всесторонне проанализировать современные отношения, связанные с расторжением брака, и выявить их закономерности, необходимо обратиться к истории этого института. Цель исследования – изучение эволюции норм о расторжении брака.

Материал и методы. Материалами исследования явились научные работы, а также нормативные материалы. Использованы следующие методы изучения: диалектический, анализа, синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты и их обсуждение. Семейное законодательство, в т.ч. нормы, регламентирующие развод, развивалось поэтапно, отражая специфику социально-экономического уклада. В древнерусском обществе брачный союз воспринимался как нечто священное и вечное. До принятия христианства семейные отношения регулировались исключительно обычаями. По словам Сущенко М.С. «в дохристианский период формальное понятие «расторжение брака» отсутствовало» [5, с. 16]. С приходом христианства семейное право стало формироваться под сильным влиянием канонических норм. Юридическую силу имел только церковный брак. Церковь активно пропагандировала идею нерасторжимости брака, считая его прекращающимся только со смертью одного из супругов. Христианское учение делало развод при жизни супругов практически невозможным.

Васильев С. утверждает, что «на Руси основания для расторжения брака были в значительной степени заимствованы из византийского права, в частности из Прохирона Василия Македонянина и Эклоги Льва Философа. Эклога предусматривала развод по следующим причинам:

1. Нарушение супружеской верности женой (при этом прелюбодеяние мужа считалось виной только в случае разрушения семьи или наличия у него второй семьи).
2. Неспособность мужа к супружеской жизни в течение трех лет после брака.
3. Покушение супругов друг на друга.
4. Заболевание одного из супругов проказой (инфекционной формой, которая опасна для второго супруга)» [1, с. 63].

Прохирон значительно расширил перечень оснований для развода, добавив к уже упомянутым в Эклоге следующие: безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет (или трех лет в плену), уход обоих супругов в монашество, сокрытие женой информации о заговоре против царя, а также участие жены в пирах против воли мужа.

Другими причинами для развода на Руси являлись крайняя нищета, не позволяющая мужу содержать семью, а также случаи растраты мужем собственности жены. Развод также был возможен при систематическом и жестоком обращении мужа с женой, вплоть до нанесения телесных повреждений, угрожающих жизни.

Законодательство Киевской Руси разрешало развод, когда супруги не могли ужиться. Брак, согласно обычаям, должен был обеспечивать «совет» – гармонию мыслей и чувств. При этом, как отмечает Дементьева Т.Ю., для развода требовались не просто разногласия, а их проявление в конкретных действиях. Эти действия могли быть вызваны экономическими трудностями, конфликтами между семьями, или порочным, а то и преступным поведением одного из супругов [2, с. 15]. Таким образом, одного лишь «несходства характеров» было недостаточно. Развод требовал доказательств в виде позорных или криминальных поступков, наносящих ущерб другому супругу.

В Великом княжестве Литовском была система канонического и светского права. Разводы осуществлялись в «двух судах» – в церкви и в светском суде (гродском, земском, магистрате). Невенчанными браками занимались только светские власти

Эпоха Петра I ознаменовала собой кардинальные изменения: управление бракоразводными процессами перешло к Синоду, а светское законодательство, в частности императорские указы, приобрело гораздо большее значение. Ключевым моментом является то, что с этого времени женщины получили возможность требовать развода наравне с мужчинами, например, в случае измены. Однако, расторжение брака было строго регламентировано и требовало решения духовного суда. Основаниями для развода служили: доказанное прелюбодеяние, неспособность к браку, приговор к лишению прав или ссылка в Сибирь, а также безвестное отсутствие одного из супругов. Важно, что развод по обоюдному согласию супругов был невозможен.

В начале 20 века, как отмечает О.Ю. Яненко, «жесткость законодательства о разводе вызывала многочисленные нарекания в обществе и насмешки над неповоротливостью российского законодательства» [6, с. 194]. Найденные нами данные говорят, что в 1913 году по всей Российской империи на 98,5 млн. православных был оформлен 3791 развод (или 0,0038%). Очевидно, что эти цифры свидетельствовали не о благополучии в семьях, а о жесткости законодательства.

История советского семейного законодательства берет свое начало после Октябрьской революции 1917 года. В декабре 1917 года были опубликованы два первых декрета ВЦИК и СНК СССР: от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и от 19 декабря 1917 года «О расторжении брака», которые заложили фундамент новой правовой системы в сфере семейных

отношений. Главным нововведением стало упразднение церковного брака как юридически значимого акта и введение вместо него гражданского брака, регистрируемого в органах ЗАГС. Процесс развода стал гораздо проще: для его осуществления было достаточно желания одного или обоих супругов, а мотивы развода не имели юридического значения. В случае возникновения споров, суд также решал вопросы, касающиеся детей и их содержания, а также содержания жены.

Вступивший в силу 16 сентября 1918 года Кодекс законов о гражданском состоянии, браке, семье и опеке стал шагом к дальнейшему упрощению процедуры развода. В данном акте были предусмотрены как судебные, так и внесудебные механизмы расторжения брака. Судебная процедура была максимально упрощена: супругам не требовалось личное присутствие, достаточно было явки их доверенных лиц. Судья единолично принимал решение о разводе, а также временно регулировал вопросы, касающиеся детей (их судьбы и содержания до разрешения споров), и определял содержание жене, если она в этом нуждалась. В дальнейшем, судебный порядок развода был упразднен, и расторжение брака стало осуществляться исключительно через органы ЗАГС, даже при несогласии одного из супругов. Второй супруг не вызывался, а лишь информировался о факте развода.

Изначальная простота процедуры расторжения брака привела к ряду негативных социальных явлений: росту числа разводов, увеличению числа внебрачных детей и проблемам с алиментными выплатами, что в целом ослабляло институт семьи. В 1936 году, постановлением ЦИК и СНК СССР, были предприняты первые шаги по совершенствованию процесса. Были введены обязательные личные визиты супругов в ЗАГС, требование проставления отметки о разводе в паспорте и повышена стоимость регистрации разводов, с прогрессивным увеличением для повторных разводов. Однако, несмотря на эти изменения, процедура развода все еще оставалась достаточно доступной, что свидетельствовало о необходимости более существенных реформ. Задача укрепления семьи и брака оставалась актуальной, и в 1944 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который кардинально изменил ситуацию. Расторжение брака стало возможным только через суд, в два этапа: сначала примирительная процедура в народном суде, а затем окончательное решение в вышестоящей инстанции. Кроме того, были ужесточены критерии для развода: теперь суд оценивал мотивы супругов, а не только их желание. Для этого привлекались свидетели, требовалась публикация в прессе, и были увеличены судебные пошлины за расторжение брака.

В 1960-е годы произошло дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего брачно-семейные отношения. Важным этапом стало принятие Основ законодательства о браке и семье [4]. Для приведения республиканского законодательства в соответствие с этими Основами в союзных республиках были разработаны и приняты Кодексы о

браке и семье (далее – КоБС). В БССР КоБС был введен в действие с 1 ноября 1969 года [3]. Согласно этому новому Кодексу, расторжение брака могло осуществляться как в административном, так и в судебном порядке. Эта норма сохранялась на протяжении длительного времени, вплоть до принятия в 1999 году в Республике Беларусь нового Кодекса о браке и семье, который установил исключительно судебный порядок расторжения брака. Однако, начиная с 1 января 2013 года, вновь был закреплен, наряду с судебным, административный порядок расторжения брака, что стало возвратом к положениям КоБС 1969 года.

Заключение. Институт развода прошел сложный и многогранный путь эволюции. В Древней Руси он формировался под влиянием как церковных, так и светских законов, с преобладанием первых. Петровские реформы стали поворотным моментом, передав бракоразводные дела в ведение Синода. Важной тенденцией стало стремление к равноправию полов в праве на развод. Однако сосуществование церковного и гражданского права в регулировании семейных отношений порождало многочисленные противоречия. После Октябрьской революции 1917 года произошла радикальная трансформация: развод был выведен из-под юрисдикции церкви, передан судам и органам ЗАГС, а сама процедура упрощена. Последующий период ознаменовался усилением государственного контроля за расторжением брака.

Список использованных источников

1. Васильев, С. Прекращение брака: историко-правовой аспект / С. Васильев // Юрист ВУЗа. – 2010. – № 6. – С. 61 – 64.

2. Дементьева, Т. Ю. Прекращение и расторжение брака по Древнерусскому семейному праву / Т. Ю. Дементьева // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2016. – № 2. – С. 10 – 16.

3. Кодекс о браке и семье Белорусской ССР 1969 года // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https:// https://pravo.by/document/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1710031479396440 (дата обращения: 10.02.2026).

4. Об утверждении Основ семейного законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье : Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 03.02.2026).

5. Сущенко, М. С. Эволюция института расторжения брака / М. С. Сущенко // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика : сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 16 – 20.

6. Яненко, О. Ю. Расторжение брака в Российской Империи на рубеже XIX-XX веков / О. Ю. Яненко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – № 1. – С. 192 – 194.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

В.М. Винникова
Научный руководитель: Е.Ф. Ивашкевич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Проблемы миграционной политики в силу особой общественной и государственной важности играют ключевую роль в обеспечении социально-экономической и политической стабильности стран европейского региона, крайне привлекательного для мигрантов благодаря высокому уровню развития и, как следствие, более комфортным условиям жизни. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена существующей дискуссионностью в определении приоритетов современной миграционной политики, неоднозначностью подходов к её осуществлению. Данное противоречие усиливается в условиях глобализации и нестабильной международной обстановки, когда миграционные процессы часто становятся детерминирующим фактором, влияющим на внутреннюю безопасность и устойчивость государств. Цель работы заключается в выявлении актуальных проблем в сфере миграционной политики европейских стран на современном этапе и определении основных средств их преодоления.

Материал и методы. В рамках исследования использовались такие правовые документы, как Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г., Пакт о миграции и предоставлении убежища 2024 г. и др., статистические данные международных организаций и научные публикации по вопросам миграционной политики. Основные методы – сравнительно-правовой и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Проблемы миграционной политики обусловлены ростом вынужденной и нелегальной миграции, значительным давлением на экономику и социальные системы, а также разобщенностью действий стран Европы при принятии различных решений в сфере миграции. Миграционная политика европейских стран базируется как на международных правовых стандартах, так и на основе широко разработанного регионального и национального законодательства, стремясь одновременно соблюдать гуманитарные обязательства по защите прав мигрантов и обеспечивать внутреннюю безопасность своих стран.

В 2015 г. европейские государства столкнулись с одним из наиболее масштабных миграционных кризисов со времен Второй мировой войны, основными причинами которого послужили события на Ближнем Востоке после «арабской весны», вооруженные конфликты, разрушение правопорядков и политических систем в ряде стран Африки [1, с. 28]. Возникшие условия привели к значительному увеличению потоков вынужденной миграции, продемонстрировав необходимость пересмотра и обновления действующих правовых норм, обеспечивающих

скоординированное регулирование миграционных процессов в европейских странах.

Согласно данным ООН, отраженным в рамках Цели устойчивого развития № 16 «Мир, правосудие и эффективные институты», число людей, спасающихся бегством от войны, преследований и внутригосударственных конфликтов, в 2018 г. превысило 70 млн, что стало самым высоким показателем, когда-либо зафиксированным УВКБ ООН [2]. Несмотря на ряд позитивных моментов притока мигрантов для трудовых отношений, демографических показателей и других областей, необходимо отметить и такие негативные факторы, как рост бюджетных расходов на обеспечение им благоприятных условий жизни, повышение уровня преступности, нежелание части мигрантов соблюдать нормы и правила принимающих стран, подвергаться культурной ассимиляции, предпочитая создавать в населенных пунктах собственные «анклавы» с сохранением традиционных национальных и религиозных устоев [3], злоупотребление нелегальными миграционными каналами, давление на системы предоставления убежища и приема мигрантов, дефицит жилья и др.

С целью решения сложившихся проблем в сфере миграционной политики в 2024 г. в рамках ЕС был принят Пакт о миграции и предоставлении убежища, направленный на создание комплексной системы её управления, который должен вступить в юридическую силу в июне 2026 г. Согласно Пакту, на границе будет введена обязательная процедура проверки для заявителей на убежище о наличии крайней необходимости и действительных оснований для защиты, отсутствии попыток введения властей в заблуждение и угрозы общественной и национальной безопасности. Эффективные возвраты с поддержкой реинтеграции будут применяться к тем, кто не имеет права на международную защиту, но соответствует принципу «воссоединения семьи», является высококвалифицированным специалистом, имеющим особые заслуги в сфере культуры, спорта и др. В свою очередь, мигранты, несоответствующие условиям для въезда в ЕС, после регистрации также пройдут проверку личности, безопасности и здоровья [3].

В рамках европейской системы защиты прав мигрантов государствам-членам в ближайшее время будет предоставлено право отказывать в рассмотрении заявлений о предоставлении убежища, если заявитель способен получить защиту в безопасной третьей стране. В связи с этим, был составлен список «безопасных стран», куда мигрантов можно депортировать в ускоренном порядке [4]. В соответствии с «пулом миграционной солидарности» на 2026 г. был разработан механизм перераспределения миграционной нагрузки внутри блока. Так, для стран (Испания, Италия, Греция и Кипр), «находящихся под особым миграционным давлением», предусмотрена возможность «переселения 21 тыс. просителей убежища … внутри Союза, на что будет выделено 420 млн €» [5].

В настоящее время ряд стран резко ужесточили национальное законодательство, ограничивая доступ по каналам трудовой миграции (Бельгия, Чехия, Венгрия, Нидерланды, Польша, Словакия и др.) и усиливая контроль над заявителями на убежище (Германия, Франция, Финляндия, Италия и др.). Финляндия сократила срок вида на жительство и приняла «Закон о пограничной безопасности». В ряде стран в сфере получения гражданства были введены более строгие меры, во многом мотивированные вопросами государственной и общественной безопасности и повышением требований к интеграции («укоренению» в общине»). Например, Франция повысила языковой порог для натурализации, демонстрируя более высокие ожидания от интеграции [6].

Несколько иную, особо жесткую позицию занимают страны т.н. Вышеградской группы (Чехия, Венгрия, Польша и Словакия): «несмотря на давление со стороны Еврокомиссии и критику ряда международных организаций, «четверка» не намерена включаться в систему квот» [7] в условиях миграционного кризиса. В 2024 г. Суд Евросоюза приговорил Венгрию к штрафу 200 млн €, а также к выплатам в 1 млн € ежедневно из-за отказа выполнять предыдущие решения суда, связанные с нарушениями общеевропейских правил по приему мигрантов. Позже в 2025 г. венгерский премьер-министр В. Орбан заявил: «Мы находимся под финансовыми санкциями. … Миллион евро в день – это большие деньги для нас, но мы скорее заплатим, чем пустим хотя бы одного мигранта. Эти деньги – наша лучшая инвестиция в будущее» [8]. Его позиция мотивирована обеспокоенностью за сохранность культурного суверенитета страны: массовая миграция, с его точки зрения, обуславливает ослабление традиционных устоев и угрозу потери национальной идентичности.

Вместе с тем несколько неожиданной стала позиция Испании. «Правительство намерено одобрить инициативу по легализации уже находящихся в стране мигрантов, что может затронуть порядка 500 тыс. человек», которые смогут воспользоваться этой мерой до 30 июня 2026 г. Им будет предоставлен временный вид на жительство, позволяющий легально работать и пользоваться другими основными правами, такими как медицинское обслуживание [9].

Заключение. Актуальные проблемы миграционной политики обусловлены большим количеством различных факторов. С одной стороны, сохраняются и расширяются права мигрантов, с другой - наблюдается тенденция к ужесточению законодательства и его применения с целью сохранения контроля над миграционными потоками. Несмотря на существующие вызовы в европейских странах, следует подробнее отметить и положительные аспекты. Приезжающие обеспечивают прирост рабочей силы, занимая преимущественно низкоквалифицированные рабочие места, разрешают демографические проблемы, проявляющиеся в старении населения и снижении уровня рождаемости. Миграционная политика выступает значимым средством культурного обмена, который

способствует углублению международного сотрудничества и укреплению процессов интеграции. На сегодняшний день многие страны Европы предпринимают последовательные шаги по реформированию национальной миграционной политики, хотя достаточно часто эти процессы протекают в противоречивых правовых формах.

Список использованных источников

1. Маркелов, Д. М. Европейский миграционный кризис 2014-2015 гг. и его причины / Д. М. Маркелов // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 8. – С. 28 – 34.

2. Цели в области устойчивого развития (2015) // ООН. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice (дата обращения: 06.03).

3 Pact on Migration and Asylum (2024) // European Commission. – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (date of access: 06.03.2026).

4. Migration and asylum pact (2024) // European Council. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-migration-asylum-reform-pact/ (date of access: 06.03.2026).

5. Страны ЕС согласовали «Перераспределение миграционной нагрузки» (2025) // Новости Беларуси. БелТА. – URL: https://belta.by/world/view/strany-es-soglasovali-pereraspredelenie-migratsionnoj-nagruzki-753325-2025/ (дата обращения: 06.03.2026).

6. Policy responses to migration challenges (2025) // European Commission. – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn/emn-publications/emn-annual-reports/european-migration-network-asylum-and-migration-overview-amo-2024/policy-responses-migration-challenges_en?etransnolive=1 (date of access: 06.03.2026).

7. Четверикова, А. С. Положение стран Вышеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС / А. С. Четверикова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 130 – 143.

8. Венгрия готова платить по 1 млн евро в день, лишь бы не впускать мигрантов (2025) // БелТА. – URL: https://belta.by/world/view/vengrija-gotova-platit-po-1-mln-evro-v-den-lish-by-ne-vpuskat-migrantov-719977-2025/?ysclid=mmfa41tfc3890174522 (дата обращения: 06.03.2026).

9. В Испании готовят план по легализации до 500 тыс. уже находящихся в стране мигрантов (2026) // БелТА. – URL: https://belta.by/world/view/v-ispanii-gotovjat-plan-po-legalizatsii-do-500-tys-uzhe-nahodjaschihsja-v-strane-migrantov-761249-2026/ (дата обращения: 06.03.2026).

ПРАВО РАБОТАЮЩИХ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

А.И. Витенберский
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Для успешной защиты белорусской государственности и национальной безопасности в условиях существующей геополитической

нестабильности необходимо обновление механизмов противодействия новым угрозам, находящим свое отражение в Концепции национальной безопасности (КНБ). Важнейшим компонентом КНБ является сохранение стабильной экономики, в том числе путем повышения качества организации охраны труда (ОТ), способной адекватно реагировать на геополитические изменения [3].

В свете существующих вызовов и угроз все большее количество учреждений высшего образования (УВО) в Республике Беларусь и других странах бывшего СССР начинают уделять системное внимание подготовке специалистов различного профиля в области организации ОТ. Это обусловливает необходимость обеспечения оперативного доступа к современным знаниям и «ноу-хау» в данной области, учитывающих геополитическую нестабильность [2, 3].

Цель исследования является изучение права работающих в сфере охраны труда путем сравнительного анализа законодательства Беларуси и Казахстана.

Материал и методы. Исследования осуществлялись по методическим рекомендациям [5] в рамках работы студенческого научного кружка (СНК) «Национальная безопасность»; практических занятий студентов по дисциплинам «Безопасность жизнедеятельности» и «Охрана труда». В основе исследований использованы положения КНБ и законодательных актов Беларуси и Казахстана, а также открытых источников, в том числе освещающих деятельность отечественных и международных организаций в рассматриваемой сфере [3, 6].

Результаты и их обсуждение. Анализ выполненных исследований по изучению законодательства двух стран показывают, что при общности целей обеспечения безопасности труда подходы к организации государственного управления и закреплению прав работников существенно различаются уже на уровне концептуального закрепления норм. Проведенные исследования позволяют выявить как общие подходы, так и существенные различия в правовом регулировании данного института в Республике Беларусь и Республике Казахстан.

В Беларуси действует специализированный Закон «Об охране труда», который детально регламентирует все аспекты данной сферы, тогда как в Казахстане соответствующие нормы интегрированы в Трудовой кодекс [3; 4]. В Беларуси право работающих на охрану труда закреплено в главе 3 Закона «Об охране труда» [1], а дополнительные гарантии содержит статья 223 Трудового кодекса [2]. В Казахстане основополагающие нормы об охране труда интегрированы непосредственно в Трудовой кодекс, что отражает концептуальное различие в законодательной технике двух стран: Беларусь использует отдельный специализированный закон, Казахстан – единый кодифицированный акт [4]. Согласно статье 11 Закона Республики Беларусь «Об охране труда», работающий наделен следующими правами:

1) получать от нанимателя достоверную информацию о состоянии условий и охраны труда на рабочем месте, а также о средствах защиты от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов;

2) проходить обучение безопасным методам и приемам работы, инструктаж по вопросам охраны труда;

3) лично либо через своего представителя участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением безопасных условий труда, присутствовать при проведении контролирующими (надзорными) органами проверок соблюдения законодательства об охране труда на его рабочем месте, принимать участие в расследовании несчастного случая на производстве и (или) профессионального заболевания.

Ключевое различие в законодательных подходах состоит в том, что в Беларуси, в отличие от Казахстана, действует специальный Закон «Об охране труда» от 23 июня 2008 г. № 356-З [1], тогда как в Казахстане, равно как и в России, нормы об охране труда сосредоточены в разделе 4 Трудового кодекса [4].

Основанием для возникновения большинства отношений по охране труда между работниками и работодателями в обеих странах служит трудовой договор. Именно с момента его заключения на стороны распространяются права и обязанности в сфере охраны труда (статьи 13, 15 Закона Беларуси «Об охране труда» [1]; статьи 181, 182 Трудового кодекса Казахстана [4]).

При этом отношения по охране труда обладают специфическими чертами, выделяющими их из общего массива трудовых отношений. Прежде всего это единая целевая направленность, присущая исключительно данному институту: в законодательстве обеих стран речь идет об обеспечении безопасности жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности (статья 1 Закона Беларуси «Об охране труда» [1]; пункт 32 статьи 1 Трудового кодекса Казахстана [4]).

Эта уникальная целевая установка находит подтверждение и в правовой доктрине. Так, А.В. Баранашник определяет предмет правового регулирования охраны труда как «группы общественных отношений, участники которых своими действиями обеспечивают здоровые и безопасные условия труда, бесперебойную и четкую деятельность всего трудового процесса» [5]. С этим определением нельзя не согласиться. Примечательно, что в регулировании данных отношений в обеих странах преобладают императивные методы, что соответствует современным научным представлениям о необходимости преимущественно властного воздействия в сфере обеспечения безопасных условий труда.

Обособленность института охраны труда в системе трудового права Беларуси и Казахстана подтверждается наличием отраслевого принципа правового регулирования. В Казахстане этот принцип сформулирован в статье 4 Трудового кодекса как приоритет жизни и здоровья работника [4]. В Беларуси аналогичный подход реализован через закрепление в статье 11

Трудового кодекса права работника на здоровые и безопасные условия труда [2].

Анализ основных направлений государственной политики показывает, что белорусская модель ориентирована на соблюдение формализованных требований и детальную регламентацию обязанностей нанимателя. Статья 9 Закона «Об охране труда» закрепляет право работника на получение информации об условиях труда, а статья 15 определяет его обязанности по применению средств защиты. В Казахстане приоритет отдается управлению профессиональными рисками: статья 4 Трудового кодекса РК провозглашает принципы безопасности и гигиены труда, а статьи 181–182 раздела 4 регулируют права и обязанности сторон в контексте выявления и минимизации потенциальных опасностей на рабочих местах [3; 4].

Обособленность института охраны труда в системе трудового права Беларуси и Казахстана подтверждается наличием отраслевого принципа правового регулирования. В Казахстане этот принцип сформулирован в статье 4 Трудового кодекса как приоритет жизни и здоровья работника [4]. В Беларуси аналогичный подход реализован через закрепление в статье 11 Трудового кодекса права работника на здоровые и безопасные условия труда [2]

Существенные различия выявлены в организации системы органов управления. В Беларуси сохраняется отраслевой принцип управления: согласно части 2 статьи 9 Закона «Об охране труда», республиканские органы госуправления (министерства промышленности, сельского хозяйства и др.) наделены правом разрабатывать отраслевые правила и типовые инструкции. Это обеспечивает глубокий учет специфики конкретных производств. Государственный надзор носит профилактический характер с применением мониторингов и риск-ориентированных проверок [3; 7].

В Казахстане система управления централизована: согласно статье 16 Трудового кодекса РК, уполномоченный государственный орган по труду осуществляет межотраслевую координацию и реализует единую политику в сфере безопасности труда. Отраслевые министерства не обладают регулирующими функциями в данной области, что упрощает администрирование, но может нивелировать производственную специфику. Важную роль в общественном контроле играют профсоюзы, которые согласно статье 16 Закона «О профессиональных союзах» участвуют в работе производственных советов по безопасности труда [5]. Принятый в 2024 году Закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты по вопросам государственной инспекции труда» усилил надзорную вертикаль путем создания Комитета государственной инспекции труда [6].

Заключение. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в трудовом праве обеих стран сформирован устойчивый комплекс норм, объединенных в самостоятельный правовой институт охраны труда. Трудовые кодексы Беларуси и Казахстана содержат специальные разделы,

посвященные данной сфере, что подчеркивает ее непреходящую ценность. При этом белорусская модель, сочетающая нормы Трудового кодекса и детализированные предписания Закона «Об охране труда», позволяет глубже учитывать отраслевую специфику и особенности отдельных производств. Казахстанская же модель, концентрируя все нормы в Трудовом кодексе, обеспечивает единство правового регулирования и упрощает правоприменительную практику.

Список использованных источников

1. Об охране труда : Закон Респ. Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З : принят Палатой представителей 14 мая 2008 г. : одобр. Советом Респ. 4 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 300-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.03.2026).

3. Трудовой кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 06.02.2026 г. // КонсультантПлюс. Россия / «Консультант Плюс». – М., 2026 (дата обращения: 17.03.2026).

4. Трудовой кодекс Республики Казахстан : 23 нояб. 2015 г. № 414-V : принят Президиумом Верховного Совета 23 нояб. 2015 г. : в ред. Закона Респ. Казахстан от 9 янв. 2026 г. № 256-VIII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан (дата обращения: 09.03.2026).

5. О профессиональных союзах : Закон Респ. Казахстан от 27 июня 2014 г. № 211-V : в ред. Закона Респ. Казахстан от 19 апр. 2023 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан (дата обращения: 01.03.2026).

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной инспекции труда : Закон Респ. Казахстан от 5 марта 2024 г. № 65-VIII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан (дата обращения: 01.03.2026).

7. Об изменении законов по вопросам трудовых отношений : Закон Респ. Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).

8. Баранашник, А. В. Правовое регулирование охраны труда : практическое пособие / А. В. Баранашник. – Минск : Амалфея, 2004. – 191 с.

ПРИНЯТИЕ В АВСТРАЛИИ «ЗАКОНА О ВОЕННЫХ МЕРАХ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ» В 1914 ГОДУ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.А. Волков
Научный руководитель: К.Э. Колесник

Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Переход от мирного времени к состоянию войны неизбежно приводит к значительным изменениях в самых разных сферах жизни общества, не только военной, но и политической, экономической, социальной. Для сохранения и усиления контроля государства над этими сферами общественной жизни необходимо внесения изменений в действующее законодательство. Как правило, такие изменения предусматривают расширение полномочий органов исполнительной власти, усиление государственного контроля за экономикой, частичное ограничение прав граждан. Ярким примером ключевого закона, принятого в начале масштабной войны, является «Закон о военных мерах предосторожности», принятый в 1914 году в Австралии

Материал и методы. В работе использованы законодательство Австралии, в первую очередь «Закон о военных мерах предосторожности» 1914 года, научная литература, материалы специализированных сайтов. В основе работы лежит принцип историзма. В работе использованы сравнительный исторический, структурный методы, методы анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Ведение военных действий исторически было одним из важнейших направлений деятельности государств. Право – один из инструментов, которые правительство Австралии использовало для ведения войны, а конфликты и их последствия стимулировали законодательную активность. Первая мировая война привела к появлению обширной законодательной базы для регулирования жизни страны в военное время.

На момент начала войны основным законом Австралии, регулирующим деятельность как вооруженных сил, так и гражданских организаций, был «Закон об обороне» 1903 года с правками, последние из которых перед первой мировой войной были внесены в 1912 году. [4]

Согласно Конституции Австралии (раздел 51. п. vi) военно-морская и военная оборона Австралии и отдельных штатов, а также контроль над вооруженными силами для исполнения и поддержания законов государства находятся в компетенции Парламента Австралии. Таким образом, ответственность за оборонную политику лежит исключительно на парламенте и исполнительной власти. [3]

Законодательная база для внутреннего регулирования во время Первой мировой войны в значительной степени была сформирована в соответствии с «Законом о военных мерах предосторожности» 1914 года.

«Закон о военных мерах предосторожности» 1914 года был принят парламентом Австралии в рекордно короткие сроки. Он прошел три чтения на протяжении одного дня 8 сентября 1914 года. [2, с.88] Этот закон

наделял правительство Австралии особыми полномочиями на время Первой мировой войны и в течение шести месяцев после ее окончания.

Согласно закону, который должен был рассматриваться как единый документ с «Законом об обороне» 1903 – 1912 гг., парламент Австралии мог издавать нормативные акты «для обеспечения общественной безопасности и обороны Содружества», в том числе:

- направленные на предотвращение шпионажа и другой деятельности, которая может «поставить под угрозу успех операций любых вооруженных сил Его Величества», обеспечение «безопасности любых средств связи» и предотвращение «распространения сообщений, которые могут вызвать недовольство или тревогу» (нарушение которых подлежало рассмотрению в военном трибунале);
- запрещающие иностранцам въезд в Австралию или требующий их депортации оттуда;
- запрещающие иностранцам проживать или оставаться в указанном месте или требующий от них проживать и оставаться в указанном месте;
- направленные на регулирование регистрации и смены места жительства иностранцев, а также любых поездок и торговли, совершаемых ими;
- направленные на введение аналогичных ограничений для натурализованных граждан, которые могут быть наложены на иностранцев;
- требующие «от любого лица раскрывать любую имеющуюся в его распоряжении информацию по любому вопросу»;
- направленные на предотвращение «отправки денег или товаров из Австралии», за исключением определенных условий [7].

Раздел 4 закона наделял правительство широкими полномочиями по «установлению правил для обеспечения общественной безопасности и защиты Австралии...». Любое нарушение этих правил считалось правонарушением в соответствии с разделом 6. В отношении нарушений правил, в том числе тех, которые были призваны «предотвратить распространение информации, способной вызвать недовольство или тревогу», могли проводиться военно-полевые суды.

Таким образом, «Закон о военных мерах предосторожности» позволял вести эффективную борьбу против шпионажа, диверсий, распространения паники и серьезно ограничивал права граждан, в первую выходцев из недружественных государств.

В «Закон о военных мерах предосторожности» в ходе войны четырежды вносились поправки, главным инициатором которых был новый премьер-министр Австралии Уильям М. Хьюз. Эти поправки расширяли полномочия по принятию нормативных актов и сферу действия дискреционных полномочий правительства. [1, с.84 – 85]

Поправки, внесенные в апреле 1915 года, значительно расширили сферу действия полномочий правительства. Например, министр обороны мог «потребовать, чтобы в его распоряжение была передана вся продукция

или ее часть с любого завода или из любой мастерской, где производятся оружие, боеприпасы, военное снаряжение или оборудование, а также любые изделия, необходимые для их производства». Также были расширены полномочия по принятию нормативных актов, в том числе для принятия любых постановлений, направленных на «предотвращение оказания помощи врагу или создание угрозы успешному ведению войны». Дальнейшие поправки, внесенные в сентябре 1915 года, аналогичным образом наделяли министра полномочиями «задерживать любого человека под стражей на срок, который он сочтет необходимым, если он будет уверен, что такое задержание необходимо для обеспечения общественной безопасности и защиты Содружества».

Строгий государственный контроль был установлен над всеми ведущими отраслями экономики, специально созданные комитеты наблюдали за продажей стратегически важного сырья и оборудования вплоть до окончания войны. Правительство получило контроль над прессой и фактически ввело в действие строго централизованную военную администрацию.

Последующие поправки расширили сферу применения нормативных актов, включив в нее:

- запрет на пересылку за границу любых письменных сообщений, кроме почтовых;

- запрет на владение имуществом, принадлежащим вражеским подданным, а также на регулирование или ограничение любой торговли или коммерческой деятельности, осуществляемой ими;

- запрет на реквизицию чего-либо. [6]

С 1915 года шкала наказаний за правонарушения, предусмотренные законом, выглядела следующим образом:

- по условному приговору: штраф в размере до 100 фунтов стерлингов или лишение свободы на срок до шести месяцев, либо и то, и другое;

- по обвинительному акту: штраф в любом размере или лишение свободы на любой срок, либо и то, и другое.

Если по обвинительному акту или приговору военного трибунала преступление было совершено с намерением помочь врагу, виновный подлежал смертной казни. [6]

Условия военного времени способствовали неукоснительному выполнению «Закона о военных мерах предосторожности». За нарушения этого закона было возбуждено 3442 уголовных дела, почти все они были доведены до суда. [5]

Закон должен был «действовать в течение всего периода войны и не более того». Последующие поправки продлили действие закона до 1 июля 1919 года.

Заключение. «Закон о военных мерах предосторожности» стал ключевым юридическим документом Австралии во время первой мировой войны. Положения, принятые в соответствии с этим законом, со временем

охватили многие аспекты экономической и социальной жизни Австралии. В ходе войны на основании этого закона было издано 406 нормативных актов общим объемом 706 страниц. В первую очередь эти нормативные акты касались регулирования цен, поставок наиболее важных товаров, деятельности иностранных граждан. После войны на основании этого закона было издано еще 109 нормативных актов, прежде чем он был отменен.

Принятие «Закона о военных мерах предосторожности» сыграло решающую роль в обеспечении экономической стабильности Австралии в годы первой мировой войны, а также в борьбе против шпионажа, диверсий и прочей враждебной деятельности.

Список использованных источников

1.Скоробогатых, Н. С. История Австралии: учебник / Н. С. Скоробогатых; Ин-т стран Востока. – Москва: Институт стран Востока, 2011. – 240 с.

2.Скоробогатых, Н. С. История Австралии. XX век / Н. С. Скоробогатых ; отв. ред. В. П. Николаев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – 452 с.

3.Commonwealth of Australia Constitution Act [Electronic resource]. Commonwealth Consolidated Acts. – URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/consol_act/coaca430/s51.html (date of access: 03.03.2026).

4.Defence Act 1903 [Electronic resource]: Australian Government. – URL: https://www.legislation.gov.au/C1903A00020/2025-02-21/2025-02-21/text/original/epub/OEBPS/document_1/document_1.html (date of access: 05.03.2026).

5.Law, War and Peace [Electronic resource]: Australian Government. Australian Law Reform Commission. – URL: https://www.alrc.gov.au/datahub/topics-of-interest/law-war-and-peace/ (date of access: 06.03.2026).

6.Provisional regulations under the War Precautions Act 1914 – 1915 [Electronic resource]: Australian Government. Federal Register of Legislation. – URL: https://www.legislation.gov.au/C1915L00077/latest/text (date of access: 09.03.2026).

7.The War Precautions Act 1914/ [Electronic resource]: Australian Government. Federal Register of Legislation. – URL: https://www.legislation.gov.au/C1914L00154/latest/text (date of access: 02.03.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА NON-REFOULEMENT В АКТАХ МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Г.А. Герасимов
Научный руководитель: В.А. Барышев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В условиях глобальной миграционной турбулентности принцип *non-refoulement* (невысылки) трансформируется из узкоспециальной нормы

права беженцев в императивный стандарт защиты фундаментальных прав личности. Традиционный этатистский подход, доминирующий в ряде стран, рассматривает право на миграцию как производное от государственной воли, зачастую ограничивая действие принципа невысылки формально-юридическими критериями. В противовес этому, практика Межамериканского суда по правам человека (далее, МСПЧ) демонстрирует последовательную эволюцию принципа *non-refoulement* через призму естественно-правовой доктрины. В актах МСПЧ данный принцип перерастает границы Конвенции ООН 1951 г. [4], приобретая статус нормы *jus cogens* и распространяясь на ситуации, связанные не только с политическим преследованием, но и с обобщенным насилием, экологическими катастрофами и глубоким социальным кризисом. Исследование латиноамериканского опыта необходимо для переосмысления границ государственного суверенитета в пользу неотчуждаемых прав человека, что коррелирует с современными тенденциями гуманизации международного миграционного права.

Цель исследования заключается в выявлении векторов доктринальной эволюции принципа *non-refoulement* в актах МСПЧ и обосновании его естественно-правовой природы как гаранта универсальной защиты мигрантов вне зависимости от их формального статуса.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили фундаментальные международно-правовые акты, определяющие миграционный режим в Западном полушарии: Американская конвенция о правах человека (1969 г.) [1], Картахенская декларация о беженцах (1984 г.) [3], а также корпус решений и Консультативных заключений Межамериканского суда по правам человека (в частности, историческое Консультативное заключение ОС-18/03 о правах недокументированных мигрантов [8]). Теоретическую базу составили труды классиков естественного права (Р. Дворкин, Л. Фуллер) и ведущих современных доктринистов в области миграционного права (В. Шетс, Г. Гудвин-Гилл, Р. Плаундер).

Методологическую основу исследования составили: диалектический метод, позволивший раскрыть противоречие между государственным суверенитетом и естественным правом на жизнь; сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления универсального (ООН) и регионального (МСПЧ) режимов невысылки; метод правового моделирования для оценки имплементации стандартов МСПЧ в национальное право; а также теоретико-правовой анализ, направленный на деконструкцию позитивистских категорий «законности» в пользу концепции «нерегулярности» через призму юснатурализма.

Результаты и их обсуждения. Исторический генезис миграционного права в Западном полушарии характеризуется диалектическим переходом от естественно-правового идеала «открытых границ» к этатистским рестриктивным моделям. В XIX веке на континенте доминировала

доктрина «естественной мобильности»: в США до 1875 года иммиграция практически не ограничивалась федеральным законом, а Конституция Аргентины 1853 года в ст. 25 и вовсе возводила поощрение миграции в ранг государственной обязанности, признавая за индивидом врожденное право на поиск безопасности и благополучия [7].

Перелом произошел в конце XIX века с появлением в судебной практике США доктрины «пленарной власти» (*plenary power doctrine*), утвердившей абсолютный приоритет государственного суверенитета над правами личности [2]. С этого момента североамериканская модель начала дрейфовать в сторону криминализации нерегулярного статуса. В противовес этому, латиноамериканский регион, пережив череду диктатур в XX веке, сохранил приверженность юснатурализму. Через Гаванскую (1928 г.) [5] и Каракасскую (1954 г.) [6] конвенции Латинская Америка сформировала уникальный институт политического убежища, который со временем стал фундаментом для расширительного толкования принципа *non-refoulement*. Таким образом, история права региона демонстрирует конфликт двух парадигм: этатистской модели безопасности и гуманитарной модели защиты естественных прав.

Первоначально закрепленный в Конвенции ООН 1951 г. [4], принцип *non-refoulement* носил реактивный характер и ограничивался защитой от высылки лиц, имеющих обоснованные опасения стать жертвой преследования по пяти классическим признакам: раса, религия, гражданство, принадлежность к социальной группе, политические убеждения. В Западном полушарии этот принцип получил закрепление в ст. 22 Американской конвенции о правах человека (1969 г.) [1]. Однако в рамках межамериканской системы он сразу начал интерпретироваться как абсолютное обязательство, не допускающее исключений по соображениям «национальной безопасности», что уже тогда обозначило трещину в этатистском монолите.

Эволюция принципа *non-refoulement* ознаменована переходом от узкой защитной функции, закрепленной в Конвенции ООН 1951 г. [4], к концепции «универсального гуманитарного щита». Если классический подход ограничивает невысылку критерием индивидуального преследования, то латиноамериканская правовая доктрина, опираясь на естественно-правовой императив защиты жизни, осуществила «региональный прорыв» через принятие Картахенской декларации 1984 года [3]. Расширительное толкование позволило распространить защиту на лиц, чья безопасность находится под угрозой вследствие массовых нарушений прав человека, обобщенного насилия или внутренних конфликтов, что де-факто признает право на убежище за жертвами системных кризисов, а не только политическими активистами.

МСПЧ закрепил этот тренд, придав принципу *non-refoulement* статус нормы *jus cogens*. В практике Суда (например, в Консультативном заключении ОС-21/14 [9]) акцент смещается с иммиграционного контроля

на врожденное достоинство личности. Расширительная интерпретация предполагает, что любое государственное действие по выдворению ограничено «реальным риском» причинения вреда, независимо от формального соответствия мигранта статусу беженца. С позиции юснатурализма, такой подход обосновывает право на невысылку как абсолютное естественное право, которое обладает приоритетом над административной целесообразностью. Это создает потенциал для дальнейшей экстраполяции принципа на категории «климатических» и социально-экономических мигрантов, чье право на жизнь невозможно обеспечить без трансграничного перемещения.

С позиций естественного права принцип *non-refoulement* (невысылки) следует интерпретировать не как дискреционную норму, делегированную государством в рамках его суверенитета, а как материализацию врожденных прав на жизнь и человеческое достоинство. В системе координат Л. Фуллера данный принцип отвечает критериям «внутренней морали права»: закон, допускающий выдачу человека на верную гибель, лишается своей правовой сущности, превращаясь в инструмент голого насилия. Таким образом, невысылка выступает императивом, ограничивающим позитивное законодательство ради сохранения справедливости.

Опираясь на доктрину Р. Дворкина, принцип *non-refoulement* можно охарактеризовать как «право-козырь» (rights as trumps). В диалектическом споре между государственным интересом и индивидуальной свободой, естественное право на безопасность обладает безусловным приоритетом. Потенциал расширительного толкования этого принципа, демонстрируемый МСПЧ, доказывает, что его природа динамична: защита должна следовать за угрозой достоинству личности, будь то политическое преследование, климатическая катастрофа или крайняя нищета. Следовательно, расширение действия *non-refoulement* является не «юридической экспансией», а логическим восстановлением приоритета естественного права над этатистским формализмом.

Заключение. Исследование выявило глубокий раскол в Западном полушарии между североамериканской этатистской моделью «пленарной власти» и латиноамериканским юснатурализмом, ставящим личность выше суверенитета. Установлено, что благодаря Картахенской декларации 1984 г. и практике МСПЧ принцип *non-refoulement* трансформировался в универсальный гуманитарный стандарт, защищающий жертв системного насилия вне рамок Конвенции ООН 1951 г.

Доказано, что невысылка имеет естественно-правовую природу и, в терминах Р. Дворкина, выступает «правом-козырем», превалирующим над административной целесообразностью. Признание принципа нормой jus cogens подтверждает приоритет человеческого достоинства над волей суверена. Перспективы развития нормы связаны с её экстраполяцией на новые вызовы (включая климатическую миграцию), где

латиноамериканский опыт служит моделью преодоления глобального кризиса через призму юснатурализма.

Список использованных источников

1. Американская конвенция о правах человека : [принята в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г.] // Организация американских государств. Серия договоров. – № 36.

2. Дело о высылке китайцев (Chae Chan Ping v. United States), 130 U.S. 581 (1889) // U.S. Supreme Court Reports.

3. Картахенская декларация о беженцах : [принята в г. Картахене 22.11.1984 г.] // Годовое издание Межамериканской комиссии по правам человека. – 1984. – ОАГ/Ser.L/V/II.66.

4. Конвенция о статусе беженцев : [принята в г. Женеве 28.07.1951 г.] // Сборник договоров ООН. – 1954. – Т. 189. – С. 137.

5. Convention on Asylum : [signed in Havana on 20.02.1928] // League of Nations Treaty Series. – Vol. 132. – P. 323.

6. Convention on Territorial Asylum : [signed in Caracas on 28.03.1954] // Organization of American States. Treaty Series. – № 34.

7. Constitución de la Nación Argentina [1853] // Honorable Cámara de Diputados de la Nación [Electronic resource]. – URL:https://www.diputados.gov.ar/. (date of access:: 22.02.2026.

8. Juridical Condition and Rights of Undocumented Migrants : Advisory Opinion OC-18/03 of September 17, 2003 // Inter-American Court of Human Rights. – Series A. – № 18.

9. Rights and Guarantees of Children in the Context of Migration : Advisory Opinion OC-21/14 of August 19, 2014 // Inter-American Court of Human Rights. – Series A. – № 21.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

В.В. Горбачёва
Научный руководитель: Д.А. Наумов
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Регулирование общественного порядка в Республике Беларусь основано на правовой системе, разграничивающей уголовные преступления и административные проступки. В этой системе хулиганство занимает центральное место как одно из наиболее распространённых преступлений против общественного порядка. Разграничение уголовного преступления и административных правонарушений имеет ключевое значение для обеспечения законности и справедливости правоприменительной практики.

Актуальность темы исследования заключается в том, что разграничение хулиганства между уголовным и административным правом в Республике Беларусь имеет прямое значение для единообразного применения законодательства, защиты общественного порядка и прав граждан.

Целью исследования является определение юридического содержания понятия хулиганства и выявление критериев для разграничения уголовной и административной ответственности.

Материал и методы. Материалами для публикации послужили учебные пособия, сборники научных статей, а также исследования белорусских и зарубежных ученых по вопросам отграничения хулиганства от административных правонарушений.

Исследование проведено с использованием следующих методов: всеобщего метода познания, формально-логического метода, метода системного анализа, синтеза, дедукции и индукции, методов систематизации материалов судебной практики.

Результаты и их обсуждение. Хулиганство – умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом (ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК) [1]. Законодательство различает три уровня хулиганства: простое хулиганство, злостное хулиганство и особо злостное хулиганство. В уголовном праве оно относится к преступлениям против общественного порядка.

Мелкое хулиганство (ст. 19.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях – далее КоАП) в административном праве выражается в оскорбительном приставании к гражданам и других умышленных действиях, нарушающих общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан, и выражающееся в явном неуважении к обществу [2].

Главная трудность разграничения хулиганства и мелкого хулиганства заключается в определении «точки», где простое нарушение норм поведения превращается в социально опасное деяние. В юриспруденции граница между этими составами крайне узка, и основным инструментом анализа выступает сочетание объективных признаков и субъективного отношения лица к своим действиям.

Первым и наиболее очевидным критерием является характер физического воздействия. Административная ответственность прекращается там, где начинается причинение физического вреда или повреждение имущества. Если в ходе конфликта в общественном месте правонарушитель переходит от словесных оскорблений к нанесению удара, вызывающего боль (без кратковременного расстройства здоровья), квалификация смещается в сторону уголовного хулиганства.

Наиболее дискуссионным элементом уголовно наказуемого хулиганства является «исключительный цинизм». Это оценочное понятие, которое не имеет цифрового выражения. Под ним понимаются действия, которые грубо нарушают нормы нравственности и морали. Так,

нецензурная брань в парке – это мелкое хулиганство, но аналогичные действия в храме во время службы, сопровождаемые раздеванием или осквернением символов, будут квалифицироваться как уголовное хулиганство, поскольку в действиях присутствует исключительный цинизм. Граница проходит по степени шокового воздействия: мелкое хулиганство выражает раздражение и дискомфорт окружающих, в то время как хулиганство, сопряженное с цинизмом, вызывает глубокое возмущение.

Мотив имеет принципиальное значение. Для уголовного хулиганства характерно желание противопоставить себя обществу, показать свое превосходство и пренебрежение к окружающим. В мелком хулиганстве мотив чаще бытовой или связан с низкой культурой поведения, без выраженного намерения «самоутверждения через насилие».

Необходимо различать хулиганство и личные неприязненные отношения. Если драка в кафе происходит между старыми знакомыми из-за давнего долга, то несмотря на нарушение порядка, состав хулиганства может отсутствовать, так как умысел направлен не на общество, а на конкретное лицо. В таких случаях действия квалифицируются как нанесение телесных повреждений.

Особое значение в системе разграничения имеет ч. 3 ст. 399 УК – «особо злостное хулиганство». Ключевым элементом здесь выступает использование любых предметов в качестве оружия. Использование любого предмета как оружия, будь то палка, камень, бутылка или иной бытовой предмет, сам факт его применения для нанесения удара или угрозы его применения автоматически переводит деяние из административной плоскости в уголовную. Мелкое хулиганство не предполагает вооруженного характера и ограничивается действиями, нарушающими общественное спокойствие. Именно поэтому появление в руках правонарушителя предмета, способного быть использованным как оружие, становится критической точкой квалификации.

Заключение. Таким образом, в ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что разграничение уголовно наказуемого хулиганства (ст. 339 УК) и административного проступка (ст. 19.1 КоАП) представляет собой многоуровневый процесс правовой квалификации, основанный на анализе качественных и количественных характеристик деяния.

Во-первых, основным отличием между составами выступает не только объективная сторона деяния, но и качественный уровень нарушения общественного порядка. Мы установили, что мелкое хулиганство по своей сути является деликтом «невоспитанности и бескультурья», в то время как уголовное хулиганство всегда сопряжено с агрессивным посягательством на физическую неприкосновенность личности, сохранность имущества или фундаментальные нормы общественной морали. Наличие любого реального насилия или повреждения материальных ценностей, независимо от их стоимостного

выражения, автоматически переводит деяние из административной плоскости в уголовно-правовую.

Во-вторых, ключевым критерием разграничения остается оценочная категория «исключительного цинизма». Нами выявлено, что в отличие от административного нарушения спокойствия, уголовный состав требует фиксации действий, вызывающих глубокое возмущение и шок у окружающих (глумление над ценностями, бесстыдство). Это подчеркивает, что ст. 339 УК защищает не просто «тишину», а морально-этический фундамент общества.

В-третьих, принципиальное значение имеет субъективная сторона: необходимо доказать наличие умысла на противопоставление себя социуму и демонстрацию явного превосходства над окружающими. В отсутствие такого «хулиганского побуждения» действия должны квалифицироваться по иным статьям.

В-четвертых, использование любых предметов в качестве оружия является абсолютным признаком «особо злостного» хулиганства (ч. 3 ст. 339 УК), что полностью исключает возможность применения КоАП ввиду кратного возрастания общественной опасности.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275–З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. № 101–З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 января 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. № 101–З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

МОТИВАЦИЯ И СТРАТЕГИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ К.ЮНГА

К.Е. Горборова
Научный руководитель: А.А. Сухарев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Понимание мотивации и когнитивных механизмов преступников остаётся важной задачей криминальной психологии. В данной работе в качестве теоретической основы используется типология К. Г. Юнга – различие интроверсии, экстраверсии и четырёх психических функций (мышление, чувство, ощущение, интуиция) – как инструмент для описания устойчивых стилей восприятия и принятия решений. Поздние популярные адаптации типологии (например, MBTI и соционика) будут упомянуты лишь критически как эмпирически спорные и методологически ограниченные интерпретации исходной концепции. Цель исследования –

установить связи между психическими функциями по Юнгу и мотивационным мышлением преступников.

Материал и методы. Были использованы материалы таких ученых, как Павлов В.Г., Андреева Г. М., Фрейд З., Юнг К. Использованные методы познания – анализ, индукция, аналогия.

Результаты и их обсуждение. Юнг выделял два вида направленности сознания: экстраверсия и интроверсия. Экстраверсия – ориентация психики на объекты и события внешнего мира. Интроверсия – ориентация психики внутрь сознания, направленная на собственные переживания и мысли. Также Юнг выделил четыре базовые психические функции, делящиеся на рациональные и иррациональные [1].

Мышление – логико-понятийная функция. Оценивает факты, строит причинно-логические связи. Является рациональной функцией.

Чувство – ценностно-оценочная функция. Определяет значимость, моральную и эмоциональную окраску явлений, формирует мотивационные оценки. Рациональная функция.

Ощущение – сенсорная функция. Фиксирует конкретные факты и детали «здесь-и-сейчас», обеспечивает контакт с реальным миром. Иррациональная функция.

Интуиция – функция восприятия возможностей и перспектив. Обнаруживает скрытые связи, предчувствия, абстрактные гипотезы, отвечает за планирование. Иррациональная функция.

MBTI и соционика – популярные адаптации идей Юнга с разными целями и методологией. MBTI (Типология Майерс-Бриггс) опирается на четыре дихотомии (E/I, S/N, T/F, J/P) и 16 типов, широко применяется в самопознании и HR, но критикуется за ограниченную валидность и нестабильность некоторых шкал. Соционика (А. Аугустинавичюте) развивает идею «информационного метаболизма», вводит модель типов и сложные схемы межтипных отношений, за что и критикуется в большей степени. Обе типологии используют функции, но разделяют каждую из функций на экстравертную (в соционике – черную) и интровертную (в соционике – белую) [2].

У экстравертированных субъектов мотивация чаще опирается на внешние стимулы: социальное одобрение, давление, острые ситуации. Преступления, как правило, носят импульсивный, демонстративный или групповой характер. Преобладает склонность к прямому действию, сниженной рефлексии, риску [3]. Бытует мнение о том, что экстраверсия в совокупности с доминирующей сенсорикой порождает агрессивное, силовое поведение. В соответствии с MBTI и соционикой экстравертная сенсорика ответственна за расширение жизненного пространства человека, стремление ощущать себя сильнее и больше. Поэтому другое ее название Силовая или Волевая сенсорика. Экстравертов с доминирующей сенсорикой обычно привлекают карьера или интересы, которые позволяют им получать немедленную обратную связь за свои действия, развивать

навыки с помощью практической деятельности в реальных жизненных ситуациях. Если при всем при этом добавить достаточно сильную функцию чувства, мы получим сильного человека с высокими моральными качествами, возможно служителя закона или военного начальника. Но если эта функция будет слабой, пострадают моральные качества человека и на выходе получится агрессивный и волевой социопат. Антисоциальная корыстно-насильственная направленность, насильственное вымогательство, грабежи, разбойные нападения, совершенные группой лиц – наиболее типичные преступления, совершаемые субъектами с подобным набором психических функций. Мотив – продемонстрировать силу, получить благодаря силе какие-либо блага [4]. Иногда просто всплеск неконтролируемой агрессии. Нарушение правовых и моральных норм проявляется как форма доминантного поведения, лишённого этической регуляции. Обращаясь к теории психоанализа З. Фрейда, можно рассматривать это как активацию примитивных импульсов Ид (Оно) при ослабленном контроле со стороны Эго (Я) и отсутствии морального Супер-Эго [5].

Интровертированные индивиды характеризуются ориентацией на внутренние процессы: личные убеждения, образы, фантазии. Их мотивация часто скрыта, рационализирована, преступное поведение – замкнутое, планируемое, обособленное от внешнего влияния [6]. Преобладает когнитивная переработка, аффективная автономность, высокая степень контроля. Ярко выраженное мышление у интровертного индивида может породить настоящего гения. А в сочетании с ярко выраженной интуицией – эффективного стратега. Опять же, если у человека есть моральный регулятор в виде функции чувства, он может стать успешным ученым. Но опять же, если данная функция выражена слабо, человек может начать использовать свой интеллект в преступных целях [7]. Мотив – чаще корыстный, чем силовой [8]. Логико-интуитивные интроверты, как правило, менее заинтересованы в демонстрации силы. В первую очередь это будут преступления, направленные на получение благ посредством манипуляции компьютерной информацией, тайным хищением имущества, обманом. Скорее всего будут скрываться и стараться демонстрировать себя как прилежных граждан [9].

Заключение. Таким образом, типология Юнга позволяет рассматривать преступное поведение как отражение устойчивых когнитивных и мотивационных особенностей личности. Экстравертные типы с преобладанием сенсорной функции склонны к открытому, импульсивному и агрессивному правонарушению, особенно при слабой этической регуляции. Интровертные типы с доминированием логики и интуиции действуют скрытно, обдуманно, мотивированы расчётом; при дефиците моральной функции возможны интеллектуализированные формы девиации. Типологический подход не является универсальным

объяснением, но может использоваться как дополнительный инструмент в анализе преступной мотивации и стратегии поведения преступника.

Список использованных источников

1. Юнг, Карл Густав Психологические типы / К. Г. Юнг; пер. Е. И. Рузера; предисл. проф. Ив. Ермакова. – Москва : Гос. изд-во, 1924.

2. Аугустинавичюте, А. Соционика / А. Аугустинавичюте. – М.: Черная белка, 2008. – 568 с.

3. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник / Г. М. Андреева. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 327 с.

4. Карягина, О. В. Психологические особенности индивидуального и группового преступного поведения / О. В. Карягина // Вестник ТИУиЭ. 2022. №1 (35). – С. 61 – 65.

5. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд; пер. с нем. – Москва: АСТ, 2021. – 542 с.

6. Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов / М. И. Еникеев. – М.: Норма, 2005. – 640 с.

7. Антонян, Ю. М. Личность корыстного преступника / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков. – Томск: Юрид. лит., 1989. – 178 с.

8. Возрастная психология [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс для студентов спец 1-23 01 04 Психология / [сост. Ж.Л. Данилова]; М-во образования РБ, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», Каф. прикладной психологии. – Электрон. Текстовые дан. – Витебск., 2009. – URI: https://rep.vsu.by/handle/123456789/2005 (дата обращения: 10.09.2025).

9. Павлов, В. Г Некоторые структурные особенности личности преступника при совершении насилия в отношении несовершеннолетних / В. Г. Павлов // XXI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2017.

БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Е.А. Григорьева
Научный руководитель: И.Ф. Гребенщикова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях изменения социальной и культурной среды, а также глобальных вызовов, таких как миграция, экономическая нестабильность и др., важно переосмыслить подходы к установлению брачного возраста, обеспечивая гармонию межличностных прав и общественных интересов. Это будет способствовать укреплению института семьи, социальной стабильности и социальному развитию. Цель исследования – определить особенности снижения брачного возраста в Республике Беларусь, выявить правовые, социальные и культурные аспекты данного вопроса в международной практике.

Материал и методы. Материалами исследования явились нормативные положения, регламентирующие брачный возраст в Республике Беларусь и зарубежных государствах. Методы исследования:

общелогические: анализ, синтез, а также общенаучные и прикладные: компаративный, исторический, статистический.

Результаты и их обсуждение. Позитивным юридическим фактом для вступления в брак является достижение брачного возраста. Брачный возраст – это установленный законом минимальный возраст, с которого граждане имеют право вступать в брак без ограничений или с учетом определенных условий.

Согласно «Рекомендации о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков», принятой резолюцией 2018 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 ноября 1965 года: «государствами-членами ООН должны быть изданы законодательные акты, устанавливающие минимальный брачный возраст, причем ни одна из вступающих в брак сторон не может быть моложе пятнадцати лет; не допускается юридического оформления брака с лицом, не достигшим установленного возраста, кроме тех случаев, когда компетентный орган власти в интересах сторон, вступающих в брак, разрешает сделать при наличии серьезных причин исключение из этого правила о возрасте» [1].

Согласно Конвенции ООН «О правах ребенка» детский возраст заканчивается в восемнадцать лет, следовательно, многие государства мира воспринимают этот возраст как начало полной дееспособности, а следовательно, возможности реализовывать права и обязанности, по поводу брака. Учитывая это, многие государства в своих нормативных правовых источниках определили минимальный возраст для вступления в брак не ниже 18 лет, как оптимальный для защиты прав несовершеннолетних. В то же время правовые источники допускают снижение брачного возраста (установление меньшей нижней границы), что обусловлено историческими, религиозными, традиционными и др. особенностями.

Брачный возраст в Республике Беларусь, согласно брачно-семейному законодательству, – восемнадцать лет. Мы солидарны с мнением В.Г. Тихини, что: «достижение брачного возраста необходимо прежде всего потому, что вступление в брак требует определенной физической и психологической зрелости» [2, с. 81]. В исключительных случаях, орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, но не более чем на три года. Юридическими фактами в данном случае являются: 1) беременность, 2) наличие общего ребенка, 3) приобретение несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия (эмансипация). Отметим, что снижение брачного возраста производится по заявлению лиц, вступающих в брак. При этом, в соответствии со ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, согласия законных представителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется [3].

Многие государства, придерживаясь международных стандартов, как правило определяют восемнадцатилетие как возрастной минимум для

бракосочетания. Вместе с тем, локальные особенности значительно дифференцируют возрастные рамки (см. таблицу 1).

Таблица 1. Брачный возраст в отдельных государствах мира

Государство	Брачный возраст
Йемен	15 лет
Камерун	15 лет (мужчины)/ 18 лет (женщины)
Камбоджа	16 лет (мужчины)/ 13 лет (женщины)
Иран	18 лет (мужчины)/ 15 лет (женщины)
Австрия	18 лет
Швеция	18 лет
Чехия	18 лет
Польша	18 лет
Франция	18 лет
Германия	18 лет
Тайвань	20 лет
Сингапур	21 год
Китай	22 лет (мужчины)/ 20 лет (женщины)

Проведенный анализ показывает, что в современной мировой практике диапазон легально установленного брачного возраста находится в следующих пределах: от 13 до 22 лет. В европейских странах, как правило, брачный возраст установлен в 18 лет. Только в некоторых (например, Андорра, Мальта) – в 16 лет. Аналогичное правовое регламентирование в Америке и Океании. Причем, в Гренаде, Боливии, Гондурасе как мужчинам, так и женщинам можно вступать в брак только с 21 года. Значительно расширены рамки допустимого брачного возраста в Азии: от 13 лет (Камбоджа) до 22 лет (Китай).

Основными условиями снижения брачного возраста являются:

1) согласие родителей или законных представителей;
2) судебное согласие;
3) разрешение административного округа;
4) при наличии особых причин, таких как беременность;
5) при особой заинтересованности;
6) с согласия шариата и др.

На основании статистических данных можно сделать вывод, что «детский брак» (согласно ЮНЕСКО – это брак, заключенный до восемнадцати лет, особенно распространён в азиатских странах, Африке и Латинской Америке. Так, несмотря на наличие Гражданского кодекса, в котором предусмотрен возраст вступления в брак для мальчиков с 18 лет, а для девочек – с 16, религиозные законы Афганистана разрешают браки с малолетними. Подобная ситуация в Индии, Иране, Пакистане.

Негативные спутники раннего брака: социальная незрелость, «игра в семью», «неосознанное вынужденное родительство», материальная зависимость, преграда для самореализации. Практика наиболее развитых стран демонстрирует легализацию «детских браков» в исключительных

случаях, что способствует осознанному, зрелому, а значит, успешному созданию и эволюции семьи.

Заключение. Белорусский законодатель при установлении брачного возраста максимально учел как мировые тенденции, так и особенности национального менталитета. Вместе с тем, на наш взгляд, установление более зрелого возраста для вступления в брак способствует более осознанному выбору, снижает риски семейных конфликтов, разводов и социальных проблем. Учитывая, что несовершеннолетнее лицо не обладает необходимой психологической зрелостью, мы считаем, что при осуществлении диспенсации необходимо, опираясь на опыт других государств, в обязательном порядке получать согласие законных представителей несовершеннолетнего.

Список использованных источников

1. Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков (Принята резолюцией 2018 (XX) Генеральной Ассамблеи от 1 ноября 1965 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/wedding.shtml?ysclid=mm82mva1xm26816905. – (дата обращения: 10.02.2026.

2. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С.М. Ананич [и др.] ; под ред. В.Г. Тихини, В.Г. Голованова, С.М. Ананич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278№-З : Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 12 июля 2025 г. № 86-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2026.

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ НА ЖИЛИЩЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.А. Григорьева
Научный руководитель: А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Право на жилище является одним из основных социально-экономических прав граждан, реализация которого обеспечивается, в том числе, механизмами судебной защиты. Актуальность темы обусловлена распространённостью жилищных споров и необходимостью эффективного восстановления нарушенных прав граждан.

Гарантии судебной защиты закреплены в Конституции Республики Беларусь и Жилищном кодексе Республики Беларусь. При этом важную роль в обеспечении единообразного применения законодательства и формировании судебной практики играют Верховный Суд Республики Беларусь и Конституционный Суд Республики Беларусь.

Цель исследования – проанализировать особенности судебной защиты права на жилище в Республике Беларусь и выявить основные проблемы её реализации.

Материал и методы. Материал исследования составили нормы жилищного законодательства Республики Беларусь, регулирующие право на жилище, а также судебная практика по данной категории дел.

В ходе исследования использовались формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и обобщения судебной практики.

Результаты и их обсуждение. Основные гарантии судебной защиты права на жилище закреплены в Конституции Республики Беларусь, согласно которой каждому гарантируется защита прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом [1].

Развитие данных конституционных положений осуществляется в отраслевом законодательстве. Так, нормы, регулирующие конкретные жилищные правоотношения, содержатся в Жилищном кодексе Республики Беларусь, который устанавливает порядок владения, пользования и распоряжения жилыми помещениями, а также основания защиты жилищных прав граждан [2].

Практическая реализация судебной защиты права на жилище проявляется в рассмотрении судами различных категорий жилищных споров. Судебная практика по таким делам позволяет выявить наиболее распространённые нарушения жилищных прав граждан, а также определить основные направления их судебной защиты. В этой связи анализ статистических данных о рассмотрении жилищных споров имеет важное значение для оценки эффективности судебной защиты.

Анализ статистических данных Верховного Суда Республики Беларусь позволяет определить наиболее распространённые категории жилищных споров. Согласно данным за 2025 год, к ним относятся:

- споры о выселении граждан из жилых помещений (2835 дел);
- споры о признании граждан утратившими право владения и пользования жилым помещением, а также о расторжении договора найма жилого помещения (2357 дел);
- споры о признании права собственности на жилые дома и квартиры (915 дел) [3].

Среди указанных категорий особую сложность представляют дела о выселении, поскольку они непосредственно затрагивают конституционное право граждан на жилище. В связи с этим при рассмотрении подобных дел суды исходят из необходимости соблюдения баланса между правами собственника жилого помещения и правами граждан, проживающих в данном помещении.

Анализ судебной практики показывает, что несмотря на наличие нормативных гарантий судебной защиты жилищных прав, в данной сфере сохраняется ряд проблем. Одной из них является недостаточная правовая

осведомлённость граждан. Многие граждане не обладают необходимыми знаниями о механизмах защиты своих прав, что приводит к несвоевременному обращению в суд либо к неправильному оформлению исковых требований.

Кроме того, актуальной остаётся проблема исполнения судебных решений по жилищным спорам. Даже при наличии судебного решения фактическое восстановление нарушенного права может быть затруднено из-за отсутствия свободного жилищного фонда либо по причинам организационного характера.

В связи с этим особое значение приобретает совершенствование механизмов судебной защиты права на жилище. Оно может осуществляться посредством:

1) повышения доступности юридической помощи гражданам, включая развитие системы бесплатной правовой помощи, расширение деятельности юридических консультаций и повышение уровня правовой информированности населения о способах защиты жилищных прав;

2) дальнейшего формирования и развития единообразной судебной практики по жилищным спорам, что позволит обеспечить более предсказуемое и справедливое разрешение дел, а также снизить количество противоречий в применении жилищного законодательства судами;

3) совершенствования жилищного законодательства с учётом современных социально-экономических условий и возникающих правоприменительных проблем, что позволит устранить пробелы и неоднозначности правового регулирования жилищных отношений;

4) расширения механизмов альтернативного разрешения жилищных споров, таких как медиация и иные формы досудебного урегулирования конфликтов, способствующих снижению нагрузки на суды и более оперативному разрешению споров между сторонами;

5) цифровизации судебных процедур, включая развитие электронного правосудия, возможность подачи процессуальных документов в электронном виде и дистанционного участия в судебных заседаниях, что повышает доступность судебной защиты и сокращает сроки рассмотрения дел.

Заключение. Таким образом, судебная защита является важнейшим элементом реализации права на жилище, обеспечивающим реальное восстановление нарушенных прав граждан. Эффективность её осуществления во многом зависит от единообразия судебной практики, доступности правовой помощи и реального исполнения судебных решений. Дальнейшее совершенствование указанных механизмов будет способствовать укреплению гарантий жилищных прав граждан и повышению эффективности защиты права на жилище в Республике Беларусь.

Список использованных источников
1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск : Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 109 с.
2. Жилищный Кодекс Республики Беларусь : 28 августа 2012 г. № 428-З: Принят Палатой представителей 31 мая 2012 года, одобрен Советом Республики 22 июня 2012 года: в ред. Закона Республики Беларусь от 11 ноября 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН : информационно-поисковая система. (Дата обращения 11.03.2026)
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2025 год [Электронный ресурс]: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html. (Дата обращения 11.03.2026)

ИНКЛЮЗИВНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.С. Достанко
Научный руководитель: Н.В. Пушко
Могилев, Могилевский институт МВД

В современных реалиях происходит активизация внимания не только к вопросам трудовой инклюзии, но и к правовому обеспечению решения задач по включению лиц с пониженной трудоспособностью в состав рабочей силы. Сегодня в экономике Беларуси занято более 71 тыс. чел. с инвалидностью, что составляет 61,5 % от числа лиц с пониженной трудоспособностью, имеющих рекомендации к труду. При этом ежегодно число инклюзивных работников пополняется 2 – 2,5 тыс. чел. [1].

Цель исследования – охарактеризовать состояние правового регулирования инклюзивной занятости в Республике Беларусь, выявить пробела в законодательном регулировании трудовой инклюзии и предложить пути их решения.

Материалы и методы. В ходе работы над темой исследования были изучены нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие правовые отношения в сфере инклюзивной занятости. Методология исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами.

Результаты и их обсуждение. Прежде всего необходимо определить, что же это за термин «инклюзивность». Данное понятие впервые было введен в оборот в 1994 г. на Всемирной конференции по образованию лиц с особыми потребностями (ЮНЕСКО) и предполагало включение кого-либо или чего-либо в общественный процесс. Чаще всего он подразумевает под собой социальный подход к инвалидности посредством включения в жизнь общества людей с ограниченными возможностями здоровья, имеющих особенности физического развития, инвалидность или ментальные отличия.

Хотя законодательное определение термина «инклюзивная занятость» в Республике Беларусь отсутствует, тем не менее нами под инклюзивной занятостью понимается организация совместной трудовой деятельности с включением работников с ограниченными возможностями в конкретные производственные процессы. Это форма организации труда, при которой каждому человеку-работнику, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике [2, с.49].

Несмотря на то, что инклюзивная занятость безусловно включается в модель социально-экономического развития государства, у трудовой инклюзии помимо преимуществ, есть и определенные риски (таблица 1.)

Таблица 1. – Трудовая инклюзия: риски и преимущества

Риски, связанные с трудовой инклюзией	Преимущества трудовой инклюзии
1. Найм персонала с инвалидностью влечет низкую продуктивность, так как таких работников необходимо обучить и адаптировать в коллективе	1. Создается психологически безопасная среда, в которой работники с ограниченными возможностями работают не опасаясь осуждения, что содействует укреплению доверия и сотрудничества в коллективе
2. Возможное неприятие коллективом работников с ограниченными возможностями	2. Развитие инклюзивной занятости обеспечит равные возможности работникам с ограниченными возможностями для роста, развития и продвижения по службе, что в свою очередь, обеспечивает принцип социального равенства в корпоративной культуре организации.
3. Возможна низкая мотивация работников с ограниченными возможностями, трудности с их увольнением.	3. Инклюзивная занятость расширяет границы возможностей реализации человеческого капитала граждан, что соответствует модели социально ориентированной экономики.
	4. Инклюзивная занятость как часть инклюзивной культуры общества, представляет преимущества и разнообразие в функционировании национального рынка труда, способствует социальному имиджу организаций, одновременно содействуя равенству и социальному прогрессу.

Правовое регулирование труда лиц с инвалидностью в Республике Беларусь обеспечивается рядом нормативных правовых актов: Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК) [6], Законом Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции» (далее – Закон-183) [4]; Законом Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон-125) [3] и иными нормативными правовыми актами. Кроме того, в Республике Беларусь приняты серьезные меры по

государственной поддержке создания рабочих мест для лиц с инвалидностью. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2009 г. № 128 «Об обеспечении занятости инвалидов» [5] предусмотрено финансирование расходов и компенсация затрат на создание и сохранение рабочих мест для инвалидов. Необходимо также отметить, что имеется ряд налоговых льгот и преференции для субъектов хозяйствования, привлекающих труд лиц, имеющих пониженную трудоспособность.

При этом, для реализации лицами с пониженной трудоспособностью права на труд, существует несколько вариантов:

1. у нанимателя с обычными условиями труда;
2. на специализированном рабочем месте (в специализированной организации, цехе, участке), в том числе в надомных условиях;
3. путем осуществления предпринимательской и иной, не запрещенной законодательством деятельности.

При этом государство устанавливает определенные дополнительные гарантии для реализации лицами с пониженной трудоспособностью своего права на труд (рисунок 1).

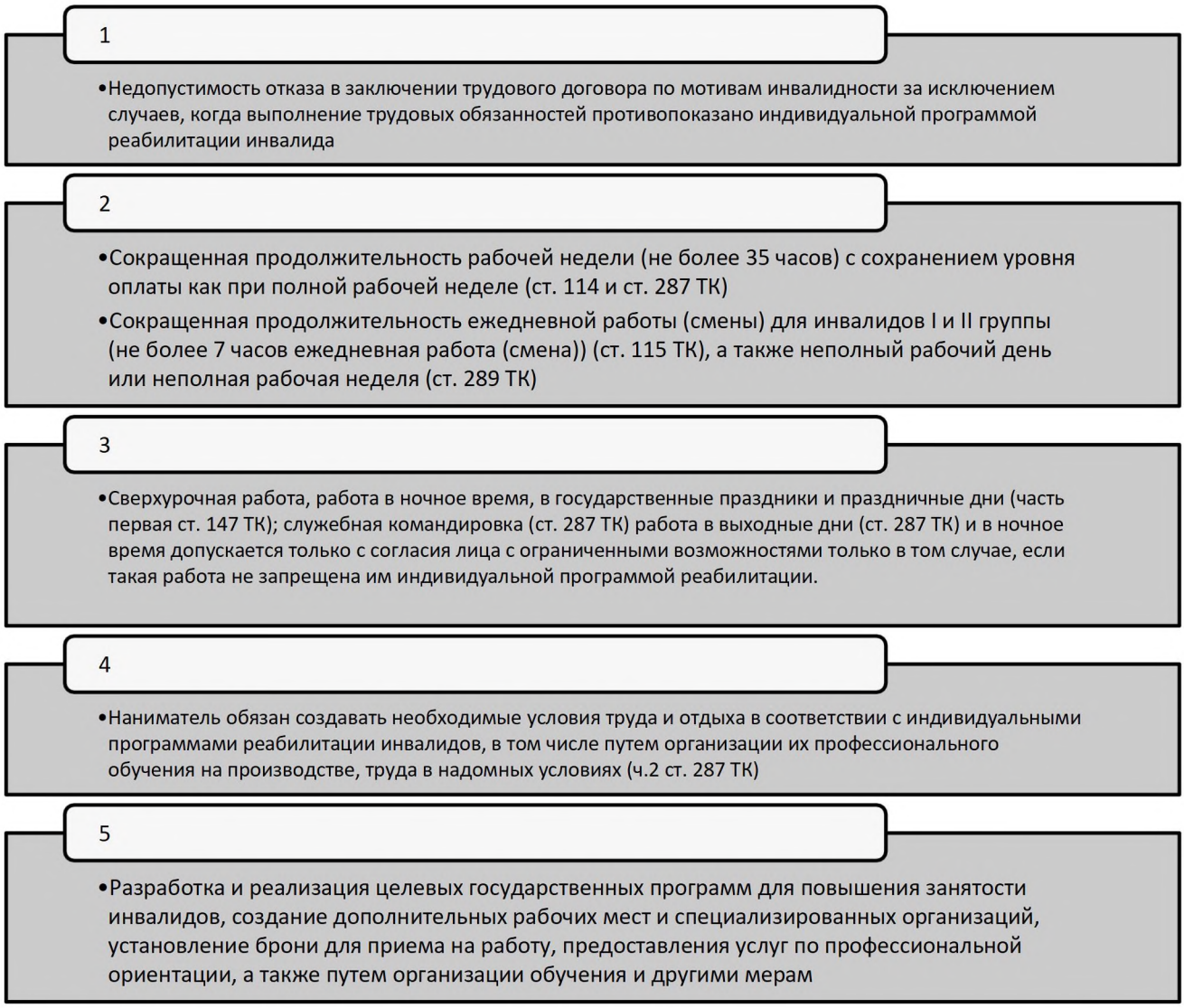


Рисунок 1. – Законодательные положения по развитию занятости и защите трудовых прав лиц с пониженной трудоспособностью

Вышеприведенные законодательные положения свидетельствуют о проводимой в Республике Беларусь политике социальной защиты лиц с пониженной трудоспособностью, государством принимаются меры по обеспечению интеграции лиц с инвалидностью в социально-экономические процессы и реализации ими права на труд.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что инклюзивная занятость – это организация совместной трудовой деятельности с включением работников с ограниченными возможностями в конкретные производственные процессы с созданием инклюзивного рабочего места для работника с ограниченными возможностями.

Положительное влияние трудовой инклюзии на производственную среду состоит в том, что наблюдаются как социальные, так и экономические эффекты: она позволяет встраиваться в цифровые условия функционирования национальной экономики через создание благоприятной среды для равного доступа к возможностям наиболее

уязвимым и изолированным группам населения, через реализацию субъектами хозяйствования корпоративной социальной ответственности.

Кроме того, считаем, что ведение в Закон № 125 отдельной нормы о формах и методах инклюзивного трудоустройства, а также об условиях инклюзивной занятости и о создании инклюзивных рабочих мест сделает возможным организациям разрабатывать свои корпоративные стратегии развития инклюзивной занятости, позволяющие более активно привлекать и нанимать работников с ограниченными возможностями.

Список использованных источников

1. В экономике Беларуси занято более 71 тысячи людей с инвалидностью: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/december/91207/ (дата обращения: 18.02.2026).

2. Маковская, Н. В. Инклюзивная занятость в Республике Беларусь: вектор развития / Н. В. Маковская. – Социально-трудовые исследования. – 2025. – 2. – С. 49 – 60.

3. О занятости населения: Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З : в ред. от 11 нояб. 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.02.2026).

4. О правах инвалидов и их социальной интеграции: Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З: с изм. и доп. от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.02.2026).

5. Об обеспечении занятости инвалидов: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 фев. 2009 г. № 128: в ред. от 24 марта 2025 г. № 168 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 08.02.2026).

6. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296–З : принят Палатой представителей 8 июня. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 24 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.01.2026).

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АБСЕНТЕИЗМ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАССИВНОСТИ: СУЩНОСТЬ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Д.И. Ескина
Научный руководитель: Е.Ф. Ивашкевич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Согласно ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, «каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей» [1]. Данное положение было конкретизировано в ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая закрепила право каждого гражданина «голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего

равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей» [2]. Приведенные международные стандарты в области избирательного права нашли свои отражения в национальном законодательстве. Так, в соответствии со ст. 38 Конституции Республики Беларусь, «граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании» [3]. Однако, наличие как международно-правовых, так и конституционных гарантий данного права не означает, что все граждане воспользуются им на практике. Возникает парадоксальная ситуация: несмотря на реальную возможность участия в выборах, некоторые граждане предпочитают оставаться в стороне от избирательного процесса. Данный феномен получил в политической науке название «электоральный абсентеизм». Цель данного исследования – раскрыть понятие абсентеизма, проанализировать его уровень в различных государствах, выявить и обобщить основные социально-политические причины его возникновения.

Материал и методы. Материалом данного исследования являются научные труды отечественных и зарубежных политологов, мировая статистика явки граждан на выборы. Основные используемые методы – структурно-аналитический, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Абсентеизм представляет собой многогранное социально-политическое явление. В широком смысле под термином «абсентеизм» (от лат. «absent» – «отсутствующий») следует понимать сознательное уклонение граждан, обладающих избирательным правом, от любого вида политического участия (электоральная, партийная деятельность, политическая коммуникация, просвещение), в узком же смысле – отказ избирателей исключительно от участия в голосовании на выборах, именуется также «электоральный абсентеизм».

Электоральный абсентеизм не является исключительно плодом современности, порождением кризиса доверия и политической апатии постиндустриального общества. Его истоки восходят к античным временам: первое упоминание отказа от своих политических прав относится еще к IV в. до н. э., когда афиняне намеренно покидали собрание, осознавая невозможность повлиять на исход голосования [4]. Однако если для античных мыслителей неучастие в голосовании было прежде всего вопросом гражданской добродетели, то в современной политической науке к началу XXI в. данный феномен приобрел статус самостоятельного объекта теоретического осмысления.

Явкой, приближенной к 100%, в силу национальных традиций и ментальности отличаются государства азиатского региона (выше 90% в Лаосе, Вьетнаме, Сингапуре, Камбодже). Среди них лидером является Северная Корея: явка избирателей на выборах депутатов народных собраний регионального и местного уровня в КНДР в 2019 г. составила

99,98%, в 2023 г. – 99,63%. По данным Центризбиркома КНДР, на выборах отсутствовали только те граждане, которые находились в командировках за границей или работали на кораблях в море. В Западной Европе традиционно высокая явка фиксируется в странах с обязательным голосованием (около 85% в Бельгии, Люксембурге), а также в государствах Северной Европы с укоренившейся в национальном правосознании культурой участия (выше 80% в Швеции, Норвегии, Дании). На постсоветском пространстве граждане традиционно активно участвуют в политической жизни, демонстрируя высокую вовлеченность в избирательный процесс. Здесь наилучшие показатели отмечаются в Туркменистане (на президентских выборах в 2022 г. явка составила 97,17%). Близки в данном аспекте Республика Беларусь и Республика Таджикистан – 85,7% и 85,44% соответственно.

Противоположная тенденция сложилась в странах Карибского бассейна, где низкая активность избирателей обусловлена недоверием к действующим властям, высоким уровнем коррупции и преступности, политической нестабильности. Так, замыкает мировой рейтинг с катастрофическим показателем в 21,6% Гаити, явку ниже 40% демонстрируют Ямайка, Венесуэла, Доминиканская Республика. Неоднородны показатели участия граждан в голосовании в Африке: Руанда занимает третье место в мире с показателем 98,2%, в то время как в Нигерии показатель 26,71%. В ряде государств продолжается тенденция постепенного снижения явки на выборах в среднем на 5-10 %, что можно объяснить рядом факторов.

Современные исследователи выделяют несколько категорий абсентеистов в зависимости от мотива: 1) аполитичные (не желают погружаться в политическую повестку, сосредотачивают свое внимания преимущественно на личных проблемах, считают выборы непонятными, скучными); 2) отчуждённые от политики (не видят каких-либо различий между политическими партиями или кандидатами на выборах, полагая, что все они обслуживают интересы элиты); 3) аномичные (потеряли веру в то, что участие в выборах поможет изменить политический курс и решить актуальные проблемы, считают социальные изменения непредсказуемыми и неуправляемыми, а политических лидеров неспособными как-то откликнуться на их нужды); 4) доверяющие политикам (обладают глубоким доверием к правосудию, законности и справедливости политических решений формирует у таких граждан убеждение, что их личное вовлечение избыточно, поскольку система и без них функционирует эффективно и справедливо) [5, с. 149]. Вероятно, последний тип абсентеистов характерен для Швейцарии – государстве с одним из высочайших показателей уровня жизни (явка на парламентских выборах 2023 г. составила лишь 46,6%).

Что касается формы электорального абсентеизма, учёные проводят разграничение между пассивным и активным абсентеизмом. Пассивный

абсентеизм проявляется в безразличном отношении граждан к происходящим в стране электоральным процессам, когда гражданин не желает вступать в конфликт с действующей властью, что может быть следствием как недостаточного уровня правовой культуры, так и аполитичности. Активный абсентеизм, напротив, представляет собой осознанный выбор гражданина, продиктованный политическими мотивами. Своим бездействием гражданин проявляет свой протест сложившейся в государстве политической системе. «Бойкот» может приобретать и радикальный характер, если сопровождается предварительным сообщением граждан о своем неучастии и призыву других последовать их примеру.

Абсентеизм является неотъемлемой частью электоральных кампаний многих современных государств. Его существование можно признать закономерным следствием реализации одного из принципов избирательного права – свободы голосования, согласно которому каждый гражданин самостоятельно может принять решение об участии или неучастии в выборах в условиях отсутствия внешнего принуждения. Кроме того, по мнению Арининой К.И., «абсентеизм – естественноисторический феномен, появившийся с распространением всеобщего избирательного права, с предоставлением права участвовать в политической жизни группам, которые не были в этом заинтересованы» [6]. С другой стороны, данную модель поведения можно признать во многом негативной, свидетельствующей о индифферентности людей к важному политическому событию. Особую угрозу представляет массовый абсентеизм, поскольку в этом случае легитимность органов или должностных лиц, избираемых меньшинством, ставится под сомнение. В крайнем случае игнорирование выборов может привести к полной парализованности политической системы государства. Кроме того, стоит отметить, что абсентеизм влечет за собой повышенную финансовую нагрузку на граждан. Проведение выборов само по себе требует значительных бюджетных расходов, а закрепленная в законодательствах многих стран возможность проведения второго туда голосования вследствие неполучения одним из кандидатов необходимого количества голосов избирателей или несостоятельность выборов из-за невыполненного кворума участия несет в себе расходы, бремя которых ложится на налогоплательщиков.

Заключение. Таким образом, электоральный абсентеизм, являющийся формой политической пассивности, может оказать значительное негативное влияние на внутригосударственный строй. Явка на выборы во всем мире неравномерна и связана с множеством факторов, в первую очередь зависит от внутренней политической обстановки каждого конкретного государства, а также от менталитета, культуры, уровня образованности населения. Следует отметить, что для Республики Беларусь абсентеизм как массовое явление не характерно, что связано с высоким уровнем правовой культуры и самосознания белорусского народа.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.02.2026).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН от 16.10.1966 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.02.2026).

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск : Нац. центр законодат. и правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 77 с.

4. Дутина, А. Я. Абсентеизм как политико-правовое явление: причины и способы преодоления / А. Я. Дутина, П. Ю. Блоха // Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова. – URL: https://libr.msu.by/bitstream/123456789/23090/1/18.pdf?ysclid=mm3pe6lzm6487145775 (дата обращения: 15.02.2026).

5. Ахтамзян, И. А. Основы политической науки: учеб. пособие для вузов: в 2 ч. / И. А. Ахтамзян, Г. Л. Купряшин, Т. П. Лебедева; под ред. В. П. Пугачева; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва : О-во «Знание» России, 1993. – Ч. 2. – 224 с.

6. Аринина, К. И. Абсентеизм в политике: причины и последствия / К. И. Аринина // Учен. зап. Казан. ун-та. – Сер. Гуманит. науки. – 2014. – №1. – С. 214 – 220. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/absenteizm-v-politike-prichiny-i-posledstviya (дата обращения: 25.02.2026).

ПРИНЦИП ПАРТИКУЛЯРНОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

А.Д. Журавский
Научный руководитель: О.М. Ленцевич
Минск, БГЭУ

На протяжении всей истории налоги играют ключевую роль в жизни любого государства. Практика показывает, что эффективность фискальной политики зависит не только от размера ставок, но и от качества правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе сбора средств. В истории Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) налоговая система представляла собой уникальный социально-правовой институт, функционировавший в условиях постоянного поиска баланса между прерогативами центральной власти и сословными вольностями шляхты.

Одной из самых характерных и малоизученных особенностей финансового права ВКЛ является принцип партикулярности. Данное явление стало прямым следствием практики реляционных (местных) шляхетских сеймиков, которые выступали связующим звеном между региональными интересами поветовой шляхты и общегосударственной

политикой Вального Сейма [2, с. 39]. Суть партикулярности заключалась в признании за представителями шляхты на местах права на юридическую оценку и последующую апробацию фискальных решений центральной власти. Это порождало глубокую правовую коллизию: с одной стороны, Сейм обладал высшей законодательной компетенцией, с другой – шляхта на местах, опираясь на свои привилегии, зачастую блокировала взимание налогов на частновладельческих землях [2, с. 39]. В данной работе предпринимается попытка юридического анализа механизмов партикулярности, их закрепления в нормах Статутов и влияния на общественные отношения в условиях феодальной децентрализации.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении партикулярности не как политического, а как финансово-правового механизма, формировавшего структуру налоговых отношений ВКЛ.

Материал и методы. Эмпирическую базу исследования составили Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., а также современные научные работы по истории финансового права Беларуси. С помощью историко-генетического и формально-юридического методов изучена эволюция налогов от воли монарха к сословному договору и проанализированы нормы Статутов о порядке введения податей. Применение системного и сравнительного подходов позволило выявить коллизии между государственными и региональными интересами, определив влияние принципа партикулярности на устойчивость государства.

Результаты и их обсуждение. Становление налоговой системы ВКЛ неразрывно связано с процессом кодификации права, который нашел свое наивысшее выражение в Статутах 1529, 1566 и 1588 гг. Анализ этих документов позволяет проследить, как постепенно нормативно закреплялся фундамент для возникновения партикулярности.

Первоначальный этап развития фискальных отношений характеризовался доминирующей ролью обычного права и личной воли монарха. Однако уже в начале XVI в. ситуация меняется коренным образом. Статут 1529 г. стал первым актом, ограничивающим на законодательном уровне будущие налоговые притязания центральной власти. Ключевое значение здесь имеет ст. 22 раздела I, согласно которому великий князь брал на себя обязательство не накладывать новые подати и не вводить «серебщину» без согласия панов-рады [4, с. 39 – 40]. Эта норма создала правовой прецедент: налог перестал быть актом односторонней воли государя и превратился в предмет сословного договора.

Юридическое закрепление сословного иммунитета шляхты, начатое еще общеземскими привилеями 1447 и 1492 гг., в Статуте 1529 г. получило статус незыблемого закона. Шляхта рассматривала свои имения как территорию, свободную от прямого государственного вмешательства. Статут гарантировал неприкосновенность собственности, что в сознании шляхетского сословия трансформировалось в право отказывать казне

в выплатах, если они не были санкционированы их представителями. Именно в этот период закладывается принцип сословности, согласно которому налоговое бремя переносится на крестьян и мещан, в то время как шляхта освобождается от регулярных податей в обмен на военную службу [3, с. 3]. Таким образом, правовое регулирование общественных отношений в финансовой сфере ВКЛ изначально содержало в себе зерно конфликта между государственным интересом (потребностью в ресурсах) и частным правом феодала.

Принцип партикулярности как уникальный феномен белорусско-литовского права в области налогообложения в полной мере оформился во второй половине XVI в. Его институциональной основой стала система шляхетского самоуправления. Статут 1566 г., принятый в условиях административно-территориальной реформы, закрепил деление государства на поветы и определил порядок функционирования поветовых сеймиков. Конкретно в самом Статуте порядок действий был регламентирован в ст. 5 раздела III. Так, перед каждым Вальным Сеймом в поветах должны были созываться местные собрания шляхты для избрания депутатов и составления им «инструкций». Эти инструкции имели императивный характер: депутат был жестко связан волей своих избирателей [5, с. 79 – 80].

Партикулярность проявлялась в том, что поветы часто ставили общегосударственные решения ниже своих локальных интересов. Если Вальный Сейм принимал «конституцию» (постановление) о введении нового военного налога, шляхта конкретного повета могла заявить, что данное решение не было должным образом согласовано с их представителями или нарушает их древние права [1, с. 18]. Юридическим основанием для такой позиции служила норма Статута ВКЛ 1588 г. (разд. II, ст. 29), который провозглашал «вольности шляхетские» и подтверждал, что ни один свободный гражданин не может быть обременен новым платежом, кроме тех, которые уже взимаются [6, с. 51]. Коллизия заключалась в трактовке этого «согласия»: центральная власть считала достаточным большинство голосов на Сейме, тогда как региональные элиты настаивали на праве каждого повета одобрять налог повторно на реляционных сеймиках.

Исследования говорят о том, что практика реляционных сеймиков стала основанием для возникновения партикулярности как феномена, шедшего вразрез с экономической функцией государства [2, с. 39]. Феодалы, имея право устанавливать любые налоги внутри своих имений для собственных нужд, выступали против распространения на эти земли государственных сборов. Это порождало ситуацию, когда закон, принятый на высшем уровне, де-факто не признавался на местном. Подобная правовая автономия регионов снижала эффективность финансовой системы ВКЛ, превращая бюджет страны в фрагментированную систему из частных соглашений и исключений.

Конфликт общегосударственных и региональных интересов серьезно подорвал обороноспособность и стабильность Княжества. В условиях затяжных войн XVII в. казна остро нуждалась в ресурсах, однако шляхта на сеймиках часто блокировала военные сборы, выдвигая лозунг: «Шляхта есть щит Польши, и страна не хочет иметь другого!». Этот идеологический конструкт подменял реальные налоговые выплаты декларативной готовностью к «посполитому рушению» (ополчению), которое к XVII в. уже не могло эффективно противостоять регулярным армиям соседей.

С точки зрения правового регулирования общественных отношений, партикулярность приводила к глубокой социальной несправедливости. Поскольку частновладельческие земли фактически выводились из-под прямого государственного обложения, основная тяжесть фискального гнета ложилась на государственные имения и города. Мещане, лишенные шляхетских привилегий, платили многочисленные косвенные налоги – «капщину» (на спиртное) и «мыто» (таможенные пошлины).

Во второй половине XVIII в. государство попыталось централизовать сбор средств, внедряя принципы пропорционального равенства. Реформы были направлены на введение общеобязательного налога для всех сословий, включая шляхту и духовенство, и закрепление приоритета центральной власти над местными сеймиками. Однако из-за сильного сопротивления региональных элит полноценное реформирование системы завершилось лишь в последние десятилетия существования Речи Посполитой, что не смогло уберечь государство от краха из-за запоздалости мер.

Заключение. Анализ процесса кодификации и практики применения норм трёх литовских Статутов позволяет рассматривать эволюцию финансового права как переход от единоличной воли монарха к уникальной договорной системе, основанной на принципе фискальной партикулярности. Юридическое закрепление сословного иммунитета и шляхетских привилегий трансформировало налог из императивной государственной обязанности в предмет консенсуса между центральной властью и представителями местной шляхты. Ключевой правовой коллизией данного периода стало противоречие между законодательной компетенцией Вального Сейма и правом поветовых сеймиков на апробацию фискальных решений, что фактически наделяло регионы правом вето в вопросах налогообложения.

С точки зрения историко-правового развития, закрепление в Статутах механизмов партикулярности свидетельствовало о доминировании частного феодального права над государственным интересом. Это привело к фрагментации налоговой системы, утрате налогом признака общеобязательности и переложению фискального гнета на непривилегированные сословия. В конечном итоге, неспособность финансового права ВКЛ эволюционировать в сторону централизации и пропорционального равенства вплоть до конца XVIII в. предопределила

бюджетный дефицит и институциональную слабость государства перед лицом внешних угроз.

Список использованных источников

1. Борисенко, В. В. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы : славяне и их соседи в раннее новое время. В 2 ч. Ч. 2: учеб.-метод. пособие / В. В. Борисенко. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 232 с.
2. Григорьева, Е. Н. Правовое регулирование налоговых отношений на белорусских землях в XIV–XVIII вв. / Е. Н. Григорьева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – №4 (22). – С. 38 – 42.
3. Кожар, Е. В. Удасканаленне сістэмы падаткаабкладання сялян Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст. / Е. В. Кожар // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2022. – № 2. – С. 3 – 8.
4. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонскиса. – Мн. : Издательство Академии наук БССР, 1960. – 253 с.
5. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэдкал. : Т. І. Доўнар і інш. – Мн. : Тэсей, 2003. – 351 с.
6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года / пер. на бел. мову А. С. Шагун. – Мн. : Беларусь, 2005. – 207 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕИ НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Зива
Научный руководитель: А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Неотъемлемые права человека – присущие личности от рождения, не зависящих от государства и не подлежащих произвольному ограничению, – это центральная позиция в современном конституционном праве. В историческом развитии Республики Беларусь данная идея заняла ключевое место в эволюции государства от сословных гарантий и принципов правового ограничения власти в период Великого Княжества Литовского до прямого провозглашения человека, его прав и свобод как высшей ценностью общества и государства в Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с последующими изменениями и дополнениями) [4, с. 4].

Материал и методы. Правовые акты Великого Княжестве Литовском – Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. – рассматриваются как первые писанные правовые источники конституционного характера на белорусских землях. Они содержали нормы государственного, гражданского, уголовного и процессуального права, в том числе положения, к которому современное конституционное право относится как наследственность.

Результаты и их обсуждение. Статут 1529 г. включал 13 разделов и 283 статьи. Он провозглашал принципы публичности правосудия,

формального равенства сторон в процессе, право обвиняемого на защиту [5, с. 171] в городах с Магдебургским правом. Статут запрещал свободные действия власти в отношении личности и его имущества [5, с. 165]. Наиболее развитым стал Статут 1588 г., принятый на старобелорусском языке и действовавший до конца XVIII в. Он состоял из 14 разделов и 487 статей, гарантировал защиту жизни шляхтичей [5, с. 363], имущества и чести жителей [5, с. 382] ВКЛ. В документе было описано, что государь обязывался защищать права подданных. Более 90% статей регулировали права и свободы, включая принцип верховенства закона и ограничение монаршей власти. В законодательство вошли нормы конституционного права, что было уникально для того времени: ограничение возможностей государя, разделение власти, где законодательная принадлежала сейму, исполнительная князю и Раде, а судебная судам. В статутах положено начало понимания права как ограничителя власти и гаранта личной безопасности, что стало ключевыми элементами для будущего развития неотъемлемых прав. После Люблинской унии 1569 г. и включения белорусских земель в Речь Посполитую шляхетские свободы, такие как неприкосновенность имущества и участие в сеймах сохранялись, но распространялись только на дворянство [1]. С присоединением к Российской империи в конце XVIII в. конституционные традиции были прерваны. Крепостное право, административный произвол и отсутствие основного закона ограничивали личные свободы. Тем не менее, в привилеях и договорах частично оставались элементы защиты прав горожан.

В советский период конституции БССР 1919, 1927, 1937 и 1978 гг. декларировали права на труд, образование, отдых, но подчинялись они интересам государства и социалистическим принципам. Права коллективные и не были по-настоящему неотъемлемыми. Например, раздел второй Конституции БССР 1978 г. провозглашал равноправие граждан независимо от происхождения, пола, национальности [3].

Принятая 15 марта 1994 г. Конституция является первым постсоветским Основным Законом независимой Беларуси, в которой напрямую закреплены права человека. Преамбула подчеркивает основание неотчуждаемых прав на самоопределение и утверждение прав и свобод человека и гражданина. Статья 2 фиксирует приоритет прав человека над государственными интересами. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности [4, с. 4].

Раздел II, посвященный правам, свободам и обязанностям человека и гражданина гарантирует право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, достоинство личности, свободу мысли, слова, совести, труд, образование и др. Множество из этих норм соответствуют Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [2].

Права человека по сей день остаются высшей ценностью, государство гарантирует их соблюдение в соответствии с международными обязательствами, выступая надежным щитом для защиты достоинства граждан и создавая прочный правовой фундамент для стабильного развития белорусского общества.

Заключение. Таким образом, путь развития идеи неотъемлемых прав человека в белорусском конституционном праве демонстрирует постепенный переход от феодально-сословных гарантий к универсальным, равным для всех принципам. Традиции правового ограничения власти, заложенные ещё в Статутах ВКЛ, нашли продолжение в демократических попытках XX века и окончательно закрепились в постсоветской Конституции 1994 года. Современный Основной Закон Беларуси не только подтверждает приверженность общечеловеческим ценностям, но и адаптирует их к национальному контексту, обеспечивая преемственность белорусского конституционного опыта и создавая основу для дальнейшего совершенствования защиты прав и свобод в условиях суверенного развития государства.

Список использованных источников

1. Акт Люблинской унии между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским от 1 июля 1569. – URL: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1141331680&archive=1291800676&start_from=&ucat=(дата обращения: 26.03.2026).

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.03.2026).

3. Конституция (Основной Закон) БССР, принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР, девятого созыва 14 апреля 1978 года. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-pravabelarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/ (дата обращения: 26.03.2026).

4. Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск, нац. центр, 2024 г. – 80 с.

5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук ; под ред. К.И. Яблонскиса. – Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. – 253 с.

6. Статут Великого княжества Литовского 1588 года : в переводе на современный русский язык С.С. Россом. – Минск : pravo.by, [б.г.]. – 454 с.

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Д.А. Зубрик
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Развитие информационных технологий является одним из главных приоритетов в современном мире. Внедрение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) происходит во многие сферы общественной жизни. Более того, использование алгоритмических систем приводит к повышению эффективности принятия решений. Однако, такое повсеместное использование приводит к возникновению новых правовых риском, связанных с возможным нарушением прав и свобод человека, угрозами информационной безопасности, а также проблемами ответственности за решения, принимаемые интеллектуальными системами. Как отмечают Ф. И. Храмцова и М.С. Шибут, ИИ может одновременно выступать как фактор развития экономики, так и источник потенциальных угроз национальной безопасности, что требует формирования эффективных механизмов государственного контроля и правового регулирования данных технологий [1, с. 127].

В связи с этим важное значение в условиях цифровой трансформации приобретает создание эффективной модели правового регулирования ИИ. Одним из наиболее перспективных направлений такого регулирования выступает применение риск-ориентированного подхода, который подразумевает дифференциацию правовых требований к системам ИИ в зависимости от уровня потенциальной опасности их использования.

Материал и методы. В исследовании использован комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Основным выступил формально-юридический метод, позволивший проанализировать нормативные правовые акты и раскрыть содержание риск-ориентированного подхода к регулированию ИИ. Также применялся анализ научной литературы и элементы сравнительно-правового метода при рассмотрении зарубежного опыта регулирования ИИ. Использование методов анализа и синтеза позволило обобщить существующие научные подходы и сформулировать выводы о перспективах внедрения риск-ориентированной модели регулирования.

Результаты и их обсуждение. В первую очередь, необходимо разобраться, что же подразумевается под риск-ориентированным подходом. В своей работе А. В. Радцевич определяет, что риск-ориентированный подход понимается в сочетании превентивного контроля, автоматизированной оценки риска и дифференциации по уровням вероятности нарушения [2, с. 58].

В то же время, в белорусском законодательстве отсутствует понятие «риск-ориентированный подход». Однако, в постановлении Совета

Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 802 "О вопросах контрольной (надзорной) деятельности" указано, что риск – это возможность нарушения субъектом законодательства. Необходимо отметить, что сущность риск-ориентированного подхода заключается в зависимости вероятности причинения вреда ИИ общественным интересам от степени государственного вмешательства и объема правовых требований [3]. В связи с этим важно разграничивать системы ИИ, применение которых связано с минимальными рисками, поэтому они подлежат менее строгому правовому регулированию, и технологии, оказывающие значительное влияние на общественные отношения и требующие более жесткого правового контроля. Как мы уже сказали ранее, важное значение в риск-ориентированном подходе играет классификация ИИ. Одним из наиболее системных документов в данной области имеет в рамках правовой системы Европейского союза EU Artificial Intelligence Act [4], в котором предусматривается закрепление риск-ориентированной модели регулирования ИИ, основанную на классификации систем ИИ по степени потенциального риска. Можно сказать, что применение риск-ориентированной модели правового регулирования обеспечивает баланс между необходимостью стимулирования технологического развития и потребностью в защите общественных интересов. Также выделяется, что при риск-ориентированном подходе, важное значение имеет установление различных правовых требований к системам ИИ в зависимости от уровня потенциального риска их применения [1, с. 127]. Использование данного подхода позволяет обеспечить более гибкую и эффективную модель регулирования, учитывающую специфику различных сфер применения технологий ИИ.

Поскольку традиционные механизмы правового регулирования достаточно сложно применить к ИИ [5, с. 84], в науке все большее распространение получает риск-ориентированный подход. При этом важнейшим принципом регулирования ИИ выступает приоритет прав и свобод человека, а также соблюдение этических норм в процессе разработки и применения интеллектуальных технологий.

Исходя из этого, подытожим, что риск-ориентированный подход к правовому регулированию ИИ – это система правового воздействия, при котором объем правовых требований к разработке, внедрению, и использованию систем ИИ определяется уровнем возможного риска, возникающий в отношении прав и свобод человека, общественной безопасности и иных охраняемых законом интересов.

Вместе с тем, внедрение ИИ несет и определенные риски, которые требуют соответствующей оценки и прогнозирования. В связи с этим необходимо установление определенных правовых рамок использования ИИ с тем, чтобы данные технологии не причиняли вреда и были направлены исключительно во благо человечества [6, с. 174].

В своей работе С.В. Абламейко и М.С. Абламейко определяют, что важнейшими элементами риск-ориентированного регулирования выступают обеспечение контроля человека над системами ИИ, прозрачность их функционирования и установление механизмов юридической ответственности за их использование. Более того, авторы подчеркивают, что человек должен сохранять возможность вмешательства в деятельность интеллектуальных систем и, при необходимости, прекращать их работу, что позволяет предотвратить негативные последствия применения технологий [7, с. 63].

И.Р. Бегишев и К.Л. Томашевский также подчеркивают, что развитие технологий ИИ требует создания правовой базы, которая обеспечит баланс между инновационным развитием и защитой общества от рисков и угроз [8, с. 51]. Указанный тезис фактически отражает логику риск-ориентированного регулирования, поскольку его цель – не ограничивать технологическое развитие, а управлять возникающими рисками.

Применительно к Республике Беларусь, на наш взгляд, одним из перспективных направлений развития законодательства может стать внедрение риск-ориентированной модели регулирования ИИ. Однако, перед внедрением такой модели, необходимо закрепить в технических нормативных правовых актах классификацию систем ИИ по степени риска, которая в последующем будет использована в нормативных правовых актах в сфере ИИ.

Говоря о классификации, с нашей точки зрения, целесообразно выделить несколько категорий ИИ, включая системы с минимальным, ограниченным и высоким уровнем риска. Критериями отнесения технологий к соответствующей категории могут выступать сфера их применения, степень воздействия на права и свободы человека, а также потенциальные последствия их использования для общественной безопасности.

В отношении систем ИИ высокого риска могут быть установлены специальные правовые требования, направленные на минимизацию возможных негативных последствий их применения. К числу таких требований могут относиться проведение оценки рисков на этапе разработки системы, обеспечение прозрачности алгоритмических решений, контроль качества используемых данных, а также сохранение возможности человеческого вмешательства в процесс принятия решений.

Дополнительным элементом риск-ориентированной модели регулирования может стать введение процедур оценки соответствия и сертификации систем ИИ, применяемых в социально значимых сферах. Проведение подобных процедур позволит обеспечить предварительную проверку соответствия технологий установленным правовым и техническим требованиям.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что развитие ИИ обусловливает необходимость формирования эффективных механизмов

правового регулирования. Одним из принципов такого правового регулирования является риск-ориентированный подход, предполагающий дифференциацию правовых требований в зависимости от уровня потенциального риска применения соответствующих технологий. Помимо этого, риск-ориентированный подход позволяет обеспечить баланс между развитием инновационных технологий и защитой прав человека, поскольку правовое регулирование концентрируется прежде всего на тех сферах применения ИИ, которые связаны с наибольшими социальными и правовыми рисками.

Применение риск-ориентированного подхода в процессе нормотворчества и его закрепление в нормах законодательства и технических нормативных правовых актах Республики Беларусь может способствовать формированию гибкой и эффективной модели правового регулирования ИИ, учитывающей как международные тенденции развития законодательства, так и особенности национальной правовой системы.

Список использованных источников

1. Храмцова, Ф. И. Технологии искусственного интеллекта в сфере государственного управления Республики Беларусь / Ф. И. Храмцова, М. С. Шибут // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – № 1-4 (100). – С. 127 – 137.

2. Радцевич, А. В. Риск–ориентированный подход и цифровые инструменты в системе налогового контроля / А. В. Радцевич // Экономика и банки. – 2025. – №2. – С. 56 – 65.

3. О вопросах контрольной (надзорной) деятельности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 802 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.02.2026).

4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // European Union. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 07.03.2026).

5. Белозерцева, В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта / В. В. Белозерцева // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. – №6. – С. 78 – 86.

6. Шаршун, В. А. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта: современное состояние, проблемы и перспективы / В. А. Шаршун // Менеджмент вузовских библиотек. Миссия современной библиотеки в контексте трансформации образования : материалы XXIV Международной научно-практической конференции, 4 – 6 ноября 2024 г., Минск / Фундаментальная библиотека БГУ, Библиотека УО «Белорусский государственный педагогический университет», Библиотека УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств» ; редкол.: В. Г. Кулаженко (отв. ред.), Е. Н. Садовская. – Минск : БГУ, 2025. – С. 172 – 181.

7. Абламейко С. В. Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты / С. В. Абламейко, М. С. Абламейко // Философские науки. – 2020. – Т. 64. – № 5. – С. 57 – 70.

8. Бегишев, И. Р. Новые исследования правового регулирования искусственного интеллекта и цифровизации сферы труда в России и Беларуси (2021–2025 гг.) / И. Р. Бегишев, К. Л. Томашевский // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2025. – Т. 167, кн. 3. – С. 42 – 53.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВОЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.А. Ивченко
Научный руководитель: В.В. Хилькевич
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Смертная казнь – это один из наиболее древних видов наказания. Проблема смертной казни затрагивает не только правовые, но и нравственные, религиозные, этические аспекты. Смертная казнь является важной составной частью уголовного законодательства Республики Беларусь. Применение смертной казни противоречит нормам гуманизма и нарушает право на жизнь, гарантированное Конституцией Республики Беларусь и международными соглашениями в области прав человека. Из этого исходит проблема: является ли применение смертной казни оправданным или действительно смертная казнь должна быть отменена?

Данной проблеме посвящены сотни трудов различных авторов, которые придерживаются прямо противоположных точек зрения [1, с. 281].

Целью исследования: рассмотреть понятия гуманизма и применение смертной казни в Республике Беларусь.

Материалы и методы. Материалами являются нормы Конституции Республики Беларусь, стран СНГ и стран дальнего зарубежных, Уголовный кодекс Республики Беларусь и иные нормативно-правовые акты Республики Беларусь, труды российских и белорусских ученых.

При написании работы использованы общетеоретические и специальные методы исследования: изучение научной литературы, анализ и синтез, исторический метод, обобщение, систематизация и сравнение.

Результаты их обсуждения. Смертная казнь в Республике Беларусь – это исключительная мера наказания, применяемая судами страны за некоторые особо тяжкие преступления, сопряжённые с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах [7].

Применение смертной казни осуществляется расстрелом за такие преступления как:

1. Убийство представителя иностранного государства или международной организации в целях провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве;

2. Преступления против безопасности человечества (депортация, незаконное содержание в заключении, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения); 3. Умышленное убийство лиц, сдавших оружие или не имеющих средств защиты, раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, медицинского, санитарного и духовного персонала, военнопленных, гражданского населения на оккупированной территории или в районе военных действий, иных лиц, пользующихся во время военных действий международной защитой;

4. Убийство с отягчающими обстоятельствами;

5. Терроризм, сопряжённый с убийством либо совершённый организованной группой;

6. Развязывание либо введение агрессивной войны;

7. Международный терроризм;

8. Геноцид;

9. Применение оружия массового поражения;

10. Измена государству, сопряжённая с убийством;

11. Захват либо удержание государственной власти неконституционным путём, повлёкшие гибель людей либо сопряжённые с убийством;

12. Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля;

13. Диверсия, совершённая организованной группой либо повлёкшую гибель людей или иные тяжкие последствия;

14. Убийство сотрудника органов внутренних дел [7].

Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь, смертная казнь не может быть назначена:

– лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет;

– женщинам;

– мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет [7].

Теоретические взгляды противников исполнения смертной казни выливаются в следующие постулаты:

1) Нарушение общих прав человека. Согласно статье 24 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств. Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда» [3];

2) В Всеобщей Декларации прав человека в статье 3 сказано: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную

неприкосновенность», в статье 1 того же документа говориться, что «Все люди рождаются свободными и равными в своих правах. Они наделены разумом и совестью, и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [4, с. 81].

3) В статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Республикой Беларусь, в частности, предусмотрено, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Один из основоположников классической школы Чезаре Беккариа выразил свое мнение о смертной казни, он считал, что смертная казнь не может быть правом и не является таковым. Высшее наказание не останавливало людей, решивших посягнуть на общество. Также он считал, что следует применять такие наказания, которые производили бы наиболее и длительное впечатление на душу людей.

Смертная казнь не является гарантом снижения преступности.

Те, кто совершил общественно опасное деяние, например, убийство с особой жестокостью, вероятнее всего будут стремиться лишить жизни всех свидетелей, которые могли бы дать изобличающие показания в суде. Сохранение смертной казни не способно устранить социальные причины, которые толкают человека на общественно опасное деяние.

Смертная казнь не исключает судебную ошибку, которую невозможно исправить. Известны случаи, когда смертный приговоров был вынесен людям, не совершавшим вменяемых им преступлений. Например, самый известный советский маньяк Чикатило продолжал совершать преступления, в то время как вместо него казнили Александра Кравченко [6, с. 128].

Также по делу серийного убийцы Геннадия Михасевича, орудовавшего на Витебщине, осудили 14 человек, одного из которых суд приговорил к расстрелу.

Заключение. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что смертная казнь в Республике Беларусь применяется как исключительная мера наказания, что вызывает дискуссии о соответствии принципам гуманизма.

Принципы уголовного закона и уголовной ответственности зафиксированы в статье 3 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Принцип гуманизма означает обеспечение физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека. Лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления. Наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства [3].

Применение смертной казни не является эффективной и целесообразной мерой наказания. В настоящее время отсутствуют

доказательства того, что отмена или введение смертной казни каким-либо образом влияли на уровень преступности в целом.

Смертная казнь не выполняет своей основной функции – исправления осужденного. Целью уголовного наказания является предупреждение новых преступлений, наносящих вред его согражданам и удержание других от подобных действий [2, 76].

Список использованных источников

1. Алексеев, В. В. Смертная казнь как мера уголовного наказания в Республике Беларусь / В. В. Алексеев // Государство и право: актуальные проблемы формирования правого сознания / под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. – С. 134 – 138.

2. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: конспект лекций / Н. А. Бабий. – Минск: Тесей, 2000. – 288 с

3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. / отв. зв вып. Н. В. Судиловская. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2026. – 80 с.

4. Капский, Д. В. Уголовное право: учеб. пособие / Д. В. Капский, Д. П. Ходоскин, О. А. Ходоскина; Мин-во образования Республика Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель: БелГУТ, 2013. – 299 с.

5. Примаченок, А. А. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А. А. Примаченок. – 2–е изд., доп. – Минск: Молодежное, 2009. – 136 с.

6. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / Э. А. Саркисова. – Минск: Тесей, 2005. – 592 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 275–З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики. 24 июня 1999 г. В ред. Закона Республики Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101–З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.10.2025, 5–2/3187) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.02.2026).

ПРИМЕНЕНИЕ LEGALTECH В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

А.М. Игнатчик
Научный руководитель: Д.А. Зубрик
Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Введение. В настоящее время в условиях цифровой трансформации традиционная экономика уступает место цифровой, что выражается в повсеместном внедрении информационных технологий в общественные процессы. Это обусловливает необходимость пересмотра подходов к формированию правовой системы, так как в юридической практике уже активно применяются современные технологические решения. Технологии LegalTech являются одним из таких инструментов, которые интегрируют в правовую сферу [4, с. 76].

Материал и методы. Мы можем заметить, что LegalTech сейчас широко используется среди юристов. Однако, в основу распространения данной технологии лег большой массив доктрины в указанной области. В частности, В. А. Артамонов и Е. В. Артамонова в своих работах указывают, что LegalTech представляет собой отрасль бизнеса, ориентированную на информационно-техническое сопровождение деятельности юристов, адвокатов и иных специалистов правовой сферы. По их мнению, LegalTech охватывает, в частности: 1) программные решения в области информационной безопасности и облачных технологий; 2) системы электронного документооборота; 3) специализированное программное обеспечение для решения прикладных юридических задач [3, с. 37]. С моей точки зрения, технологии LegalTech не только упрощают работу с документами, но и систематизируют материалы по выбранным пользователем категориям, что значительно ускоряет процесс работы.

LegalTech-решения обеспечивают экономический эффект за счет автоматизации и электронного архивирования, снижая издержки и повышая доступность юридических услуг по стандартным вопросам без очного обращения. Цифровые инструменты усиливают аналитику и производительность юристов (включая обработку больших данных и поддержку решений), а ключевую роль играют специализированные CRM-системы и адаптация корпоративных платформ для стандартизации, прозрачности и контроля сроков.

Примерами систем для адаптации корпоративных платформ являются:

1. REVERA legal tech. В настоящее время является единственной организацией, которая предоставляет услуги LegalTech в Беларуси. Также данная организация осуществляет подбор, внедрение, распространение и настройку LegalTech-инструментов для автоматизации юридических функций в соответствии с запросами компаний и их юридических подразделений. REVERA Legal Tech проводит регулярную апробацию и оценку новых решений для конкретных рынков, определяет направления автоматизации юридических и внутренних бизнес-процессов, а также распределяет продукты Pravo.tech, Axdraft, Codebridge, nlogic, Doczilla Pro и Draftme. Линейка решений постоянно пополняется [2].

Данная компания осуществляет: 1) подбор оптимальных legal tech-решений; 2) настройку гибких коробочных legal tech-решений; 3) создание шаблонов документов в конструкторе шаблонов документов; 4) создание юридических чат-ботов в конструкторе чат-ботов; 5) разработку юридического контента для конструкторов шаблонов документов и чат-ботов [4, с. 77]. Так же компания предоставляет ряд решений с сфере бизнеса и права: 1) управление жизненным циклом контракта; 2) автоматизация операций с помощью стандартных форм документов; 3) автоматизация рутинных консультаций; 4) автоматизация бизнес-процессов на основе робота; 5) управление делами/проектами юридическом отделе; 6) отдел юридической службы; 7) управление

знаниями; 8) автоматизация обработки/ввода первичной документации; 9) автоматизация полного цикла управления документами; 10) автоматизация обработки входящих запросов/документов. [2]

2. Еще одним примером адаптационных систем служит 1С:CRM.

1С:CRM – система управления взаимоотношениями с клиентами на платформе «1С», предназначенная для автоматизации процессов продаж, маркетинга и клиентского обслуживания. Решение обеспечивает централизованное хранение данных, контроль стадий сделок и аналитическую поддержку (включая анализ воронки продаж), а также повышает управляемость процессов за счет автоматизации рутинных операций. Система может интегрироваться с телефонией и электронной почтой, формируя сквозную историю взаимодействий, и доступна как для работы на ПК, так и на мобильных устройствах.

К основным возможностям относятся:

1) управление клиентской базой: накопление и структурирование информации о клиентах и взаимодействиях, снижение зависимости от конкретных сотрудников; 2) автоматизация внутренних регламентов: настройка маршрутов согласований, поручений и иных бизнес-процессов; 3) контроль продаж: управление сделками, мониторинг эффективности, выявление «узких мест»; 4) интеграции: подключение почты, IP-телефонии, SMS-сервисов с фиксацией коммуникаций; 5) аналитика и отчетность: использование преднастроенных отчетов и показателей эффективности; 6) гибкость и персонализация: настройка интерфейса и выбор версии (Базовая, Стандарт, ПРОФ, КОРП) в зависимости от масштаба организации; доступ через веб-клиент и приложения [5].

Примером специализированных CRM-систем является Peppermint Technology. Peppermint Technology – британская компания, разрабатывающая решения в сфере правовых технологий для юридических фирм. Продукты компании ориентированы на автоматизацию бизнес-процессов в юридической деятельности с использованием облачных платформ и технологий искусственного интеллекта для управления практиками, документами, взаимоотношениями с клиентами (CRM) и финансовыми операциями. Такой подход способствует повышению эффективности, прозрачности и доступности юридических услуг [1].

К ключевым компонентам Peppermint относятся: 1) облачная платформа (PaaS): масштабируемая архитектура с доступом из различных локаций и возможностью адаптации под потребности конкретной организации; 2) управление знаниями: консолидация юридической информации, шаблонов и массивов практики для ускорения поиска и повторного использования материалов; 3) автоматизация процессов: поддержка типовых операций (подготовка документов, управление делами, выставление счетов), что снижает нагрузку на специалистов; 4) клиентские CRM-функции: повышение качества коммуникаций и предоставление

клиентам онлайн- доступа к статусу дел, что усиливает прозрачность; 5) аналитические инструменты: сбор и анализ данных для управленческих решений и повышения эффективности [1].

Таким образом развитие LegalTech технологий является закономерным ответом правовой сферы на цифровую трансформацию. Эти технологии ускоряют модернизацию юридической деятельности: автоматизируют рутинные операции, усиливают аналитику, стандартизируют документооборот и повышают прозрачность управления, одновременно снижая издержки и повышая доступность услуг. Практическую ценность подтверждают решения REVERA Legal Tech, CRM на базе «1С» и облачная платформа Peppermint Technology.

Заключение. Дальнейшее распространение LegalTech потребует не только обновления инструментов, но и методологического и нормативно-правового осмысления цифровизации, что поможет сформировать более гибкую, эффективную и клиентоориентированную правовую экосистему. Также к большей доступности может привести: 1) снижение стоимости разработки и внедрения за счет модульной архитектуры и повторного использования компонентов, применения облачной инфраструктуры с масштабированием, а также автоматизации тестирования и сопровождения и унификации данных. 2) повышение защиты персональных данных, предполагающее реализацию проектируемой конфиденциальности, и минимизация объема данных, регулярный аудит и мониторинг.

Список использованных источников

1. Peppermint Technology Inc : [bibliographic database]. – [Nottingham], 2010. – URL: https://www.pepperminttechnology.com/ (дата обращения 01.02.2026).

2. REVERA Legal Tech : [bibliographic database]. – [Tbilisi] 1998. – URL https://revera.tech/ (дата обращения 03.02.2026)

3. Артамонов, В. А. Вопросы электронного правительства в эпоху цифровой трансформации / В. А. Артамонов, Е. В. Артамонова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17. – С. 31 – 39.

4. Зубрик, Д. А. Legal tech как цифровая транформация профессии юриста / Д. А. Зубрик // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2023. – С. 76 – 78.

5. 1С: CRM : [bibliographic database]. – [Moscow] 1991. – URL: https://1crm.ru/ (дата обращения 31.01.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

В.Ю. Кирпиченко
Научный руководитель: Н.В. Маркина
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность исследования обусловлена тем, что имущественные отношения супругов, будучи неотъемлемой частью семейных правоотношений, играют определяющую роль в современном обществе. Как правило, решение суда о разделе общего имущества не может объективно учесть интересы каждого супруга, его вклад в формирование данного имущества, тем более, если данный вклад сложно оценить с финансовой точки зрения. Именно поэтому более совершенным вариантом представляется заключение брачного договора, поскольку он дает возможность не только разделить имущество, но и определить порядок его пользования и владения при расторжении брака. В настоящее время для все большего числа граждан, вступающих в законный брак, набирает популярность и становится актуальным заключение брачного договора, что говорит и об актуальности самой темы, избранной для написания данной работы. Активный рост случаев необходимости заключения договора между вступающими в брак вызван в первую очередь широким распространением предпринимательской деятельности среди граждан, вступающих или вступивших в брак, тенденцией к приобретению недвижимости и различных ценных бумаг, а также желанием полностью защитить свои права и себя от имущественных потерь после развода.

Цель исследования – выявить проблемы правового регулирования брачного договора.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели в работе применялись теоретические и эмпирические методы. Теоретический анализ научной литературы по данной теме позволил выявить направления развития и способы совершенствования данного института в Республике Беларусь, что будет способствовать расширению практики его применения.

Результаты и их обсуждение. Длительное время белорусское семейное право состояло преимущественно из императивных норм, однако жесткая публично-правовая регламентация семейных отношений не соответствовала новым принципам государственной семейной политики Республики Беларусь, установленной Указом Президента № 46 от 21.01.1998 «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [3].

В метод правового регулирования брачно-семейных отношений был привнесен диспозитивный элемент, особую роль при этом сыграло введение института Брачного договора (контракта).

В научной литературе Брачный договор определяют как соглашение, определяющее имущественные отношения супругов, а также условия, которые касаются прав и обязанностей детей, родителей супругов и т.д.

В целях обеспечения единообразного подхода к институту брачного договора видится целесообразным внести в статью 13 КоБС Республики Беларусь изменения, дополнив её более развернутым и объективным определением. Возможна следующая дефиниция исследуемого понятия: «Брачный договор – это письменное и нотариально удостоверенное соглашение мужчины и женщины, вступающих в брак, либо супругов, регулирующее их имущественные и личные неимущественные права и обязанности, как в период нахождения в браке, так и после его прекращения».

В случае изменения брачного контракта права и обязанности супругов также приобретают измененный вид [3].

Специфика брачного договора состоит в его субъектном составе. Сторонами брачного договора могут быть только физические лица. По законодательству Республики Беларусь это лица, брак между которыми зарегистрирован в органах ЗАГС, либо лица, вступающие в брак. Какие-либо иные субъекты не вправе выступать сторонами Брачного договора. Однако при наличии в настоящее время большого количества лиц, проживающих в так называемом «гражданском браке» (а по сути – сожительствующих), данная формулировка нуждается в корректировке. Находясь в отношениях такого рода, лица тоже могут вести совместное хозяйство и приобретать совместно имущество, иметь детей. Именно данный факт говорит о целесообразности предусмотреть возможность для таких групп людей также заключать Брачный договор с целью дальнейшего упрощения отношений.

Брачный договор могут заключать лица, имеющие намерение вступить в брак. Однако на законодательном уровне в Республике Беларусь дефиниция данной категории отсутствует. Можно констатировать факт, что действительно статью 13 КоБС Республики Беларусь необходимо дополнить дефиницией категории лиц, вступающих в брак, и определить ее следующим образом: «Лица, вступающие в брак – это мужчина и женщина, обратившиеся в органы ЗАГС с целью заключения брака в установленном законом порядке».

Еще одна проблема, которая известна науке семейного права, - это предметная область правового регулирования брачно-договорных отношений, к определению которой в мировой практике сформировано два подхода.

Первый подход поддерживается законодательствами стран англосаксонской системы права, например, в США, Канаде. В данном случае брачный договор может содержать одновременно условия, регулирующие имущественные отношения супругов, а также регламентирующие сферу их личных неимущественных отношений. Такой

подход закреплен и в законодательстве Республики Беларусь.

Другой подход ограничивает предметную область брачного договора исключительно имущественными правоотношениями супругов. Такой подход воспринят законодателями ряда государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье. Однако если предмет брачно-договорных отношений будет лимитирован только имущественной сферой отношений супругов, то возникает закономерный вопрос, в чем же заключается отличие брачного договора от обычной гражданско-правовой сделки [4].

Еще одной проблемой в части правового регулирования брачного договора исследователи указывают на тот факт, что положения ст.ст. 13 – 131 КоБС не содержат подробной регламентации порядка и особенностей заключения, изменения и расторжения брачного договора. В этой связи представляется необходимым принятие специального нормативного правового акта, регламентирующего данные вопросы в форме положения (инструкции) о порядке заключения брачного договора, утвержденного постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь. Данный нормативный правовой акт будет способствовать более точному и четкому пониманию сущности и значения института брачного договора, особенностей его правовой конструкции и формы, правового статуса сторон данного договора, порядка его заключения, изменения, расторжения и признания недействительным [1].

Ориентируясь на зарубежный опыт правового регулирования института брачного договора, следует отметить, что брачный договор в Республике Беларусь по отношению к западным странам имеет ряд отличительных особенностей. В частности, в белорусском государстве существует тайна брачного договора. Вместе с тем во многих зарубежных странах, напротив, обеспечен свободный доступ для заинтересованных лиц (как правило, кредиторов) для ознакомления с содержанием брачного договора. Данная мера может быть заимствована законодателем и применена в Республике Беларусь в целях соблюдения имущественных прав и законных интересов иных заинтересованных физических и юридических лиц.

Заключение. Таким образом, брачный договор, являясь достаточно молодым институтом гражданского и брачно-семейного права Республики Беларусь, представляет особую правовую и социальную значимость. Выявленные направления развития и совершенствования данного института в Республике Беларусь будут способствовать расширению практики его применения, всестороннему учету прав и законных интересов супругов, иных заинтересованных лиц, а также достижению целей права.

Список использованных источников

1. Куцанова, О. С. Актуальные направления развития и совершенствования института брачного договора в Республике Беларусь / О. С. Куцанова // Государство и

право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., 30 ноября 2020 г. / под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 148 – 151.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: 9 июля 1999 г. № 278-З: Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в редакции Закона Республики Беларусь от 12 июля 2025 г. № 86-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

3. Свиб, А. Ф. Проблемы правового регулирования брачного контракта в Республике Беларусь / А. Ф. Свиб, Е. И. Шайтарова, Е. И. Шайтарова // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., 30 ноября 2020 г. / под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 43 – 45.

4. Тютерева, Н. Н. Актуальные проблемы правового регулирования брачного договоре / Н. Н. Тютерева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2021. – №4 (841). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-brachnogo-dogovora (дата обращения: 27.02.2026).

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ю.Д. Ковалевская
Научный руководитель: Н.В. Потапова
Брест, БрГТУ

В современной геополитической реальности, характеризующейся нарастанием внешнего санкционного давления и торговых ограничений со стороны недружественных государств, модель «многоуровневой» или «гибкой» интеграции обретает особую актуальность. Особое место в этой системе занимает Союзное государство России и Беларуси, представляющее собой наиболее продвинутую форму взаимодействия. Однако дискуссионным остается вопрос о том, существует ли в рамках союзного строительства проблема баланса между сохранением суверенитета и углублением интеграции. Требуют переосмысления и приоритетные направления развития объединения: от политической риторики необходимо перейти к решению конкретных задач в социальной и экономической сферах, которые напрямую влияют на качество жизни граждан.

Целью данного исследования является анализ парадигмы «суверенитет versus интеграция» в российско-белорусских отношениях на современном этапе, а также выявление ключевых целей и выработка практических рекомендаций для развития Союзного государства в экономической и социальной сферах.

Материал и методы. Теоретической и методологической основой исследования послужили фундаментальные положения теории

международных отношений и интеграционного права. Источниковую базу составили Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности, а также Концепция безопасности Союзного государства, принятая 6 декабря 2024 г.

В работе использован комплекс методов научного познания. Сравнительно-правовой метод применен для анализа договорной базы и выявления эволюции подходов к защите суверенитета. Статистический и сравнительный анализ использован для оценки социально-экономических показателей. Эмпирическую базу составили данные компании Global Brands, статистические отчеты ООН по достижению Целей устойчивого развития, а также национальная статистика России и Беларуси.

Результаты и их обсуждение. Для постановки корректных целей в социальной сфере было проведено сравнение России и Беларуси с ведущими мировыми экономиками.

По данным компании Global Brands в 2024 г. ведущими мировыми экономиками по показателям годовой объем ВВП (млрд долл.) и ВВП на душу населения (тыс. долл. США) были признаны такие страны, как США, Германия, Япония, Индия и др. [1]. Индия и Китай были исключены из выборки ввиду наличия определенных социальных и экологических проблем.

По результатам проведенного анализа следует отметить, что ожидаемая средняя продолжительность жизни в рассматриваемых странах в 2021 г. составляет у мужчин – 78,95 лет лет, у женщин – 83,98; в 2022 г. – у мужчин – 79,13, у женщин – 83,94; в 2023 г. – у мужчин- 79,6 лет, у женщин – 84,44)[2,3,4]. Следует отметить, что ожидаемая средняя продолжительность жизни в России у мужчин за 2021-2023 гг. не превышает значения в 68,04 г., у женщин – 78,73 г. В Республике Беларусь за аналогичный период максимальное значение ожидаемой средней продолжительности жизни у мужчин составляет 69,535 лет, у женщин – 79,065 лет.

Таким образом, ***первой социальной целью*** Союзного государства России и Беларуси должно стать рост ожидаемой жизни при рождении у мужчин, как минимум, на 12-13 лет, у женщин - как минимум, на 6-10 лет.

Достижение первой социальной цели Союзного государства России и Беларуси непосредственно тесно связано со ***второй социальной целью*** Союзного государства России и Беларуси, которая предполагает рост текущих расходов на здравоохранение в % от ВВП, как минимум в 2 раза и достижение значения в 11-12% от ВВП (рисунок 1).

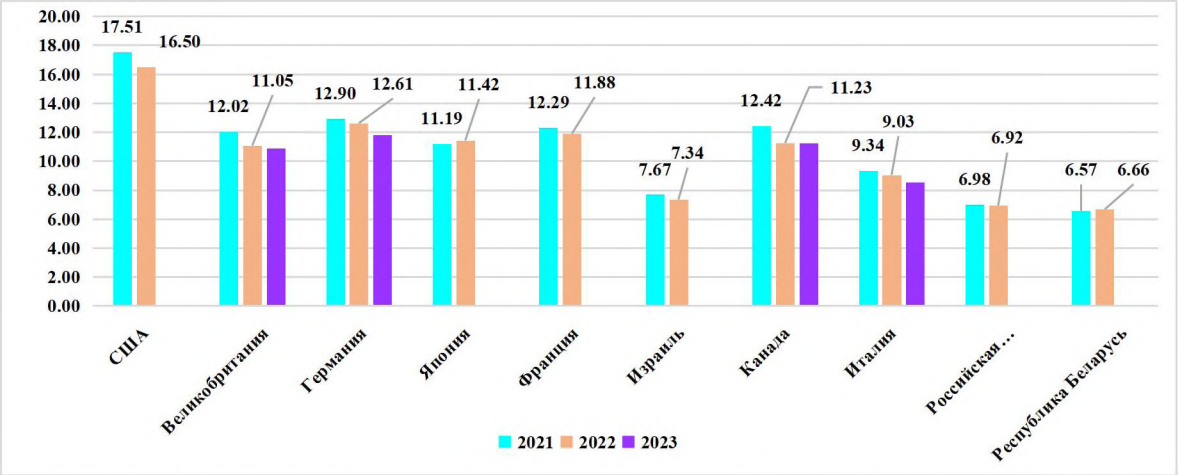


Рисунок 1. – Текущие расходы на здравоохранение (% от ВВП) в 2021-2023 гг.

Примечание - самостоятельная разработка на основании [2-4].

На основании проведенного исследования было установлено, что среднее значение текущих расходов на здравоохранение в % от ВВП в ведущих мировых экономиках в 2024 г. составляет в 2021 г. – 11,92%, в 2022 г. – 11,38%, в 2023 г. – 10,6%. В Российской Федерации за 2021-2023 гг. текущие расходы в % от ВВП не превышали в 6,92%, в Республике Беларусь за аналогичный период – 6,66%.

Третьей социальной целью развития Союзного государства России и Беларуси должно стать проведение согласованной политики в области социальной защиты населения, пенсионного обеспечения, страхования, в трудовой сфере. В рамках Союзного государства обеспечение равенства прав граждан и формирование унифицированной системы социальных гарантий представляют собой одну из приоритетных задач интеграционного взаимодействия. Граждане Союзного государства, находясь на территории соседнего государства, должны ощущать себя в равных и безопасных условиях, сопоставимых с пребыванием в собственной стране. Следует отметить, что в этом направлении достигнут ряд безусловных результатов: отсутствуют торговые и таможенные барьеры, обеспечены равные права на труд, обучение, в России признаются результаты Централизованного тестирования, а также гарантирован доступ к неотложной медицинской помощи.

Несмотря на то, что уровень равенства прав граждан в Союзном государстве выше, чем в ЕАЭС, отдельные аспекты социального обеспечения по-прежнему не проработан. К примеру, рамках ЕАЭС действует приложение «Работа без границ», позволяющее гражданам свободно трудоустраиваться в странах союза. Однако трудовой стаж, накопленный в разных странах ЕАЭС сегодня дробится и не суммируется. В результате человек может потерять статус «Ветерана труда». Если гражданин проработал 10 лет в Беларуси и 15 лет в России – общий трудовой стаж учитывается раздельно. Есть задачи в совершенствовании порядка назначения и выплаты пенсий гражданам, сменившим место жительства в пределах Союзного государства. В настоящее время пенсии

перечисляются ежеквартально, а не ежемесячно, что связано с несогласованностью особенностями межгосударственного документооборота и расчётных процедур.

Четвертой социальной целью должно стать Достижение Целей устойчивого развития экономики.

В Беларуси по итогам доклада ООН по достижению Целей устойчивого развития экономики 2024 г. достигнуты Цель 1 (Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах), Цель 6 (Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех), Цель 10 (Сокращение неравенства внутри стран и между ними), Цель 15 (Сохранение экосистем суши)[5].

В Российской Федерации по итогам доклада ООН по достижению Целей устойчивого развития экономики достигнута Цель 1 (Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах). Коэффициент Джинни в Республике Беларусь составляет 27,9% , в Российской Федерации – 40,5%.

Логическим продолжением социальной повестки является вопрос демографической безопасности. Достижение целевых параметров Стратегии пространственного развития России до 2036 года требует привлечения не менее 2,4 млн высококвалифицированных специалистов. В условиях оттока кадров из ИТ-сектора и инженерных специальностей граждане Беларуси и других стран ЕАЭС представляют собой критический ресурс для закрытия этой потребности.

Следовательно, задача Союзного государства – не только привлечь, но и удержать специалистов, а также подготовить новое поколение кадров. В образовательной сфере одной из главных целей должно стать увеличение количества учащихся по обмену в 2 – 3 раза (по итогам 2023/2024 уч. г. Россия занимает лишь 5-е место по этому показателю в Беларуси).

Заключение. Исходя из выявленных проблем и поставленных целей, представляется необходимым реализовать следующий комплекс мер:

В социально-трудовой сфере:

1. Рассмотреть возможность учреждения звания «Ветеран труда Союзного государства», при котором весь трудовой стаж на территории обеих стран суммировался бы.
2. Создать единую базу данных трудового стажа на базе электронных трудовых книжек для упрощения межгосударственного признания трудовых периодов.
3. Предоставить возможность получать пенсию в цифровых рублях, что позволит нивелировать влияние курсовых разниц при пересчете пенсий.
4. Запустить электронный обмен данными между Россией и Беларусью, чтобы перейти на ежемесячный режим перечисления пенсий для граждан, сменивших страну проживания.

В кадровой и экономической сферах**:**

1. Расширить союзные программы кадровой интеграции, включив целевые образовательные траектории (инженерные колледжи, вузы) с

гарантией последующего трудоустройства, а также программы ротации кадров.

2. Формировать стимулы для возврата и удержания специалистов, включая налоговые льготы и поддержку «карьерных лифтов» в технологических кластерах.

3. Рассмотреть возможность полноценного участия Республики Беларусь в реализации ряда национальных проектов России («Экономика данных», «Кадры», «Беспилотные авиационные системы», «Космос») на союзном уровне, используя накопленные компетенции сторон.

Реализация предложенных мер по унификации социальных стандартов, созданию общего кадрового пространства и увеличению инвестиций в человеческий капитал позволит перевести интеграцию из политической плоскости в плоскость реальных социальных лифтов и благополучия граждан, что и является конечной целью существования Союзного государства.

Список использованных источников

1. Unlocking the Global Economic Landscape: Ranking the Top 10 Countries in the World 2024. – URL: https://www.globalbrandsmagazine.com/top-10-countries-in-the-world 2024/. ((дата обращения: 25.02.2026).

2. Department of Economic and Social Affairs. Statistics. – URL: https://unstats.un.org/UNSDWebsite ((дата обращения: 25.02.2026).

3. UNESCO. – URL: https://www.unesco.org/en. (дата обращения: 25.02.2026).

4. World Bank Open Data. – URL: https://data.worldbank.org/. ((дата обращения: 25.02.2026).

5. Sustainable development report 2024. – URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2024/sustainable-development-report-2024.pdf (дата обращения: 25.02.2026).

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С.А. Козловская
Научный руководитель: А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Институт конституционного контроля является важным элементом правового государства и обеспечивает верховенство Конституции в системе законодательства. В Республике Беларусь данную функцию выполняет Конституционный Суд Республики Беларусь, деятельность которого направлена на обеспечение соответствия нормативных правовых актов положениям Конституции Республики Беларусь. Изучение места и роли Конституционного Суда, а также порядка рассмотрения им дел позволяет определить значение данного органа в обеспечении конституционной законности.

Конституционный контроль значим для обеспечения верховенства Конституции Республики Беларусь и стабильности правовой системы государства. Деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь направлена на предупреждение принятия нормативных правовых актов, противоречащих Конституции, а также на совершенствование законодательства Республики Беларусь.

Анализ места и роли Конституционного Суда Республики Беларусь в системе органов государственной власти, а также изучение порядка рассмотрения дел данным органом позволяет выявить основные механизмы реализации конституционного контроля, обеспечить верховенство Конституции и оценить влияние деятельности суда на стабильность и согласованность национального законодательства.

Материалы и методы. В работе использованы формально-юридический, системный и аналитический методы исследования. Материалами исследования послужили статьи Конституции Республики Беларусь, нормы Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», а также официальные материалы Конституционного Суда Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение. Важным элементом механизма обеспечения конституционной законности является деятельность органов конституционного контроля. В Республике Беларусь такую функцию выполняет Конституционный Суд Республики Беларусь, который обеспечивает соответствие нормативных правовых актов положениям Конституции Республики Беларусь.

Согласно Конституции Республики Беларусь, в государстве признаётся принцип верховенства права [1, с. 5]. Это означает, что все государственные органы и должностные лица обязаны действовать в соответствии с Конституцией и принятыми на её основе нормативными правовыми актами. Для обеспечения соблюдения данного принципа в государстве функционирует институт конституционного контроля.

В соответствии со статьёй 116 Конституции Республики Беларусь конституционный контроль осуществляется Конституционным Судом [1]. Основной задачей данного органа является проверка соответствия нормативных правовых актов Конституции и обеспечение конституционной законности.

Правовой статус Конституционного Суда и основные направления его деятельности закреплены в Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве». В соответствии с положениями данного закона Конституционный Суд рассматривает вопросы соответствия Конституции законов, указов Президента и иных нормативных правовых актов.

Значение Конституционного Суда также связано с обеспечением единства системы законодательства. Согласно Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормативные правовые акты

должны соответствовать Конституции и актам более высокой юридической силы. В этой связи Конституционный Суд выступает важным гарантом соблюдения иерархии нормативных правовых актов.

Одним из основных направлений деятельности Конституционного Суд Республики Беларусь является рассмотрение дел о соответствии нормативных правовых актов положениям Конституции Республики Беларусь.

Согласно статье 116 Конституции Республики Беларусь Конституционный Суд осуществляет контроль за конституционностью нормативных правовых актов [1]. Реализация данной функции осуществляется посредством установленной законодательством процедуры конституционного судопроизводства.

Порядок рассмотрения дел в Конституционном Суде регулируется Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве».

Основанием для рассмотрения дела является обращение уполномоченных субъектов, к которым относятся Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального собрания, Совет Республики, Верховный Суд и Совет Министров.

Процедура рассмотрения дел включает несколько стадий. На первом этапе осуществляется поступление обращения в Конституционный Суд и его предварительное изучение. На данном этапе проверяется соответствие обращения установленным требованиям законодательства.

Следующей стадией является подготовка дела к рассмотрению. В ходе данной стадии суд изучает представленные материалы, анализирует нормативные правовые акты и при необходимости запрашивает дополнительные документы.

После подготовки дело рассматривается на заседании Конституционного Суда. Заседания проводятся коллегиально, что обеспечивает объективность и всесторонность рассмотрения поставленных вопросов.

По результатам рассмотрения дела Конституционный Суд принимает решение, которое имеет обязательную юридическую силу и подлежит исполнению всеми государственными органами и должностными лицами. Практика рассмотрения дел и основные направления деятельности суда отражены в официальных материалах Конституционный Суд Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, Конституционный Суд Республики Беларусь играет важную роль в системе органов государственной власти Республики Беларусь. Его деятельность направлена на обеспечение верховенства Конституция Республики Беларусь и поддержание конституционной законности.

Порядок рассмотрения дел в Конституционном Суде представляет собой важный механизм реализации конституционного контроля. Благодаря установленным законодательством процедурам обеспечивается

проверка нормативных правовых актов на соответствие Конституции и поддерживается согласованность всей системы законодательства Республики Беларусь.

Список использованных источников

1.Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск : Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.

2.О конституционном судопроизводстве Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 08 янв. 2014 г., N° 124-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. N° 284-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения:11.03.2026).

3. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г., N° 130-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 28 июня 2024 г. № 15-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

К ВОПРОСУ ОБ ОТСТРАНЕНИИ ОТ НАСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ПРАВО НА ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ В НАСЛЕДСТВЕ

М.С. Кресова
Научный руководитель: Ю.В. Емельянова
Минск, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Институт обязательной доли в наследстве, выступая традиционным механизмом ограничения принципа свободы завещания в пользу социально уязвимых категорий граждан, сохраняет свою фундаментальную значимость, однако в современных условиях обнаруживает ряд проблемных аспектов правоприменения. Актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, сохраняющейся доктринальной дискуссией о правовой природе обязательной доли, а с другой – выявленной коллизией между нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) и Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) в части порядка отстранения от наследования родителей, лишенных родительских прав. Целью работы является комплексный анализ института обязательной доли, обоснование необходимости совершенствования законодательства для обеспечения системного единства правовых норм и защиты имущественных интересов достойных наследников.

Материал и методы. Материалами данного исследования являются нормы гражданского законодательства и законодательства о браке и семье, научные труды таких авторов, как Короткевич М. П., Мельникова М. П., Трапезникова А. В., Шилохвост О. Ю., Щербина Н. В. В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, формально-

юридический метод, сравнительно-правовой метод, а также метод системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Обязательная доля, как справедливо отмечает Н. В. Щербина, представляет собой традиционный институт наследственного права, обладающий социально-экономической и нравственной нагрузками [1, с. 22]. Следует согласиться с А. В. Трапезниковой, что по своей сути институт обязательной доли в наследстве представляет собой проявление социального начала наследования [2, с. 22]. Сходной позиции придерживается О. Ю. Шилохвост, полагая, что истинное значение наследования как средства материального обеспечения близких наследодателю лиц проявляется в нормах, которые, гарантируя свободу завещания, одновременно ограничивают её в пользу социально уязвимых категорий. Именно таким защитным механизмом и выступают правила об обязательной доле [3, с. 16].

Понятие «обязательная доля» закрепилось в законодательстве, поскольку определённым законодателем наследникам (так называемым, «необходимым наследникам») гарантировано безусловное право на долю в наследстве, размер которой установлен законодательством. В действующем ГК институт обязательной доли в наследстве регулируется ст. 1064 ГК [4]. Так, несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, а также его нетрудоспособные супруг и родители наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону, – обязательную долю (п. 1 ст. 1064 ГК). При этом завещатель не вправе ограничить их в этом праве. Любые обременения или ограничения, установленные в завещании для наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, относятся только к той части наследственного имущества, которая превышает размер обязательной доли [5].

Ключевой особенностью отечественного института обязательной доли является установление дополнительного критерия для обязательных наследников, к которым относятся дети, супруг и родители наследодателя, в частности, законодатель особо подчёркивает, что основным признаком отнесения определенных лиц к числу имеющих право на обязательную долю является их несовершеннолетие или нетрудоспособность по возрасту либо в связи с инвалидностью [6, с. 5]. В связи с этим, следует согласиться с М. П. Мельниковой, что основной функцией института обязательной доли является защита имущественных интересов наиболее материально уязвимых наследников [7, с. 310].

Важно отметить, что хоть институт обязательной доли и является защитным механизмом, однако он защищает только «достойных» наследников, поскольку согласно ст. 1038 ГК недостойные наследники

отстраняются от наследования даже если имеют право на обязательную долю.

Особого внимания заслуживают вопросы отстранения от наследования лиц, предусмотренных п. 3 ст. 1038 ГК, в частности, родители, которые лишены родительских прав в отношении ребенка (наследодателя) и не восстановлены в этих правах ко времени открытия наследства, если это обстоятельство подтверждено в судебном порядке. В связи с этим усматривается коллизия между п. 4 ст. 1038 ГК и ст. 82 КоБС. Положения ст. 82 КоБС прямо устанавливают, что родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право наследования по закону. Устранение коллизии между нормами ГК и КоБС видится возможным лишь посредством закрепления в ГК внесудебного порядка исключения из числа наследников родителей, лишенных родительских прав в отношении умершего ребенка и не восстановленных в этих правах на момент открытия наследства.

Как справедливо отмечает М. П. Короткевич, требование об обращении в суд для отстранения родителей, лишенных родительских прав, от наследования умаляет значение института лишения родительских прав. Правовые последствия, предусмотренные ст. 82 КоБС, уже свидетельствуют об осуждении действий (бездействия) родителя, послуживших основанием для лишения прав. На практике возможны случаи, когда «достойные» наследники по каким-либо причинам не обратятся в суд. В подобных случаях лица, лишенные родительских прав, будут иметь возможность получить имущество умершего ребенка вопреки их недостойному поведению. Указанное обстоятельство обусловливает необходимость внесения изменений в ГК, позволяющих исключать таких лиц из числа наследников по закону в бесспорном (административном) порядке нотариусом, без обращения в суд [8, с. 50].

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости введения возможности отстранения нотариусом родителей, лишенных родительских прав, от наследования по закону в административном порядке без обращения в суд. Полагаем возможным применение такого порядка в случаях, когда обстоятельства, служащие основанием для исключения лица из числа наследников, не требуют дополнительного доказывания, поскольку уже установлены вступившим в законную силу судебным решением. Данная мера, помимо прочего, направлена на обеспечение системного единства норм белорусского законодательства.

Таким образом, институт обязательной доли не является абсолютным и имеет обоснованные исключения, поскольку защищает права только «достойных» наследников, допуская возможность отстранения от наследования недостойных наследников даже при наличии у них права на обязательную долю.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Правовая природа обязательной доли носит двойственный характер. С одной стороны, она представляет собой особое наследственное право, производное от родственной связи с наследодателем, что выражается в безусловном характере ее предоставления и недопустимости ограничения со стороны завещателя. С другой стороны, обязательная доля выполняет публично-правовую функцию социального обеспечения, выступая гарантией имущественной защиты наиболее уязвимых категорий наследников.

2. Представляется целесообразным введения возможности отстранения нотариусом родителей, лишенных родительских прав, от наследования по закону в административном порядке без обращения в суд. Применение такого порядка возможно в случаях, когда обстоятельства, служащие основанием для исключения лица из числа наследников, не требуют дополнительного доказывания, поскольку уже установлены вступившим в законную силу судебным решением. Такой подход не только упростит правоприменение, но и устранит существующую коллизию между нормами ГК и КоБС, обеспечив баланс между процессуальной экономией и защитой прав граждан.

Список использованных источников:

1. Щербина, Н. В. Свобода завещания и случаи её ограничения / Н. В. Щербина // Законодательство. – 2004. – № 5. – С. 22 – 27.

2. Трапезникова, А. В. Наследование обязательной доли : монография / А. В. Трапезникова. – М. : Феникс, 2010. – 285 с.

3. Шилохвост, О. Ю. Проблемы правового регулирования наследования по закону в современном гражданском праве России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Шилохвост Олег Юрьевич ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М., 2006. – 22 с.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноябр. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.03.2026).

5. О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании : постановление Пленума Верхов. Суда Республики Беларусь от 21 дек. 2001 г. № 16 : в ред. от 26 июня 2025 г. № 7 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.03.2026).

6. Рабец, А. М. Право на обязательную долю в наследстве и проблемы его реализации в современной России / А. М. Рабец // Наследственное право. – 2024. – № 2. – С. 5 – 7.

7. Мельникова, М. П. Сущность обязательной доли наследства / М. П. Мельникова, Д. Т. Караманукян // Сборник материалов Международной научно-практической конференции : сб. материалов. – 2017. – Т. 2. – С. 308 – 311.

8. Короткевич, М. П. Отстранение недостойных наследников от наследования по основаниям, связанным с поведением наследников как субъектов семейных правоотношений / М. П. Короткевич // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 5. – С. 47 – 53.

ПРАВО РАБОТАЮЩИХ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ТРУДА

Н.В. Кричевцов
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях постоянных изменений в трудовом законодательстве важным становится обеспечение надежной защиты прав работников, особенно в сфере охраны труда. Это включает вопросы обеспечения безопасных условий труда, соблюдения норм и стандартов, что прямо влияет на здоровье и жизнь работников.

Право работающих на охрану труда закреплено в главе 3 закона Республики Беларусь «Об охране труда» [1]. А гарантии права работника в статье 223 Трудового кодекса Республики Беларусь [2].

Материал и методы. Методологической основой исследования послужила нормативная-правовая база, которую составили: закон об охране труда Республики Беларусь; Трудовой кодекс Республики Беларусь; и другие указанные в списке использованных источников.

Результаты и их обсуждение. Исследование проводилось по отработанной методике на базе Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», где разрабатывается модуль «Качество» в единой учебно-методической модульной программе по циклу дисциплин специальности «Маркетинг и логистика» [3].

В статье 11 в законе Республики Беларусь «Об охране труда» установлено, что работающий имеет право на:

1) получение от работодателя достоверной информации о состоянии условий и охраны труда на рабочем месте, а также о средствах защиты от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов;

2) обучение безопасным методам и приемам работы, проведение инструктажа по вопросам охраны труда;

3) личное участие или участие через своего представителя, уполномоченного в соответствии с законодательством, в рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением безопасных условий труда, проведении контролирующими (надзорными) органами в установленном порядке проверок соблюдения законодательства об охране труда на его рабочем месте, расследовании произошедшего с ним несчастного случая на производстве и (или) его профессионального заболевания.

Работник помимо прав, указанных в части первой настоящей статьи, имеет право на:

1) рабочее место, соответствующее требованиям по охране труда;

2) обеспечение необходимыми средствами индивидуальной защиты, средствами коллективной защиты, санитарно-бытовыми помещениями, оснащенными необходимыми устройствами и средствами;

3) отказ от выполнения порученной работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих до устранения этой опасности, а также при непредоставлении ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда. В случае отказа от исполнения порученной работы по указанным причинам сотрудник должен незамедлительно уведомить работодателя – нанимателя, заключившего трудовой договор с гражданином, либо уполномоченного им лица, об обосновании такого отказа, при этом сохраняется обязательность соблюдения правил внутреннего трудового распорядка, за исключением вопросов, связанных с выполнением указанной работы.

Гражданин, выполняющий работу по гражданско-правовому договору на территории, предоставляемой работодателем, имеет право отказаться от исполнения данного договора полностью или частично, если работодатель не обеспечил надлежащих условий труда, необходимых для выполнения работы (оказания услуги), либо создал угрозу жизни и здоровью самого работника и окружающих до момента устранения такой угрозы. В случае отказа от исполнения работы (предоставления услуги) по указанным причинам гражданин обязан немедленно изложить в письменной форме причины своего решения работодателю.

В отличии от российского законодательства, у нас для охраны труда существует специальный закон «Об охране труда» от 23 июня 2008 г. № 356-З. У них же основы охраны труда прописаны в разделе 10 Трудового кодекса (– далее ТК).

Основанием возникновения многих отношений по охране труда между отдельными категориями работников и работодателей в России, Беларуси и Казахстане, действительно, является трудовой договор. Именно с данного момента в таких отношениях на работников и работодателей, распространяется реализация прав и выполнение обязанностей, связанных с охраной труда (статьи 214 – 216.3 ТК Российской Федерации [4]; статьи 13, 15 закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда» ; ст. 181, 182 ТК Республики Казахстан [5]).

Одновременно с этим отношения по охране труда имеют и те черты, которые не присущи всем отношениям, составляющим предмет правовой отрасли рассматриваемых государств. Среди таких признаков следует особо отметить единую целевую направленность, характерную исключительно для отношений по охране труда. В российском праве – это сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности (ст. 209 ТК Российской Федерации), в белорусском и казахстанском праве – обеспечение безопасности жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности (пункт 32 статьи 1 ТК Республики Казахстан и статья 1 закона Республики Беларусь «Об охране труда»).

Уникальная целенаправленность отношений по охране труда находит свое подтверждение и в правовой доктрине. Например, А.В. Баранашник, определяя предмет правового регулирования охраны труда, понимает под ним «группы общественных отношений, участники которых своими действиями обеспечивают здоровые и безопасные условия труда, бесперебойную и четкую деятельность всего трудового процесса». С этим суждением можно согласиться. Причем следует учесть, что для регулирования отношений по охране труда в рассматриваемых государствах применимы в большей части императивные методы правового регулирования. Данный вывод соответствует современным научным взглядам. Так, И.А. Корючина в своем диссертационном исследовании отмечает возможность сочетания договорных и императивных начал в регулировании трудовых отношений, позволяющих работникам и работодателям достаточно свободно определять основные принципы своего взаимодействия, но такой подход не всегда применим к охране труда работников. Р.В. Кирсанов также утверждает, что регулирование отношений, направленных на обеспечение здоровых и безопасных условий труда, требуют преимущественно императивного воздействия.

Обособленность отношений по охране труда в предмете трудового права России, Беларуси и Казахстана, подтверждается заложенным в их основе отраслевым принципом правового регулирования. В России рассматриваемый принцип имеет нормативное закрепление в ст. 2 ТК Российской Федерации и сформулирован как обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены [4]. В Казахстане принцип, определяющий суть правовой регламентации рассматриваемых отношений, изложен в ст. 4 ТК Республики Казахстан, как приоритет жизни и здоровья работника [5]. В Беларуси данный принцип определен в качестве права работника на здоровые и безопасные условия труда (ст. 11 ТК Республики Беларусь). Следует также заметить, что в новой редакции раздела X ТК Российской Федерации, которая вступила в силу с 01.03.2022, появилась ст. 209.1 ТК Российской Федерации «Основные принципы обеспечения безопасности труда».

Заключение. В отрасли трудового права как России, так и Беларуси, и Казахстана выделена отдельная группа норм, регулирующих эти отношения. Эти нормы объединены в самостоятельный правовой институт, существующий на протяжении продолжительного периода времени. Более того, в составе всех современных ТК рассматриваемых государств имеются отдельные разделы (главы), содержащие нормы об охране труда, регламентирующие соответствующие отношения, в основе которых заложена несомненная ценность для сферы применения труда.

Нормы об охране труда в рассматриваемых странах образуют самостоятельный и устойчивый правовой институт трудового права, а его

развитие и детализация служат одной задаче – обеспечить работнику реальные механизмы защиты и профилактики производственных рисков, а работодателю – четкие обязательные правила организации безопасного труда.

Список использованных источников

1. Об охране труда : Закон Респ Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З : Принят Палатой представителей 14 мая 2008 г.: Одобрен Советом Республики 4 июня 2008 года: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 300-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2026).

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 года, в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2026).

3. Немогай, Н. В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. Закона от 06.02.2026 г. // КонсультантПлюс. Россия / «Консультант Плюс». – М., 2026 (дата обращения: 17.03.2026).

5. Трудовой кодекс Республики Казахстан: 23. ноября 2015 г. № 414-V: Принят Президиум Верховного Совета 23.11.2015 года, в ред. Закона Респ. Казахстан от 09.01.2026 года № 256-VIII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. (дата обращения: 17.03.2026).

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Д.А. Кудёлко
Научный руководитель: Е.Н. Мазаник
Минск, БГЭУ

В условиях возрастания интенсивности трансграничных финансовых потоков и цифровой трансформации экономики проблема легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма приобрела статус системной угрозы международной безопасности. Глобальный характер данной угрозы подтверждает необходимость консолидации усилий мирового сообщества и выработки унифицированных защитных механизмов. Для Республики Беларусь ориентация на мировые стандарты в этой сфере является важной точкой национальной политики обеспечения экономической безопасности и поддержания правовой репутации в глобальном финансовом пространстве. Республика Беларусь выступает как субъект межнациональной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию

терроризма (далее – ПОД/ФТ), последовательно учитывающий международные стандарты в национальном законодательств.

Материал и методы. Белорусская система противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, базируется на синтезе регулятивных мер и уголовно-правовой превенции, что обеспечивает соответствие международным императивам.

В регуляторном аспекте ключевое значение имеет Закон от 30 июня 2014 года №165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон №165-З). Закон предписывает Департаменту финансового мониторинга Комитета государственного контроля проведение деятельности, которая связана с принятием мер по ПОД/ФТ, учетом, обработкой и анализом информации о финансовых операциях, подлежащих особому контролю. Данный закон закрепляет возможность осуществления международного сотрудничества по вопросам ПОД/ФТ. Помимо этого, государственные органы, контролирующие деятельность лиц, осуществляющих финансовые операции, разрабатывают рекомендации по критериям выявления и признакам подозрительных финансовых операций, связанных с получением или легализацией доходов, полученных преступным путем. Таким образом в законе отражены меры по борьбе с отмыванием денежных средств, закрепленные в статье 7 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (далее – Палермская конвенция).

В уголовно-правовом аспекте юридическая конструкция состава легализации материальных ценностей, приобретенных преступным путем, закрепленная в статье 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь, полностью отражает требования статьи 6 Палермской конвенции о криминализации отмывания доходов от преступлений. Субъективная сторона характеризуется целью придания законного вида происхождению ценностей. Для дифференциации ответственности в примечании 1 к главе 25 Уголовного кодекса установлены стоимостные критерии. Крупным размером признается сумма, равная или превышающая тысячу базовых величин, а особо крупным размером признается сумма, равная или превышающая две тысячи базовых величин [1]. Данная градация позволяет правоприменителю эффективно назначать наказания, соразмерные степени общественной опасности деяния.

Рекомендации межправительственной организации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ) [2] представляют собой международные стандарты, на соблюдение которых ориентируются межнациональные финансовые институты при оценке юрисдикций. Беларусь реализует данные стандарты через членство в Евразийской группе по противодействию легализации преступных

доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ), которая является ассоциированным членом ФАТФ [2, 3].

Результаты и их обсуждение. Международная архитектура ПОД/ФТ, сформированная на базе стандартов ФАТФ, сегодня сталкивается с необходимостью адаптации к новым технологическим и социальным вызовам, которые носят трансграничный характер и требуют унифицированных подходов от всех государств-участников.

Значимым фактором риска, актуальным для всех без исключения юрисдикций, является стремительное развитие рынка виртуальных активов и появление поставщиков соответствующих услуг. Высокий уровень анонимности транзакций и децентрализованная архитектура блокчейн-сетей создают потенциальные каналы для интеграции преступных доходов в легальный финансовый оборот. В связи с этим перед законодателями различных стран стоит задача гармонизации национальных правовых актов с учетом требований ФАТФ в части регулирования деятельности поставщиков услуг виртуальных активов. Ключевой проблемой остается внедрение эффективных механизмов идентификации клиентов в криптосфере.

Также сохраняется проблема эффективности возврата активов. Даже при наличии развитых договоренностей, процесс возврата средств, выведенных в офшорные юрисдикции, часто затруднен из-за различий в национальных процессуальных стандартах. Данное обстоятельство представляет собой общий вызов для правоприменительных органов всех стран, требующий совершенствования форм оказания взаимной правовой помощи.

В этом контексте важную роль играет региональное сотрудничество. Так, в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) активно развивается договорная база, направленная на унификацию подходов к борьбе с преступными доходами. Соответствующие соглашения (Договор государств – участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения от 15 октября 2021 г.) и модельное законодательство СНГ создают правовую основу для оперативного обмена информацией и проведения совместных расследований между компетентными органами государств-участников, что является важным дополнением к глобальным механизмам ФАТФ.

В 2019 г. ЕАГ утвердила Отчет о взаимной оценке ПОД/ФТ Республики Беларусь. Данный отчет представляет собой анализ эффективности и технического соответствия законодательства Республики Беларусь международным Стандартам ФАТФ, а также содержит рекомендации по дальнейшему совершенствованию национальной системы ПОД/ФТ. Результаты мониторинга ЕАГ подтверждают высокий

уровень технического соответствия белорусского законодательства стандартам ФАТФ [3].

Заключение. Республика Беларусь де-факто интегрирована в глобальный режим по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, выступая в качестве ответственного партнера. Достижения республики, подтвержденные высокими оценками технического соответствия национального законодательства стандартам ФАТФ в отчетах ЕАГ, создают прочную основу для дальнейшего развития.

В качестве стратегических перспектив развития всей международной системы ПОД/ФТ можно выделить цифровизацию контроля через внедрение передовых надзорных технологий. Речь идет о специализированных программных решениях, которые позволяют надзорным органам в автоматизированном режиме анализировать большие массивы данных, выявлять подозрительные транзакции и оценивать риски. Это дает возможность осуществлять мониторинг операций с новыми финансовыми инструментами (цифровыми валютами центральных банков, виртуальными активами) в режиме реального времени, опережая преступные схемы.

Учитывая трансграничный характер угроз, приоритетом для всех государств должно стать укрепление взаимодействия в рамках профильных международных групп (ФАТФ, ЕАГ) для гармонизации подходов к регулированию новых финансовых технологий. Постоянная адаптация национальных архитектур ПОД/ФТ к меняющемуся ландшафту угроз является необходимым условием защиты суверенитета и экономической стабильности современных государств.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.02.2026).

2. FATF : [bibliographic database] – [Paris], 2024. – URL: https://www.fatf-gafi.org (date of access: 15.02.2026).

3. ЕАГ – Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма : [сайт]. – Москва, 2024. – URL: https://eurasiangroup.org (дата обращения: 15.02.2026).

АУДИОФИКСАЦИЯ КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РОДОВ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А.К. Кукета
Научный руководитель: Г.А. Василевич
Минск, БГУ

В контексте формирования устойчивого общества особое значение приобретает создание гарантий безопасности и уважения достоинства личности в наиболее уязвимые периоды жизни, к которым, безусловно, относится процесс деторождения. Системное предупреждение неправомерных действий в отношении рожениц выступает в настоящее время не только этическим императивом, но и ключевой превентивной мерой, имеющей прямое отношение к демографической безопасности и общественному здоровью нации. Для Республики Беларусь, где вопросы укрепления семьи и защиты материнства отнесены к числу приоритетов, разработка эффективных правовых инструментов, искореняющих деструктивные практики в акушерстве, является задачей высокой социальной значимости.

В Республике Беларусь материнство охраняется и поощряется государством. Женщинам гарантируются медицинское наблюдение и оказание медицинской помощи в стационарных условиях в государственных учреждениях здравоохранения во время беременности, родов и в послеродовой период. Когда женщина уверена, что её законные интересы и достоинство защищены действенными правовыми механизмами, психологический барьер, связанный с беременностью и родами, снижается, что способствует улучшению демографических показателей.

Целью данного исследования является обоснование необходимости законодательного закрепления аудиофиксации в родильных залах как меры превентивной защиты прав женщин, предотвращение возможных неправомерных действий и формирование безопасного пространства в системе родовспоможения в Республике Беларусь.

Материал и методы. Исследование проведено на основе анализа нормативно-правовой базы Республики Беларусь, регулирующий правоотношения в сфере здравоохранения, в частности, Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-XII. Теоретической основой работы послужили научные публикации, посвященные ряду проблем в сфере акушерства и их последствиям. Методологическую базу составили общенаучные методы анализа и синтеза, системный анализ социальных явлений.

Результаты и их обсуждение. Неправомерными можно считать действия или бездействие медицинского персонала в процессе родовспоможения, которые унижают достоинство, нарушают автономию воли и права пациентки, в том числе вмешательство в родовую деятельность без необходимости [1].

Можно выделить две взаимосвязанные формы неправомерного воздействия. Физическая форма выражается в проведении медицинских вмешательств без получения добровольного, осознанного и информированного согласия либо вопреки прямому отказу роженицы и др. Психологическая (вербальная) форма может проявляться в некорректных,

возможно, манипулятивных высказываниях, в игнорировании просьб и вопросов, в сокрытии информации о состоянии здоровья роженицы или ребёнка.

Важно обеспечить право пациента на участие в выборе методов оказания медицинской помощи; уважительное и гуманное отношение со стороны работников здравоохранения; облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством всеми методами оказания медицинской помощи с учетом лечебно-диагностических возможностей организации здравоохранения; полную и объективную информацию о состоянии здоровья и предполагаемых медицинских вмешательствах. Должны быть обеспечены: конституционное право на охрану здоровья, право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, должен быть соблюден конституционный принцип уважения достоинства личности.

С целью усиления контроля над данной областью, в том числе предупреждение негативных практик в акушерстве, некоторыми учреждениями были установлены системы видеонаблюдения в родильных залах, однако справедливо отметить ограниченную эффективность такой формы контроля. Основной пласт проблемы – психологическое деструктивное воздействие, осуществляемое через вербальную коммуникацию, остаётся полностью вне зоны фиксации и контроля.

Стремясь избежать возможности потенциального негативного опыта в стенах медицинских учреждений, часть женщин осознанно выбирает роды в домашних условиях, однако этот путь сопряжён с новыми, не менее серьёзными угрозами [2]. Подобное решение, мотивированное поиском психологического комфорта и автономии, зачастую приводит к отсутствию своевременного доступа к медицинскому оборудованию и квалифицированной помощи в случае развития непредвиденных осложнений. Данная дилемма демонстрирует, что решение проблемы лежит не в отказе от системы родовспоможения, а в её реформировании и создании безопасных и психологически комфортных условий для родов в медицинских учреждениях.

Для комплексного предотвращения возможности совершения неправомерных действий (как психологического, так и физического характера) считается целесообразным законодательное закрепление обязательного ведения непрерывной аудиофиксации процесса родовспоможения в родильных залах. Данная мера технически реализуема, экономически эффективна и обладает высоким превентивным потенциалом. Справедливо отметить, что такая форма фиксации является более приемлемой с точки зрения некоторых пациенток, чем видеофиксация.

Элементом, требующим особого внимания, является организация хранения аудиоархивов в течение 30 дней (этот срок может быть продлен до момента достижения цели обработки данных). Запись не может

подлежать передаче третьим лицам, если иное не предусмотрено законодательством, поскольку необходимо обеспечить целостность и неизменность данных путем исключения возможности их удаления или модификации.

Учитывая специфику аудиофиксации в родильных залах, в целях неразглашения персональных данных, в том числе данных, составляющих врачебную тайну, целесообразно предусмотреть следующие меры: доступ к записям должен иметь строго ограниченный круг лиц (только уполномоченный медицинский персонал и представители правоохранительных органов при наличии законных оснований); обязательное информирование рожениц о целях записи и получение их письменного согласия с возможностью отказаться, что соответствует законодательству о защите персональных данных; установление инструкций, регламентирующих порядок ведения, хранения и уничтожения аудиозаписей.

В Республике Беларусь уже существует практика аудио- и видеозаписи при оказании медицинских услуг (в регистратурах, коридорах, отделениях, реже – в кабинетах врачей-специалистов), однако такие возможности есть не во всех учреждениях, в связи с чем следует отметить необходимость распространения данной практики, в том числе в отношении родильных залов.

Законодательное закрепление аудиофиксации будет содействовать реализации и защите прав пациента. Постоянная фиксация всего вербального взаимодействия дисциплинирует персонал, формируя культуру профессиональной и уважительной коммуникации. В случае возникновения конфликтной или спорной ситуации аудиозапись выступит в качестве доказательства, защищая права как пациентки (при наличии нарушений прав), так и добросовестного медицинского работника (от необоснованных обвинений). Кроме того, обезличенные записи могут использоваться для внутреннего аудита, анализа сложных клинических случаев.

Заключение. В контексте объявления 2026-го года «Годом белорусской женщины», направленного на популяризацию роли женщин в сохранении и развитии общества, внедрение аудиофиксации в родильных залах становится правовым действием, демонстрирующим заботу государства о достоинстве и безопасности женщины в самый уязвимый период её жизни. Обязательная аудиофиксация в родильных залах представляет собой экономически целесообразный правовой механизм предупреждения возможных неправомерных действий. Реализация данной меры позволит обеспечить защиту прав всех участников процесса, однако важно отметить, что подобный механизм в перспективе должен быть направлен на возмещение возможно причиненного вреда, не подразумевая основной целью привлечение к ответственности. Ключевое значение аудиофиксации заключается в документировании процесса коммуникации,

что имеет значение для доказательства факта получения добровольного информированного согласия (основной фактор легитимного медицинского вмешательства). Реализация данной инициативы может стать весомым вкладом в развитие системы здравоохранения Республики Беларусь, формирующим доверие граждан к государственным институтам в целях создания благоприятных условий для безопасного, психологически комфортного материнства и, как следствие, улучшения демографического благополучия страны.

Список использованных источников

1. Что такое "акушерская агрессия"? Профессор Буштырева о современном акушерстве. – [Электронный ресурс]. – URL: https://bushtyreva-clinic.ru/novosti/chto-takoe-akusherskaya-agressiya (дата обращения: 25.02.2026).

2. Ожиганова, А. А. Чего хотят женщины: мотивы отказа от роддома в пользу домашних родов / А. А. Ожиганова // Мониторинг общественного мнения : Экономические исоциальные перемены. – 2019. – №2. – С. 263 – 281. – URL: https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.12 (дата обращения: 25.02.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ ШКОЛЬНИКАМИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

К.В. Латош
Научный руководитель: Е.Ф. Ивашкевич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В условиях активной цифровизации общества и распространения информационно-коммуникационных технологий наша реальность масштабно преобразуется на протяжении последних десятилетий. Средства коммуникаций и интернет стали неотъемлемы элементом в жизни человека. В особенности, это касается несовершеннолетних, обучающихся на этапе общего среднего образования. Данный вопрос особенно актуален в связи с соответствующим рядом проблем: снижение концентрации внимания, кибербуллинг, снижение качества обучения, обесценивание информации.

Цель исследования – проанализировать правовые механизмы в Республике Беларусь и зарубежных странах, связанных с регулированием использования мобильных телефонов в учреждениях общего среднего образования.

Материал и методы. Материалом исследования являются международное и национальное законодательство, регулирующее режим использования электронных средств коммуникации учащимися школ. Методологическую основу исследования составили формально-

юридический метод, сравнительно-правового и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Вопросы ограничения использования средств связи для школьников в учебном заведении является острой и противоречивой темой на повестке дня. Однако, несмотря на большое количество противников подобной образовательной политики, Организация Объединённых Наций последние 5 лет не снимает данную проблему с обсуждения.

Несомненно, международно-правовая база, устанавливающая общие рамки для подобного регулирования, базируется на принципе наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленном в Конвенции о правах ребенка 1989 года. В то время как статья 17 Конвенции обязывает государства обеспечивать доступ ребенка к информации, ключевое значение приобретает статья 3, требующая во всех действиях в отношении детей первоочередного учета их наилучших интересов [1]. Этот принцип позволяет государствам ограничивать одно право (например, на использование личного устройства) для защиты более значимых благ – безопасности, здоровья и качества образования. Специализированные доклады ЮНЕСКО, такие как «Глобальный мониторинг образования 2023: технологии в образовании», выполняют функцию мягкого права, предоставляя странам эмпирически обоснованные рекомендации. По результатам доклада использование коммуникационных технологий предотвратило полный срыв обучения, связанный с пандемией COVID-19, они дают новые возможности для обучения детям с инвалидностью, а в Мексике трансляция телевизионных уроков на 21% увеличило охват среднего образования. Однако, по меньшей мере, полмиллиарда человек (или 31% обучающихся по всему миру), преимущественно жители беднейших стран, не могут воспользоваться технологиями для оптимизации учебного процесса.

Стоит отметить, что преимущества использования средств связи заканчиваются за пределами учебных классов. По данным того же доклада ЮНЕСКО «Мобильные устройства отвлекают учащихся и отрицательно сказываются на обучении, свидетельствуют данные из 14 стран. При этом менее четверти стран мира ввели запрет на использование смартфонов в школах». В докладе прямо указывается, что «неконтролируемое использование смартфонов связано с ухудшением успеваемости», и рекомендуется проводить политику, которая «либо запрещает, либо регулирует их использование в школах для максимизации учебных результатов» [2].

Актуальным аргументом «против» электронных средств коммуникации выступает анализ данных международного тестирования PISA, которое выявило закономерность, что в странах, где запрещены телефоны в школе, показывает статистически значимое улучшение академических результатов, особенно среди отстающих учеников, что

подтверждает негативное влияние цифровых отвлечений на когнитивную нагрузку и продуктивность учебного процесса [3].

Таким образом, международные акты и экспертные оценки создают легитимную основу для национального нормотворчества, оставляя за государствами выбор конкретных правовых инструментов. Как следствие формируется уклон на правовое ограничение использования мобильных устройств в образовательных учреждениях, который, однако, реализуется через различные национальные правовые модели, отражающие культурные и регуляторные особенности государств.

В зарубежных правопорядках сформировался спектр подходов от полного запрета до делегирования решения на локальный уровень. Наиболее жесткая и централизованная модель реализована во Франции, где действует Закон № 2018-698 от 3 сентября 2018 года «О запрете использования мобильных телефонов в школах и колледжах». Закон носит императивный характер, то есть он запрещает использование любых подключенных электронных устройств (телефоны, планшеты, умные часы) учащимися детских садов, начальных школ и колледжей (до 15 лет) на всей территории учебного заведения, включая классы, коридоры и двор. Исключения допускаются только для педагогических целей или для детей с инвалидностью [4]. Данная модель отражает традицию французского права, где государство активно формирует единое образовательное пространство.

Аналогичный, но менее детализированный на законодательном уровне подход демонстрирует Китай. Государственное управление КНР по делам образования издало в 2021 году «Уведомление Министерства образования об усилении управления мобильными телефонами учащихся начальных и средних школ», которое предписывает школам ввести полный запрет на пронос личных телефонов в класс. Если устройство необходимо для связи с родителями, оно должно сдаваться на хранение администрации на весь учебный день [5].

В отличие от строгой позиции Франции и Китая, в Германии единого федерального закона о запрете телефонов в школах не существует. Регулирование осуществляется на уровне земель через законы об образовании (Schulgesetze) и внутришкольные уставы (Schulordnungen). Например, в Баварии действует строгий запрет, закреплённый в Положении о баварских гимназиях, тогда как в Берлине каждая школа самостоятельно разрабатывает правила на основе общих рекомендаций Сената.

В Российской Федерации в свою очередь федеральном уровне Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 43) предоставляет школам право самостоятельно устанавливать правила поведения учащихся, включая порядок использования средств связи [6]. Эта норма была конкретизирована в 2022 году Рекомендациями Министерства просвещения РФ, которые

предписывают ограничить использование мобильных телефонов в учебных целях и организовать их хранение во время занятий. Фактический запрет вводится локальными актами школы – правилами внутреннего распорядка. Таким образом, российская модель сочетает федеральную рамочную норму, ведомственные рекомендации и локальное нормотворчество.

Республика Беларусь в данном контексте представляет собой пример формирования регулирования на основе ведомственных инструкций при отсутствии прямого законодательного запрета. С 1 сентября 2023 года вступило в силу Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь, которое рекомендует учреждениям общего среднего образования ввести режим ограничения использования мобильных телефонов во время учебных занятий. Школам предписано разработать локальные правила, определяющие порядок хранения устройств (например, в специально отведенных местах) и их изъятия в случае нарушения [8]. Правовым основанием для таких действий служит Кодекс Республики Беларусь об образовании (ст. 31), который возлагает на учащихся обязанность соблюдать правила внутреннего распорядка [9]. Стоит отметить, что с сентября 2024 года в школах Беларуси запрет на использование мобильных телефонов стал обязательным во всех школах страны.

Заключение. Таким образом, сравнительно-правовой анализ выявляет две основные модели регулирования. Первая представляет собой жёсткую законодательную модель (Франция, Китай) и характеризуется принятием императивной нормы на национальном уровне, что обеспечивает единообразие, но может игнорировать специфику отдельных школ. Вторая модель (Германия, Россия, Беларусь) делегирует принятие решений на уровень земель, регионов или самих учреждений образования, что повышает гибкость регулирования вопроса. Белорусский подход, основанный на ведомственных рекомендациях, занимает промежуточное положение, всё больше стремясь к централизованному управлению.

Список использованных источников

1 Конвенция о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 18.10.2025). – Текст: электронный.

2 Global education monitoring report, 2023: technology in education: a tool on whose terms? // UNESCO. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385723 (дата обращения: 21.11.2025).

3 PISA 2015 Results (Volume III) // OECD. – URL: https://www.oecd.org/education/pisa-2015-results-volume-iii-9789264273856-en.htm (дата обращения: 22.11.2025).

4 LOI n° 2018-698 du 3 août 2018 relative à l'encadrement de l'utilisation du téléphone portable dans les établissements d'enseignement scolaire // Legifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000037295681/ (дата обращения: 23.11.2025).

5 В Китае ученикам запретили пользоваться мобильными телефонами в школах // RUSSIAN.NEWS.CN. – URL: https://russian.news.cn/2021-02/01/c_139713371.htm (дата обращения: 24.11.2025).

6 Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 9.12.2012 № 273-ФЗ: в ред. ФЗ ЗФ 15.10.2025 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс» (дата обращения: 26.11.2025). – Текст: электронный.

8 Инструктивно-методическое письмо «Об организации в 2023/2024 учебном году образовательного процесса в учреждениях образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования» // Национальный образовательный портал. – URL: https://adu.by/images/2023/08/imp-spec-obrazov-2023-2024.doc (дата обращения: 27.11.2025).

9 Кодекс об образовании: 13 января 2011 г. № 243-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 5 декабря 2024 г. № 46-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 28.11.2025).

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ

А.С. Лемешонок
Научный руководитель: М.Л. Чудаева
Минск, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Незаконное перемещение товаров через таможенную границу представляет собой одно из наиболее распространённых и социально опасных проявлений экономической преступности. Данные деяния наносят ущерб экономическим интересам государства, подрывают основы добросовестной конкуренции, а также создают угрозу финансовой и экономической безопасности. Специфика преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу, заключается в их высокой латентности, сложной доказательственной структуре и тесной взаимосвязи с административными правонарушениями в сфере таможенного дела. Указанные обстоятельства существенно осложняют деятельность правоохранительных органов на стадии выявления преступлений.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили нормы уголовного и таможенного законодательства, научные труды А. С. Рубиса, К. О. Юрьевой. В процессе исследования использовались формально-юридический и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. Выявление преступлений представляет собой этап деятельности уполномоченных субъектов, направленной на достижение достоверного знания о наличии объективных признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела [1, с. 149]. Иными словами, выявление преступлений – это деятельность правоохранительных и контролирующих органов, направленная на

обнаружение признаков преступного деяния, установление фактических обстоятельств и принятие решения о наличии либо отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела. В отличие от расследования, выявление предшествует формальному началу уголовного процесса и нередко осуществляется в рамках контрольной, оперативно-розыскной либо административной деятельности.

Преступления, связанные с незаконным перемещением товаров через таможенную границу, характеризуются использованием легальных внешнеэкономических механизмов в противоправных целях. К числу наиболее распространённых способов совершения таких преступлений относятся недекларирование либо недостоверное декларирование товаров, несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров, непредставление в таможенный орган статистической формы учета перемещения товаров [2].

Особенность выявления указанных преступлений заключается в том, что первоначальные признаки противоправного поведения, как правило, проявляются в форме административных нарушений таможенного законодательства. Это предопределяет необходимость тщательного анализа материалов таможенного контроля и оценки степени общественной опасности выявленных нарушений.

Одной из основных проблем выявления преступлений в сфере незаконного перемещения товаров является их высокая латентность. Значительная часть таких деяний остаётся нераскрытой ввиду профессионального характера преступной деятельности, использования сложных схем и активного применения формально законных инструментов внешнеэкономической деятельности.

Дополнительную сложность представляет разграничение административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний. На практике нередко возникают ситуации, при которых одно и то же противоправное поведение может быть квалифицировано как административное правонарушение либо как преступление в зависимости от размера причинённого ущерба, способа совершения деяния или формы вины. Ошибки на стадии первоначальной правовой оценки существенно затрудняют последующее расследование и могут повлечь утрату доказательственной базы.

Следует отметить, что формальный подход к квалификации выявленных нарушений, ориентированный исключительно на признаки административного состава, приводит к недооценке степени общественной опасности деяния и снижает эффективность борьбы с экономической преступностью.

Таможенные органы играют ключевую роль в выявлении преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу. Именно в ходе осуществления таможенного контроля формируется первичная информация о возможных

противоправных действиях участников внешнеэкономической деятельности.

Особое значение в этом контексте имеет риск-ориентированный подход, позволяющий выявлять подозрительные операции на основе анализа больших массивов данных, сопоставления товаросопроводительных документов и оценки поведения декларантов. Вместе с тем эффективность выявления преступлений во многом зависит от качества аналитической работы, уровня взаимодействия между таможенными и правоохранительными органами, а также своевременности передачи информации.

Проблемным аспектом остаётся использование результатов таможенного контроля в уголовном процессе. Не всегда материалы, полученные в административном порядке, надлежащим образом адаптированы для последующего доказывания по уголовному делу, что снижает их практическую ценность.

Совершенствование деятельности по выявлению преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров, предполагает комплексный подход, включающий правовые, организационные и методические меры. Важное значение имеет разработка единых критериев разграничения административных и уголовных правонарушений в сфере таможенного дела, что позволит минимизировать ошибки квалификации на ранних стадиях.

Не менее значимым направлением является развитие межведомственного взаимодействия, включая обмен информацией, проведение совместных проверок и координацию действий на стадии выявления преступлений. Кроме того, требуется дальнейшее внедрение цифровых технологий и аналитических инструментов, направленных на выявление сложных и многоэтапных преступных схем.

Заключение. Выявление преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу, представляет собой сложный процесс, от эффективности которого во многом зависит результативность последующего расследования. Высокая латентность данных деяний, сложности квалификации и специфика доказательственной базы обусловливают необходимость дальнейшего совершенствования правовых и организационных механизмов выявления. Решение указанных проблем будет способствовать укреплению экономической безопасности государства и повышению эффективности борьбы с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности.

Список использованных источников

1. Рубис, А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А. С. Рубис. – Мн. : БГУ, 2005. – 271 с.

2. Юрьева, К. Таможенные преступления: контрабанда, анализ и статистика / К. Юрьева // Вестник науки. – 2022. – № 11. – С. 184 – 188.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

С.А. Лисай
Научный руководитель: М.Л. Чудаева
Минск, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Институт усыновления играет важную роль в реализации права ребенка на жизнь и воспитание в семье. Усыновление является одной из наиболее эффективных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку позволяет создать для ребенка стабильную семейную среду и обеспечить условия для его полноценного физического, психического и нравственного развития.

Актуальность исследования обусловлена тем, что практика международного усыновления сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить длительность процедур и необходимость дальнейшего совершенствования механизмов правового регулирования. Одновременно сохраняется потребность в гармонизации национального и международного законодательства для более эффективного обеспечения принципа наилучших интересов ребенка.

Цель исследования заключается в анализе особенностей рассмотрения дел об усыновлении детей иностранными гражданами судами Республики Беларусь, выявлении проблем судебной практики и проведении сравнительного анализа с законодательством Российской Федерации.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие вопросы усыновления детей, включая Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, Кодекс гражданского судопроизводства, Закон Республики Беларусь «О правах ребенка», а также подзаконные акты, определяющие порядок передачи детей на усыновление. В рамках сравнительно-правового анализа использованы также нормы семейного и процессуального законодательства Российской Федерации, материалы научных исследований по вопросам международного усыновления.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, системный анализ и сравнительно-правовой анализ.

Результаты и их обсуждение. Усыновление представляет собой форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, при которой между усыновителем и ребенком возникают права и обязанности, аналогичные отношениям между родителями и детьми. Законодательство Республики Беларусь предусматривает ряд гарантий, направленных на защиту прав ребенка и обеспечение законности данной процедуры.

Основным принципом государственной политики Республики Беларусь в данной сфере является обеспечение наилучших интересов ребенка. При этом особое внимание уделяется устройству детей именно в семьи граждан Республики Беларусь. Как отмечает директор Национального центра усыновления Татьяна Белевич, приоритетной формой усыновления в стране является национальное усыновление, что во многом обусловлено сложившимися традициями и менталитетом белорусского общества.

Эффективность государственной политики подтверждается и статистическими данными. За последние двадцать лет количество детей, нуждающихся в усыновлении, сократилось почти в три раза. Кроме того, ежегодно около 300 граждан Республики Беларусь становятся кандидатами в усыновители, что свидетельствует о достаточно высоком уровне готовности белорусов принимать детей в семьи [1].

Аналогичный подход закреплен и в законодательстве Российской Федерации. Передача ребенка иностранным гражданам допускается лишь в случае отсутствия возможности его устройства в семью граждан Российской Федерации. Таким образом, в обеих странах законодательство ориентировано прежде всего на сохранение ребенка в национальной семейной среде.

Особую категорию составляют случаи усыновления детей иностранными гражданами. Международное усыновление связано с рядом юридических и организационных особенностей, поскольку после усыновления ребенок должен будет выехать за пределы Республики Беларусь и начать проживать в иной социальной и правовой среде. В связи с этим государство уделяет повышенное внимание контролю за законностью таких решений и обеспечению защиты прав и законных интересов ребенка.

Следует отметить, что международное усыновление в Республике Беларусь применяется значительно реже по сравнению с национальным и, как правило, носит исключительный характер. На практике оно чаще всего используется в ситуациях, когда иностранные граждане являются родственниками ребенка – гражданина Республики Беларусь. Кроме того, международное усыновление возможно в случаях, когда мать ребенка вступает в брак с иностранным гражданином и возникает необходимость юридического оформления отношений между ребенком и новым членом семьи.

Особенности судебного рассмотрения дел об усыновлении закреплены в процессуальном законодательстве. В Республике Беларусь такие дела рассматриваются судами в порядке особого производства, поскольку спор о праве отсутствует, а основной задачей суда является проверка законности и обоснованности усыновления, а также установление его соответствия интересам ребенка [2].

Существенное значение при рассмотрении дел имеет всесторонняя оценка личности усыновителей и условий, в которых будет воспитываться ребенок. Суд оценивает нравственные и личные качества кандидатов, их образ жизни, семейное положение, состояние здоровья и иные обстоятельства, способные повлиять на воспитание ребенка [3].

В судебной практике Российской Федерации применяется аналогичный подход. Вместе с тем в ряде случаев российские суды уделяют большее внимание психологическим аспектам взаимоотношений между ребенком и будущими усыновителями. Например, при рассмотрении дел об усыновлении суд может учитывать заключение психолога, позволяющее определить уровень эмоциональной привязанности ребенка и его готовность к жизни в новой семье [4, с. 645].

Еще одной особенностью международного усыновления является порядок обращения в суд. В Республике Беларусь заявление о международном усыновлении подается в областной суд либо Минский городской суд через Национальный центр усыновления Министерства образования, который осуществляет предварительную проверку документов и формирует материалы дела [5].

Важным условием является нахождение ребенка в банке данных о детях, подлежащих усыновлению. Согласно законодательству Республики Беларусь, ребенок должен состоять на централизованном учете не менее одного года, прежде чем может быть передан иностранным гражданам, если они не являются его родственниками. В российском законодательстве действует схожий механизм, однако срок пребывания ребенка в федеральном банке данных короче. Это свидетельствует о большей ориентированности белорусского законодательства на устройство ребенка именно в национальную семью.

Гарантией защиты прав ребенка является участие в судебном заседании прокурора и представителей органов опеки и попечительства. Кроме того, дела об усыновлении рассматриваются в закрытом судебном заседании, что связано с необходимостью сохранения тайны усыновления и защиты личной жизни ребенка и усыновителей. Подобное правило действует и в Российской Федерации.

Спецификой международного усыновления является также последующий контроль за условиями жизни ребенка после его выезда за пределы государства. Иностранные усыновители обязаны предоставлять отчеты о состоянии здоровья ребенка, его обучении и условиях воспитания.

Анализ законодательства и судебной практики показывает, что международное усыновление в Республике Беларусь сталкивается с рядом проблем. Среди них можно выделить длительность процедуры усыновления, а также сложности, связанные с механизмом контроля за условиями проживания ребенка после его выезда за границу, поскольку получение информации о жизни ребенка может быть затруднено.

Для решения этих проблем необходим комплекс мер. В частности, целесообразно усилить психологическую оценку кандидатов в усыновители и подготовку ребенка к усыновлению, совершенствовать механизм постусыновительного контроля, возобновить и способствовать развитию международного сотрудничества между государствами для обмена информацией об усыновленных детях и усыновителях, а также внедрять системы электронного документооборота для сокращения бюрократических процедур.

Заключение. Таким образом, международное усыновление в Республике Беларусь представляет собой сложную правовую процедуру, направленную на обеспечение наилучших интересов ребенка. Законодательство и правоприменительная практика ориентированы прежде всего на устройство детей в семьи граждан Республики Беларусь, тогда как усыновление иностранными гражданами допускается преимущественно в исключительных случаях и при соблюдении установленных законом гарантий.

Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации показывает наличие общих принципов правового регулирования, прежде всего приоритета национального усыновления и необходимости судебного контроля за соблюдением прав ребенка. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на развитие механизмов постусыновительного контроля и укрепление международного сотрудничества в сфере защиты прав детей.

Список использованных источников

1. О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021-2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57 : в ред. от 23 дек. 2025 г. № 753 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 11.03.2026).

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой Представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 11.03.2026).

3. О судебной практике по делам об усыновлении (удочерении) : постановление Пленума Верхов. Суда Республики Беларусь от 20 дек. 2000 г. № 9 : в ред. от 27 марта 2025 г. № 3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 11.03.2026).

4. Тютюник, А. А. Особенности рассмотрения дел об усыновлении детей иностранными гражданами / А. А. Тютюник, Л. Р. Юлбердина // E-Scio. Право. Юридические науки. – 2023. – №6 (81). – С. 644 – 651.

5. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой Представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 11.03.2026).

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Д.Ю. Литвинчук
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

В настоящее время можно констатировать наличие большого количества ежегодно совершаемых экологических правонарушений, которые выступают существенной угрозой экологической безопасности. Пристальное внимание к экологическим правонарушениям, наблюдаемое в последнее время, не является случайным, поскольку такие правонарушения создают опасность для здоровья, качества жизни как настоящего, так и будущих поколений. При этом, как известно, во всех сферах требуется обеспечение баланса с тем, чтобы не допустить чрезвычайно жесткого регулирования, а напротив, найти и применять такие меры стимулирования, которые позитивно скажутся на такой сфере. Этим балансом в экологической сфере может выступить институт освобождения от административной ответственности, однако, при определенных условиях. Исследование освобождения от административной ответственности за совершение экологических правонарушений является актуальным, поскольку ухудшение экологической ситуации в мире требует поиска новых эффективных мер по предотвращению экологических правонарушений.

Цель исследования – проанализировать существующие нормы законодательства, регулирующие освобождение от административной ответственности за экологические правонарушения, определить их эффективность и проблемные аспекты, а также предложить возможные пути совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Материал и методы. При написании научной статьи применялись следующие методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, системный, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции.

Научная статья основана на анализе нормативных правовых актов, в числе которых законодательство стран СНГ об административной ответственности, а также научной доктрины.

Результаты и их обсуждение. В юридической литературе уже достаточно давно указывается, что «ориентация на карательные санкции при экологических правонарушениях не позволяет достичь всех целей юридической ответственности, в частности, малоэффективно достижение целей социальной справедливости и восстановления нарушенного права» [1, с. 60]. В свою очередь, институт освобождения от административной ответственности за совершение экологических правонарушений, если он нацелен на устранение причин, условий совершения такого правонарушения, призван способствовать достижению целей социальной

справедливости. Освобождение от административной ответственности связано с восстановительной функцией права. Как указывает Р.О. Нухдуев, «институт освобождения от ответственности играет важную роль в обеспечении справедливости и гуманизма в правоприменительной практике» [4].

Если анализировать кодексы об административной ответственности стран СНГ, то можно заметить, что в основном в них не содержится специальных оснований для освобождения от административной ответственности за совершение экологических правонарушений. Исключение составляют лишь Азербайджан и Беларусь. Так, в КоАП Азербайджана установлена норма об освобождении от уплаты 10% от суммы примененного штрафа за совершение административных экологических правонарушений, если лицо незамедлительно исполнит решение, принятое по данному делу или в течение 5 рабочих дней с момента вступления решения в законную силу (ст. 150.14) [2]. При этом важно заметить, что применение такого поощрения не ставится в зависимость от устранения причин, условий совершения противоправного деяния.

В свою очередь, в Республике Беларусь специальное основание для освобождения от административной ответственности за совершение экологических правонарушений содержится в примечании к главе 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [3]. Лица освобождаются за совершение экологических правонарушений, если они впервые совершили экологическое правонарушение по определенной статье в течение года, или же не освобождались за такое же правонарушение в течение указанного периода, признали факт совершения правонарушения и возместили вред, причиненный окружающей среде (при условии его причинения). Таким образом, устранение причин и условий совершения экологических правонарушений не требуется для применения данного основания для освобождения от административной ответственности. Речь идет о формальном возмещении вреда, а не устранении последствий. Возникает вопрос: стоит ли освобождать от ответственности, если последствия не ликвидированы? Безусловно, необходимо принять во внимание сложность экологических правонарушений и в ряде случаев невозможность полного устранения последствий или достаточную долгосрочность данного процесса. Но, как представляется, виновным должны быть сделаны шаги по их устранению.

Более того, примечание к главе 16 КоАП является императивным, что означает, что право на применение данного основания у суда, органа, ведущего административный процесс, отсутствует. Данное основание, при соблюдении вышеназванных условий, подлежит обязательному применению. Полагаем, что это не соответствует принципу справедливости административной ответственности, поскольку

экологические нарушители имеют более выгодные условия для освобождения от административной ответственности. Так, возникает вопрос, почему за причинение имущественного ущерба (ст. 11.2 КоАП Республики Беларусь) правоприменитель может освободить от ответственности, а за любое экологическое правонарушение он обязан освободить от административной ответственности?

Представляется, что следует скорректировать норму примечания к главе 16 КоАП с целью соблюдения принципа справедливости административной ответственности в контексте установления возможности освобождения от ответственности по данному основанию.

Еще одной проблемой примечания к главе 16 КоАП является то, что фактически оно позволяет освобождать от административной ответственности даже за грубые административные правонарушения, при этом согласно ч.1 и ч.2 ст. 8.3 КоАП, освобождение от административной ответственности предусмотрено для административных проступков и значительных административных правонарушений. Так, данная норма примечания к главе 16 КоАП предписывает освобождать от административной ответственности лиц, совершивших даже такое грубое административное правонарушение, как жестокое обращение с животным, предусматривающее истязание, гибель животного и влекущее возможность применения общественных работ или административный арест.

Другой вопрос, стоит ли действительно рассматривать данный состав «жестокое обращение с животным» как экологическое нарушение или следует переместить его в другую главу КоАП, к примеру, в главу 19 «Административные правонарушения против общественного порядка и общественной нравственности», по аналогии с Уголовным кодексом.

Заключение. Таким образом, норма примечания к главе 16 КоАП, предусматривающая освобождение от административной ответственности за совершение экологического правонарушения, нуждается в соответствующей корректировке для обеспечения принципа справедливости административной ответственности, защиты экологии. В частности, предлагается:

- изменить императивное основание для освобождения от административной ответственности, придав ему характер диспозитивности;
- предусмотреть необходимость устранения последствий, причин, условий совершения экологического правонарушения.

Список использованных источников

1. Авдеенкова, М. П. Правовые возможности эффективного применения мер юридической ответственности за совершенные правонарушения / М. П. Авдеенкова // Современное право. – 2008. – № 6-1. – С. 60 – 63.

2. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках : 29 дек. 2015 г. № 96-VQ : в ред. Законов Азербайджан. Респ. от 7 марта 2025 г. № 152-VIIQD // Законодательство стран СНГ : информ. правовая система (дата обращения: 05.01.2026).

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.01.2026).

4. Нухдуев, Р. О. Место института освобождения от уголовной ответственности в системе оснований освобождения от уголовной ответственности / Р. О. Нухдуев // HUMAN PROGRESS. – 2024. – Т. 10. – № 9. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80516831 (дата обращения: 25.02.2026).

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИНАМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ВАЙОМИНГЕ

Д.М. Литвиненко
Научный руководитель: К.Э. Колесник
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Вторая половина XIX века – период напряженной борьбы разных групп населения Соединенных Штатов Америки за свои права, в том числе избирательные. По итогам Гражданской войны в 1870 году была принята 15-я поправка к Конституции США, которая запрещала федеральному правительству или властям любого штата лишать гражданина права голоса или ограничивать его «по причине расы, цвета кожи или предшествующего состояния рабства». Однако это право распространялось лишь на мужчин. Не менее важной задачей была борьба за предоставление права голоса женщинам. Поскольку процедура изменения Конституции США была достаточно сложной, большим успехом пользовалась борьба за избирательные права женщин в отдельных штатах и территориях США.

Материал и методы. В работе использованы законодательство США, в первую очередь избирательный закон территории Вайоминг от 1869 года, научная литература, материалы специализированных сайтов. В основе работы лежит принцип историзма. В работе использованы сравнительный исторический, структурный методы, методы анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Женщины в США боролись за избирательное право со времен президентства Эндрю Джексона в 1820-х годах. До Гражданской войны в нескольких штатах женщинам было разрешено голосовать в ограниченном объеме. В Нью-Джерси женщины получили право голоса до того, как конституция штата запретила это в 1844 году.

Идея о том, что женщины заслуживают тех же прав, что и мужчины, постепенно набирала популярность в США с 1840-х годов. Долгое время многие из тех, кто выступал за отмену рабства, поддерживали и права женщин. До Гражданской войны эти идеи были сильны в Республиканской партии. Но после войны республиканцы решили, что должны сделать все возможное, чтобы освобожденные рабы получили право голоса и могли

его сохранить. Поэтому республиканцы отодвинули права женщин на второй план. Хотя в то время федеральное правительство не было готово предоставить женщинам избирательное право, отдельные штаты и территории имели свободу выбора в этом вопросе. [1, с. 417]

В 1854 году законодательный орган территории Вашингтон попытался предоставить женщинам право голоса, но потерпел неудачу. Территория Небраска сделала то же самое в 1856 году. После Гражданской войны один из сенаторов внес в Конгресс законопроект о предоставлении женщинам на всех территориях права голоса. Этот законопроект также не был принят, как и законопроекты 1868 года о внесении поправок в Конституцию США, которые предоставили бы право голоса всем женщинам в Соединенных Штатах и на их территориях. Таким образом, идея предоставления избирательных прав жительницам разных территорий США набирала популярность, но в силу разных причин ее реализация не удавалась.

Борьба за избирательное право женщин в Вайоминге началась, когда штат еще был частью территории Дакота. В 1867 году после начала золотой лихорадки тысячи поселенцев устремились на запад территории Дакота. По мере роста населения Конгресс решил выделить часть земель на территориях Дакота, Айдахо и Юта для создания территории Вайоминг. [6, p. 687]

Поскольку Вайоминг был территорией, все должностные лица, включая губернатора, окружных уполномоченных, окружных прокуроров, мировых судей и городских констеблей, назначались. В мае 1869 года, президент-республиканец Улисс Грант назначил своего однопартийца Джона А. Кэмпбелла новым губернатором территории Вайоминг. [7, p. 55]

На выборах в начале сентября 1869 года новым представителем территории в Конгрессе стал демократ, и все 22 члена нового законодательного собрания территории были демократами. Законодатели приняли ряд решений, поддерживающих права женщин, в частности закон, гарантирующий, что учителям – большинство из которых были женщинами – будут платить столько же, сколько и мужчинам, и закон, гарантирующий замужним женщинам право на собственность, не зависящее от их мужей.

Все эти шаги были направлены на то, чтобы привлечь на новую территорию – в Вайоминг – как можно больше поселенцев. Демографическая ситуация в Вайоминге была очень сложной. На каждую взрослую женщину на территории приходилось шесть взрослых мужчин, а детей было очень мало. Законодатели считали, что позитивные новости о расширении прав женщин в Вайоминге помогут привлечь больше переселенок. [5, p. 177]

Один из этих депутатов, Уильям Брайт, владелец салуна в Саут-Пасс-Сити на территории, которая впоследствии стала штатом Вайоминг,

активно лоббировал идею о том, чтобы штат Вайоминг стал первым в мире штатом, гарантирующим женщинам право голоса.

Осенью 1869 года местные активистки начали борьбу за предоставление женщинам права голоса в Вайоминге. Анна Дикинсон выступила в октябре в Шайенне в здании суда, а Ределия Бейтс в ноябре перед новыми законодателями.

Вопрос о введении избирательного права женщин был продиктован и партийной политикой. Демократы в законодательном собрании надеялись, что, приехав в Вайоминг, женщины-избирательницы продолжат голосовать за партию, которая в первую очередь предоставила им право голоса.

Демократы в законодательном собрании хотели выставить губернатора-республиканца Джона Кэмпбелла в невыгодном свете. Многие предполагали, что, если законопроект будет принят, Кэмпбелл наложит на него вето. Законодательный совет принял законопроект шестью голосами против двух. В Палате представителей законодатели безуспешно пытались внести различные поправки. Некоторые из них были попытками сделать законопроект настолько непривлекательным для других законодателей, чтобы он не прошел. Одна из таких поправок, которая не была принята, предполагала предоставление права голоса «всем цветным женщинам и индианкам». [5, p. 202]

В конечном счете Палата представителей Вайоминга приняла законопроект о предоставлении женщинам избирательного права семью голосами против четырех при одном воздержавшемся. Губернатор Кэмпбелл после нескольких дней размышлений все же подписал закон 10 декабря 1869 года. [3, с. 59]

В сентябре 1870 года на вторых выборах в законодательное собрание Вайоминга женщины получили возможность голосовать. Этим правом воспользовалось около 1000 женщин, в том числе афроамериканки. К неудовольствию демократов, предоставивших им такое право, многие из них проголосовали за республиканцев, и именно представитель республиканцев был избран в Конгресс от территории. А в следующем, 1871 году, в законодательное собрание были избраны несколько республиканцев. Новый состав законодательного собрания сделал попытку отменить закон о выборах 1869 года и аннулировать женское избирательное право, но губернатор Кэмпбелл наложил вето на законопроект об отмене. Палата представителей набрала две трети голосов, необходимых для преодоления вето, но Совету не хватило одного голоса. Таким образом, закон о избирательном праве женщин остался в силе.

В 1880 году Мэри Беллами стала первой женщиной, избранной в законодательное собрание штата. Женщины Вайоминга активно пользовались своим правом голоса: в 1880-х годах почти 90 % женщин Вайоминга принимали участие в выборах.

В 1887 г. в Конгрессе США депутатами было вынесено положительное решение относительно закона Эдмунда Такера, содержание которого заключалось в лишении женщин вышеназванных штатов признанных за ними ранее избирательных прав. Однако уже в 1890 г. законодательное собрание Вайоминга вновь наделило женщин ранее отобранными правами. [4, с. 208]

К 1890 году, когда население Вайоминга увеличилось настолько, что территория могла претендовать на получение статуса штата, жители Вайоминга обратились в Конгресс с петицией о принятии конституции, предусматривающей избирательное право для женщин. Несмотря на сопротивление ряда членов Конгресса, с минимальным перевесом территория Вайоминг была принята в состав США как штат с избирательным правом для женщин.

В конечном счете борьба за избирательное право женщин США успешно завершилась после первой мировой войны. 19 мая 1919 года Конгресс США принял Девятнадцатую поправку к Конституции, запрещавшую отказывать в праве голоса на выборах по признаку пола. Вайоминг ратифицировал Девятнадцатую поправку 27 января 1920 года. После того, как 18 августа 1920 года поправку ратифицировал Конгресс тридцать пятого штата – Теннеси, она вступила в силу. [2, с. 17]

Заключение. Таким образом, территория Вайоминг в силу совпадения ряда политических, демографических и экономических факторов стала первой территорией в составе Соединённых Штатов Америки, в которой в 1869 году женщинам было предоставлено всеобщее избирательное право. Положительный опыт Вайоминга в значительной мере способствовал дальнейшей борьбе женщин США за предоставление избирательного права на уровне всего государства.

Список использованных источников

1.Беликова, А. И. Тернистый путь движения за избирательное право женщин в США / А. И. Беликова, М. А. Старовойтова, Л. М. Блинкова. // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. / редкол.: О. А. Воробьёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 414 – 420.

2. Гарипов, Р. Ф. Поправки к конституции США 1-й трети XX в. (1900–1933 гг.) / Р. Ф. Гарипов, Р. Р Тухватуллин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 3 (97). – С. 12 – 18.

3. Головина, Д. А. Борьба за избирательное право женщин в США XIX – XX века / Д. А. Головина. // International & Domestic Law: Материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и международному праву (Екатеринбург, 17 декабря 2021 года) / отв. за выпуск А. В. Галиулина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. – С. 57 – 60.

4. Медведик, И. С. Борьба за избирательные права женщин в США в начале XX в. / И. С. Медведик, А. А. Джумагалиева // Астраханские Петровские чтения: материалы VI Международной научной конференции "Петр Первый и имперские практики фронтирного пространства" (г. Астрахань, 24 ноября 2021 г.). – Астрахань: Издательство Астраханского университета, 2022. – С. 206 – 210.

5. Bartlett, I. S. History of Wyoming: in 2 vol. Vol. 1 / I. S. Bartlett. – Chicago: The S. J. Clarke Publishing company, 1918. – 667 p.

6. Coutant, C. G. The history of Wyoming from the earliest known discoveries.: in 3 vol. Vol. I. / C. G. Coutant. - Laramie: Chaplin Spafford & Mathison Printers, 1899. –712 p.

7. Hebard, G. R. The History and Government of Wyoming / G. R. Hebard. – San Francisco: C. F. Weber co. publishers, 1919. – 285 p.

ПРИЗНАКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

К.Е. Литвинов
Научный руководитель: А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Современное гражданское общество представляет собой сложную и многогранную систему, играющую ключевую роль в обеспечении прав и свобод личности, развитии демократии и формировании устойчивых общественных институтов. В условиях трансформации политических и социальных процессов в Беларуси и других постсоветских странах возрастает необходимость переосмысления признаков гражданского общества, их теоретического осмысления и практического применения. Углубление научных исследований в данной области позволяет выявить новые аспекты взаимодействия граждан и государства, а также определить степень зрелости гражданского общества в конкретных социокультурных условиях. Актуальность темы обусловлена потребностью в формировании эффективных механизмов правовой и социальной самореализации личности, а также в развитии институтов, способствующих демократизации общественной жизни.

Целью настоящей работы является систематизация и анализ научно-правовых подходов к признакам гражданского общества, представленных в трудах белорусских и российских ученых, с целью выявления их общих и отличительных черт, а также определения перспектив дальнейшего развития теории гражданского общества. Особое внимание уделяется сопоставлению традиционных и современных признаков, таких как правовая основа, автономность от государства, плюрализм, свобода слова и развитая система защиты прав и свобод, что позволяет более глубоко осмыслить сущность гражданского общества как социального феномена.

Материал и методы. Базу исследования составили работы С.Г. Дробязко, И.В. Котлярова, О.В. Орловой. В качестве основных методов использовали сравнительно-правовой, дуалистический метод.

Результат и их обсуждение. Современное понимание гражданского общества предполагает наличие у него комплекса существенных признаков. Проблема их выявления является предметом исследования в научных работах белорусских и российских ученых. Среди белорусских ученых

это, например, С. Г. Дробязко, И. В. Котляров. Среди российских – О. В. Орлова.

По мнению профессора С. Г. Дробязко, при всем многообразии сущностной характеристики различными авторами современного гражданского общества бесспорным является то, что оно:

– основано на праве;

– целенаправленно на обеспечение реализации интересов гражданина, человека;

– индивиды в нем равноправны;

– индивиды вступают во взаимоотношения по собственному обоюдному волеизъявлению;

– индивиды являются инициаторами создания своих формирований в процессе реализации собственных интересов [1, с. 141].

И. В. Котляров считает, что основными признаками современного гражданского общества являются:

– относительная независимость, автономность по отношению к государству;

– многомерность, наличие большого количества независимых от власти общественных формирований, самостоятельно регулирующих свою общественную деятельность, выполняющих значительный комплекс властных функций;

– высокий уровень прав и свобод граждан;

– передача значительной части властных функций органам самоуправления;

– социальный, политический и культурный плюрализм;

– свобода экономической деятельности, многообразие форм собственности, свободная конкуренция между всеми субъектами экономической деятельности;

– широкие горизонтальные связи между членами общества;

– создание реальных возможностей для создания гражданской культуры и всесторонних способностей людей;

– учет мнения большинства и обеспечение прав меньшинства граждан [2, с. 127].

Признаки гражданского общества были предметом рассмотрения диссертационных исследований. Так, по мнению О. В. Орловой признаками гражданского общества являются:

– свободное общество свободных людей, в котором гражданская свобода обеспечивается правом и является необходимым условием для совершенствования самого человека, гарантией сохранения человеческого достоинства. Человек – уникальное и неповторимое существо, что применительно к каждой исторической эпохе соответственно проявляется только в обществе и через общество. Государство же выступает в качестве гаранта экономической, социальной, политической и духовной свободы человека, а личность является связующим звеном гражданского общества и

государственной власти;

– самоорганизующееся общество, но отнюдь не стихийное явление. В нем есть и управление, и контроль, и организационные структуры, которые ему внутренне присущи, постоянно находятся в диалектическом движении, полны противоречий и независимы от государства и даже способны ограничить его власть. Все без исключения граждане имеет формально равные возможности влияния на властные структуры;

– сложное структурированное общество, состоящее из добровольно сформировавшихся общественных объединений, экономических ассоциаций и кооперации, религиозных и иных негосударственных объединений, построенных на горизонтальных связях, на взаимодействии друг с другом;

– правовое общество. Роль права выражается в обеспечении оптимального соотношения управления и самоуправления, в создании предпосылок для долговременных перспектив развития общества и государства, для ускорения реальных процессов в сфере воспроизводства и саморегулирования гражданского общества и реализации в нем творческого потенциала [3, с. 35 – 36].

Заключение. Анализ научно-правовых подходов относительно признаков гражданского общества позволяет сделать вывод, что развитие общественных отношений повлекло за собой углубление научных исследований в области признаков гражданского общества. Можно выделить следующие признаки гражданского общества: оно основано на праве, для него характерно наличие большого количества независимых от власти общественных формирований, равноправие индивидов, наличие частной собственности. Позже, учение о гражданском обществе получило свое дальнейшее развитие. В связи с чем, такие ученые как, например, Котляров И. В., Орлова О. В. обращают свое внимание в научных трудах на признаки гражданского общества. Они дополняют традиционные признаки следующими: плюрализм и свобода слова, высокий уровень прав и свобод граждан, развитая правовая система защиты прав и свобод, реализация частных интересов, развитая демократия.

Список использованных источников

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.

2. Котляров, И. В. Формирование гражданского общества в Республике Беларусь: теоретико- методологический и правовой аспекты / И. В. Котляров // Труды Минского института управления. – 2008. – № 2. – С. 125 – 140.

3. Орлова, О. В. Право и самореализация личности в гражданском обществе : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. В. Орлова ; Институт государства и права Российской академии наук. – М., 2009. – 25 с.

ПРИОРИТЕТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.В. Луганский
Научный руководитель А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В основе конституционного права лежит формат взаимоотношений между государством и человеком. Именно этот фактор служит индикатором легитимности и уровня демократии в управлении. Закрепление в статье 1 Конституции статуса Беларуси как правового государства требует реализации антропоцентристской модели, в рамках которой индивид перестает быть объектом властного воздействия и становится полноправным субъектом правовых отношений. Востребованность данного исследования продиктована необходимостью проанализировать, в какой степени действующая Конституция (с учетом изменений) отражает принципы социальной государственности и верховенства права. Основным мерилом здесь служит практическое воплощение статьи 2, устанавливающей, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. [2, ст. 2]

Материал и методы. Эмпирическую и теоретическую основу составили положения Конституции Республики Беларусь, научные труды белорусских и российских исследователей (Г.А. Василевич, Н.А. Антонова), а также международные стандарты в области прав человека (Всеобщая декларация, Международный пакт о гражданских и политических правах). В работе использован комплекс методов: анализ и синтез для выделения элементов правового статуса, формально-юридический метод для толкования норм, сравнительный подход для разграничения категорий «человек», «гражданин» и «личность», а также системный метод для изучения прав, обязанностей и гарантий в их единстве.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что конституционно-правовой статус личности в Беларуси обладает рядом сущностных характеристик. Во-первых, обращает на себя внимание дифференциация понятийного аппарата: статус личности выстраивается через четкое разграничение трех ключевых категорий. Категория «человек» отражает естественную природу прав (таких как право на жизнь, закрепленное в статье 24 Конституции), принадлежащих каждому, кто находится под юрисдикцией страны. Понятие «гражданин» фиксирует устойчивую политико-правовую связь с государством, предоставляя доступ к политическим правам (избирать и участвовать в референдумах) [1, с. 152 – 153]. Термин же «личность» акцентирует уважение к автономии воли и достоинству, обязывая государство не вмешиваться в сферу частной жизни и создавать условия для самореализации индивида [1, с. 152 – 153]. Во-

вторых, ключевым принципом является приоритет человека и взаимная ответственность. Статья 2 Конституции, закрепляя приоритет человека и гарантий его прав, выполняет функцию ценностного ориентира для всей правовой системы [2, ст. 2]. Как отмечает Г.А. Василевич, данная норма не является простой декларацией; она устанавливает вектор юридического мышления, при котором государственный интерес не может доминировать над неотъемлемыми правами личности. Это порождает двустороннюю ответственность: государства – за создание достойных условий жизни, и гражданина – за соблюдение правопорядка и исполнение конституционных обязанностей [1, ст. 52 – 57]. В-третьих, специфика структуры статуса заключается в единстве прав и обязанностей. Раздел II Конституции охватывает личные, политические, социально-экономические и культурные права. При этом ярко выраженная социальная направленность государства (статья 1) обязывает его к активным действиям по обеспечению права на труд, жилище, охрану здоровья [2, ст. 47, 48]. В то же время, статус личности включает императивные обязанности: соблюдать законы, платить налоги, защищать Отечество [2 ст. 52 – 57]. Они выступают не отрицанием свободы, а юридическим оформлением солидарности, определяя границы дозволенного в обществе [4, с. 154]. В-четвертых, реальность рассматриваемого статуса подтверждается наличием развитого механизма гарантий. Центральное место в нем занимает судебная защита и право на квалифицированную юридическую помощь [2, ст. 60, 62]. Институциональные гарантии возложены на все ветви власти, а международные механизмы защиты выступают в качестве резервного варианта. При этом даже в условиях чрезвычайного положения ряд прав (на жизнь, свободу от пыток, свободу совести) является абсолютным и не подлежит ограничению, что полностью соответствует международным стандартам (часть 2 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах) [3, ст. 4].

Заключение. Конституционно-правовой статус личности в Беларуси юридически базируется на антропоцентричной модели. Основной Закон формирует фундамент для реализации прав, устанавливая их широкий каталог, сопутствующие обязанности и систему гарантий. Однако, как отмечается в доктрине, законодательное закрепление – необходимое, но не конечное условие [4, с. 178]. Реализация статуса зависит от эффективности работы властей, зрелости общества и правосознания. Ключевая задача развития правовой системы – минимизировать разрыв между конституционным провозглашением прав и их практической защитой, что является основой для утверждения достоинства личности как базиса конституционного строя.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учеб. пособие / Г. А. Василевич, Д. Г. Василевич. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2022. – 436 с.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. - Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах 16 декабря 1966 г. Вступил в силу для Белорусской ССР 23 марта 1976 года // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026)

4. Петров, А. П. Конституционное право: учеб. пособие / А. П. Петров. – Минск: РИВШ, 2019. – 436 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭВТАНАЗИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н.В. Луганский
Научный руководитель Т.И. Баталко
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием реанимационных технологий, позволяющих поддерживать жизнедеятельность организма практически неограниченное время. Это порождает сложный этико-правовой конфликт между правом пациента на достойное завершение жизни и обязанностью государства охранять жизнь человека как высшую ценность. Во многих странах накоплен уникальный опыт разрешения этого конфликта, анализ которого необходим для понимания мировых тенденций в данной сфере.

Цель работы – провести анализ правовых подходов к регулированию эвтаназии в зарубежных странах, классифицировать модели ответственности и выявить ключевые критерии, позволяющие квалифицировать данные деяния.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты национальных уголовных кодексов (Нидерландов, ФРГ), специализированные законы об эвтаназии (Бельгия, Франция), доктринальные источники и аналитические обзоры зарубежной правоприменительной практики [1, 3, 5]. Методологическую основу составили сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить законодательные модели различных государств, а также формально-юридический и историко-правовой методы, используемые для анализа эволюции общественных отношений к данному феномену.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что в мире сложились три основные модели правового регулирования: модель полной легализации (активная эвтаназия), модель частичной легализации (пассивная эвтаназия / ассистируемый суицид) и запретительная модель.

1. Модель активной эвтаназии. Наиболее либеральный подход сформирован в странах Бенилюкса.

- В Нидерландах эвтаназия декриминализирована с учетом требований «крайней необходимости» для врача [1]. Голландский закон 2001 года исходит из приоритета добровольного волеизъявления пациента, однако оно не является обязательным к исполнению для медика, который действует согласно коллегиально утвержденным критериям (невыносимость страданий, неизлечимость) [1].
- В Бельгии законодатель пошел дальше, распространив действие закона на несовершеннолетних и предусмотрев социальные гарантии (доступ к обезболивающим) для исключения экономических мотивов при принятии решения об уходе из жизни [3].

2. Модель пассивной эвтаназии и ассистируемого суицида. В этой модели активное вмешательство врача (инъекция) запрещено, но разрешено прекращение бесполезного лечения или предоставление пациенту средств для самостоятельного ухода.

- В Швеции и Финляндии ключевым условием является свободная воля пациента, при этом допускается участие третьих лиц (не родственников), действующих из гуманных побуждений [4].
- Французское законодательство делает акцент на принципе пропорциональности: лечение, которое лишь искусственно продлевает жизнь и является «бесполезным», может быть прекращено по решению самого пациента или его представителей [5].
- В Швейцарии разрешена помощь в самоубийстве, но активная эвтаназия остается под запретом, за исключением случаев близкой смерти пациента [4].
- Израиль демонстрирует гибридный подход: закон разрешает отключение от аппаратов жизнеобеспечения (пассивная форма), но судебная практика показывает возможность учета воли недееспособного пациента, выраженной им ранее [6].

3. Запретительная модель. Большинство стран, особенно с сильным влиянием религиозных норм, сохраняют уголовную ответственность.

- В Италии и Греции любые формы эвтаназии приравниваются к тяжким преступлениям против личности.
- Особую позицию занимает Германия, где историческая память о нацистской программе эвтаназии обусловила жесткий запрет, закрепленный в § 216 УК ФРГ, предусматривающем наказание даже за назначение смертельных препаратов из сострадания [2].

Заключение. Анализ зарубежного законодательства позволяет заключить, что универсального подхода к решению проблемы эвтаназии не выработано. Эволюция права идет от абсолютного запрета к дифференциации ответственности в зависимости от формы деяния.

1. Юридическая квалификация эвтаназии всегда содержит формальные признаки состава преступления (убийства), однако наличие специальных мотивов (сострадание) и процедурных гарантий

(коллегиальность, неоднократное согласие) позволяет вывести ее в плоскость правомерного деяния в ряде стран [1, 3].

2. Легализация активной эвтаназии возможна только в странах с высоким уровнем правовой культуры и доверия к медицинскому сообществу (Нидерланды, Бельгия), где разработаны механизмы контроля за действиями врачей.

3. Пассивная эвтаназия и ассистируемый суицид (Швеция, Франция, Швейцария) встречают меньшее сопротивление общества, так как основаны на принципе автономии воли пациента и отказе от чрезмерного медицинского вмешательства.

4. Ключевым выводом исследования является положение о том, что закон не должен опережать развитие медицинской этики, но обязан своевременно реагировать на запросы практики, обеспечивая баланс между защитой жизни и правом на достойное ее завершение. Взвешенное законодательство должно исключать злоупотребления, одновременно не обрекая безнадежно больных людей на невыносимые страдания [7].

Список использованных источников

1. Романовская, О. В. Право на смерть: анализ голландского законодательства / О. В. Романовская // Медицинское право. – 2002. – № 2. – С. 34 – 40.

2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. Д. А. Шестаков. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 524 с.

3. Капинус, О. С. Эвтаназия в современном праве: опыт Бельгии / О. С. Капинус // Юридическая мысль. – 2003. – № 4. – С. 45 – 51.

4. Лаврин, А. П. Хроники Харона. Энциклопедия смерти / А. П. Лаврин. – М. : Московский рабочий, 1993. – 511 с.

5. Ковлер, А. И. Антропология права / А. И. Ковлер. – М. : НОРМА, 2002. – 480 с.

6. Дмитриев, Ю. А. Право человека на достойную жизнь и достойную смерть / Ю. А. Дмитриев, Е. В. Шленева // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 45 – 50.

7. Введение в биоэтику / под ред. Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ ИРЛАНДСКОГО СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА

Д.П. Лущинский
Научный руководитель: К.Э. Колесник
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

На протяжении полутора десятилетий на карте мира существовало государство, известное как Ирландское свободное государство, впоследствии реорганизованное в современную Ирландию. Данное территориальное образование функционировало в статусе доминиона Британской империи и объединяло под своей юрисдикцией тридцать графств, охватывавших три исторически сложившиеся провинции:

Ленстер, Манстер и Коннахт. Ключевым документом, определявшим основы государственного устройства Ирландского свободного государства и права его граждан, была Конституция 1922 года.

Материалы и методы. В работе использованы законодательство Ирландского свободного государства, в первую очередь Конституция Ирландского свободного государства и Статьи соглашения по договору между Великобританией и Ирландией, научные статьи, материалы специализированных сайтов. В работе использованы сравнительный метод, методы анализа и синтеза, исторический, структурный методы.

Результаты обсуждения. Ирландское свободное государство явилось результатом многовековой борьбы ирландского народа за самоуправление и независимость, в истории острова предпринималось немало попыток освобождения как путём восстаний, так и дипломатическим путём. Кульминацией этой борьбы явилось Пасхальное восстание 1916 года, жестоко подавленное британской армией и привевшее к консолидации ирландской оппозиции. В результате в 1919 – 1921 годах ирландцы вели активные вооруженные действия против британской армии, получившие название ирландской войны за независимость. Не сумев подавить сопротивление ирландцев, Британия была вынуждена в декабре 1921 года пойти на подписание англо-ирландского договора. Среди основных положений договора были следующие:

- Британские войска должны были покинуть большую часть территории Ирландии;
- Ирландия должна была стать самоуправляемым доминионом в составе Британской империи; (такой же статус имели Австралия, Канада, Ньюфаундленд, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз);
- как и в других доминионах, король должен был стать главой Ирландского свободного государства, а его представителем был генерал-губернатор;
- члены парламента нового свободного государства должны были принести присягу на верность как Ирландскому свободному государству., так и королю Георгу V, его наследникам и преемникам. [6]

Кроме того, Северная Ирландия, образованная в соответствии с Законом о правительстве Ирландии 1920 года, получила возможность выйти из состава Ирландского свободного государства, чем и воспользовался парламент Северной Ирландии.

Англо-ирландский договор разделил республиканское движение на противников договора (которые хотели продолжать борьбу до тех пор, пока не будет создана Ирландская республика) и его сторонников (которые приняли Ирландское свободное государство как первый шаг к полной независимости и единству). Президент непризнанной Ирландской республики Имон Де Валера в знак протеста подал в отставку. [5, с. 89]

Президентом Ирландского свободного государства был избран Артур Гриффит, а премьер-министром – Майкл Коллинз. Однако после их смерти

в 1922 г. место главы государства и правительства занял Уильям Томас Косгрейв. [3, с. 82]

Между 1922 и 1923 годами обе стороны вели кровопролитную гражданскую войну в Ирландии. В конечном счете новое правительство Ирландского свободного государства нанесло поражение остаткам Ирландской республиканской армии, выступавшим против договора. [2, с. 57-58]

После подписания англо-ирландского соглашения процесс разработки конституции был запущен без промедления. В разработке проекта приняли участие представители разных политических партий, включая организации, исповедующие республиканские взгляды. При создании основного закона ключевым направлением стало построение демократического государства, основанного на принципах свободы, справедливости и равенства граждан.

Одним из первых действий Временного правительства была организация комитета для создания конституции. Комитет впервые собрался 24 января, в его состав вошли Майкл Коллинз, Артур Гриффит, Даррелл Фиггис, Хью Кеннеди, Джеймс Макнил, К. Дж. Франс, Джеймс Дуглас, Джеймс Мурнахан, Джон О'Байрн. При комитете был организован секретариат, председателем которого был Э. Стивенс, с которым активно сотрудничал Р. Д. П. Мортишед.

Спектр вопросов, рассмотренных комитетом, был всеобъемлющим, а некоторые особенно современными. Мортишед подготовил меморандум о функциональном представительстве, предложив не только функциональную вторую палату, закрепленную в конституции, но и консультативные органы вне парламента.

В комитете существовали разногласия относительно полномочий и функций президента, что осложнялось разногласиями в отношении роли генерал-губернатора. Было также решено создать два типа министров: группу министров исполнительной власти (премьер-министр, министры финансов, обороны, иностранных дел), избираемых непосредственно нижней палатой и несущих ответственность за государственную политику, и группу министров административного управления (министры сельского хозяйства, образования, полиции), отвечающих за ведомственные вопросы.)

Проект, представленный в Лондон временным правительством Ирландии, лишь формально признавал роль Короны и её представителя в Ирландском свободном государстве. Парламентская присяга, в которой упоминался король Георг V, была опущена, а обращение в судебный комитет Тайного совета было запрещено статьей, подчеркивающей окончательность решений Верховного суда Ирландии. С британской точки зрения, признание Короны, парламентская присяга и обращение в Тайный совет были важнейшими опорами статуса доминиона. Результатом стало серьезное обострение, которое грозило разрушить сами переговоры. Эта угроза рассеялась только когда ирландцы уступили и согласились на существенную переработку документа. [7, p. 21 – 23]

Главной целью было создание конституции, которая была бы узнаваема как конституция британского доминиона. Это означало переработку Конституции таким образом, чтобы она отражала требования договора, которые британцы считали необходимыми. Помимо этого, британцы разделяли с Временным правительством общий интерес в обеспечении стабильности институтов нового ирландского государства.

Формирование итогового текста было долгим и напряжённым процессом, сопровождавшимся многочисленными политическими дискуссиями, в ходе которых участники согласовывали главные положения будущей Конституции. 5 декабря 1922 года был утверждён окончательный вариант, а уже 6 декабря он вступил в силу после подписи королём Георгом пятым [2, с. 58].

Сам Закон о Конституции Ирландского свободного государства 1922 года состоит из:

- Закона о введении в действие Конституции Ирландского свободного государства и об осуществлении договора между Великобританией и Ирландией, подписанного в Лондоне 6 декабря 1921 года;

- двух приложений: «Конституция Ирландского свободного государства» и «Статьи соглашения для Международного договора между Великобританией и Ирландией». Сама Конституция состоит из 83 статей [1].

Статья 12 Конституции 1922 г. наделяла законодательной властью Ирландский парламент, который состоял из английского монарха и двух палат (Палата представителей и Сенат). Также данная статья устанавливала, что «власть издавать законы для поддержания мира, порядка и хорошего управления в Ирландском свободном государстве принадлежит единственно и исключительно Ирландскому парламенту» [1]. Таким образом, английский монарх и парламент Ирландского свободного государства совместно осуществляли законодательную власть в стране, что явно показывает наличие зависимости Дублина от Лондона. [4, с.75]

Конституция Ирландского свободного государства предоставила женщинам старше двадцати одного года право избираться в парламенте, таким образом политические права ирландских женщин уравняли с политическими правами мужчин. Всем гражданам были гарантированы равные религиозные и гражданские свободы, равные права и равные возможности, независимо от их пола. [1]

Заключение. Таким образом, Конституция Ирландского свободного государства стала важным документом в становлении ирландской государственности. Несмотря на то, что попытки радикального отхода от британской модели не увенчались успехом и Конституция закрепила статус доминиона за Ирландским свободным государством, был сделан шаг к дальнейшей борьбе за полную независимость Ирландии. Следует отметить демократичный характер Конституции 1922 года, закрепившей широкие права граждан, в том числе уравнявшей в правах мужчин и

женщин, как первоначально предполагалось. В конечном счете Конституция 1922 года стала опорным документом для принятия конституции уже независимой от Великобритании Республики Ирландия.

Список использованных источников

1. Акт о Конституции свободного Ирландского государства. 1922 [Электронный ресурс]. – URL: https://constitutions.ru/?p=9504 (дата обращения: 06.03.2026).

2. Будылина, А. П. Конституция Ирландского свободного государства 1922 года: особенности разработки и историческое значение / А. П. Будылина, Д. А. Леонова // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия [Электронный ресурс] : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 7 – 8 дек. 2023 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Пед. ин-т, Каф. всеобщ. истории. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2024. – С. 55 – 62.

3. Бычков, М. А. Ирландское свободное государство: опыт государственного строительства 1922 – 1932 гг. / М. А. Бычков // Диалог культур и цивилизаций: сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (14–16 апреля 2022 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022 – С. 80 – 85.

4. Бычков, М. А. Особенности законодательного процесса в республике Ирландия (историко-правовой анализ) / М. А. Бычков // МЭИ.RU. Сборник статей Всероссийской междисциплинарной науч.-практ. конф. под общ. ред. В. И. Семеновой; под науч. ред. Л. Н. Горбуновой. – М.: Московский экономический ин-т, 2019. - С. 73 – 78.

5. Шишкина, И. Б. Имон де Валера. Становление лидера и республики / И. Б. Шишкина // Новое прошлое. – 2024. – № 3. – Ростов-на-Дону, 2024. – С. 62 – 76.

6. Anglo-irish treaty articles of agreement as signed on December 6th, 1921 [Electronic resource]. – URL: https://cain.ulster.ac.uk/issues/politics/docs/ait1921.htm (date of access: 02.03.2026).

7. Torrance, D. The Anglo-Irish Treaty, 1921. / D. Torrance. – London: House of common Library, 2022 – 54 p.

ФИКТИВНЫЕ БРАКИ И НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.О. Малишевская
Научный руководитель: Е.В. Чичина
Минск, БГЭУ

Приоритетным направлением государственной политики Республики Беларусь является всестороннее укрепление и развитие институтов брака и семьи. В рамках реализации данной стратегии государство определяет брак как добровольный союз женщины и мужчины – фундамент формирования семьи на принципах общечеловеческой морали, взаимной любви и уважения.

Государственная защита брака, семьи, материнства, отцовства и детства выступает основополагающим фактором устойчивого социального развития общества, залогом укрепления демографической безопасности Республики Беларусь. Создавая условия для полноценного

воспроизводства поколений, государство гарантирует незыблемость традиционных семейных ценностей как базисного элемента общественной стабильности и национальной идентичности. Реализация нормативных мер в совокупности обеспечивает сохранение суверенного государственного строя, преемственности историко-культурного наследия и гармоничного развития личности в рамках социально ориентированного правового государства.

В контексте обеспечения подлинной защиты института брака особое значение приобретает противодействие практике заключения фиктивных браков, то есть браков, зарегистрированных без намерения создать семью [1, ч. 1 ст. 45]. Судебный порядок признания данных «союзов» недействительными выступает эффективным правовым механизмом, исключающим возможность использования института брака в целях, противоречащих его предназначению.

В этой связи, особую общественную опасность представляет заключение фиктивных браков иностранцами с белорусскими гражданами, или с иностранными гражданами либо лицами без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь. В данном случае иностранцы вступают в «союз» исключительно в целях получения разрешения на временное или постоянное проживание в нашей стране, что, безусловно, дестабилизирует систему государственного регулирования миграционных процессов, способствуя тем самым незаконной миграции и создавая благоприятные условия для совершения иных противоправных деяний со стороны иностранцев. Данное положение и отражает актуальность темы настоящей статьи, которая также обусловлена наличием пробела в национальном правовом регулировании: отсутствие установления юридической ответственности непосредственно за заключение физическими лицами фиктивного брака, что существенно снижает эффективность противодействия использования института брака в целях миграционной легализации.

В настоящее время правовые последствия для лиц, заключивших фиктивный брак, ограничиваются исключительно аннулированием разрешения на проживание в Республике Беларусь (в отношении иностранцев) и признанием брака недействительным. Данная ситуация создает условия для повторного совершения аналогичных противоправных виновных деяний. Следовательно, цель настоящей статьи – выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства Республики Беларусь посредством внесения дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) в части установления непосредственно административной ответственности за заключение физическими лицами фиктивного брака.

Материалы и методы. Настоящая статья основывается на действующем законодательстве Республики Беларусь. Методологическую

основу составляют общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), а также частноправовые (формально-логический, формально-юридический, метод правового моделирования).

Результаты и их обсуждение. В Республике Беларусь с целью пресечения заключения иностранцами фиктивных браков Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июня 2010 г. № 891 утверждено Положение об осуществлении проверки цели заключения данных браков и определен порядок получения подразделениями по гражданству и миграции территориальных органов внутренних дел документов и (или) сведений, подтверждающих, что брак заключен иностранцем исключительно в целях получения разрешения на проживание в Республике Беларусь [2]. Тем не менее данный нормативный правовой акт не позволяет в полной мере противодействовать фиктивным бракам и отражает недостаточную эффективность, предусмотренного в нем механизма.

Как следствие, целесообразно установить административную ответственность за заключение фиктивных браков в отношении гражданина Республики Беларусь или иностранного гражданина либо лица без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь (с одной стороны), и в отношении иностранного гражданина либо лица без гражданства (с другой стороны). Данный подход обусловлен тем, что фиктивный брак по своей правовой сущности представляет собой двустороннее правоотношение, которое не может быть реализовано единолично: для его заключения требуется волеизъявление двух сторон, и если брак является фиктивным, то умысел на его регистрацию без намерения создать семью присутствует у обоих участников. Иностранец посредством данного брака получает выгоду в виде легализации пребывания и возможности приобретения разрешения на временное или постоянное проживание, тогда как гражданин Республики Беларусь либо постоянно проживающий иностранец выступает необходимым соучастником, без содействия которого противоправная цель не может быть достигнута. Следовательно, привлечение к ответственности только лишь одного участника противоречит фундаментальному принципу неотвратимости наказания и создает необоснованный правовой дисбаланс.

Установление административной ответственности является вполне оптимальным и достаточным выходом в сложившейся ситуации, не является чрезмерным и соответствует принципу пропорциональности правового воздействия совершенному деянию.

Заключение. На основании вышеизложенного, представляется целесообразным дополнить ст. 24.35 КоАП Республики Беларусь «Нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и законодательства о внешней трудовой миграции» новой частью следующего содержания:

«Заключение гражданином Республики Беларусь или иностранным гражданином либо лицом без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, фиктивного брака с иностранным гражданином или лицом без гражданства, совершенное в целях получения последними разрешения на временное или постоянное проживание в Республике Беларусь – влечет наложение штрафа в размере до пятидесяти базовых величин».

Резюмируя, установление административной ответственности послужит сдерживающим фактором для физических лиц, желающих вступить в фиктивные браки. Установление четких правовых запретов позволит минимизировать риски злоупотребления правом в сфере брачно-семейных правоотношений, устранить существующий правовой пробел и создать единообразную правоприменительную практику, ориентированную на недопущение использования фиктивных браков в качестве инструмента незаконной миграции.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-правовая система (дата обращения: 14.03.2026).

2. Об утверждении положения об осуществлении проверки цели заключения брака иностранным гражданином или лицом без гражданства : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 10 июня 2010 г. № 891 : в ред. от 29 июня 2020 г. № 382 // ЭТАЛОН : информ.-правовая система (дата обращения: 14.03.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.О. Маров
Научный руководитель: Н.В. Пушко
Могилев, Могилевский институт МВД

В последние годы, когда цифровая трансформация общества становится реальностью, вопросы правового регулирования цифровой идентификации, в том числе и как способа реализации прав субъекта становятся как никогда актуальными. Кроме того, стремительное развитие технологий удаленной идентификации, внедрение биометрических документов, расширение сферы использования межбанковской системы идентификации (МСИ), а также появление новых вызовов, связанных с защитой персональных данных предъявляют повышенные требования к защите права на цифровую частную жизнь.

Цель исследования – проанализировать современное состояние правового регулирования цифровой идентификации в Беларуси.

Материалы и методы. В ходе работы над темой исследования были изучены нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие правовые отношения в сфере цифровой идентификации в Республике Беларусь. Методология исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026-2030 гг., утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 19 декабря 2025 г. № 1, п. 7.4. «Цифровая трансформация» [8] в качестве одной из задач цифровизации государственного управления и социальной сферы предусмотрено упрощение сервисов, способов использования средств идентификации и авторизации, совершенствования систем идентификации, бесшовная интеграция государственных электронных услуг с предоставлением пользователям безвозмездного доступа к данным и другие. Ключевым условием реализации этих задач выступает наличие эффективной и юридически безупречной системы цифровой идентификации граждан, позволяющей однозначно устанавливать личность человека в электронной среде и придавать юридическую силу совершаемым им действиям.

Правовое регулирование цифровой идентификации в Республике Беларусь осуществляется целым комплексом нормативных актов различной юридической силы. Базовым документом, заложившим основу для развития цифровых технологий, стал Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон-455) [7].

Первым же документом, касающимся вопросов цифровой идентификации пользователя, стал Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2015 года № 478 «О развитии цифровых банковских технологий» [3], который запустил механизм межбанковской системы идентификации, позволяющий гражданам становиться клиентами банков без личного посещения офиса. Следующим шагом стал Указ Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях» [5], который впервые на законодательном уровне закрепил возможность осуществления удаленной идентификации граждан с использованием биометрических данных. Согласно данному документу, идентификация может проводиться путем автоматического распознавания и сравнения транслируемого изображения лица клиента с фотографией из документа, удостоверяющего личность.

Важнейшим этапом развития инфраструктуры цифровой идентичности стало введение с 1 сентября 2021 г. биометрических документов на основании Указа Президента Республики Беларусь от 16 марта 2021 года № 107 [2]. Документооборот нового поколения включает идентификационную карту гражданина Республики Беларусь (ID-карту) и биометрический паспорт. ID-карта содержит встроенную микросхему с

фотоизображением, отпечатками пальцев рук и иными персональными данными владельца, что позволяет автоматизировать процедуру идентификации личности и развивать электронные сервисы.

Также одним из важных шагов стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 29.11.2023 г. № 381 «О цифровом развитии» [4], который направлен на развитие цифровых платформ, проектов, финансирование цифровизации и внедрение электронного документооборота.

В развитие указанных актов было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 октября 2024 года № 792 [6], которым в новой редакции изложено Положение о порядке получения уникального идентификатора.

На данный момент в Республике Беларусь сформирована многоуровневая система цифровой идентификации личности. Первой из них хотелось бы отметить Межбанковскую систему идентификации (МСИ), оператором которой выступает НКФО «ЕРИП», которая в 2025 году подверглась существенной модернизации. Переход на сверку данных с «Регистра населения» вместо базы АИС «Паспорт» позволил работать с более точной и актуальной информацией. Ключевым изменением стало разделение услуг на аутентификацию и идентификацию, что дало банкам возможность гибко выбирать необходимый объем данных, а клиентам – проходить проверку быстрее. В системе МСИ активно развивается биометрическое направление. Запущен новый ускоренный способ входа – монобиометрия, при котором клиент вводит только личный номер и делает селфи. Если изображение совпадает с биометрическим шаблоном на основе фото из паспорта, доступ предоставляется без дополнительных действий.

ID-карта выступает базовым материальным носителем цифровой идентичности. Срок ее действия составляет 10 лет (для несовершеннолетних – 5 лет), стоимость оформления – 1,5 базовой величины, а для льготных категорий граждан предусмотрены скидки или полное освобождение от оплаты. Важной особенностью является то, что гражданин не может одновременно иметь действительный паспорт старого образца и ID-карту – выдача идентификационной карты влечет прекращение действия бумажного паспорта.

Уникальный идентификатор выступает альтернативным инструментом для граждан, не имеющих ID-карты или средств электронной цифровой подписи. Он назначается службой «одно окно» по письменному заявлению, бесплатен и бессрочен.

Облачная электронная цифровая подпись (ЭЦП) – перспективное направление развития. Создание инфраструктуры облачной ЭЦП позволит пользователям подписывать юридически значимые документы без необходимости иметь физический носитель ключа. Личные ключи будут

храниться в защищенном программно-аппаратном комплексе, доступ к ним будет осуществляться через многофакторную аутентификацию.

Показательным примером внедрения цифровой идентификации в повседневную жизнь стал запуск крупнейшей торговой сетью Беларуси «Евроопт» системы цифровой верификации возраста. Мобильное приложение Eplus интегрировано с межбанковской системой идентификации, что позволяет покупателям при приобретении алкогольной и табачной продукции на кассах самообслуживания не предъявлять паспорт, а сканировать QR-код из приложения. Система гарантирует точность данных, исключает ошибки ручного ввода и автоматически обновляет статус возраста при достижении совершеннолетия или замене документов [9].

Несмотря на очевидные достижения в развитии цифровой идентификации, анализ нормативной базы позволяет выявить некоторые недочеты, требующие решения. Так, можно отметить разрозненность правового регулирования: отношения, связанные с цифровой идентификацией, регулируются различными нормативными правовыми актами. При этом базовый Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» не в полной мере учитывает современные реалии. Действующее законодательство разобщено по сферам регламентации (например, банковские и административные процедуры) и не создает единого правового режима цифровой идентичности. Гражданин вынужден использовать различные способы идентификации (ID-карту, уникальный идентификатор, банковскую биометрию) в зависимости от ситуации, что снижает удобство и создает риски дублирования данных. Следовательно, необходим в комплексный подход к правовому регулированию правоотношений в области цифровой идентификации.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что правовое регулирование цифровой идентификации в Республике Беларусь находится в стадии активного формирования. За последние годы создана базовая инфраструктура, включающая биометрические документы, межбанковскую систему идентификации, уникальный идентификатор и развивающиеся сервисы облачной ЭЦП. Дальнейшее развитие правового регулирования цифровой идентификации должно быть направлено на создание единой, безопасной и удобной системы, в которой гражданин сможет беспрепятственно взаимодействовать с государством, будучи уверенным в сохранности своих персональных данных и юридической значимости совершаемых действий. Кроме того, думается, что необходима выработка единых принципов использования средств цифровой идентификации в различных сферах, повышение согласованности цифровых и документарных средств идентификации, а также систематизация существующих нормативных правовых актов в единый документ, касающийся базовых вопросов расширения цифровых форм

взаимодействия, включая цифровую идентификацию, с государством и обществом.

Список использованных источников

1. Ковалев, П. О. Анализ проблем внедрения децентрализованной идентификации личности на основе технологии блокчейна / П. О. Ковалёв // Трансформация механико-математического и IT-образования в условиях цифровизации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 2025. – С. 216 – 220.

2. О биометрических документах: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 марта 2021 г., № 107 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

3. О развитии цифровых банковских технологий: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 дек. 2015 г., № 478 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

4. О цифровом развитии: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2023 г., № 381 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

5. О цифровых банковских технологиях: Указ Президента Республики. Беларусь, 18 апр. 2019 г., № 148 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

6. Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 22 августа 2017 г. № 637: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 окт. 2024 г., № 792 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

7. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь, 10 нояб. 2008 г. № 455-З: с изм. и доп. от 10 окт. 2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026).

8. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы: Решение Всебелорусского Народного собрания от 19 дек. 2025 г. № 1// ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 04.03.2026)

9. Экосистема цифровой идентичности Беларуси 2025: новые инструменты, вызовы и перспективы развития // Myfin.by. – 2025. – 29 декабря. – URL: https://myfin.by/article/afisha/ekosistema-cifrovoj-identicnosti-belarusi-2025-novye-instrumenty-vyzovy-i-perspektivy-razvitia-42710.

«ИНСТИТУЦИИ» ГАЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПАМЯТНИК ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО РИМА

В.Е. Матвеенко
Научный руководитель: К.Э. Колесник
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Правовая система Древнего Рима сыграла исключительно важную роль в развитии права на протяжении последующих двух тысячелетий. Правовые системы большинства стран Европы, в том числе Республики Беларусь, в значительной мере опираются именно на римское право. Поэтому изучение процессов становления права Древнего Рима является актуальным и в настоящее время.

Несмотря на широко разветвленную систему римского права, до наших дней дошло не так много источников, содержащих сведения о

законодательстве Древнего Рима. Одним из наиболее важных сохранившихся источников являются «Институции» римского юриста Гая. Этот документ неоднократно оказывался в центре внимания историков права, тем не менее, в его содержании, как и в биографии самого автора остается немало «белых пятен».

Материал и методы. Основным источником работы являются «Институции» Гая. Кроме того, в работе использованы другие источники по истории Римского права и права Византии, научная литература, материалы специализированных сайтов. В основе работы лежит исторический метод. В работе также использованы сравнительный метод, методы анализа и синтеза, структурный методы.

Результаты и их обсуждение. «Институции» – это учебник для начинающих по римскому частному праву, написанный около 161 года н. э. римским юристом Гаем.

Считалось, что содержание учебника было утрачено, пока в 1816 году Бартольд Георг Нибур не обнаружил его рукопись в библиотеке г. Вероны в 1816 г. Рукопись «Институций» представляла собой палимпсест: пергамент был повторно использован в Средние века для записи жития св. Иеронима. Для доступа к древнему сооружению исследователям нужно было удалить более поздние надписи, стараясь сохранить изначальные. Восстановление текста «Институций» было осложнено тем, что многие буквы читались неуверенно, переписчик использовал сокращение и допускал ошибки, ряд строк был испорчен, отсутствовали некоторые страницы текста (около 10% общего объема) Несмотря на это, удалось воссоздать оригинальный облик произведения практически без искажений. [1, с.181],

Пробелы в Веронском кодексе заполнялись с использованием других источников римского и византийского права. В первую очередь для этого использовались «Институции» Юстиниана, труды Ульпиана и «Парафразы» Теофила. В 1927 и 1933 годах в Египте были найдены созданные в IV – VI веках манускрипты, содержащие фрагменты «Институций» Гая, в том числе и те, которые отсутствовали в Веронской рукописи. Это позволило дополнить разделы, относящиеся к ранней форме судопроизводства посредством законных формул, а также договорных отношений.

Несмотря на очень большое влияние «Институций» Гая на развитие юридической науки Древнего Рима, о нем самом известно слишком мало. Неизвестно ни его полное имя, ни даже точные годы жизни. Предполагается, что он жил с 130 по 179 год нашей эры в период правления императоров Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия., поскольку Гай писал о законах, принятых в этот период.

«Институции» Гая играют особую роль в изучении римского права пор нескольким причинам.

Во-первых, автор уделял большое внимание особенностям судопроизводства и юридическим документам Рима более ранних эпох. Именно благодаря «Институциям» Гая до нас дошли ряд значительных по объему фрагментов «Законов XII таблиц». В своей работе Гай изучал более ранние правовые конструкции, использовал исторические сведения о традиционной семье, правилах передачи имущества, ранних процессуальных процедурах, архаичных типах соглашений и видах правонарушений. «Институции» базируются на изучении автором «Законов XII Таблиц» и концепции, разработанной Квинтом Мутием Сцеволой. Ряд значительных по объему фрагментов «Законов XII таблиц» дошли до наших времен именно благодаря «Институциям» Гая. Таким образом, Гай придаёт своей работе историческую перспективу, которая формирует целостное представление об эволюции права. демонстрируя закономерное и неизбежное развитие римских правовых норм.

Во-вторых, благодаря Гаю сложная и разнообразная совокупность норм римского законодательства получила целостное представление. Ему удалось объединить в стройной концепции традиционное гражданское право, обладающее большей адаптивностью преторское право, нормы, предназначенные исключительно для римских граждан, и общепризнанное право народов. Гай ясно проводит разграничение между реальными и личными правами, а также, выстраивает институт субъекта права исходя из степени его правовой компетенции, чётко дифференцирует всеобщее и частное наследование и разрабатывает комплексную схему контрактных отношений. [3, с. 40]

«Институции» касаются только частного, а не уголовного права. Они начинаются с краткого описания источников римского права. «Институции» разделены на четыре книги: первая книга посвящена лицам и семейному праву, вторая и третья книги – вещам, а в последней книге рассматривается гражданский процесс.

В первой книге «Институций» лица классифицируются тремя различными способами: во-первых, свободные люди, рабы и вольноотпущенники; во-вторых, лица, находящиеся в подчинении у другого лица, и, в-третьих, лица, находящиеся под опекой или попечительством.

Вторая книга о вещах начинается со списка вещей, на которые не могут распространяться права частной собственности, а именно res sacrae, religiosae, sanctae и publicae, после чего приводится классификация вещей, на которые могут распространяться такие права. Затем подробно рассматривается приобретение вещей и обязательств. Наконец, вторая книга завершается обзором отдельных частей римского наследственного права, в частности, завещательного наследования. [2, с. 72]

Изложение римского наследственного права продолжается в третьей книге, в которой в основном рассматривается наследование по закону).

Затем рассматривается обязательственное право, которое делится на договорные обязательства и обязательства, возникающие в результате деликта, включая furtum. В последней книге представлен обзор римского гражданского процесса II века в 187 разделах. [2, с 224]

Помимо «Институций», представляющих собой полное изложение основ римского права, Гай был автором трактатов о «Эдиктах магистратов», о «Двенадцати таблицах», о важном «Законе Папия – Поппея» и о ряде других тем. Его интерес к древним источникам римского права очевиден, и по этой причине его работы представляют большую ценность для историков ранних институтов. [5, с. 240 – 241]

После смерти Гая его труды были признаны авторитетными и со временем этот авторитет только рос. Так, император Феодосий II упомянул его в Законе о цитировании, наряду с Папинианом, Ульпианом, Модестином и Павлом, как одного из пяти юристов, чьим мнением должны были руководствоваться судьи при вынесении решений. Соответственно, труды этих юристов стали важнейшими источниками римского права.

Многие цитаты из работ Гая встречаются в «Дигесте», созданном Трибонианом по указанию Юстиниана I, и таким образом заняли прочное место в системе римского права. При этом сравнение «Институций» Юстиниана с работами Гая показывает, что весь метод и структура более поздней работы были скопированы с более ранней, и многие отрывки совпадают дословно. «Дигест» и «Институции» Юстиниана являются частью Corpus Juris Civilis. Вероятно, на протяжении большей части трёхвекового периода между Гаем и Юстинианом его «Институции» были основным учебником для всех, кто изучал римское право. [4, с. 98]

Заключение. «Институции» Гая оказали большое влияние на развитие юридической науки времен поздней Античности. Они стали одним из ключевых источников такого значительного юридического документа как «Свод гражданского права» Юстиниана, который в свою очередь во многом определил тенденции развития юридической науки последующих эпох. Система «Институций» – лица, вещи, иски, – или институционная система, стала моделью для Кодекса Наполеона (1804 г.). Современный Гражданский кодекс Республики Беларусь представляет собой развернутый вариант институционной системы и таким образом тоже в определенной степени базируется на «Институциях» Гая.

Список использованных источников

1. Димитров, Н. Н. К вопросу о периодизации истории римского права / Н. Н. Димитров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2009. – № 1 (33). – С. 180 – 184.

2. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor : текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. – Москва: Статут, 2020. – 384 с.

3. Курдюк, Г. П. К вопросу о дифференциации древнеримского права / Г. П. Курдюк // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34). – С. 39 – 45.

4. Маликов, В. В. К вопросу об истории римского права / В. В. Маликов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 1. – С. 91 – 100.

5. Ширвиндт, А. М. Институции Гая: опыт и перспективы исследования. хроника научного семинара / А. М. Ширвиндт // Вестник древней истории. – 2017. – № 1 (77). – С. 238 – 243.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ (УДАЛЕННОЙ) РАБОТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Е.Н. Новак, П.А. Рашкевич
Научный руководитель: Е.В. Чичина
Минск, БГЭУ

Цифровая трансформация экономики и переход общества к постиндустриальному типу обусловили фундаментальные изменения в системе трудовых отношений, где дистанционная занятость заняла одну из центральных позиций. В Республике Беларусь эта тенденция нашла отражение в Программе социально-экономического развития на 2026 – 2030 годы, где в качестве одной из задач обозначено расширение практики использования гибких форматов работы. Пандемия Covid-19 лишь ускорила этот процесс, превратив дистанционную работу в повседневную реальность для многих тысяч белорусов. Закономерным итогом этого процесса стало существенное обновление главы 25^1 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа обновленных норм трудового законодательства и выявления аспектов, требующих дополнительного осмысления в сфере дистанционной работы. Целью настоящей работы является анализ правового регулирования дистанционной работы в Республике Беларусь, выявление коллизий и пробелов, а также предложений по его совершенствованию.

Материал и методы. Теоретическую основу исследования составили нормы Трудового кодекса Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений», а также монографические исследования Е.В. Мотиной, К.Л. Томашевского и Е.В. Чичиной. Методологическую основу составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнение) и частноправовые методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты и их обсуждение. Согласно статье 307^1 ТК, дистанционной работой считается работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий [5].

Отношения в рамках дистанционной работы принято относить к формам нетипичной (атипичной) трудовой занятости. Данный подход обосновывается тем, что в таких отношениях происходит существенное видоизменение одного или нескольких признаков, свойственных классическому трудовому правоотношению: личностного, организационного или имущественного. При дистанционной работе наиболее заметно трансформируется организационный признак. Как указывается в монографическом исследовании Е. В. Мотиной, К. Л. Томашевского и Е. В. Чичиной, труд дистанционного работника характеризуется большей самостоятельностью, отсутствием постоянного контроля со стороны нанимателя, при одновременном сохранении ключевого признака наемного труда – экономической зависимости и обязанности выполнять трудовую функцию. Предметом трудовых отношений с дистанционными работниками выступает выполнение работы, которая связана с информацией и ее возможными преобразованиями, и которая выполняется вне места нахождения нанимателя [2, с. 94].

Международная организация труда в своем фундаментальном обзоре 2016 года «Нестандартные формы занятости: анализ проблем и перспективы решения в разных странах» предложила универсальную классификацию, выделив четыре основные группы: временную занятость, занятость на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и многосторонние отношения, а также замаскированные трудовые отношения [3]. Дистанционная работа, будучи порождением цифровизации и развития информационно-коммуникационных технологий, органично вписывается в эту систему, сочетая в себе отдельные черты названных групп, но обладая уникальной спецификой, которая требует особой правовой регламентации.

Для более глубокого понимания сущности дистанционной работы важно провести ее сравнение со смежными правовыми институтами. Так, в отличие от надомного труда, урегулированного главой 25 ТК, дистанционная работа, согласно статье 307^1 ТК, не привязана к конкретному месту жительства работника. В материалах Министерства труда и социальной защиты справедливо подчеркивается, что «работник, осуществляющий дистанционную работу, может выполнять поручаемую ему работу с использованием информационно-коммуникационных технологий в любом месте, где будет удобно самому работнику» [1]. Кроме того, если надомный труд исторически сложился как форма занятости для лиц, не имеющих возможности работать вне дома, то дистанционная работа предполагает обязательное использование интернет-сетей и цифровых технологий для выполнения трудовой функции и взаимодействия с нанимателем.

Также сравнивая дистанционную работу с конструкцией заемного труда, можно отметить, что в Беларуси заемный труд и деятельность частных агентств занятости вообще никак не урегулированы, а статья 32^1

ТК допускает лишь временный перевод работника к другому нанимателю на срок до шести месяцев, что более напоминает прикомандирование, чем заемный труд. Дистанционная же работа, напротив, имеет четкую двустороннюю структуру «работник – наниматель» и обеспечена специальным правовым режимом главы 25^1 ТК, что позволяет характеризовать ее как наиболее легализованную и защищенную форму нетипичной занятости в республике.

Переходя непосредственно к анализу законодательства, следует отметить, что Закон Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» внес значительные позитивные изменения в главу 25^1 ТК. Ключевой новеллой законодательства стала легализация комбинированной дистанционной работы, позволившая нанимателям и работникам официально сочетать выполнение трудовых функций в офисе и вне его места нахождения. Существенным шагом вперед стало закрепление возможности электронного взаимодействия сторон (ст. 29^1 ТК), что упростило обмен юридически значимыми документами и ознакомление с локальными актами [4]. Расширение автономии работника в распределении рабочего времени и уточнение порядка инициативного перевода на «удаленку» в чрезвычайных обстоятельствах существенно сблизили национальное право с актуальными международными стандартами цифрового труда.

Вместе с тем, практика применения обновленных норм выявила ряд системных аспектов, требующих дальнейшего научного осмысления. Ключевым вопросом остается отсутствие законодательно закрепленного «права на отключение» (цифровой тишины), что в условиях доступности через мессенджеры 24/7 ведет к фактическому размыванию границ времени отдыха и росту скрытых переработок. Кроме того, механизмы компенсации за использование личных ресурсов работника (электроэнергия, связь) остаются недостаточно детализированными, а использование систем компьютерного мониторинга за деятельностью сотрудников балансирует на грани нарушения конституционного права на неприкосновенность частной жизни.

Также законодательство сохранило ряд положений, которые входят в противоречие с самой природой дистанционного труда и вызывают обоснованную критику в научной среде. Наиболее дискуссионным представляется императивное требование части 1 статьи 307^2 ТК о заключении трудового договора с дистанционным работником только при его личном присутствии. Е. В. Мотина, анализируя данную норму, справедливо указывает, что «требование о личном присутствии работника в момент заключения трудового договора, сформулированное императивно, стоит пересмотреть с учетом сути дистанционной работы» [2, с. 96]. Для сравнения: законодательство Кыргызстана и Узбекистана пошло по иному пути, допустив в своих кодексах возможность заключения договора путем обмена электронными документами. Российская Федерация также

закрепила диспозитивный подход в статье 312.2 ТК РФ. Подход в Республике Беларусь не в полной мере способствует использованию электронного документооборота на ключевом этапе возникновения трудовых отношений.

Определенные сложности сохраняются и в процедурных вопросах. Так, новая редакция статьи 307^5 ТК устанавливает, что необходимость направления работнику копии приказа об увольнении на бумажном носителе «определяется по соглашению сторон». Как справедливо отмечает К. Л. Томашевский, «данная норма не вполне продумана, поскольку в момент увольнения работника достижение соглашения сторон по этому вопросу не всегда возможно» [2, с. 126]. В результате наниматель может формально не нарушить закон, просто сославшись на отсутствие согласия работника, что создает правовую неопределенность и потенциально ущемляет права увольняемого лица.

Заключение. Подводя итог, можно сделать вывод, что действующая редакция Трудового кодекса Республики Беларусь заложила прочный фундамент для развития цифровой занятости, однако она требует доработки для устранения возникших правовых коллизий. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о переходе к диспозитивному правилу заключения договора путем обмена электронными документами, а также о разработке специальных норм, гарантирующих дистанционным работникам «право на отключение» и защиту персональных данных в цифровой среде. Реализация данных предложений позволит превратить дистанционную работу из гибкой альтернативы в юридически защищенный и предсказуемый формат трудовых отношений, способствующий повышению эффективности национальной правовой системы в условиях цифровой реальности.

Список использованных источников

1. О порядке регулирования дистанционной работы : [сайт] – Мн., 2012. – URL: https://www.mintrud.gov.by/ru/o-poryadke-regul-dist-raboti-ru (дата обращения: 12.03.2026).

2. Мотина, Е. В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции / Е. В. Мотина, К. Л. Томашевский, Е. В. Чичина. – Минск : Амалфея, 2024. – 244 с.

3. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда : [сайт]. – Женева: МБТ, 2017. – URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_554952.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

4. Об изменении законов по вопросам трудовых отношений : Закон Респ. Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 12.03.2026).

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с измен. и доп., вступ. в силу с 09.12.2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

ЭЙБЛИЗМ КАК ДИСКРИМИНАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВОВОМ УРОВНЕ

Д.А. Поляков
Научный руководитель: Е.Ф. Ивашкевич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Проблема дискриминации лиц с инвалидностью, определяемая в современном научном и правовом дискурсе как «эйблизм» (от англ. ableism), долгое время оставалась на периферии как общественного сознания, так и международного права. На протяжении большей части истории человечества люди с физическими, ментальными или сенсорными нарушениями воспринимались сквозь призму медицинской модели, которая рассматривала их исключительно как «неполноценных», «нетрудоспособных» или «объекты для жалости», что вело к их системной изоляции, сегрегации и открытой дискриминации. Актуальность данного исследования обусловлена сохраняющимся разрывом между провозглашенными международными стандартами и реальной практикой их реализации в различных правовых системах. Люди с ограниченными возможностями здоровья продолжают сталкиваться с многочисленными барьерами: от архитектурной недоступности и проблем с трудоустройством до сложностей в доказывании фактов дискриминации в судах. Целью данной работы является анализ ключевых проблем проявления эйблизма, а также выявление наиболее эффективных путей их преодоления на основе международных правовых актов.

Материал и методы. Теоретическую и нормативную базу работы составили международные правовые акты, национальное законодательство ряда государств, а также научные публикации по проблемам превенции дискриминации лиц с инвалидностью. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты и их обсуждение. Проблема дискриминации лиц с инвалидностью имеет глубокие исторические корни. Особенно чудовищные формы эта политика приобрела в странах с фашистским режимом в годы Второй мировой войны. Однако, и после её окончания дискриминация сохранялась: инвалидов ограничивали в праве на создание семьи, в трудоустройстве, отказывали в равном доступе к образованию и участию в политической жизни. Даже в международном праве долгое время отсутствовал прямой запрет дискриминации по признаку инвалидности – первые пакты о правах человека 1966 г. не включали инвалидность в перечень защищаемых признаков, что позволяло государствам фактически игнорировать эту категорию граждан [1]. Лишь к

концу XX века, во многом благодаря деятельности неправительственных организаций и объявленному в рамках ООН Десятилетию инвалидов (1983-1992), проблема получила должное внимание, а принятие Конвенции о правах инвалидов 2006 года стало поворотным моментом в борьбе с эйблизмом [2], которая не только закрепила запрет дискриминации по признаку инвалидности, но и ввела принципиально важное понятие «разумного приспособления» [2].

Несмотря на очевидный прогресс, международная практика показывает сохраняющийся разрыв между провозглашенными стандартами и реальным положением дел. Комитет ООН по правам человека и Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в своих заключительных замечаниях неоднократно выражали обеспокоенность тем, что государства-участники зачастую ограничиваются формальным перечислением антидискриминационных законов в своих докладах, не приводя конкретных примеров их реализации и не сообщая о сохраняющихся проблемах. Особую озабоченность вызывает положение лиц с психическими расстройствами, которые продолжают сталкиваться с отказами в доступе в общественные места, ограничениями в иммиграционном законодательстве и сегрегацией в образовательных учреждениях. В сентябре 2025 года Комитет по правам инвалидов представил доклад по итогам рассмотрения докладов 5 государств-участников, включая КНДР, Финляндию, Кирибати, Мальдивы и Палестину. В выводах Комитета была выражена обеспокоенность отсутствием в Конституции КНДР прямого запрета дискриминации по признаку инвалидности и сохранением сегрегированного образования для детей с инвалидностью, тогда как в Финляндии негативное влияние на положение инвалидов оказали сокращения бюджетов социальных служб. В Кирибати проблемы касались недостаточного учета потребностей инвалидов в политике по изменению климата и реагированию на стихийные бедствия, а на Мальдивах особую тревогу вызвало отсутствие стратегий и дезагрегированных данных по женщинам с инвалидностью [3].

В качестве ответа на эти вызовы международное сообщество предприняло ряд важных шагов. На региональном уровне наиболее значимыми достижениями стали принятие Межамериканской конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении инвалидов 1999 г., учредившую собственный контрольный механизм. В рамках Совета Европы ключевую роль играет Европейская социальная хартия (пересмотренная), статья 15 которой гарантирует лицам с инвалидностью право на независимость, социальную интеграцию и участие в жизни общества, а контроль за ее соблюдением осуществляет Европейский комитет по социальным правам. Важным инструментом стал и План действий Совета Европы по содействию правам и полному участию людей с инвалидностью в обществе на 2006 – 2015 годы, направленный на устранение барьеров в таких сферах, как образование, трудоустройство,

доступность среды и транспорт. Символическим шагом стало провозглашение 2003 года Европейским годом инвалидов, что стимулировало многие страны к принятию национальных планов действий и антидискриминационного законодательства [1].

Однако принятие международных документов само по себе не гарантирует их эффективную имплементацию на национальном уровне. Анализ законодательства и правоприменительной практики различных государств позволяет выявить как общие закономерности, так и специфические проблемы, с которыми сталкиваются ЛОВЗ. В США, несмотря на наличие Акта об американцах с инвалидностью 1990 г., запрещающего дискриминацию в сфере труда, транспорта и общественных местах [4], сохраняются проблемы с обеспечением доступности социальной среды и реализацией принципа разумного приспособления на практике. В ФРГ, где запрет дискриминации по признаку инвалидности был включен в Основной закон еще в 1994 г. [1], правоприменительная практика сталкивается с трудностями доказывания дискриминационных действий, недостаточной информированностью работодателей о своих обязанностях. В Китае, где занятость инвалидов формально достигает высоких показателей (около 80 %), значительная часть трудоустроенных инвалидов занята на низкоквалифицированных работах и фактически исключена из полноценной профессиональной реализации.

Решение выявленных проблем на национальном уровне требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие институциональных механизмов и изменение общественного сознания. Необходим пересмотр самого понятия «инвалид» и «нетрудоспособность» в национальном законодательстве, смещение акцента с ограничений, обусловленных состоянием здоровья, на барьеры, существующие в окружающей среде и общественных отношениях. Ключевое значение имеет внедрение механизма «разумного приспособления», требующего от нанимателей и иных субъектов (образовательных учреждений, поставщиков услуг) принятия индивидуальных мер для обеспечения равных возможностей ЛОВЗ, если такие меры не являются несоразмерным бременем. Наконец, необходимы системные усилия по изменению общественных стереотипов через информационные кампании, развитие инклюзивного образования и поддержку общественных организаций инвалидов [5].

В этом контексте особого внимания заслуживает опыт Республики Беларусь, где в последние годы предпринимаются активные шаги по гармонизации национального законодательства в соответствии с международными нормами. В 2016 г. ратифицирована Конвенция о правах инвалидов. Важнейшим этапом по обеспечению равных возможностей стало принятие Закона «О правах инвалидов и их социальной интеграции» 2022 г., закрепляющим социальную модель инвалидности, определяя инвалида как «человека с устойчивыми физическими, психическими,

интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать его полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими людьми». Законодательно устанавливается запрет дискриминации по признаку инвалидности, включая все ее формы: прямую и косвенную дискриминацию, оскорбление действием, отказ в разумном приспособлении. Ключевыми новеллами акта стали внедрение механизмов абилитации инвалидов (комплекса мер по формированию отсутствовавших ранее навыков), закрепление принципов универсального дизайна и доступной среды, создание государственной автоматизированной информационной системы по учету доступности объектов социальной инфраструктуры. Закон определил полномочия государственных органов и общественных объединений инвалидов, порядок реализации права на труд, образование и социальную защиту. Показательным является судебный процесс с участием аккомпаниатора школы искусств – инвалида 2 группы, который столкнулся с невозможностью доступа в здание школы. Хотя спор был урегулирован мирным путем, само дело высветило ряд процессуальных проблем. В связи с этим представляется необходимым совершенствование процессуального законодательства в части закрепления механизма распределения бремени доказывания по делам о дискриминации, а также проведение системной работы по повышению правовой грамотности населения [6].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на существенный прогресс в международно-правовом регулировании защиты прав лиц с инвалидностью, проблема эйблизма продолжает сохранять свою актуальность. Исторически укоренившаяся медицинская модель восприятия инвалидности до сих пор проявляется в национальных законодательствах (в частности, в использовании понятия «нетрудоспособность»), правоприменительной практике и общественном сознании. На международном уровне сохраняется разрыв между формальным закреплением стандартов и их реальной имплементацией, о чем свидетельствуют замечания договорных органов ООН. На национальном уровне наиболее острыми проблемами остаются трудности с доказыванием дискриминации в судах, недостаточное развитие механизмов «разумного приспособления», низкий уровень занятости инвалидов и сохранение архитектурных барьеров. Республика Беларусь, ратифицировав Конвенцию и приняв закон о правах инвалидов и их социальной интеграции, движется в верном направлении. Эффективное преодоление эйблизма возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем совершенствование законодательства, развитие институциональных механизмов и системную работу по изменению общественных стереотипов.

Список использованных источников

1. Овсюк, А. М. О необходимости ликвидации дискриминации в отношении инвалидов / А. М. Овсюк // Московский журнал международного права. – 2003. – URL: https://www.mjil.ru/jour/article/download/896/800. (дата обращения: 21.02.2026).
2. Шевко, Н. М. Запрет дискриминации по признаку инвалидности в международном праве прав человека / Н. М. Шевко // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 28. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/293139/1/shevko_sbornik28.pdf. (дата обращения: 21.02.2026).
3. UN disability rights committee publishes findings on DPRK, Finland, Kiribati, Maldives, and State of Palestine. – URL: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/09/un-disability-rights-committee-publishes-findings-dprk-finland-kiribati?sub-site=HRC (дата обращения: 01.03.2026).
4. Чуксина, В. В. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях / В. В. Чуксина, Н. Н. Комиссаров // Известия БГУ. – 2015. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskriminatsiya-po-priznaku-invalidnosti-v-trudovyh-otnosheniyah-1. (дата обращения: 21.02.2026).
5. Головко, С. Г. Проблема дискриминации инвалидов в современном обществе / С. Г. Головко // ОНВ. – 2008. – № 5(72). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-diskriminatsii-invalidov-v-sovremennom-obschestve. (дата обращения: 21.02.2026).
6. Кушнерова, А. О. Проблема доказывания дискриминации по признаку инвалидности в судебной практике Республики Беларусь / А. О. Кушнерова. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/294108/1/577-581.pdf. (дата обращения: 21.02.2026).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВЕ, И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ: КОНКУРИРУЮЩИЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.В. Прокурат
Научный руководитель: Е.Н. Мазаник
Минск, БГЭУ

Конец XX – начало XXI века ознаменовались глубокими трансформациями международных отношений. Распад биполярной системы, усиление процессов глобализации и рост значимости международного права заставляют наиболее требовательно и остро относиться к вопросу сохранения устойчивости и универсальности сложившегося и развивающегося после Второй мировой войны международного правопорядка. Дополнительно, актуальность изучаемому вопросу добавляет расширение применения концепции международного порядка, основанного на правилах, а также активизация научных дискуссий вокруг ее содержания, источников и соотношения с нормами международного права.

Целью данного исследования является комплексный анализ современного международного порядка с акцентом на сопоставление двух его концепций: международного порядка, основанного на праве и международного порядка, основанного на правилах. Исследование

направлено на выявление противоречий и точек соприкосновения между данными концепциями, а также оценку их влияния на устойчивость и универсальность международных отношений.

Материал и методы. Работа основана на анализе международных договоров, многочисленных высказываний представителей государств, в которых проявляется их отношение к концепции «порядок, основанный на правилах», положительных и критических замечаний к этой концепции со стороны ученых. Методологический инструментарий включает общенаучные и специальные методы, в том числе исторический метод, методы формальной логики, анализа, синтеза, а также системные, сравнительно-правовые методы.

Результаты и их обсуждение.

1. Концепция международного порядка, основанного на правилах – следствие развития международного порядка, основанного на праве. Указанная концепция имеет два направления. Первое направление рассматривает международный порядок, основанный на правилах, как результат эволюции и дальнейшего совершенствования международного права. Второе направление исходит из трактовки международного права и международного порядка, основанного на правилах, в качестве тождественных понятий.

В связи с изменениями структуры и механизмов функционирования международных институтов, являющихся причиной постепенного отхода от продвижения роли тех площадок, где у отдельных стран нет решающего голоса в создании новых международных правовых норм или корректировки старых, предпринимаются попытки замены закрепленных норм правилами, обеспечивающими интересы определенных участников международных отношений [3].

Стоит отметить, что в таком случае порядок, основанный на правилах, не является правопреемником порядка, основанного на праве, а лишь является свидетельством его совершенствования.

Альтернативой же данному подходу является восприятие международного права и порядка, основанного на правилах, как синонимов. В поддержку данной альтернативы, 46 президент США Джо Байден 19 октября 2021 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН сказал: «Семьдесят шесть лет назад, восстав из пепла разрушительной мировой войны, страны всего мира взялись за общую миссию: создание основанного на правилах международного порядка, базирующегося на демократических ценностях, для продвижения всеобщих прав человека, содействия мирному урегулированию споров и обеспечения соблюдения международного права» [5]. Подобный подход также прослеживается в речах иных представителей государств и международных организаций.

2. Международный порядок, основанный на правилах противоречит принципу суверенного равенства государств.

Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера [2].

Так, в ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция) закреплено, что каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры [1].

Статья 53 Венской конвенции закрепила согласованную волю большинства государств, как одну из характеристик порядка, основанного на праве: «Императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [1].

В свою очередь порядок, основанный на правилах, принимается в рамках региональных объединений или национальных правовых систем и подразумевает использование правил вместо права и размывает различие между международными нормами и необязательными правилами, создавая среду, в которой все субъекты международного права, должны подчиняться порядку, независимо от их согласия [4, с. 287]. Результатом чего становиться лишение большинства государств права на участие в формировании международных правовых норм, вытекающего из ст. 6 Венской конвенции.

Заключение. Международное право остаётся единственным инструментом, который обеспечивает равные возможности для всех государств участвовать в формировании обязательных норм и гарантирует стабильность международного порядка. Его универсальные принципы, закреплённые в его источниках, создают прозрачные и предсказуемые рамки взаимодействия, защищая суверенитет каждого государства и обеспечивая легитимность решений на глобальном уровне. Именно право, а не правила, позволяет сохранять баланс между интересами различных стран и защищает международное сообщество от произвольного давления отдельных участников.

Международный порядок, основанный на правилах, демонстрирует явное смещение власти в пользу ограниченного круга государств или организаций, навязывая остальным участникам правила без их согласия.

Список использованных источников

1. Венская конвенция о праве международных договоров : принята 23 мая 1969 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 08.03.2026).

2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // Организация Объединенных Наций . – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 08.03.2026).

3. Лебедева, О. В. Приоритеты современной российской дипломатии: между ООН и «порядком, основанным на правилах» / О. В. Лебедева // Международная жизнь. – 2023. – № 3. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2795 (дата обращения: 08.03.2026)

4. Мазаник, Е. Н. Международный порядок, основанный на праве, и международный порядок, основанный на правилах: содержание, генезис и соотношение / Е. Н. Мазаник // Университетская правовая наука и юридическое образование : к 100-летию юридического факультета Белорусского государственного университета : материалы Белорус. науч.-образоват. конгр., 20–23 окт. 2025 г., г. Минск / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2025. – С. 285 – 288.

5. US President Joe Biden's U.N. speech // Our today. – URL: https://our.today/us-president-joe-bidens-u-n-speech/ (дата обращения: 08.03.2026).

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Г.И. Пусенков
Научный руководитель: Ф.И. Храмцова
Минск, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Национальная безопасность современного государства представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой внутренние и внешние аспекты безопасности находятся в постоянном взаимодействии. В условиях современного геополитического ландшафта, где Республика Беларусь занимает стратегическое положение на стыке Востока и Запада, критически важным становится осмысление взаимозависимости внутренней стабильности и внешних факторов безопасности. В п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утверждённой решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 (далее – Концепция 2024 года), национальная безопасность определяется как состояние защищённости национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее её устойчивое развитие [1]. Уже на уровне базовой дефиниции фиксируется системное единство внутреннего и внешнего измерений безопасности, что позволяет рассматривать их взаимосвязь не как частный управленческий тезис, а как закономерность национальной безопасности. *Цель исследования* – выявить правовые основания и механизм обеспечения

единства внутренней и внешней безопасности как объективной закономерности системы национальной безопасности Республики Беларусь.

Материал и методы. Информационную основу исследования составили: Концепция 2024 года, недействующая редакция Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утверждённая Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 (далее – Концепция 2010 года), Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026-2030 гг., утверждённая решением Всебелорусского народного собрания от 19.12.2025 № 1 (далее – Программа на 2026-2030 гг.), а также научные труды белорусских исследователей в области теории и практики национальной безопасности. В работе применялись диалектический, системно-структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. Для анализа конкретных угроз национальной безопасности использован метод факторного анализа. Метод контент-анализа применён при исследовании содержания и приоритетов Программы на 2026-2030 гг., что позволило показать взаимосвязь стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности.

Результаты и их обсуждение. Взаимосвязь между внутренней и внешней безопасностью объясняется тем, что: во-первых, обе сферы ориентированы на защиту общих национальных интересов; во-вторых, в условиях глобализации стираются границы между внутренними и внешними политическими, экономическими и информационными процессами; в-третьих, государства сталкиваются с комплексом многомерных угроз, требующих интегрального подхода; в-четвёртых, усиливается роль централизованной системы государственного управления, которая позволяет своевременно и эффективно отвечать на возникающие угрозы и проблемы.

Анализ стратегических документов Республики Беларусь подтверждает закрепление указанных взаимосвязей. Уже в Концепции 2010 года подчёркивалось, что растущая открытость экономик и расширение межличностных контактов «размывает грань между внутренними и внешними политическими, экономическими, информационными процессами», тем самым нормативно фиксируя взаимопроникновение внутренних и внешних факторов безопасности [2]. Это свидетельствует о стабильности и преемственности подходов белорусского государства к пониманию природы угроз и необходимости их комплексного восприятия.

По мнению белорусских исследователей, система обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь изначально выстраивалась на фундаменте комплексности и неразрывной связи внутренних и внешних угроз и вызовов. П.Н. Муравейко и А.Л. Баньковский отмечают, что Концепция 2010 года создала основу для

системы национальной безопасности. Однако новые угрозы показали неэффективность её деления только на «внутренние» и «внешние», требуя усиления межведомственной координации [3]. Л.Н. Шаншиева подчеркивает, что геополитическое положение Беларуси обуславливает её уязвимость к широкому спектру процессов, происходящих в мире, причём отдельные угрозы способны одновременно воздействовать на национальную безопасность по нескольким направлениям [4].

С позиций методологии важно понимать, что угрозы национальной безопасности не существуют изолированно, а образуют сложную взаимосвязанную систему. Один источник угроз способен генерировать множество рисков в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, причём на ранних стадиях они нередко воспринимаются как потенциальные риски или вызовы. В этой связи А.А. Прохожев справедливо подчёркивает практическую значимость дифференциации видов безопасности по сферам жизнедеятельности, в которых проявляются угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства [5, с. 30].

В Республике Беларусь система национальной безопасности охватывает политический, экономический, научно-технологический, социальный, демографический, информационный, экологический, биологический и военный компоненты. Классификация по видам безопасности строится на трёх основаниях: объект безопасности, характер угроз и сфера жизнедеятельности. Такой подход позволяет формировать более точную, и адресную политику в сфере обеспечения национальной безопасности.

Стоит понимать, что в условиях роста глобальной турбулентности и тотального реваншизма американской гегемонии, наращивания милитаризма и военной агрессии Глава белорусского государства последовательно проводит миролюбивую политику, опирающуюся на консолидацию общества вокруг духовно-нравственных ценностей и исторической памяти. Миротворческий потенциал социальной миссии белорусской женщины, её роли в сохранении семейных, духовных и культурных традиций, в патриотическом воспитании молодёжи выступает важным ресурсом укрепления внутренней устойчивости государства и, следовательно, элементом системы обеспечения национальной безопасности [6].

Институт президентства в Республике Беларусь выступает ключевым механизмом реализации единства внутренней и внешней безопасности государства. В условиях современного геополитического противостояния он функционирует как координирующий центр системы национальной безопасности, и стал неотъемлемой частью белорусской государственности.

Факторный анализ конкретных угроз позволяет выделить несколько критических направлений: посягательства на независимость,

территориальную целостность и суверенитет Беларуси, навязывание ей политического курса, не соответствующего национальным интересам, вмешательство во внутреннюю политику, экстремизм и терроризм, деятельность иностранных специальных служб, разрушение международной архитектуры безопасности, подготовка и применение военной силы, попытки насильственного изменения власти. Согласно Конституции Республики Беларусь и Концепции 2024 года Глава государства определяет основные направления политики в сфере безопасности, а Вооружённые Силы, другие войска и государственные органы реализуют меры коллективной обороны и противодействия угрозам. Тем самым Институт президентства обеспечивает стратегическое сдерживание, поддержание мира и региональной безопасности.

Контент-анализ Программы на 2026-2030 годы показывает её тесную связь со стратегическим планированием и задачами национальной безопасности: в рамках ориентиров Концепции 2024 года и Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 года расставляются приоритеты национальной и демографической безопасности, развития человеческого потенциала, образования и воспитания, патриотизма, качества среды жизни, роста конкурентоспособности, технологического развития и цифровой трансформации, укрепления регионов, оборонного сектора и экономики, реализации туристического потенциала и роста ВВП и инвестиций как экономической основы безопасности, а Институт президентства обеспечивает политическую и организационную координацию этих приоритетов, связывая внутренние и внешние аспекты политики в единую систему.

Таким образом, прикладной анализ подтверждает, что Институт президентства в Республике Беларусь выполняет системообразующую роль в механизме обеспечения единства внутренней и внешней безопасности, интегрируя факторное реагирование на угрозы и стратегическое социально-экономическое планирование.

Заключение. Взаимосвязь внутренней и внешней безопасности является устойчивой закономерностью национальной безопасности Республики Беларусь: внутренние и внешние угрозы образуют единый комплекс, правовой механизм обеспечения которого закреплён в Концепции 2024 года в качестве интегрированной системы с едиными объектами защиты и согласованным комплексом угроз и субъектов. Эффективное обеспечение национальной безопасности в современных условиях возможно лишь при системном учёте внутренних и внешних факторов, координирующей роли Института президентства и опоре на развитие человеческого и духовного потенциала общества в целях устойчивого развития государства.

Список использованных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. решением Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: ключевые направления совершенствования / П.Н. Муравейко, А.Л. Баньковский // Проблемы безопасности на транспорте : тез.докл. Междунар. науч.-практ. конф., 2022 г., г. Минск / БелГУТ. – Минск, 2022. – С. 414-416.
4. Шаншиева, Л. Н. Республика Беларусь: внешние и внутренние факторы безопасности / Л. Н. Шаншиева // Проблемы европейской безопасности. – 2018. – С. 189 – 210.
5. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прохожева. – Изд. 2-е – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 344 с.
6. Храмцова, Ф. И. Феномен социальной миссии белорусской женщины как предмета прикладного политического анализа / Ф. И. Храмцова // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь : сб. науч. ст. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2026. – Вып.28. – В печати.

ЗАКОНЫ ЭТЕЛЬБЕРТА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЭПОХИ

М.А. Редненко
Научный руководитель: К.Э. Колесник
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Раннее средневековье отмечено созданием целого ряда сборников законов, в основе которых лежит обычное право. Наиболее известный и подробный из них «Салическая правда», созданная в начале VI века на территории Франции. Примерно на сто лет позже появились и первые сборники законов, созданные на английской земле. Самым первым из таких сборников стали законы правителя королевства Кент Этельберта. Рассмотрение законов Этельберта как источника права англосаксонской эпохи обладает высокой степенью актуальности как для исторической науки, так и для правоведения. Уникальность данного источника заключается в его переходном характере: законы были созданы в момент смены эпох – сразу после принятия христианства в Кенте (597 г.), но при этом сохранили мощный пласт языческих обычаев и родоплеменных отношений. Изучение этого синтеза помогает понять механизмы зарождения государственности у варварских народов и роль письменного права в этом процессе.

Материалы и методы. В работе использованы законы Этельберта, научная литература, материалы специализированных сайтов. В работе использованы сравнительный метод, методы анализа и синтеза, историко-правовой и структурный методы.

Результаты обсуждения. Закон Этельберта представляет собой свод правовых норм, созданный в королевстве Кент предположительно в начале VII века. Написанный на древнеанглийском языке, он является самым ранним документом, составленным не только на английском, но и на любом из сохранившихся германских языков.

До наших дней дошла только одна рукопись закона Этельберта, известный как Textus Roffensis, или «Рочестерская книга». Эта книга представляет собой средневековую рукопись, состоящую из двух отдельных частей, написанных между 1122 и 1124 годами. Первая часть представляет собой свод законов и других, преимущественно светских, документов, а вторая – картулярий соборного монастыря. Первая часть имеет фундаментальное значение для изучения англосаксонского права. Она начинается с самого раннего из сохранившихся королевских сводов законов, составленного при короле Этельберте Кентском примерно в 600 году, за которым следуют своды законов двух его преемников из Кента, королей Хлотара и Эадрика, правивших совместно в 679 – 685 годах, и Уитреда, 695 год. Это единственный рукописный источник этих трех законов, хотя законы Уитреда во многом опираются на законы современного ему короля Уэссекса Ине. [4, с. 766]

Законы Кента занимают в «Рочестерской книге» листы с 1v по 6v, из которых законы Этельберта с 1v по 3v. Закон Этельберта предшествует другим кодексам законов Кента, которые, в свою очередь, предшествуют различным западносаксонским и английским королевским законам, а также хартиям, касающимся Рочестерского собора. Закон Этельберта написан той же рукой, что и законы других монархов Кента. [5, p. 2 – 3]

Предположительно, сборник был составлен по инициативе Эрнульфа, епископа Рочестерского, который также был юристом и судьей. Он отвечал за изготовление копий «Англосаксонской хроники» в Кентерберийском соборном монастыре и аббатстве Питерборо в качестве приора и аббата соответственно.

Первый перевод «Рочестерской книги» Фрэнсис Тейт сделал примерно в 1589 году. В 1640 году Йоханнес де Лаэт перевел весь свод законов на латынь. Хотя оригинал не сохранился, его переписали несколько авторов XVIII века.

Законы Этельберта и последующих королей Кента находились в центре внимания многих исследователей. Так, детальное исследование структуры законов предпринял в начале XX века Феликс Либерман. Спустя столетие к аналогичной задаче обратился другой видный историк английского права, Патрик Уормалд. Оригинальную трактовку законов дала в своей работе Лизи Оливер. [6, p. 20 – 24]

Вопрос о происхождении этого свода остается предметом активных дискуссий, отправной точкой которых стало утверждение Беды Достопочтенного. По словам Беды, законы Этельберта были записаны «согласно римским образцам», и интерпретация этого пассажа вызывает

разногласия по сей день. Феликс Либерман еще в начале XX века предположил, что римское влияние выразилось в самом факте письменной фиксации обычного права. Позднее Патрик Уормалд высказал мнение, что под «римскими образцами» Беда подразумевал новую роль королей, которые к VII – VIII веку постепенно забирают у местных судей право определять наказания и взимать штрафы для предотвращения кровной мести. [2, с. 265 – 266]

Предполагаемая дата создания совпадает с приходом христианства – религии римлян и франков – к англичанам из Кента. Распространению христианства и письменности также способствовал брак короля Кента с Бертой, дочерью франкского короля Хризоберта I. Очевидно, тесные связи с Франкским королевством и влияние католической церкви оказали решающую роль на создание законов Этельберта.

Есть основания полагать, что большая часть кодекса была заимствована из существовавших ранее обычаев, передававшихся устно. Если не считать церковных предписаний, структура кодекса напоминает «архитектурную мнемонику», идущую сверху вниз. Он начинается с короля и заканчивается рабами. Аналогичным образом раздел о телесных повреждениях, в котором содержится большая часть положений кодекса, начинается с описания волос на верхней части тела и заканчивается описанием ногтей на ногах. Использование таких поэтических приемов, как созвучие и аллитерация, также указывает на устный характер текста. Таким образом, законы Этельберта в значительной степени основаны на, устоявшемся обычном праве, а не на королевских судебных решениях.

Основное содержание кодекса направлено на подержание порядка через систему денежных компенсаций за ущерб и телесные повреждения. Размер выплат строго дифференцировался в зависимости от социального статуса пострадавшего – от короля до раба, что характерно для правовых систем германского происхождения. Открывают кодекс положения, защищающие церковь, которые, вероятно, являются нововведением, в то время как основная масса норм, возможно, восходит к более ранним устным правовым обычаям.

Законы Этельберта делятся на следующие составные части:

- преступления против церкви и светских общественных собраний; [1, с. 273]
- преступления, связанные с королем и его окружением; [1, с. 274 – 275]
- преступления против eorlas («знати»);
- преступления против ceorlas («свободных»);
- преступления, наносящие телесные повреждения; [1, с. 278 – 284]
- преступления против женщин;
- преступления против esnas («полусвободных», «слуг»);
- преступления против þeowas («рабов»). [1, с. 287]

Помимо этого, законы Этельберта упоминает такие виды преступления, как, нарушение королевского покровительства и вторжение в чужой дом. [4, с. 766]

Сама структура построения законов дает немало информации об особенностях структуры общества Кента эпохи раннего Средневековья. Во-первых, обращает на себя внимание то, что преступления против церкви стоят на первом месте и являются более значимыми чем даже преступления против короля. Это подчеркивает, как роль церкви в обществе, так, и возможно, роль церковных деятелей при составлении законов. Во-вторых, законы Этельберта фиксируют достаточно четкую сословную иерархию, в котором из некогда однородного общества выделилась как знать, так и разные категории зависимого и несвободного населения. В-третьих, законы Этедьберта дают определенную информацию о положении женщин в Англии в эпоху раннего Средневековья

По всей видимости, в те времена влияние канонического права на жизнь общества и, соответственно, на светское законодательство было невелико, однако оно явно становилось всё существеннее и существеннее, что будет видно из анализа последующих источников. [3, с. 77]

Заключение. Законы Этельберта представляют собой уникальный историко-правовой памятник переходного периода. Анализ их структуры, демонстрирует четкую внутреннюю логику кодекса, построенную по иерархическому принципу: от защиты церкви и королевского мира к регулированию статуса зависимого населения. Несмотря на влияние католической церкви, Основой законов Этельберта остается германская традиция компенсации за ущерб.

Законы Этельберта заложили фундамент всей последующей англосаксонской правовой традиции, на их основе были созданы как последующие законы королевства Кент, так и других англосаксонских королевств эпохи гептархии.

Список использованных источников

1.Законы Этельберта (Этельберхта) / пер. с древнеангл.; коммент. М. В. Землякова // Средние века. – 2014. – Т. 75, № 1-2. – С. 273 – 287.

2.Земляков, М. В. Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века / М. В. Земляков // Средние века / Российская академия наук, Институт всеобщей истории. – Москва : Наука, 2014. – Т. 75, № 1-2. – С. 262 – 272.

3.Золотарёв, А. Ю. К вопросу об источниках англосаксонского (древнеанглийского) права / А. Ю. Золотарёв // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2024. – № 24 (26). – С. 75 – 80.

4.Федоренко, К. А. Анализ и сравнительная характеристика правовых источников уголовного права средневековой Англии / К. А. Федоренко, Д. С. Михеев // Экономика и социум. – 2021. – № 11(90).

5.Attenborough, F. L The laws of the earliest English kings / F. L Attenborough. – Cambridge: Cambridge university press, 1922. – 256 p.

6.Wormald, P. The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century, Volume 1: Legislation and its Limits / P. Wormald. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – 600 p.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Д.А. Романенко, А.И. Макаренко
Научный руководитель: Е.В. Чичина
Минск, БГЭУ

Статус руководителя организации традиционно обладает специфическми чертами, что предопределяет повышенный интерес к его правовому положению со стороны различных субъектов: участников (учредителей) организации, трудового коллектива, а также контрольно-надзорных и правоохранительных органов. Сочетание властно-распорядительных полномочий и статуса работника, состоящего в трудовых отношениях в возглавляемой им организацией, формирует у руководителя уникальный комплекс прав и обязанностей, требующий специального правового регулирования, в том числе и в сфере действия трудового права.

Хотя вопросы правового регулирования труда руководителя получили широкое освещение в научной литературе, ряд теоретических и практических проблем сохраняет дискуссионный характер. Наиболее острой среди них является проблема правовой квалификации положения руководителя в ситуациях, когда одно и то же лицо одновременно выполняет функции единоличного исполнительного органа юридического лица (в соответствии с гражданским законодательством) и выступает стороной трудовых отношений (в соответствии с законодательством о труде). Указанная двойственность порождает сложное взаимодействие между нормами гражданского и трудового права, поскольку в первом случае руководитель рассматривается как орган управления, действующий от имени организации, а во втором – как работник, подчиняющийся правилам внутреннего трудового распорядка и пользующийся установленными гарантиями.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания. В работе использованы общенаучные методы: анализ и синтез; системно-структурный метод; формально-юридический метод; метод сравнительно-правового анализа.

Теоретическую основу исследования сформировали научные труды белорусских и зарубежных ученых (Н. И. Тарасевич, М. И. Губенко, Ю. П. Орловского и др.), материалы правоприменительной практики и

официальные разъяснения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение. Нормы законодательства о труде регулируют отношения между организацией и её руководителем в полном объёме, если соответствующие правоотношения не подпадают под исключения. К числу таких исключений относится положение, предусмотренное ч. 2 ст. 252 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее –ТК), устанавливающее, что нормы главы 18 ТК (регулирующие особенности труда руководителя организации) не распространяются на руководителя, являющегося единственным собственником имущества организации. Данная норма, по сути, ограничивает применение положений трудового законодательства к указанной категории руководителей, что порождает вопросы о пределах такого ограничения и его обоснованности.

Сам термин «руководитель организации» закреплён и определяется в ч. 1 ст. 252 ТК. Под ним понимается физическое лицо, которое в силу закона или учредительного документа организации осуществляет руководство организацией, в том числе выполняет функции её единоличного исполнительного органа.

В научной литературе встречаются различные подходы к классификации правовых форм осуществления руководства организацией. Так, Н. И. Тарасевич в своём исследовании выделяет три варианта: в качестве индивидуального предпринимателя (далее – ИП); по трудовому договору (контракту); как единственный собственник имущества организации, который одновременно является и руководителем организации [5, с. 617].

Приведённая классификация, однако, требует нового осмысления с позиций действующего законодательства. Прежде всего, акцентируем, что деятельность в качестве индивидуального предпринимателя (управляющего) не может рассматриваться как реализация *трудовой* функции, поскольку основана на гражданско-правовом договоре и регулируется нормами гражданского, а не трудового права. Кроме того, с 1 января 2026 года вступают в силу изменения, согласно которым индивидуальный предприниматель не может быть управляющим (единоличным исполнительным органом) в обществе с ограниченной ответственностью и обществе с дополнительной ответственностью. Договоры управления, заключённые с ИП, подлежат прекращению и приведению в соответствие с действующим законодательством. Актуальная редакция Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» предусматривает, что полномочия исполнительного органа хозяйственного общества могут быть переданы только другой коммерческой организации (управляющей организации). В акционерных обществах индивидуальные предприниматели могут выполнять функции управляющего исключительно в случаях, прямо предусмотренных законодательством [2].

Таким образом, из трёх вариантов, выделенных Н. И. Тарасевич, лишь два могут анализироваться в контексте сферы действия трудового права: работа по трудовому договору и трудовая деятельность единственного собственника в качестве руководителя. При этом последний вариант порождает наиболее сложные вопросы правовой квалификации, поскольку трудовой договор с «самим собой не заключается», как минимум, в силу ограничений, установленных гражданским законодательством в отношении института представительства (п. 3 ст. 183 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Однако лично осуществляемая управленческая деятельность ставит вопрос о применении ряда норм и защитных механизмов законодательства о труде.

Необходимо отметить, что правовое «внутриорганизационное» положение руководителя организации в рамках гражданского законодательства регламентировано фрагментарно и не содержит развернутой детализации. Упоминания о руководителе встречаются лишь применительно к отдельным видам юридических лиц: в п. 4 ст. 113 ГК указано, что органом унитарного предприятия является руководитель, который назначается собственником имущества и ему подотчетен; аналогичные отсылки содержатся в п. 2 ст. 276 ГК (дочернее предприятие) и п. 3 ст. 120 ГК (учреждения). Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что в гражданско-правовых отношениях руководитель организации фактически отождествляется с единоличным исполнительным органом юридического лица.

Таким образом, ГК содержит лишь отдельные упоминания о единоличном исполнительном органе в контексте конкретных организационно-правовых форм, однако общее определение руководителя организации как физического лица, осуществляющего руководство организацией в силу закона или учредительных документов, в гражданском законодательстве отсутствует.

Иная ситуация складывается при рассмотрении руководителя, осуществляющего свою трудовую функцию на основании трудового договора (контракта), которые обобщены в работе М. И. Губенко «Особенности правового регулирования труда руководителей организаций» [1, с. 121]. Так, автор работы подчеркивает, что ученые-трудовики Ю. П. Орловский, Т. Ю. Коршунова, В. В. Кузнецов и др. настаивают на его трудовой природе, аргументируя свою позицию исходя из общих признаков трудового правоотношения. Представители цивилистической науки (М. И. Брагинский и др.) рассматривают договор с руководителем как гражданско-правовой. Третья группа исследователей (И. С. Щиткина и др.) указывает на комплексный характер отношений, возникающих между руководителем и организацией.

Изложенная дискуссия приводит к выводу о двойственной природе статуса руководителя, что нашло отражение и в упомянутой выше работе белорусского ученого Н. И. Тарасевич. С одной стороны, руководитель

выступает как представитель нанимателя – единоличный исполнительный орган юридического лица, уполномоченное должностное лицо с максимально широким объемом полномочий. С другой стороны, он является наемным работником, обладающим всеми правами, характеризующими правовой статус работника: на защиту экономических и социальных интересов, повышение квалификации, оплату труда и дополнительное стимулирование, здоровые и безопасные условия, государственное социальное страхование, пенсионное обеспечение, гарантии в случае профессионального заболевания или потери работы, еженедельный отдых и отпуска, а также на судебную защиту трудовых прав [3].

Напомним, что третий вариант, выделяемый в классификации правовых форм привлечения труда руководителей – руководитель, являющийся единственным собственником имущества организации и одновременно выполняющий функции руководителя. В доктрине относительно данного варианта также отсутствует единство мнений: одни ученые полагают, что возникающие отношения должны регулироваться гражданским законодательством, другие настаивают на применении норм трудового права.

В ч. 2 ст. 252 ТК предусмотрено, что на руководителя, являющегося единственным собственником имущества организации, не распространяются положения главы 18 ТК. Однако глава 18 ТК не является единственной, регулирующей труд руководителя (в ней сосредоточены лишь особенности), поэтому вопрос о применимости общих норм законодательства о труде к данной категории руководителей остаётся открытым.

Часто возникающий на практике вопрос о статусе руководителя – единственного участника (учредителя) получил разъяснение Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. В соответствии с данным разъяснением, правоотношения руководителя-единственного собственника (учредителя, участника) и его организации оформляются приказом (решением) самого руководителя о выполнении полномочий директора, без заключения трудового договора с самим собой. При этом, если такие правоотношения оформлены названным приказом, то в отношении руководителя применяются общие нормы законодательства о труде, включая вопросы оплаты труда, предоставления отпуска, направления в служебную командировку и иные [4].

Таким образом, возникает ситуация, при которой руководитель, не будучи стороной трудового договора в классическом понимании, тем не менее признается субъектом трудовых правоотношений с распространением на него соответствующих гарантий. Это порождает парадокс: с одной стороны, отсутствует необходимый юридический факт (трудовой договор), с другой – фактически осуществляемая управленческая деятельность влечёт применение норм трудового права,

что ставит под сомнение традиционное понимание трудового договора как единственного основания возникновения трудовых отношений.

Установление параллели между классическим наймом (оформленным трудовым договором) и статусом единственного, хотя и «трудящегося», но собственника, выполняющего функции руководителя, по нашему мнению, создает фундаментальное противоречие в правовом регулировании. С одной стороны, к единственному собственнику (участнику) допустимо применение норм законодательства о труде. С другой стороны, ТК распространяется лишь на отношения, основанные на трудовом договоре (ч. 1 ст. 4), а также на иные, связанные с ними группы общественных отношений (деятельность профсоюзов, коллективные переговоры, надзор за соблюдением законодательства о труде и т. д.).

Заключение. Для разрешения обозначенной проблемы правового регулирования считаем возможным предложить дополнить ч. 1 ст. 4 ТК положением, прямо распространяющим действие его норм на отношения, связанные с предоставлением социальных и трудовых гарантий лицам, выполняющим функции единоличного исполнительного органа организации, единственным собственником которой они являются.

Такая конструкция позволит разграничить правовую природу труда наёмного руководителя и руководителя-собственника, не отождествляя их полностью, но при этом обеспечить последнему минимальный стандарт социальной защиты. На руководителя-собственника могут быть распространены гарантии, связанные с реализацией им способностей к труду: ограничение продолжительности рабочего времени, гарантии времени отдыха, оплата труда, социальное страхование и иные гарантии, предусмотренные законодательством о труде.

Список использованных источников

1. Губенко, М. И. Особенности правового регулирования труда руководителей организации: некоторые вопросы теории и практики / М. И. Губенко // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. – С. 120 – 123.

2. Новый порядок управления в хозяйственных обществах : [сайт] - Мн., 2012–2026. – URL: https://myfin.by/article/blogi/novyj-poradok-upravlenia-v-hozajstvennyh-obsestvah-cto-zdet-ip-43290 (дата обращения: 19.02.2026).

3. О заключении контрактов с руководителями организации : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 мая 2007 г. № 604 : в ред. от 25 июня 2025 г. № 352 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.02.2026).

4. Оформление трудовых отношений с руководителем организации, являющимся единственным собственником имущества, главой крестьянско-фермерского хозяйства, являющимся единственным участником – URL: https://www.mintrud.gov.by/ru/oformlenie-otnoshenij-s-glavoj-fermerskogo-hozajstva-ru (дата обращения: 19.02.2026).

5. Тарасевич, Н. И. Правовое регулирование труда руководителя организации: проблемные аспекты / Н. И. Тарасевич // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 18 / Мин-во обр. Респ. Беларусь; Бел. гос. эконом. ун-т ; редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2025. – С. 615 – 624.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ В БССР

Н.С. Рышкевич
Научный руководитель: Т.П. Иванова
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность темы исследования обусловлена важностью учета и использования в практической деятельности в современный период достижений и опыта работы органов прокуратуры в различные исторические периоды, в том числе и опыт БССР.

Цель исследования: изучение истории деятельности органов прокуратуры в БССР в 1920-1980-е годы, ее роли и значения для эффективного и успешного осуществления функций в настоящее время.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили законодательные и нормативные правовые акты, научные статьи по теме. Методы исследования: анализ, обобщение, систематизация, ретроспективный, историко-юридической, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Истоки белорусской прокуратуры достаточно глубоки. Ее история неотделима от истории советской прокуратуры. Опыт и ошибки прошлого послужили импульсом для совершенствования прокурорской системы, укрепления ее авторитета и влияния в отстаивании верховенства права.

Применив ретроспективный метод изучения, обратимся к 1921 году: правовые источники именно с этим годом связывают создание органов прокуратуры Беларуси, так как на II съезде деятелей юстиции Беларуси были сформированы органы охраны революционной законности. Согласно Положению от 3 января 1922 года устанавливаются должности прокурора кассационного трибунала, прокурора революционного трибунала и товарищей прокурора, выполнявших функции надзора за законностью в уездах [5, с. 250].

26 июня 1922 года третья сессия Центрального Исполнительного Комитета ССРБ (БССР) приняла Положение о прокурорском надзоре, в соответствии с которым была учреждена Государственная прокуратура как структура в народном комиссариате юстиции. На основании этого историко-правового факта Указом Президента Республики Беларусь 26 марта 1998 года № 157 день 26 июня установлен Днем работников прокуратуры [4, с. 6].

Первым прокурором и одновременно народным комиссаром юстиции БССР стал латышский стрелок Адольф Христофорович Гетнер [2, с. 19].

Назовем функции органов прокуратуры, исполняемые ими в первые годы советской власти: осуществление надзора за точным исполнением

законов, проверка законности действий служащих и граждан; опротестование противоречащих закону постановлений, возбуждение уголовного преследования, надзор за деятельностью органов дознания и следствия, органов Государственного политического управления, надзор за судебными решениями, законностью и обоснованностью содержания заключенных под стражей [5, с. 251].

Сравнивая положения о прокурорском надзоре БССР и РСФСР, можно утверждать о совпадении в значительной степени правовых норм. Вместе с тем можно отметить два отличия. Во-первых, названное положение в БССР отличалось отсутствием губернских прокуроров (к середине 1920-х годов губернии как административные единицы БССР упразднены). Во-вторых, нормы названного положения не затрагивали деятельность военных и военно-транспортных трибуналов, имевших союзное, а не республиканское подчинение.

Формирование органов прокуратуры БССР к 1923 году можно считать в основном завершенным. К этому времени они уже активно действовали по укреплению законности и противодействию преступности.

Постепенно увеличивалось количество сотрудников органов прокуратуры – расширение ее аппарата было связано с увеличением численности населения. В составе структуры были сформированы следующие подотделы: общего управления, общего надзора, по наблюдению за органами дознания, следствия и государственного обвинения [1, с. 56].

Обобщение практики деятельности прокуратуры в середине 1920-х – 1930-е годы позволяет выделить наиболее важное направление – это надзор за исполнением законов о сохранности собственности, об охране труда, об укреплении трудовой государственной дисциплины, об охране прав и законных интересов граждан [3, с. 32].

Защищая законные интересы граждан, прокуратура вела борьбу с преступлениями против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Осуществлялась она по двум направлениям:

а) проведение профилактических, предупредительных мер, разъяснение законов населению, правовое воспитание граждан;

б) возбуждение уголовных дел против лиц, совершивших преступление [3, с. 36 – 37].

В третьей по счету советской конституции (как Конституции СССР 1936 года, так и Конституция БССР 1937 года) прокурорский надзор назывался в качестве самостоятельной формы государственной деятельности. То есть весьма важное значение было придано именно функции высшего надзора за точным исполнением законов в стране. Так окончательно оформился статус прокуратуры [1, с. 57].

В годы Великой Отечественной войны органы прокуратуры в целом и сотрудники внесли вклад в общую победу над немецко-фашистскими захватчиками [4, с. 6]. В этот период белорусская прокуратура действовала

слаженно и в единстве с Прокуратурой СССР. Задачи, которые стояли перед белорусскими прокурорами, ничем не отличались от задач, поставленных в целом перед советскими прокурорами.

Направления деятельности, задачи органов прокуратуры БССР в послевоенное время были такими же, как и в РСФСР.

Важным этапом в развитии правовой системы государства стало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года. На их основе спустя год были утверждены Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Белорусской ССР, которые введены в действие с 01 апреля 1961 года. В Уголовно-процессуальном кодексе были четко закреплены полномочия прокурора на всех стадиях уголовного процесса.

В четвертой белорусской Конституции 1978 года, как и в Конституции СССР 1977 года, было закреплено положение о том, что «органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР». Несомненно, это также объяснялось особой значимостью института прокуратуры и необходимостью соблюдения единых принципов и направлений деятельности данной структуры в едином советском государстве.

В числе приоритетных направлений профилактической работы органов прокуратуры выступали такие, как борьба с хулиганскими проявлениями, борьба с пьянством, с искажениями статистической отчетности и приписками, с простоями вагонов. Усилилась роль прокуратуры как координатора контролирующих и государственных органов по обеспечению исполнения действующего законодательства [2, с. 56].

Заключение. На основании изучения историко-правового опыта создания и деятельности прокуратуры видно, что государство нуждается в таком государственном органе. Это обусловлено спецификой выполняемых задач и функций прокуратуры. Наряду с формированием комплекса полномочий органов прокуратуры, происходит закрепление в качестве наиважнейших именно полномочий по надзору за точным исполнением законов в стране. Этот тезис выдержал проверку временем и к настоящему периоду деятельности органов прокуратуры Беларуси.

Список использованных источников

1. Кеник, А. А. Прокурорский надзор : учеб. пособие / А. А. Кеник. – Минск : Амалфея, 2008. – 576 с.

2. Прокуратуре Гродненщины 70 лет / под общ. ред. В. Н. Морозова. – Минск : Белорус. Дом печати, 2014. – 224 с.: ил.

3. Прокуратура Республики Беларусь. 1922–1997 / Сост. О. А. Божелко, В. М. Валюшко. – Минск : Белфранс, 1997. – 213 с.

4. Рудь, Р. 100 лет на защите закона и человека / Р. Рудь // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 25 июня. – С. 6 – 8.

5. Судоустройство : учебник / А. А. Данилевич, Л. Л. Зайцева, И. И. Мартинович, А. В. Солтанович; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2010. – 464 с.

ЮРИСДИКЦИОННЫЕ КЛАУЗУЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ, ПРИЗНАЮЩИХ ЮРИСДИКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

А.В. Савинцева
Научный руководитель: Е.Н. Мазаник
Минск, БГЭУ

В практике Международного Суда ООН (далее – Суд) наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества обращений, основанных на юрисдикционных клаузулах, содержащихся в международных договорах. Данный способ признания юрисдикции Суда, предусмотренный п. 1 ст. 36 Статута Суда, традиционно рассматривается как один из ключевых механизмов доступа к международному правосудию. Однако применение таких договорных положений сопряжено с рядом существенных затруднений, что подтверждает актуальность данного исследования. Целью исследования является комплексный анализ нормативного содержания и проблем реализации юрисдикционных клаузул в международных договорах как основания признания юрисдикции Суда.

Материал и методы. В исследовании использована источниковедческая база, которую составляют научные публикации по заявленной проблематике, а также массив универсальных и региональных международных договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы, и решения Суда по делам, инициированных на их основе. В ходе научной рефлексии использованы методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод системного анализа.

Результаты и их обсуждение. В функциональном плане клаузулы призваны определять конкретные категории споров, подлежащих разрешению посредством одного либо нескольких мирных средств, предусмотренных международным правом. Спектр применяемых процедур вариативен: от согласительных механизмов и посредничества до арбитража. Особое место занимают положения, непосредственно предусматривающие юрисдикцию Суда в качестве как первичной инстанции, так и завершающего этапа урегулирования при исчерпании иных способов разрешения конфликта.

Соответственно, при возникновении спора, подпадающего под действие соответствующей юрисдикционной оговорки, государство-участник располагает двумя альтернативными процессуальными возможностями: либо возбудить дело против другой стороны (сторон),

подав одностороннее заявление, либо заключить специальное соглашение с этой стороной (сторонами), предусматривающее передачу вопросов в Суд. При этом следует учитывать отсутствие унифицированной модели изложения подобных клаузул: их текстуальное выражение варьируется в зависимости от конкретного договора.

Секретариатом ООН ведется хронологический учет таких международных актов. В соответствующий перечень включаются договоры и иные документы, поступившие на регистрацию, классификацию или внесение в реестр, при условии наличия в них положений, регламентирующих юрисдикцию Суда в рамках спорного производства. Необходимо подчеркнуть, что сам по себе факт наличия или отсутствия договора в данном реестре не имеет преюдициального значения и не исключает возможности его применения Судом в рамках конкретного разбирательства.

На сегодняшний день указанный перечень насчитывает 297 международных договоров, причем наиболее поздним по времени заключения является Любляна-Гаагская конвенция о международном сотрудничестве в расследовании и уголовном преследовании за преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и другие международные преступления 2023 г. [1]. В частности, п. 2 ст. 86 предусматривает юрисдикцию Суда в случае недостижения согласия между государствами по вопросам ее толкования и применения.

Однако приведенная цифра не может рассматриваться как окончательная и исчерпывающая. Анализ показывает, что целый ряд международных соглашений, содержащих аналогичные юрисдикционные клаузулы, в указанном перечне отсутствует. К числу таковых относятся: Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 г. (раздел 32); Устав Международной организации по миграции 1953 г. (ст. 26); Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г. (ст. 13); Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала 1994 г. (ст. 22).

Примечательным является и тот факт, что в официальном перечне фигурирует первоначальная редакция Конвенции по защите морской среды района Балтийского моря 1974 г., тогда как в настоящее время действует редакция 1992 г. (юрисдикционная норма закреплена в ст. 26). Изложенное позволяет предположить, что официальный перечень не является исчерпывающим, и иные международные договоры могут оставаться за его рамками.

Несмотря на то, что количество международных договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы о признании юрисдикции Суда в отношении спорных вопросов, является значительным, подавляющее большинство из них так и не было задействовано на практике для передачи

спора на рассмотрение Суда. Проанализировав перечень, можно отметить, что значительная часть подобных соглашений была подписана несколько десятилетий назад, причем, до заключения в 2023 г. Любляна-Гаагской конвенции о международном сотрудничестве в расследовании и судебном преследовании преступления геноцида, подобные юрисдикционные положения на протяжении 16 лет не включались в международные договоры.

Практика применения юрисдикционных клаузул демонстрирует их ключевую роль в инициировании разбирательств, однако также выявляет и сложности, связанные с их толкованием, особенно при наличии оговорок государств-участников. Региональные соглашения, такие как Американский договор о мирном разрешении споров 1948 г. (далее – Боготский пакт), неоднократно служили основанием для юрисдикции Суда. Например, в 1986 г. Никарагуа инициировала сразу два разбирательства на основе ст. XXXI Боготского пакта против Коста-Рики и Гондураса в связи с пограничными и трансграничными вооруженными действиями. Хотя дело против Коста-Рики было впоследствии отозвано, в 1988 г. Суд признал свою юрисдикцию в отношении спора с Гондурасом, отклонив предварительные возражения последнего и подтвердив, что Боготский пакт представляет собой автономное основание для юрисдикции, не зависящее от двусторонних соглашений или односторонних заявлений государств [3]. Позднее, в территориальном и морском споре Никарагуа против Колумбии, Суд в решении 2007 г. вновь подтвердил свою юрисдикцию на основании ст. XXXI Боготского пакта. Отклоняя довод Колумбии о преимущественной силе Боготского пакта перед факультативной клаузулой, Суд особо отметил, что множественность соглашений, предусматривающих юрисдикцию, лишь доказывает намерение сторон обеспечить «дополнительный» доступ к правосудию [4].

Наиболее показательным примером применения юрисдикционной оговорки Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г. (далее – Конвенция) стало дело, инициированное Гамбией против Мьянмы в ноябре 2019 г. Гамбия обвинила Мьянму в совершении актов геноцида в отношении мусульманского меньшинства рохинджа, опираясь на ст. IX Конвенции. В январе 2020 г. Суд указал обеспечительные меры, обязав Мьянму принять все возможные меры для предотвращения геноцида. Впоследствии, в июле 2022 г., Суд отклонил предварительные возражения Мьянмы, утвердив наличие юрисдикции [5]. Ключевым в этом решении стал вывод о наличии у любого государства-участника Конвенции «правового интереса» для привлечения к ответственности другого государства за предполагаемые нарушения, даже если сам заявитель не является непосредственно потерпевшим.

Однако наличие юрисдикционной оговорки само по себе не гарантирует беспрепятственный доступ в Суд, что наглядно продемонстрировало недавнее дело Судана против ОАЭ. В марте 2025 г.

Судан подал заявление, утверждая, что ОАЭ нарушают обязательства по Конвенции, оказывая поддержку Силам быстрого реагирования в совершении действий геноцидного характера против народа масалитов в Дарфуре. Судан также запросил указание временных мер. Главным препятствием стала оговорка ОАЭ к ст. IX Конвенции, исключающая юрисдикцию Суда. В ходе слушаний Судан оспаривал ясность и действительность этой оговорки, однако ОАЭ настаивали на отсутствии своего согласия на судебное разбирательство [6, с. 46]. Суд признал отсутствие юрисдикции для указания временных мер, а также постановил исключить дело из Общего списка, констатировав «явное отсутствие юрисдикции». Данное решение Суда подтверждает консенсусную природу его компетенции: согласие государства должно быть не только четким, но и неизменно действующим на момент подачи иска. Оговорка ОАЭ, исключающая применение ст. IX, фактически «аннулировала» юрисдикционную клаузулу в отношениях между сторонами. Это поднимает вопрос о совместимости подобных оговорок с объектом и целями договоров, имеющих erga omnes parters, таких как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г.

Заключение. Проведенный анализ подтверждает, что юрисдикционные клаузулы являются одними из ключевых процессуальных механизмов признания юрисдикции Суда. Однако судебная практика показывает критическую проблему: оговорки государств способны полностью блокировать разбирательство на самой ранней стадии. Это порождает противоречие между стремлением к судебной защите и сохранением за государствами права ограничивать юрисдикцию Суда даже при наличии универсальных конвенций.

Список использованных источников

1. Международный Суд ООН : [сайт]. – Гаага, 1946–2025. – URL: https://www.icj-cij.org/en/treaties (дата обращения: 25.02.2026).

2. Crawford, J. Interpretation of Human Rights Treaties by the International Court of Justice / J. Crawford // Brainstorming Seminar on the place of the Convention in the European and international legal order, coorganised by the PluriCourts academic network, 30 March 2017. – URL: https://vodmanager.coe.int/coe/webcast/coe/2017-03-29-3/lang/1 (accessed date: 26.02.2026).

3. Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras). Jurisdiction and Admissibility, Judgment. – I.C.J. Reports, 1988. – P. 69.

4. Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia). Preliminary Objections, Judgment. – I.C.J. Reports, 2007. – P. 873.

5. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar). Preliminary objections, Judgment. – I.C.J. Reports, 2022. – P. 36.

6. Доклад Международного Суда ООН 1 августа 2024 г. – 31 июля 2025 г. : официальные отчеты 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дополнение №4 (A/80/4). – Нью-Йорк : ООН, 2025. – 67 с. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/2025-10/2024-2025-ru.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

К.С. Сак
Научный руководитель: А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Политические институты государственной власти играют ключевую роль в функционировании государства, поскольку именно через них осуществляется управление обществом и реализуется государственная политика. Актуальность данной темы обусловлена тем, что политические институты государственной власти Республики Беларусь формируют основу системы государственного управления и определяют механизм реализации конституционных принципов власти. В связи с этим целью данной работы является исследование политических институтов государственной власти Республики Беларусь, их структуры, полномочий и роли в политической системе государства.

Материалы и методы. Материалом научной работы выступают нормативно-правовые акты Республики Беларусь, прежде всего Конституция Республики Беларусь, а также научные работы и учебные пособия по конституционному праву. В ходе научного исследования были использованы различные методы. Формально-юридический методприменялся для анализа правовых норм, регулирующих деятельность политических институтов государственной власти. Системный метод позволил рассмотреть структуру политических институтов и их взаимосвязь в системе государственной власти. Сравнительный метод использовался для выявления особенностей организации государственной власти, а аналитический метод – для обобщения существующих научных подходов к изучаемой проблеме.

Результаты и их обсуждение. Политические институты государственной власти представляют собой систему государственных органов, посредством которых осуществляется управление обществом и реализация государственной власти [3, с. 35]. Согласно Конституции Республики Беларусь, государственная власть осуществляется на основе разделения её на законодательную, исполнительную и судебную ветви [1, ст. 6]. Важным политическим институтом государственной власти Республики Беларусь является институт Президента. Законодательная власть в Республике Беларусь осуществляется Парламентом – Национальным собранием Республики Беларусь [1, ст. 90]. Национальное собрание состоит из двух палат: Палаты представителей и Совета Республики. Основной функцией Парламента является принятие законов, регулирование важнейших общественных отношений и контроль за деятельностью исполнительной власти [4, с. 214]. Исполнительную власть в Республике Беларусь осуществляет Совет Министров Республики

Беларусь – Правительство страны [1, ст. 106]. Он является центральным органом государственного управления и руководит системой исполнительных органов. К основным функциям Правительства относятся разработка и реализация государственной политики, обеспечение исполнения законов, управление экономикой и социальной сферой, а также разработка государственных программ развития [2, с. 15]. Судебная власть в Республике Беларусь осуществляется судами и предназначена для защиты прав и свобод граждан, а также обеспечения законности.

Судебная система Республики Беларусь включает в себя:

1. Конституционный Суд Республики Беларусь;
2. Верховный Суд Республики Беларусь;
3. суды общей юрисдикции.

Конституционный Суд осуществляет контроль за конституционностью нормативных правовых актов в государстве [1, ст. 116]. Верховный Суд является высшим судебным органом, который осуществляет правосудие посредством гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом [1, ст. 112^1]. Эффективное функционирование государственной власти возможно только при взаимодействии всех её институтов. Президент обеспечивает согласованность деятельности органов государственной власти, парламент осуществляет законодательную деятельность, правительство реализует государственную политику, а суды обеспечивают соблюдение законодательства [3, с. 120]. Таким образом, политические институты государственной власти Республики Беларусь образуют единую систему управления государством.

Заключение. Политические институты государственной власти Республики Беларусь представляют собой систему органов, посредством которых осуществляется управление государством и обществом. К основным институтам государственной власти относятся Президент, Парламент, Правительство и Судебная власть. Каждый из этих институтов выполняет определённые функции и обладает установленными Конституцией Республики Беларусь полномочиями. Особенностью политической системы Республики Беларусь является значительная роль института президентства, который обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей власти. Эффективное взаимодействие политических институтов государственной власти способствует обеспечению стабильности политической системы и развитию государства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск : Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2025. – 80 с.

2. О Совете Министров Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 424-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 295-З.

3. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2019. – 432 с.
4. Мельник, В. А. Политология / В. А. Мельник. – Минск: ТетраСистемс, 2018. – 384 с.

ПРОБЛЕМА ОСПАРИВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК

А.И. Сафонова
Научный руководитель: А.П. Кузьмич
Горки, БГСХА

В условиях цифровизации экономики электронные договоры получили широкое распространение. Однако идентификация лица, выражающего волю при их заключении, остается актуальной проблемой ввиду отсутствия в сети Интернет надежных механизмов аутентификации пользователей. Это создает риски оспаривания сделок и мошенничества, а также это противоречит принципам определенности субъектного состава сделки. В Республике Беларусь заключение гражданско-правовых договоров в электронной форме регламентировано с 1 февраля 2019 года, что является новым для отечественной правоприменительной практики.

Материал и методы. Материалами для проведенного исследования послужили действующие нормативные правовые акты, а также материалы судебной практики. Методологическую основу работы составили общенаучные методы познания, такие как анализ и синтез использованные для изучения содержания правовых норм и судебного спора, а также специально-юридические методы: формально-юридический метод, позволивший выявить пробелы в законодательном регулировании электронной формы сделок, и метод анализа судебной практики, примененный для демонстрации практических последствий отсутствия надежной идентификации субъектов в сети

Результаты и их обсуждение. В соответствии с п. 2 ст. 404 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК Республики Беларусь) и ст. 434 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (далее - ГК России), договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного текстового документа, включая документ в электронном виде, или путем обмена текстовыми документами, включая документы в электронном виде [1]. В самой формулировке ст. 404 ГК Республики Беларусь (ст. 434 ГК России) указывается на то, что такой способ подписания должен позволять достоверно установить, что соответствующий текстовый документ подписан сторонами по договору. В условиях использования сетевых коммуникаций возникают объективные сложности с достоверной идентификацией субъектов договорных отношений. Например, согласно Решению от 14.12.2023 по делу № А43-26260/2022, согласно которому в Арбитражный суд Нижегородской

области ООО «ЕВРОГАЗ» (истец) обратилось с иском о взыскании 297 500 руб. с ИП Горякина С.Е. (ответчик) по договору подряда № 103-21 от 15.10.2021. Истец указывает, что переписка велась от его имени с адресов 2@evrogas.com, anikin@evrogas.com, info@evrogas.com, а от ответчика – представителем ФИО2 ФИО7 с 3835556@mail.ru. Ответчик, в свою очередь, утверждает, что представленный договор подписывал не он [2].

Для решения данной проблемы предлагается закрепить в законодательство презумпция добросовестности стороны. Предлагается дополнить п. 4 ст. 404 ГК Республики Беларусь (п. 5 ст. 434 ГК Российской Федерации):

4. Если воля стороны при заключении договора в электронной форме выражена посредством использования средств связи, которые данная сторона ранее сама определила как официальные (путем указания в договоре, на своем веб-сайте, в деловой переписке или в публичных реестрах), такие действия считаются совершенными надлежащим уполномоченным лицом.

Бремя доказывания того, что доступ к указанным средствам связи был неправомерно использован третьими лицами без ведома стороны, а также того, что стороной были приняты все разумные и необходимые меры для предотвращения такого неправомерного доступа, возлагается на сторону, оспаривающую сделку.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что действующее законодательство, допуская заключение договоров в электронной форме, не решает системную проблему достоверной идентификации сторон в сетевой среде, что ведет к правовой неопределенности и росту количества споров, как иллюстрирует приведенная судебная практика. Для устранения этого пробела и гармонизации цифрового оборота с принципами гражданского права целесообразно внедрить в законодательство механизм презумпции добросовестности.

Список использованных источников

1. Решение от 14.12.2023 по делу № А43-26260/2022 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – 2023. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/pp5nreZ71i1W/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : текст по состоянию на 1 янв. 2026 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218 (дата обращения: 20.02.2026).

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УКРЕПЛЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В.А. Сачивко
Научный руководитель: В.Е. Бездель
Витебск, Витебский филиал

В эпоху социальной нестабильности, кризиса идентичности и размывания традиционных норм, православные организации берут на себя миссию не только духовного окормления, но и активной социальной работы. Их деятельность закономерно объединяет два направления: укрепление семьи и профилактику правонарушений. В православном мировоззрении эти сферы неразрывно связаны, поскольку семья рассматривается как «малая Церковь» – первый и главный институт социализации человека, где формируются нравственные основы личности, препятствующие развитию противоправного поведения.

Цель работы – анализ роли Белорусской Православной Церкви в укреплении института семьи.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления вклада церковных структур в решение социальных проблем. Деятельность Церкви по защите традиционных ценностей сталкивается с глобализацией и экспансией деструктивных культов, что особенно остро проявляется в молодёжной среде. Анализ работы воскресных школ, центров защиты материнства позволяет оценить эффективность религиозного воспитания как фактора, препятствующего распространению криминальной субкультуры и девальвации института семьи.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, регламентирующие сотрудничество Белорусской Православной Церкви с государством, а также данные о практической деятельности приходов. Методологическую основу составили анализ литературы, сравнительно-правовой метод, системно-структурный подход для классификации направлений работы Церкви и метод обобщения при оценке эффективности её социальной деятельности.

Результаты и их обсуждения. На всех этапах белорусской истории государство стремилось упорядочить сферу семейно-брачных отношений. После принятия христианства на Руси семейный уклад долгое время регулировался исключительно церковными канонами.

В Республике Беларусь Белорусская Православная Церковь (далее – БПЦ) активно позиционирует себя как хранитель и защитник традиционных семейных ценностей. Православное понимание семьи базируется на учении о браке как таинстве, предполагающем пожизненный союз мужчины и женщины, основанный на любви, верности и взаимной поддержке, открытый для деторождения (христианская модель «малой церкви»). Центральными ценностями провозглашаются святость брака, уважение к родителям, многодетность и целомудрие. БПЦ, опираясь на эту доктрину, последовательно выступает против абортов, разводов, однополых отношений, ранних добрачных связей и бездетного образа жизни. В своих официальных документах и публичных выступлениях

иерархов церковь подчёркивает, что благополучие нации напрямую зависит от крепости семейного уклада.

Белорусская православная церковь играет важную роль в поддержке важных социальных инициатив. Одна из них – это укрепление института семьи и повышение её авторитета в обществе [1].

В сфере укрепления семьи БПЦ проводит просветительские курсы для будущих супругов, организует семейные праздники и клубы, а также оказывает консультативную и психологическую помощь [2]. Практическая поддержка проявляется в деятельности центров защиты материнства, предоставлении гуманитарной помощи многодетным и малообеспеченным семьям, а также в организации детского досуга через воскресные школы и лагеря, что служит серьёзным подспорьем для родителей.

Одновременно, в рамках помощи уязвимым категориям населения, Церковь развернула широкую сеть социального служения на приходах. Добровольцы и сестры милосердия регулярно навещают одиноких пожилых людей и инвалидов, помогая им по хозяйству и борясь с их социальной изоляцией через общение. При храмах действуют бесплатные столовые, а для пожилых создаются клубы по интересам. БПЦ также развивает специализированные проекты, включая сестричества по уходу за тяжелобольными, сотрудничество с государственными интернатами и больницами, а также инклюзивные мастерские и программы [3]. Все это осуществляется в тесном партнёрстве с государственными органами, что позволяет эффективно дополнять государственную социальную систему уникальным духовным компонентом и силами многочисленных приходских добровольцев, реализуя таким образом совместную миссию служения на благо общества.

Православные организации в Беларуси играют значимую и активную роль в деле укрепления традиционных семейных ценностей, выступая в качестве одного из важнейших субъектов гражданского общества в этой сфере. Их деятельность представляет собой комплексный подход, сочетающий духовное наставничество, просвещение, практическую помощь и общественную защиту семейного института.

Заключение. Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что Белорусская Православная Церковь выступает значимым социальным институтом, вносящим весомый вклад в реализацию социальной политики государства, в том числе укрепление семейных ценностей. Деятельность БПЦ базируется на целостном мировоззренческом подходе, где семья рассматривается как фундамент нравственного становления личности, что органично связывает духовное окормление с социальной практикой.

В сфере семейной политики Церковь не только декларирует традиционные ценности, но и реализует их через сеть воскресных школ, консультационных центров и адресную помощь уязвимым категориям населения. Таким образом, сотрудничество государства и Церкви в данной области представляет собой эффективный механизм, позволяющий

сочетать правовые меры воздействия с духовным окормлением, что является необходимым условием для успешной социализации личности и оздоровления общественной нравственности.

Список использованных источников

1. Артеменко: БПЦ – надежный партнер государства в укреплении семейных ценностей [Электронный ресурс] // БЕЛТА. 25.11.2022. – URL: https://belta.by/society/view/artemenko-bpts-nadezhnyj-partner-gosudarstva-v-ukreplenii-semejnyh-tsennostej-536890-2022/ (дата обращения: 28.02.2026).

2. БПЦ разработала концепцию служения по укреплению семьи // Sputnik Беларусь. 08.12.2014 (обновлено 05.07.2021). – URL: https://sputnik.by/20141208/1013359973.html (дата обращения: 28.02.2026).

3. Обучение, воспитание и духовная поддержка: БПЦ и Красный Крест определили направления сотрудничества // Минск-новости : сайт. – 15.04.2024. – URL: https://minsknews.by/obuchenie-vospitanie-i-duhovnaya-podderzhka-bpcz-i-krasnyj-krest-opredelili-napravleniya-sotrudnichestva/ (дата обращения: 28.02.2026).

ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XVI – XIX ВВ.

А.В. Сипайлова
Научный руководитель: Т.П. Иванова
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Исследование истории судебной власти на белорусских землях представляет собой не только исторический обзор институтов, но и анализ сложнейшего цивилизационного процесса, в котором переплелись традиции магдебургского права, литовского статутного законодательства, российской имперской юриспруденции и советской социалистической законности. Современная судебная система Республики Беларусь является наследницей этих многослойных, порой противоречивых правовых культур.

Цель исследования: анализ теоретических и практических основ функционирования судебных органов в механизме защиты прав граждан на белорусских землях в XVI – XIX веках.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили законодательные акты соответствующих исторических периодов, научные труды по теме исследования. Методы исследования: анализ, историко-правовой, формально-правовой, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Период Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) в белорусской историографии обоснованно рассматривается как эпоха формирования национальной правовой идентичности. Именно в данный период (XVI век) происходит становление уникальной для Восточной Европы судебной системы, базирующейся на писаном праве – Статутах ВКЛ (1529, 1566 и 1588 гг.).

Центральное место в правовой истории занимает Третий статут Великого Княжества Литовского 1588 года. По мнению доктора юридических наук И.А. Юхо, белорусские земли в данный период находились в авангарде европейской правовой мысли. Статут 1588 года был проникнут «идеей установления правового государства, в котором деятельность всех государственных органов и должностных лиц должна полностью соответствовать праву» [7, с. 85]. Как отмечают исследователи, Статут содержал ряд прогрессивных положений, опередивших свое время. Хотя в феодальном обществе полное разделение властей было невозможно, Статут четко разграничивал компетенцию законодательных (Сейм), исполнительных (Великий князь и Рада) и судебных органов (Трибунал, земские и гродские суды) [3, с. 94].

В процессуальном праве ВКЛ утвердились принципы публичности, состязательности сторон, права на защиту (адвокатуру) и возможности апелляции [2, с. 48].

Однако, анализируя реализацию этих норм, видно существенное противоречие между декларацией и реальностью. В Статуте декларировались широкие льготы и привилегии шляхты, их правовые преимущества перед другими сословиями (мещанами и крестьянами), что фундаментально подрывало принцип единства права и равенства перед законом. В условиях доминирования феодальных отношений закон нередко замещался «правом сильного», а отсутствие эффективного механизма принуждения делало судебные решения в отношении могущественных магнатов трудноисполнимыми [3, с. 112].

Судебная реформа 1564 – 1566 годов (Бельский привилей и Второй Статут) создала стройную систему местных судов, отделив судебную власть от административной. До этого времени суд осуществляли воеводы и старосты, совмещавшие его с управлением. Новая система включала три типа судов: гродские, земские и подкоморские.

Гродский суд являлся судом замковой юрисдикции и представлял собой государственное начало в судебной системе. Заседания проходили в поветовом городе (замке). В состав суда входили: судья (староста), подстароста (обычно профессиональный юрист) и писарь. В заседаниях также участвовал городничий [2, с. 52]. Главной специализацией гродского суда были уголовные дела. Он рассматривал так называемые «горячие» дела – тяжкие преступления (убийства, поджоги, разбои, изнасилования), когда преступник был пойман с поличным или непосредственно после совершения деяния. Гродский суд имел право судить не только шляхту, но и мещан, и крестьян, если они совершали тяжкие преступления. Кроме того, гродский суд выполнял функции исполнительного производства, обеспечивая реализацию решений других судов [5, с. 114].

Земский суд являлся выборным органом шляхты повета и символом ее независимости. Сессии земского суда («роки») собирались три раза в год. В остальное время суд не действовал, но канцелярия работала

постоянно [7, с. 120]. Суд рассматривал гражданские иски между шляхтичами (имущественные споры, долги) и уголовные дела, не относящиеся к категории «горячих». Важнейшей функцией земского суда была регистрация (актикация) правовых актов. В судебные книги («книги земские») заносились завещания, дарственные, договоры купли-продажи, ипотечные сделки. Книги опечатывались и хранились в строгом порядке, что обеспечивало правовую стабильность собственности [3, с. 115].

Специфическим институтом права ВКЛ стал подкоморский суд, созданный в 1565 году для разрешения земельных споров. Судья (подкоморий), его помощник (коморник) и писарь выезжали непосредственно на спорный участок земли («на грант»). Суд проводил осмотр границ, заслушивал показания соседей и старожилов («копных мужей»), изучал документы и на месте выносил решение, устанавливая межевые знаки.

Вершиной судебной иерархии стал Главный Трибунал Великого Княжества Литовского, учрежденный в 1581 году. Создание Трибунала стало победой шляхетской демократии, так как он ограничил судебные полномочия Великого князя. Трибунал выступал высшей апелляционной инстанцией, пересматривая решения земских, гродских и подкоморских судов. Его решения были окончательными, что содействовало унификации судебной практики на всей территории государства [5, с. 116].

Включение белорусских земель в состав Российской империи в конце XVIII века привело к постепенному демонтажу системы права ВКЛ. Действие Статута 1588 года было окончательно отменено в 1840 году. Однако наиболее значимой вехой в развитии судебных органов XIX века стала судебная реформа 1864 года. По мнению А.Ф. Вишневского реформа стала самым последовательным и радикальным преобразованием в истории Российской империи, направленным на создание буржуазной модели юстиции. Реформа базировалась на передовых демократических принципах. Произошло институциональное обособление суда от администрации (губернаторов и полиции) и от обвинительной власти (прокуратуры) [1, с. 210]. Четко разграничивались функции: розыск (полиция); предварительное следствие (институт судебных следователей); судебное разбирательство (суд); обвинение (прокуратура); защита (адвокатура – присяжные поверенные). Суд становился формально равным для всех подданных, упразднялись сословные суды (за исключением волостных для крестьян). Судебные процессы становились открытыми для публики и прессы, а стороны обвинения и защиты получили равные процессуальные права [6, с. 23].

Система судов делилась на: местные суды (для мелких уголовных и гражданских дел), окружные (общие) суды (первая инстанция по крупным делам), судебные палаты (апелляция) и Правительствующий Сенат (верховный кассационный суд) [1, с. 12].

Реализация реформы на территории Беларуси (Северо-Западного края) проходила в специфических условиях, продиктованных последствиями восстания 1863–1864 годов. Политическое недоверие к местному населению (преимущественно к ополяченной шляхте) привело к существенным отступлениям от Судебных уставов 1864 года. Введение новых судов в Беларуси значительно отставало от центральных губерний России [4, с. 28]. Если в Москве и Петербурге суды открылись в 1866 году, то в белорусских губерниях процесс затянулся.

В Виленской губернии они начали работу 1 марта 1872 года, в Витебской и Могилевской – 2 апреля 1872 года, в Гродненской и Минской – 20 апреля 1872 года. Создание системы общих судов затянулось еще на десятилетие. Окружные суды и Виленская судебная палата были открыты только в 1883 году – через 19 лет после провозглашения реформы [6, с. 25].

Ключевым отличием стало искажение демократических принципов формирования судов. Согласно Уставам 1864 года, мировые судьи должны были избираться земскими собраниями. Однако в Беларуси земства не были введены (по той же причине политической неблагонадежности). В результате мировые судьи здесь назначались министром юстиции по представлению генерал-губернатора, что ставило их в зависимость от администрации и искажало суть института мирового суда [1, с. 215]. Вопрос о введении суда присяжных в Беларуси дебатировался наиболее остро. Сторонники реформы (среди которых выделялся Н.Г. Чернышевский) аргументировали, что даже «дикари в Новой Зеландии» способны быть присяжными, и для суждения о виновности нужны лишь «здравый смысл и совесть» [7, с. 280]. Однако имперская власть опасалась, что присяжные из местного населения будут оправдывать политических преступников. В итоге суд присяжных был введен в Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и Виленской губерниях, но со значительными ограничениями при формировании списков присяжных. В списки старались включать преимущественно лиц православного исповедания и русского происхождения (чиновников, военных), искусственно ограничивая участие католиков и поляков.

Несмотря на эти ограничения, реформа 1864–1883 гг. стала колоссальным шагом вперед. Впервые на белорусских землях появился суд, отделенный от администрации, гласный процесс и профессиональная адвокатура. Адвокаты (присяжные поверенные) быстро стали элитой интеллигенции, часто выступая защитниками не только в уголовных, но и в политических процессах.

Заключение. Исторический генезис судебных органов на белорусских землях характеризуется сложной диалектикой развития, обусловленной синтезом традиций статутного права Великого Княжества Литовского, законодательства Российской империи, а затем последующих преобразований. Эволюционный путь от сословных судов XVI века через

преобразования судебной реформы 1864 года сделал определенные шаги к формированию современной национальной модели правосудия.

Список использованных источников

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского. – 2-е изд. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2014. – 479 с.
2. Вишневский, А. Ф. История государства и права Беларуси (1917–1996 гг.) : курс лекций / А. Ф. Вишневский, Т. П. Довнар. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 1996. – 153 с.
3. Дыев, А. А. Судебная форма защиты соматических прав личности / А. А. Дыев // Путь в науку. Юридические науки. – 2025. – № 57. – С. 27 – 30.
4. Иванова, Т. П. Суд присяжных заседателей на белорусских землях в контексте реформ и контрреформ второй половины XIX века / Т. П. Иванова // На пути к гражданскому обществу. – 2019. – № 1. – С. 27 – 30.
5. Круглов, В. А. Уголовно-процессуальное право Республики Беларусь. Судебное производство: пособие / В. А. Круглов, Е. И. Климова. – Минск : Амалфея, 2017. – 339 с.
6. Халипов, В. Ф. Энциклопедия власти / В. Ф. Халипов. – Москва : Юрист, 2005. – 568 с.
7. Юхо, И. А. История государства и права Беларуси. Ч. 1 : учеб. пособие / И. А. Юхо. – Минск : РИВШ БГУ, 2000. – 352 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Е.А. Смирнова
Научный руководитель: А.П. Кузьмич
Горки, БГСХА

Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК Республики Беларусь) в некоторых аспектах демонстрирует более жесткую, императивную модель по сравнению с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации). Это может создавать излишние барьеры для динамичного коммерческого оборота. Цель данной работы – сформулировать конкретные законодательные инициативы по имплементации наиболее эффективных норм ГК Российской Федерации в ГК Республики Беларусь.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе сравнительно-правового анализа норм Гражданского кодекса Республики Беларусь и Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих отношения в сфере поставки товаров. Эмпирическую базу составили тексты указанных кодексов в действующих редакциях, а также доктринальные источники и материалы правоприменительной практики. Методологическую основу работы образуют как общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), так и специально-юридические методы познания, среди которых ключевое место занимает сравнительно-

правовой метод. Его применение позволило выявить расхождения в правовом регулировании (в частности, вопросы диспозитивности, порядка начисления неустойки и момента расторжения договора) и обосновать предложения по имплементации наиболее эффективных российских правовых конструкций в белорусское законодательство.

Результаты и их обсуждение. В российской правоприменительной практике активно используется принцип диспозитивности: порядок проверки товара может определяться не только законом или договором, но и сложившимися обычаями делового оборота (ст. 521 ГК Российской Федерации). Это позволяет сторонам адаптировать процедуру под специфику конкретных поставок.

В ГК Республики Беларусь подобная норма отсутствует, что на практике может приводить к излишним сложностям. В целях упрощения оборота и приведения законодательства к реалиям бизнеса предлагается дополнить ст. 483 ГК Республики Беларусь, касающуюся принятия товара покупателем положением, легализующим применение обычаев, пунктом следующего содержания: «4. Порядок осмотра и проверки качества товаров, если иное не установлено законодательством или договором, может определяться обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон».

В условиях интеграции в рамках ЕАЭС и развития трансграничной торговли ориентация только на императивные нормы устарела. Обычаи портов, таможенных терминалов, биржевой торговли фактически применяются, но их легитимность в Беларуси ниже, чем в Российской Федерации.

Отметим, что вопрос о моменте прекращения начисления неустойки за недопоставку является ключевым для стабильности расчетов. Статья 521 ГК Российской Федерации устанавливает прозрачный механизм: неустойка взыскивается до момента фактического восполнения недопоставки. Белорусская норма (ст. 491 ГК Республики Беларусь) сформулирована менее четко, что порождает правовую неопределенность и споры хозяйствующих субъектов. Действующая ст. 491 ГК Республики Беларусь действительно создает споры о том, начисляется ли неустойка «бесконечно» или только до конца периода поставки. Предлагается прямо закрепить принцип, что неустойка тесно связана с обязанностью восполнения (ст. 490 ГК Республики Беларусь): «Установленная законодательством или договором поставки неустойка за недопоставку или просрочку поставки товаров взыскивается с поставщика до фактического исполнения обязательства в пределах его обязанности восполнить недопоставленное количество товаров в последующих периодах поставки, если иной порядок уплаты неустойки не установлен законодательством или договором».

Таким образом, сформулированная редакция устраняет этот пробел, напрямую увязывая период начисления санкции с обязанностью поставщика покрыть недостачу в последующих периодах.

Автор считает также важной проблемой конкретизацию момента расторжения договора при одностороннем отказе. Так, пункт 4 ст. 493 ГК Республики Беларусь содержит отсылку к «законодательным актам» как к возможному регулятору срока расторжения договора. Это создает риски установления несогласованных сроков в иных законах, нарушая принцип стабильности договорных отношений. Более удачной представляется модель п. 4 ст. 523 ГК Российской Федерации, где приоритет отдается воле сторон и условиям уведомления. Унификация данной нормы с российским подходом усилит принцип свободы договора и сделает процедуру расторжения более предсказуемой. В связи с этим предлагаем изложить п. 4 ст. 493 ГК Республики Беларусь в следующей редакции: «Договор поставки считается измененным или расторгнутым с момента получения одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора полностью или частично, если иной срок расторжения или изменения договора не предусмотрен в уведомлении либо не определен соглашением сторон».

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что сравнительно-правовой анализ служит не только академическим целям, но и выступает эффективным инструментом «правовой инженерии» для устранения избыточных барьеров в национальном законодательстве. Выявленные различия свидетельствуют о разных подходах: в то время как российский законодатель активно внедряет диспозитивные начала и опирается на обычаи оборота, белорусская модель сохраняет тяготение к императивной регламентации.

Разработанные предложения направлены на сближение этих подходов, делая регулирование договора поставки в Республике Беларусь более гибким – за счет внедрения категории «обычаев делового оборота»; предсказуемым – благодаря четкому определению периода начисления неустойки; сбалансированным – через усиление роли соглашения сторон при определении момента расторжения договора.

Реализация данных поправок не потребует коренной перестройки системы белорусского законодательства, однако позволит существенно снизить правовые риски для бизнеса и гармонизировать коммерческий оборот с правопорядком Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г.: одобр. Советом Федерации 26 янв. 1996 г.: в ред.

от 28.04.2023 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 11.03.2024).

НОРМАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АДВОКАТУРЫ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

И.Л. Степанов
Научный руководитель: Д.А. Добряков
Москва, РУДН

В последние 30 лет идет активное развитие такого политического образования как Союзное государство России и Беларуси, на уровне которого формируются общие и специальные правовые институты гражданского общества, а также соответствующая система законодательства, исполнение положений которого обязательно для всех участников Союзного государства. Не стала исключением и организация адвокатуры и деятельности адвокатов, находящаяся на сегодня лишь в зачаточной стадии своего формирования на наднациональном уровне.

Первым успешным опытом стали разработка и принятие на уровне Союзного государства ряда нормативных правовых актов общей компетенции, в которых имеются и вопросы, связанные с организацией адвокатуры и деятельности адвокатов. Однако развитие единого института адвокатуры тормозится рядом факторов, одним из которых являются различия в истории формирования в России и Белоруссии адвокатуры в части принципов и методов организации. Только преодоление указанных различий, станет, на наш взгляд, шагом вперед к формированию единого института адвокатуры на уровне Союзного государства. Поэтому проблематика исследования истории развития и методов организации адвокатуры в России и Беларуси представляет несомненную актуальность.

Материал и методы. Указанная проблематика достаточно хорошо разработана в белорусской и российской доктрине, а ведущими авторами являются Ю. Б. Абрамович, Е. Г. Авакьян, Л. К. Айвар, Д. П. Баранов, М. Ю. Барщевский, В. И. Берестень, Е. В. Васьковский, Л. Ю. Грудцына, Л. А. Демидова, М. В. Жердецкий, А. В. Каретников, А. А. Корнеев, А. Г. Кучерена, Ю. Ю. Лесовский, Д. А. Макаров, И. Д. Мартысевич, И. М. Мацкевич, Н. П. Маюров, А. А. Овод, Е. И. Осадчук, А. А. Родионова, Э. И. Самойлов, В. И. Сергеев, М. Б. Смоленский, И. Л. Трунов, И. А. Шипилов.

Вместе с тем, недостаточно исследованы к настоящему моменту вопросы, связанные с формированием и развитием единого института адвокатуры в рамках Союзного государства, а также с выработкой системы профильного законодательства, признаков, механизмов и принципов организации деятельности адвокатуры и адвокатов на наднациональном

уровне, а также в России и Беларуси. Эти и другие вопросы и проблемы затрагиваются нами в представленном реферате.

Целью представленного исследования является комплексный анализ методов организации адвокатуры и адвокатской деятельности в Союзном государстве России и Беларуси.

В основу исследования заложена методология, включающая общие и специальные методы, в числе которых диалектический и логический методы, методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, системного анализа, исторический, сравнительный, описательный и иные методы научных исследований. Результаты применения указанных методов выразились в формировании новой системы теоретических знаний о процессах становления и развития института адвокатуры и адвокатской деятельности как в России и Беларуси, так и в Союзном государстве.

Результаты и их обсуждение. В 1999 году Россия и Беларусь сформировали единое межгосударственное объединение – Союзное государство, формирование, развитие и правовая система которого определены Договором между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. «О создании Союзного государства» (далее – Договор). В общую компетенцию Союзного государства на основании ст. 58 Договора включается принятие нормативных правовых актов, к которым отнесены законы, Основы законодательства, декреты, постановления, директивы, резолюции, рекомендации и заключения.

На уровне Союзного государства принимаются нормативные правовые акты межнациональной компетенции, которые регулируют однопредметные правоотношения в России и Беларуси. Наблюдается устойчивая тенденция усиления роли нормативных правовых актов межгосударственного уровня, когда наблюдается приоритет наднационального законодательства. Но следует отметить, что в рамках Союзного государства не разработаны соответствующие нормативные правовые акты, регламентирующие адвокатуру и адвокатскую деятельность на наднациональном уровне – применяется национальное законодательство и сейчас. Это отчасти обусловлено тем, что в Беларуси действует совершенно отличный от России подход к организации адвокатуры и адвокатской деятельности.

Таким образом, в рамках Союзного государства единый институт адвокатуры к настоящему моменту не сформировался, и предпосылок для этих процессов пока не имеется. Однако отметим, что в различных нормах и положениях законодательства стран Союзного государства имеются те или иные положения об адвокатуре и адвокатской деятельности. Например, на уровне Союзного государства по различным вопросам организации адвокатуры наибольшей регулирующей ролью обладает Договор «О создании Союзного государства», который, однако, не имеет приоритета над национальными законодательствами Российской Федерации и Республики Беларусь.

Наднациональные положения об адвокатуре и адвокатской деятельности закладываются в ряде нормативных правовых актах Союзного государства, среди которых наибольшее значение имеют следующие из них:

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев, 07.10.2002 г.) реализует принцип свободы представительства, но при ее применении на уровне России и Беларуси необходимо учитывать, что правовую помощь по уголовным делам должны предоставлять только национальные адвокаты, а это следует из соответствующих нормативных правовых актов, принятых как в России, так и в Беларуси.

Хартия основополагающих принципов адвокатской деятельности (г. Санкт-Петербург, 19.05.2016 г.) обозначила основные принципы и методы организации адвокатуры и адвокатской деятельности согласно Конституциям России и Беларуси, а также национальному законодательству. Однако на уровне Союзного государства действует правило применения данной Хартии, согласно которому ее положения не должны противоречить Конституциям членов и национальному законодательству, то есть Хартия не имеет приоритетного значения для государств-участников Союзного государства.

Положение о базовой организации государств-участников СНГ в сфере адвокатской деятельности (г. Москва, 07.10.2024 г.) предусматривает, что для целей обеспечения адвокатуры и адвокатской деятельности в рамках стран СНГ базовой организацией является Федеральная палата адвокатов РФ, определены направления деятельности такой организации, а также круг ее прав и обязанностей.

Организация адвокатуры и деятельности адвокатов на межгосударственном уровне осуществляется на основании международных договоров. Подтверждением того, что международные договоры обладают регулирующим потенциалом, является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно п. 2 которого международные договоры РФ наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»). Такой позиции в отношении адвокатуры придерживаются и ведущие специалисты-правоведы – Е. Г. Авакьян [17, с. 3], Г. В. Синцов [18, с. 12], А. Г. Кучерена [19], Л. Ю. Грудцына [20].

Предпосылки для формирования системы наднационального регулирования адвокатуры и адвокатской деятельности закладываются и в Конституциях России и Беларуси. Так, по ст. 48 Конституции РФ и ст. 62 Конституции РБ закрепляется право граждан указанных государств на

юридическую помощь для защиты своих прав, свобод и законных интересов, включающее и право на привлечение адвокатов к судебному и иному представительству; однако конституционное регулирование адвокатуры и адвокатской деятельности в РФ и РБ значительно отличаются.

Систему законодательства об адвокатуре в странах Союзного государства образуют также Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» и Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Названные законы регламентируют деятельность иностранных адвокатов в соответствующих юрисдикциях России и Беларуси, включая и порядок применения норм международного права и положений международных договоров, в том числе и положений Договора о создании Союзного государства.

Гражданское и уголовное законодательство России и Беларуси также содержит нормы, определяющие, например, правовой статус адвокатов, их права, обязанности и ответственность. В частности, к субъектам гражданских прав в ГК РФ (ст. 123.16-1 и 123.16-2) отнесены адвокатские палаты и адвокатские образования, являющиеся юридическими лицами, и отнесенные к некоммерческим организациям. Согласно ст. 1 Гражданского кодекса РБ адвокатская деятельность вообще не отнесена к предпринимательской деятельности, из п. 2 ст. 48 ГК РБ следует, что коллегии адвокатов не отнесены к юридическим лицам, в связи с чем на них не распространяются правила об учреждении юридического лица; в ст. 49 УПК РФ и ст. 44 УПК РБ за адвокатами закрепляется право выступать в качестве исключительных защитников граждан в уголовном процессе.

Особую группу нормативных правовых актов, регулирующих адвокатскую деятельность, составляют законы о бесплатной юридической помощи, которые могут предоставлять такое право адвокатам. В Республике Беларусь положения о бесплатной юридической помощи реализованы в ст. 62 Конституции и ст. 28 Закона РБ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», а вот в России принят Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи», являющийся для адвокатов специальным в таких случаях. Об этом пишут и многие авторы, указывая на то, что адвокатская деятельность в России уже вышла в социальное пространство за пределы своего профильного Закона [20, с. 3-10].

Еще один уровень системы законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности Союзного государства образуют нормативные документы, которыми устанавливаются обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности – российский «Кодекс профессиональной этики адвоката» (31.01.2003 г.) и белорусское постановление Министерства юстиции от 30.09.2021 г. № 180 «Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката». Но эти

нормативные акты не закрепляют соответствующие правила поведения и взаимоотношения между адвокатами на межгосударственном уровне.

Итак, на уровне Союзного государства к настоящему моменту не сформировался единый институт адвокатуры и адвокатской деятельности, равно как нет и нормативных правовых актов наднационального уровня, регламентирующих организацию адвокатуры и деятельность адвокатов. Это в большей степени объясняется тем, что развитие адвокатуры в России и Беларуси идет совершенно разными путями, а в Беларуси этот институт подвержен жесткой централизации, сопряжен с уходом от частной практики и коммерциализации в сторону количественного подхода. Вместе с тем, нам все-таки представляется целесообразной выработка Единых правил организации деятельности адвокатов в России и Беларуси, имеющих приоритет над национальным законодательством.

Заключение. В последние годы в России и Беларуси на уровне Союзного государства идут достаточно активные процессы формирования наднациональных нормативных правовых актов по различных вопросам регулирования общественных отношений. Одним из направлений, требующих повышенного внимания на уровне России и Беларуси, является организация адвокатуры и деятельности адвокатов. В представленной работе прослежена эволюция адвокатуры и адвокатской деятельности как на уровне Союзного государства, так и на уровне России и Беларуси как его полноправных участников, а также были сделаны следующие выводы.

Возникновение адвокатуры в России и Беларуси имеет одинаковые корни, отсылающие нас еще к древнему периоду, но сохранившие общую направленность и в дореволюционное и советское время. Однако, с наступлением в 1991 году новой политической и экономической реальности российская и белорусская адвокатура стали развиваться разными путями – первая по рыночному, коммерческому, а вторая – в условиях централизации и единого регулирования. Именно это обстоятельство стало тем камнем преткновения, который не позволяет и сегодня унифицировать, и гармонизировать законодательства РФ и РБ об адвокатуре, сформировать единый наднациональный институт адвокатуры.

На уровне Союзного государства к настоящему моменту не сформировался единый институт адвокатуры, равно как отсутствуют и нормативные правовые акты наднационального уровня, регламентирующих организацию адвокатуры и деятельность адвокатов. Это в большей степени объясняется тем, что развитие адвокатуры в России и Беларуси идет совершенно разными путями, а в Беларуси этот институт сопряжен с уходом от частной практики и коммерциализации в сторону централизованного подхода. Вместе с тем, нам все-таки представляется целесообразной выработка Единых правил организации деятельности адвокатов в России и Беларуси, имеющих приоритет над национальным законодательством.

Список использованных источников

1. Каретников, А. В. Особенности правового регулирования статуса потерпевшего в нормах Русской Правды, Псковской и Новгородской судных грамотах / А. В. Каретников // Право и жизнь. – 2009. – № 127. – С. 349 – 356.

2. Мартысевич, И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / И. Д. Мартысевич. – М.: Московский университет, 1951. – 208 с.

3. Барщевский, М. Ю. Адвокат, адвокатская фирма, адвокатура / М. Ю. Барщевский. – М.: Белые альвы, 1995. – 144 с.

4. Осадчук, Е. И. История зарождения и развития адвокатуры в царской России / Е. И. Осадчук. // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4. – С. 13 – 17.

5. Шипилов, И. А. История зарождения и развития адвокатуры в Царской России / И. А. Шипилов, Ю. Ю. Лесовский // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97-6. – С. 144 – 146.

6. Абрамович, Ю. Б. Адвокатура как институт гражданского общества: история возникновения российской адвокатуры, ее развитие и проблемные аспекты современного состояния / Ю. Б. Абрамович // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 8 – 18.

7. Корнеев, А. А. Зарождение и развитие института адвокатуры для Судебной реформы 1864 года / А. А. Корнеев // Адвокатская практика. – 2005. – № 4.

8. Смоленский, М. Б. Адвокатура в Российской Федерации / М. Б. Смоленский. – СПб.: Юридический центр Пресс», 2003. – 314 с.

9. Трунов, И. Л. Экзамен на звание адвоката: учебно-практическое пособие. Т. 1 / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар. – М.: Юрайт, 2014. – С. 16.

10. Родионова, А. А. Эволюция адвокатуры как вида юридической деятельности с Древней Руси до реформы 1864 года. Краткий анализ // А. А. Родионова. – Символ науки: международный научный журнал. – 2021. – №4. – С. 103 – 105.

11. Демидова, Л. А. Адвокатура в России: учебник / Л. А. Демидова, В. И. Сергеев. – М.: Юстицинформ, 2006. – 569 с.

12. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. – 508 с.

13. Баранов, Д. П. Адвокатское право: учебник / Д. П. Баранов, М. Б. Смоленский. – М.: Дашков и К, 2006. – 368 с.

14. Овод, А. А. Институт адвокатуры как элемент системы гражданского общества в административно-процессуальном законодательстве России и Республики Беларусь / А. А. Овод, Н. П. Маюров, Д. А. Макаров // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 219 – 227.

15. Жердецкий, М. В. Адвокатура Республики Беларусь: состояние, проблемы и пути развития / М. В. Жердецкий // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 5. – С. 23 – 26.

16. Берестень, В. И. Трансформация института представительства (на примере адвокатуры в Республике Беларусь) / В. И. Берестень, Э. И. Самойлов // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2021. – № 2. – С. 50 – 54.

17. Авакьян, Е. Г. Принципы адвокатуры при ее преобразовании в условиях цифровой трансформации / Е. Г. Авакьян // Адвокатская практика. – 2024. – № 1. – С. 3 – 10.

18. Синцов, Г. В. Особенности международных правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры / Г. В. Синцов, Д. В. Фролов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 3. – С. 10 – 15.

19. Кучерена, А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России: монография / А. Г. Кучерена. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.

20. Грудцына, Л. Ю. Адвокатура в России как институт гражданского общества / Л. Ю. Грудцына // Адвокатская практика, 2008. – № 1.

21. Мацкевич, И. М. Реформа адвокатской деятельности: своевременные мысли о главном / И. М. Мацкевич // Юридическое образование и наука. – 2015. – № 4. – С. 3 – 10.

22. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. «О создании Союзного государства».

23. Положение о базовой организации государств-участников СНГ в сфере адвокатской деятельности (утверждено 07.10.2024 г. решением Совета министров иностранных дел СНГ).

24. Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельность в Республике Беларусь» // Ведомости Национального Совета Республики Беларусь, 2011. – № 28. – Ст. 459.

25. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002. – № 23. – Ст. 2102.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ЧЕХИИ

Е.В. Сушинская, А.П. Казакевич
Научный руководитель: Т.И. Баталко
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность исследования конституционно-правового статуса матери и защиты детства обусловлена особой значимостью института семьи как фундаментальной основы общества. Целью данной работы является комплексный анализ конституционно-правовых норм, закрепляющих статус матери, и механизмов их реализации в чешском праве. В этом контексте опыт Чешской Республики представляет собой уникальный объект для научного анализа, поскольку эта страна демонстрирует синтез континентальной правовой традиции, обширного нормотворческого наследия и активного реагирования на вызовы современности в рамках Европейского Союза.

Материал и методы. Основополагающим документом в этой сфере выступает Хартия основных прав и свобод, которая согласно статье 3 Конституции Чешской Республики является составной частью конституционного порядка страны [1, 2]. Теоретическую основу исследования составили научные комментарии к Хартии основных прав и свобод, а также работы чешских правоведов в области конституционного и трудового права. Нормативную базу представляют Конституция Чешской Республики, Хартия основных прав и свобод, Трудовой кодекс и Гражданский кодекс. В ходе исследования применялись формально-юридический метод, метод системного анализа и сравнительно-правовой

метод для оценки соответствия национального законодательства международным стандартам.

Результаты и их обсуждение. Становление конституционных основ защиты материнства в Чехии неразрывно связано с принятием Хартии основных прав и свобод в 1991 году. В отличие от некоторых постсоветских конституций, чешская модель не выделяет отдельную главу о семье, однако статья 32 Хартии детально регламентирует весь комплекс прав, связанных с родительством и детством [1]. Ключевой особенностью чешского конституционализма является принцип, закрепленный в статье 6(1) Хартии: «Человеческая жизнь достойна охраны уже до рождения» [1]. Статья 32 Хартии является центральным элементом конституционно-правового статуса матери. Ее структура охватывает несколько ключевых аспектов:

1. Общая охрана родительства и семьи (п.1): Родительство и семья находятся под защитой закона. Особо подчеркивается гарантия «особой защиты детей и подростков» [1].

2. Специальные гарантии беременным женщинам (п.2): Конституция прямо устанавливает триаду прав для женщины в период беременности: а) особая медицинская помощь; б) охрана в трудовых отношениях; в) соответствующие условия труда. Данное положение является специальным законом по отношению к общим трудовым правам и требует от законодателя принятия специальных мер защиты [1].

3. Равенство прав детей (п.3): Дети, рожденные в браке и вне брака, имеют равные права [1].

4. Права и обязанности родителей (п.4): Забота о детях и их воспитание провозглашаются правом родителей, а дети, в свою очередь, имеют право на родительское воспитание. Вмешательство государства в это право допускается только на основании судебного решения, что является важной гарантией от произвола исполнительной власти [1].

5. Право на помощь со стороны государства (п.5): Родители, воспитывающие детей, имеют право на помощь государства [1].

6. Отсылочная норма (п. 6): Детализация данных прав возлагается на обычное законодательство [1].

Конституционный Суд Чешской Республики неоднократно обращался к толкованию статьи 32 Хартии. Важным прецедентом является постановление по вопросу о праве отца присутствовать при родах. Суд подтвердил, что совместное переживание рождения ребенка входит в конституционно охраняемое право на семейную жизнь [5]. Другим важным решением является постановление, касающееся законности домашних родов. Суд подтвердил, что домашние роды в Чехии легальны, однако подчеркнул, что этот выбор сам по себе не освобождает родителей от уголовной ответственности в случае, если они своими небрежными действиями сознательно создают серьезный риск для жизни ребенка [6]. Уголовное право должно оставаться крайним средством, но оно применимо

при доказанном грубом нарушении заботы о безопасности новорожденного. Конституционные принципы детализируются в отраслевом законодательстве.

1. Трудовой кодекс (Закон № 262/2006 Сб.) [4]: предоставляет особую защиту беременным женщинам и матерям. Запрещается расторжение трудового договора работодателем с беременной сотрудницей. Женщины имеют право на перевод на другую работу, если их работа противопоказана по медицинским причинам, с сохранением среднего заработка. 1.1. Основные принципы и запрет дискриминации

§ 16 (Равное обращение и запрет дискриминации): «Дискриминация по причине беременности, материнства, отцовства... считается дискриминацией по признаку пола» [4].

§ 110 (Право на равную оплату): гарантирует женщинам, вышедшим из отпуска по уходу за ребенком, право на равную оплату за равный труд.

1.2. Отпуска по уходу за ребенком (Глава VIII, Часть 1) §195 (Отпуск по беременности и родам):

«В связи с родами и уходом за родившимся ребенком работнице полагается отпуск по беременности и родам продолжительностью 28 недель... Отпуск по беременности и родам ни в коем случае не может быть короче 14 недель и не может закончиться или быть прерван ранее истечения 6 недель со дня родов» [4].

§ 196 (Родительский отпуск): «Для углубления заботы о ребенке работодатель обязан предоставить работнику по его письменному заявлению родительский отпуск... не дольше, чем до достижения ребенком возраста 3 лет» [4].

1.3. Особые условия труда (Глава IV, Части 2-4)

§ 238 (Запрет на работы, угрожающие материнству): запрещается нанимать работниц на работы, угрожающие их материнству.

§ 239 (Перевод на другую работу): «Если беременная работница выполняет работу, которая запрещена беременным или которая по медицинскому заключению угрожает ее беременности, работодатель обязан временно перевести ее на подходящую работу, где она может достигать того же заработка» [4].

§ 240 (Командировки и сверхурочные): Беременных и работников с детьми до 8 лет можно направлять в командировки только с их согласия. Запрещается нанимать беременных на сверхурочную работу. Работникам, ухаживающим за ребенком младше 1 года, нельзя предписывать сверхурочную работу.

§ 241 (Гибкий график работы): «Если беременная работница или работник, ухаживающий за ребенком младше 15 лет, попросит о сокращенном рабочем времени... работодатель обязан удовлетворить просьбу, если этому не препятствуют серьезные производственные причины» [4].

§ 242 (Перерывы для кормления): «Работнице, которая кормит своего ребенка, работодатель обязан предоставлять... специальные перерывы для кормления» [4]. Эти перерывы оплачиваются как рабочее время.

2. Гражданский кодекс (Закон № 89/2012 Сб.) [3]: реализует принцип охраны интересов нерожденного ребенка. Согласно §25 [3], на зачатого ребенка смотрят как на уже родившегося, если это соответствует его интересам. Это особенно важно в наследственном праве: если отец умирает до рождения ребенка, зачатый ребенок (при условии рождения живым) признается его наследником.

3. Социальное обеспечение: Родители имеют право на помощь от государства. Важно отметить, что уровень этих пособий должен обеспечивать достойный уровень жизни, хотя международные органы, такие как Комитет экспертов МОТ, указывали на необходимость периодического пересмотра размера выплат для поддержания адекватного уровня жизни.

4. Чешская Республика является участницей ключевых международных договоров в данной сфере. Конвенция ООН о правах ребенка гарантирует новорожденному ребенку как можно более ранний контакт с матерью и отцом, право на частную жизнь и уход, соответствующий его интересам. Чехия ратифицировала Конвенцию МОТ № 183 об охране материнства.

Заключение. Конституционно-правовое закрепление статуса матери и защиты детства в Чехии характеризуется высоким уровнем гарантий и детальной проработкой. Хартия основных прав и свобод устанавливает комплексный подход, охватывающий медицинские, трудовые и социальные аспекты поддержки семьи. Важной особенностью является признание ценности человеческой жизни до рождения и принципа равноправия всех детей независимо от обстоятельств их рождения. Дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на устранение этих дисбалансов и полную имплементацию международных стандартов охраны материнства.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (Ш) Генеральной Ассамблеей от 10 декабря 1948г. / ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.smth (дата обращения: 17.03.2026)

2. Закон Чешской Республики №262/2006 Сб. [принят 21.04.2006] // Сборник законов Чешской республики. – 2006. – 3146-3241 с.

3. Закон Чешской Республики №89/2012 Сб.: [принят 03.02.2012] в ред. от 01.01.2026 // Сборник законов Чешской Республики. – 2012.

4. Конвенция МОТ № 183 о пересмотре конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. В 4 т. Т. 2 / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 73-78.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО УСТРОЙСТВА ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ

А. Тимошенко
Научный руководитель: К.Э. Колесник
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) – это страна в Западной Азии, расположенная на востоке Аравийского полуострова. Особенности государственного устройства ОАЭ выделяют ее из всех стран мира. Это федеративная монархия, состоящая из семи эмиратов, при этом Абу-Даби является её национальной столицей. Дубай – крупнейший город страны. ОАЭ занимает значимое место среди стран Ближнего Востока. По состоянию на 2025 год население ОАЭ превышает 9 миллионов человек. Ислам является государственной религией, арабский – официальным языком. Несмотря на не слишком большие размеры, ОАЭ входит в число наиболее развитых страны мира. По валовому внутреннему продукту государство занимает место в третьем десятке стран мира, а по индексу человеческого развития – во втором. В последние годы наметилось тесное сотрудничество ОАЭ с Республикой Беларусь, в частности, с 1 января 2024 года Эмираты являются членом БРИКС [2]

Материалы и методы. В работе использованы законодательство Объединённых Арабских Эмиратов, в первую очередь Конституция ОАЭ, научные статьи, литература, материалы специализированных сайтов. В работе использованы сравнительный метод, методы анализа и синтеза, исторический, структурный методы.

Результаты и их обсуждения. Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) – государство в Западной Азии, расположенное на восточной оконечности Аравийского полуострова. Это федеративная монархия, состоящая из семи эмиратов – Абу-Даби, Дубай, Аджман, Шарджа, Эмират Рас-эль-Хайма, Эмират Умм-эль-Кайвайн и Эмират Эль-Фуджайра, столицей которой является Абу-Даби. Объединённые Арабские Эмираты состоят из семи эмиратов, образовавших федерацию:

Уникальное государственное устройство ОАЭ вызвано в первую очередь историческими причинами. Современные Объединённые Арабские Эмираты расположены на территории региона Восточная Аравия. На этой территории исторически проживало несколько родственных арабских племен, возглавляемых шейхами, а единое государство отсутствовало. В XIX веке местные шейхи заключили ряд договоров с Соединенным Королевством, начиная с Всеобщего морского договора 1820 года и включая бессрочное морское перемирие 1853 года, а в 1892 году подписали с британцами «Соглашения об исключительной юрисдикции» – которые ставили их под британскую защиту. Это был неопределенный статус «защищенного государства», который не дотягивал до формального протектората, но обязывал Великобританию

защищать эти государства от внешней агрессии в обмен на исключительные права Великобритании в этих государствах. Таким образом, эта территория получила защиту от посягательств Саудовской Аравии и Омана установить над ней свой суверенитет. [4, с. 252 – 254]

Ослабление колониальной власти во второй половине XX века заставило отдельные эмираты наладить взаимодействие и создало предпосылки к созданию на этой территории независимого государства. В 1952 году был создан Совет Договорных государств для содействия сотрудничеству между семью правителями. Изначально Совет носил исключительно консультативный характер, у него не было ни письменного устава, ни полномочий по выработке политики. К 1958 году в рамках Совета были созданы комитеты для консультирования по вопросам здравоохранения, сельского хозяйства и образования. В 1965 году британцы выделили Совету грант на управление по своему усмотрению, а не только на предоставление рекомендаций по подготовленным британцами бюджетам. Также был набран постоянный секретариат.

Заявление премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона от 16 января 1968 года о том, что все британские войска должны быть выведены с территорий к востоку от Суэца, ознаменовало конец эпохи, когда Британия занималась внешней политикой и обороной, а также выступала посредником в отношениях между правителями стран Восточного Персидского залива.

Это решение вынудило правителей Договорных государств, а также Катара и Бахрейна начать срочные переговоры о том, как заполнить политический вакуум, образовавшийся после ухода Великобритании.

Принцип объединения был впервые согласован на встрече между правителем Абу-Даби шейхом Заидом ибн Султаном Аль Нахайяном и шейхом Рашидом из Дубая 18 февраля 1968 года/ Они договорились работать над объединением с другими эмиратами, включая Катар и Бахрейн. В течение следующих двух лет шли переговоры и встречи правителей о создании союза. В итоге Бахрейн и Катар вышли из переговоров, и 18 июля 1971 года только шесть эмиратов договорились об объединении.

2 декабря 1971 года Дубай вместе с Абу-Даби, Шарджей, Аджманом, Умм-эль-Кайвайном и Эль-Фуджайрой объединились в соответствии с Актом об объединении и образовали Объединённые Арабские Эмираты. Седьмой эмират, Рас-эль-Хайма, официально присоединился к ОАЭ 10 февраля 1972 года. [4, с. 275 – 278]

Федеральный верховный совет, состоящий из семи правящих эмиров, является высшим государственным органом. Он совместно назначает одного из членов федеральным президентом, который, в свою очередь, назначает премьер-министра, формирующего и возглавляющего кабинет.

Законодательство ОАЭ очень разнообразно и неповторимо, здесь собраны все исторические сведения о культуре этого государства. Сама

Конституция ОАЭ содержит 152 статьи, и каждая из них имеет свои особенности, а главное историческое прошлое и веру в Аллаха, которого жители почитают до сих пор. [6]

С момента своего основания 2 декабря 1971 года ОАЭ приняли временную Конституцию. которая в мае 1996 года была утверждена в качестве постоянной. Конституция Объединённых Арабских Эмиратов, объясняет основные правила политической и конституционной организации государства. Фактически это продемонстрировало основную цель создания федерации, её задачи и компоненты на местном и региональном уровнях. В ней так же подробно рассмотрены основные социальные и экономические основы федерации и подчёркнуты общественные права, обязанности и свободы. Кроме того, в ней были выделены федеральные органы власти, организовано издание федерального законодательства, а также компетентные органы. Прежде всего, в нём также рассматриваются финансовые вопросы федерации, положения о вооружённых силах и силах безопасности, а также законодательные, исполнительные и международные юрисдикции между федерацией и эмиратами. [1, с. 84]

Ключевую роль в Конституции ОАЭ занимают положения, связанные с главенствующей ролью ислама в стране. Так, уже в вводном разделе Конституции указывается, что она провозглашена перед Верховным Всесильным создателем (Аллахом). Статья 7 указывает, что ислам является официальной государственной религией, исламский шариат – основным источником законодательства, а статья 12 – Внешняя политика будет заключаться в поддержке арабских и исламских целей и укреплении дружбы и сотрудничества со всеми нациями на основе Устава Организации Объединённых Наций. [5, с. 7]

Вместе с тем, важное место в Конституции Эмиратов занимают положения, обеспечивающие демократические права граждан. Так, статья 14 гарантирует равенство, социальную справедливость, обеспечение безопасности и равных возможностей для всех граждан. Статья 25 утверждает, что все лица равны перед законом, независимо от расы, национальности, религиозных убеждений или социального положения граждан Союза. Статья 34 говорит, что гражданин имеет право выбирать свою работу, профессию или ремесло в соответствии с законом и законодательством, регулирующим такие профессии и ремесла. Человек не может быть подвергнут принудительному труду, за исключением случаев, предусмотренных законом, и при условии, что такому человеку выплачивается компенсация за такой труд. Человек не может быть обращён в рабство. [6]

Особенное государственное устройство Эмиратов закреплено в Конституции. Так, Конституция ОАЭ установила должности президента (главы государства) и вице-президента, избираемых правителями каждого из эмиратов (семь правителей составляют Федеральный Верховный совет);

Совет министров, возглавляемый премьер-министром и Национальное собрание из 40 членов, консультативный орган, члены которого частично назначаются правителями эмирата и частично избираются; и независимую судебную систему, включающую Федеральный Верховный суд. [3, с. 28]

Следует отметить, что система государственных органов ОАЭ включает в себя такие необычные, как Министерство толерантности, отвечающее за регулирование и поддержание религиозной терпимости, Министерство счастья, направленное на продвижение государственной политики для создания общественных благ, и Министерство искусственного интеллекта. В ОАЭ также действует виртуальное министерство под названием Министерство возможностей, предназначенное для поиска решений проблем и улучшения качества жизни.

Заключение. Таким образом, уникальное государственное устройство ОАЭ является с одной стороны, следствием исторически сложившихся особенностей развития, с другой стороны, удачным соединением мусульманских традиций с внедрением передовых подходов к формированию государственных органов. Уникальное государственное устройство Эмиратов во многом способствует успешному экономическому и социальному развитию этого государства.

Список использованных источников

1. Иванова, Ю. А. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ): конституционное законодательство / Ю. А. Иванова, М. О. Долгий // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – Москва, 2023. – С 83 – 89.

2. Объединенные Арабские Эмираты. Посольство Российской Федерации в Объединенных Арабских Эмиратах [Электронный ресурс]. – URL: https://uae.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/abouttheuae/ (дата обращения: 02.03.2026).

3. Парфенова, Т. А. Абсолютна ли монархия? Правотворческий аспект / Т. А. Парфенова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – №3 (94). – С. 18 – 32.

4. Сенченко, И. П. Объединенные Арабские Эмираты. Дневник истории: лица, события, даты / И. П. Сенченко. – СПб.: Алетейя, 2022. – 814 с.

5. Сюкияйнен, Л. Р. Ислам и конституции арабских стран / Л. Р Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 4 – 23.

6. The Constitution of the United Arab Emirates [Electronic resource]: UAE Legislation. - URL:https://uaelegislation.gov.ae/en/constitution (date of access::: 03.03.2026.

ЭСТОППЕЛЬ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.Н. Торгонская
Научный руководитель: Е.В. Савчик
Гомель, БТЭУ ПК

Эстоппель как юридический институт играет важную роль в договорном праве, обеспечивая стабильность и предсказуемость гражданских оборотов. В Республике Беларусь этот институт также имеет свою специфику, связанную с особенностями национального законодательства и правоприменительной практики.

Как отмечает А. Калинин, глобализация в области экономических отношений приводит к тенденции гармонизации и унификации правовых норм. Новые юридические концепции и инструменты, такие как траст, астрент, эскроу, опционные соглашения и эстоппель, заимствуются из практики ведущих зарубежных правовых систем, внедряются законодателями и применяются судами, включая системы стран СНГ [1].

Актуальность работы по данной теме обусловлена активным развитием гражданского законодательства Республики Беларусь, в котором эстоппель как правовой институт становится всё более важным в контексте обеспечения стабильности гражданских оборотов, позволяя предотвратить злоупотребление правом и недобросовестное поведение, что особенно значимо в условиях рыночной экономики, где доверие между контрагентами является основой успешного ведения бизнеса. Указанный фактор делает эту тему актуальной для изучения как в теоретическом, так и в практическом аспектах договорного права.

Материал и метод. Методологической основой исследования послужили общенаучные, обще- и частноправовые методы, такие как логический, сравнительно-правовой и формально-юридический. Предметом исследования стали нормативные правовые акты Республики Беларусь и Российской Федерации, а также научные работы таких авторов как А. Калинин, Т.Н. Пунько, Е.Е. Якушева. Цель работы – проанализировать и систематизировать положения правовых норм и практики, связанные с применением института эстоппеля, и предложить направления совершенствования законодательства.

Результаты и их обсуждение. Эстоппель как правовой институт основан на принципах добросовестности и разумности, что способствует защите прав и законных интересов сторон в договорных отношениях.

По мнению Т.Н. Пунько целью данного принципа является создание предсказуемых правоотношений и исключение недобросовестного поведения, как, например, оспаривание или утверждение фактов, ранее подтверждавшихся или оспаривавшихся [2, с. 127].

В свою очередь Е.Е. Якушева считает, что эстоппель не предотвращает появление непоследовательности в любых формах, а применяется только в тех случаях, когда противоречивые действия одной стороны создают у другой стороны ложное представление о ее намерениях

совершить или избежать определенных действий. Изменение поведения после формирования такого представления может быть несправедливым и подрывать ожидания второй стороны, что может привести к убыткам. Поэтому в спорных ситуациях подобного рода суды используют эстоппель для защиты контрагентов, которые понесли негативные последствия из-за непоследовательных действий другой стороны [3, с. 53].

Также Т.Н. Пунько отмечает, что принцип эстоппеля сначала был воспринят российским законодателем, а потом закреплен в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) в редакции Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» [2, с. 126].

Данный правовой принцип, известный как запрет на противоречивое поведение, в настоящее время закреплен в следующих нормах ГК:

1) сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли (ч. 4 п. 3 ст. 167);

2) заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если поведение лица, заявляющего о недействительности, давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 4 ст. 167);

3) сторона, которая приняла от другой стороны исполнение по договору, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать установления факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству либо признания договора недействительным, за исключением оспаривания договоров по отдельным основаниям (ст. 401-1);

4) при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, в частности не допускать вступления в переговоры о заключении договора или их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Недобросовестными действиями при проведении переговоров считаются в том числе:

– предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

– внезапное и необоснованное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать (ст. 404-1);

5) в случаях, если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается (п. 3 ст. 420-1).

Положения указанных норм свидетельствуют о том, что основания задача эстоппеля – пресечь недобросовестные противоречивые действия

стороны по сделке. Как правило, действия контрагента могут быть признаны противоречивыми в ситуациях, когда требования о признании договора недействительным вызваны желанием стороны получить экономическую выгоду из своего недобросовестного поведения.

Так, к примеру, принцип эстоппеля может быть применен при попытке стороны избежать совершения встречного исполнения по договору либо выплаты неустойки, вызванной просрочкой исполнения обязательства по договору. В таком случае даже при наличии формальных оснований для признания сделки недействительной, суд может отказать в удовлетворении соответствующего иска из-за противоречивого поведения стороны такой сделки.

При этом следует отметить, что в белорусском законодательстве институт эстоппеля не имеет дополнительных оснований для признания сделки недействительной, таких как: недействительность сделки, совершенной несовершеннолетним; совершенной гражданином, ограниченно дееспособным; совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий и т.д. Исходя из этого, считаем важным рассмотреть возможность введения более детального регулирования случаев, когда сделки могут быть признаны недействительными в интересах защиты добросовестных участников рынка, аналогично тем, что предусмотрены в статьях 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179 ГК Российской Федерации. А также уточнить последствия недействительности сделок в ГК Республики Беларусь, аналогично тому, как это сделано в статье 167 ГК Российской Федерации. Это позволит сторонам более четко понимать свои права и обязанности в случае признания сделки недействительной и обеспечит большую правовую определенность.

Заключение. Руководствуясь вышеизложенным, можно сказать, что усовершенствование законодательства в данной области может повысить правовую определенность и защиту интересов добросовестных участников гражданского оборота. Принятие предложенных мер позволит улучшить правоприменительную практику и создать более стабильную правовую среду.

Список использованных источников

1. Калинин, А. Доктрина эстоппель как она есть / А. Калинин. – URL: https://jurist.by/zhurnal/statia/doktrina-estoppel-kak-ona-est (дата обращения: 10.03.2026).

2. Пунько, Т. Н. Применение принципа эстоппель в договорных обязательствах / Т. Н. Пунько // Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Ин-та переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та, Минск, 5–6 сент. 2024 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: М. А. Городецкая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – С. 126 – 128. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/332260/1/Punko%20T.N.%20Primenenie%20principa%20estoppel.pdf. (дата обращения: 10.03.2026).

3. Якушева, Е. Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е. Е. Якушева // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 8. – С. 52 – 66. – URL: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066. (дата обращения: 10.03.2026).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

М.С. Фёдорова
Научный руководитель: Н.А. Маркина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Актуальность темы исследования обусловлена устойчивой тенденцией роста числа имущественных споров между супругами, возникающих как в период брака, так и при его расторжении. Имущественные разногласия нередко становятся самостоятельной причиной прекращения брачных отношений, что подтверждается судебной практикой. В этой связи особое значение приобретает договорное регулирование имущественных отношений супругов посредством заключения Брачного договора.

Целью настоящего исследования является определение правовой природы Брачного договора в законодательстве Республики Беларусь и выявление его характерных признаков с учетом современного правового регулирования.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Нормативную базу – Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК), а также Постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». В работе использованы труды белорусских и зарубежных ученых в области семейного и гражданского права.

Результаты и их обсуждение. Современное белорусское законодательство предоставляет супругам и лицам, вступающим в брак, возможность изменить установленный законом режим общей совместной собственности путем заключения Брачного договора. В соответствии со ст. 13 КоБС Брачный договор представляет собой соглашение лиц, вступающих в брак, либо супругов об определении их личных неимущественных и (или) имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и после его расторжения [3].

В юридической литературе отсутствует единая позиция относительно правовой природы Брачного договора. Часть авторов рассматривает его как институт исключительно семейного права, аргументируя это специальным субъектным составом, тесной связью с браком как

юридическим фактом и особенностями содержания. Иные исследователи обосновывают гражданско-правовую природу Брачного договора, указывая на применение к нему общих положений о сделках и обязательствах. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о преобладании гражданско-правовых начал в регулировании Брачного договора. Так, изменение и расторжение Брачного договора осуществляется по основаниям и в порядке, предусмотренным гражданским законодательством (гл. 29 ГК) [2].

Признание Брачного договора недействительным полностью или частично также производится по основаниям, установленным ГК (ст. 169–171 и др.) [2]. Следовательно, к Брачному договору применяются общие условия действительности сделок: законность содержания, дееспособность сторон, соответствие воли и волеизъявления, соблюдение установленной формы. Брачный договор заключается в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. В случае если его условия затрагивают права на недвижимое имущество, договор подлежит государственной регистрации в установленном порядке. Несоблюдение данных требований влечет недействительность договора.

Существенной особенностью Брачного договора является его субъектный состав. Его сторонами могут быть супруги либо лица, вступающие в брак. Под последними понимаются лица, выразившие взаимное согласие на вступление в брак и соответствующие требованиям законодательства о брачном возрасте и отсутствии препятствий к заключению брака (ст. 17, 19 КоБС) [3]. По своей юридической характеристике Брачный договор является консенсуальным, двусторонним и, как правило, возмездным. Он вступает в силу с момента его нотариального удостоверения, а в случае заключения до регистрации брака – со дня государственной регистрации брака. Несмотря на принцип свободы договора, законодатель устанавливает определенные ограничения. В частности, Брачный договор не может ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, противоречить основным началам семейного законодательства, в том числе принципу равенства супругов [5]. Недопустимо включение условий, ограничивающих правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд. Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 разъяснено, что признание личного имущества каждого из супругов их общей совместной собственностью осуществляется исключительно судом. Соответствующее условие не может быть предусмотрено Брачным договором, что направлено на предотвращение злоупотреблений и защиту прав сторон. Важное значение имеет положение ст. 7 КоБС, допускающее применение норм гражданского законодательства к семейным отношениям при отсутствии их специального регулирования [3]. Это подтверждает межотраслевой характер Брачного договора, однако не опровергает его принадлежность к гражданско-правовым сделкам [1]. Таким образом,

Брачный договор обладает всеми признаками гражданско-правового договора: является соглашением сторон, направленным на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей; подчиняется общим правилам о сделках; влечет юридические последствия имущественного характера. Одновременно он имеет специфические черты, обусловленные природой брачно-семейных отношений, прежде всего возможностью регулирования личных неимущественных прав супругов, что нехарактерно для традиционных гражданско-правовых конструкций.

В последние годы в Республике Беларусь наблюдается устойчивая практика заключения брачных договоров как одного из инструментов правового регулирования имущественных отношений супругов. По данным Белорусской нотариальной палаты, ежегодно в стране заключается в среднем около 4 – 4,5 тыс. Брачных договоров. Данный показатель остаётся относительно стабильным на протяжении последних восьми лет. Следует отметить, что Брачный договор в Республике Беларусь может заключаться как лицами, вступающими в брак, так и супругами, уже состоящими в браке. Практика показывает, что данный институт применяется, прежде всего, для регулирования имущественных отношений супругов, распределения прав на имущество и предотвращения возможных имущественных споров в случае расторжения брака. Для оценки распространённости Брачных договоров целесообразно сопоставить указанные показатели с общим числом зарегистрированных браков.

Так, согласно данным официальной статистики, в 2024 году в Республике Беларусь было зарегистрировано 46 242 брака, коэффициент брачности составил 5,1 на 1000 населения. Если сопоставить эти показатели, можно сделать вывод, что Брачные договоры заключаются относительно небольшой частью вступающих в брак граждан. При среднем показателе 4 – 4,5 тыс. Брачных договоров в год их доля составляет примерно 8 – 10 % от общего числа зарегистрированных браков. Это свидетельствует о постепенном, но всё ещё ограниченном распространении данного правового института в семейно-правовой практике Республики Беларусь.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Брачный договор в правовой системе Республики Беларусь представляет собой разновидность гражданско-правового договора со специальным субъектным составом и особыми чертами, вытекающими из характера брачно-семейных отношений. Его правовая природа проявляется в сочетании общих признаков сделки и специфических элементов, обусловленных семейно-правовой сферой регулирования. Признание гражданско-правовой сущности Брачного договора обеспечивает единообразное применение норм о сделках, способствует укреплению правовой определенности и защите имущественных интересов супругов. Развитие института Брачного договора отвечает задачам повышения юридической культуры населения, укрепления ответственности супругов и

совершенствования механизмов договорного регулирования имущественных отношений в браке. Также, статистические данные показывают, что Брачный договор в Беларуси постепенно становится востребованным инструментом регулирования имущественных отношений супругов, однако его применение пока не носит массового характера, что может быть обусловлено как правовой традицией, так и недостаточной информированностью граждан о возможностях данного института.

Список использованных источников

1. Басалыга, И. С. Брачный договор и договор суррогатного материнства в странах СНГ: специфика и правовая природа / И. С. Басалыга // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 2. – С. 75 – 80.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 7 дек. 1998 г. : с изм. и доп. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2026.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : с изм. и доп. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2026.

4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 дек. 2022 г., № 7.

5. Халецкая, Т. М. Брачный договор: проблемы определения субъектного права / Т. М. Халецкая // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 2. – С. 97 – 106.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Д.А. Фурсов
Научный руководитель: А.С. Андрианова
Могилев, Могилевский институт МВД

Анализ статистических данных показывает наличие тенденции к снижению количества совершенных краж и, как следствие, количества осужденных за совершение данного преступного деяния лиц: 2020 г. – 8 760 человек, 2021 г. – 9 224 человек, 2022 г. – 10 328 человек, 2023 г. – 8 368 человек, 2024 – 6 979 человек [1]. Представляется обоснованным утверждение о том, что причина снижения количества краж в изменении способа совершения данного вида деяний. На данном моменте акцентируется внимание такими исследователями как А. С. Усенко [2], В. В. Хилюта [3] и др.

Развитие информационных технологий и изменения в социально-экономической сфере оковывают влияние на способы тайного похищения имущества, что говорит об актуальности выбранной темы исследования.

Цель исследования – анализ изменений в способах и средствах совершения таких корыстных преступлений как кражи.

Материалы и методы. В ходе работы над темой исследования были изучены результаты уголовно-правовых исследований в области преступлений против собственности, правоприменительная практика и статистические данные. Методологическую основу составляют такие общенаучные методы исследования как сравнение, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Анализ правоприменительной практики правоохранительных органов показывает изменение в формах и способах совершения преступных и иных противоправных деяний. Традиционно в структуре преступности наибольшее количество составляют кражи. При этом еще несколько лет назад бытовые кражи: из квартир, дач, карманные кражи и т.д. В настоящее время наблюдается рост хищений с использованием компьютерной техники и снижение количества краж, совершенных традиционным способом.

В структуре краж с помощью информационных технологий как вида корыстных преступлений можно выделить такие деяния как манипуляции с компьютерной информацией, вмешательство в работу программного обеспечения, сетей и электронных средств платежа. Средствами, используемыми для совершения таких преступлений, становятся устройства, обеспечивающие хранение и передачу данных: компьютеры, смартфоны, банковские карты, электронные кошельки и другие цифровые инструменты. Получив доступ к одному устройству, злоумышленник может одновременно проникнуть в несколько систем – банковские счета, счета мобильной связи, карты лояльности, аккаунты в социальных сетях и т.д.

Использование информационных технологий в качестве средства совершения преступления предполагает активное задействование так называемого «человеческого фактора». На практике это выражается в рассылке спам-сообщений, направлении ссылок на фишинговые сайты, заражении компьютеров вредоносным программным обеспечением с целью компрометации персональных и платежных данных, а также в побуждении потерпевших к самостоятельному совершению финансовых операций.

Информационные технологии также широко используются при создании поддельных электронных кошельков, фальшивых сайтов платежных сервисов, псевдоинвестиционных и краудинвестинговых проектов, а также фиктивных инвестиционных фондов, функционирующих с применением криптовалют. В подобных случаях цифровая среда используется для создания у потерпевших ложного представления о легальности и надежности предлагаемых финансовых инструментов, что значительно повышает эффективность преступных действий.

Хищения нередко совершаются как посредством взлома систем доступа к персональным данным, так и за счет манипулирования поведением самих потерпевших. Недостаточный уровень компьютерной и финансовой грамотности населения, а также отсутствие навыков

безопасного использования информационных технологий создают благоприятные условия для совершения подобных преступлений. В результате потерпевшие добровольно передают преступникам данные, позволяющие получить доступ к их денежным средствам, либо самостоятельно осуществляют переводы в пользу злоумышленников. К числу основных факторов, способствующих таким хищениям, относятся доверчивость, излишняя открытость в цифровой среде, пренебрежение мерами личной информационной безопасности, а также стремление получить выгоду или сэкономить в кратчайшие сроки. Указанные особенности поведения активно используются преступниками при разработке схем хищений и выборе способов воздействия на потенциальных жертв. Таким образом, при совершении краж с использованием информационных технологий ключевое значение имеет не только техническая сторона преступления, но и психологическое воздействие на потерпевших.

В рассмотренных выше случаях деяния квалифицируются не как кражи, а как хищение путем модификации компьютерной информации [4, ст. 212].

Совершение тайного похищения имущества дистанционно, без непосредственного присутствия виновного лица порождает определенные трудности при уголовно-правовой оценке, особенно при разграничении кражи и мошенничества, а также при установлении способа совершения преступления. Кроме того, следует отметить высокую латентность и техническую сложность выявления краж, совершенных с использованием информационных технологий, поскольку преступник может действовать дистанционно, скрывать свои следы и использовать сложные программные средства. Потерпевшие нередко обнаруживают факт хищения спустя значительное время, а в отдельных случаях не обращаются в правоохранительные органы, считая причиненный ущерб незначительным или не веря в возможность раскрытия преступления. Кроме того, цифровые следы могут быть быстро уничтожены или скрыты с помощью технических средств, что дополнительно затрудняет расследование. Стоит отметить, такие преступления часто имеют трансграничный характер, что требует не только совершенствования методов расследования, но и активного международного взаимодействия правоохранительных органов для эффективного противодействия.

Понимание механизма совершения краж с использованием информационных технологий позволяет разработать систему эффективных мер профилактики, объединяющую технические, образовательные и организационные средства. Так как современные преступления в цифровой среде часто основаны на слабой цифровой подготовке пользователей, доверчивости и невнимательности к личной безопасности, важной составляющей профилактики становится повышение цифровой грамотности населения. Пользователи должны уметь распознавать

подозрительные ссылки и фишинговые сообщения, использовать надежные пароли и двухфакторную аутентификацию, критически оценивать инвестиционные предложения и осторожно относиться к передаче личных и финансовых данных.

Техническая защита играет не менее важную роль: антивирусные программы, системы обнаружения вредоносного ПО, шифрование данных, регулярное обновление программного обеспечения и мониторинг активности помогают снизить риски несанкционированного доступа. Организационные меры включают внедрение стандартов информационной безопасности в компаниях, обучение сотрудников безопасной работе с корпоративными системами, сотрудничество с банками и платёжными сервисами для отслеживания подозрительных операций, а также совершенствование законодательства, учитывающего особенности «цифровых краж».

Кроме того, нельзя недооценивать психологический аспект: преступники часто используют социальную инженерию, побуждая пользователей самостоятельно совершать действия, ведущие к потере средств или данных. Поэтому необходимо формировать критическое мышление, осторожное отношение к онлайн-предложениям и устойчивые привычки безопасного поведения в сети. Только сочетание этих мер – повышение цифровой грамотности, использование технических средств защиты, внедрение организационных стандартов и развитие внимательного отношения к собственной безопасности – позволяет значительно снизить риск краж в цифровой среде и повысить защиту личных и корпоративных данных.

Заключение. Кражи с использованием цифровых технологий представляют собой сложный вид преступлений, сочетающий технические и психологические элементы. Их особенности (высокая латентность, трансграничный характер и сложности в раскрытии) требуют особого подхода к расследованию, квалификации и профилактике.

Список использованных источников

1. Численность осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000012 (дата обращения: 03.03.2026).

2. Усенко, А. С. Способы подготовки, совершения, сокрытия кражи / А. С. Усенко // Вестник экономики и права. – 2023. – № 83. – С. 53 – 58.

3. Хилюта, В. В. Квалификация преступлений против собственности : учебное пособие по спецкурсу / В. В. Хилюта. – Гродно : ГрГУ, 2013. – 1 CD-ROM.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.03.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.А. Шаделко
Научный руководитель: И.Ф. Гребенщикова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Забота о детях, защита их прав и интересов является одной из главнейших задач белорусского государства. Цель исследования – изучение механизма зашиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалами исследования явились научные работы, статистические данные, а также нормативные материалы. Использованы следующие методы изучения: диалектический, анализа, синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты и их обсуждение. Социально ориентированная политика, успешно реализованная в Беларуси, направлена на обеспечение равной защиты прав и законных интересов граждан, в том числе на поддержку и укрепление института семьи. Государство активно работает над охраной детства, внедряя систему, которая позволяет своевременно выявлять признаки семейного неблагополучия, анализировать их причины и условия, а также проводить профилактические меры и устранять негативные последствия таких ситуаций.

В Республике Беларусь за последние десятилетия произошла значительная трансформация в подходе к защите прав детей. Была сформирована новая государственная политика, которая гармонизирована с актуальными мировыми тенденциями и международным законодательством. Центральным элементом этой обновленной системы защиты детства является принцип первостепенной ответственности семьи за воспитание и благополучие ребенка. Система защиты детства включает: 1) превентивные меры по предотвращению семейного неблагополучия; 2) реабилитационную поддержку семей в кризисных ситуациях для устранения причин социально опасного положения; 3) точное определение степени угрозы для жизни и здоровья детей, что позволяет адекватно реагировать и принимать меры по улучшению обстановки.

Фундаментальное право каждого ребенка жить в семье, окруженным родительской заботой и вниманием, является неотъемлемым и гарантируется как внутренним законодательством, так и международными нормами. В нашей стране, с момента присоединения Республики Беларусь к Конвенции Организаций Объединённых Наций о правах ребенка [2] и последующего принятия ряда национальных правовых актов, значительно усилились и получили дальнейшее развитие меры, направленные на

обеспечение детям возможности расти и воспитываться в благоприятной семейной среде.

Конституция Республики Беларусь устанавливает правовой статус ребенка и содержит положения, направленные на обеспечение его полноценного физического, духовного и нравственного развития. Каждый ребенок, согласно Конституции, имеет гарантированное право на защиту своей жизни и здоровья, чести и достоинства, личную неприкосновенность и достойный уровень жизни [3]. Для защиты прав и свобод детей, статья 32 Конституции Республики Беларусь предусматривает, что в случае, если родители не выполняют свои обязанности, дети могут быть изъяты из семьи по решению суда.

Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» (далее – Закон о правах ребенка) развивает эти положения, закрепляя за каждым ребенком право на проживание в семье, право на жилище, а также право на внимание и заботу со стороны родителей [4].

Согласно действующему законодательству Республики Беларусь (статьи 15, 16, 18, 19 Закона «О правах ребенка»), каждому несовершеннолетнему гарантируется право на: проживание в кругу своей семьи, знание и признание обоих родителей, получение заботы и воспитания от родителей, совместное проживание с родителями, обеспечение жилищем, право на наследование имущества от родителей.

Неотъемлемой частью системы является законодательное требование к родителям проявлять заботу о своих детях и создавать им все условия для счастливой и полноценной жизни, что подчеркивается и в ст. 17 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка»: «Родители (опекуны, попечители) должны создавать необходимые условия для полноценного развития, воспитания, образования, в том числе получения в соответствии с законодательством об образовании обязательного общего среднего образования, укрепления здоровья ребенка, обеспечивать подготовку его к самостоятельной жизни в семье и обществе, общественно полезному труду, прививать ребенку культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси» [4].

Правовое регулирование обязанности родителей по содержанию детей представлено в статье 91 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [1]. Законодательство предусматривает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями своих обязанностей по обеспечению детей. Кроме того, уклонение родителей от выполнения указанных обязанностей может повлечь за собой признание детей, воспитывающихся в такой семье, находящимися в социально опасном положении (далее – СОП). Это состояние характеризуется тем, что дети не могут в полной мере пользоваться своими правами и свободами из-за родительского пренебрежения. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2024 г. № 1055 «О признании детей находящимися в социально опасном положении и нуждающимися в

государственной защите» установлены следующие критерии СОП: «1) неудовлетворение родителями основных жизненных потребностей ребенка; 2) отсутствие надзора за поведением и образом жизни детей, что приводит к совершению ими противоправных деяний; 3) ведение родителями аморального образа жизни, создающего опасность для жизни и здоровья детей» [5]. Меры по защите прав и свобод детей в неблагополучных семьях также регламентированы КоБС.

Для обеспечения прав и свобод детей, оказавшихся в неблагополучных семьях, КоБС предусматривает ряд мер. Если родители не справляются со своими обязанностями по воспитанию и содержанию детей, и это приводит к тому, что дети оказываются в СОП, государство может вмешаться. В таких ситуациях дети признаются нуждающимися в государственной защите, и их могут отобрать у родителей для помещения под государственное обеспечение, присвоив им статус оставшихся без попечения родителей. Дополнительными мерами защиты прав детей в неблагополучных семьях являются лишение родителей родительских прав или отобрание ребенка у родителей без лишения их родительских прав.

Так, например, в 2025 году, по инициативе прокуратуры Витебской области, были предприняты меры по защите 128 несовершеннолетних из 64 семей. В 47 семьях, где проживает 90 детей, были выявлены признаки СОП. Еще 35 детей из 14 семей были признаны нуждающимися в государственной поддержке и изъяты из родительской опеки. Кроме того, в отношении трех семей было принято решение о лишении их законных представителей родительских прав, что затронуло троих детей [7].

По итогам 2025 года в Минском регионе были выявлены критерии социально опасного положения у свыше 4,1 тысячи детей. В ответ на это 368 несовершеннолетних были помещены под государственную защиту и изъяты из семей. В 358 случаях было принято решение о лишении родителей родительских прав. Важно отметить, что 223 ребенка были успешно возвращены в свои семьи после проведенной реабилитационной работы [6].

В связи с этим с 17 января 2026 года в Республике Беларусь вступили в действие поправки к Закону «О правах ребенка». Данные изменения направлены на существенное укрепление системы защиты детей и повышение уровня ответственности совершеннолетних лиц. Обновленный законодательный акт призван стать более эффективным инструментом в реализации государственной политики по обеспечению благополучия каждого ребенка. Ключевым направлением проводимых реформ является совершенствование системы защиты детства и формирование безопасного пространства для подрастающего поколения.

Заключение. В Республике Беларусь функционирует комплексная национальная система, призванная обеспечивать защиту прав детей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах, связанных с неблагополучием в семье. Государство играет ключевую роль в этом

процессе, делегируя своим органам и организациям полномочия по своевременному выявлению и предупреждению случаев семейного неблагополучия, а также по реализации мер, направленных на гарантирование прав детей в таких семьях.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.02.2026).

2. Конвенция о правах ребенка : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 03.02.2026).

3. Конституция Республики Беларусь : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 109 с.

4. О правах ребенка : Закон Респ. Беларусь, 19 ноябр. 1993 г. № 2570-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. № 86-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.02.2026).

5. О признании детей находящимися в социально опасном положении и нуждающимися в государственной защите : постановление Сов. Мин. Респ. Беларусь, 30 дек. 2024 г. № 1055 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.02.2026).

6. Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2007-2026. – URL: https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/o-nesovershennoletnikh-i-molodezhi/prokuratura-minskoy-28012026/ (дата обращения: 02.02.2026).

7. Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2007-2026. – URL: https://erudo.by/statia/prokurorami-vitebshchiny-obespechena-zashchita-prav-i-zakonnyh-interesov-128-detej-prozhivavshih-v-neblagopoluchnyh-semyah (дата обращения: 03.02.2026).

ВЫБОРЫ В ГЕРМАНСКИЙ БУНДЕСТАГ 2025 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ И ИТОГИ

Д.С. Шамкова
Научный руководитель: К.Э. Колесник
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Федеративная Республика Германия – крупнейшее государство Европы по населению и одно из крупнейших по территории, экономический и политический лидер Европейского Союза. Политические события в Германии оказывают значительное влияние на всю Европу. В связи с этим выборы в Бундестаг 2025 года, которые привели к значительным изменениям в расстановке политических сил в ФРГ, заслуживают особого внимания. Особую значимость рассмотрения данного вопроса придаёт тот факт, что принимаемые в 2025 – 2026 годах решения

закладывают основу для развития Германии до конца десятилетия, определяя параметры бюджетной, социальной и оборонной политики.

Материалы и методы. Основными источниками для исследования являются Конституция Федеративной Республики Германия [3], закон о выборах ФРГ [5], научные статьи, сайты государственных органов Германии. Исследование базируется на принципе историзма с использованием историко-сравнительного, институционального, хронологического методов, методов исторического анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. По итогам выборов 2021 года в Бундестаге сформировалась так называемая «светофорная» коалиция. Основной политической силой коалиции стала СДПГ во главе с канцлером Олафом Шольцем. В коалицию вошли также партии «Зеленых» и СвДП. Свое название коалиция получила по традиционным цветам ее участников.

Согласно Конституции и Федеральному закону о выборах Германии, федеральные выборы должны пройти не ранее чем через 46 и не позднее чем через 48 месяцев после первого заседания Бундестага, если только Бундестаг не будет распущен ранее. [3, 5] 20-й созыв Бундестага провел свое первое заседание 26 октября 2021 года. В августе 2024 года федеральный кабинет министров первоначально рекомендовал провести выборы 28 сентября 2025 года. Однако федеральные выборы могут быть назначены раньше, если президент распускает Бундестаг и объявляет досрочные выборы. 6 ноября 2024 года канцлер Олаф Шольц отправил в отставку лидера Свободной демократической партии Кристиана Линднера из действующего правительства. Он сделал это во время правительственного кризиса, что привело к распаду «светофорной коалиции». [1, с. 200]

11 декабря 2024 года Шольц подал в Бундестаг вотум доверия, который был вынесен на голосование 16 декабря. Для принятия вотума требовалось большинство в 367 голосов «за», однако правительство поддержали лишь 207 депутатов. 27 декабря президент Штайнмайер официально распустил Бундестаг, назначив дату выборов на 23 февраля 2025 года. Выборы 2025 года стали четвертыми досрочными выборами в послевоенной истории Германии.

В Германии действует смешанная пропорционально-мажоритарная избирательная система, обеспечивающая представительство как местных интересов (299 одномандатных округов), так и пропорциональное распределение голосов на партийном уровне. Избиратели голосуют дважды: первый раз – за кандидата от своего округа, второй – за партийный список.

В ходе первого голосования избиратели указывают, за какого кандидата они проголосуют, чтобы он представлял их избирательный округ. Результаты подсчитываются по методу относительного большинства, то есть победителем считается кандидат, набравший наибольшее количество голосов. До выборов 2025 года победитель в

каждом избирательном округе автоматически избирался в Бундестаг. Второй голос имеет большее значение, поскольку голосование за партию, а точнее за общегерманский избирательный список этой партии, влияет на ее популярность в масштабах страны и имеет решающее значение для определения партийного состава Бундестага. Количество голосов, отданных во втором туре, также определяет долю мест, закрепляемых за федеральными землями, поскольку места, полученные партией, распределяются пропорционально между ее региональными списками. [6, с. 47 – 48]

Чтобы участвовать в пропорциональном распределении мест, партия должна либо набрать пять процентов голосов по всей стране, либо получить три места в избирательных округах по результатам первого голоса.

Изначально все 630 мест распределяются пропорционально на федеральном уровне между партиями, преодолевшими избирательный порог, затем между землями, а внутри каждой партии – между ее кандидатами в каждой федеральной земле. Из общего числа мест, полученных каждой партией в каждой земле, вычитается количество округов, в которых она победила, чтобы получить итоговое количество мест по партийным спискам.

До выборов 2025 года, если партия получала больше избирательных округов в федеральной земле, чем ей полагалось по пропорциональной системе, она могла сохранить так называемые дополнительные места, что, соответственно, увеличивало численность Бундестага.

После выборов 2021 года в Бундестаге оказалось 736 депутатов, что сделало его самым многочисленным свободно избранным парламентом в мире. В марте 2023 года Бундестаг принял закон о избирательной реформе, который внес два существенных изменения в систему формирования Бундестага. Во-первых, распределение мест определяется исключительно долей каждой партии во втором туре голосования, во-вторых, правило трех округов было отменено. В результате реформы партиям больше не разрешается сохранять за собой дополнительные места. Если партия получает дополнительные места в какой-либо земле, ее кандидаты в округах исключаются из Бундестага в порядке убывания доли голосов, полученных на первом туре. Таким образом, количество депутатов в Бундестаге не должно превышать 630. [2]

Голосование избирателей показало растущую популярность оппозиционных партий, как правых, так и левых. Три оппозиционные партии увеличили свою долю голосов на выборах по сравнению с предыдущими федеральными выборами в 2021 году. Консервативный альянс ХДС/ХСС стал крупнейшей фракцией в Бундестаге, набрав 28,5 % голосов. Хотя этот результат значительно ниже 41,5 % голосов, полученных Ангелой Меркель в 2013 году, он позволил альянсу сформировать новое правительство. Крайне правая партия «Альтернатива

для Германии» с 20,8% голосов удвоила свою долю и добилась лучшего результата на общенациональных выборах в Германии, заняв второе место. Социалистическая партия «Левые», значительно улучшила свои показатели, набрав 9%. С другой стороны, Альянс Сары Вагенкнехт (BSW), популистская партия, отколовшаяся от «Левых», потеряла позиции и с результатом 4,98% не прошла в Бундестаг. [4, с. 169-170]

Три партии, ранее входившие в правящую коалицию «Светофор», потеряли поддержку избирателей. Левоцентристская Социал-демократическая партия (СДПГ) потеряла более 9% голосов и опустилась на третье место с результатом всего в 16,4 %. Их младший партнер, «Зеленые», также потерял поддержку избирателей – с 15 % до 12 %. Свободная демократическая партия (СвДП), показала худший результат за всю историю, набрав 4,3 % голосов, и потеряла все места в Бундестаге, как это уже случалось в 2013 году. [4, с. 170 - 171]

В общей сложности в Бундестаге 21-го созыва блок ХДС/ХСС получил 208 мест против 143 в 2021 году, АдГ представлена в Бундестаге 152 парламентариями по сравнению с 83 в 2021. Возросло также представительство «Левых» – с 39 мандатов в 2021 году до 64 в 2025. Значительно сократилось представительство партий, входивших в «светофорную коалицию». СДПГ отправила 120 депутатов в парламент по сравнению с 206 в 2021 году. «Зеленые» получили 85 парламентских мест вместо 118 четырьмя годами ранее. Еще одно место получила Ассоциация избирателей Южного Шлезвига (SSW), которая как партия, представляющая датское меньшинство в Шлезвиг-Гольштейне, не обязана преодолевать 5-процентный барьер, набрав всего 0,15 % голосов.

Явка избирателей составила 82,5 %, что на 6% больше, чем в 2021 году, и является самым высоким показателем со времен воссоединения Германии.

По итогам выборов 9 апреля 2025 года была сформирована так называемая «большая коалиция», в которую вошли традиционно наиболее влиятельные партии Германии ХДС/ХСС и СДПГ. На выборах в 2025 году эти партии в сумме набрали всего 44,9 % голосов, но, всё же получили большинство – 328 из 630 мест. [4, с. 174]

6 мая 2025 года немецкий парламент избрал лидера ХДС Фридриха Мерца канцлером, за него проголосовали 325 депутатов из 630. Ранее в тот же день Мерц не смог стать канцлером: в первом туре голосования за него проголосовали только 310 депутатов, что потребовало проведения второго тура – ситуация, беспрецедентная в послевоенной истории Германии. Таким образом, с начала работы Бундестага 21-го созыва правящая коалиция продемонстрирована неустойчивость своего положения и отсутствие внутреннего единства.

Заключение. Выборы в Бундестаг 2025 года показали растущее недовольство немецких избирателей положением дел в стране. Правящая левоцентристская коалиция в 2024 году распалась, а входившие в нее

партии потерпели серьезное поражение на выборах 2025 года. В свою очередь улучшила свои показатели как правые, так и левые силы. Особенно стоит отметить резкий рост популярности несистемной «Альтернативы для Германии», впервые занявшей второе место на федеральных выборах. На основании этих результатов можно сделать вывод об усиливающейся поляризации политической системы Германии и усилении радикальных настроений в немецком обществе.

Неоднозначными выглядят результаты избирательной реформы 2023 года. С одной стороны, принятые изменения позволили сократить численность депутатов чрезмерно раздутого Бундестага. С другой стороны, новая система дает дополнительные возможности для манипуляции результатами голосования и лишает депутатских мандатов кандидатов, победивших в своих избирательных округах.

Список использованных источников

1. Басов, Ф. А. Германия: крах “светофорной” коалиции / Ф. А. Басов / Год планеты. – Москва: Идея – Пресс, 2025. – С. 199 – 206.

2. Информационный портал Germania-online. Федеральное Министерство иностранных дел Германии. – UPL: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/2698890-2698890 (дата обращения: 02.03.2026).

3. Основной закон Федеративной Республики Германии (в редакции 2014 года). – UPL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (дата обращения: 02.03.2026).

4. Ручкин, Н. Д. Новая «Большая» коалиция: внутриполитические вызовы в современной Германии / Н. Д. Ручкин // Россия в глобальном мире. – 2025. – Т. 28. – Вып. 3. – С. 169 – 180.

5. Федеральный Закон Германии «О выборах в Бундестаг». – URL: https://bundeswahlleiterin.de/en/dam/jcr/4ff317c1-041f-4ba7-bbbf-1e5dc45097b3/bundeswahlgesetz_engl.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

6. Шапошникова, Е. А. Немецкая персонифицированная избирательная система как особенный и редкий вид голосования по партийным спискам / Е. А. Шапошникова // Выборы: теория и практика. – 2014. – № 3 (31). – С. 45 – 50.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИТЕТОМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ

Б.П. Швед
Научный руководитель: Е.Н. Мазаник
Минск, БГЭУ

В условиях глобализации и усиления трансграничных связей проблема отсутствия правовых рамок действия экстерриториальной юрисдикции приобретает особую актуальность для современного международного права. Необходимость координации ее применения в международном пространстве определяет важность данной темы. В связи с этим целью исследования является выявление основных тенденций и перспектив развития экстерриториальной юрисдикции.

Материал и методы. Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых как Ф. Ф. Мартенс, Д. В. Давыдов, А. А. Самарин, Л. В. Терентьева, М. В. Кешнер. Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, наблюдение, описание, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение.

1. Применение экстерриториальной юрисдикции на сегодняшний день стало средством реализации странами политических и экономических интересов в международных отношениях.

В современной международной обстановке, характеризующейся углублением глобализации общественных отношений и ростом трансграничной активности, экстерриториальная юрисдикция становится все более востребованным инструментом правового регулирования. Каждое государство стремится распространить действие собственного закона за пределами границ, обосновывая это необходимостью защиты интересов и обеспечения безопасности на международной арене.

Как итог, наблюдается тенденция к расширению практики применения экстерриториального действия права, которая развивается в условиях отсутствия единообразных международно-правовых норм, четко закрепляющих пределы его допустимого воздействия. Взгляд на картину мира XXI века позволяет говорить о случаях, например, постоянного экстерриториального применения антимонопольного, банковского или налогового законодательства со стороны одного субъекта международных отношений, являющегося лидером в международной торговле, на территории иного, не имеющего подобного влияния, воздействуя тем самым на формирование его внутренней политики и определения позиции на мировом рынке [1, с. 50]. Равным образом имеет место быть и ситуация, когда второстепенный актор мировой политики и экономики не может применять свое право на территории доминирующего актора в силу наличия у него «блокирующих» механизмов воздействия иностранных актов законодательства [3, с. 158].

По мнению А. А. Самарина, отсутствие альтернативы для эффективного урегулирования проблем международного характера, способных исходить от конкретного субъекта, не оставляет иного выбора, как сохранять и развивать институт экстерриториальной юрисдикции. Так, странам мира все чаще навязывается мнение о переходе к ограниченному, «объединенному» суверенитету, допускающему вмешательство во

внутренние дела государства иностранной юрисдикции под предлогом предотвращения вооруженного конфликта, мирового финансового кризиса, устранения потенциальной гуманитарной катастрофы или недопущения нарушения прав человека, зачастую без санкции от мирового сообщества в лице Организации Объединенных Наций [4, с. 20].

2. Попытки ограничить влияние иностранного права на своей территории осуществляются в рамках национального законодательства, что порождает правовую неопределенность.

В 2006 году в Докладе Комиссии международного права при Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций прозвучал тезис о неспособности государств защитить свои национальные интересы с помощью одних лишь традиционных принципов юрисдикции, что сказалось на росте разногласий и неопределенности в отношении отдельных аспектов права, регулирующего экстерриториальную юрисдикцию. Комиссия отметила серьезную потребность в ее кодификации, определив важной задачей в условиях прогрессивного развития пределов ее применения и стремительного процесса глобализации [2, с. 537 – 553].

Однако в настоящее время по-прежнему наблюдается отсутствие документа или ряда документов, которые обеспечили бы полноценное и комплексное международно-правовое регулирование исследуемого института экстерриториальности. И хотя в названном выше Докладе упоминается о возможности установления тех же ограничительных мер, основанных на ряде базовых принципов международного права, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций [5], ее реализация, как указывает Комиссия, осуществляется в индивидуальном порядке [2, с. 556].

Подобный недостаток вынуждает каждое государство вырабатывать собственные правовые механизмы в рамках национального законодательства, но отсутствие координации и взаимосогласованности в процессе формирования пределов с опорой на свою уникальную национальную правовую систему при стремлении отставить собственные интересы так или иначе приводит к конфликту таких интересов.

Осуществление формирования ряда ограничительных мер для иностранного права будет неизбежно приводить к ситуациям, когда с обеих сторон будут выдвинуты обоснованные меры как для применения экстерриториальной юрисдикции, так и для ее ограничения, а в условиях возможности оценки правомерности установления экстерриториальности только с точки международного права с учетом роста подобных споров будет приводить к их длительной неразрешенности и замедлению процессов межгосударственного взаимодействия.

Поэтому современная международная обстановка определяет необходимость формирования полноценного и единого представления об экстерриториальности как о едином институте международного права и

разработки действенного механизма его реализации. Еще в конце XIX века Ф. Ф. Мартенс отмечал, что «не оправдываясь разумными требованиями, экстерриториальность обратится в насилие и узурпацию, и не может быть терпима» [1, с. 51].

Заключение. В условиях глобализации экстерриториальная юрисдикция становится значимым инструментом регулирования трансграничных отношений и реализации государствами собственных политико-экономических интересов. Одновременно расширение практики ее применения при отсутствии четко закрепленных международно-правовых пределов приводит к возникновению коллизий юрисдикций и росту правовой неопределенности. Попытки государств ограничить действие иностранного права преимущественно средствами национального законодательства не обеспечивают согласованности подходов и нередко усугубляют конфликты интересов. В этой связи актуализируется необходимость систематизации и кодификации норм экстерриториальной юрисдикции, а также выработки единого согласованного международно-правового механизма ее регулирования в целях обеспечения баланса суверенных интересов государств.

Список использованных источников

1. Давыдов, Д. В. Экстерриториальность in corpore: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных / Д. В. Давыдов // Международное право. – 2025. – № 3. – С. 50 – 61.

2. Доклад Комиссии международного права. Пятьдесят восьмая сессия // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/61/10 (дата обращения: 01.03.2026).

3. Кешнер, М. В. Вопросы легитимности ограничения контрмерами экстерриториальной юрисдикции государства / М. В. Кешнер // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 152–171.

4. Самарин, А. А. Суверенитет государства и экстерриториальное действие права / А. А. Самарин // Юристъ - Правоведъ. – 2015. – № 3 (70). – С. 18 – 21.

5. Устав Организации Объединенных Наций : подписан в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 02.03.2026).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.Д. Шнипова
Научный руководитель: А.П. Петров
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Компетенции Всебелорусского народного собрания в области привлечения к ответственности Главы государства представляют собой

вершину системы сдержек и противовесов в обновленной политической конфигурации Республики Беларусь. Согласно положениям пункта седьмого статьи 89^3 Конституции, Собрание наделено исключительным правом принимать решение о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Основного Закона либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления. Данное полномочие коренным образом меняет архитектуру ответственности высшего должностного лица, поскольку теперь решение о прекращении полномочий Президента принимается не политизированным Парламентом, а максимально широким кругом делегатов, представляющих интересы всех регионов, социальных слоев и ветвей власти. Это придает процедуре импичмента истинно общенародный характер, гарантируя, что вопрос об ответственности Главы государства будет рассматриваться исходя из высших интересов национальной безопасности и правопорядка, а не в угоду партийным или групповым интересам [1, с. 102].

Материалы и методы. Для написания данной работы использовались такие методы исследования как анализ, синтез и обобщение. Материалами послужили исследования таких авторов как: О.Н. Букаева, Г.А. Василевич, А.Т. Карасев.

Результаты и их обсуждение. Реальным примером реализации данной компетенции в текущий период стало принятие Регламента Всебелорусского народного собрания, в котором отдельный раздел посвящен процедуре рассмотрения вопроса о смещении Президента. В этом документе Собрание детально закрепило порядок формирования специальной комиссии по расследованию обстоятельств совершения государственной измены или иного тяжкого преступления или фактов систематического или грубого нарушения Конституции, а также установило требования к доказательной базе. Принятие этого акта стало первым в истории страны случаем, когда орган народовластия официально утвердил пошаговый юридический алгоритм привлечения к ответственности высшего должностного лица, что само по себе является актом реализации данной компетенции и создает постоянно действующий механизм правового контроля [2, с. 9].

В тесной связи с правом на смещение Президента находится компетенция, закрепленная в пункте девятом статьи 89^3, которая наделяет Собрание правом вводить на территории страны чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных законом, и в случае бездействия Президента по этим вопросам. Этот механизм окончательно оформился как инструмент «резервной власти», предназначенный для предотвращения паралича государственного управления в критических ситуациях. Если Глава государства по каким-либо причинам не принимает необходимых мер по защите суверенитета и конституционного строя, Всебелорусское народное собрание вправе взять на себя ответственность за принятие этих исключительных решений [3, с.

137]. Таким образом, Собрание выступает не только как орган, способный привлечь Президента к политической ответственности, но и как высший конституционный предохранитель, восполняющий отсутствие необходимых действий со стороны исполнительной власти в условиях угрозы государству.

Примером реализации этого сложного полномочия стало принятие Собранием Постановления об утверждении перечня критериев и угроз, при которых ВНС обязано инициировать вопрос о введении особых правовых режимов, если Президентом не были приняты соответствующие меры. В 2025 – 2026 годах этот документ был интегрирован в систему стратегического планирования национальной безопасности. Кроме того, в рамках проведения плановых командно-штабных учений по обеспечению безопасности в 2025 году был отработан реальный протокол взаимодействия Собрания и силовых структур на случай реализации данной статьи. Собрание зафиксировало в своих решениях готовность оперативно собраться в течение нескольких часов для принятия управления кризисной ситуацией, что фактически ввело в правовое поле механизм «дублирующей системы» защиты суверенитета на случай паралича основной вертикали власти [4, с. 18].

Реализация этих полномочий опирается на детально проработанное законодательство, которое исключает возможность волюнтаристского применения данных норм. Процедура смещения Президента предполагает сложный процесс сбора доказательств, проведение специальных расследований и голосование большинством голосов от полного состава делегатов ВНС, что делает этот институт механизмом защиты закона, а не инструментом политической борьбы. Существование такой компетенции у ВНС создает мощный превентивный эффект, обеспечивая безусловное соблюдение Конституции высшими должностными лицами под угрозой неотвратимой ответственности перед представителями народа. В совокупности полномочия по импичменту и введению особых правовых режимов при бездействии Президента закрепляют за Всебелорусским народным собранием статус верховного арбитра, способного разрешать глубочайшие государственные кризисы правовым путем в рамках конституционного поля [5, с. 14].

Заключение. Таким образом, анализ компетенций Всебелорусского народного собрания в области привлечения к ответственности Главы государства позволяет сделать вывод о формировании в Республике Беларусь принципиально новой модели высшего конституционного контроля. Наделение Собрания правом на смещение Президента с должности за грубые нарушения Основного закона или совершение тяжких преступлений превращает ВНС в верховного арбитра, который стоит на страже национальных интересов и правового порядка. В отличие от прежней политической системы, где механизмы ответственности были рассредоточены между ветвями власти, нынешняя архитектура замыкает

этот процесс на наиболее репрезентативном органе, что исключает возможность политического торга и придает процедуре импичмента статус неоспоримого акта народной воли. Это создает мощный стабилизирующий эффект, обеспечивая подотчетность высшей власти не просто формальным институтам, а непосредственно делегатам, представляющим все слои общества и регионы страны.

Особую значимость приобретает «резервная» компетенция Собрания по введению чрезвычайного или военного положения в случае бездействия Президента по данным вопросам. Данная норма выступает ключевым инструментом защиты суверенитета, когда внешние и внутренние угрозы могут потребовать мгновенной реакции, а традиционная вертикаль управления по каким-либо причинам может оказаться парализованной. Передача права на введение особых правовых режимов Собранию гарантирует, что в государстве не возникнет ситуации безвластия или правового вакуума, так как ВНС обладает легитимным правом взять на себя ответственность за безопасность нации. В совокупности эти полномочия создают систему «двойной защиты» конституционного строя, при которой Глава государства ограничен в своих действиях не только законом, но и реальной угрозой утраты полномочий в случае невыполнения своих прямых обязанностей по защите страны. Таким образом, Всебелорусское народное собрание в современной правовой реальности Беларуси выступает не инструментом давления, а фундаментальным предохранителем, обеспечивающим выживаемость государства и незыблемость его правовых основ в самых критических сценариях развития событий.

Список использованных источников

1. Букаева, О. Н. Конституционный принцип народного суверенитета и представительная демократия / О. Н. Букаева // Право и образование. – 2007. – № 8. – С. 98 – 105.

2. Василевич, Г. А. Коллегиальные представительные органы – основные субъекты конституционно закрепленной системы сдержек и противовесов / Г. А. Василевич // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2013. – С. 7 – 10.

3. Карасев, А. Т. Представительная власть как вид публичной власти / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин, А. С. Морозова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2009. – № 6. – С. 135 – 140.

4. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. – 2022. – № 2. – С. 14 –23.

5. Василевич, Г. А. О некоторых предложениях к проекту закона о Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич // Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 27 мая 2022 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 13 – 16.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.Д. Шупикова
Научный руководитель: И.Ф. Гребенщикова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

На протяжении всей истории человечества ни одно общество не обходилось без института семьи. Семейные устои представляют собой одну из главных ценностей, сформировавшихся в ходе эволюции человеческой цивилизации. Брак и семья продолжают оставаться ключевыми социальными явлениями, привлекающими внимание с древних времен до настоящего времени. Их значение обусловлено сложной природой и фундаментальной ролью в личном и общественном развитии. Эволюция законодательства в сфере семьи неразрывно связана с изменениями в политике, религиозных взглядах и общественными нравами. Цель исследования: изучить развитие семейного права и семейного законодательства в Республике Беларусь.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили научная литература и акты законодательства. Методами исследования являются анализ, синтез, историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. История представляет семью как устоявшуюся, цельную структуру, самостоятельную часть более обширного общественного союза, который выходит за рамки простых родственных связей между родителями и детьми. В то же время происхождение семьи так же естественно, как и происхождение государства [7, с. 1].

У большинства славянских племен доминировала моногамная форма семьи, хотя в отдельных группах сохранились элементы полигамии. Регуляция семейных связей осуществлялась преимущественно через традиционные обычаи. Образование государства на территории современной Беларуси протекало постепенно – с VII–VI веков до н.э. до VIII–IX веков н.э. – под воздействием экономических, политических, социальных процессов и внешних условий. На этом этапе нормы семьи находились под контролем как обычного права, так и других социальных нормам. Первыми нормативными актами писаного права были грамоты князей и договоры.

С принятием христианства и развитием церковной организации появились строгие условия для юридического признания брачных союзов. Были запрещены браки между троюродными родственниками, а также союзы христиан с иноверцами или некрещеными местными жителями. Церковь отказалась от многоженства и ограничила количество последовательных браков, разрешая не более двух [8, с. 26].

Дальнейшее развитие семейное право получило с принятием Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. В этих документах впервые была сделана попытка систематизировать нормы писаного права, регулирующие семейные отношения.

В них зафиксированы главнейшие институты семейной правовой системы – порядок заключения брака и его официальное оформление, права несовершеннолетних сыновей и дочерей, а также матери-вдовы на наследование имущества, причины развода и брачного расторжения, и прочие вопросы, подпадавшие под правовое регулирование.

В Статуте 1529 г. нормы семейного права содержатся в разделе четвертом «О поглаве женской и о выправу девок» и разделе пятом «Об опеке», а в Статутах 1566 и 1588 гг. добавляется раздел восьмой «О тестаментах», в котором регламентируется порядок составления завещания, его содержание и т. д. [9].

В конце XVIII века территории современной Беларуси оказались в составе Российской империи, где вопросы брака и семьи регулировались нормами с четким религиозным характером. Семейное право напрямую опиралось на церковные учения и каноны, при этом сохраняло явную сословную направленность.

На раннем этапе существования советского государства главной целью стало кардинальное изменение старого брачно-семейного законодательства и создание новой системы отношений в семье, основанной на демократических началах. В отличие от дореволюционной России, где такие нормы были частью гражданского права, в советскую эпоху брачно-семейное право оформилось как автономная правовая область и подверглось систематической кодификации.

После Октябрьской революции 1917 г. произошли коренные изменения в жизни общества и началось формирование нового взгляда на семью. Основой перемен семейных отношений в обществе явились два декрета ВЦИК и СНК РСФСР: Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и Декрет «О расторжении брака».

Регулирование брачно-семейных отношений на территории Беларуси в первые годы советской власти осуществлялось путем правоприменения законодательных актов РСФСР, главным из которых являлся Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года [1].

В середине 1920-х годов в Белорусской ССР продолжилась работа по кодификации семейного законодательства, которая завершилась принятием первого в истории Беларуси Кодекса законов о браке, семье и опеке. Кодекс законов о браке, семье и опеке в Белорусской ССР был принят сессией ЦИК БССР 27 января 1927 г. и введен в действие на территории Беларуси с 1 марта 1927 г. Сохранив преемственность в советском семейном праве, Кодекс БССР 1927 г. содержал немало положений, отличных от законодательства первых лет советской власти.

Кодекс утверждал новые социалистические подходы к регулированию семейных отношений, ставшие основой будущего белорусского советского законодательства в сфере брака и семьи. В него входили главы, касающиеся общих положений брачных отношений, взаимоотношений родителей и детей, опеки и попечительства, а также учета актов гражданского состояния.

Особое внимание уделялось вопросу легитимности брачных союзов: браки, заключенные исключительно по религиозным традициям, признавались недействительными. Однако браки, оформленные до 20 декабря 1917 года и в районах временной оккупации врагом, считались законными и приравнивались к зарегистрированным. Этот принцип сохранился и в Кодексе 1999 года. Кроме того, в кодексе 1927 г. провозглашалось равенство прав мужчины и женщины, брачный возраст для женщин был повышен с 16 до 18 лет.

Кодекс о браке и семье Республики Беларусь 1969 года значительно отличался от предыдущего варианта: он включал общую часть, раскрывающую задачи семейного законодательства, определявшую сферу действия, обеспечивал равноправие супругов в личностном и семейном плане и т.п. Он закрепил право матери, не зарегистрированной в браке, на получение государственного пособия на содержание и воспитание ребенка и не позволял мужу без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение первого года после рождения ребенка. Возобновлялась свобода расторжения брачных связей, появлялись нормы, касающиеся установления отцовства через суд, и другие нововведения [2].

Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере семьи напрямую связано с двумя ключевыми документами: Конвенцией о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 года, и Конституцией Республики Беларусь 1994 года.

Конвенция о правах ребенка более комплексно регулирует семейные споры, укрепляет семейные связи и рассматривает ребенка как самостоятельного носителя прав. В ней содержится множество рекомендаций, направленных на максимально бесконфликтное разрешение спорных ситуаций, связанных с судьбой ребенка [4].

Конституция Республики Беларусь 1994 года закрепила важные принципы: признание и защиту частной собственности, охрану материнства и детства государством, а также приоритет прав и свобод человека и гражданина [5].

Первый концептуальный этап реформы завершился принятием в 1999 году Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [3]. Длительное время белорусское семейное право состояло преимущественно из императивных норм, однако жесткая публично-правовая регламентация семейных отношений не соответствовала новым принципам государственной

семейной политики Республики Беларусь. Принятие в 1999 году Кодекса о браке и семье стало важным шагом в развитии национального семейного права, позволившим уйти от чрезмерно жестких императивных норм в пользу более сбалансированного регулирования, соответствующего новым принципам государственной семейной политики. Развитие общественных отношений ведет к новым изменениям, которые отражаются в т.ч. и в семейном законодательстве.

Заключение. Семейное право Республики Беларусь прошло длительный путь своего развития. Значимым этапом стало принятие Конституции, которая закрепила основные права и свободы личности, в том числе положения, касающиеся защиты семьи и несовершеннолетних. В 1999 году был принят и внедрен новый кодекс, учитывающий международные нормы, а также отражающий приоритеты государственной семейной политики – обеспечение благополучия каждого члена семьи. Становление семейного законодательства в стране характеризуется последовательным развитием, направленным на укрепление семейных институтов.

Список использованных источников.

1. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : принят ВЦИК, 16 сент. 1918 г. // Национальная библиотека Беларуси. – URL: https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/st_818_kodeks_zakonov_brach_cem_opekun_prave.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

2. Кодекс о браке и семье Белорусской ССР. – Минск : Беларусь, 1969. – 75 с.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.02.2026).

4. Конвенция о правах ребенка : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 03.02.2026).

5. Конституция Республики Беларусь : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 109 с.

6. О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке : постановление ЦИК Белорус. ССР, 27 янв. 1927 г. // Национальная библиотека Беларуси. – URL: https://vcpi.nlb.by/static/pdf/kodexy-BSSR/kodex-zakonov-o-brake-semje-opeke-1927.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

7. Осипов, А. М. Брачное право Древнего Востока / А. М. Осипов. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.

8. Пенкрат, В. И. Семейной право : учебник / В. И. Пенкрат ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2022. – 310 с.

9. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588 / пер. на сучасн. беларус.мову : А. С. Шагун ; аўт. прадм. Я. Янушкевіч. – Мінск : Беларусь, 2016. – 261 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.И. Шутова
Научный руководитель: В.Г. Стаценко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Распространение наркопреступности оказывает деструктивное воздействие на ключевые аспекты общественной жизни, включая экономическую, политическую и социальную сферы. Это явление порождает также ряд других преступлений, характеризующихся особой общественной опасностью, таких, например, как убийство, разбой, грабеж.

Актуальность решения проблем противодействия незаконному обороту наркотических средств в Республике Беларусь подтверждается анализом официальной статистики. Так, согласно данным Верховного Суда Республики Беларусь, в стране в 2025 году по отношению к 2024 году почти на 8% увеличилось количество осужденных по ст.ст. 327-331,332 Уголовного кодекса Республики Беларусь – с 2.088 до 2.253 человек. Возросла и доля осужденных за данный вид преступлений в общем их числе – с 6,6% в 2024 году до 8% в 2025 году. Из указанных 2.253 лиц значительная часть – 2.077, или 92,2% осуждены по ст. 328 УК (в 2024 году – 1.956, или 93,7%). Увеличение судимости по ст. 328 УК в 2025 года составило 6,2% по отношению к 2024 году [1].

Целью исследования является рассмотрение предмета незаконного оборота наркотических средств и его значения в квалификации преступлений.

Материал и методы. При подготовке исследования в качестве материала использовались нормативные правовые акты, судебная практика, официальная статистика, публикации по теме исследования.

В качестве методов исследования были использованы метод обобщения, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Термин «незаконный оборот наркотических средств» объединяет под собой целую группу преступлений. Сюда относятся преступления, квалифицируемые по ст. 327 – 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь [2].

По мнению Б. Д. Волкова, «наркотические средства на данном этапе развития общества фактически являются легко доступным средством» [3, с. 11]. Как бы не звучало данное утверждение парадоксально, но с ним следует согласиться. Как и любое преступление, незаконный оборот наркотических средств обладает своими уголовно-правовыми признаками предмета преступления. Так, в сфере незаконного оборота наркотических средств предметом преступления являются наркотические средства.

Большинство исследователей представляют предмет преступления как «вещь материального мира, на которую в ходе совершения преступления оказывается воздействие». «Предметом рассматриваемых преступлений являются наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги» [4, с. 28]. Следует согласиться с такой формулировкой предмета преступления, отражающей его суть для многих видов преступлений, в т. ч. и для незаконного оборота наркотиков. При совершении любого деяния, связанного с незаконным оборотом наркотиков, всегда имеет место воздействие на «вещь материального мира». Термин «воздействие» означает «активное влияние субъекта на объект». Это также имеет место в случаях, когда неочевидно проявление активности субъекта. Например, хранение наркотиков без цели сбыта также связано с влиянием на объект, в данном случае на наркотики.

Вся информация, касающаяся понятийного аппарата наркотических средств, изложена в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» [5].

Предметом рассматриваемых деяний являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги. В Уголовном кодексе Республики Беларусь понятия «наркотическое средство, психотропное вещество, их прекурсоры» определяются как средства и вещества, а также препараты, их содержащие, включенные в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, за исключением перечисленных в таблице 2 списка прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ данного Перечня [6]. При этом необходимо обратить внимание на то, что ст.328 УК не криминализуются деяния с прекурсорами, перечисленными в таблице 2 «Химические вещества, которые могут быть использованы в процессе изготовления, производства и переработки наркотических средств или психотропных веществ» списка прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ Республиканского Перечня (таблица 2 списка 4). Это объясняется тем, что последние вещества широко используются в народном хозяйстве и запрет их перевозки или пересылки может оказать негативное влияние на осуществление хозяйственной деятельности и экономику в целом.

Основными признаками наркотических средств являются:

– медицинский, который заключается в непосредственном воздействии данных средств и веществ на организм и центральную нервную систему человека, вызывая при этом физиологическую зависимостью;

– юридический, суть которого состоит в том, что государство признает такие средства и вещества запрещенными, или же ограниченными к обороту на территории государства;

– социальный, который представляет собой существенную опасность для состояния общества и здоровья населения в целом.

Заключение. Проведенный анализ свидетельствует о том, что предмет преступления является обязательным элементом составов преступлений, предусмотренных главой 29 УК, и позволяет установить наличие или отсутствие состава преступления, а также разграничить смежные составы преступлений.

Характеристику конкретного наркотического средства как предмета преступления целесообразно давать по пяти элементам:

1) его происхождение; 2) способ изготовления; 3) классификация согласно утвержденному перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь; 4) цель изготовления такого средства; 5) класс наркотического средства по воздействию на человека.

Значение исследования предмета наркопреступлений в уголовно-правовой характеристике таких преступлений состоит в том, что, как свидетельствует судебная практика по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами, для определения вида этих средств и веществ требуются специальные знания, поэтому суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов, которые должны носить унифицированный характер и содержание.

Список использованных источников

1. О делах, связанных с наркотиками // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL:https://court.gov.by/special/ru /statistika / 555ec8686444478c. html (дата обращения: 13.03.2026)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

3. Волков, Б. Д. Выявление и предупреждение незаконного оборота наркотических средств / Б. Д. Волков. – Москва: Лаборатория книги, 2010. – 119 с.

4. Вяземская, А. А. Незаконный оборот наркотиков по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 230-233 УК) и Нидерландов (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид наук. / А. А. Вяземская. – Москва, 2015. – 261 с.

5. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах : Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

6. Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь : постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11 февраля 2015 г. № 19 : в ред. постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 февраля 2025 г. № 24 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕК: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

К.Г. Юнчик
Научный руководитель: Ж.Л. Романова
Минск, БГУКИ

В рамках действующих законов и с принятием Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99-З) [1] вопрос регулирования работы с данными граждан вышел на новый уровень восприятия. В свою очередь библиотека, являясь оператором персональных данных пользователей, владеет и использует в своей деятельности большие объемы информации о пользователях различного характера (ФИО, адреса, контактные данные, сведения об образовании и профессиональной деятельности). В связи с определенной специфичностью деятельности библиотек, как учреждения культуры, которое при этом аккумулирует персональные данные, возникает вопрос конкретизации некоторых нюансов, связанных с деятельностью библиотек по работе с данными пользователей. Актуальность тематики обусловлена необходимостью соблюдения определенного баланса между законным правом граждан на доступ к информации и их правом на защиту частной жизни. В данной работе проводится анализ правовых оснований обработки персональных данных пользователей в библиотеках и вырабатываются рекомендации по совершенствованию данной деятельности.

Материалы и методы. В ходе работы были проанализированы Закон № 99-З, Кодекс Республики Беларусь о культуре (далее – КК РБ) [2], положения типовых норм пользования библиотеками, иные правовые акты. В данной работе применяется метод системного анализа, обобщения.

Результаты и их обсуждение. В Республике Беларусь пользователь библиотеки с точки зрения юридической нормы носит комплексный статус. С одной стороны, ст. 150 КК РБ гарантирует пользователю свободный и неограниченный доступ к информации в библиотеке и обслуживание в ней. Но, с другой стороны, имеется вопрос идентификации пользователя. Ведь для того, чтобы стать пользователям библиотеки, он должен пройти регистрацию, в процессе которой у него будут запрошены персональные данные. Первичным основанием для этого со стороны библиотеки является та же 150 ст. КК РБ, ведь согласно ей, пользователь обязан соблюдать правила пользования, которые определяются библиотекой. А в типовых правилах пользования прописан пункт, согласно которому для регистрации в качестве пользователя, гражданин должен предъявить документ, удостоверяющий личность, и определенные сведения о себе. В противном случае, в регистрации ему будет отказано.

Возникает вопрос о правомерности требования библиотек, в условиях действующего Закона № 99-З, когда сбор персональных данных является краеугольным в контексте защиты частной жизни. Возникает необходимость разграничения информации, собираемой библиотекой. В ходе анализа норм и положений локальных нормативно-правовых актов были выявлены три уровня сбора и обработки данных в библиотеке:

•Регистрация. Здесь собираются данные из документа, удостоверяющего личность, такие как ФИО гражданина, адрес регистрации и фактического проживания. Данные сведения необходимы для того, чтобы обеспечить материальную сохранность фонда и гарантию ответственности пользователя в случае, если библиотека понесет убытки из-за его действий;

•Статистика. Согласно Постановлению Национального статистического комитета республики Беларусь от 4 ноября 2022 г. № 123 «Об утверждении формы государственной статистической отчетности 1-библиотека (Минкультуры) «Отчет о деятельности публичной библиотеки» и указаний по ее заполнению» (далее – Постановление № 123) [3], библиотеки обязаны предоставлять статистические данные пользователей.

•Сервис. Использование сведений об электронной почте и номере телефона для информирования пользователя о проводимых мероприятиях и наличии у него задолженности.

Сложность правоприменительной практики заключается в интерпретации ст. 6, Закона № 99-З допускающей обработку данных без согласия субъекта обработки, для выполнения обязанностей, предусмотренных законодательством. Поскольку Постановление № 123 обязывает библиотеки осуществлять учет и обработку основного набора данных пользователей можно считать правомерным сбор этих данных без письменного согласия гражданина.

Ещё одним проблемным полем является право на отзыв данных, которое предусмотрено ст. 10 Закона № 99-З. Что вновь сталкивает данный закон с Постановлением № 123, ведь библиотека обязана хранить определенный набор данных пользователя согласно ему. Считаем, что в рамках своих обязанностей, при отсутствии у пользователя задолженности, библиотека обязана прекратить обработку персональных данных по требованию пользователя, сохранив лишь статистику о посещениях, не позволяющую идентифицировать гражданина.

Заключение. Проведенный анализ законодательства Республики Беларусь в области деятельности библиотек и персональных данных позволяет сделать вывод о том, что правовой статус персональных данных пользователя библиотеки находится в процессе активной трансформации и переосмысления. Для того, чтобы обеспечить высокий уровень защиты данных, научную и правовую обоснованность процессов, связанных со сбором и обработкой персональной информации, предлагаем следующее:

1. Углубить интеграцию законодательных актов, совершенствовать политику библиотек по обработке персональных данных.

2. Разработать регламент уничтожения данных пользователей после истечения срока актуальности, в случае непосещения библиотеки в течение конкретного периода (например, 5 лет)

3. Перейти к минимально возможному сбору данных при регистрации пользователей, исключить все излишние данные, не представляющие интерес библиотеки в вопросе сохранности фонда.

Полноценная реализация указанных мероприятий сможет позволить библиотекам в Республике Беларусь как выполнять свою миссию учреждения культуры, так и стать показательным гарантом сохранения законодательных прав граждан в информационной сфере.

Список использованных источников

1. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 300-З // ЭТАЛОН-ONLINE : информ.-правовая система (дата обращения: 11.02.2026).

2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліп. 2016 г. № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобраны Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 21 ліп. 2022 г. № 201-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.02.2026).

3. Об утверждении формы государственной статистической отчетности 1-библиотека (Минкультуры) «Отчет о деятельности публичной библиотеки» и указаний по ее заполнению : постановление Нац. стат. ком. Респ. Беларусь от 4 нояб. 2022 г. № 123 : в ред. от 29 сент. 2023 г. № 106 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=T22205218p (дата обращения: 13.02.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: УНИФИКАЦИЯ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БЕЛОРУССКИХ КОДЕКСОВ

Ю.В. Юхник, В.А. Наскавец
Научный руководитель: О.В. Бодакова
Минск, БГЭУ

В современной правовой системе Республики Беларусь кодифицированные нормативные правовые акты занимают центральное место, определяя фундаментальные основы регулирования в различных отраслях права. Эффективность их применения напрямую зависит от качества юридической техники, одним из ключевых требований которой является системность, доступность и единообразие изложения правовых норм. Однако, как показывает анализ действующего законодательства, в настоящее время наблюдается отсутствие унифицированного методологического подхода к построению структуры кодексов.

Проблема заключается в том, что при кодифицированном характере данные акты демонстрируют автономную логику построения, что выражается в разнородной последовательности расположения структурных элементов (разделов, глав) и, что наиболее критично, в различном наименовании и иерархии составных частей статей. В одних кодексах основным элементом выступают пункты, в других – части, а детализация может осуществляться через подпункты или абзацы. Такая вариативность (отсутствие «общего знаменателя») ведет к семантической разрозненности, существенно затрудняет системное изучение юриспруденции, превращая его в трудоемкий процесс механического запоминания, и негативно сказывается на правоприменительной практике.

Целью данной работы является анализ существующих расхождений в структуре статей ключевых кодексов Республики Беларусь и разработка предложений по унификации составных элементов кодифицированных актов для обеспечения целостности правовой системы и повышения правовой компетентности общества.

Материалы и методы. Материалами для данного исследования послужили тексты действующих кодифицированных нормативных правовых актов Республики Беларусь, представляющие различные отрасли права. В ходе работы был проведен сравнительный анализ структурных элементов следующих кодексов: Гражданский кодекс Республики Беларусь; Уголовный кодекс Республики Беларусь; Налоговый кодекс Республики Беларусь; Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

Кроме того, в качестве теоретической и нормативной основы были изучены Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и Требования нормотворческой техники, регулирующие правила подготовки законодательных актов.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специальные юридические методы познания. Метод сравнительно-правового анализа позволил выявить различия в подходах к структурированию статей в кодексах разных отраслей права. Формально-юридический метод применялся для анализа терминологии («части», «пункты», «подпункты», «абзацы») и иерархии структурных единиц. Системный анализ использовался для оценки влияния выявленной неоднородности на целостность восприятия правового поля и правоприменительную практику. Также применялся метод описания для фиксации выявленных закономерностей и формулирования предложений по совершенствованию юридической техники.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа нормативных правовых актов различных отраслей права Республики Беларусь, в частности кодексов, была выявлена определенная проблема. Несмотря на кодифицированный характер данных актов и их центральное положение в системе права, в них отсутствует единый методологический подход к

систематизации правовых норм и их составных частей. Ряд кодексов характеризуется автономной логикой построения структуры, проявляющейся в разнородной последовательности расположения разделов, глав и статей, разными наименованиями составных элементов статей. Все вышеизложенное несколько затрудняет аналитическое изучение юриспруденции на системном уровне, превращая его в трудоёмкий процесс.

В различных кодифицированных актах Республики Беларусь наблюдается отсутствие унифицированной терминологии и структуры составных элементов статей, что приводит к неоднородности систематизации норм. Ниже приведены конкретные примеры из кодексов, иллюстрирующие различия в использовании терминов «части», «пункты», «подпункты» и «абзацы».

Так, в Гражданском кодексе Республики Беларусь пункты являются основным структурным элементом статьи. Статьи делятся на пункты, а пункты – на части.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь основным уровнем статьи выступает часть. Статьи и примечания делятся преимущественно на части.

В Налоговом кодексе Республики Беларусь статьи делятся на пункты, пункты на подпункты, подпункты на части.

В Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь преобладает структура, где статьи делятся на части (при этом части пронумерованы), с последующей детализацией через пункты, подпункты или абзацы.

Отсутствие унифицированного «общего знаменателя» в структуре ключевых законодательных актов в определенной мере препятствует формированию у студентов-юристов и молодых правоприменителей целостного представления о правовом поле как единой системе. В результате вместо системного осмысления права они вынуждены прибегать к механическому запоминанию разрозненных конструкций кодексов, что препятствует развитию юридической доктрины и осложняет правоприменительную практику в Республике Беларусь.

Неоднородность в терминологии и структуре составных элементов статей кодифицированных актов Республики Беларусь (статьи → пункты/части → подпункты/абзацы) представляет собой проблему юридической техники, которая влечет некоторое нарушение принципов системности, доступности и предсказуемости правового регулирования. Данная вариативность приводит к семантической разрозненности, увеличивая время на анализ норм и снижая правовую компетентность пользователей, особенно студентов и практикующих юристов.

С целью разрешения вышеуказанной ситуации видится целесообразным внести изменения в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и Требования нормотворческой техники,

установив обязательную унифицированную иерархию для всех кодифицированных актов:

1. Единый стандарт: статья → пункты (1;, 2;) → подпункты (1.1.; а)) → абзацы (отступы без нумерации). «Части» заменить на «пункты» или исключить как дублирующий термин.

2. Переходный период: 2-3 года на ревизию кодексов.

3. Цифровая поддержка: интегрировать AI-валидатор в pravo.by для автоматической проверки проектов.

Заключение. Таким образом, анализ структурных элементов статей в ключевых кодексах Республики Беларусь позволил выявить системную проблему неоднородности: преобладание вариативных конструкций (пункты с частями, пункты с подпунктами и абзацами), что усложняет навигацию по правовым базам и снижает эффективность правоприменения.

Реализация предложений по унификация кодексов по единой иерархии (статья → пункты → подпункты → абзацы) обеспечит целостность правовой системы, повысит правовую компетентность общества, способствуя устойчивому развитию правового государства.

УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С.С. Яцко
Научный руководитель: Н.А. Маркина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Семья – это фундаментальное ячейка общества, и государство уделяет особое внимание регулированию семейных отношений, включая заключение брака. В Республике Беларусь правовое регулирование брачно-семейных отношений осуществляется прежде всего Кодексом о браке и семье. Одним из ключевых аспектов этого регулирования является установление возрастных ограничений и особых условий для вступления в брак. Данная тема актуальна в силу своего социального значения: от правильного установления и соблюдения этих правил зависит не только защита прав несовершеннолетних, но и стабильность семьи, а также благополучие будущих поколений.

Цель работы заключается в изучении понятий «брак», «брачный возраст» в семейном законодательстве Республики Беларусь, а также анализе специфических случаев, когда возможно заключение брака до достижения установленного возраста.

Материал и методы. Материалом для написания работы послужили Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, учебные пособия по семейному праву. При написании работы были применены следующие методы: анализа и синтеза, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. И провозглашает: «Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью». Следовательно, право на брак в Республике Беларусь гарантируется Конституцией [3].

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) содержит определение брака в ст. 12, согласно которой «Брак – это добровольный союз женщины и мужчины, который заключается на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности» [2]. Цель брака – создание семьи.

Вступление в брак в Республике Беларусь – это серьезный шаг, регулируемый законодательством, основанный на принципах свободы, воли и взаимного согласия будущих супругов. Законодательство четко определяет, что решение о создании семьи должно исходить исключительно от жениха и невесты. Никакое внешнее давление, будь то угрозы, насилие или любое другое противоправное воздействие не может быть основанием для заключения брака. Любое согласие, выраженное с оговорками или под давлением, юридически недействительно.

Невозможно заключить брак заочно, по доверенности или через представителя: личное присутствие будущих супругов является обязательным условием регистрации брака. Закон устанавливает не только требование взаимного согласия, но и достижение брачного возраста. В Беларуси этот возраст установлен в восемнадцать лет. Достигнув восемнадцатилетия, гражданин получает все права и обязанности взрослого человека: право избирать и быть избранным, право на вступление в брак и т.д. законодательство не устанавливает предельного возраста для вступления в брак, равно как и не ограничивает разницу в возрасте между будущими супругами. Необходимо понимать, что достижение брачного возраста должно быть к моменту регистрации брака, а не к моменту подачи заявления. Это означает, что заявление может быть принято даже от лица, которому исполнится восемнадцать лет в день регистрации брака. Этот аспект законодательства обеспечивает гибкость и учитывает индивидуальные обстоятельства. Тем не менее, закон предусматривает исключения из общего правила о достижении восемнадцатилетнего возраста.

В Беларуси, как и во многих других странах, существует возможность снижения брачного возраста в исключительных случаях, которые детально прописаны в законодательстве (например, ст. 18 КоБС). Это право не предоставляется автоматически, а требует особого разрешения государственных органов. Основания для снижения брачного возраста строго ограничены и включают в себя: беременность невесты, наличие общего ребенка, а также приобретение несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия. Однако процедура рассмотрения таких заявлений требует предоставления документальных подтверждений и тщательной проверки всех обстоятельств.

В соответствии со статьей 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, может быть объявлено полностью дееспособным, если оно работает по трудовому договору или с согласия одного из своих законных представителей занимается предпринимательской деятельностью без образования юридического лица [1].

При наличии таких обстоятельств лицам, желающим вступить в брак, необходимо обратиться в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, с заявлением о снижении брачного возраста, при этом согласия законных представителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется.

В Беларуси брачный возраст можно снизить не более чем на три года. Из этого следует, что только по достижении пятнадцати лет можно заключить брак при условии снижения брачного возраста. Решения иных органов или должностных лиц о снижении брачного возраста юридической силы не имеют и не являются основанием для регистрации брака несовершеннолетнего.

Законодательство о браке, в частности, правило о минимальном возрасте для вступления в брак, направлено на обеспечение равноправия супругов и реализации ими своих прав и обязанностей, особенно в отношении воспитания детей. Это фундаментальный принцип семейного права, гарантирующий, что молодые родители, вступившие в брак до достижения совершеннолетия, обладают полной правосубъектностью для выполнения своих родительских функций. Однако, этот принцип не является единственным аспектом регулирования брачных отношений. Законодательство детально регламентирует и условия, которые препятствуют заключению брака, предотвращая оформление союзов, противоречащих общественным интересам и правам участников брачных отношений. Эти препятствия – не просто формальные ограничения, а юридические факты, обладающие правопрепятствующим эффектом.

В первую очередь, законодатель категорически запрещает заключение брака лицами, уже состоящими в другом, юридически оформленном браке. Это означает, что повторный брак возможен только после официального прекращения предыдущего. Прекращение брака может произойти в результате смерти одного из супругов, объявления одного из них умершим в установленном законе порядке, развода или признания брака недействительным. Важно отметить, что после законного прекращения брака никаких дополнительных ограничений, например, «запретительных сроков» после развода законодательство не устанавливает. Фактические брачные отношения, то есть совместное проживание без официальной регистрации брака, не являются препятствием к заключению нового брака.

Дальнейшее законодательное регулирование направлено на предотвращение заключения браков между близкими родственниками – между лицами, состоящими в родстве по прямой восходящей и нисходящей линии. Также запрещены браки между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, между усыновителями и усыновленными. Следует подчеркнуть, что родство отдаленных степеней не является препятствием для заключения брака, хотя во многих странах мира кровосмесительные браки влекут уголовную ответственность. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) не предусматривает такого состава преступления. Тем не менее, исходя из морально-этически норм и принципов, запрещены браки меду усыновителями и усыновленными до момента прекращения усыновления, поскольку усыновленный юридически приравнивается к родным детям усыновителя.

Закон также запрещает заключение брака с лицом, признанным недееспособным в судебном порядке из-за психического заболевания или слабоумия. Данное ограничение обусловлено тем, что недееспособное лицо не может осознанно принимать решение о вступлении в брак, а также, что создание семьи с душевнобольным человеком затруднено и может привести к негативным последствиям для всех членов семьи, включая

детей, которые потенциально могут унаследовать психические заболевания [4, с. 8].

Следует отметить, что сокрытие одним из лиц, вступающих в брак, обстоятельств, которые этому препятствуют, является основание для признания этого брака недействительным.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, условиями заключения брака являются определенные законодательством обстоятельства, наличие которых необходимо, для того чтобы брак имел юридическую силу. Их соблюдение свидетельствует о законности заключенного брака, поэтому, придавая большое значение государственной регистрации брака, закон устанавливает обязательные условия его заключения. Приведенный перечень обстоятельств, препятствующих заключению брака, является исчерпывающим, иных ограничений и запретов к вступлению в брак закон не предусматривает.

Существует проблема противоречия норм КоБС и УК. В Уголовном кодексе предусмотрено наказание за половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. Следовательно, несмотря возможность заключения брака между совершеннолетним лицом и несовершеннолетнем, первый, в свою очередь, может быть подвергнут уголовному наказанию. Таким образом, для устранения данного противоречия целесообразно сделать примечание к ст.168 Уголовного кодекса, в соответствии с которым лицо, заключающее брак с несовершеннолетнем(ней) не будет привлекаться к уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноябр. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 22.02.2026).

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 24.02.2026).

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г.,17 окт. 2004 г и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 24.02.2026).

4. Семейное право: курс лекций / [сост.: О. П. Михайлова]; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Каф. гражданского права и гражданского процесса. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 112 с.

СЕКЦИЯ 2. ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

РОЛЬ ПРОФСОЮЗА В УКРЕПЛЕНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Д.А. Беленко
Научный руководитель: Т.В. Северцова
Горки, БГСХА

Целью данной статьи является определение роли профсоюзов, в частности Федерации профсоюзов Беларуси, в защите трудовых прав женщин в Республике Беларусь. Федерация профсоюзов Беларуси (далее – ФПБ), как крупнейшая общественная организация, объединяющая миллионы членов, активно влияет на нормотворческий процесс, участвует в разработке и заключении коллективных договоров и соглашений, продвигая принципы гендерного равенства, равной оплаты труда и дополнительных социальных гарантий для женщин.

ФПБ представляет интересы женщин на всех уровнях – от отраслевых профсоюзов до национальных переговоров с Правительством Беларуси и нанимателями, лоббируя включение в трудовое законодательство норм о защите беременных, матерей и женщин с малолетними детьми. Это включает запрет на увольнение по инициативе нанимателя в период беременности и декретного отпуска, установление минимальных стандартов по отпускам по уходу за ребенком, а также меры по предотвращению дискриминации при найме и повышении.

Материал и методы. При написании статьи был использован нормативно-правовой анализ: изучение Конституции Республики Беларусь, Трудового кодекса Республики Беларусь, Закона "О профессиональных союзах", Генерального соглашения и отчетов ФПБ. Применен сравнительный подход, обзор статистики Белстата и примеры из отраслей.

Результаты и их обсуждение. Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) (статья 41) закрепляет неотъемлемое право граждан на объединение в профессиональные союзы для защиты своих экономических, социальных и трудовых интересов, включая равные права женщин в сфере труда, без какой-либо дискриминации по признаку пола. Это положение дополняется статьей 32 Конституции, запрещающей любые формы дискриминации, и статьей 42, гарантирующей право на безопасные условия труда и справедливую оплату, что особенно актуально для женщин с учетом их семейных обязанностей.

Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК), существенно дополненный и скорректированный по предложениям ФПБ, содержит комплекс норм о защите работников с семейными обязанностями: статья 268 запрещает отказывать женщинам в заключении трудового договора и

снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей; статья 262 устанавливает возможность беременным женщинам получить путевки в санатории и дома отдыха бесплатно или на льготных условиях, а также оказание материальной помощи; статьи 114 – 116 регулируют сокращенный рабочий день и неполный график для матерей с детьми до 14 лет или детьми-инвалидами. Эти нормы, инициированные профсоюзами, предотвращают гендерную дискриминацию (статья 14 ТК прямо запрещает ее), обеспечивая равную оплату за равный труд и дополнительные гарантии при найме, переводе и увольнении [2, 3].

Профсоюзы Республики Беларусь, в первую очередь ФПБ, активно лоббируют изменения в ТК для усиления защиты работников с семейными обязанностями, уделяя особое внимание матерям и женщинам, совмещающим труд и воспитание детей. Их инициативы привели к включению в законодательство норм о равной оплате труда независимо от пола, обеспечении безопасных и здоровых условий труда с учетом физиологических особенностей женщин, что предотвращает дискриминацию и способствует гендерному равенству на рынке труда.

В коллективных договорах и соглашениях, заключаемых при непосредственном участии профсоюзов на уровне предприятий, отраслей и республиканском масштабе (в соответствии со статьями 354 – 364 ТК), закрепляются дополнительные меры поддержки: введение гибких графиков работы и неполного рабочего времени для женщин с детьми до 14 лет или детьми-инвалидами (статьи ТК и типовые положения коллективных договоров); усиленная защита от необоснованного увольнения, включая обязательное согласование с профсоюзным комитетом; организация бесплатной юридической помощи в трудовых спорах через профсоюзные юридические службы, а также создание условий для профессионального роста женщин, таких как квоты на обучение и карьерное продвижение [3, 5].

ФПБ активно участвует в работе межведомственных и республиканских рабочих групп по совершенствованию трудового законодательства, внося конкретные предложения по поддержке женщин в условиях дефицита квалифицированных кадров на рынке труда, что особенно актуально для отраслей промышленности, здравоохранения и образования. Их инициативы включают разработку норм о дополнительных стимулирующих выплатах для женщин, возвращающихся из декретных отпусков, создании программ профессиональной переподготовки с учетом семейного статуса, а также мерах по предотвращению текучести кадров среди матерей через гибкие формы занятости и социальные льготы (в соответствии со статьями ТК и рекомендациями ФПБ). Эти предложения направлены на повышение конкурентоспособности женщин, гармонизацию работы и семьи, а также укрепление демографической политики страны.

В Генеральном соглашении между Правительством Республики Беларусь, объединением нанимателей и ФПБ на 2025 – 2027 годы напрямую отражены идеи профсоюзов о стимулировании закрепления женщин на рабочих местах: предусмотрены меры по организации наставничества для молодых специалисток, дополнительные отпуска для совмещения труда и ухода за детьми, субсидии на детские сады при предприятиях, а также мониторинг гендерного равенства в оплате труда и карьерном росте. Эти положения обязывают работодателей внедрять целевые программы, а профсоюзы – контролировать их выполнение на местах [1, 5].

Кроме того, профсоюзы решают практические вопросы повышения пособий по временной нетрудоспособности для молодых женщин, особенно на первом рабочем месте, лоббируя увеличение размеров выплат (с 2025 года – до 12 базовых величин в месяц) и упрощение процедур оформления. ФПБ инициирует отраслевые соглашения, где фиксируются повышенные тарифы для женщин в первые два года работы, а также организует семинары и юридическую поддержку для защиты их интересов в случае нарушений [4].

Благодаря активной позиции профсоюзов Республики Беларусь, в частности ФФПБ, были отменены ограничения на доплаты к пенсиям для работающих пенсионерок (в соответствии с изменениями в Законе Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» от 2024 года, инициированными социальными партнерами), что позволяет женщинам пожилого возраста продолжать трудовую деятельность без потери социальной поддержки, стимулируя их участие в рынке труда, передачу опыта молодым коллегам и снижение дефицита кадров в отраслях вроде здравоохранения, образования и легкой промышленности.

В отраслевых профсоюзах, таких как Белхимпрофсоюз, Белпрофсоюзметаллург и Белорусский профсоюз работников агропромышленного комплекса, систематически проводится работа по обеспечению гендерного равенства, а также программы по борьбе с «стеклянным потолком» через квоты на руководящие должности и профессиональное обучение, что подтверждается ежегодными отчетами Федерации профсоюзов Беларуси о выполнении гендерных индикаторов.

Кроме того, профсоюзы предоставляют женщинам бесплатную юридическую помощь в судах по трудовым спорам, а профсоюзные юридические службы ежегодно рассматривают тысячи обращений, обеспечивая досудебное урегулирование, подачу исков и полное сопровождение процессов, что повышает эффективность защиты прав и снижает социальную напряженность на предприятиях [2, 5].

Заключение. Роль профсоюзов в Республике Беларусь поистине незаменима в укреплении правового статуса женщин в трудовых отношениях, поскольку они выступают надежным гарантом баланса

интересов между работниками, нанимателями и государством, последовательно отстаивая права через разработку и заключение коллективных договоров и соглашений на всех уровнях – от предприятия до республиканского масштаба (статьи 354 – 364 ТК). Благодаря системной деятельности ФПБ и отраслевых объединений, женщины получают не только базовые законодательные гарантии, но и дополнительные меры социальной защиты, такие как приоритет при сокращении штата, программы профессионального роста и меры по гармонизации семейных и трудовых обязанностей, что делает трудовые отношения более справедливыми и устойчивыми.

Деятельность профсоюзов напрямую способствует реализации принципов социальной справедливости и гендерного равенства на рынке труда, как это закреплено в Концепции государственной демографической безопасности Беларуси до 2030 года и Национальной стратегии гендерного равенства, где ФПБ выступает ключевым социальным партнером. Их инициативы приводят к реальным изменениям: росту занятости женщин в высокотехнологичных отраслях, снижению гендерного разрыва в оплате труда (с 25% в 2015 году до менее 18% к 2025 году по данным Белстата) и повышению уровня защиты от дискриминации, формируя культуру равных возможностей и мотивируя женщин к активному участию в экономике страны.

Список использованных источников

1. Как Федерация профсоюзов Беларуси влияет на изменение социально-трудовой сферы, рассказал Юрий Сенько [Электронный ресурс] // Minsk.1prof.by. – 2025. – URL: https://minsk.1prof.by/news/no-category/kak-federacziya-profsoyuzov-belarusi-vliyaet-na-izmenenie-soczialno-trudovoj-sfery-rasskazal-yurij-senko/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Нормативно-правовое обеспечение деятельности профсоюзов в Республике Беларусь и Российской Федерации [Электронный ресурс] // Lawinfo.ru. – 2024. – URL: https://lawinfo.ru/articles/8676/normativno-pravovoe-obespecenie-deyatelnosti-profsoyuzov-v-respublike-belarus-i-rossiiskoi-federacii (дата обращения: 01.03.2026).

3. Равные права [Электронный ресурс] // Belchemoil.by. – 2020. – URL: https://belchemoil.by/news/obshhestvo/ravnye-prava (дата обращения: 01.03.2026).

4. Роль профсоюзного движения в социально-экономическом развитии Брестчины, защите прав [Электронный ресурс] // Ivanovo.brest-region.gov.by. – 2024. – URL: https://ivanovo.brest-region.gov.by/ru/informirru-ru/view/rol-profsojuznogo-dvizhenija-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-brestchiny-zaschite-prav-2000004575 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Роль профсоюза в современном обществе [Электронный ресурс] // Слонимский вестник. – URL: https://www.slonves.by/rol-profsoyuza-v-sovremennom-obshhestve/ (дата обращения: 01.03.2026).

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО И ЛОКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУТУСА РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

А.А. Виниченко
Научный руководитель: Т.В. Северцова
Горки, БГСХА

В Республике Беларусь регулирование труда женщин учитывает историко-социальные факторы, поддерживая семью и материнство (гл. 19 Трудового Кодекса Республике Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь)). Гарантии включают защиту от дискриминации, запрет вредных работ и учет семейных обязанностей Гендерная политика обеспечивает равенство, но практика показывает барьеры: меньше женщин-лидеров, строгие требования в вузы.

Ч. 3 ст. 263 ТК Республики Беларусь требует письменного согласия женщин с детьми от 3 до 14 лет (инвалидами – до 18 лет) на ночную работу (22:00 – 6:00, ст. 117 ТК Республики Беларусь), сверхурочную, в праздничные дни (Указ Президента Республики Беларусь № 157 от 26.03.1998 года (далее – Указ № 157)), выходные и командировки – независимо от семейного положения (достаточно документа о ребенке). Отцы, опекуны и усыновители такого права лишены. Практика надзора выявляет нарушения нанимателями из-за незнания этих положений, влекущие административную ответственность.

Материал и методы. В процессе исследования использовался ТК Республики Беларусь, постановления, касающиеся темы данной статьи, а также научные работы других авторов. В ходе анализа были использованы такие методы, как: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Регулирование труда женщин в Республике Беларусь имеет свои особенности, которые связаны с историческими, социальными и культурными факторами. Государство заинтересовано в поддержке семьи, матери и ребенка как необходимой меры развития человеческого капитала и сохранения репродуктивного здоровья женщин.

Трудовое законодательство Республики Беларусь предусматривает широкий круг гарантий для работающих женщин, которые в основном закреплены в главе 19 ТК Республики Беларусь [1]. Особенности законодательства о труде женщин включают в себя нормы, которые направлены на защиту женщин от дискриминации в сфере труда, обеспечение равных возможностей в трудоустройстве и карьерном росте, а также на учет их особенностей в связи с материнством и семейными обязанностями. В целях предупреждения неблагоприятного воздействия вредных производственных факторов на организм матери (в том числе будущей) и ребенка законодательство о труде устанавливает специальные правила: нормы по охране труда и дополнительные гарантии занятости [2, с. 42].

Государством регламентирован список тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается

привлечение к труду женщин [3], что показывает обеспокоенность государства, по отношению к женщинам.

Тем не менее, женщины сталкиваются с проблемами при совмещении работы и семейных обязанностей. Несмотря на то, что закон гарантирует равные возможности для женщин и мужчин в сфере труда, на практике женщины реже занимают руководящие должности в высокооплачиваемых организациях [2, с. 42]. Также и при поступлении, к примеру в Академию МВД или в военный вуз, требования для женского пола выше, чем у мужского пола.

Реализация гендерной политики в Республике Беларусь основана на соблюдении национальных интересов с учетом общепризнанных принципов международного права и прав человека, поддержке традиционных ценностей и культурных устоев белорусского общества.

Под гендерной политикой понимается комплекс правовых и организационно-административных мер национального и регионального уровней, направленных на достижение и сохранение юридического и фактического равенства мужчин и женщин, а также предоставление равных возможностей женщинам и мужчинам (девочкам и мальчикам) для самореализации и развития во всех сферах общественных отношений [4].

Что же касается локального регулирования, здесь установлены нормы о гарантиях для работающих женщин.

Согласно части 3 статьи 263 ТК Республики Беларусь женщины, имеющие детей в возрасте от трех до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет), могут привлекаться к ночным, сверхурочным работам, работе в государственные праздники, праздничные дни, выходные дни и направляться в служебную командировку только с их письменного согласия.

Данная статья четко обозначивает пределы работающих женщин, однако, если судить по практике надзорной деятельности, следует отметить, что наниматели, зачастую, из-за незнания нормы, нарушают это положение.

Необходимо знать, что: ночным временем считается время с 22 часов до 6 часов (часть 1 статьи 117 ТК Республики Беларусь);

– к государственным праздникам и праздничным дням относятся только дни, которые объявлены нерабочими согласно пункту 3 Указа № 157.

Норма части 3 статьи 263 ТК Республики Беларусь требует полного толкования, поэтому запрет на привлечение без письменного согласия женщины, имеющей детей в возрасте от трех до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет) к ночным, сверхурочным работам, работе в государственные праздники, праздничные дни, выходные дни и направлении в служебную командировку распространяется вне

зависимости от семейного положения. Достаточно лишь документа, подтверждающий возраст, инвалидность ребенка, если имеется.

Если же это отец, опекун, усыновитель, имеющий детей в возрасте от трех до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет), то для него ТК Республики Беларусь не предоставлено права отказа от ночных, сверхурочных работ, работы в государственные праздники, праздничные дни, выходные дни и направления в служебную командировку.

За нарушение порядка привлечения женщин, имеющих детей в возрасте от трех до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет) к ночным, сверхурочным работам, работе в государственные праздники, праздничные дни, выходные дни и направления в служебную командировку может быть применена административная ответственность [5].

Заключение. В результате проведенного анализа установлено, что правовое регулирование труда женщин в Беларуси успешно сочетает международные стандарты с защитой национальных традиционных ценностей. Ключевым элементом этой системы выступают гарантии для женщин-матерей, закрепляющие принцип добровольности при привлечении к работам в особых условиях (ночное время, выходные дни, командировки). Вместе с тем, практика надзорной деятельности выявляет системные ошибки в применении части 3 статьи 263 ТК РБ, связанные с игнорированием безусловного характера данной нормы. Сделан вывод о том, что статус женщины-матери как субъекта трудовых отношений требует повышенного внимания со стороны нанимателя вне зависимости от её семейного положения. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на устранение барьеров при поступлении в специализированные вузы и занятии руководящих должностей, что станет важным шагом в реализации гендерной политики государства.

В связи с проведенным анализом, предлагается внести следующее: Совершенствование механизма привлечения к работам (ст. 263 ТК Республики Беларусь). Наниматели нарушают норму из-за «незнания» или превратно трактуют её (считают, что она касается только одиноких матерей). Следует дополнить статью 263 ТК Республики Беларусь нормой об обязательном письменном уведомлении**.** *«Наниматель обязан под роспись ознакомить женщину, имеющую детей в возрасте от трех до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет), с ее правом отказать в привлечении к ночным, сверхурочным работам, работе в государственные праздники, праздничные дни, выходные дни и направлении в служебную командировку до получения ее письменного согласия на такие работы».*

Это можно обосновать тем, что сейчас закон требует только согласия, но не обязывает нанимателя разъяснять право на отказ. Введение обязательного уведомления снимет проблему «незнания» и защитит женщину от скрытого психологического давления.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296 – З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 09.12. 2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

2. Зенькина, Е. М. Особенности регулирования труда женщин в Республике Беларусь / Е. М. Зенькина, Е. С. Иванова ; науч. рук. В. В. Козловская // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы XI Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 21 апреля 2023 года : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – Т. 2. – С. 42 – 43.

3. Об установлении списка тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин **:** Постановление Совета министров Республики Беларусь от 12 июня 2014 г. № 35 URL: https://mshp.gov.by/ru/ohrana-ru/view/spisok-tjazhelyx-rabot-i-rabot-s-vrednymi-i-ili-opasnymi-uslovijami-truda-na-kotoryx-zapreschaetsja-privle-997/. (Дата обращения: 22.02.2026).

4. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793 URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000793 – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (Дата обращения: 22.02.2026).

5. О гарантиях для работающих женщин : Управление по труду, занятости и социальной защите Мостовского райисполкома URL: https://utmost.grodno.by/%D0%BE-%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%8F%D1%85-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD/. (Дата обращения: 22.02.2026).

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАВОВОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.А. Высоцкая
Научный руководитель: А.В. Куделько
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью женщин в общественно-политической и экономической жизни современного общества. В условиях глобализации и развития демократических институтов обеспечение равных прав и возможностей мужчин и женщин становится важнейшим показателем уровня развития государства. Республика Беларусь, как современное социально ориентированное государство, уделяет значительное внимание вопросам гендерного равенства, расширению участия женщин в экономике и политике, а также укреплению их правового статуса.

Женщины составляют более половины населения Республики Беларусь, что обусловливает их значительное влияние на социально-экономическое развитие страны. По данным статистики, в Беларуси проживает около 4,9 млн женщин, что составляет около 54 % населения страны [2]. Это свидетельствует о значительной роли женщин в демографической, экономической и политической структуре государства.

Цель исследования – проанализировать правовой статус женщин Республики Беларусь, их участие в экономической деятельности и влияние на политическую сферу общества. При достижении поставленной цели считаем необходимым решить следующие задачи: изучить и проанализировать официальные данные по исследуемому вопросу; проследить историческое становление правового статуса женщин в Республике Беларусь; провести сравнительный анализ экономического участие белорусских женщин за 2015-2025 гг.; определить динамику политического влияния женщин в Республике Беларусь.

Материал и методы. В качестве методологической основы исследования использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнительного и статистического анализа.

Материал исследования составили нормативные правовые акты Республики Беларусь, статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, материалы международных организаций, а также научные публикации по вопросам гендерного равенства. Использовались данные Белстата, Всемирного банка и международных организаций, позволяющие оценить уровень участия женщин в различных сферах общественной жизни.

Правовой статус женщин в Республике Беларусь закреплен в Конституции Республики Беларусь. В соответствии со статьей 22 Конституции все граждане равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [1]. Кроме того, статья 32 Конституции закрепляет равенство мужчин и женщин в семейных отношениях.

Важным этапом развития правового статуса женщин стало принятие государственных программ по обеспечению гендерного равенства. Республика Беларусь реализует национальные планы действий по обеспечению равных прав мужчин и женщин, направленные на расширение возможностей участия женщин в экономической и политической жизни общества [3].

Согласно международным оценкам, в Беларуси сформирована значительная часть правовых механизмов обеспечения гендерного равенства. Так, около 66,7 % нормативных механизмов, направленных на обеспечение гендерного равенства, уже внедрены в национальную правовую систему [3].

Результаты и их обсуждение. Законодательство Республики Беларусь формирует правовую основу для обеспечения равных прав

женщин и мужчин и способствует расширению участия женщин в общественной жизни.

Женщины Республики Беларусь активно участвуют в экономической деятельности страны. По данным статистики, уровень занятости женщин в стране составляет около 65 %, а среди женщин трудоспособного возраста достигает 86 % [2]. Это свидетельствует о высокой степени вовлеченности женщин в экономическую деятельность.

Женщины составляют значительную часть рабочей силы страны. По данным Всемирного банка, доля женщин в составе рабочей силы составляет около 49 % [4]. Уровень участия женщин в рабочей силе составляет около 56,9 %, что выше среднемирового показателя [5].

При этом женщины чаще заняты в сфере услуг, образования и здравоохранения. В частности, в сфере образования и здравоохранения доля женщин превышает 80 % [2]. Также отмечается рост участия женщин в предпринимательской деятельности. По данным Белстата, около 42 % предпринимателей в Беларуси составляют женщины [2].

Несмотря на высокий уровень занятости, сохраняется гендерный разрыв в оплате труда. По данным статистики, мужчины в среднем зарабатывают примерно на 25 % больше женщин [6]. Данный разрыв объясняется различиями в профессиональной структуре занятости и меньшей представленностью женщин на руководящих должностях.

Таким образом, женщины играют значительную роль в экономике Республики Беларусь, однако сохраняются определенные проблемы, связанные с гендерным неравенством в оплате труда и карьерном росте.

Женщины Республики Беларусь активно участвуют в политической жизни страны. По данным международной статистики, доля женщин в парламенте Беларуси составляет около 33 – 34 % [7]. Этот показатель превышает среднемировой уровень, что свидетельствует о достаточно высоком уровне политического участия женщин.

Кроме того, женщины активно участвуют в работе органов местного самоуправления. По данным Белстата, женщины составляют около 48 % представителей местных органов власти [2].

Также женщины представлены в судебной системе. В Беларуси около 67 % судей составляют женщины [2]. Это свидетельствует о значительном влиянии женщин на развитие правовой системы государства.

Вместе с тем сохраняются определенные проблемы, связанные с ограниченным представительством женщин на высших государственных должностях. По данным исследований, доля женщин среди руководителей государственных органов составляет от 3 до 7 % [6], поэтому сохраняется необходимость дальнейшего расширения их участия в управлении государством.

В результате проведенного исследования установлено, что женщины Республики Беларусь играют значительную роль в общественно-политической и экономической жизни страны.

Заключение. Правовой статус женщин закреплен в Конституции Республики Беларусь и других нормативных правовых актах, обеспечивающих равные права мужчин и женщин.

Женщины активно участвуют в экономической деятельности, составляя значительную часть рабочей силы страны. Однако сохраняются проблемы гендерного разрыва в оплате труда и недостаточной представленности женщин на руководящих должностях.

Политическое участие женщин в Беларуси находится на достаточно высоком уровне. Женщины активно представлены в парламенте, органах местного управления и судебной системе. Вместе с тем необходимо дальнейшее расширение их участия в высших органах государственной власти.

Таким образом, развитие правового статуса женщин, расширение их экономического участия и политического влияния остаются важными направлениями государственной политики Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.: с изм. и доп. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023.

2. Женщины и мужчины Республики Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Белстат, 2023.

3. Республика Беларусь в цифрах: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Белстат, 2024.

4. Гендерное равенство в Республике Беларусь : аналитический обзор / Организация Объединенных Наций. – Минск, 2023.

5. Gender Equality Profile of Belarus / United Nations Development Programme. – Minsk, 2022.

6. Women, Business and the Law 2024 / World Bank. – Washington : World Bank Group, 2024.

ИЗУЧЕНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА

Е.П. Даранчук
Научный руководитель: А.В. Королёнок
Минск, БГЭУ

Как экономическая категория, трудовые ресурсы – это совокупность людей, обладающих физическими, умственными способностями, знаниями и навыками, которые могут быть использованы в различных сферах экономики для создания товаров и услуг. Это один из ключевых элементов экономической системы, который напрямую влияет на производственные мощности и экономическое развитие. Однако рынок труда не является гендерно-нейтральным. Социальные роли, сложившиеся культурные стереотипы формируют глубоко дифференцированные траектории занятости, карьеры и оплаты труда для мужчин и женщин.

Целью работы является проведение статистического анализа показателей использования трудовых ресурсов в Республике Беларусь с целью выявления и оценки масштабов, динамики и структурных особенностей гендерных диспропорций на рынке труда.

Материал и методы. В исследовании использованы индекс дессимиляции Дункана, индексы структурной сопряженности, методы анализа рядов динамики, индексный и графический методы.

Теоретической и методологической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области статистики, демографии, посвященные вопросам изучения трудовых ресурсов.

Результаты и их обсуждение. Численность трудовых ресурсов в Республике Беларусь за период с 2014 г. по 2024 г. сократилась на 310, 8 тыс. человек и составил в 2024 году 4948,6 тыс. человек, что объясняется в первую очередь снижением численности всего населения.

В условиях сокращения численности населения, его старением, ключевым фактором поддержания экономического роста становится интенсивное и эффективное использование трудовых ресурсов. Это делает критически важным привлечение и удержание на рынке труда всех групп населения, включая максимальную реализацию профессионального потенциала как мужчин, так и женщин. Любое неравенство в возможностях или неэффективное использование навыков одной из групп становится прямой угрозой экономической устойчивости. Анализ использования трудовых ресурсов с учетом гендерного фактора позволяет перейти от констатации неравенства к пониманию его глубинных причин и структурных проявлений. Исследование показывает, в каких отраслях сосредоточены мужчины и женщины, как меняется разрыв в зарплатах, различаются ли уровни безработицы и существует ли «стеклянный потолок» для женщин. За период 2014 – 2024 гг. наблюдается устойчивое сокращение численности занятых как среди мужчин, так и среди женщин. Динамика численность занятых мужчин и женщин за 2014 – 2024 гг. представлена на рисунке 1.

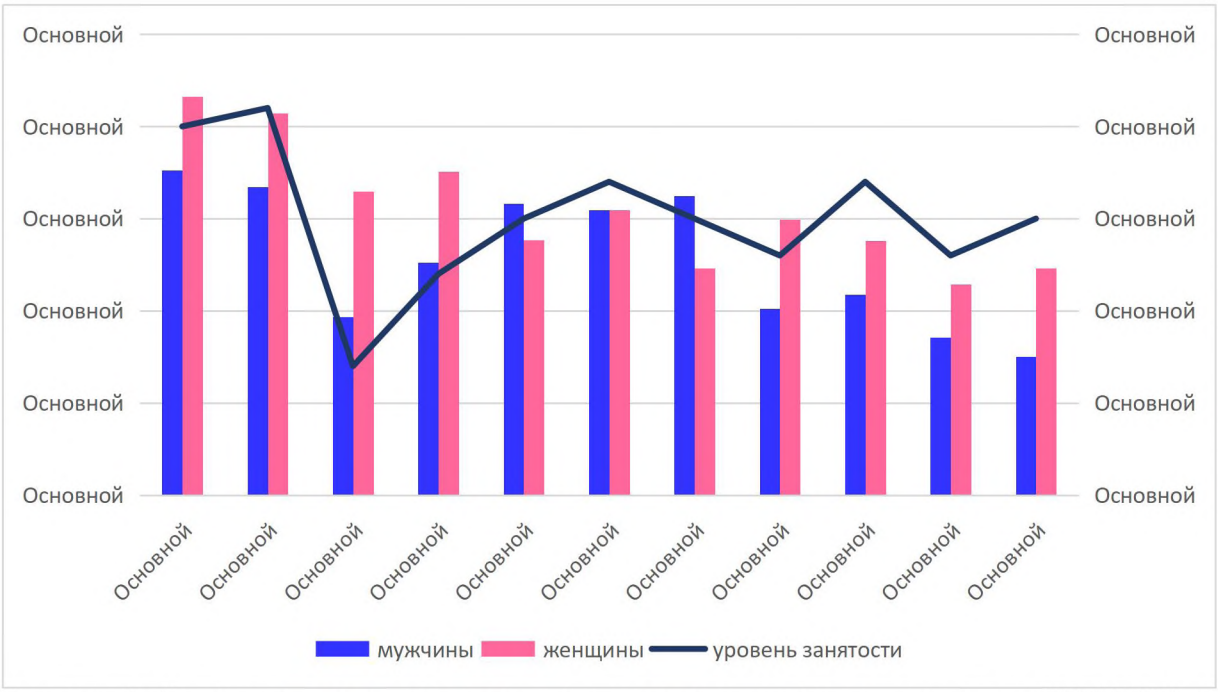


Рисунок 1. Динамика численности занятого населения в среднем по полу в 2014-2024 гг. в Республике Беларусь

Примечание: Источник: собственная разработка на основе данных [1].

Как видно из графика, к 2024 году количество занятых мужчин уменьшилось на 101,09 тыс. человек по сравнению с 2014 годом, а занятых женщин – на 93,13 тыс. человек.

В Беларуси по-прежнему наблюдается разделение на «женские» и «мужские» виды деятельности. Причем наиболее феминизированными являются социально-культурные виды деятельности. Так, в 2024 году в женщины преимущественно сосредоточены в сфере услуг (74,1%), тогда как мужчины доминируют в промышленности (29,5% и 17,4% у женщин), строительстве (12,8% и 1,9%) и сельском хозяйстве (13,4% и 6,6%). Это свидетельствует об устойчивости традиционных стереотипов, закрепляющих за мужчинами индустриальные отрасли, а за женщинами – социальную сферу [1].

Для оценки гендерных различий можно использовать специальные показатели: индекс диссимиляции Дункана, индекс соотношения полов на рынке труда, индекс предельного соответствия.

Для оценки горизонтальной сегрегации рассчитаем индекса диссимиляции Дункана:

$$D_t = 0{,}5 \cdot \sum_j |m_{jt} - f_{jt}| = 0{,}5(|29{,}5 - 17{,}4| + |44{,}3 - 74{,}1| + |12{,}8 - 1{,}9| + |13{,}4 - 6{,}6|) = 29{,}8\,\%$$

Полученное значение индекса Дункана свидетельствует о том, что по данным за 2024 год 29,8% женщин должны сменить профессию, чтобы

иметь одинаковое с мужчинами распределение. Следует отметить, что по сравнение с 2014 годом индекс Дункана снизился на 0,5 п.п.

Таким образом, согласно Massey, Denton (1993), в Республике Беларусь наблюдалась умеренная гендерная сегрегация.

В республике наблюдаются гендерные различия по величине заработной платы. В целом по экономике Беларуси женщины зарабатывали около 74 % от мужской зарплаты. Соотношение зарплат женщин и мужчин остается стабильно низким на протяжении всего периода, варьируя в диапазоне 71,9 – 78,5%. Согласно данным за 2014 – 2024 гг., гендерный разрыв в оплате труда в Беларуси объясняется профессиональной сегрегацией: мужчины доминируют в высокооплачиваемых производственных секторах (рабочие промышленности и строительства – 26,3%, операторы – 24,8%), а женщины – в сферах с относительно низкими зарплатами (торговля – 21,6%, специалисты – 30,2%) [2].

Хотя среди профессионалов женщин стало вдвое больше, чем мужчин (30,2% против 13,9%), равенства в зарплатах не наступило. Женщины чаще работают в образовании и медицине, а мужчины занимают высокооплачиваемые инженерные должности и руководящие посты в промышленности и коммерции.

Введение гендерного подхода в анализ безработицы позволяет выявить структурные диспропорции на рынке труда. Динамика 2014 – 2024 гг. показывает, что доля мужчин среди безработных снизилась с 63,5% до 55,8%, тогда как доля женщин выросла с 36,5% до 44,2%. Это свидетельствует о более медленном сокращении женской безработицы в относительном выражении.

Женщины преобладают среди безработных с высшим и средним специальным образованием, а мужчины – среди безработных с профессионально-техническим, однако за 2014 – 2024 гг. этот разрыв сократился. Также снизилась доля женщин с базовым образованием (с 4,6% до 3,3%). [3].

Для полного понимания гендерных особенностей на рынке труда анализа образовательного уровня безработных недостаточно. Проанализировав данные выборочного обследования домашних хозяйств Республики Беларусь по изучению использования суточного фонда времени населением за 2024 – 2025 гг. был сделан следующий вывод: не смотря на тот факт, что мужчины тратят больше времени на работу, большая общая трудовая нагрузка приходится на женщин: в 2024 году мужчины больше времени уделяют оплачиваемой работе (4 ч 07 мин против 3 ч 15 мин у женщин), а женщины – домашнему хозяйству (4 ч 12 мин против 2 ч 26 мин у мужчин). Это свидетельствует о сохранении традиционного разделения ролей, хотя за десятилетие разрыв несколько сократился [4].

Проведем сравнительный анализ показателей использования трудовых ресурсов с помощью многомерного метода и оценим значительны ли различия таких показателей, как уровень занятости (X_1), доля занятого населения на неполный рабочий день (X_2), заработная плата относительно средней заработной платы в стране (X_3), уровень безработицы.

Для проверки нулевой гипотезы применяется многомерный T^2 - критерий. Расчет фактического значения T^2-критерия Хотеллинга

$$T_p^2 = n(\overline{X} - \mu)'\Sigma^{-1}(\overline{X} - \mu) = 1{,}114$$

Критическое значение для данного уровня значимости (α) составит

$$T^2_{кр(\alpha, m, n-m)} = \frac{(n-1)m}{n-m} F_{\alpha, m, n-m} = \frac{(8-1)4}{8-4} 6{,}388 = 44{,}716$$

$T^2_{кр} > T^2_p$, следовательно нулевая гипотеза принимается, что означает – статистически значимых различий между мужчинами и женщинами по таким показателям как уровень занятости, доля занятых на неполный рабочий день, относительная заработная плата, уровень безработицы, не выявлено.

Заключение. Исследование подтверждает сохранение гендерной сегрегации на рынке труда Беларуси: женщины сконцентрированы в сфере услуг, мужчины доминируют в промышленности и строительстве. Гендерный разрыв в оплате труда остается стабильным (около 25%), что обусловлено профессиональной сегрегацией и отраслевыми различиями. При этом многомерный статистический анализ не выявил значимых различий по интегральным показателям занятости и безработицы.

Список использованных источников

1. Доля мужчин/женщин в общей численности занятого населения / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://gender.belstat.gov.by/economics/223?type=pieChart1&reg=(T/F/M):(UP):(T):(T):(T):(T):(T):(T):(T). (Дата обращения: 27.02.2026).

2. Номинальная начисленная средняя заработная плата / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://gender.belstat.gov.by/economics/61?type=columnChart&reg=(T/F/M):(T). (Дата обращения: 27.02.2026).

3. Доля мужчин/женщин в общей численности безработных / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://gender.belstat.gov.by/economics/226?type=pieChart1&reg=(T/F/M):(UP):(T):(T). (Дата обращения: 27.02.2026).

4. Бюджет времени населения в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_153663/ (Дата обращения: 27.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЖЕНЩИН В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ю.В. Киммель
Научный руководитель: Т.В. Северцова
Горки, БГСХА

Трудовое законодательство Республики Беларусь устанавливает для женщин ряд особенностей регулирования рабочего времени. Эти нормы направлены на предоставление дополнительных гарантий и создание благоприятных условий для совмещения работы с семейными обязанностями, особенно в период беременности и материнства.

Материал и методы. Основные особенности можно разделить на две категории: обязанность нанимателя установить неполное рабочее время и особый порядок привлечения к отдельным видам работ.

Рабочим временем считаются время, в течение которого работник обязан находиться на рабочем месте или в ином установленном по согласованию с нанимателем месте и исполнять трудовые обязанности, а также время работы, выполняемой по предложению, распоряжению или с ведома нанимателя сверх установленной продолжительности рабочего времени (сверхурочная работа, работа в выходные дни, а также в государственные праздники и праздничные дни.

По соглашению между работником и нанимателем могут устанавливаться как при приеме на работу, так и впоследствии неполный рабочий день или неполная рабочая неделя. При неполном рабочем дне уменьшается норма продолжительности ежедневной работы, установленная правилами внутреннего трудового распорядка или графиком работы у нанимателя.

При неполной рабочей неделе сокращается число рабочих дней в неделю.

Неполное рабочее время может также состоять в одновременном уменьшении норм продолжительности ежедневной работы и числа рабочих дней в неделю.

Соглашение о неполном рабочем времени может быть заключено на определенный или неопределенный срок[1].

Неполное рабочее время устанавливается по договоренности между работником и нанимателем как при приеме на работу, так и впоследствии. Наниматель обязан устанавливать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю:

1) по просьбе беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет (в том числе находящегося на ее попечении), работника, осуществляющего уход за больным членом семьи в соответствии с медицинской справкой о состоянии здоровья;

2) инвалидам в соответствии с индивидуальными программами реабилитации, абилитации инвалидов;

3) при приеме на работу по совместительству;

4) другим категориям работников, предусмотренным коллективным договором, соглашением [1].

К работе в ночное время могут привлекаться только с их письменного согласия инвалиды при условии, что такая работа не запрещена им индивидуальными программами реабилитации, абилитации инвалидов, а также женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет.

Женщина, имеющая детей, имеет право потребовать установить для нее режим неполного рабочего времени.

При этом наниматель обязан устанавливать по просьбе беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет (в т.ч. находящегося на ее попечении), неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Женщины, имеющие малолетних детей, имеют право на перерывы для кормления. Для матерей детей до 1,5 лет: не реже чем через 3 часа, минимум 30 минут. При двух и более детях – не менее часа [2].

Основной объем льгот и гарантий связан не с полом работника как таковым, а с наличием детей и семейных обязанностей. Важно, что многие гарантии распространяются и на отцов-одиночек, опекунов.

Однако, не всегда нормы трудового законодательства Республики Беларусь соблюдаются. Примером этого является рассмотрение Трудового спора КТС по делу о незаконном изменении графика.

В соответствии с ПВТР рабочий день для всех работников организации начинается в 08:00. Работница обратилась к нанимателю с просьбой сдвинуть ей начало рабочего дня на 09:00.

Отметим, что при смещении рабочего времени продолжительность рабочего дня не меняется. То есть если работник работал ежедневно по 8 часов, то и при смещении он работает столько же.

Обычно смещение рабочего времени – это установление нового распорядка (времени начала и (или) окончания) рабочего дня работника, происходит по его инициативе. Чаще всего это связано с тем, что работник по каким-либо причинам не успевает на работу к установленному времени. Также нередко встречаются ситуации, когда те или иные обстоятельства требуют более раннего ухода с работы.

Чтобы для работника был установлен иной распорядок рабочего дня, ему следует обратиться с такой просьбой к нанимателю. Желательно сделать это письменно, подав на имя нанимателя соответствующее заявление. Оно составляется в произвольной форме. Распорядок рабочего дня работника может быть изменен и по инициативе нанимателя. При этом следует помнить, что время начала и окончания рабочего дня, время обеденного перерыва являются составными частями

режима рабочего времени. В свою очередь, режим рабочего времени – существенное условие труда для работника. Соответственно, изменение распорядка рабочего дня по инициативе нанимателя должно быть обосновано экономическими, производственными или организационными причинами. Работника об этом надо письменно предупредить минимум за 1 месяц [3].

Если изменение распорядка рабочего дня происходит в связи с обоснованными причинами неблагоприятного воздействия эпидемиологической ситуации на деятельность нанимателя, предупредить работника об этом нужно не позднее чем за 1 календарный день.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ трудового законодательства Республики Беларусь позволяет систематизировать особенности регулирования труда женщин по нескольким ключевым направлениям, которые формируют комплекс дополнительных гарантий и ограничений. Обсуждение этих результатов выявляет их направленность на защиту материнства и создание условий для совмещения профессиональных и семейных обязанностей. Основным результатом анализа является выделение двух уровней регулирования рабочего времени: диспозитивного (по соглашению сторон) и императивного (обязательного для нанимателя), дифференцированный подход к привлечению женщин к труду в особых условиях.

Ключевой вывод – наличие мощного блока гарантий, обеспечивающих стабильность трудовых отношений для женщин с семейными обязанностями.

Заключение. В целом, трудовое законодательство Республики Беларусь формирует модель регулирования женского труда. Она характеризуется расширенными гарантиями занятости, гибкостью в регулировании рабочего времени и одновременным наличием ограничений на использование женского труда на определенных работах. Целью этой модели является максимальная защита материнства и детства, даже ценой некоторого ограничения экономической свободы женщины и возложения дополнительных обязательств на нанимателя. Эффективность этой системы в современных экономических условиях и ее соответствие принципам гендерного равенства остается полем для дальнейших дискуссий.

Предложения по улучшению трудового законодательства для женщин в Беларуси которые действительно могут быть эффективными:

1. Легализовать возможность дистанционной работы для беременных женщин и матерей детей до 3 лет без необходимости оформления изменения существенных условий труда если характер работы это позволяет.

2. Установить административную ответственность за нарушение сроков продления контракта с женщиной, находящейся в отпуске по уходу

за ребенком с автоматической выплатой компенсации в размере трехмесячного заработка.

3. Обязать нанимателей включать в коллективные договоры пункт о возможности предоставления женщинам краткосрочных социальных отпусков без сохранения заработной платы продолжительностью до 7 дней в год для решения семейных вопросов.

4. Создать механизм автоматического продления срочных трудовых договоров с женщинами предпенсионного возраста имеющими несовершеннолетних детей до достижения детьми совершеннолетия.

5. Расширить перечень оснований для обязательного установления неполного рабочего времени включив в него женщин, осуществляющих уход за престарелыми родителями старше 75 лет.

6. Учредить государственную программу профессиональной переподготовки и повышения квалификации для женщин, вышедших из отпуска по уходу за ребенком с гарантированным направлением на стажировку.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г. № 296-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 03.03.2026).

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт] – Мн.,2003-2026. –URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/august/ 898 96/ (дата обращения 03.03.2026).

3. Смещение рабочего времени: [сайт]. – URL: https://ilex.by/smeshhenie-rabochego-vremeni/ (дата обращения 03.03.2026).

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

П.П. Кононович
Научный руководитель: И.И. Куницкий
Горки, БГСХА

Знаковым событием для современной истории нашей страны стало то, что нынешний год объявлен Годом белорусской женщины в Республике Беларусь в соответствии с Указом Президента № 1 от 1 января 2026 года. Данное решение акцентирует внимание на особой значимости их участия во всех сферах общественно-политической жизни, в частности – в органах местного управления и самоуправления. Местная власть, являясь связующим звеном между государством и населением, требует эффективного использования всего человеческого капитала. В этом контексте женщины, занимающие руководящие посты в органах местного управления и активно работающие в структурах самоуправления, привносят в управленческий процесс уникальные компетенции и высокую социальную ответственность. Данная работа направлена на изучение их

мотивации и оценки эффективности деятельности, а также на выявление барьеров, ограничивающих полную реализацию управленческого потенциала женщин на региональном уровне.

Материал и методы. Материалами исследования послужили Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон «О местном управлении и самоуправлении»), Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе», (далее – Закон «О государственной службе»), сведения официальных сайтов исполкомов, а также научные труды Ю.Г. Ермак. Методологическую основу работы составили диалектический, формально-юридический, статистический, сравнительный и системный методы, а также метод анализа официальных интернет-ресурсов.

Результаты и их обсуждение. Устойчивость развития Республики Беларусь во многом базируется на реализации принципов равноправия полов. Женское лидерство сегодня интегрировано во все властные структуры и уровни управления, что подтверждает преемственность многолетней отечественной практики вовлечения женщин в государственные процессы [3, с.175].

Обратимся к истории. На первых выборах в Верховный Совет БССР 26 июня 1938 года женщины составили четверть депутатского корпуса (68 из 273 человек). Депутатский состав отличался широким социальным охватом: в него вошли работницы партийных и профсоюзных структур, интеллигенция и рабочие. Среди знаковых имен того времени – К. А. Абушенко, Н. Г. Грекова, а также Е. И. Уралова и Е. Т. Гутенкова, занимавшие посты народных комиссаров. Примечателен и возраст участников – самой молодой женщине-депутату, А. И. Пальцевой, было всего 19 лет.

Во второй половине 1980-х годов рост общественно-политической активности женщин в БССР был тесно связан с деятельностью Советов народных депутатов по развитию социальной инфраструктуры (школ, детских садов) и совершенствованию законодательства об охране материнства. Основными формами вовлечения женщин в управление стали участие в выборах, работе избирательных комиссий и обсуждение проектов решений через анкетирование и публичные слушания [3, с. 175 – 176].

Важной этапом в развитии системы управления и самоуправления стало принятие соответствующего закона «О местном управлении и самоуправлении». Наличие 17 редакций данного закона свидетельствует о постоянном внимании государства к институтам местного самоуправления. С 2011 по 2025 документ всячески совершенствовался [1].

В XXI веке традиция сбалансированной гендерной политики и обеспечения равных возможностей продолжается в деятельности

современных органов власти, в частности, Гродненского областного Совета депутатов» [3, с.176].

Анализируя историческую справку, можно сделать вывод, что женщины уже более века участвуют в общественной и политической жизни общества.

Рассмотрим более подробно нормативную базу. Согласно статье 2 п. 10 Закона «О государственной службе» к государственным органам, в которых предусмотрены гражданские должности, относятся местные Советы депутатов и их аппараты, местные исполнительные и распорядительные органы [2].

Обращаясь все к тому же Закону: «Право на поступление на гражданскую службу имеют граждане Республики Беларусь, достигшие восемнадцатилетнего возраста, владеющие государственными языками Республики Беларусь, соответствующие квалификационным требованиям и иным требованиям, установленным настоящим Законом и иными законодательными актами о гражданской службе» [2, п. ст. 28]. Здесь необходимо отметить, что в Республике Беларусь нет ограничения для поступления на гражданскую службу в органы местного управления и самоуправления по половому признаку.

В Беларуси традиционно высокий процент женщин-депутатов (около 48 – 50%). На уровне сельских и поселковых Советов этот показатель часто выше, что говорит о готовности женщин брать на себя ответственность за решение повседневных проблем граждан. Хотя в исполнительной «вертикали» на высших должностях преобладают мужчины, женщины составляют основу среднего звена управления и возглавляют ключевые отделы, занимая должности заместителей председателей по следующим направлениям – социальная защита, образование, идеология, экономика.

Практическое подтверждение этой кадровой политики можно увидеть в структуре региональной власти. Так, в Смолевичском районном исполнительном комитете ключевые управленческие позиции закреплены за женщинами: экономический блок возглавляет заместитель председателя Наталья Евгеньевна Сукач, а социальную сферу курирует Наталья Михайловна Денисевич. Примечательно, что и представительную власть района – Смолевичский районный Совет депутатов – возглавляет женщина, Марина Михайловна Клюева [4].

В Несвижском районе женское лидерство охватывает традиционно сложные и ресурсоемкие отрасли, как агропромышленный комплекс. Заместителем председателя – начальником управления по сельскому хозяйству и продовольствию райисполкома является Татьяна Николаевна Жук. Социально-идеологический вектор района также находится под женским началом в лице заместителя председателя Анастасии Степановны Бутор [5]. Статус женщин в политической иерархии региона подчеркивается и на уровне самоуправления – пост председателя

Несвижского районного Совета депутатов занимает Светлана Анатольевна Антончик.

Масштабы женского лидерства в управленческой структуре столичного региона наглядно подтверждаются на примере Минского районного исполнительного комитета – одного из крупнейших и наиболее значимых в стране. Здесь ключевые позиции, требующие стратегического подхода и высокой ответственности, также закреплены за женщинами. Экономический потенциал и финансовую стабильность района курирует заместитель председателя Татьяна Михайловна Иванова. За развитие обширной социальной инфраструктуры и реализацию государственных гарантий в столичном регионе отвечает заместитель председателя Ирина Васильевна Тихонко.

Таким образом, на примере отдельных регионов отчетливо прослеживается системная роль женщин в обеспечении жизнедеятельности и стабильного развития белорусских территорий.

Заключение. Проведенный анализ выявляет характерное противоречие в кадровой политике – несмотря на высокую вовлеченность женщин в управление на среднем уровне, высшие руководящие посты – председателей и первых заместителей – как в регионах, так и в столице остаются практически полностью монополизированы мужчинами. Наглядным примером этого гендерного дисбаланса выступает Минский городской исполнительный комитет, где представительство женщин в высшем эшелоне ограничено должностью управляющего делами, что свидетельствует о сохранении «стеклянного потолка» при распределении ключевых властных полномочий [7]. Для преодоления сложившейся ситуации необходимо пересмотреть подходы к формированию кадрового резерва, сместив акцент с количественного присутствия женщин в депутатском корпусе на их продвижение к вершинам исполнительной «вертикали». Возможным решением проблемы может стать внедрение системы обязательного гендерного аудита кадровых назначений на высшие административные посты и реализация государственных программ наставничества, направленных на подготовку женщин-руководителей к выполнению функций первых лиц регионов. Только через планомерную интеграцию успешных женщин-управленцев из социального и экономического секторов в сферу общего и стратегического руководства возможно достижение подлинного гендерного паритета, отвечающего целям устойчивого развития белорусского общества и объявленному Году белорусской женщины.

Список использованных источников

1. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З: в ред. от 11 октября 2024 г. № 36-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

2. О государственной службе: Закон Респ. Беларусь, 1 июня 2022 г. № 175-З: в ред. от 29 декабря 2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

3. Ермак, Ю. Г. Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь / Ю. Г. Ермак // Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы X международной научно-практической конференции (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 1 / Учреждение образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы" ; гл. ред. В. Н. Ватыль ; редкол.: В. А. Белозорович [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. – С. 175 – 178.

4. Смолевичский районный исполнительный комитет. Руководство [Электронный ресурс] // Смолевичский районный исполнительный комитет : официальный сайт. – URL: https://smolevichi.gov.by/ru/vlast-ru/ispolnitelnaya-vlast/rukovodstvo-ru. (дата обращения: 13.03.2026).

5. Несвижский районный исполнительный комитет. Руководство [Электронный ресурс] // Несвижский районный исполнительный комитет : официальный сайт. – URL: https://nesvizh.gov.by/ru/vlast-ru/ispolnitelnaya-vlast/rukovodstvo-ru. (дата обращения: 13.03.2026).

6. Минский районный исполнительный комитет. Руководство [Электронный ресурс] // Минский районный исполнительный комитет : официальный сайт. – URL: https://mrik.gov.by/ru/vlast-ru/ispolnitelnaya-vlast/rukovodstvo-ru. (дата обращения: 13.03.2026).

7. Минский городской исполнительный комитет. Руководство [Электронный ресурс] // Минский городской исполнительный комитет : официальный интернет-портал. – URL: https://minsk.gov.by/ru/vlast/ispolnitelnaya-vlast/rukovodstvo. – (дата обращения: 13.03.2026).

ПРАВОВОЙ СТАТУС МНОГОДЕТНЫХ МАТЕРЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ ЛЬГОТ ДО УЧАСТИЯ В РАБОТЕ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

В.В. Копать
Научный руководитель: О.М. Китурко
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Вопрос демографической обстановки и укрепления семейных устоев в настоящее время в Республике Беларусь выдвинуты на уровень первостепенных государственных задач. Ключевое место в данной системе координат занимают многодетные матери, чья социальная роль выходит далеко за пределы традиционных семейных обязанностей. Государственная политика последних лет демонстрирует эволюционный переход: от предоставления многодетным матерям набора социальных благ к включению их в процесс принятия общественно значимых решений.

Особое значение в этом контексте приобрело второе заседание VII Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС), прошедшее в декабре 2025 года в столице Беларуси. Данный форум подтвердил роль ВНС как

ведущего представительного института и утвердил документы стратегического характера, непосредственно определяющие положение семей с детьми. Важным итогом собрания стало официальное признание необходимости повышения социального статуса женщины, воспитывающей детей, что нашло поддержку среди участников и получило отражение в итоговых материалах [1]. Кроме того, главный программный документ на период 2026 – 2030 годов зафиксировал демографическую безопасность в качестве базового ориентира развития страны на предстоящее пятилетие [2].

Исследователи, изучающие правовое положение многодетных матерей, чаще всего акцентируют внимание на аспектах социальной защиты: вопросах пенсионного обеспечения, системе государственных выплат, жилищных программах и трудовых гарантиях. Вместе с тем, изменения основного закона 2022 года и предоставление многодетным матерям возможности быть делегированными в состав ВНС сформировали новое направление для научного осмысления. Однако комплексные работы, рассматривающие переход от пассивного получения мер поддержки к активной роли в публичном управлении, в настоящее время отсутствуют, что подтверждает научную значимость данного исследования.

Цель работы заключается в изучении трансформации правового статуса многодетных матерей в Республике Беларусь с учетом итогов VII Всебелорусского народного собрания. Для реализации указанной цели предполагается решение следующих задач:

- охарактеризовать действующую систему социальных льгот для многодетных матерей, принимая во внимание корректировки пенсионного законодательства последнего периода;
- изучить новые формы участия многодетных матерей в деятельности ВНС как высшего представительного органа;
- выявить текущие проблемы и наметившиеся тенденции в законодательстве, связанные с интеграцией семейной тематики в систему стратегического планирования;
- определить степень влияния решений декабрьского заседания ВНС 2025 года на укрепление общественного положения многодетной матери.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с реализацией правового статуса многодетных матерей в Республике Беларусь. Предметом исследования являются положения конституционного, семейного законодательства и нормы права социального обеспечения, определяющие правовое положение многодетных матерей, а также решения и документы VII Всебелорусского народного собрания (2025 года), задающие векторы развития государственной семейной и демографической политики.

Материал и методы. Нормативные правовые акты Республики Беларусь, закрепляющие статус многодетных матерей: Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье,

Трудовой кодекс Республики Беларусь, Закон «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», а также подзаконные акты (постановление Совета Министров от 28 июля 2011 г. № 1009 «Об удостоверении многодетной семьи» с изменениями от 23 августа 2024 г. № 619, Указ Президента о льготном кредитовании многодетных семей и др.). документы, связанные с деятельностью Всебелорусского народного собрания: Закон «О Всебелорусском народном собрании» (в редакции 2025 г.), материалы второго заседания VII ВНС (18 – 19 декабря 2025 г.), включая утвержденную Программу социально-экономического развития на 2026 – 2030 годы и Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию. Информационные и аналитические материалы государственных органов (официальный Интернет-портал Президента, данные Центральной избирательной комиссии, местных исполнительных комитетов.

Результаты и их обсуждение. Правовой статус многодетной матери в Республике Беларусь традиционно формировался в рамках законодательства о социальной защите. Согласно Постановлению Совета Министров от 28 июля 2011 г. № 1009 (в редакции от 23 августа 2024 г. № 619), многодетной признается семья с тремя и более детьми (дети в возрасте до 18 лет, находящиеся на иждивении и воспитании в семье (родные, усыновленные, удочеренные, пасынки и падчерицы), постоянно проживающие в Республике Беларусь). Данный статус подтверждается специальным удостоверением и предоставляет доступ к широкому перечню мер государственной поддержки.

Анализ нормативной базы показывает, что к 2025 – 2026 годам в Беларуси сложилась многоуровневая система поддержки многодетных матерей, включающая: одиннадцать видов пособий; оплачиваемый трехлетний отпуск по уходу за ребенком; семейный капитал; льготное кредитование жилья; трудовые гарантии (дополнительный выходной либо сокращенный рабочий день). Матери пяти и более детей имеют право на снижение пенсионного возраста в соответствии с Законом «О пенсионном обеспечении» [3].

Как отметил Председатель Палаты представителей Игорь Сергеенко на встрече с Белорусской ассоциацией многодетных родителей (октябрь 2025 г.), принятые меры дают результат: количество многодетных семей выросло со 106 тыс. (2019 г.) до 123 тыс. В них воспитывается более 400 тыс. детей -фактически каждый пятый ребенок в стране [4].

Конституционная реформа 2022 года и Закон «О Всебелорусском народном собрании» создали основу для принципиального расширения статуса многодетных матерей. Они получили возможность не только получать социальные блага, но и участвовать в определении стратегии развития страны через механизмы ВНС как высшего представительного органа народовластия.

Второе заседание VII Всебелорусского народного собрания (18 – 19 декабря 2025 г., Минск) закрепило новую роль многодетных матерей. Главный итог – утверждение Программы социально-экономического развития на 2026 – 2030 годы, где национальная демографическая безопасность определена первым и важнейшим приоритетом пятилетки.

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Президент Александр Лукашенко акцентировал необходимость повышения статуса женщины-матери, отметив, что сегодня можно быть успешной и деловой даже с тремя и более детьми. Этот тезис получил широкий общественный резонанс.

Анализ состава делегатов ВНС подтверждает реальный характер представительства многодетных матерей. Показателен пример Людмилы Мороз – директора Столинского ТЦСОН, матери пятерых детей, делегата ВНС. Она подчеркнула: «Семья – высшая ценность, и мы всегда ставили ее на первое место... Эта позиция нашла отражение и в программе социально-экономического развития». В Столинском районе проживает более 2300 многодетных семей, 868 женщин награждены орденом Матери, что демонстрирует восприятие многодетности как нормы.

Ирина Афанасьева, делегат ВНС от города Минска, инженер и председатель первичной организации Белорусского союза женщин [9], акцентировала внимание на том, что быть делегатом ВНС – большая ответственность, требующая донесения принятых решений до трудовых коллективов. Она также отметила важность шефства над многодетными семьями, воспитывающими детей-инвалидов, как одно из направлений деятельности женских общественных объединений [5].

Исследование выявило важную тенденцию: наряду с материальной поддержкой возрастает значение духовно-нравственного воспитания. Игорь Сергеенко подчеркнул: «Рассматривая вопросы материальной поддержки семей, нельзя уходить от духовно-нравственного воспитания детей». Семья оказывает важнейшую помощь государству в патриотическом воспитании, являясь его первоосновой.

На встрече с Белорусской ассоциацией многодетных родителей большинство вопросов касалось именно духовно-нравственного воспитания и угроз современного мира (вейпы, агрессивная реклама). Женщины вносили конкретные предложения по законодательному регулированию.

Многодетная мать из Бобруйска Валентина Дейнеко в отзыве на Послание Президента отметила: «Мне очень импонирует высказывание Главы государства о повышении статуса женщины-матери... Успехи и достижения детей – лучшая награда за материнский труд» [6].

Анализ позволяет выявить ряд проблемных аспектов. Сохраняется дифференциация в уровне поддержки многодетных семей в зависимости от региона, что требует гармонизации законодательства. Актуальна задача более активной пропаганды многодетных семей в СМИ. Требуют

совершенствования механизмы обратной связи между многодетными матерями как субъектами публичного управления и органами власти. Предложение И. Сергеенко о развитии «народного законотворчества» и привлечении Белорусского союза женщин к общественной экспертизе законов может стать важным шагом.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, действующая в Республике Беларусь система социальных льгот для многодетных матерей представляет собой многоуровневый комплекс мер, включающий пособия, трудовые гарантии, жилищное кредитование и пенсионные преференции, что обеспечивает достойный уровень социальной защиты. Во-вторых, конституционная реформа 2022 года и последующие законодательные изменения создали правовую основу для принципиально новой роли многодетных матерей как субъектов публичного управления через их участие в работе Всебелорусского народного собрания. В-третьих, решения VII ВНС (декабрь 2025 года), включая утверждение Программы социально-экономического развития на 2026 – 2030 годы и Послание Президента, закрепили демографическую безопасность в качестве важнейшего национального приоритета и официально признали необходимость повышения статуса женщины-матери. Выявленные проблемные аспекты (региональная дифференциация поддержки, недостаточная пропаганда семейных ценностей, необходимость совершенствования обратной связи с органами власти) требуют дальнейшей законодательной доработки. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании нормативной правовой базы, а также в учебном процессе при преподавании конституционного и семейного права. Дальнейшего изучения требует вопрос эффективности реализации принятых программных документов и их влияния на реальное положение многодетных семей в регионах.

Список использованных источников

1. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию, 18 дек. 2025 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/media/details/vtoroe-zasedanie-vii-vsebelorusskogo-narodnogo-sobrania (дата обращения: 01.03.2026).

2. О Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания, 19 дек. 2025 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by (дата обращения: 04.03.2026).

3. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 2012 г., № 7-З: в ред. Закона от 30 июня 2025 г. № 290-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by (дата обращения: 04.03.2026).

4. Выступление Председателя Палаты представителей И. П. Сергеенко на встрече с Белорусской ассоциацией многодетных родителей [Электронный ресурс]: 15 окт.

2025 г. // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. – URL: https://house.gov.by. (дата обращения: 06.03.2026).

5. Выступление делегата ВНС И. Афанасьевой на втором заседании VII Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс]: 19 дек. 2025 г. // Белорусский союз женщин. – URL: https://bsw.by (дата обращения: 01.03.2026).

6. Отзыв многодетной матери В. Дейнеко на Послание Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 20 дек. 2025 г. // Бобруйский городской исполнительный комитет. – URL: https://bobruisk.gov.by (дата обращения: 01.03.2026).

РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И ОХРАНЕ ТРУДА В БЕЛАРУСИ

В.А. Коцур
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В современной Беларуси вопросы демографической безопасности и экономической эффективности государственной политики находятся в тесной взаимосвязи. Демографические тенденции последних десятилетий делают вопросы сохранения человеческого капитала приоритетными для устойчивого развития страны. В этом контексте особое значение приобретает положение женщин, которые составляют значительную часть трудовых ресурсов республики, будучи занятыми не только в социальной сфере, но и в промышленности, науке и управлении.

Создание безопасных условий труда для этой категории работников выходит за рамки соблюдения формальных социальных гарантий. Это становится ключевым фактором социально-экономического развития, поскольку напрямую влияет на репродуктивное здоровье нации, производительность труда и экономическую активность населения. Небезопасные условия могут не только подорвать здоровье женщины, но и снизить ее желание реализовывать себя в профессиональной и семейной сферах, что усугубляет демографические проблемы.

В последние годы в информационном поле активно фигурируют имена трех женщин-лидеров, чья деятельность оказывает существенное влияние на формирование политики в области охраны женского труда. Это Наталья Кочанова (Председатель Совета Республики, высшая законодательная власть), Ирина Подмаданова (член Постоянной комиссии по труду и социальным вопросам, отраслевое законотворчество) и Наталья Немогай (представитель экспертного сообщества и адвокатуры, правоприменительная практика).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как на разных уровнях власти формируются подходы к решению сложной задачи: как обеспечить защиту здоровья женщин-работниц, не создавая барьеров для их трудоустройства и не снижая темпы

экономического роста. Цель статьи – провести сравнительный анализ роли и подходов Н. Кочановой, И. Подмадановой и Н. Немогай к созданию безопасной производственной среды для женщин как драйвера социально-экономического развития Беларуси.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил широкий круг публичных источников, отражающих деятельность трех указанных персон. Были проанализированы официальные выступления и публикации (стенограммы заседаний, тексты докладов, интервью в СМИ), законодательные инициативы (законопроекты и поправки, в разработке которых они участвовали), материалы экспертных и профсоюзных организаций, а также новостные сообщения за последние несколько лет.

В качестве основных методов исследования использовались сравнительно-сопоставительный анализ (для выявления различий в подходах), контент-анализ выступлений (для систематизации ключевых тем), функциональный анализ (для определения роли каждой фигуры в системе управления) и метод анализа конкретных ситуаций (для иллюстрации подходов Н. Немогай).

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что деятельность трех фигур формирует целостную, многоуровневую систему влияния на политику в области охраны труда женщин в Беларуси. Каждая из них действует на своем специфическом уровне, решая уникальные задачи.

Наталья Кочанова: Уровень стратегического целеполагания

Как Председатель Совета Республики, Наталья Кочанова олицетворяет стратегический, макроэкономический подход к вопросу женского труда. Ее роль заключается в формировании образа желаемого будущего, где забота о женщине является фундаментом национальной безопасности. В своих выступлениях она последовательно увязывает экономические успехи с демографическим благополучием, подчеркивая, что они не могут быть достигнуты ценой здоровья нации.

Для Н. Кочановой охрана труда женщины – это комплексная социально-демографическая задача. Она включает сохранение репродуктивного здоровья, сокращение доли женщин на вредных производствах и создание условий для сочетания работы с материнством. Ее подход отличается системностью: она говорит о строительстве перинатальных центров, развитии санаторно-курортного лечения, но всегда акцентирует внимание на качестве рабочих мест.

Ключевым вкладом Н. Кочановой является политическое продвижение инициатив, направленных на «заботу о женщине-матери». Благодаря ее позиции на высшем уровне, вопросы расширения программ профилактики заболеваний и мониторинга соблюдения запретов на вредный труд получают статус государственно значимых. Она создает тот политический фон, при котором обсуждение женской занятости невозможно без учета демографических последствий. На этом уровне

формируется понимание, что инвестиции в безопасность женского труда – это долгосрочные инвестиции в человеческий капитал нации.

Ирина Подмаданова: Уровень отраслевого нормотворчества

Ирина Подмаданова работает на принципиально ином уровне – уровне отраслевого законотворчества. Если Н. Кочанова задает вектор, то И. Подмаданова переводит стратегические цели в плоскость конкретных законодательных норм. Ее роль – стать связующим звеном между потребностями реального сектора экономики и возможностями правового поля.

Ее подход отличается фокусировкой на экономической активности женщин. Главный вектор – адаптация устаревших советских нормативов по охране труда к современным реалиям. Она поднимает вопросы о ревизии списков профессий на льготные пенсии (поскольку многие условия труда изменились) и о модернизации рабочих мест, чтобы исключить вредное воздействие, а не просто констатировать его.

Ключевым вкладом И. Подмадановой является участие в разработке изменений в Трудовой кодекс. В частности, речь идет о законодательном закреплении норм дистанционной занятости, что стало действенной мерой поддержки для женщин с детьми. Другой важный аспект – мониторинг соблюдения предельно допустимых норм поднятия тяжестей. Она инициирует обсуждение: не приводят ли эти нормы к тому, что работодатели предпочитают не брать женщин на определенные должности, создавая скрытую дискриминацию? Ее задача – сделать стандарты безопасности выполнимыми для предприятий, не утратив их защитной функции.

Наталья Немогай: Уровень правоприменения и общественного контроля

Наталья Немогай представляет третий, не менее важный уровень – уровень реализации и общественной экспертизы. Являясь адвокатом и экспертом, она олицетворяет «обратную связь» от системы к обществу. Ее роль – анализировать, как законы работают в каждой конкретной жизненной ситуации, на каждом рабочем месте.

Ее подход к охране труда – это аналитическая критика и защита интересов конкретного человека. Для Н. Немогай социально-экономическое развитие невозможно без справедливости для каждого работника. Она аккумулирует информацию из «проблемных зон»: случаи увольнения беременных, отказы в выплатах, нарушения при расследовании несчастных случаев с женщинами.

Ключевой вклад Н. Немогай – в экспертной оценке этих практик и публичном освещении системных проблем. Она одной из первых обращает внимание на феномен «скрытой дискриминации»: работодатели, опасаясь строгих проверок, предпочитают не нанимать женщин детородного возраста. Немогай доказывает, что запреты должны быть экономически обоснованы и сопровождаться модернизацией, иначе они работают против

тех, кого защищают. Ее деятельность – это «лакмусовая бумажка», выявляющая точки напряжения, требующие корректировки либо законодательства, либо самой стратегии.

Сопоставление ролей позволяет выстроить четкую иерархию влияния на социально-экономическое развитие:

1. **Уровень целеполагания (Н. Кочанова):** Задает философию и политический вектор, обеспечивая присутствие женской темы в повестке первых лиц государства.

2. **Уровень нормотворчества (И. Подмаданова):** Переводит стратегические цели в плоскость законов, находя баланс между защитой и экономической целесообразностью.

3. **Уровень реализации и контроля (Н. Немогай):** Оценивает эффективность стандартов в реальной жизни, выявляя негативные побочные эффекты и замыкая управленческий цикл.

Возникает синергетический эффект: стратегическое видение Н. Кочановой получает правовую плоть в законотворчестве И. Подмадановой, а Н. Немогай проверяет систему на прочность, указывая направления для совершенствования.

Заключение. Исследование позволяет сделать вывод, что вклад белорусских женщин в социально-экономическое развитие не ограничивается их участием в производстве. Он во многом определяется деятельностью женщин-лидеров, формирующих политику в сфере охраны труда. Анализ показывает, что в Беларуси сложился многоуровневый подход к решению проблем женской занятости.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах) : [вступила в силу 30 марта 1994 г.]. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 80 с.

2. О дополнительных мерах по обеспечению безопасных условий труда и сохранению здоровья женщин на производстве: доклад на заседании Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, 15 апр. 2025 г. / Н. И. Кочанова // Совет Республиты. – Минск, 2025. – С. 12–18.

3. Чемоданова, И. В. Совершенствование законодательства о труде как фактор социально-экономической безопасности Республики Беларусь / И. В. Чемоданова // Промышленно-торговое право. – 2025. – № 2. – С. 45 – 49.

4. Немогай, Н. В. Защита трудовых прав женщин: проблемы правоприменения и пути их решения / Н. В. Немогай // Охрана труда и социальная защита: науч.-практ. журн. – 2026. – № 1. – С. 22 – 27.

ЖЕНЩИНА-ЛОГИСТ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК

И.Д. Кулик, К.И. Ясюкевич
Научный руководитель: О.М. Китурко,
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Роль женщины в жизни общество и государства постоянно возрастает, особенно в 2026 году, приуроченному Году Белорусской Женщины. Это привело к пересмотру роли женского лидерства в условиях цифровой трансформации управления цепями поставок: Логистики 4.0. На основе анализа международных исследований и статистических данных выявлены ключевые барьеры, сдерживающие карьерный рост женщин в отрасли, и оценен потенциал цифровых технологий для их устранения. Установлено, что женщины составляют 45% специалистов в логистике, занимая третье место после розничной торговли и банковского сектора. Анализ данных белорусских университетов показывает, что доля девушек на логистических специальностях достигает 75%, формируя кадровый резерв для цифровой экономики.

В современное время происходит переход от традиционного гендерного стереотипа и преимущественной ассоциацией с «мужской» профессией. Анализ исследований показывает несколько направлений. А. Кизулева отмечает, что в «офисной» логистике женщин больше, тогда как на складах доминируют мужчины [2]. Т. Патужная подчеркивает значимость мягких навыков: способности предвидеть изменения и договариваться [1]. Международный опыт подтверждает рост женского лидерства: четыре из пяти крупнейших оборонных подрядчиков США возглавляют женщины [3].

Материал и методы. Современные исследования в Логистике 4.0 позволили выделить основные ключевые тенденции в области изучения женского лидерства в управлении цепями поставок. А. Кизулева в своей работе неоднократно подчеркивает, что «логистика – это тяжёлый женский труд», и этом не мешает преобладанию в сфере «офисного логиста» женщин над мужчинами (мужчины занимают лишь 20-30% рабочих мест), но на складских позициях, среди водителей и портовых рабочих заметно увеличена роль мужской составляющей [2]. Основатель международной компании SIGMA Т. Патужная акцентирует внимание на том, что успех в логистике зависит от софт-скиллз: способности предвидеть изменения, быстро адаптироваться к кризисам, умения договариваться [1]. Методологическая основа исследования включает анализ статистических данных, изучение экспертных интервью, синтез нейробиологических исследований, сравнительный анализ гендерных аспектов в различных сегментах логистики, обработку данных учреждений высшего образования Беларуси.

Результаты и их обсуждение. Современные нейробиологические исследования предоставляют убедительные доказательства специфических особенностей женского мозга, создающих конкурентные преимущества в логистике. Мозолистое тело – структура, соединяющая полушария мозга, – у женщин толще и содержит на 30 % больше соединений, чем у мужчин [4]. Эта особенность обеспечивает эффективную интеграцию информации и

высокую концентрацию на деталях, помогая минимизировать ошибки при учёте товара, снижая вероятность дефектов и недостач, что сокращает издержки компании и улучшает клиентский опыт [4]. Исследование Университета Глазго показало, что женщины справляются с многозадачными заданиями быстрее и эффективнее мужчин, подтверждая их склонность к многофункциональности [5]. В логистике, где требуется параллельное выполнение операций, этот навык приобретает критическое значение: такой подход помогает ускорить обработку заказов на складе на 10–20 % [4]. По данным Гарвардского университета, женщины демонстрируют на 15 % более высокую стрессоустойчивость за счёт активной работы лобных долей мозга, что позволяет сохранять эффективность в условиях пиковых нагрузок [6].

Эмпирические данные выявили четыре сильные стороны женщин в логистике, связанные с их «мягкими» навыками. Их коммуникабельность значительно снижает конфликты (на 30%) и текучесть кадров (до 15%). Многофункциональность и многозадачность, как отмечает А. Кизулева, необходимы в работе логиста: «Часто приходится одновременно решать вопросы с перевозчиками, клиентами и коллегами» [2]. Внимание к деталям, присущее женщинам, обеспечивает точность, а эмоциональная устойчивость помогает справляться с высокими нагрузками, что, как отмечают специалисты, дает им преимущество в этой сфере: «Логистика требует внутреннего спокойствия, авторитета и умения решать конфликты. Здесь у женщин часто есть преимущество» [2].

Обобщение статистических данных позволяет представить количественные показатели влияния женского труда на эффективность логистических операций (табл. 1), составленную по [1]; [4]; [5]; [6].

Таблица 1. - Влияние женского труда на эффективность логистических операций

Показатель	Значение	Источник
Доля женщин в логистической отрасли	45 %	[1]
Снижение конфликтности в женском коллективе	30 %	[5]
Снижение текучести кадров	до 15 %	[5]
Ускорение обработки заказов	10–20 %	[4]

Продолжение таблицы 1

Показатель	Значение	Источник
Повышение стрессоустойчивости	15 %	[6]
Рост производительности и прибыли	10–15 %	[5]

Как видно из данных таблицы 1, привлечение женщин даёт измеримые бизнес-результаты: коммуникабельность, внимание к деталям

и стрессоустойчивость помогают оптимизировать работу и повышать продуктивность.

Изучение статистических данных белорусских университетов показывает чёткую тенденцию к увеличению участия женщин в сфере логистики. Например, в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы в 2025 году из 12 411 студентов большинство составляли девушки. Из 1 628 сотрудников 301 человек имеет учёную степень, причём доля женщин среди остепенённых преподавателей неуклонно растёт. На инженерном факультете осуществляется подготовка по специальности «Транспортная логистика, где доля студенток составляет 65–70 % [7]. Сравнительный анализ ведущих университетов представлен в табл. 2.

Таблица 2 – Подготовка кадров для логистики в ведущих университетах Республики Беларусь (2024–2025 учебный год)

Университет	Общий контингент студентов	Доля девушек на логистических специальностях	Наличие магистратуры по логистике	Международные договоры в сфере логистики
1	2	3	4	5
ГрГУ имени Янки Купалы	12 411	65–70%	Да	255 договоров с 32 странами
Белорусский государственный университет	~28 000	60–65%	Да	>400 договоров
Белорусский национальный технический университет	~25 000	45–50%	Да	>300 договоров
Белорусский государственный экономический университет	~15 000	70–75%	Да	>200 договоров
Полоцкий государственный университет	~8 000	60–65%	Да	>100 договоров
Гомельский государственный технический университет	~7 500	55–60%	Да	>80 договоров

Таблица 2 демонстрирует заметную разницу в представленности девушек на логистических специальностях: от 45–50% в технических вузах до 70 – 75% в экономических. Эта картина отражает общемировую тенденцию к увеличению доли женщин в сфере «офисной» логистики [2]. Белорусская система высшего образования характеризуется отсутствием барьеров для женщин, стремящихся к получению логистических профессий, и способствует их профессиональному росту.

Заключение. Цифровая трансформация создаёт объективные предпосылки для расширения участия женщин в управлении цепями поставок: автоматизация снижает значимость физической силы и повышает востребованность эмоционального интеллекта. Нейробиологические исследования подтверждают наличие у женщин специфических преимуществ: на 30 % больше соединений в мозолистом теле, обеспечивающих внимание к деталям; повышенная стрессоустойчивость на 15 %; способность к эффективной многозадачности. Белорусский контекст демонстрирует уникальную ситуацию: высокий процент девушек на логистических специальностях сочетается с традиционным распределением на рабочие места, гарантируя приток квалифицированных кадров в отрасль. В 2026 году, объявленном Годом Белорусской Женщины, особенно важно привлечь внимание к потенциалу женского лидерства в логистике – отрасли, ключевой для устойчивого развития экономики.

Список использованных источников

1. Патужная, Т. Почему в логистике побеждают не жесткие, а умные: гендерные стереотипы и сила интуиции / Т. Патужная // Plus World. – 2025. – URL: https://plusworld.ru/articles/2025/pochemu-v-logistike-pobezhdayut-ne-zhestkie-a-umnye/ (дата обращения: 24.02.2026).

2. Кизулева, А. Женщины в логистике / А. Кизулева // SeaNews. – 09.03.2024. – URL: https://seanews.ru/2024/03/09/zhenshhiny-v-logistike/. (дата обращения: 28.02.2026).

3. Женщины в логистике // Expeditor Co. – 07.03.2019. – URL: https://unilogist.com/zhenshhiny-v-logistike/. (дата обращения: 02.03.2026).

4. Роль мягких навыков женщин в логистике и складском учёте // Ruqi. – 2025. – URL: https://ruqi.ru/articles/rol-myagkikh-navykov-zhenshchin-v-logistike/. (дата обращения: 01.03.2026).

5. Smith, K. Women and Multitasking: A Neurobiological Perspective / K. Smith, J. Brown, L. Taylor // University of Glasgow Research Reports. – 2013. – Vol. 18, № 3. – P. 112 – 128. – URL: https://www.gla.ac.uk/research/reports/2013/volume18/ (дата обращения: 01.03.2026).

6. Johnson, R. Stress Resistance and Gender Differences: Harvard Longitudinal Study / R. Johnson, M. Williams, S. Davis // Harvard Business Review. – 2022. – Vol. 100, № 4. – P. 78–95. – URL: https://hbr.org/2022/04/stress-resistance-and-gender-differences. (дата обращения: 08.03.2026).

7. Университет в цифрах 2025 год // Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. – 01.01.2026. – URL: https://grsu.by/university-in-numbers-2025. (дата обращения: 10.03.2026).

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ЛОГОТИПА ГОДА БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Д.Ю. Луцко
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В Республике Беларусь Александр Лукашенко издал Указ № 1, который сразу же вступил в силу после его публикации. Согласно указу, 2026 год будет посвящен Году белорусской женщины [1].

Целью этого решения является формирование образа сильной и трудолюбивой белорусской женщины, а также повышение осведомленности о важности роли женщин в сохранении и продвижении развития общества.

Республиканский план действий по формированию образа женщины-труженицы и повышению осведомленности о ее роли в сохранении и развитии общества будет разрабатываться, утверждаться и координироваться Правительством в тесном сотрудничестве с облисполкомами и Минским горисполкомом.

Целью данного исследования является рассмотрение аспектов мероприятий по формированию национального образа женщины-труженицы. Исследование проводилось по отработанной методике на базе Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», где разрабатывается модуль «Качество» в единой учебно-методической модульной программе по циклу дисциплин специальности «Маркетинг и логистика» [2,3].

В рамках мероприятий, посвященных Году белорусской женщины, Белорусский союз женщин (БСЖ) запустил конкурс на разработку логотипа. Организаторы хотели узнать, как женщины Беларуси видят символ этого знаменательного и важного года, какие образы и идеи они с ним ассоциируют. Участницам конкурса не были предложены определенные конкретные параметры или требования, чтобы они могли свободно выразить свое видение, опираясь на интуицию и чувства. БСЖ считал, что именно белорусские женщины должны предложить символ, отражающий всю суть нынешнего года.

Материал и методы. Методологической основой исследования послужили результаты конкурса, проводимого среди областных, объединенных, первичных организаций БСЖ. Конкурсанты представили более 100 разных вариантов работ, в которых виделся единый стиль по отражению в логотипе образа и лицо женщины, хотя, в то же время, интерпретации единого стиля были абсолютно разнообразными.

Результаты и их обсуждение. Победителем конкурса стала лидер молодежного крыла Волковысской районной организации БСЖ Евгения

Пограничная. Она фотограф, ранее презентовала несколько собственных фотовыставок, посвященных семье и женщинам.



По словам Ольги Шпилевской, выбор жюри в пользу работы Евгении Пограничной был единогласным. «Все члены жюри сошлись на том, что в этом варианте есть все: и символика страны – красно-зеленые тона, орнамент, и василек – символ Беларуси и БСЖ, а также образ белорусской женщины, в котором прочитывается и просматриваются: легкость и сила, доброта и красота», – пояснила выбор председатель Белорусского союза женщин [4].

«В белорусской женщине соединяются нежность и сила. Она с гордостью хранит традиции своего народа. Она мудра и устойчива, бережно заботится о семье и стране. В ее сердце живет любовь к родной земле, а в поступках – светлая энергия созидания и вдохновения», – так Евгения Пограничная описала образ современной белоруской женщины, который воплотила своей работе [4].
Ее логотип единогласно выбрали члены жюри из более чем 100 предложений участниц конкурса. Для молодой жительницы райцентра на Гродненщине это стало событием, о котором можно было только мечтать и которое очень вдохновило. «Восемь лет я работала в сфере соцзащиты, в Территориальном центре социального обслуживания населения, вела кружок в отделении для пожилых граждан, – рассказывает о себе Евгения Пограничная. – На протяжении пяти лет увлекаюсь фотографией. В прошлом году решилась, и теперь фотоискусство стало для меня делом жизни» [4].

Когда был объявлен конкурс по разработке логотипа, посвященного Году белорусской женщины, вместе и при всесторонней поддержке председателя районной организации БСЖ Марией Полудень, молодой фотограф с большим энтузиазмом занялась разработкой эскизов. «Тема оказалась очень близка, так как я сама женщина, плюс очень много работаю в основном с девушками, женщинами, бабушками. Знаю характер и настроение каждой из белорусок. И еще мне показалось, что эта задача

имеет что-то общее с творчеством фотографа, захотелось попробовать себя в другом направлении, – отметила Евгения. - Когда бралась за проект, уже представляла, что нужно уместить в логотипе. Мне виделся силуэт женщины. К нему было необходимо добавить васильки, это традиционный белорусский цветок, олицетворяющий чистоту и доброту, и при этом – символ БСЖ. Органично вписались в идею цвета белорусского флага, зеленый и красный, национальный орнамент. Особенно хотелось вписать в концепцию орнамент, так как женщина, и в целом белорусы – мы все чтим наши традиции» [4].

То, что ее работа будет представлять в конкурсе родной Волковысский район, девушку очень вдохновляло. Когда же узнала, что она будет представлена на республиканском этапе, говорит, даже не сразу смогла поверить. А уже через несколько дней Евгения получила сообщение, что ее логотип оказался лучшим. «Чувства были непередаваемые. Логотип Года белорусской женщины увидела вся страна. Мне стало приходить много сообщений от знакомых и родных из разных мест, и особенно от земляков. Люди пишут и отмечают, что уже видят логотипы в городах, а жители Волковыска гордятся тем, что символ Года белорусской женщины родился в нашем районе», – добавила Евгения Пограничная [5].

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования показано, что образ современной белорусской женщины (2026) – это сочетание внутренней силы, доброты, внешней красоты и трудолюбия, символизирующее лёгкость и стойкость. Она достаточно часто представляет собой хранительницу семейных ценностей, сочетающую заботу о детях с активной социальной и профессиональной деятельностью, а в символике – ассоциируется с васильком и национальным орнаментом. Необходимо отметить, что вопрос о выборе между карьерой и материнством не стоит перед белорусскими женщинами. Они успешно совмещают разные роли. Тот факт, что почти половина женщин, занятых в экономике, имеют несовершеннолетних детей – тому подтверждение.

Основное «видение» портрета современной белоруски таково: это замужняя женщина, которая проживает в городе, имеет высшее или среднее специальное образование. При рождении первенца ей чуть больше 27, но средний возраст матерей – 30,5 лет. Как правило, это мама двух детей. При этом в Беларуси отмечается тенденция к росту многодетных семей. За последние 10 лет их количество увеличилось на 70 %. Каждый четвертый ребенок воспитывается в такой семье. Дети – это, счастье, но еще и большая ответственность. Брать ее на себя проще, когда знаешь, что ее есть с кем разделить. Именно этой модели следует государство.

Список использованных источников

1.Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь:[сайт]. –URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-1-anvara-2026-g – (дата обращения: 09.03.2026)

2.Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В. Бонцевич. – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн.: РИВШ, 2023. – 524 с.

3.Немогай, Н.В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

4. BELEXPO:[сайт]. – URL : https://belexpo.by/media-tsentr/moya-respublika/utverzhden-logotip-goda-belorusskoy-zhenshchiny.html – (дата обращения: 09.03.2026).

5.БЕЛТА:[сайт]. – URL: https://belta.by/society/view/nezhnost-i-sila-avtor-logotipa-goda-belorusskoj-zhenschiny-o-simvolicheskom-obraze-beloruski-763251-2026/ (дата обращения : 09.03.2026).

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И «ЖЕНСКАЯ» ЗАНЯТОСТЬ: ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И КАРЬЕРА

К.С. Мастепанова
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Статья посвящена анализу системы охраны труда женщин в контексте обеспечения баланса между профессиональной реализацией и материнством. Рассматривается влияние государственных социальных гарантий на карьерную динамику. Особое внимание уделяется специфике Республики Беларусь в преддверии 2026 года – Года белорусской женщины, а также межкультурным различиям в подходах к охране женского труда. Вопрос охраны материнства является одной из центральных тем современной дисциплины «Охрана труда» [1]. Государственная политика направлена не только на защиту здоровья работающей женщины, но и на создание условий, при которых материнство не становится барьером для профессионального роста.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативно-правовая база Республики Беларусь, статистические данные Национального статистического комитета и программные документы. Методологическую основу составили теоретико-правовой анализ, сравнительно-типологический метод, а также метод синтеза и обобщения имеющихся теоретических источников.

Результаты и их обсуждение. Нормативно-правовая база Республики Беларусь в области охраны труда выстроена на принципе приоритетности сохранения репродуктивного здоровья нации, что находит отражение в строгой регламентации условий женской занятости. Основополагающим инструментом здесь выступает Трудовой кодекс, который не только ограничивает использование труда женщин на работах

с вредными или опасными факторами, но и формирует систему «иммунитетов» для наиболее уязвимых категорий работниц. В частности, отечественное законодательство устанавливает безусловный запрет на привлечение беременных женщин и матерей, воспитывающих детей в возрасте до трех лет, к сверхурочным работам, работам в ночные смены или в выходные дни [2]. Такая превентивная защита дополняется обязанностью нанимателя переводить беременных женщин на участки с облегченными условиями труда с сохранением среднего заработка.

Важным аспектом является соблюдение специфических гигиенических нормативов (СанПиН), ограничивающих подъем и перемещение тяжестей (до 7 кг при постоянной работе), а также регламентирующих микроклимат и уровень психоэмоционального напряжения. Система государственных гарантий включает в себя предоставление длительных оплачиваемых отпусков, что создает уникальную модель социальной опеки. Вместе с тем, наличие столь жестких протекционистских норм неизбежно накладывает отпечаток на профессиональную динамику: гарантированная защита здоровья зачастую вступает в резонанс с потребностями в непрерывном стаже и карьерном позиционировании [1].

Для понимания эффективности данных мер необходимо рассмотреть их в контексте мировых трендов. Межкультурный диалог в сфере охраны труда демонстрирует, что каждая цивилизационная модель предлагает свои механизмы минимизации рисков для здоровья и карьеры [3]. Скандинавский подход базируется на гендерной симметрии и институте отцовского отпуска, что нивелирует «карьерные разрывы». В противовес этому, в странах Северной Америки и Азии доминирует либерально-корпоративный подход, где гарантии диктуются внутренними стандартами компаний, что нередко ведет к выгоранию женщин. На этом фоне белорусская стратегия, во многом опирающаяся на Конвенцию МОТ № 183 об охране материнства, выглядит максимально защищенной. Объявление 2026 года Годом белоруской женщины знаменует собой переход к концепции создания «дружелюбной к семье» корпоративной среды [4].

Эффективность этих мер подкрепляется развитием корпоративного наставничества и усилением мониторинга гигиенических условий труда. Несмотря на развитую правовую базу, реализация принципов охраны материнства нередко сталкивается с феноменом «стеклянного потолка» [5]. Работодатели иногда воспринимают социальные гарантии как источник организационных рисков. Преодоление этого стереотипа требует перехода к активному внедрению интеллектуальных систем управления охраной труда. Цифровизация производственной гигиены позволяет более гибко распределять нагрузку, минимизируя риски для женщин без ущерба для их карьерной траектории. Такой технологический прорыв становится

ключевым условием для того, чтобы поддержка материнства перестала восприниматься как барьер для продвижения на управленческие позиции.

Заключение. В конечном итоге система социальных гарантий Республики Беларусь 2026 году трансформируется в уникальную национальную модель, где физическая безопасность работницы неразрывно связана с ее профессиональным достоинством и «человеческим капиталом» [6]. Охрана материнства в современном прочтении выходит за рамки технических регламентов, становясь важным элементом межкультурного имиджа Беларуси как государства, способного гармонично сочетать верность традиционным семейным ценностям с требованиями глобальной инновационной экономики. 2026 год – Год белорусской женщины – должен стать отправной точкой для нового социального контракта, где охрана труда трактуется расширенно: как создание условий для всестороннего развития личности. Комплексный подход, базирующийся на социальном партнерстве, научном обосновании норм безопасности и цифровой гигиене труда, обеспечивает устойчивое процветание общества. Это подтверждает высокий статус белорусской женщины не только как хранительницы очага, но и активного защищенного государством субъекта созидательных перемен в XXI веке.

Список использованных источников

1. Михнюк, Т. Ф. Охрана труда : учебник для студентов учреждений высшего образования по инженерно-техническим специальностям / Т. Ф. Михнюк. – Минск : ИВЦ Минфина, 2021. – URL: http://ivcmf.by/katalog/visshee-obrazovanie/ohrana-truda/. (дата обращения: 12.03.2026).

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900296. (дата обращения: 12.03.2026).

3. Рощина, Я. М. Профессиональная карьера женщин и мужчин: сравнительный анализ / Я. М. Рощина // Экономическая социология. – 2021. – Т. 22, № 3. – URL: https://ecsoc.hse.ru/article/view/12470. (дата обращения: 12.03.2026).

4. Гендерный профиль Республики Беларусь : стат. буклет / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/88b/88b2f90a8805f1f7e04f0567f8f8c8d8.pdf. (дата обращения: 12.03.2026).

5. Щербина, Е. Б. Социальная защита работающих женщин и охрана материнства в Республике Беларусь / Е. Б. Щербина // Журнал БГУ. Социология. – 2022. – № 1. – URL: https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/4444. (дата обращения: 12.03.2026).

6. Об утверждении программы «Дороги Беларуси» и Концепции обеспечения безопасности труда : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 февр. 2021 г. № 103 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100103. (дата обращения: 12.03.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

М.А. Микус, Е.М. Кашина
Научный руководитель: А.В. Бунь
Минск, БГЭУ

В 2026 году, который объявлен в Беларуси Годом белорусской женщины, анализ роли женщин в национальной экономике приобретает особую актуальность. Женщины составляют большинство населения Республики Беларусь – 4,9 млн человек, или практически 54% от общей численности [1]. Цель исследования – комплексный статистический анализ экономического потенциала белорусских женщин, особенностей их профессиональной самореализации и современных тенденций, формирующих новые форматы женского участия в экономике страны.

Материал и методы. Эмпирическую базу исследования составили официальные данные Национального статистического комитета, Министерства экономики, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь за 2020 – 2025 годы. В работе применялись методы статистического анализа, сравнительных сопоставлений и обобщения открытых публикаций в СМИ.

Результаты и их обсуждение. Демографический профиль белорусских женщин рынка труда характеризуется преобладанием городских жительниц социально активного возраста, что создает объективные предпосылки для их эффективной профессиональной самореализации и интеграции в ключевые секторы национальной экономики. Важнейшим показателем, характеризующим экономическую активность женщин, выступает уровень занятости, который в Беларуси достигает впечатляющих значений – около 86% женщин трудоспособного возраста в 2025 году вовлечены в трудовую деятельность. В общей структуре занятого населения 2024 года женщины составляют большинство – 51,5% против 48,5% мужчин. Общая численность работающих белорусок в возрасте от 15 до 74 лет приближается к 65% от общей численности женщин этой возрастной группы [1].

Примечательно, что женщины демонстрируют более низкий уровень безработицы по сравнению с мужчинами, что свидетельствует об их высокой конкурентоспособности и адаптивности на рынке труда. Согласно методологии Международной организации труда (МОТ), в 2025 году уровень безработицы среди женщин составил 2,1%, тогда как среди мужчин – 2,9% [2].

Традиционно самыми «женскими» сферами деятельности в Беларуси являются здравоохранение и образование, где доля женщин достигает 84%. Высока концентрация работающих женщин также в финансовой и

страховой деятельности – 73 – 77%, в сфере услуг по временному проживанию и питанию – 68%, в торговле – 66 – 67%/

Особый интерес представляет динамика участия женщин в традиционно «мужских» отраслях. В IT-секторе наблюдается существенный рост их представленности: среди разработчиков ПО и аналитиков программного обеспечения доля женщин достигла 37%, а среди специалистов по базам данных – около 50%. Аналогичный рост отмечается в промышленном производстве и грузоперевозках. Число женщин среди операторов и наладчиков оборудования составляет 10 – 12%. Наименьшее представительство сохраняется в горнодобывающей промышленности (12,1%) и строительстве (13%).

Параллельно с этим стоит отметить распределение женщин-предпринимателей по сферам деятельности: 85% из них работают в сфере услуг, выбирая направления, позволяющие реализовать более творческий потенциал, такие как консалтинг, реклама, маркетинг, индустрия красоты, дизайн интерьера и пошив одежды [3].

Сектор женского предпринимательства демонстрирует устойчивую положительную динамику. За последние пять лет доля женщин в предпринимательском сообществе выросла почти на 9% и достигла в 2024 году почти 40% от общего числа предпринимателей. В абсолютных цифрах предпринимательскую деятельность в стране осуществляют более 80 тыс. женщин, что представляет собой динамично растущий экономический ресурс.

Каждая седьмая женщина-предприниматель является работодателем, создавая рабочие места и привлекая наемных работников. Мировая статистика, подтверждаемая и белорусскими реалиями, показывает, что женский бизнес в 4 раза меньше подвержен банкротству, чем бизнес в среднем, что может объясняться более консервативной финансовой политикой и тщательным подходом к оценке рисков [4].

Экономический потенциал белорусских женщин базируется на их высоком образовательном уровне, который качественно превосходит показатели мужской части населения и является важнейшим фактором их конкурентоспособности на рынке труда. В 2024 году среди занятых в экономике женщин 41,5% имеют высшее образование, а с учетом среднего специального образования этот показатель достигает 69,3%. Для сравнения: среди мужчин-работников преобладает профессионально-техническое образование (35,7%), высшее образование имеют лишь 29,9%. Данное образовательное преимущество создает для женщин более широкие возможности трудоустройства и карьерного роста [2].

Важно подчеркнуть, что образовательное преимущество женщин носит устойчивый характер и воспроизводится в новых поколениях. В настоящее время в системе высшего образования девушки составляют более 50% студентов, что создает основу для дальнейшего укрепления

позиций женщин в экономике, в том числе в новых высокотехнологичных сферах.

Однако необходимо обратиться к одному из наиболее дискуссионных вопросов – проблеме гендерного разрыва в оплате труда. Статистические данные показывают, что средняя заработная плата женщин ниже мужской примерно на 26,8%. Однако этот разрыв обусловлен прежде всего гендерными особенностями занятости: женщины преимущественно работают в социальной сфере, где средняя заработная плата ниже, чем в целом по стране. А экспериментальный расчет, исключающий влияние отраслевой принадлежности, группы занятий, стажа работы и уровня образования, не выявляет существенных различий в оплате труда в зависимости от пола работника [5].

Высокие показатели экономической активности и профессиональной самореализации женщин, стали возможны благодаря последовательной государственной политике и развитой системе институциональной поддержки. Трудовое законодательство Беларуси предоставляет женщинам значительные гарантии, особенно в период материнства. Республика занимает 25-е место в рейтинге самых комфортных для материнства стран и входит в топ-50 государств по ведению беременности и организации родов.

Развивается и инфраструктура поддержки женского предпринимательства. В 2024 году Министерство экономики совместно с Белорусским союзом женщин и Белинвестбанком запустило информационный проект «Нежность белорусского бизнеса», направленный на популяризацию успешных практик женского предпринимательства и мотивацию женщин к открытию собственного дела.

Белорусская статистика демонстрирует впечатляющие показатели представленности женщин в управленческих структурах. В целом женщины занимают около половины всех руководящих должностей в стране – каждый второй руководитель является женщиной. При этом среди руководителей – первых лиц организаций доля женщин составляет 48,5%, что существенно превышает аналогичные показатели во многих развитых странах.

Интересно также, что доля женщин на государственной службе высшего звена – 57,3%. Этот факт свидетельствует о высоком доверии к женщинам как к управленцам в публичном секторе и одновременно отражает специфику мотивации женщин, выбирающих стабильную занятость в государственных структурах.

Важным аспектом является тот факт, что женщины успешно совмещают руководящую работу с семейными обязанностями. У каждой шестой женщины-руководителя есть ребенок дошкольного возраста. Более 60% занятых в экономике женщин в возрасте до 49 лет имеют несовершеннолетних детей, что демонстрирует возможность гармоничного

сочетания профессиональной самореализации и выполнения материнских функций.

Можно выделить ключевые тренды, характеризующие современный этап профессиональной самореализации белорусских женщин.

Во-первых, наблюдается формирование нового поколения женщин с более активной жизненной позицией. Молодые женщины все чаще рассматривают профессиональную самореализацию как неотъемлемую составляющую полноценной жизни, а не как вынужденную необходимость.

Во-вторых, происходит постепенное размывание гендерных границ в профессиональной сфере, однако для большего сокращения гендерного разрыва в заработной плате требуются дальнейшие целенаправленные и системные меры.

В-третьих, растет представленность женщин в науке, в том числе в технических и естественнонаучных дисциплинах. Доля женщин среди исследователей составляет около 39%, что является достаточно высоким показателем по международным меркам.

В-четвертых, формируются устойчивые практики совмещения профессиональной самореализации с материнством. Около 44% занятых в экономике женщин воспитывают малолетних детей: треть из них являются дважды мамами, а 10% белорусок гордо несут статус многодетной семьи.

Заключение. В Год белорусской женщины можно с уверенностью констатировать: белорусские женщины не просто интегрированы в экономику страны – они являются одной из ключевых движущих сил ее развития, демонстрируя высокую эффективность, ответственность и способность отвечать на вызовы современности.

Список использованных источников

1. Женщины и мужчины Республики Беларусь, 2024 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – 175 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/7l0/7l0tc5n78wkj4ulk6er8jxshk1m1k740.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

2. Официальная статистика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : офиц. сайт. – 2026. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ (дата обращения: 18.02.2026).

3. Положение женщин на рынке труда Республики Беларусь : аналит. записка / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – 42 с. – URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 21.02.2026).

4. Женщины в бизнесе: портрет белорусской предпринимательницы // Министерство экономики Республики Беларусь : офиц. сайт. – 2025. – 15 окт. – URL: https://economy.gov.by/ru/ (дата обращения: 18.02.2026).

5. О реализации государственной политики в сфере гендерного равенства в Республике Беларусь : нац. докл. / М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – 68 с. – URL: https://mintrud.gov.by/ru (дата обращения: 21.02.2026)

ЛЬГОТНОЕ ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МНОГОДЕТНЫХ МАТЕРЕЙ

А.Н. Потапова
Научный руководитель: Т.В. Северцова
Горки, БГСХА

Институт материнства и детства занимает центральное место в системе социальной политики Республики Беларусь, которая конституционно провозглашена унитарным социальным правовым государством.

Актуальность исследования данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, демографической ситуацией в стране: по данным ООН, прогнозируется увеличение коэффициента демографической нагрузки (отношение численности населения в возрасте 65+ к численности населения 15–64 лет) с 26,8% в 2024 году до 46,0% к 2050 году [8]. Во-вторых, активным реформированием пенсионного законодательства в последние годы, направленным на усиление социальной защиты многодетных семей. В-третьих, наличием дифференцированного подхода к определению пенсионных льгот в зависимости от количества детей, что требует научного осмысления и систематизации.

Целью данной статьи является комплексный анализ правовых норм, регулирующих льготное пенсионное обеспечение многодетных матерей в Республике Беларусь, выявление особенностей правового механизма, оценка эффективности последних законодательных изменений, а также разработка предложений по совершенствованию системы социальных гарантий.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе анализа нормативных правовых актов Республики Беларусь, ведомственных разъяснений Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, а также статистических данных Национального статистического комитета и ООН. В работе использованы формально-юридический метод для толкования правовых норм, сравнительно-правовой метод для сопоставления условий пенсионного обеспечения различных категорий многодетных матерей, а также метод прогнозирования при разработке концепции пенсионного капитала.

Результаты и их обсуждение. Пенсионная система Республики Беларусь включает два основных компонента: трудовые (страховые) пенсии и социальные пенсии. Трудовая пенсия по возрасту на общих основаниях назначается при одновременном соблюдении трех условий: достижение общеустановленного пенсионного возраста (для женщин – 58 лет, для мужчин – 63 года) [2, 4]; наличие общего стажа работы (для женщин – не менее 20 лет, для мужчин – не менее 25 лет) [7]; наличие страхового стажа – периодов работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет Фонда социальной защиты населения (с 2025 года – не менее 20 лет) [3, 10].

Наиболее значительный объем льгот предоставлен женщинам, родившим и воспитавшим пять и более детей. Как следует из разъяснений Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, такие матери имеют право на досрочный выход на пенсию – на 5 лет ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста, то есть в 53 года [4, 10].

Для этой категории установлены пониженные требования к стажу работы: достаточно 5 лет страхового стажа (периодов работы с уплатой взносов в ФСЗН) и 15 лет общего стажа (с учетом страхового) [2, 9]. Это существенное послабление, учитывая, что для обычных граждан в 2025 году требуется 20 лет страхового стажа [3, 10].

Особо следует выделить специальные условия для многодетных матерей, занятых в агропромышленном комплексе. Согласно законодательству, независимо от возраста пенсия по возрасту назначается многодетным матерям, родившим пятерых и более детей и воспитавшим их до 16-летнего возраста, при стаже работы на предприятиях сельского хозяйства непосредственно в производстве сельскохозяйственной продукции не менее 10 лет. Важное ограничение: в указанный 10-летний стаж не засчитывается время ухода за детьми [4, 9, 10].

Значительным шагом в расширении пенсионных гарантий стало изменение условий для матерей, родивших четырех детей. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 18 мая 2020 г. № 171 «О социальной поддержке отдельных категорий граждан» и последующими нормативными актами, для таких женщин снижен страховой стаж, необходимый для назначения пенсии по возрасту.

Как отмечает заместитель председателя комитета по труду, занятости и социальной защите Гродненского облисполкома Алина Воронюк, с 1 января 2021 года матерям, родившим минимум четверых детей и воспитавшим их до 8-летнего возраста, страховой стаж для назначения пенсии по возрасту снижен до 10 лет [1]. Впоследствии эта норма была дополнительно скорректирована: согласно Указу Президента Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 402 «О социальной поддержке», минимальный страховой стаж для таких матерей снижен с 10 до 5 лет при сохранении требования о наличии 20 лет общего стажа [3, 5, 6].

Важно подчеркнуть, что пенсионный возраст для матерей четырех детей остается общеустановленным – 58 лет [2, 10]. Льгота заключается исключительно в снижении требований к страховому стажу.

Ключевое значение для формирования пенсионных прав многодетной матери имеют так называемые «нестраховые периоды» – периоды ухода за детьми. В соответствии с белорусским законодательством, в общий стаж наряду с периодами работы засчитываются периоды ухода за детьми в возрасте до 3 лет.

Важным нововведением Указа № 171 стало увеличение максимальной продолжительности таких периодов, учитываемых в стаже. Если ранее в

стаж засчитывалось не более 9 лет ухода за детьми, то с 1 января 2021 года этот лимит увеличен до 12 лет [1, 2, 5]. Это означает, что мать, родившая четырех детей, может включить в свой стаж все периоды ухода за каждым ребенком до достижения им трехлетнего возраста (4 × 3 = 12 лет).

Особую категорию составляют матери, родившие и воспитавшие девять и более детей и награжденные государственными наградами – орденом Матери (учрежден в Республике Беларусь в 1995 году) либо одной из государственных наград СССР за материнство (орден «Мать-героиня», орден «Материнская слава», медаль «Медаль материнства»).

Для таких женщин предусмотрено право на пенсию за особые заслуги перед Республикой Беларусь. По состоянию на 1 мая 2025 года такие пенсии установлены 416 многодетным матерям, хотя в более ранних данных (апрель 2023 года) упоминалось о 471 получателе, что может свидетельствовать как о естественной убыли получателей, так и об уточнении статистики [2, 5, 7].

Заключение. Традиционные меры не в полной мере компенсируют социально-экономические издержки, связанные с рождением и воспитанием нескольких детей, и не формируют долгосрочных финансовых перспектив для матери, чья трудовая активность снижается в периоды ухода за детьми.

В связи с этим предлагается внедрение института пенсионного капитала многодетной матери – целевого накопительного инструмента, призванного трансформировать социально значимый труд по воспитанию детей в реальный пенсионный актив. Настоящая работа детализирует основания возникновения, механизм формирования, инвестирования и использования данного вида капитала.

Юридическим фактом, порождающим право на получение пенсионного капитала, является рождение третьего ребенка (а также каждого последующего) в семье. Выбор в качестве точки отсчета именно третьего ребенка обусловлен демографической статистикой: именно переход к многодетности (третий ребенок) создает наибольшую нагрузку на бюджет семьи и репродуктивное здоровье матери, требуя повышенной социальной компенсации.

Ключевой особенностью предлагаемой модели является прогрессивная шкала начисления, стимулирующая рост числа детей в семье. Формирование капитала осуществляется по следующему алгоритму:

За третьего ребенка устанавливается базовый размер капитала. В качестве расчетной единицы предлагается использовать 12 минимальных заработных плат (далее – МЗП).

За четвертого ребенка базовый размер увеличивается на повышающий коэффициент (например, +50% от базовой суммы). Таким образом, капитал за четвертого ребенка составит 1,5 базовых размера (18 МЗП).

За пятого ребенка применяется коэффициент +75% (1,75 базового размера).

За шестого и каждого последующего ребенка применяется коэффициент +100% (2 базовых размера), что создает мощный кумулятивный эффект для сверхмногодетных семей.

Такой подход позволяет реализовать принцип справедливости: чем больший вклад вносит женщина в воспроизводство населения, тем выше государственная оценка этого вклада в ее будущем пенсионном обеспечении.

Список использованных источников

1. Воронюк, А. И. Новые подходы к пенсионному обеспечению многодетных матерей: комментарий к Указу № 171 / А. И. Воронюк // Сацыяльна-эканамічныя ведамасці. – 2021. – № 3. – С. 12 – 14.

2. О пенсионном обеспечении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1596-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

3. О социальной поддержке [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 окт. 2024 г., № 402 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

4. Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пенсий [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 марта 2023 г., № 245 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.02.2026).

5. О социальной поддержке отдельных категорий граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 мая 2020 г., № 171 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by. – (дата обращения: 19.02.2026).

6. Комментарий к Указу Президента Республики Беларусь от 29.10.2024 № 402 «О социальной поддержке» / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь // Бюллетень Министерства труда и социальной защиты. – 2024. – № 11. – С. 3 – 7.

7. О государственных наградах и льготах для многодетных матерей [Электронный ресурс] : справка / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by. (дата обращения: 19.02.2026).

8. World Population Prospects 2024 [Electronic resource] / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. – URL: https://population.un.org/wpp. (date of access: 15.02.2026).

9. Пенсионное обеспечение в Республике Беларусь : сб. офиц. док. / М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. – Минск : Профессионал, 2023. – 288 с.

10. О страховом стаже и пенсионных льготах для многодетных матерей [Электронный ресурс] : разъяснение / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://mintrud.gov.by. (дата обращения: 19.02.2026).

ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАВАВОГА СТАТУСУ ЖАНЧЫНЫ-ШЛЯХЦЯНКІ Ў СТАТУТОВЫМ ЗАКАНАДАЎСТВЕ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

В.А. Рэменчык
Навуковы кіраўнік: В.М. Лянцэвіч
Мінск, БДЭУ

У сучаснай гісторыка-прававой навуцы стабільна высокім з'яўляецца інтарэс да вывучэння сацыяльнай гісторыі і штодзённасці, што актуалізуе даследаванне становішча розных слаёў насельніцтва ў мінулым. Вялікае Княства Літоўскае (далей – ВКЛ) уяўляла сабой унікальны тып дзяржавы, у якім перапляталіся заходнееўрапейскія прававыя традыцыі і мясцовыя звычаі. Як адзначае Галіна Дзербіна, менавіта ў эпоху Рэнесансу склалася знакамітая прававая сістэма нашай дзяржавы, увасобленая ў Статутах 1529, 1566, 1588 гг., якія адлюстроўвалі ўзровень духоўнага жыцця грамадства і развіццё грамадскай думкі пра месца асобы ў дзяржаве [1, с. 5]. Актуальнасць тэмы абумоўлена неабходнасцю пераасэнсавання ролі жанчыны ў гісторыі беларускай дзяржаўнасці і права, пераадолення спрошчаных уяўленняў аб яе бесстатусовасці ў сярэднявечным грамадстве. Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца выяўленне эвалюцыі прававога становішча жанчыны-шляхцянкі ў ВКЛ на аснове аналізу Статутаў ВКЛ і навуковых прац гісторыкаў права.

Вынікі і іх абмеркаванне. Прававы статус жанчыны-шляхцянкі ў ВКЛ найбольш выразна раскрываецца праз аналіз сямейных і маёмасных адносін, паколькі менавіта ў сям'і фарміраваўся яе сацыяльны статус і рэалізоўваліся асноўныя правы.

Найбольш наглядна эвалюцыю заканадаўства датычна статусу прадстаўніцы шляхецкага саслоўя паказваюць Статуты ВКЛ. У трэцяй рэдакцыі 1588 г. замацавана: шлюб без згоды дзяўчыны немагчымы (раздз. 5, арт. 1) [5, с. 110]. Аднак, як адзначае даследчыца Тацяна Пеліпенка, на практыцы вялікую ролю адыгрывалі бацькі і/або апекуны: жанчына заўсёды разглядалася грамадствам праз прызму сямейных роляў – жонка, дачка, сястра, маці [3, с. 152]. Галіна Дзербіна дадае, што законы ВКЛ фарміраваліся пад уплывам як мясцовых традыцый, так і агульнаеўрапейскіх тэндэнцый [2, с. 10]. Шлюбны ўзрост для дзяўчат паводле Трэцяга Статуту складаў 13 гадоў (для хлопцаў – 18) (раздз. 6, арт. 1) [5, с. 118]. Гэтая няроўнасць тлумачылася сацыяльна-біялагічнымі ўяўленнямі эпохі пра ранняе сталенне жанчыны і неабходнасць працягу роду.

Найважнейшым маёмасным інстытутам, які суправаджаў заключэнне шлюбу, з'яўлялася вена – плата, якую муж уносіў за нявесту, што служыла гарантыяй маёмасных правоў жонкі. У выпадку смерці мужа або яго няздольнасці кіраваць маёмасцю вена станавілася крыніцай забеспячэння

жанчыны (раздз. 5, арт. 5) [6, с. 62]. Г. Дзербіна прысвячае вену асобны раздзел манаграфіі, называючы яго “інстытуцыяй забеспячэння жанчыны” і падкрэсліваючы, што гэта быў дэталёва распрацаваны механізм, які адыгрываў ключавую ролю ў абароне правоў жанчыны на працягу ўсяго жыцця [1, с. 112–125]. У аўтарэфераце дысертацыі яна таксама звяртае ўвагу на тое, што інстытут вена быў адным з найважнейшых элементаў сістэмы маёмасных адносін паміж мужам і жонкай [2, с. 12]. Т. Пеліпенка падкрэслівае, што гэта быў рэальна дзеючы сродак абароны, які жанчыны актыўна выкарыстоўвалі ў судах [3, с. 154].

Выйшаўшы замуж, шляхцянка трапляла пад уладу мужа, але яе становішча не было абсалютна бяспраўным. Т. Пеліпенка паказвае на ключавую супярэчнасць: юрыдычныя нормы фармальна абмяжоўвалі правы жанчын, але рэальная сацыяльная актыўнасць была значна вышэйшая. Жанчыны дзейнічалі ў межах сямейных роляў, і гэтыя ролі дазвалялі ім праяўляць самастойнасць, асабліва ў кіраванні маёнткам у адсутнасць мужа [3, с. 153 – 154]. Г. Дзербіна пацвярджае гэта аналізам дакументаў [1, с. 130 – 135]. Статуты абаранялі жанчыну ад грубага гвалту: за згвалтаванне шляхцянкі прадугледжвалася смяротнае пакаранне (раздз. 11, арт. 12) [5, с. 162]. У сямейным асяроддзі муж меў права прымушаць жонку да паслухмянасці, што не забаранялася законам.

Найбольшую дзеяздольнасць жанчына набывала ў статусе ўдавы. Яна атрымлівала права на “ўдовін стол” – пажыццёвае валоданне часткай маёмасці мужа (звычайна траціна ці палова маёнтка) (раздз. 4, арт. 10) [6, с. 115; раздз. 5, арт. 14, с. 82]. Удава магла стаць апякункай дзяцей, атрымліваючы значную ўладу пад наглядам суда і родзічаў (раздз. 5, арт. 9) [5, с. 112]. Г. Дзербіна паказвае, што ў гэты перыяд жанчына магла самастойна распараджацца зямлёй, заключаць здзелкі і прадстаўляць свае інтарэсы ў судзе [1, с. 140 – 145].

Развод у ВКЛ быў магчымы пры важкіх падставах (здрада, жорсткае абыходжанне, імпатэнцыя) і патрабаваў царкоўнага дазволу. Пры разводзе жанчына мела права забраць свой пасаг і мацярызну, аднак дзеці, як правіла, заставаліся пад апекай бацькі (раздз. 5, арт. 9) [5, с. 112]. Дзербіна падрабязна аналізуе гэтыя працэдуры, адзначаючы, што ў рэгуляванні спынення шлюбу таксама назіралася ўзаемадзеянне кананічнага і свецкага права [1, с. 95 – 100].

Маёмасныя правы жанчыны-шляхцянкі ў ВКЛ зведалі значную эвалюцыю на працягу XVI–XVIII стагоддзяў, прычым заканадаўства княства лічылася адным з самых прагрэсіўных у Еўропе.

Прававая сістэма ВКЛ выразна размежавала некалькі катэгорый маёмасці, якія мелі рознае значэнне для жанчыны. “Отчына” – родавыя землі, якія пераходзілі па спадчыне ад бацькі – у большай частцы даставалася сынам. Доўгі час распараджэнне вотчынамі было абмежаваным, і толькі Трэці Статут замацаваў свабоду распараджэння

маёмасцю незалежна ад яе паходжання [5, раздз. 5]. Гэта прынцыпова пашырыла магчымасці жанчын у здзяйсненні здзелак.

“Мацярызна” – спадчына ад маці – лічылася асабістай маёмасцю жанчыны і пераходзіла пераважна па жаночай лініі. Г. Дзербіна адзначае, што фарміраванне гэтай катэгорыі маёмасці было важным этапам у забеспячэнні пераемнасці жаночага ўладання [1, с. 115–120].

“Пасаг” (прыданае) у шлюбе заставаўся ўласнасцю жанчыны, хоць знаходзіўся ў кіраванні мужа. Пасаг разглядаўся менавіта як “маёмаснае забеспячэнне правоў жанчыны” – яна мела права на яго вяртанне ў выпадку спынення шлюбу [1, с. 108 – 112].

У спадкаванні дзейнічаў прынцып, які можна назваць “паралельным”: вотчына пераходзіла пераважна да сыноў, мацярызна – да дачок. Удава атрымлівала права на “ўдовін стол” і кіравала долямі непаўналетніх дзяцей (раздз. 5, арт. 9) [5, с. 112]. Жанчыны-шляхцянкі былі паўнапраўнымі ўдзельніцамі грамадзянскага абароту: яны маглі даваць у пазыку, купляць і прадаваць маёмасць, выступаць у судзе. Асабліва актыўныя ў гэтых адносінах былі ўдовы [3, с. 153; 1, с. 140 – 145].

Інстытут апекі меў дваістую прыроду: з аднаго боку, ён абмяжоўваў самастойнасць жанчыны (незамужняя дачка знаходзілася пад апекай бацькі, замужняя не магла здзяйсняць буйныя здзелкі без згоды мужа), з другога – абараняў яе маёмасць ад расхістання. Больш за тое, удава сама магла стаць апякункай сваіх дзяцей, набываючы значныя ўладныя паўнамоцтвы. Г. Дзербіна разглядае апеку як “інстытуцыю аховы сямейных інтарэсаў”, якая была неад’емнай часткай сямейнага ладу і забяспечвала захаванне маёмасці для нашчадкаў [1, с. 125 – 130]. У сваім даследаванні яна падкрэслівае, што інстытут апекі быў дэталёва распрацаваны менавіта ў Статуце 1588 г. [2, с. 15].

Крымінальна-прававы статус жанчыны-шляхцянкі ў ВКЛ характарызаваўся дваістасцю: з аднаго боку, закон прадастаўляў ёй узмоцненую абарону, з другога – прадугледжваў суровыя пакаранні за асобныя злачынствы. Закон ахоўваў жанчыну: за згвалтаванне – смерць (раздз. 11, арт. 12) [5, с. 162], за абразу – штраф (раздз. 11, арт. 28) [5, с. 167].

Важным дасягненнем заканадаўства ВКЛ быў прынцып “ніхто не адказвае за чужыя злачынствы”. Жонка не адказвала за даўгі і злачынствы мужа сваёй маёмасцю, калі не была саўдзельніцай (раздз. 4, арт. 16) [5, с. 70]. Гэта істотна адрознівала права ВКЛ ад многіх еўрапейскіх сістэм таго часу. Але калі яна сама забівала мужа – Статут 1588 г. загадваў закапаць яе жыўцом (раздз. 11, арт. 8) [5, с. 161], што адлюстроўвала патрыярхальныя ўяўленні: замах на главу сям’і лічыўся асабліва цяжкім грахом [1, с. 88 –92].

Жанчыны маглі самастойна звяртацца ў суд, падаваць іскі і выступаць сведкамі. Захавалася мноства судовых спраў, дзе жанчыны адстойвалі свой гонар, патрабавалі пакарання крыўдзіцеляў або вяртання маёмасці. Асабліва актыўнымі ў судах былі ўдовы, якія не мелі патрэбы ў апекунах. Т.

Пеліпенка аналізуе стратэгію іх паводзінаў: калі мужчына даказваў сваю слушнасць праз дэманстрацыю сілы і доблесці, то жанчына падкрэслівала сваю слабасць і шукала абароны ў суда – што было адзінай слушнай стратэгіяй паводзінаў у патрыярхальным грамадстве [3, с. 153].

Высновы. Праведзенае даследаванне дазваляе сцвярджаць, што прававое становішча жанчыны-шляхцянкі ў ВКЛ на працягу XVI ст. зведала істотную эвалюцыю. Як падкрэслівае Г. Дзербіна, менавіта ў гэты перыяд склалася стройная сістэма шлюбна-сямейнага права, якая дзейнічала амаль да сярэдзіны XIX ст. [1, с. 5; 2, с. 18].

Ключавой асаблівасцю прававой сістэмы ВКЛ была супярэчнасць паміж фармальнымі абмежаваннямі і рэальнай сацыяльнай практыкай. Жанчыны дзейнічалі ў межах сямейных роляў, але праяўлялі значную самастойнасць у кіраванні маёнткамі, заключэнні здзелак і судовай абароне [3, с. 153 – 155]. Найбольшую прававую свабоду жанчына набывала ў статусе ўдавы, калі магла самастойна распараджацца зямлёй і выступаць апякункай дзяцей [1, с. 140 – 145; 5, с. 112]. Інстытуты вена, пасагу і мацярызны стваралі матэрыяльную аснову для адноснай незалежнасці жанчыны [1, с. 112 – 125].

У крымінальным праве назіралася дваістасць: узмоцненая абарона гонару шляхцянкі і суровае пакаранне за злачынствы супраць мужа (разд. 6, арт. 9 – 17) [4, с. 305], што адлюстроўвала патрыярхальны характар грамадства.

Такім чынам, прававы статус жанчыны-шляхцянкі ў ВКЛ быў даволі высокім па тагачасных еўрапейскіх мерках. Як дакладна заўважыла Тацяна Пеліпенка, “весьма важным нам представляется не наличие прав шляхтянок как таковое, а понимание этих прав, желание ими воспользоваться и непоколебимая решимость эти права защищать” [3, с. 155].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзербіна, Г. У. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. У. Дзербіна. – Мн.: Тэхналогія, 1997. – 175 с.

2. Дзербіна, Г. У. Фарміраванне і развіццё інстытутаў сямейнага права Беларусі (XVI ст.) : аўтарэф. дыс. канд. юрыд. навук : 12.00.01 / Г. У. Дзербіна. – Мн. : 1990. – 22 с.

3. Пелипенко, Т. И. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее новое время / Т. И. Пелипенко // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 2012. – Вып. 4. – С. 152 – 157.

4. Статут Вялікага княства Літоскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкалегія Т.І. Доўнар [і інш]. – Мн.: Тэсей, 2003. – 352 с.

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. на бел. мову А. С. Шагун. – Мн.: Беларусь, 2002. – 206 с.

6. Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / под ред. акад. А. Н. Литовской ССР К. И. Яблонскиса. – Мн.: Изд-во АН БССР, 1960. – 254 с.

К ВОПРОСУ ГИГИЕНЫ СНА КАК ЭФФЕКТИВНОГО РЕСУРСА РАБОТОСПОСОБНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНТКИ

А.В. Старовойт
Научный руководитель: Н.В. Бонцевич
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Согласно Указу Главы государства № 1, 2026 год в Беларуси проходит под знаком Года белорусской женщины [5]. Данная инициатива призвана закрепить в общественном сознании образ созидательной труженицы – патриотки, а также подчеркнуть значимость женского вклада в устойчивое развитие страны при возрастающем международном противостоянии. Реализуемый Правительством комплекс мероприятий нацелен на всестороннюю поддержку женщин как профессионалов, опор семьи и активных участников общественной жизни.

В свете этого особый интерес представляет фигура обучающейся и (или) студентки – молодой женщины, которая только начинает свой путь к вершинам профессионализма, совмещая учебу, научную деятельность, общественно-полезную работу и личную жизнь. Как показывают современные отечественные и зарубежные исследования, одной из главных проблем, с которыми сталкиваются учащиеся и студентки, стремящиеся к достижению высокого уровня компоненты «здоровье», является нарушение гигиены сна, вызывающее хроническое недосыпание [3].

Цель данной работы – рассмотреть аспект гигиены сна не только как физиологическую потребность, но также с точки зрения ключевого ресурса, позволяющего студентке (обучающейся) соответствовать высокому образу современной белорусской женщины: быть успешной в учебе, активной в общественной деятельности на благо отчизны, и при этом сохранять здоровье, красоту и внутреннюю гармонию.

Материалы и методы. Исследования осуществлялись по методическим рекомендациям [3, 4] в рамках работы студенческих научных кружков (СНК): «Национальная безопасность» и «Качество»; практических занятий студентов по дисциплинам «Безопасность жизнедеятельности» и «Охрана труда». В основе исследований использованы положения законодательных актов Беларуси и РФ, а также открытых источников, в том числе, освещающих деятельность отечественных и международных организаций в рассматриваемой сфере [1-2]. Методологической основой исследования послужили данные, полученные в ходе опроса студенток Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», а также анализ вторичных данных о репродуктивном здоровье и социальных установках белорусских женщин.

Исследование опиралось на следующие методы:

1). Анкетирование: Оценка режима сна, уровня стресса и успеваемости студенток 1 – 4 курсов.

2). Анализ статистических данных: Изучение демографических показателей (средний возраст матери при рождении первенца, количество детей), предоставленных в открытых источниках.

3). Контент-анализ: Изучение символики Года белорусской женщины для выявления ключевых качеств, ценимых в белорусской женщине (легкость, сила, красота).

Результаты и их обсуждение. В результате исследований были выявлены следующие закономерности, связывающие аспект гигиены сна с компонентой «здоровье», определяющей работоспособность и образ жизни студенток [3, 4]:

1) Аспект гигиены сна как основа с компоненты «здоровье», определяющей «легкость и силу». Победительница конкурса на разработку логотипа Года белорусской женщины Евгения Пограничная представляет образ белоруски как единство «легкости и силы, доброты, социальной справедливости и красоты». Однако результаты исследований показали, что у около 80% студенток, спящих менее 6 часов в сутки, наблюдается на отсутствие легкости, сочетающейся с сопутствующей раздражительностью и затруднениями с концентрацией внимания. В то же время студентки, соблюдающие режим сна (8 часов и свыше), демонстрируют более высокие показатели в учебе и субъективно оценивают свое состояние как «бодрое» и «энергичное». Таким образом, полноценный сон является тем базовым условием, которое позволяет молодой женщине проявлять силу духа и «правильных» идеологических установок, а также легкость в общении на любые темы.

2) Аспект гигиены сна и профессиональная реализация (как женщина-труженица). В условиях высокой учебной нагрузки многие студентки жертвуют сном ради подготовки к занятиям. Это кажущаяся (обманчивая) экономия. Анализ исследований нейробиологов показывает, что именно во сне происходит консолидация и закрепление элементов памяти. Недосыпание «сводит на нет» усилия по усвоению материала, что противоречит образу грамотной и компетентной во всех отношениях женщины-труженицы.

3) Аспект гигиены сна и репродуктивное здоровье (как будущая мать). Согласно статистическим исследованиям, белорусская женщина становится матерью первенца в среднем в 27 лет, а к 30,5 годам часто имеет двоих детей. В студенческие годы закладывается фундамент репродуктивного здоровья. Исследования подтверждают, что хроническое недосыпание ведет к гормональному сбою.

Поддержание здорового аспекта гигиены сна в студенчестве – это вклад в возможность стать матерью здоровых детей, что является одной из

главных ценностей белорусского общества, где каждый четвертый ребенок воспитывается в многодетной семье.

4) Аспект гигиены сна как ресурс для многозадачности. Современная белорусская женщина, согласно видению Белорусского союза женщин) (БСЖ), успешно совмещает карьеру, семью и общественно – полезную деятельность. Студентка сегодня также должна быть многозадачной: учиться; возможно, подрабатывать; вести общественно – полезную деятельность; заниматься наукой и (или) творчеством. Наличие детей (у почти половины занятых в трудовой сфере женщин) указывает на исключительную сложность поддержания ими баланса между карьерными обязанностями и выполнением семейных функций. Чтобы быть готовой к такому ритму жизни в будущем, уже в студенчестве необходимо освоить главный инструмент восстановления здоровья и активной работоспособности – качественный сон.

5) Аспект гигиены сна и красота (отражение в символике). Логотип Года белорусской женщины, созданный Е. Пограничной, включает василек (символ чистоты и красоты), красно-зеленые тона и национальный орнамент, олицетворяющий связь с традициями [2]. В современном мире красота женщины неразрывно связана со здоровьем. Недосыпание приводит к ухудшению состояния кожи, тусклости волос и общему усталому виду. Регулярный и полноценный сон – это естественная и самая эффективная «косметическая процедура», позволяющая женщине соответствовать образу, заложенному в официальной символике.

Заключение. Анализ исследований свидетельствует, что достижение идеала современной белорусской женщины, как сочетание внутренней силы, доброты, внешней красоты, трудолюбия и активной жизненной позиции невозможно без важнейшей фундаментальной основы – физического и ментального здоровья, ключевым элементом которого является соблюдение полноценной гигиены сна.

Для студенток, как будущих профессионалов и матерей, соблюдение гигиены сна является не «прихотью», а стратегическим приоритетом. Это тот ресурс, который позволяет им: эффективно учиться и осваивать профессию (быть труженицей), сохранять репродуктивное здоровье (быть будущей матерью), оставаться красивой и энергичной в общественно – полезной деятельности (олицетворять «легкость и силу»).

Вопрос выбора между карьерой и материнством перед белорусскими женщинами не стоит – они успешно совмещают эти роли. Однако, чтобы этот выбор был в пользу здоровья и долголетия, представляется крайне целесообразным рекомендовать включить в «Республиканский план действий по формированию образа женщины-труженицы» просветительские мероприятия о важности гигиены сна как базового элемента компоненты «здоровье», обеспечивающей сохранение и поддержание на должном уровне работоспособности, а также качества жизни современной белоруски.

Список использованных источников
1. БЕЛТА : [сайт]. – URL : https://belta.by/society/view/nezhnost-i-sila-avtor-logotipa-goda-belorusskoj-zhenschiny-o-simvolicheskom-obraze-beloruski-763251-2026/ – (дата обращения : 14.03.2026).
2. BELEXPO : [сайт]. – URL : https://belexpo.by/media-tsentr/moya-respublika/utverzhden-logotip-goda-belorusskoy-zhenshchiny.html – (дата обращения : 14.03.2026).
3. Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В Бонцевич, – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн. : РИВШ, 2023. – 524 с.
4. Немогай, Н.В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.
5. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь : [сайт]. – URL : https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-1-anvara-2026-g (дата обращения : 14.03.2026).

РОЛЯ ЖАНЧЫН У БЕЛАРУСКІМ НАЦЫЯНАЛЬНЫМ РУХУ ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ АЛАІЗЫ ПАШКЕВІЧ)

А.У. Соркін
Навуковы кіраўнік: Л.В. Рычкова
Гродна, ГрДУ імя Я. Купалы

Алаіза Пашкевіч (1876 – 1916), вядомая па літаратурнаму псеўданіму Цётка, нарадзілася і памерла на Гродзеншчыне ў цяперашнім Шчучынскім раёне. Усё свядомае жыццё яна працавала дзеля Беларусі як літаратар, рэдактар, выдавец, арганізатар беларускіх школ, актрыса, рэвалюцыянер і ў рэшце як медыцынскі работнік. Яна была на той час самай вядомай беларускай пісьменніцай. Шмат у чым яна была першай: заснавальніца першай беларускай школы, першай жаночай беларускай арганізацыі – беларускага жаночага гуртка ў Вільні, аўтар першага даследавання пра батлейку і першай дзіцячай хрэстаматыі “Першае чытанне для дзетак беларусаў”. Гэтая вядомая жанчына беларускай гісторыі і культуры, якая сёння патрабуе нашага годнага ўшанавання. На прыкладзе аналізу біяграфіі А. Пашкевіч (Цёткі) ў дадзеным артыкуле ставіцца мэта разглядзець аб'ектыўныя і суб'ектыўныя прычыны ўдзелу жанчын і іх значэнне ў беларускім нацыянальным руху першай чвэрці XX ст. Гэты час стаў адным з тых перыядаў у гісторыі Беларусі, калі на хвалі нацыянальнага Адраджэння і барацьбы за незалежнасць і дзяржаўнасць Беларусі на палітычную сцэну пачалі выходзіць жанчыны. Ва ўмовах набыцця гендэрным пытаннем усё большай вагі ў сучасным грамадстве, недастатковай даследаванасці гісторыі жаночага руху і ролі жанчын у нацыянальна-культурным і палітычным жыцці Беларусі ў пачатку XX ст. узнятая тэма з’яўляецца актуальнай і важнай.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужыла творчая спадчына Алаізы Пашкевіч (Цёткі) [1], а таксама мемуарная і навуковая літаратура па тэме [5 – 7]. Метадалогія даследавання грунтуецца на комплексным выкарыстанні агульнанавуковых і спецыяльных гуманітарных метадаў: 1) гісторыка-гендарны падыход – выкарыстоўваецца для аналізу спецыфікі жаночага ўдзелу ў нацыянальна-вызваленчым руху і выяўлення сацыякультурных умоў самарэалізацыі жанчыны-інтэлектуалкі ў пачатку XX ст.; 2) біяграфічны метад – дазваляе прасачыць эвалюцыю грамадска-палітычных поглядаў А. Пашкевіч праз прызму яе жыццёвага шляху, адукацыі і прафесійнай дзейнасці.

Вынікі і іх абмеркаванне. Адзін з ідэёлагаў і лідараў беларускага нацыянальнага руху першай трэці XX ст., гісторык, публіцыст, літаратурны крытык Антон Луцкевіч у 1924 г. адзначаў не толькі факт, што «беларуская жанчына стала побач з мужчынамі ў адраджэнскім руху, але і тое, што ў радах барацьбітоў за сацыяльнае, палітычнае і нацыянальнае вызваленне беларусаў ёсць і простыя сялянскія дзяўчаты, і народныя вучыцелькі, і інтэлігенткі з вышэйшай адукацыяй. І хоць сваёй колькасцю яны яшчэ не зраўняліся з мужчынамі, затое па захапленню ідэяй, па шчырасці і вернасці справе не раз перавышалі таварышаў – мужчын…» [2].

На мяжы XIX – XX стагоддзяў прыкметна актывізаваліся жанчыны-арыстакраткі. Для развіцця беларускай справы асаблівае значэнне мела дзейсная прыхільнасць да яе Магдалены Радзівіл. Яна фінансавала будаўніцтва шпіталяў, касцёлаў, адкрыццё прытулкаў для дзяцей-сірот, беларускіх школ, аказвала грашовую дапамогу студэнтам Віленскага і іншых універсітэтаў, устанавіла некалькі стыпендый. Магдалена Радзівіл падтрымлівала першыя перыядычныя беларускія выданні: штотыднёвую беларускую грамадска-палітычную, навукова-асветніцкую і літаратурна-мастацкую газету «Наша ніва», каталіцкі часопіс «Bielarus»; апекавала выдавецтвы: «Загляне сонца ў наша ваконца» ў Пецярбургу, Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні і інш. За яе грошы былі надрукаваны першыя кнігі Максіма Багдановіча, Канстанцыі Буйло, Тараса Гушчы (Якуба Коласа) і інш [3].

У той жа час мацнела і шырылася іншая жаночая хваля актывістаў беларускага нацыянальнага руху. Даследчыца гісторыі жаночага руху ў Беларусі Валянціна Коўтун адзначае: «На арэну барацьбы выходзіла яшчэ малавядомая, але моцная жаночая грамада – работніцы і вясковыя кабеты, якія шукалі шляхі да вызвалення і адукацыі» [4]. Паводле меркавання В. Коўтун, А. Пашкевіч была пачынальніцай масавага жаночага беларускага руху, паэтэсай вольнага духу і «буры», стваральніцай новай канцэпцыі нацыянальнай асветы, у тым ліку жаночай. Цётка выступала за правы і годнасць кожнага чалавека як асобы, за незалежнае развіццё ўсёй беларускай нацыі. Пры яе актыўным удзеле эпоха нацыянальнага адраджэння пачатку XX ст. рашала задачы легітымізацыі беларускай мовы,

прэсы і культуры. В. Коўтун падкрэслівае, што жанчыны, якія ў гэтым удзельнічалі, былі натхнёныя, найперш, нацыянальнай ідэяй. Паўліна Мядзёлка, Зоська Верас, Надзея Шнаркевіч, Апалонія Гіркант, Канстанцыя Буйло, Палута і Марыя Бадуновы, Казіміра Яноўская, Леаніла Гарэцкая, Уладзіслава Мілковіч і інш. лічылі сваім абавязкам не толькі змагацца за народную волю, але таксама будзіць нацыянальнае пачуццё дзяржаўнасці. Яны адчынялі першыя беларускія школы і чытальні, пісалі беларускія вершы для дзяцей, стваралі гурткі і хоры, займаліся дабрачыннасцю. «Яны пераносілі свае мацярынскія абавязкі ў сям'ю, прасторава-часавыя межы якой набывалі ўжо дзяржаўныя абрысы. Яны марылі абудзіць у беларускай жанчыне жаданне выхоўваць у новых пакаленняў цвёрдую волю і рашучасць змагання за новую незалежную радзіму» [4].

За плячыма А. Пашкевіч ляжыць біяграфія не толькі актыўнай грамадскай дзяячкі і ўдзельніцы палітычнага жыцця, але і гады творчай і асветніцкай дзейнасці. На пачатку XX ст. яе імя і справы карысталіся вялікай павагай, аўтарытэтам і ўдзячнасцю сярод прагрэсіўнай часткі прадстаўнікоў нацыянальна-вызваленчага і педагагічна-асветніцкага рухаў. І перш за ўсё таму, што А. Пашкевіч шмат і надзвычай плённа працавала сама: сярод шырокіх слаёў тагачаснага беларускага грамадства; падчас адкрыцця беларускіх школ; выдання кніжак на роднай мове; арганізацыі і рэдагавання першага беларускага часопісу для дзяцей і падлеткаў «Лучынка». Яна стварыла з аднадумцамі першую беларускую палітычную партыю – Беларускую Сацыялістычную Грамаду, была сярод аўтараў і рэдактараў «Нашай долі» і «Нашай нівы», бліскуча выступала на мітынгах і сходах. Юліяна Вітан-Дубейкаўская, беларуская мастацтвазнаўца, якая паходзіла з роду віленскіх немцаў, пісала ва «Успамінах» пра свае ўражанні ад Цёткі-прамоўцы так: «Я ж яе знала як маламоўную, спакойную, а тутака перад намі была аратарша, якая з вялікай сілай і пераконваннем усім сваім сэрцам будзіла ў слухачоў запал і любоў да прыгнечанага рабочага люду і беларускага сялянства, за вызваленне і лепшую долю якога трэба ахвяраваць усе свае сілы і жыццё. Слухаючы А. Пашкевіч, я разумела, што яна сапраўды тое адчувае, да чаго ўсіх заклікае, і таму, што гэта было ў яе ад душы, яна мела вялікі ўплыў на ўсю аўдыторыю» [5].

У Першую сусветную вайну А. Пашкевіч далучаецца да дзейнасці ў Вільні Беларускага таварыства дапамогі ахвярам вайны і на працягу ўсяго 1915 г. прыкладае шмат намаганняў для арганізацыі беларускіх школ і настаўніцкіх курсаў, дапамагае ў стварэнні дзіцячых прытулкаў і працуе сястрой міласэрнасці ў тыфозным бараку. У студзені 1916 г. памірае бацька Алаізы, і яна едзе на яго пахаванне. Сутыкнуўшыся з эпідэміяй тыфу на сваёй малой радзіме, яна застаецца, каб дапамагчы хворым, аднак заражаецца сама і памірае ў ноч з 4 на 5 лютага 1916 г.

Якімі былі аб’ектыўныя і суб’ектыўныя прычыны далучэння жанчын да палітычнай дзейнасці на пачатку XX ст.? У гэты час стварыліся такія

гістарычныя ўмовы, калі не толькі мужчыны, але і жанчыны маглі займацца палітыкай. Магчымасць спецыяльнай адукацыі і прафесійнай дзейнасці стала аб'ектыўнай прычынай і перадумовай для далучэння жанчын да палітычнага руху. Галоўным імкненнем яшчэ да пачатку грамадскай дзейнасці для А. Пашкевіч з'яўлялася атрыманне адукацыі, якое было паспяхова рэалізавана ёю на працягу жыцця.

Вымушаная пастаянна пераязджаць, хаваючыся ад паліцэйскага пераследу, А. Пашкевіч выкарыстоўвала кожную магчымасць для працягу навучання – у Пецярбургу, Кракаве, Львове. Асновы Цётчынага светапогляду былі закладзены яшчэ ў сям'і, дзе з павагай ставіліся да адукацыі і беларушчыны. Далейшае фарміраванне яго адбывалася падчас навучання ў гімназіі ва ўмовах пастаяннага недахопу сродкаў і пошукаў працы, што, магчыма, у пэўнай ступені перадвызначыла сацыялістычныя погляды Цёткі. Але найбольш значны ўплыў для канчатковага вызначэння яе грамадзянскай пазіцыі аказала навучанне ў Пецярбургу, дзе адбылося яе знаёмства з асяродкам маладой беларускай інтэлігенцыі і далучэнне да нацыянальна-вызваленчага руху. Шлюб з літоўскім сацыял-дэмакратам Сцяпонасам Кайрысам толькі садзейнічаў грамадскай працы і палітычнай дзейнасці Цёткі.

Далучэнне А. Пашкевіч да беларускага палітычнага руху і грамадскай дзейнасці адбываецца падчас яе навучання на Вышэйшых жаночых медыцынскіх курсах Пятра Лесгафта ў 1902–1904 гг. у Пецярбургу, дзе яна прымае ўдзел у працы «Круга беларускай народнай прасветы» і публікуе свае першыя вершы ў нелегальных выданнях гуртка. Вось што піша пра гэты перыяд у сваіх успамінах яе будучы муж С. Кайрыс: «Вельмі чуйная на падзеі выбуховага характару, Алёйза Пашкевічанка, не церпячы аніякіх кампрамісаў ані ў сабе, ані ў іншых, ... яна ўважала за свой абавязак і гонар быць усюды там, дзе так ці гэтак выяўляўся нарастаючы супраць існуючага стану настрой. Яна наведвала сходкі, брала ўдзел у дэманстрацыях, рупілася пра арыштаваных сяброў. Адразу самавызначылася беларускай і гэткаю засталася назаўсёды» [6].

Заключэнне. Такім чынам, абагульняючы прыведзеныя факты і аргументы, можна вылучыць наступныя прычыны далучэння жанчын да беларускага палітычнага руху пачатку XX ст.: 1) грамадска-палітычны крызіс пачатку XX ст. і патрэба актыўнага сацыяльнага дзеяння; 2) магчымасць атрымання жанчынамі адукацыі і звязанае з гэтым права выбару жыццёвага шляху; 3) навучанне ў атачэнні беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі; 4) набліжэнне да праблемаў народа падчас асветніцкай працы ў школах і гуманітарнай у шпіталях; 5) глыбокае асабістае пачуццё.

Спалучаючы грамадска-палітычную і культурна-асветніцкую дзейнасць, А. Пашкевіч стала сведкай і адначасова ўдзельніцай нараджэння беларускай нацыянальнай ідэі, знаходзілася ў эпіцэнтры гэтых падзей і часам аказвала вырашальны ўплыў на іх ход. Акрамя таго, яна

стала натхняльніцай і надзейнай маральнай апорай для паплечнікаў, сімвалам адданасці ідэалам і самаахвярнасці. Але ахвяры, прынесеныя Бацькаўшчыне, былі не дарэмныя. У тым, што наша краіна сёння здзейснілася як суверэнная дзяржава, ёсць вялікая заслуга ўсіх тых, што аддалі за яе свае жыцці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Цётка. Выбраныя творы (паэзія, проза, чытанкі для дзяцей, лісты, дадатак) / Цётка; Уклад. і прадм. В. Коўтун; камент. С. Александровіча і В. Коўтун. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2001. – 333 с.
2. Луцкевіч, А. Жанчына ў беларускім адраджэнскім руху / А. Луцкевіч // Барацьба за вызваленне / Інстытут беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства. – Вільня, Беласток, 2009. – С. 312 – 314.
3. Мяснікоў, А. Ф. Сто асоб беларускай гісторыі: гістарычныя партрэты / А. Ф. Мяснікоў. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. – 344 с.
4. Коўтун, В. Жаночы рух: гісторыя развіцця / В.Коўтун // Полымя. – 1997. – № 6. – С. 182 – 197.
5. Вітан-Дубейкаўская, Ю. Мае успаміны / Ю. Вітан-Дубейкаўская. – Вільня, 1994 г. URL : https://knihi.com/Julijana_Vitan-Dubiejkauskaja/Maje_uspaminy.html (дата звароту: 13.03.2026).
6. Кайрыс, С. З маіх успамінаў пра Цётку / С. Кайрыс. // На суд гісторыі: Успаміны. Дыялогі. – Мн. : Мастацкая літаратура. – 1994. – С. 14 – 15.
7. Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. У 6 т. – Т. 2. / пад рэд. А. Мальдзіса. – Мінск : БелЭн, 1993. – 541 с.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АНАЛИЗ СТАТУСА, ЗАНЯТОСТИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

П.А. Хоменкова, Д.А. Тихоновская
Научный руководитель: О.В. Бодакова
Минск, БГЭУ

Глобальные трансформации, обусловленные цифровизацией и эволюцией политических конфигураций, позиционируют гендерное равенство как приоритетную категорию в дискурсе устойчивого развития белорусского общества. Женщины составляют приблизительно 53% населения Республики Беларусь, однако их потенциал в экономической и политической сферах реализуется недостаточно полно, несмотря на относительно прогрессивную нормативно-правовую базу. Актуальность исследования детерминируется необходимостью концептуализации гендерного равенства как фактора реализации Цели 5 Целей устойчивого развития ООН (ЦУР 5 – гендерное равенство) [1].

Цель исследования – провести анализ социально-правового положения женщин в Республике Беларусь через призму их правового статуса, экономической занятости и политического представительства,

выявить ключевые проблемы (гендерный разрыв в оплате, насилие, сегрегацию) и предложить меры по их разрешению.

Материал и методы. Исследование основано на анализе нормативно-правовой базы Республики Беларусь. Использованы официальные статистические данные Белстата за 2024 – 2025 гг. по демографии, занятости и оплате труда.

Результаты и их обсуждение. Правовой статус женщин в Республике Беларусь конструируется под эгидой международных обязательств по правам человека и национального законодательства, декларирующего принцип гендерного равенства. Фундаментальной нормой является статья 22 Конституции Республики Беларусь, провозглашающая: «Все граждане Республики Беларусь равны перед законом и имеют право без какой бы то ни было дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» [6]. Данная норма императивно исключает любые ограничения или преференции по гендерному признаку, формируя матрицу антидискриминационного регулирования и артикулируя принцип системного толкования последующих актов. Она гармонизирована с международными стандартами, в частности, Конвенцией ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), ратифицированной Беларусью.

Нормативная декларативность контрастирует с эмпирическими вызовами, среди которых доминирует феномен гендерного (домашнего) насилия [8]. Республика Беларусь остается одной из немногих европейских юрисдикций без специализированного закона о противодействии домашнему насилию. Текущая парадигма реагирования опирается на диспозиции административного и уголовного права (статьи о мелком хулиганстве, причинении лёгкого вреда здоровью, угрозах), игнорируя системный и цикличный характер феномена. Дефицит оперативных инструментов (защитные предписания, охранные ордера) и инфраструктуры (кризисные центры, специализированные службы) усугубляет латентность проблемы. По данным Белстата (2019 г.), зарегистрировано около 3 тыс. семейно-бытовых правонарушений, однако индекс скрытности остаётся высоким (страх ревиктимизации, недоверие институтам) [8].

Правовая система Беларуси содержит декларативно сильные гарантии равенства. Принятие Закона «О равных правах и равных возможностях» стало важным шагом в систематизации подхода. Тем не менее эти гарантии во многом теряют свою эффективность из-за отсутствия действенных механизмов защиты от гендерного насилия и глубоко укоренившихся стереотипов. Для обеспечения равного статуса необходимы: принятие закона о противодействии домашнему насилию с эффективными мерами защиты, развитие специализированных служб помощи, повышение правовой грамотности населения и подготовка антидискриминационных специалистов.

Экономическая субъектность женщин коннотирует ключевой вектор социально-экономической динамики. Согласно Белстату (2024 г.), женщины формируют 50,5% занятого населения, демонстрируя высокую трудовую инклюзию [3]. Тем не менее, наблюдается отраслевая сегрегация: доминирование в низкооплачиваемых секторах (образование – >80%, здравоохранение/социальные услуги – ~85%, сфера услуг), с постепенным ростом на руководящих позициях [2].

Гендерный разрыв в оплате труда (25 – 30%) коррелирует с вертикальной и горизонтальной сегрегацией, карьерными паузами (декретный отпуск до 3 лет) и латентной дискриминацией при найме/продвижении [4]. При этом государство реализует меры поддержки – программы занятости и обучения, гарантия декретного отпуска до 3 лет с сохранением места работы. Тем не менее сохраняются препятствия: большая домашняя нагрузка вынуждают работать неполный день или в неформальном секторе, что сдерживает карьеру и доходы женщин.

Также индикатором гендерного равенства в обществе является политическое влияние женщин, измеряемое их реальным участием в принятии решений.

Количественные показатели участия женщин в законодательной и представительной власти демонстрируют позитивную, но умеренную динамику. По итогам выборов 2026 года доля женщин в Палате представителей Национального собрания достигла рекордных 33% (37 из 110 депутатов) [5]. На местном уровне, в Советах депутатов базового уровня, этот показатель традиционно выше и составляет около 45-50%, что, однако, часто связывают с меньшей политической конкуренцией и престижностью этих позиций [7].

Женщины стабильно занимают ряд ключевых министерских постов, традиционно ассоциируемых с «социальной сферой». Однако доступ к «силовым» или экономическим блокам правительства (МИД, Минобороны, МВД, Минфин, Минэкономики) для женщин остается крайне ограниченным.

Высокая формальная занятость женщин сочетается с отраслевой разобщённостью и заметным разрывом в оплате труда. Государство поддерживает материнство, но структурные барьеры остаются. Решение требует интегрированного подхода – трудовых мер, трансформации норм.

Несмотря на прогресс, остаются серьёзные барьеры: социокультурные стереотипы, ставящие политику в ряд «мужских» сфер, «стеклянный потолок», мешающий женщинам достигать верхних уровней власти.

Заключение. Таким образом, проведённое исследование показывает, что в правовой сфере для женщин Беларуси достигнуто заметное формальное равенство: законодательство фиксирует равные права и защиту. При этом на практике сохраняются некоторые пробелы – выраженный отраслевой разрыв, существенное гендерное различие в

оплате труда, высокая доля неполной и неформальной занятости, что ограничивают экономические возможности женщин и их реальное влияние.

Для устранения этих дисбалансов необходим комплекс мер: усиление стимулирующих мер для повышения женского представительства в органах власти и управлении, внедрение и строгий контроль антидискриминационных механизмов, расширение услуг по уходу за детьми и поддержка гибких форм занятости, работа со стереотипами. Только сочетание институциональных, экономических и культурных мер даст устойчивые результаты.

Список использованных источников

1. Белстат. Демографическая ситуация в Республике Беларусь: гендерный аспект [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by/ ((дата обращения: 26.02.2026).

2. Белстат. Занятость населения Республики Беларусь: гендерный аспект [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by/ ((дата обращения: 28.02.2026).

3. Белстат. Разрыв в оплате труда мужчин и женщин в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by/ ((дата обращения: 28.02.2026).

4. Белстат. Структура занятости женщин по отраслям экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by/ ((дата обращения: 28.02.2026).

5. Депутаты [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. – URL: https://house.gov.by/ru/deputies-ru/ ((дата обращения: 28.02.2026).

6. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2026. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravovye-akty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ ((дата обращения: 26.02.2026).

7. Представительство женщин в местных Советах депутатов Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. – 2026. – URL: https://rec.gov.by/ ((дата обращения: 28.02.2026).

8. Семейное насилие: инфографика [Электронный ресурс] / БелТА. – 30.03.2020. – URL: https://belta.by/infographica/view/semejnoe-nasilie-20340 ((дата обращения: 28.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ, ЗАКРЕПЛЕННОГО НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ

С.В. Холупова
Научный руководитель: Т.В. Северцова
Горки, БГСХА

Актуальность исследования правового статуса работающей женщины в современных условиях обусловлена необходимостью поиска баланса между гибкостью рынка труда и реализацией конституционного принципа равных прав и возможностей. Несмотря на формальное закрепление в Трудовом кодексе системы гарантий и льгот для женщин, связанных с

материнством и совмещением трудовых функций с семейными обязанностями, эффективность их реализации во многом зависит от конкретизации на локальном уровне.

Материал и методы. Согласно статьям 32 и 42 Конституции Республики Беларусь [1], мужчины и женщины обладают равными правами и свободами, а также равными возможностями для их осуществления.

Однако, учитывая физиологические особенности женщин и их репродуктивную функцию, объем их прав в процессе трудовой деятельности может иметь определенные особенности. Ограничения на выполнение тяжелых работ и подъем тяжестей, предоставление перерывов для кормления грудного ребенка, а также дополнительный отпуск по уходу за ним и другие льготы, предусмотренные трудовым и социальным законодательством, направлены на фактическое обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин в обществе. Пример дополнительных отпусков можно увидеть в Тарифном соглашении между Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, Белорусским профессиональным союзом работников агропромышленного комплекса и Республиканской агропромышленным союзом «БелАПС» [2]:

13.4. социальные отпуска:

13.4.1. по беременности и родам (статья 184 Трудового кодекса Республики Беларусь);

13.4.2. по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет (статья 185 Трудового кодекса Республики Беларусь).

Особенности регулирования труда женщин и работников, имеющих семейные обязанности, устанавливаются в соответствии с главой 19 Трудового кодекса [3].

В соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь, работающим женщинам предоставляются определенные гарантии и льготы. Статья 264 Трудового Кодекса устанавливает, что беременным женщинам, на основании заключения врачебно-консультационной комиссии или медико-реабилитационной экспертной комиссии, могут быть снижены нормы выработки или обслуживания, либо осуществлен перевод на другую работу, которая является более легкой и исключает воздействие вредных и (или) опасных производственных факторов. При этом за ними сохраняется средний заработок по прежней работе. В случае невозможности перевода на другую, более легкую работу, нормы выработки или обслуживания по прежней работе снижаются в соответствии с медицинским заключением, при условии, что выполняемая работа не связана с воздействием неблагоприятных производственных факторов на организм матери и будущего ребенка. Женщинам, имеющим детей в возрасте до полутора лет, в случае невозможности выполнения прежней работы, предоставляется перевод на другую работу с сохранением среднего заработка по прежней работе до достижения

ребенком возраста полутора лет. Перевод на более легкую работу в данном случае не является обязательным, однако работа должна быть совместима с кормлением ребенка и уходом за ним.

Законодательство Республики Беларусь (статья 268 Трудового Кодекса) строго защищает права женщин и одиноких родителей при трудоустройстве. Работодателям запрещено отказывать в приеме на работу или снижать зарплату женщинам из-за беременности или наличия детей до трех лет.

Такая же защита распространяется на одиноких родителей, воспитывающих детей до четырнадцати лет (или детей-инвалидов до восемнадцати лет). Если этим лицам отказывают в трудоустройстве, работодатель обязан предоставить письменное объяснение причин отказа в течение трех дней, и это решение может быть обжаловано в судебном порядке.

Важно отметить, что необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины, а также любое заведомо незаконное увольнение, являются уголовно наказуемыми деяниями согласно статье 199 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, с максимальным наказанием до трех лет лишения свободы [4].

Локальное регулирование наиболее ярко проявляется в установлении дополнительных гарантий для женщин с семейными обязанностями. Так, в соответствии со статьей 265 Трудового Кодекса, порядок и условия предоставления одного дополнительного свободного от работы дня в месяц с оплатой (для матерей, воспитывающих двоих и более детей в возрасте до 16 лет) могут быть детально прописаны в коллективном договоре или ином локальном правовом акте.

Именно на локальном уровне определяются конкретный размер и условия оплаты этого дня, что делает данную норму особенно зависимой от усмотрения нанимателя и социального партнерства в организации. Кроме того, локальные правовые акты могут предусматривать иные льготы, например, возможность замены дополнительного свободного дня в неделю (для отдельных категорий родителей) на сокращение рабочего дня на один час, если это не препятствует нормальной деятельности организации.

Право на получение дополнительных оплачиваемых выходных дней регулируется Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 34 от 11.06.2014. Родители (мать/мачеха или отец/отчим) имеют возможность воспользоваться одним дополнительным свободным днем в месяц или в неделю. Решение о том, кто из родителей будет использовать этот день, или как он будет разделен между ними, остается за ними. При этом, если в течение недели предоставляется дополнительный выходной день в месяц, то дополнительный выходной день в неделю в эту же неделю не предоставляется.

Законодательство также оказывает поддержку в виде предоставления жилья одиноким матерям и многодетным семьям:

33.5. выделяют в первую очередь жилые помещения нуждающимся в улучшении жилищных условий и состоящим на учете следующим категориям:

33.5.1. инвалидам I и II групп;

33.5.2. молодым специалистам, прибывшим в организацию на работу по распределению, приглашенным;

33.5.3. лицам, страдающим некоторыми формами тяжелых хронических заболеваний;

33.5.4. работникам, проработавшим не менее 30 лет в отрасли;

33.5.5. многодетным семьям, семьям при рождении двоих и более детей;

33.5.6. одинокой матери (отцу, опекуну, попечителю), воспитывающей (воспитывающему) несовершеннолетних детей.

Результаты и их обсуждение. Законодательство страны, базируясь на конституционном принципе равенства мужчин и женщин, учитывает физиологические особенности и социальную роль женщины-матери. В связи с этим правовая система устанавливает для женщин специальные гарантии в сфере трудовых и социальных отношений.

В трудовой сфере эти гарантии направлены на защиту здоровья женщины и материнства. Они включают ограничения на использование женского труда на тяжёлых работах, обязательное снижение норм выработки или перевод на более лёгкую работу для беременных и кормящих матерей с сохранением заработка, а также предоставление специальных отпусков по беременности и родам и по уходу за ребёнком.

Государство предоставляет дополнительные социальные льготы, связанные с воспитанием детей. Это выражается в праве на дополнительные свободные от работы дни (с оплатой) для матерей, воспитывающих двоих и более детей или детей-инвалидов. При этом аналогичные права в равной степени предоставляются и отцам, что подчёркивает поддержку семьи в целом.

Кроме того, социальная поддержка распространяется на жилищную сферу, где многодетные семьи и одинокие родители пользуются приоритетным правом на улучшение жилищных условий.

Законодательство обеспечивает особую защиту трудовых прав женщин с семейными обязанностями, а локальные акты могут лишь усилить эти гарантии.

Таким образом, правовой статус работающей женщины на локальном уровне формируется через механизмы, которые, опираясь на императивные нормы Трудового кодекса, позволяют адаптировать общие гарантии к условиям конкретного производства и расширять их через коллективно-договорное регулирование.

Заключение. Правовое регулирование в Республике Беларусь создает прочную основу для защиты материнства и детства, сочетая императивные

гарантии Трудового кодекса (охрана труда беременных, запрет на увольнение) с возможностями их расширения через локальные акты.

Социальная поддержка выражается не только в трудовых льготах (дополнительные выходные дни для родителей), но и в приоритетном предоставлении жилья многодетным семьям и одиноким родителям, что подчеркивает комплексный подход государства к поддержке семьи.

Можно предложить следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Цифровизация и упрощение процедур: разработать механизм подачи заявлений на предоставление трудовых и социальных льгот (дополнительные выходные дни, пособия, жилищные льготы) в электронном виде через единый портал электронных услуг, исключив необходимость сбора многочисленных бумажных справок и справок с места работы другого родителя.

2. Усиление жилищных гарантий: дополнить перечень очередников на получение жилья социального пользования категорией "молодые семьи при рождении первого ребенка", предоставляя им право на внеочередное получение арендного жилья с субсидируемой ставкой на срок до трех лет, что послужит демографическому стимулу.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. / отв. за вып. Н. В. Судиловская. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.

2. Тарифное соглашение между Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, Белорусским профессиональным союзом работников агропромышленного комплекса и Республиканской агропромышленным союзом «БелАПС» на 2025 – 2027 годы. [Электронный ресурс]. – URL: https://profgos.1prof.by/socialnoe-partnerstvo/documents/ (дата обращения 05.03.2026).

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г. № 296-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 03.03.2026).

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Республики Беларусь, 09.07.1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012 г. // ЭТАЛОН: : информ.-поисковая система (дата обращения 03.03.2026).

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН И МЕХАНИЗМ ЕГО СООТНОШЕНИЯ С ЛОКАЛЬНЫМИ АКТАМИ НАНИМАТЕЛЯ

А.А. Ширяева
Научный руководитель: Т.В. Северцова
Горки, БГСХА

Провозглашение 2026 года в Республике Беларусь Годом белорусской женщины делает актуальными вопросы эффективности правовых

механизмов, направленных на защиту трудовых прав работающих женщин [1]. Трудовое законодательство Республики Беларусь устанавливает особый режим охраны труда женщин и лиц с семейными обязанностями, однако многие гарантии реализуются именно на локальном уровне. Центральное место в системе локального регулирования занимает коллективный договор (далее – колдоговор), который, согласно ст. 361 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), призван регулировать трудовые и социально-экономические отношения между нанимателем и работниками [3]. Целью данного исследования является анализ потенциала коллективного договора как средства дополнительной защиты трудовых прав женщин и определение его соотношения с иными локальными правовыми актами нанимателя.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Материалами для исследования послужили ТК [3], Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2025 – 2027 годы [7], научные публикации по трудовому праву [4; 6], а также практика деятельности профсоюзных организаций [2; 5].

Результаты и их обсуждение. Анализ ст.1 ТК показывает, что законодатель относит коллективный договор к категории локальных правовых актов [3]. Однако, как справедливо отмечает М.С. Мищенко, коллективный договор занимает особое место в этой системе, поскольку является актом социального партнерства, принимаемым на основе соглашения сторон (работников и нанимателя), а не одностороннего волеизъявления нанимателя [6, с.16]. Это принципиальное отличие порождает и особый механизм соотношения с другими локальными актами (правилами внутреннего трудового распорядка, положениями об оплате труда, инструкциями).

Во-первых, коллективный договор обладает приоритетом перед актами, принимаемыми нанимателем единолично. Согласно ст.7 ТК, локальные правовые акты, ухудшающие положение работников по сравнению с законодательством, являются недействительными [3]. Эта норма распространяется и на случаи, когда единоличный акт нанимателя ухудшает положение работника по сравнению с условиями, установленными в коллективном договоре. Например, если коллективным договором предусмотрена дополнительная гарантия для женщин, работающих во вредных условиях, наниматель не вправе отменить её своим приказом.

Во-вторых, коллективный договор может содержать поручения нанимателю разработать или согласовать иные локальные акты с учетом мнения профсоюза. Например, в коллективном договоре может быть

закреплено обязательство разработать положение о порядке применения гибкого рабочего времени для женщин, воспитывающих детей до 14 лет, и утвердить его по согласованию с профкомом.

Применительно к защите прав женщин потенциал коллективного договора раскрывается в нескольких аспектах. ТК устанавливает минимальный уровень гарантий: запрет на отказ в приеме на работу по мотивам беременности (ст. 16), ограничение привлечения к ночным и сверхурочным работам (ст. 263), предоставление отпуска по уходу за ребенком (ст. 185) и др. [3].

Коллективный договор может расширять эти гарантии. Так, в соответствии с Генеральным соглашением на 2025 – 2027 годы, нанимателям рекомендовано включать в коллективные договоры положения, предоставляющие:

1. Преимущественное право на оставление на работе при сокращении штата для женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей, чьи мужья проходят срочную военную службу.
2. Предоставление матерям, воспитывающим двоих и более детей в возрасте до 16 лет, по их заявлению одного дополнительного свободного оплачиваемого дня в месяц [7].
3. Установление гибких форм занятости (неполное рабочее время, гибкий график, надомный труд) для работников с семейными обязанностями, что подтверждается и практикой разрешения трудовых споров, когда профсоюзные юристы помогают урегулировать вопрос индивидуального графика для многодетной матери [2].

Важным инструментом выступает контроль за соблюдением коллективного договора. Согласно ст.14 Закона от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах», профсоюзы имеют право требовать устранения нарушений условий колдоговора [8]. Более того, как отмечается в разъяснениях Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, с недавнего времени наниматель и профсоюз вправе предусмотреть в коллективном договоре порядок распространения его отдельных положений на работников, не являвшихся членами профсоюза, что усиливает защиту всех женщин в коллективе [5].

Заключение. Таким образом, коллективный договор является не просто одним из локальных актов, а фундаментальным документом социального партнерства, имеющим приоритет над единоличными актами нанимателя. В контексте Года белорусской женщины его роль как инструмента защиты трудовых прав возрастает. Коллективный договор позволяет конкретизировать и дополнять нормы ТК с учетом специфики конкретного производства и финансовых возможностей нанимателя, обеспечивая работницам более высокий уровень социальной защиты. Эффективное соотношение колдоговора с иными локальными актами достигается через механизмы согласования и контроля, где ключевая роль отводится профсоюзным организациям. Дальнейшее совершенствование

законодательства должно быть направлено на стимулирование сторон социального партнерства к включению в коллективные договоры дополнительных гарантий для женщин с учетом лучших практик и современных вызовов.

Список использованных источников

1. Акция по бесплатному правовому консультированию ко Дню женщин // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 04.03.2026. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/mart/92556/ (дата обращения: 05.03.2026).

2. Вопросы и ответы // Витебская областная организация Белорусского профессионального союза работников леса и природопользования. – URL: https://vitprofles.by/vopros-otvet (дата обращения: 06.03.2026).

3. Трудовой Кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.03.2026).

4. Коллективные договоры: какие изменения можно внести в 2025 году // Белорусский профсоюз работников торговли, потребительской кооперации и предпринимательства города Брест. – 24.02.2025. – URL: https://www.proftorg-brest.by/news/kollektivnye-dogovory-kakie-izmeneniya-mozhno-vnesti-v-2025-godu/ (дата обращения: 06.03.2026).

6. Коллективные трудовые отношения : разъяснение Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 5 марта 2020 г. // ЭТАЛОН-online. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02000717 (дата обращения: 06.03.2026).

6. Мищенко, М. С. Коллективный договор и правила внутреннего трудового распорядка как локальные правовые акты / М. С. Мищенко // Отдел кадров. – 2023. – № 7. – С. 15 – 22.

7. О заключении Генерального соглашения между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2025 – 2027 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 дек. 2024 г., № 1045 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.03.2026).

8. О профессиональных союзах : Закон Респ. Беларусь от 22 апр. 1992 г. № 1605-XII // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.03.2026).

9. Чичина, А. П. Льготы и гарантии для отдельных категорий женщин в сфере трудовых отношений / А. П. Чичина // Отдел кадров. – 2006. – № 5. – С. 22 – 27.

WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN THE FIELD OF HIGH TECHNOLOGIES IN BELARUS: BARRIERS AND DRIVERS OF DEVELOPMENT IN 2026

S.S. Ramanchyk, D.N. Gurinovich
Scientific supervisor: S.A. Slassi Moutabir
Minsk, BNTU

The year 2026 has been declared the Year of the Belarusian Woman in the Republic of Belarus. The corresponding Decree No. 1 was signed by the President on January 1, 2026, which underlines the special importance of the role of women in the development of the state, the economy and the preservation

of spiritual values. This step is aimed at forming a national image of a working woman and is intended to stimulate public dialogue on issues of support for women and families with children [6].

In the context of the innovative development of the economy, the participation of women in the high-tech sector is of particular interest. Belarus demonstrates unique indicators: according to the TalentUp platform, among 25 European countries, the republic has the highest percentage of women employed in the IT sector – 48% of the total number of employees in the industry. For comparison, in Poland this figure is 34%, in France – 37%, and in Austria – only 25%.

The purpose of this research paper is to identify the key barriers hindering the development of women's entrepreneurship in the high-tech sector of Belarus, and to analyze the drivers contributing to its activation in 2026.

Materials and methods. The theoretical basis was official documents – Decree of the President of the Republic of Belarus No. 1 dated January 1, 2026, Resolution of the Council of Ministers No. 69 dated February 7, 2026, which approved the republican action plan for the Year of the Belarusian Woman, which includes 61 events to support women. The materials of the Ministry of Economy on the State Program "Sustainable Entrepreneurship" for 2026 – 2030, which provides for special measures for women's entrepreneurial initiatives, were also analyzed [3].

The empirical basis was made up of data on the activities of the business accelerator for women entrepreneurs "I am Growing", implemented by Belagroprombank in cooperation with the Visa international payment system, as well as information on the project "Tenderness of Belarusian Business", aimed at popularizing entrepreneurship among women and supporting mothers with many children.

The results and their discussion. Drivers of women's technological entrepreneurship development

The analysis shows that 2026 creates unprecedented conditions for the development of women's entrepreneurship in the high-tech sector. First of all, an institutional support framework has been formed. The republican action plan includes a whole block dedicated to the development of women's business initiatives, the contests of women's business projects "Dzyavochy Vyanok Miru" and "Businessmama", the Forum of Women Entrepreneurs of the Union State, the Belarusian-Uzbek Women's Business Forum, the project "Female Leader".

Educational and mentoring programs deserve special attention. The third stream of the "I'm Growing!" business accelerator, launched in February 2026, offers a two-month course of eight training modules from leading national experts. The program combines online training with face-to-face sessions at I grow Attraction Centers and provides mentoring support for experienced entrepreneurs. This allows the participants not only to master the theoretical foundations, but also to apply the knowledge to their own business tasks, which is critically important for technology startups [1].

An important driver is the established ecosystem of the Hi-Tech Park. Considering that 48% of jobs in the IT sector are occupied by women, we can talk about the formed human resources potential for women's technological entrepreneurship. The high educational level of Belarusian women is confirmed by their activity in such areas as artificial intelligence, cybersecurity, and software development. The HTP 2025 Applicant's Guide records the growing demand for specialists in the field of AI and machine learning, as well as the highest competition in the BSUIR for information security-related specialties [4].

The State Program of Innovative Development for 2026-2030, approved by Presidential Decree No. 448 dated December 21, 2025, sets long-term guidelines for the technology business, which creates a predictable environment for entrepreneurial initiatives [5].

Barriers holding back women's technological entrepreneurship

Despite the favorable institutional background, a number of obstacles remain. Firstly, these are the structural features of the IT labor market. The analysis shows that the development of artificial intelligence and automation lead to a reduction in demand for novice developers ("juns"), while increasing the need for experienced specialists ("seniors") and system architects. This creates an additional barrier of entry for women who, due to family circumstances, may have had career breaks or fewer opportunities to quickly build continuous experience.

Secondly, combining entrepreneurial activities with family responsibilities remains a challenge. The state program "Sustainable Entrepreneurship" for 2026-2030 considers these specifics and provides support for mothers with many children, but the practical implementation of these measures is just beginning.

Third, access to finance in the early stages of technology projects has traditionally been more difficult for women entrepreneurs. The participation of large financial institutions – Belagroprombank and Belinvestbank – in programs to support women's entrepreneurship is a positive signal here. The project "Tenderness of Belarusian Business", implemented by the Ministry of Economy jointly with the Belarusian Union of Women and Belinvestbank, is aimed specifically at stimulating the entrepreneurial initiative of mothers with many children and popularizing women's entrepreneurship [2].

Promising areas of development

The analysis shows that the most promising areas for women's technological entrepreneurship in 2026 are those that require a combination of technical competencies with "human-centered" skills. According to forecasts, IT is the specialists of creative professions in IT (designers), IT product sales managers and HR specialists who will find themselves in a more advantageous position, since their work requires empathy and communication skills that are difficult to replace with artificial intelligence algorithms [7].

The development of cybersecurity also opens up broad prospects. According to experts, entry into this field is possible through the study of

legislation with basic technical knowledge, with further growth from analyst to pentester. This creates a flexible path of entry into the profession, which is especially valuable for women planning to combine career and family.

Conclusion. The analysis allows us to draw the following conclusions: 2026, declared the Year of the Belarusian Woman, forms a powerful institutional support for women's entrepreneurship in the high-tech sector. Belarus has a unique competitive advantage - the highest level of women's participation in the IT sector in Europe (48%), which creates a human resource base for the development of female technology startups.

The key drivers are the implementation of specialized educational programs (the "I'm Growing!" accelerator), government initiatives to support women's business (the "Tenderness of Belarusian Business" project), and long-term guidelines for the State Program of Innovative Development until 2030.

The main barriers are related to the transformation of the IT professions market under the influence of artificial intelligence (reducing the demand for novice specialists), the difficulties of combining entrepreneurial activities with family responsibilities, and limited access to financing in the early stages.

As a result, the prospects for the development of women's technological entrepreneurship in Belarus are assessed positively, provided that the planned support measures are systematically implemented and the unique human resources potential of Belarusian women in the high-tech sector is used.

List of references

1. Администрация Первомайского района г. Бобруйска. Бизнес-акселератор для женщин-предпринимательниц «Я расту!» [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://apr.gov.by:443/news/ekonomika/biznes-akselerator-dlya-zhenshchin-predprinimatelnic-ya-rastu

2. Бешенковичский районный исполнительный комитет. Проект «Нежность белорусского бизнеса» [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.beshenkovichi.vitebsk-region.gov.by/news/aktualn_inf-ru/proekt-nezhnost-belorusskogo-biznesa/

3. Всебелорусское народное собрание. Правительство утвердило республиканский план мероприятий по проведению Года белорусской женщины [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://vns.gov.by/ru/events-ru/view/pravitelstvo-utverdilo-respublikanskij-plan-meroprijatij-po-provedeniju-goda-belorusskoj-zhenschiny-553-2026

4. Куда поступать.by. Какие специальности востребованы в IT и где на них учиться [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://kudapostupat.by/article/item/id/2976

5. Официальный интернет-портал Президента РБ. Государственная программа инновационного развития на 2026–2030 год [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://president.gov.by/ru/events/utverzdena-gosudarstvennaa-programma-innovacionnogo-razvitia-na-2026-2030-gody

6. Свободная Экономическая Зона «Брест». 2026 год объявлен в нашей стране Годом белорусской женщины [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://fezbrest.com/2026-god-obyavlen-v-nashej-strane-godom-belorusskoj-zhenshhinyi

7. Управление делами Президента Республики Беларусь. Правительством утвержден республиканский план мероприятий Года белорусской женщины [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://udp.gov.by/ru/news-upravleniya-

ru/view/pravitelstvom-utverzhden-respublikanskij-plan-meroprijatij-goda-belorusskoj-zhenschiny-27157-2026/

COMPARATIVE ANALYSIS OF WORKER'S DUTIES IN OCCUPATIONAL SAFETY IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS: BELARUS AND CHINA

K.Y. Vasilyonak
Scientific supervisor: N.V. Nemogai
Gomel, Gomel Branch
International University «MITSO»

In the contemporary era of globalization and intensifying cross-border labor cooperation, the responsibilities of workers in the field of occupational safety transcend mere legal compliance, evolving into a complex domain of intercultural interaction. While employers bear significant obligations for ensuring safe working environments, the effective implementation of occupational safety policies largely depends on how workers perceive, internalize, and execute their own duties. The purpose of this analysis is to identify similarities and differences in workers' responsibilities regarding occupational safety in Belarus and China, as well as to assess how cultural contexts influence the fulfillment of these obligations. The protection of workers' health remains a central theme in modern occupational safety discourse [1], with state policies in both countries emphasizing not only health preservation but also the cultivation of proactive safety consciousness among employees.

Material and methods. The research material comprised the regulatory and legal frameworks of the Republic of Belarus and the People's Republic of China, statistical data on occupational injuries, sociological studies on workplace behavior, and analytical materials on intercultural management. The methodological foundation included comparative legal analysis, intercultural communication theory, Hofstede's cultural dimensions framework, and synthesis and generalization of theoretical sources on occupational safety psychology.

Results and discussion. The legal frameworks of both countries establish clear obligations for workers in the field of occupational safety. In Belarus, the Labor Code and the Law "On Occupational Safety" define worker responsibilities, including compliance with safety regulations, proper use of personal protective equipment (PPE), participation in briefings, and immediate reporting of hazardous situations. These norms reflect the post-Soviet tradition of detailed legal regulation and strong state oversight. In China, the Labor Law and Production Safety Law similarly mandate worker compliance with safety rules, participation in training, and reporting of dangers, though with greater emphasis on collective responsibility and hierarchical discipline [2].

Despite formal similarities in legal obligations, cultural contexts fundamentally shape how workers fulfill these duties. In Belarus, the legacy of Soviet vocational education has created a workforce that values theoretical understanding and individual agency. Belarusian workers typically expect comprehensive explanations of safety procedures, including the physical principles behind regulations and the technical structure of equipment. This "academic" approach to occupational safety reflects a culture where knowledge is empowering and questioning authority – when framed as seeking understanding – is socially acceptable.

The Belarusian worker approaches safety duties as an informed individual who has the right to understand the rationale behind requirements. This manifests in active participation during safety briefings, where asking clarifying questions is considered a sign of engagement rather than disrespect. The paternalistic model inherited from the Soviet period means workers often look to the state and employer for protection, but simultaneously expect transparency and logical justification for safety mandates. Individual recognition for safety compliance or violations is generally accepted, aligning with a culture that acknowledges personal achievement and responsibility [3].

In contrast, Chinese cultural values fundamentally alter the execution of worker safety duties. The concept of hierarchy means that safety instructions from superiors are typically accepted without question or demand for explanation. Asking detailed questions during group briefings may be perceived as challenging the instructor's competence or revealing one's own inability to grasp simple concepts, resulting in "loss of face" for both parties. Consequently, Chinese workers often fulfill their duty to learn safety procedures through observation, mentorship relationships, and repeated practice rather than theoretical discourse.

The Chinese worker's approach to safety duties is deeply embedded in collectivist values. Individual conspicuousness – whether through questioning instructions or receiving individual praise for safety compliance – can create discomfort and disrupt group harmony. Workers typically prefer that safety recognition be directed at the collective unit (team or workshop) rather than individuals, reinforcing group cohesion and shared responsibility. This collectivist orientation transforms the worker's duty from an individual legal obligation into a contribution to group welfare and preservation of collective reputation [4].

The duty to report hazards and incidents reveals particularly striking cultural differences. Belarusian workers, operating within a legalistic framework that emphasizes transparency and formal documentation, generally accept that reporting safety violations or accidents will trigger investigation procedures. While fear of sanctions exists, the cultural value placed on identifying root causes and preventing recurrence supports relatively open reporting, especially when trade unions and state inspectorates provide institutional backing. The

Belarusian approach aligns with a culture that views error analysis as constructive and necessary for systemic improvement.

Chinese workers face a more complex psychological landscape when fulfilling reporting duties. The concept of "face" extends beyond individual reputation to encompass the entire work unit and its leadership. Reporting an incident or hazard may be interpreted as exposing collective failure, damaging the supervisor's standing, and disrupting harmonious relationships. This cultural dynamic creates significant pressure to conceal minor injuries or "inconvenient" safety violations, contradicting formal legal obligations. Workers may fulfill their reporting duties selectively, prioritizing relationship preservation over strict compliance, unless management actively cultivates an environment where reporting is framed as protecting collective interests rather than assigning blame.

The practical implementation of safety duties regarding PPE usage demonstrates these cultural divergences clearly. In Belarus, workers typically expect high-quality protective equipment as a right guaranteed by the state and employer, and they are generally willing to demand proper provision and training on correct usage. The individualistic orientation supports workers viewing PPE compliance as personal protection and a matter of personal choice and responsibility, reinforced by individual consequences for non-compliance.

Chinese workers may approach PPE duties through the lens of group conformity and hierarchical example. If supervisors consistently model proper PPE usage, workers typically follow diligently as part of their duty to maintain group standards and respect hierarchy. However, if informal norms within the work group tolerate PPE violations, individual workers face strong social pressure to conform to group behavior despite formal regulations, as asserting individual safety priorities over group practice risks disrupting harmony and challenging implicit collective agreements [5].

For multinational enterprises and joint ventures operating in both contexts, several intercultural considerations emerge for facilitating worker safety duties. First, training methodologies must be adapted: Belarusian workers benefit from detailed theoretical modules with opportunities for questions and discussion, while Chinese workers respond better to visual demonstrations, mentorship pairing, and repetitive practice without extensive verbal explanation. Second, feedback mechanisms require cultural calibration: anonymous reporting systems may encourage Belarusian workers to fulfill reporting duties, while Chinese workers may distrust anonymity and respond better to private conversations with trusted mentors or hierarchical channels that preserve relationship dynamics. Third, motivational approaches should align with cultural values: individual recognition programs effectively drive Belarusian safety compliance, whereas Chinese workers are more motivated by collective incentives that reinforce group solidarity and shared achievement [6].

Conclusion. The fulfillment of worker duties in occupational safety in Belarus and China extends far beyond legal compliance to encompass deep-seated cultural values regarding authority, individualism versus collectivism,

communication styles, and face-saving concerns. Employers and safety managers who recognize that Belarusian workers fulfill safety obligations through informed individual agency and theoretical understanding, while Chinese workers execute duties through hierarchical respect, collective harmony, and visual learning, can design more effective safety systems. Successful cross-cultural occupational safety management requires not merely translating documents, but translating cultural expectations–creating environments where workers in both contexts can fulfill their legal and moral safety responsibilities in ways that resonate with their cultural identities. This comparative analysis underscores that sustainable occupational safety in the 21st century demands intercultural competence as a core professional competency for safety practitioners operating in globalized labor environments.

List of references

1. Trompenaars, F. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business / F. Trompenaars, C. Hampden-Turner. – 3rd ed. – New York: McGraw-Hill, 2012. – 561 p.

2. Lewis, R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures / R. D. Lewis. – 3rd ed. – Boston: Nicholas Brealey Publishing, 2006. – 600 p.

3. Fang, T. Chinese Business Negotiating Style / T. Fang. – Stockholm: Institute of International Business, 1999. – 317 p

4. Gudykunst, W. B. Bridging Differences: Effective Intergroup Communication / W. B. Gudykunst. – 4th ed. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2004. – 312 p.

5. Bond, M. H. Beyond the Chinese Face: Insights from Psychology / M. H. Bond. – Hong Kong: Oxford University Press, 1991. – 258 p.

6. Smith, P. B. The Handbook of Cross-Cultural Management Research / P. B. Smith, M. F. Peterson, D. C. Thomas. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2008. – 446 p.

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЛОГИСТИКИ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В ЛОГИСТИКЕ

Л.О. Бакевич
Научный руководитель: Н.В. Жудро
Минск, БНТУ

Современная экономика переживает активную цифровую трансформацию, важной частью которой является внедрение инновационных технологий в сферу логистики и управления цепями поставок. Традиционные методы управления не всегда справляются с возрастающими сложностью и динамизмом рынка. В этих условиях технолгии искусственного интеллекта (ИИ) и анализа больших данных становятся стратегически важными инструментами для повышения гибкости и продуктивности цепей поставок. Их применение позволяет оптимизировать прогнозирование спроса, управление запасами и логистические процессы, а также повышать прозрачность и скорость операций на всех этапах поставок.

Цель данной работы – проанализировать проблемы и перспективы развития инновационной экономики в контексте логистики на основе использования ИИ и больших данных.

Материал и методы. В ходе работы использованы открытые публикации, отражающие последние достижения в применении ИИ и больших данных в цепях поставок. В частности, проанализированы: обзор исследований по интегрции ИИ и больших данных в управление цепями поставок и маркетингом [1]; отечественное исследование возможностей применения ИИ [2]; эмпирическое исследование влияние технологий больших данных и ИИ на стратегические показатели эффективности цепей поставок [3].

Методически работа основывается на сравнительном анализе и обобщении результатов этих исследований. Во всех рассмотренных источниках особое внимание уделяется влиянию цифровых инноваций на ключевые показатели работы логистических систем, а также выявлению трудностей внедрения новых технологий в практику предприятий. Такой подход позволяет синтезировать актуальные научные данные и формировать целостное представление о проблемах и перспективах развития инновационной логистики.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что внедрение ИИ и инструментов больших данных приносит ощутимые выгоды для эффективности цепей поставок. Прогнозно-аналитические возможности этих технологий значительно улучшают управление запасами и

планирование производства. Например, использование методов машинного обучения и предиктивной аналитики повышает точность прогнозирования спроса и оптимизации запасов, снижая риск как дефицита, так и избыточных товарных остатков. Более того, интеграция сенсоров Интернета вещей с алгоритмами ИИ обеспечивает прозрачность цепей поставок в режиме реального времени от производства до доставки товаров конечному потребителю. Умные датчики и системы мониторинга позволяют отслеживать местоположение и состояние грузов онлайн, благодаря чему компании могу своевременно реагировать на изменения и оперативно перенастраивать логистические маршруты. Все это ведет к сокращению цикла поставок и повышению уровня обслуживания клиентов [4].

Применение аналитики больших данных создает предпосылки для перехода от реактивного управления к проактивному. Интеллектуальный анализ больших объемов разнородных данных по мере их накопления позволяет выявить скрытые закономерности и тренды, которые ранее были неочевидны. В результате принятое решение опирается не только на прошлый опыт, но и на прогнозные модели. Например, прогностические алгоритмы ИИ могут быть заранее сигнализировать о вероятных изменениях спроса или сбоях в поставках, давая возможность превентивно скорректировать планы производства или маршруты транспорта. Благодаря этому цепи поставок становятся более устойчивыми и гибкими, способными минимизировать издержки при внезапных колебаниях рынка или внешних кризисах. Согласно исследованиям, компании, успешно интегрировавшие ИИ в свои логистические процессы, продемонстрировали рост показателя точности и своевременности поставок, что повысило качество клиентского сервиса. Одновременно отмечено, что уменьшение операционных затрат: за счет оптимизации маршрутной логистики, планирования запасов и автоматизации складских операций – может способствовать сокращению логистических издержек на 10–15%. Применение же автономных систем планирования цепей поставок способно снизить средний уровень складских запасов на 20% и более без ущерба для обеспечения спроса. Эти результаты свидетельствуют о высоком потенциале инновационных технологий в повышении эффективности и продуктивности цепей поставок [2].

Стоит отметить, что эффект цифровых инноваций в логистике проявляется не только во внутренней оптимизации, но и во взаимодействии с другими функциями бизнеса. Объединение данных цепи поставок и данных о клиентских предпочтениях позволяет компаниям одновременно улучшать планирование снабжения и более точно нацеливать маркетинговые кампании под реальные потребности рынка. Таким образом, инновации стимулируют формирование более клиентоориентированных и «прозрачных» цепей поставок, что усиливает конкурентоспособность компаний на рынкеы[1].

Не менее важным направлением является влияние ИИ и больших данных на устойчивое развитие логистики. Применение интеллектуальных алгоритмов может способствовать оптимизации транспортных маршрутов с точки зрения экологии, более рациональному использованию ресурсов и улучшению условий труда на складах на счет автоматизации рутинных операций. Тем не менее, эмпирические оценки этого влияния пока противоречивы. Технологии ИИ потенциально могут поддерживать «зеленые» инициативы, однако количественное подтверждение их вклада в экологическую и социальную эффективность цепей поставок требует дальнейших исследований. Однако уже сейчас цифровые инструменты позволяют отслеживать соблюдение условий труда и экологических нормативов по всей цепочке, что повышает социальную ответственность и доверие потребителей к продукции [4].

Несмотря на преимущества, широкое внедрение ИИ и больших данных в логистике сталкивается с рядом серьезных проблем.

Во-первых, это высокий порог входа – необходимость значительных инвестиций в информационную инфраструктуру, программное обеспечение и обучение персонала. Алгоритмы машинного обучения требуют больших вычислительных ресурсов и качественных массивов данных, что сопряжено с существенными финансовыми затратами на оборудование, облачные сервисы и поддержку безопасности данных. Малый и средний бизнес часто не располагает достаточными ресурсами для внедрения подобных решений, что создает разрыв между крупными лидерами рынка и остальными участниками цепей поставок [2].

Во-вторых, интеграция новых технологий в существующие бизнес-процессы является сложной управленческой задачей. Необходимо обеспечивать совместимость разнородных информационных систем и корректность данных, что требует высококвалифицированного персонала. Кадровый вопрос становится критичным, так как дефицит навыков работы с ИИ и большими данными является одним из барьеров на пути цифровизации. Одновременно возрастает важность вопросов кибербезопасности и конфиденциальности: обработка больших объемов коммерчески чувствительной информации порождает риски утечки данных и требует внедрения надежных средств защиты. Более того, следует учитывать проблему качества данных, так как на практике данные, которые должны быть релевантными, могут быть фрагментированными, устаревшими или неточными, что снижает эффективность алгоритмов и требут времени на очистку и наладку информационных потоков [1].

В-третьих, результаты внедрения инноваций проявляются не многновенно. По опыту компаний, совершенствоание процессов с помощью ИИ – длительный проект: около половины подобных инициатив требует более 6 месяцев на реализацию и настройку. Это ведет к тому, что на начальных этапах проекты могут столкнуться со скептицизмом руководства, сопротивлению персонала изменениям и чувству

неопределенности из-за новизны технологий и недостаточности статистических данных об окупаемости.

Наконец, в настоящее время наблюдается разрыв ожиданий: на фоне громкого ажиотажа вокруг ИИ, его практическое применение в логистике пока ограничено. Тем не менее, эксперты прогнозируют, что уже в ближайшие годы применение ИИ в логистике резко расширится: ожидается, что к 2026 году до 75% компаний так или иначе будут использовать генеративный ИИ. К 2027 году более половины моделей ИИ, применяемых в компаниях, будут специализированы под отраслевые задачи или конкретные бизнес-функции. Эти прогнозы свидетельствуют о высоких перспективах технологии, однако важно понимать, что нынешний этап можно охарактеризовать как «пик завышенных ожиданий» [2].

Заключение. Развитие инновационной экономики в логистике открывает значительные возможности для повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий. Применение ИИ и технологий больших данных уже сейчас позволяет оптимизировать ключевые процессы цепей поставок, что выражается в повышении оперативности, точности и прозрачности логистических операций. Анализ показал, что при правильном внедрении эти технологии ведут к росту надежности поставок, сокращению издержек и запасов, улучшению качесва обслуживания клиентов, а также создают основу для более гибкого и проактивного управоения на всех уровнях цепочки. Можно заключить, что интеграция ИИ и больших данных является ключевым напрвлением развития современной логистики: преодолев существующие барьеры, она станет фундаментом эффективных, устойчивых и клиентоориентированных цепей поставок в рамках инновационной экономики.

Список использованных источников

1. Ankush? Sharma AI and Big Data in Supply Chain and Marketing: A Review of Integrated IT Application / Ankush Sharma, Minal Verma, Dr. Aarti Verma // JETIR. – 2025. – Vol.12. – №5. – P. 70 – 74.

2. Иванов, Ф. Д. Возможности использования искусственного интеллекта при управлении цепями поставок / Ф. Д. Иванов // Экономика и управление. – 2024. – №30. – С. 1121 – 1129.

3. Asmaa Es-satty The Impacts of Big Data Analytics and Artificial Intelligence on Supply Chain Strategic Performance: An Empirical Study / Asmaa Es-satty, Mohamed Naimi, Radouane Lemghari // OSCM. – Vol.18. – №2. – P. 201 – 213.

4. Старосотникова, Р. Ю. Инновации в управлении цепями поставок: влияние технологий на оптимизацию логистических процессов / Р. Ю. Старосотникова. – Минск: БНТУ, 2024. – С.728 – 730.

К ВОПРОСУ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ-УЧАСТНИКА ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК

С.В. Бочарова
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В современных условиях глобальной экономики все большее применение находит концепция управления цепочками поставок (УЦП), которая призвана обеспечить эффективность всей цепочки за счет повышения конкурентоспособности каждого предприятия-участника [1 – 5]. Однако, как показывает практика, управленцы в странах бывшего СССР недостаточно подготовлены к решению сложных задач по использованию данной концепции в современных конкурентных реалиях [6].

Процесс развития и использования концепции УЦП на предприятиях во многом сдерживается недостатками в логистическом образовании и нехваткой специализированных образовательных программ, что препятствует появлению достаточного количества квалифицированных профессионалов в этой сфере.

Указанное обусловливает необходимость обеспечения оперативного доступа к современным знаниям по теоретическим основам и практическим рекомендациям, связанным с системным подходом к обеспечению конкурентоспособности предприятий-участников цепочек поставок.

Целью данного исследования является детализация учебного элемента «Моделирование цепочек поставок» специализированного модуля «Управление цепочками поставок» применительно к рассмотрению аспектов, представляющих повышенную трудность при изучении: формирование общей модели обеспечения конкурентоспособности предприятия-участника цепочек поставок; разработка модели системы управления конкурентоспособностью; особенности организации образовательного процесса в области концепции УЦП [3 – 5].

Материал и методы. Методологической основой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области логистики, управления цепочками поставок и конкурентоспособности, среди которых следует отметить работы В.В. Дыбской, В.И. Сергеева, Н.В. Немогай, а также российских специалистов Р.А. Фатхутдинова и В.Ю. Огвоздина [1 – 8].

Основным методом исследования выбран метод графологического моделирования, который позволяет наглядно представить факторы обеспечения конкурентоспособности предприятия. В основу построения общей модели обеспечения конкурентоспособности положена методология

В.Ю. Огвоздина, предусматривающая создание обобщенной графологической модели обеспечения качества продукции [7]. Данный метод был адаптирован для решения задач исследования путем замены центрального вектора качества на вектор конкурентоспособности и соответствующей трансформации бизнес-функций управления качеством в цепочку факторов конкурентоспособности продукции.

Исследование проводилосьпо отработанной методике на базе Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», где разрабатывается единая учебно-методическая модульная программа по циклу дисциплин специальности «Маркетинг и логистика»[3,4].

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования были получены следующие основные результаты.

Первое. Разработана общая графологическая модель обеспечения конкурентоспособности предприятия-участника цепочек поставок. Алгоритм ее построения включает три последовательных шага. На первом шаге центральный вектор качества заменяется вектором конкурентоспособности, а бизнес-функции управления качеством заменяются на цепочку факторов конкурентоспособности продукции: качество продукции, ее цена, качество сервиса, затраты в сфере потребления, качество рекламы [5]. На втором шаге выделяется конкурентный потенциал, который формируют материально-техническая база и персонал. На третьем шаге осуществляется детализация конкурентного потенциала как суммы качества управления процессами и качества управления персоналом.

Полученная модель позволяет наглядно представить, что конкурентоспособность участника цепочки поставок – это его превосходство на выбранных сегментах рынка, определяемое конкурентоспособностью его товара и уровнем конкурентного потенциала.

Второе. Разработана модифицированная модель системы управления конкурентоспособностью предприятия-участника цепочек поставок. Модель включает два блока: внешнее окружение и внутреннее содержание [6].

Внешнее окружение представлено компонентами входа (ресурсы), выхода (уровень конкурентоспособности), обратной связи и внешней среды (макро-, микро- и мезосреда).

Внутреннее содержание состоит из пяти подсистем:

- научного сопровождения, учитывающего исследование проблем конкуренции, экономические законы и научные подходы;
- целевой подсистемы, включающей факторы конкурентоспособности продукции (качество, цена, качество сервиса, затраты в сфере потребления, качество рекламы с соотношением значимости 5:4:3:2:1) и факторы конкурентоспособности предприятия;
- обеспечивающей подсистемы (правовое, методическое, ресурсное, информационное, защитное обеспечение);

• управляемой подсистемы (функции маркетинга, логистики и различных видов менеджмента);

• управляющей подсистемы, включающей подготовку кадров, психологические аспекты, принятие решений, организацию труда, учет и контроль [10].

Третье. Предложен инновационный подход к организации образовательного процесса студентов различных специальностей с использованием разработанной модели в качестве комплексного исследовательского сквозного задания (КИСЗ). Данный подход предполагает выполнение студентами различных дисциплин (менеджмента, экономики, логистики, маркетинга) единого сквозного задания по моделированию системы управления конкурентоспособностью [3-5].

Преимущества такого подхода заключаются в формировании у студентов комплексного видения взаимосвязи изучаемых дисциплин, развитии навыков научно-исследовательской работы, переходе от ответов на вопросы статического характера («что?», «где?», «когда?») к вопросам инновационного, динамического характера («как?», «почему?», «что это дает?») [3-5].

Апробация данной методологии в Международном университете «МИТСО» и его филиалах показывает, что адаптация выпускников на предприятиях проходит значительно эффективнее, если они в процессе учебы были включены в выполнение КИСЗ по моделированию системы управления конкурентоспособностью.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования осуществлена детализация учебного элемента «Моделирование цепочек поставок» специализированного модуля «Управление цепочками поставок». Преимущественное внимание уделено аспектам, представляющим повышенную трудность при изучении: формированию общей модели обеспечения конкурентоспособности предприятия-участника цепочек поставок; разработке модифицированной модели системы управления конкурентоспособностью; особенностям организации образовательного процесса.

Используемые подходы позволили разработать модифицированную модель, управляющая подсистема которой предусматривает осуществление образовательного процесса с применением данной модели, которая может быть классифицирована в качестве комплексного исследовательского сквозного задания (КИСЗ).

Выполнение такого задания, сочетающего передовые подходы к науке и образованию, а также современный практический опыт, позволит будущим специалистам и руководителям разрабатывать рыночную стратегию развития предприятий в направлении повышения конкурентоспособности как предприятий-участников цепочек поставок, так и макрологистических систем в целом.

Список использованных источников

1. Дыбская, В. В. Логистика: учебник / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев [и др.]. – М.: Эксмо, 2011. – 944 с. – (Полный курс MBA).

2. Сергеев, В. И. Управление цепями поставок: учебник / В. И. Сергеев. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 479 с.

3. Немогай, Н. В. Модель системы управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, С. Д. Колесников // Стандарты и качество. – 2020. – № 6. – С. 88 – 93.

4. Немогай, Н. В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

5. Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В Бонцевич. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: РИВШ, 2023. – 524 с.

6. Немогай, Н. В. Управление качеством: учебник / Н. В. Немогай, Н. В. Бонцевич, В. В. Садовский. – Гомель: ЦИИР, 2006. – 360 с.

7. Огвоздин, В. Ю. Управление качеством. Основы теории и практики: учеб. пособие / В. Ю. Огвоздин. – М: Дело, 2009. – 237 с.

8. Фатхутдинов, Р. А. Управление конкурентоспособностью организации: учебник / Р. А. Фатхутдинов. – М.: ЭКСМО, 2005. – 544 с.

9. Ровба, Е. А. Инновационная бизнес-модель для классического университета: стратегия успеха как ответ на вызовы современности / Е. А. Ровба // Выш. школа. – №4. – 2016. – С. 29.

10. Шимов, В. Н. Перспективы развития высшей школы Беларуси: поиск ответов на новые вызовы / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков // Бел. эконом. журнал. – №3. – 2015. – С. 79 – 103.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РОБОТИЗАЦИИ

Д.П. Варакса
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В эпоху Четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) автоматизация и роботизация перестали быть атрибутами исключительно высокотехнологичных корпораций. В условиях глобализации, стремительного роста электронной коммерции (e-commerce), усложнения цепочек поставок и обостряющегося демографического кризиса, связанного со старением населения и дефицитом рабочей силы, компании по всему миру вынуждены пересматривать свои бизнес-модели. В этих условиях роботизация становится не просто инструментом повышения эффективности, а необходимым условием сохранения конкурентоспособности на рынке.

Актуальность исследования обусловлена тем, что внедрение робототехники радикально меняет структуру современных производственных и логистических процессов. Особенно заметные изменения происходят в сфере логистики и управления цепями поставок,

где автоматизация позволяет значительно повысить скорость обработки заказов, снизить издержки и решить проблему нехватки кадров.

Гипотеза исследования заключается в том, что внедрение робототехники трансформирует логистику сильнее, чем любую другую отрасль, превращая её из вспомогательной функции в ключевое технологическое ядро современного ритейла и производства.

Цель работы – проанализировать причины массового внедрения робототехники в современном бизнесе с особым акцентом на трансформацию логистики и систем управления цепями поставок.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы аналитические и сравнительные методы изучения современных технологических решений в различных отраслях экономики. Материалами исследования послужили примеры внедрения роботизированных систем в промышленности, медицине, сельском хозяйстве, розничной торговле и логистике.

Анализ показал, что роботизация активно применяется в различных сферах. Промышленность и производство. Автомобилестроение и микроэлектроника остаются крупнейшими потребителями промышленных роботов. Одним из ключевых трендов последних лет стало распространение коллаборативных роботов (коботов), которые могут безопасно работать рядом с человеком благодаря системе сенсоров. Они применяются для сборки мелких деталей, упаковки продукции и контроля качества, снижая физическую нагрузку на работников.

Медицинская робототехника. В медицинской сфере роботизированные технологии развиваются особенно быстро. Роботизированные хирургические системы позволяют проводить операции с высокой точностью через микроразрезы. Роботы-курьеры используются для транспортировки медикаментов и оборудования внутри больниц, а реабилитационные экзоскелеты помогают пациентам восстанавливать двигательную активность после травм и инсультов.

Сельское хозяйство (AgriTech). Агропромышленный сектор активно внедряет робототехнику из-за нехватки сезонных работников. Используются автономные тракторы, работающие по GPS-навигации, системы точного земледелия с компьютерным зрением для распознавания сорняков, а также роботы-сборщики фруктов, оснащенные мягкими захватами.

Ритейл и сфера услуг. В розничной торговле роботы применяются для автоматизации инвентаризации и контроля наличия товаров на полках. В сфере услуг развиваются роботизированные системы клининга, роботы-бариста, а также программные роботы (RPA), автоматизирующие документооборот и административные процессы.

Обсуждение и результаты. Несмотря на широкое распространение роботизации в различных сферах, наиболее масштабные изменения происходят в логистике и складском хозяйстве. Рост электронной

коммерции сформировал новые ожидания потребителей, связанные с максимально быстрой и дешевой доставкой товаров. Это привело к необходимости внедрения роботизированных решений.

Основные причины роботизации складов включают:

1. Сложность комплектации заказов. Ранее склады отгружали товары крупными партиями в магазины. Развитие электронной торговли привело к необходимости сборки индивидуальных заказов, состоящих из множества мелких товаров. Это значительно увеличивает время перемещения сотрудников по складу.

2. Дефицит рабочей силы. Складская работа требует значительных физических усилий, а сотрудники могут проходить до 20 километров за смену. Это приводит к высокой текучести кадров.

3. Сезонные пики нагрузки. Во время крупных распродаж и праздничных периодов пропускная способность складов должна увеличиваться в несколько раз.

4. Высокая стоимость складской недвижимости. Компании вынуждены максимально эффективно использовать доступное пространство, что стимулирует развитие автоматизированных систем хранения.

Для решения этих задач используются современные технологии роботизированной логистики.

Автономные мобильные роботы (AMR). Одной из ключевых инноваций стала модель «товар к человеку», при которой роботы доставляют стеллажи с товарами к оператору. В отличие от старых автоматизированных транспортных систем, современные роботы используют алгоритмы одновременной локализации и построения карты (SLAM), а также лидары и камеры для навигации. Это позволяет значительно повысить производительность комплектования заказов.

Системы кубического хранения. Для увеличения плотности хранения используются автоматизированные системы, в которых контейнеры с товарами располагаются в виде плотной решетчатой структуры. Роботы перемещаются по верхней части системы и извлекают необходимые контейнеры, доставляя их операторам. Такие решения позволяют увеличить плотность хранения в несколько раз.

Роботизированные манипуляторы с искусственным интеллектом. Одной из сложнейших задач складской автоматизации долгое время оставалась штучная комплектация товаров различной формы. Современные роботизированные руки, оснащенные системами компьютерного зрения, способны распознавать предметы, определять их форму и центр тяжести, а затем аккуратно перемещать их.

Автоматизация доставки последней мили. Значительная часть логистических затрат приходится на доставку товаров непосредственно клиенту. Для решения этой задачи разрабатываются наземные роботы-курьеры и беспилотные летательные аппараты, которые способны

доставлять небольшие посылки на короткие расстояния. Эти технологии позволяют снизить время доставки и уменьшить нагрузку на транспортную инфраструктуру.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что роботизация становится ключевым направлением развития современного бизнеса. Роботизированные технологии активно внедряются в промышленности, медицине, сельском хозяйстве и сфере услуг, однако наиболее масштабные изменения происходят именно в логистике.

Развитие электронной коммерции сделало традиционные методы складской обработки заказов недостаточно эффективными. Использование автономных мобильных роботов, интеллектуальных систем хранения и технологий компьютерного зрения позволяет значительно повысить скорость обработки заказов, оптимизировать использование складских площадей и сократить зависимость компаний от человеческого труда.

Кроме того, распространение модели «робототехника как услуга» (RaaS) делает роботизированные решения доступными не только для крупных корпораций, но и для компаний среднего бизнеса. В перспективе ближайших лет уровень роботизации логистических процессов станет одним из ключевых показателей эффективности и конкурентоспособности компаний на мировом рынке.

Список использованных источников

1. Басовский, Л. Е. Управление качеством: учебник / Л. Е. Басовский, В. Б. Протасьев. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 212 с.

2. Деминг, У. Э. Выход из кризиса: новая парадигма управления людьми, системами и процессами / У. Э. Деминг. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 419 с.

3. Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В. Бонцевич. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: РИВШ, 2023. – 524 с.

4. Немогай, Н. В. Модель системы управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, С. Д. Колесников // Стандарты и качество. – 2020. – № 6. – С. 88 – 93.

5. Немогай, Н. В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

6. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – 15-е изд. – СПб. : Питер, 2021. – 848 с.

7. Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление / Р. А. Фатхутдинов. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 312 с.

8. ISO 9000:2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. – Минск : БелГИСС, 2018. – 45 с.

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК ВИТЕБСКОГО ФИЛИАЛА РУП «БЕЛТАМОЖСЕРВИС»

Е.С. Ворохобко
Научный руководитель: Т.В. Касьянова,
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной трансформацией мирового логистического рынка, где цифровизация процессов становится ключевым фактором эффективности управления цепями поставок.

Внедрение автоматизированных систем управления, блокчейн-технологий и спутникового мониторинга грузопотоков, как подчеркивают многие авторы [1],[2],[5], позволяет обеспечить сквозную прозрачность логистических операций, минимизировать издержки и сократить время обработки заказов.

Особую значимость цифровая трансформация приобретает в сфере мультимодальных и контейнерных перевозок, где автоматизация взаимодействия с клиентами и поставщиками, а также комплексная цифровизация рабочих процессов способствуют повышению надежности, безопасности и конкурентоспособности всей логистической инфраструктуры [2, с. 99].

Цель исследования: оценка влияния цифровых технологий на повышение эффективности логистических процессов в управлении цепями поставок. Объектом исследования является Витебский филиал РУП «Белтаможсервис».

Материал и методы. Материалами являются открытые информационные источники, данные управленческого учета предприятия. Использовались методы сравнительного анализа, социально-экономической статистики, логистики.

Результаты и их обсуждение. Республиканское унитарное предприятие «Белтаможсервис» является крупнейшим логистическим оператором Беларуси, который оказывает широкий спектр услуг, включая перевозки грузов таможенное оформление, экспедирование и ответственное хранение грузов на собственных современных терминалах по всей стране.

Особое внимание предприятие уделяет развитию сегмента ответственного хранения: его терминалы, оснащённые складами класса «А», позволяют обрабатывать широкий спектр товаров, включая опасные грузы и скоропортящуюся продукцию.

Анализ данных, представленных на рисунке 1, показывает стабильный рост количественных показателей перевозок, выполненных Витебским филиалом ПУП «Белтаможсервис» в 2019 – 2023 годах.

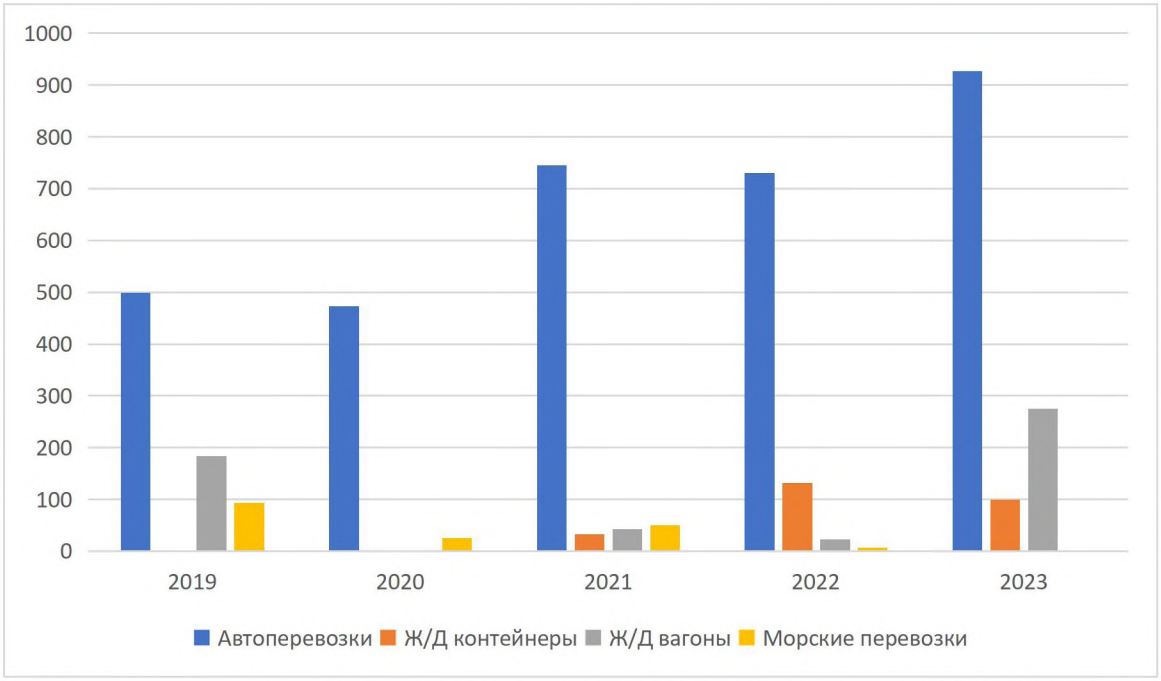


Рисунок 1 – Динамика количественных показателей перевозок 2019–2023 гг.
Источник: собственная разработка на основе данных предприятия

Анализ динамики количественных показателей перевозок за 2019 – 2023 гг. показал, что наибольший темп роста демонстрируют автоперевозки, которые к 2023 году увеличились на 85,8% по сравнению с 2019 годом. Железнодорожные контейнерные перевозки показали четырехкратный рост в 2022 году, однако в 2023 году снизились на 24%. Перевозки в железнодорожных вагонах, несмотря на полное отсутствие в 2020 году, к 2023 году выросли на 49,5% относительно уровня 2019 года. Для дальнейшего повышения эффективности и устойчивого роста всех видов логистических услуг требуется активное внедрение цифровых технологий.

Цифровизация логистических процессов позволит оптимизировать маршруты, сократить время простоев, обеспечить прозрачность грузопотоков и оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, что особенно актуально в условиях нестабильности морских перевозок и необходимости развития альтернативных направлений.

Предприятие активно развивает свою инфраструктуру и внедряет цифровые решения: с 2024 года в её структуре работает «Офис цифровизации», создающий программное обеспечение для отслеживания грузов и электронной очереди на границе. Благодаря внедрению электронной очереди и систем спутникового мониторинга

«Белтаможсервис» минимизирует время простоя транспорта на границе, что особенно важно для международных перевозчиков.

Стратегическим направлением деятельности предприятия остается наращивание компетенций в области транзита: «Белтаможсервис» первым в Беларуси начал использовать технологию электронных навигационных пломб для контроля перевозок. Выступая государственным экспедитором, «Белтаможсервис» обеспечивает доставку грузов по международным маршрутам, включая контейнерные перевозки между Беларусью и Китаем.

Высокий уровень доверия со стороны бизнеса и государственных органов подтверждается тем, что предприятие является официальным партнером Государственного таможенного комитета и оператором ряда государственных логистических систем.

В таблице 1 приведены результаты авторской оценки степени внедрения цифровых технологий в управлении цепями поставок исследуемого предприятия.

Таблица 1 – Оценка степени внедрения цифровых технологий в управлении логистическими процессами в цепях поставок Витебского филиала РУП «Белтаможсервис»

Цифровые технологии	Логистические процессы				
	Транспортные услуги	Склад. услуги	Тамож. оформление	Страховые услуги	Инф. услуги
Интернет вещей (IoT)..- Навигационные пломбы	используется	не исполь-зуется	используется	не исполь-зуется	планируется
CRM-системы..- Битрикс24	используется	не исполь-зуется	используется	исполь-зуется	используется
Электронный документооборот: WEB-декларант	используется	не исполь-зуется	используется	не исполь-зуется	используется
Центр обработки данных	используется	исполь-зуется	используется	используется	используется
Искусственный интеллект (ИИ)	перспективно	не исполь-зуется	перспективно	не исполь-зуется	перспективно
Блокчейн	перспективно	не исполь-зуется	перспективно	не исполь-зуется	перспективно
Big Data	перспективно				

Источник: собственная разработка на основе источников [2],[3]

Предприятие «Белтаможсервис» активно использует цифровые технологии в своей работе. Лучше всего автоматизированы транспортные

услуги, таможенное оформление и информационные сервисы – здесь применяются навигационные пломбы, CRM-системы и электронный документооборот. Это связано с тем, что данные направления являются основными в деятельности компании и требуют оперативности и точности. Складские и страховые услуги пока отстают в цифровизации: на складах не используется большинство современных технологий, что объясняется более сложным и затратным характером их внедрения.

В ближайших планах предприятия – запуск пилотного проекта по внедрению WMS (системы управления складом) на одном из ключевых терминалов, что позволит сократить издержки и повысить скорость обработки грузов.

Заключение. Проведенное исследование показало, что Витебский филиал РУП «Белтаможсервис» активно развивает цифровизацию логистических процессов. Предприятие успешно внедряет современные технологии: электронную очередь, спутниковый мониторинг, навигационные пломбы и электронный документооборот. Создание в 2024 году «Офиса цифровизации» подтверждает стратегический курс на автоматизацию.

Благодаря цифровым решениям филиал обеспечивает прозрачность грузопотоков, сокращает время простоев на границе и повышает качество обслуживания клиентов. Наибольших успехов удалось достичь в автоматизации транспортных услуг и таможенного оформления.

Для дальнейшего повышения эффективности предприятию необходимо продолжить цифровизацию складского хозяйства, внедряя WMS-системы, и развивать перспективные технологии (искусственный интеллект, блокчейн, Big Data). Это позволит укрепить конкурентоспособность и обеспечить устойчивый рост всех видов перевозок.

Список использованных источников

1. Афанасенко, И. Д. Цифровая логистика: учебник для вузов / И. Д. Афанасенко, В. В. Борисова. – СПб: Питер, 2019. – 272 с.

2. Дыбская, В. В. Цифровая логистика и управление цепями поставок: перспективы развития / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев // Логистика: современные тенденции развития. – 2018. – С. 5 – 11.

3. Ларин, О. Н. Вопросы трансформации рынка транспортно-логистических услуг в условиях цифровизации экономики / О. Н. Ларин, В. П. Куприяновский // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – Т. 6. – №. 3. – С. 99 – 109.

4. РУП «Белтаможсервис»: логистический оператор №1. – URL: https://declarant.by/ru/ (дата обращения 09.03.2026).

5. Рыбкина, М. В. Тенденции и перспективы развития логистики и управления цепями поставок / М. В. Рыбкина, В. С. Каширин // Вестник УлГТУ. – 2024. – №1.

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Е.С. Ворохобко, А.В. Брауфер
Научный руководитель: С.С. Гришанова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Сотрудничество между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республики (КНР) представляет собой пример устойчивого партнерства стран с разными экономическими моделями, но схожими стратегическими интересами. Несмотря на различия – социально ориентированная рыночная экономика Беларуси и государственно-капиталистическая модель Китая – двустороннее взаимодействие демонстрирует динамичный рост, особенно в условиях геополитической нестабильности и санкционного давления на Республику Беларусь.

Цель данного исследования заключается в выявлении ключевых направлений и факторов устойчивости белорусско-китайского экономического партнёрства, а также в оценке его потенциала в контексте трансформации евразийских транспортных и торговых связей.

Материал и методы. Основными материалами для исследования послужили официальные статистические данные Национального статистического управления КНР, Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Евразийского банка развития (ЕАБР), а также аналитические отчёты по проектам «Один пояс – один путь» и «Великий камень». Дополнительно использованы публикации China Briefing, Eurasian Development Bank и белорусских государственных информационных агентств (БЕЛТА). Основной метод исследования – сравнительно-аналитический, включающий анализ структуры экономик, динамики товарооборота, инвестиционных потоков и логистической инфраструктуры с применением элементов SWOT.

Результаты и их обсуждение. Исследование подтвердило высокую взаимодополняемость экономик Республики Беларусь и Китая: КНР выступает источником технологий, капитала и глобальных рынков сбыта, тогда как Республика Беларусь обеспечивает логистическую и промышленную платформу на стыке ЕАЭС и Европы. Несмотря на структурные различия и внешние риски (санкции, демографический спад в Китае, технологическое отставание Беларуси), партнёрство демонстрирует устойчивую динамику, особенно в сферах IT, транзитных перевозок и аграрного экспорта.

1. Экономические модели и источники роста. Китайская экономика, занимающая второе место в мире по ВВП ($18,77 трлн в 2024), опирается на стратегию «двойной циркуляции» – сочетание внутреннего потребления

и экспортно ориентированных высокотехнологичных отраслей. Ключевыми факторами роста являются восстановление потребления после пандемии, экспорт электомобилей (BYD стал мировым лидером), солнечных панелей и продвижение программы «Сделано в Китае 2025» в области полупроводников и робототехники [1].

В то же время Республика Беларусь, имея социально-ориентированную рыночную экономику, сохраняет зависимость от традиционных отраслей: машиностроения (МАЗ, БелАЗ), нефтепереработки и сельского хозяйства [2]. Однако в условиях санкционного давления в период с 2021-2025 год страна успешно переориентирует свою внешнюю торговлю, что нашло отражение в динамике товарооборота с Китаем [2].

2. Структурные различия и точки соприкосновения. Китай активно трансформирует экономику: доля услуг – 55% ВВП, промышленности – 38%, сельского хозяйства – 7%. Акцент сделан на цифровизацию, «зелёные» технологии и логистику. Республика Беларусь, несмотря на более высокую долю услуг (67% ВВП), испытывает структурные ограничения: сравнительно устаревшая промышленная база, невысокая производительность труда и отток кадров.

Тем не менее, страны взаимодополняют друг друга: Китай предоставляет технологии, инвестиции и рынки сбыта, Беларусь – логистический хаб. Между Европой и Азией, а также доступ к ЕАЭС. Индустриальный парк «Великий камень» стал символом этого партнёрства [3].

3. Торгово-экономическое и технологическое взаимодействие. Основные направления сотрудничества:

1. Торговля: КНР – второй по объёму партнёр Республики Беларусь после России. Стабильность торговли поддерживается долгосрочными контрактами на поставку калийных удобрений и древесины, обеспечивают предсказуемость и стабильность для белорусской экономики.

2. Логистика: новый маршрут длиной 9900 км из порта Янтянь в Шэньчжэне в Минск, запущенный в декабре 2025 года, позволил сократить срок доставки до двух недель и повысить конкурентоспособность по сравнению с другими вариантами [4].

3. Технологии: совместные проекты в микроэлектронике, электромобилях (с BYD) и в сфере IT.

Перспективные инициативы включают развитие «Цифрового Шелкового пути» и подготовку кадров через программы с Tsinghua University и Huawei ICT Academy.

4. Риски и вызовы. Сотрудничество сталкивается с рядом угроз:

- санкционное давление: данные ограничения Запада носят системный характер затрагивают различные сферы совместных проектов, тем самым подрывая основы экономического взаимодействия.

- структурные ограничения: сравнительно устаревшая промышленная

база, невысокая производительность труда, технологическое отставание и отток кадров в Беларуси представляют серьезную угрозу для долгосрочного развития, особенно в высокотехнологичных отраслях [5].

Хотя демографический спад в Китае не является прямым риском для Республики Беларусь, но может повлиять на динамику китайского спроса и инвестиционной активности в долгосрочной перспективе. Таким образом, Беларуси необходимо не только справляться с внешними угрозами, но и работать над преодолением внутренних структурных проблем, чтобы максимально получить выгоду от партнёрства с Китаем и не оказаться в ситуации крайней зависимости.

Заключение. Белорусско-китайское партнёрство является успешным примером взаимодействия стран с разными экономическими системами, основанного на взаимной выгоде и стратегической адаптации. Беларусь успешно выступает в роли транзитного моста и промышленной платформой, в то время как Китай предоставляет капитал, технологии и доступ к глобальным рынкам. Несмотря на внешние вызовы, включая санкционное давление, двусторонние связи обладают значительным потенциалом, особенно в сфере высоких технологий, цифровой трансформации и устойчивой логистики. Успешная реализация этих стратегических ориентиров позволит партнёрству не только сохранить свой динамичный рост, но и стать одним из ключевых столпов устойчивой экономической интеграции в Евразийском пространстве.

Список использованных источников

1. Чжан Вэньчуань: Пятнадцатая пятилетка Китая открывает новые горизонты развития китайско-белорусских отношений [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sb.by/en/zhang-wenchuan-china-s-fifteenth-five-year-plan-opens-up-new-horizons-fordevelopment-of-chinese-bel.html (дата обращения: 08.12.2025).

2. Belarus-China Relations: Optimism in the Shadows of Asymmetry and Caution [Электронный ресурс]. – URL: https://chinaobservers.eu/belarus-china-relations-optimism-in-the-shadows-ofasymmetry-and-caution/ (дата обращения: 09.12.2025).

3. Great Stone park: Why Belarus needs Chinese technologies [Электронный ресурс]. – URL: https://www.belarus.by/en/press-center/news/great-stone-park-why-belarus-needschinese-technologies_i_0000192463.html (дата обращения: 10.12.2025).

4. Blockbuster debut! China-Europe train from Beijing, China to Minsk, Russia. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.seetaoe.com/details/245459.html. (дата обращения: 11.12.2025).

5. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union? Why cooperation not confrontation? [Электронный ресурс]. – URL: https://www.frontiersin.org/journals/political-science/articles/10.3389/fpos.2025.1721059/full. ((дата обращения: 12.12.2025).

МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СООО «БЕЛВЕСТ»

А.В. Галецкая
Научный руководитель: П.А. Костин
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Закупочная деятельность является одним из ключевых звеньев логистической системы любого производственного предприятия. В условиях усиления санкционного давления на Республику Беларусь и трансформации глобальных цепочек поставок вопросы оптимизации системы снабжения приобретают особую актуальность. СООО «Белвест» – крупнейший белорусский производитель обуви из натуральной кожи – в 2023 году столкнулся с резким снижением финансовых показателей: чистая прибыль сократилась в шесть раз по сравнению с предшествующим периодом [3]. Одной из ключевых причин стал опережающий рост себестоимости, обусловленный удорожанием и усложнением логистики импортных материалов. Цель настоящего исследования – выявить проблемы закупочной деятельности СООО «Белвест» и разработать комплекс мероприятий по её совершенствованию.

Материал и методы. Информационную базу исследования составили данные финансовой отчётности СООО «Белвест» за 2021 – 2023 годы, материалы официального сайта предприятия, данные Единого портала финансового рынка Республики Беларусь, а также научные публикации в области логистики и управления цепями поставок. В процессе анализа применялись методы горизонтального и вертикального анализа финансовой отчётности, SWOT-анализ, PEST-анализ, методы сравнения и системного подхода. Объектом исследования является система закупочной деятельности СООО «Белвест».

Результаты и их обсуждение. СООО «Белвест», основанное в 1988 году как совместное предприятие с немецким концерном Salamander, является вертикально интегрированным холдингом полного цикла: от переработки кожевенного сырья до реализации обуви через разветвлённую фирменную торговую сеть. Производственная мощность предприятия составляет около 3 млн пар обуви в год, численность персонала – порядка 4 000 человек [1].

Управление закупочной деятельностью на предприятии осуществляется посредством корпоративной информационной системы SAP ERP, внедрённой в 2013 году. Модуль MM (Material Management) обеспечивает ведение базы поставщиков, формирование заказов на закупку (Purchase Order), контроль поступления материалов и управление складскими запасами. Система автоматически отслеживает уровень

запасов и сигнализирует о необходимости пополнения по достижении точки перезаказа [5].

Анализ закупочной деятельности СООО «Белвест» позволил выявить следующие ключевые проблемы.

Во-первых, высокая зависимость от импортных химических материалов. Значительная доля дубителей, красителей и финишных аппретур для кожевенного производства ранее импортировалась преимущественно из стран Западной Европы (Италия, Германия). В условиях санкционных ограничений, введённых после 2020 года, предприятие вынуждено переориентироваться на поставщиков из Турции, Китая и Индии, что влечёт за собой удлинение логистического плеча (Lead Time) и существенный рост транспортных расходов [2].

Во-вторых, недостаточная диверсификация базы поставщиков. По ряду критических позиций (специализированные клеи, полиуретановые компоненты, металлическая фурнитура) предприятие работает с единственным поставщиком. Это создаёт риски перебоев производства при любых форс-мажорных обстоятельствах – задержках на таможне, транспортных сбоях или финансовых трудностях контрагента.

В-третьих, валютные риски при расчётах с зарубежными контрагентами. Контракты с поставщиками из Азии и Турции, как правило, номинированы в долларах США или евро, что при волатильности белорусского рубля (3 BYN/USD в 2026 году) ведёт к непредсказуемому росту стоимости закупок в национальной валюте и негативно сказывается на плановой себестоимости продукции.

В-четвёртых, ограниченное применение конкурентных процедур при закупках вспомогательных материалов. Несмотря на наличие SAP ERP, часть закупок по-прежнему осуществляется у традиционных партнёров без проведения регулярных тендеров, что снижает конкурентное давление на поставщиков и препятствует получению оптимальной цены.

На основании выявленных проблем разработан комплекс мероприятий по совершенствованию закупочной деятельности СООО «Белвест».

Мероприятие 1. Внедрение стратегии двойного источника поставок (Dual Sourcing). Для всех позиций, классифицированных по методу ABC как категории A и B (критические и важные материалы), предлагается обязательное наличие двух квалифицированных поставщиков. Переход к данной стратегии планируется осуществить в течение 12 месяцев: в первом квартале – провести аудит текущей базы поставщиков, во втором и третьем – квалифицировать альтернативных партнёров, в четвёртом – заключить рамочные соглашения. По оценкам специалистов в области управления цепями поставок, реализация стратегии Dual Sourcing позволяет снизить риск перебоев поставок на 40 – 60% [5].

Мероприятие 2. Развитие импортозамещения через промышленную кооперацию. Предлагается разместить заказы на производство

металлической фурнитуры (пряжки, блочки, декоративные элементы) и пресс-форм для подошв на предприятиях машиностроительного кластера Республики Беларусь и Российской Федерации. СООО «Белвест» располагает собственным конструкторским бюро и 3D-системами моделирования, что позволит разработать техническую документацию для потенциальных партнёров. Реализация данного мероприятия позволит снизить валютную составляющую в себестоимости фурнитурной группы на 25 – 35% и сократить сроки поставки с 45 – 60 до 10 – 15 дней.

Мероприятие 3. Оптимизация валютной структуры расчётов. Рекомендуется поэтапный перевод расчётов с поставщиками из КНР на юани, с индийскими партнёрами – на рупии, а с белорусскими и российскими контрагентами – исключительно на национальные валюты. Это позволит снизить зависимость от курсовых колебаний пары BYN/USD, уменьшить расходы на конвертацию и хеджировать часть валютных рисков. В рамках Евразийского экономического союза данный переход поддерживается межгосударственными соглашениями и не требует дополнительного регуляторного согласования.

Мероприятие 4. Внедрение SRM-системы (Supplier Relationship Management) и электронных торговых площадок. Предлагается расширить использование тендерных процедур в SAP ERP (модуль SRM) для закупок вспомогательных и упаковочных материалов. Переход на электронные аукционы и запросы котировок обеспечит прозрачность ценообразования, сформирует конкурентную среду среди поставщиков и позволит снизить закупочные цены по вспомогательным позициям на 8 – 15%. Дополнительно рекомендуется интеграция с белорусской государственной электронной торговой площадкой (ГЭТП) для участия в государственных закупочных программах.

Мероприятие 5. Применение метода совместных закупок (консолидация) в рамках концерна «Беллегпром». Предприятие входит в структуру концерна «Беллегпром», объединяющего ряд предприятий лёгкой промышленности. Консолидация заявок на закупку однотипных химических материалов (дубители, красители) совместно с другими участниками концерна позволит достичь эффекта масштаба и снизить закупочные цены за счёт увеличения объёмов партий. По международному опыту, консолидированные закупки обеспечивают экономию 10 – 20% стоимости приобретаемых ресурсов [4].

Ожидаемый совокупный экономический эффект от реализации предложенных мероприятий оценивается в снижении затрат на закупки в размере 3 – 5% от общей суммы закупочного бюджета, что при выручке предприятия около 72 млн BYN (за первое полугодие 2023 года) составляет значимую абсолютную сумму. Кроме того, диверсификация поставщиков и переход на национальные валюты снизит операционные риски и повысит устойчивость производственного процесса.

Заключение. Проведённое исследование показало, что закупочная деятельность СООО «Белвест» испытывает серьёзное давление вследствие санкционных ограничений, роста цен на импортные материалы и недостаточной диверсификации базы поставщиков. Разработанный комплекс мероприятий, включающий внедрение стратегии Dual Sourcing, развитие импортозамещения, оптимизацию валютных расчётов, цифровизацию тендерных процедур и консолидацию закупок в рамках концерна, направлен на снижение себестоимости, минимизацию рисков поставок и повышение рентабельности производства. Реализация данных мер позволит СООО «Белвест» адаптироваться к изменившимся условиям хозяйствования и сохранить лидерские позиции на рынке ЕАЭС.

Список использованных источников

1. О компании BELWEST: История и современность // Официальный сайт СООО «Белвест». – URL: https://belwest.by/ru/about-company (дата обращения: 01.03.2026).

2. Пучкова, Е. «Белвест» планирует увеличить выпуск обуви до трёх миллионов пар в 2023 году / Е. Пучкова // Витьбичи. – URL: https://www.vitbichi.by/news/ekonomika/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Чистая прибыль «Белвеста» сократилась в шесть раз за первое полугодие 2023 года // Финансовый директор. – URL: https://findirector.by/news/chistaya-pribyl-belvesta-sokratilas-v-shest-raz-za-pervoe-polugodie (дата обращения: 01.03.2026).

4. Головачев, А. С. Экономика предприятия. В 2 ч. Ч. 1 : учеб. пособие / А. С. Головачев. – Минск : Выш. шк., 2018. – 447 с.

5. Гончаров, В. И. Логистика : учеб. пособие / В. И. Гончаров. – Минск : Современная школа, 2020. – 320 с.

ТЕОРИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А.Г. Гержа
Научный руководитель: И.А. Конончук
Пинск, ПолесГУ

Инновационная активность фирмы является основополагающим фактором конкурентоспособности компании на внутреннем и внешнем рынках. Освоение новых знаний приводит к более выгодному использованию имеющихся ресурсов, механизации и автоматизации труда, внедрению ресурсосберегающих технологий. Инновации лежат в основе научно-технического процесса. Целью проведенного исследования является изучение развития теорий инновационного развития от концепции «длинных волн» Н.Д. Кондратьева до современной теории технологических укладов.

Материал и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составляют такие методы, как: системный анализ, сравнительный анализ, метод научной абстракции и обобщения, историко-логический метод. Источниками исследования являются работы

Н.Д.Кондратьева и Й.Шумпетера, работы современных экономистов, изучающих теорию технологических укладов.

Результаты и их обсуждение. Началом исследований, лежащих в основе возникновения теорий инновации, можно считать работы Николая Дмитриевича Кондратьева (1892 – 1938), считающиеся частью фундаментальных концепций экономической науки. Хотя сам Кондратьев больше известен как автор теории «длинных волн» (циклов Кондратьева), именно идея о том, что технологические инновации являются движущей силой этих циклов, легла в основу современного понимания инновационного развития [1].

Положения теории Н.Д. Кондратьева, касающиеся форм развития научно-технического прогресса, легли в основу теории инновационного развития австрийского экономиста Йозефа Шумпетера, который считается родоначальником теории инноваций и является самым цитируемым ученым в этой области.

Большинство последующих концепций основаны на теории инноваций Й. Шумпетера, которая содержит самодостаточную теоретическую основу, где раскрывается содержание категории инноваций, основные закономерности экономического развития, роль предпринимателей и многое другое [2].

Современные ученые считают, что инновации являются основой устойчивого экономического развития страны, направлены на достижение максимально благоприятного финансового результата как на микроуровне, так и на макроуровне. При этом использование инноваций может привести не только к снижению себестоимости продукции и увеличению прибыли предприятия, но и к формированию новых потребностей [3].

Развитие инноваций – это сложный процесс, результаты которого задают направления дальнейшего развития. В условиях неблагоприятных внешних вызовов именно собственный научно-технологический и инновационный потенциал способствуют устойчивому развитию страны, снижая зависимость от зарубежных технологий [4].

В таблице 1 представлен сравнительный анализ теоретических подходов к исследованию инноваций.

Таблица 1. Теории инновационного развития, их содержание и основные исследователи

Научные теории	Ключевое содержание	Основные категории и инструментарий	Исследователи данной теории
Шумпетерианская теория	Исследование сущности инноваций как источника экономической динамики и роли субъекта-	Природа инноваций, предпринимательская функция, «созидательное разрушение», экономическое развитие.	Й. Шумпетер, Г. Менш, Р. Нельсон, С. Уинтер,

	новатора.		
Теория циклов и циклической динамики	Анализ взаимосвязи научно-технического прогресса и долгосрочных колебаний экономической конъюнктуры.	Длинные волны Кондратьева, НТП как фактор цикличности, модели эволюционной динамики, прогнозирование кризисов, эффект накопления.	Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Ю.В. Яковец
Эволюционная экономическая теория	Изучение инноваций как процесса естественного отбора в экономике, зависящего от предшествующего пути развития.	Методология эволюционизма, траектория предшествующего развития, экономическая статика и динамика, обратные связи.	Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, Р. Нельсон, С. Уинтер, Дж. Ходжсон,
Структурно-институциональный подход	Оценка влияния институциональной среды и организационных структур на генерацию и распространение новшеств.	«Проинновационные» структуры, институты и институциональная среда, диффузия инноваций (скорость, барьеры, страновые особенности).	Э. Роджерс, С. Земцов
Концепции национальных и региональных инновационных систем	Изучение инноваций на макро- и мезоуровнях через призму взаимодействия науки, бизнеса и государства.	Национальные/региональные инновационные системы, инновационные кластеры, межкомпонентные взаимосвязи, факторный и структурный анализ.	Б.О. Лундвалл, К. Фримен, Н.И. Иванова
Инновационный менеджмент	Разработка прикладных инструментов и системного видения для управления инновационной деятельностью.	Системное управление, «тотальное управление инновациями» (TIM), прикладные аспекты внедрения, управленческие парадигмы.	П. Друкер, Р. Ротуэлл
Эндогенные теории роста	Математическое моделирование экономического роста, где инновации являются внутренним фактором, а не	Модели эндогенного роста, инвестиции в НИОКР, диффузия знаний, влияние НИОКР на темпы роста, «инновации как капитал».	П. Ромер, Ф. Агийон, П. Хауитт

	внешним эффектом.		
Современный экосистемный подход	Интеграция знаний об инновациях в условиях цифровизации и глобализации.	Инновационные экосистемы, открытые инновации, междисциплинарность, цифровые платформы, социальные инновации.	М. Франсман, Дж. Мур, Н.Дж. Нерсессиан, С. Лапойнт

Примечание – Источник: составлено автором на основе [5]

Результаты и их обсуждение. Исходя из представленной информации, история теории инноваций как самостоятельного направления научной мысли насчитывает немногим более столетия. За это время сформировался обширный комплекс концепций, исследующих различные грани инновационных процессов. Фундамент для большинства современных исследований заложил Й. Шумпетер, чьи труды по праву считаются отправной точкой теории инноваций. Тем не менее, научный ландшафт не ограничивается шумпетерианским подходом: существенную роль играют интерпретации инноваций с точки зрения неоклассической экономической школы, а также управленческие теории, рассматривающие специфику нововведений на микро- и макроуровнях. Современный этап развития теории характеризуется синтезом знаний – на первый план выходят экосистемный подход и междисциплинарный анализ инноваций

Проведенное исследование теоретических подходов к инновационному развитию позволяет сформулировать следующие выводы: теория инновационного развития представляет собой динамично развивающуюся область научного знания, эволюционировавшую на протяжении более чем ста лет от первоначальных идей до современных междисциплинарных концепций. Фундамент теории был заложен в первой половине XX века, когда инновации были впервые осмыслены как ключевой фактор экономической динамики и циклического развития.

В ходе эволюции теории происходило последовательное расширение предметного поля исследований. Если на ранних этапах в центре внимания находились преимущественно технологические инновации, то впоследствии фокус сместился на социальные аспекты, институциональную среду и управленческие механизмы. Методологический аппарат теории инновационного развития демонстрирует устойчивую тенденцию к усложнению: от линейных моделей и теории длинных волн к системному подходу.

Заключение. Таким образом, теория инновационного развития прошла путь от описания роли предпринимателя-новатора до сложных многоуровневых моделей, интегрирующих технологические, социальные, институциональные и управленческие аспекты. В современном понимании инновационное развитие представляет собой не линейный процесс внедрения отдельных новшеств, а системное явление, возникающее в

результате эффективного взаимодействия всех элементов инновационной экосистемы.

Список использованных источников

1. Кондратьев, Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны / Н. Д. Кондратьев. – Вологда, 1922. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/18839-kondratiev-n-d-mirovoe-hozyaystvo-i-ego-kon-yunktury-vo-vremya-i-posle-voyny-vologda-1922 (дата обращения: 17.02.2026).

2. Экономика инноваций: учебник / под ред. Иващенко Н. П. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024. – URL: https://books.econ.msu.ru/Economics-of-innovation/sect01/chap01/1.4/1.4.2/ (дата обращения: 19.02.2026).

3. Кононова, Е. А. Этапы становления и развития теории инноваций / Е. А. Кононова // Теория и практика современной науки. – 2017. – №3. – С. 463 – 465. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapystanovleniya-i-razvitiya-teorii-innovatsiy (дата обращения: 17.02.2026).

4. Исупов, П. А. Инновационные тренды и их проявления / П. А. Исупов // Скиф. – 2018. – №7 (23). – URL: https://cyberleninka.ru/article/ n/innovatsionnye-trendy-i-ih-proyavleniya (дата обращения: 12.02.2026).

5. Сухарев, О. С. Неошумпетерианское направление в экономической науке: современные исследования / О. С. Сухарев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – №1.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СКЛАДСКИХ ОПЕРАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.И. Гилёв
Научный руководитель Н.Ю. Вислобоков
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Важным звеном многих цепей поставок сегодня являются логистические подсистемы и логистические центры, выполняющие операции по консолидации и разукрупнению объектов логистических потоков в рамках цепей поставок. Опыт управления такими центрами в разных странах мира свидетельствует, что эффективность их функционирования во многом определяется уровнем развития логистики [1, с. 15]. Современный крупный склад представляет собой сложное техническое сооружение, которое состоит из множества различных подсистем (комплекс зданий, совокупность перерабатываемых грузов, система информационного обеспечения и т.д.) и элементов, имеющих определенную структуру, объединенную для выполнения конкретных функций по преобразованию материальных потоков [2, с. 108]. При этом надо отметить, что логистический процесс на складе весьма сложен, поскольку требует полной согласованности функций снабжения запасами и физического распределения заказов [3, с. 21]. Функционирование всех

составляющих логистического процесса должно рассматриваться во взаимосвязи и взаимозависимости. Особый акцент необходимо делать на планировании повседневной работы склада: приемке, хранении, отборке, упаковке, комплектации и распределении заказов покупателей и потребителей, т.к. проблемы, связанные с функционированием складов, оказывают значительное влияние на рационализацию движения материальных потоков в логистической цепи [4, с. 58]. Одним из наиболее перспективных путей повышения эффективности складских операций современного предприятия в наши дни является внедрение и использование современных средств телематики и автоматизации типовых складских операций, например, таких как обработка (комплектация) заказов и сортировки входящего потока грузов. Для обоснования данной точки зрения в качестве примера рассмотрим открытое акционерное общество «Торгово-логистический центр «Озерцо-логистик».

Целью исследования, некоторые результаты которого отражены в данной работе, являлось определение наиболее перспективных путей повышения эффективности складских операций современного предприятия на основе логистического подхода.

Материал и методы. ОАО «Торгово-логистический центр «Озерцо-логистик» – уполномоченный экономический оператор III типа, является владельцем одного из крупнейших складов временного хранения на территории Республики Беларусь. Общая площадь складских помещений предприятия более 35 тыс. м^2, при этом среди складских помещений есть склады разных типов включая склад временного хранения, общего пользования и другие. Используемая система складирования предполагает оптимальное размещение груза в зоне хранения соответствующего склада и рациональное управление им, при этом учитываются все взаимосвязи и взаимозависимости между внешними (входящими на склад и исходящими из него) и внутренними (складскими) потоками и связанные с ними факторы (параметры склада, технические средства, особенности груза). Учет движения грузов автоматизирован. На территории складов используются современные системы контроля доступа и видеонаблюдения.

Результаты и их обсуждение. Исследование эффективности осуществления складских операций в логистическом центре показало, что при улучшении условий хранения грузов на складах, повышении общего качества организации управления складскими операциями и росте грузооборота, расчётное время на обработку (комплектацию) заказа увеличилось на 11,2%, увеличился также коэффициент ошибок при отгрузках и коэффициент дисциплины хранения (ошибок при распределении товара на хранение).

Соответственно одним из наиболее эффективных путей повышения эффективности складских операций для ОАО «Озерцо-логистик» представляется использование средств автоматизации данных операций начиная с внедрения технологий «Pick to Light» и «Put to Light» (известных

под общим названием PTL), позволяющих по данным статистики заметно ускорить складские операции и снизить количество ошибок при отгрузках. Данные технологии путем упрощения складских операций позволяют, как повысить скорость процесса сборки заказов из мест хранения грузов на стеллажах, так и ускорить процесс раскладки грузов на места хранения на складе, а также минимизировать количество ошибок соответствующего работника склада.

Для оценки экономической целесообразности предлагаемого проекта оценим экономический эффект от внедрения данной технологии. Амортизационные отчисления на комплект оборудования для технологии «Pick to Light» стоимостью 30,1 тыс. руб. при установленном сроке полезного использования 7 лет (по данным поставщика) составят 4,3 тыс. руб. в год.

При этом, по результатам анализа, ожидается что производительность труда рабочих склада после внедрения данной технологии увеличится на 7.07%, что приведёт к соответствующему росту грузопотока, а значит и снижению себестоимости реализованной продукции, работ, услуг логистического центра.

Ожидаемое снижение себестоимости за счёт увеличения годового грузопотока в данном случае составит 1,66 %.

Далее необходимо учесть также ежегодные амортизационные отчисления, соответственно изменение себестоимости (ΔC) с учетом годовой суммы амортизационных отчислений в данном случае можно определить по формуле:

$$\Delta C = C_1 - A_{год}$$

где C_1 – себестоимость реализованной продукции, товаров, работ, услуг после внедрения проекта без учёта амортизационных отчислений; $A_{год}$ – ежегодные амортизационные отчисления.

$$\Delta C = 178{,}7 - 4{,}3 = 174{,}4 \text{ тыс. руб.}$$

Далее рассчитаем срок окупаемости проекта:

$$T = 30{,}10 / 174{,}4 = 0{,}173 \text{ (года)} \approx 2 \text{ (месяца)}$$

Заключение. Таким образом, проект по внедрению технологии PTL для оптимизации складских операций путём их ускорения и снижения ошибок при отгрузках только на одном складе рассматриваемой организации позволит повысить производительность труда рабочих склада на 7.07%, что приведёт к соответствующему росту годового грузопотока и увеличению прибыли от реализации продукции, работ, услуг на 10,2%, а

также росту рентабельность организации. Согласно результатам расчётов ожидаемый срок окупаемости предлагаемого мероприятия составит около 2 месяцев. Кроме того, внедрение данного проекта будет способствовать существенному повышению эффективности функционирования всего предприятия в целом.

Список использованных источников

1. Елисеев, С. К типологии логистических центров / С. Елисеев, А. Котляренко, П. Куренков // Логистика. – 2021. – №3. – С. 15 – 19.

2. Дыбская, В. В. Логистика складирования / В. В. Дыбская. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 559 с.

3. Пузанова, И. А. Логистика складирования / И. А. Пузанова. – Москва: Инфра-Инженерия, 2024. – 224 с.

4. Афонина, О. А. Анализ информационных систем в сфере складской логистики / О. А. Афонина // Логистика и управление цепями поставок. – 2021. – № 9. – С. 55 – 62.

ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.А. Гончаренок
Научный руководитель: А.И. Богуш
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Рынок труда представляет собой фундаментальный элемент рыночной экономики, от эффективности функционирования которого напрямую зависят темпы экономического роста, уровень благосостояния населения и социальная стабильность в обществе. В условиях цифровой трансформации и демографических изменений рынок труда Республики Беларусь претерпевает значительные структурные изменения, что актуализирует необходимость комплексного анализа его современного состояния и перспектив развития.

Материал и методы. Проведённое исследование охватывает период 2019 – 2023 гг. и основано на данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, нормативно-правовых актах и результатах научных исследований. В работе использованы такие методы, как анализ научной литературы, синтез полученных данных, а также сравнительный анализ показателей рынка труда.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что рынок труда Республики Беларусь в настоящее время в целом характеризуется высокой адаптивностью к рыночным процессам и относительной макроэкономической устойчивостью. Так, уровень занятости населения в 2023 году составил 67,3 %, а уровень безработицы находился на уровне 3,5 %, что свидетельствует о способности национальной экономики

поддерживать баланс между спросом и предложением рабочей силы даже в условиях внешних экономических вызовов.

Однако следует отметить, что при относительно благоприятных макроэкономических параметрах в анализируемом периоде фиксируется наличие устойчивых структурных деформаций рынка. Анализ динамики трудовых ресурсов показал, что в 2023 году по сравнению с 2019 годом их численность сократилась на 1,7 %, средний возраст занятых составляет 42,1 года, а доля работников старших возрастных групп постоянно увеличивается. Как следствие, ограничивается мобильность рабочей силы и снижается ее способность к быстрой адаптации к изменениям технологической среды.

В результате анализа отраслевой структуры занятости выявлены устойчивые диспропорции, характеризующие неоднородность распределения трудовых ресурсов по секторам экономики. В сфере услуг сосредоточено 61,6 % всех занятых, что соответствует постиндустриальным особенностям развития экономики. Вместе с тем промышленность сохраняет значительную долю – 24,0 % [6]. Особого внимания заслуживает проблема чрезмерной территориальной концентрации качественной занятости: в г. Минске работает более 1 млн человек (1 034 564), что формирует устойчивые региональные диспропорции и усиливает миграционные потоки [8].

Региональные различия на рынке труда выражаются и в уровне безработицы. Так, разрыв между Минской областью (2,7 %) и Гомельской областью (4,8 %) составляет 2, 1 п. п. Это свидетельствует о глубокой территориальной дифференциации социально-экономического развития и необходимости разработки специальных региональных программ занятости [6, 8].

В числе приоритетных проблем, требующих безотлагательного решения, следует выделить структурную несбалансированность спроса и предложения на рынке труда. В реальном секторе экономики наблюдается острый дефицит специалистов технического профиля, особенно в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Обеспеченность вакансий инженерно-технических работников составляет менее 30 %, что сдерживает реализацию инвестиционных и технологических проектов [7, 9]. Одновременно сохраняется переизбыток специалистов гуманитарного профиля: по оценкам, лишь около 40 % выпускников экономических специальностей трудоустраиваются по полученной профессии [9].

Особенно наглядно профессиональный дисбаланс проявляется в сельской местности. В 2023 году количество вакансий ветеринарных врачей составило 180 при наличии всего 15 безработных, агрономов – 210 вакансий при 28 безработных, зоотехников – 190 при 22 безработных, операторов машинного доения – 320 при 85 безработных, трактористов-машинистов – 280 при 110 безработных. Одновременно формируется спрос на новые цифровые профессии, в частности IT-агрономов (95

вакансий при 8 безработных), что указывает на начало цифровой трансформации аграрного сектора [7].

Существенной проблемой является дифференциация оплаты труда. Разрыв в уровне заработной платы между государственным и частным секторами в анализируемом периоде достигает 40 – 50 %. В бюджетной сфере уровень оплаты труда остается заниженным, что способствует оттоку квалифицированных кадров и снижению качества социальных услуг. Региональные различия в уровне доходов превышают двукратный размер, что усиливает социально-экономическое неравенство и снижает мотивацию к трудовой активности [5].

Институциональные ограничения также сдерживают развитие рынка труда. В структуре занятости доминирует государственный сектор (38,7 % занятых), а доля неформальной занятости составляет 7,7 %. Географическая мобильность населения остается низкой, что затрудняет перераспределение трудовых ресурсов между регионами и формирует локальные очаги безработицы [6]. Ключевыми барьерами мобильности являются высокие затраты на смену места жительства, недостаточное развитие рынка арендного жилья, а также низкая эффективность программ активной политики занятости, через которые менее 30 % участников находят постоянную работу по полученной специальности [5].

Цифровая трансформация экономики формирует новые вызовы и возможности для рынка труда. Возрастает потребность в цифровых компетенциях, способности к непрерывному обучению и профессиональной мобильности. Появляются новые формы занятости, требующие адаптации нормативно-правовой базы. При этом значительная часть работников не готова к массовой переподготовке, что повышает риск структурной безработицы [3, 5].

Выявленные проблемы требуют модернизации механизмов государственного регулирования рынка труда. Современная государственная политика должна быть ориентирована на переход от реактивных мер к проактивному управлению, основанному на стратегическом прогнозировании и цифровых инструментах анализа. Важным направлением является создание единой национальной цифровой платформы рынка труда, развитие системы цифровых профилей компетенций и внедрение технологий искусственного интеллекта в профориентацию [3, 5].

Существенную роль играет модернизация системы образования и профессиональной подготовки. Развитие непрерывного образования, дуальной модели обучения и программ переподготовки кадров позволит сократить профессионально-квалификационный разрыв и повысить адаптивность рабочей силы. Особое значение приобретает формирование навыков будущего, включая цифровую грамотность, аналитическое мышление и способность к обучаемости. Для этого необходимо внедрить дуальную систему образования с участием работодателей, создать сеть

отраслевых центров компетенций и разработать гибкие образовательные траектории [2, 5].

Перспективным направлением является развитие «зеленой» и инновационной занятости, а также стимулирование территориальной мобильности рабочей силы. Для преодоления барьеров мобильности необходимо развивать систему поддержки внутренней трудовой миграции через создание центров оказания помощи в переезде, внедрять программы компенсации затрат на переезд и адаптацию, а также создавать мобильные центры занятости в депрессивных регионах [5, 10]. Стимулирование создания рабочих мест в «зеленых» отраслях через систему налоговых преференций и развитие компетенций в области экологии и устойчивого развития позволит создать новые точки роста. Создание центров содействия переезду, развитие инфраструктуры и реализация региональных программ занятости способны сократить территориальные диспропорции на рынке труда на 30 – 40 % [5, 10].

Заключение. Исходя из вышеизложенного, рынок труда Республики Беларусь характеризуется сочетанием макроэкономической стабильности и глубоких структурных дисбалансов. Демографическое старение, профессионально-квалификационный разрыв, региональная дифференциация и институциональные ограничения требуют системного подхода к государственному регулированию. Реализация предложенных мер позволит обеспечить снижение безработицы до 3,5 %, увеличение доли занятых в высокотехнологичных и «зеленых» отраслях до 25 – 30 % и формирование гибкой, адаптивной и конкурентоспособной системы занятости в долгосрочной перспективе [5, 10]. К 2030 году целью является формирование гибкого, адаптивного и инклюзивного рынка труда, способного эффективно реагировать на вызовы цифровой экономики и глобальные изменения, что позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Список использованных источников

1. Богданович, А. В. Занятость населения в Республике Беларусь: тенденции и перспективы / А. В. Богданович // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 2. – С. 45 – 58.

2. Бондарь, А. В. Макроэкономика: учебное пособие / А. В. Бондарь, С. П. Терпиловская. – Минск: БГУ, 2022. – 415 с.

3. Воронова, Т. А. Влияние цифровизации на структуру занятости населения / Т. А. Воронова // Экономический бюллетень. – 2023. – № 12. – С. 28 – 35.

4. Козлов, П. Р. Региональные аспекты занятости населения в Республике Беларусь / П. Р. Козлов // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 1. – С. 67 – 82.

5. Лебедева, С. В. Современный рынок труда: вызовы и перспективы: монография / С. В. Лебедева. – Минск: БГЭУ, 2023. – 192 с.

6. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. ком. Республики Беларусь. – Минск, 2024. – 27 с.

7. Мониторинг потребности в кадрах // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://mintrud.gov.by (дата обращения: 18.12.2025).
8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 18.12.2025).
9. Ковалев, А. А. Структурные дисбалансы на рынке труда Беларуси / А. А. Ковалев // Труд и социальные отношения. – 2022. – № 2. – С. 33 – 41.
10. Семенова, О. П. Финансирование программ занятости: эффективность и перспективы / О. П. Семенова, В. Н. Летуновский // Финансы, учет, аудит. – 2023. – № 4. – С. 34 – 40.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА В СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ БЕЛАРУСИ

П.Н. Громыко
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность исследования проблем охраны труда в Республике Беларусь обусловлено последовательным курсом государства на создание здоровых и безопасных условий труда, что является конституционным правом граждан. Современные социотехнические системы производства характеризуются высокой сложностью, и, несмотря на совершенствование технических средств защиты, человеческий фактор продолжает играть ключевую роль в обеспечении безопасности. Согласно данным различных исследований, на долю человеческого фактора приходится от 50 до 92% всех отказов и аварий в системах «человек-машина» различного назначения [1].

В белорусском законодательстве понятие «охрана труда» определяется именно как система, включающая наряду с правовыми, социально-экономическими и техническими также и психофизиологические мероприятия и средства. Это подчеркивает важность учета природы человека в общей системе управления охраной труда. Традиционные подходы к обеспечению безопасности, фокусирующиеся исключительно на технических аспектах, достигли предела своей эффективности, что обусловливает необходимость пересмотра существующих методов оценки и управления профессиональными рисками с акцентом на человеческий фактор [2].

Материал и методы. Целью данной статьи является анализ механизмов влияния человеческого фактора на уровень профессионального риска в социотехнических системах в контексте требований белорусского законодательства и современных научных подходов к управлению безопасностью труда.

Результаты и их обсуждение. В белорусском праве отсутствует легальное определение «человеческого фактора», однако его содержание раскрывается через требования к организации труда. Закон Республики Беларусь «Об охране труда» устанавливает, что система охраны труда включает психофизиологические мероприятия. Это прямо указывает на необходимость учета психологических и физиологических особенностей работника при организации трудового процесса.

Принцип системности в обеспечении безопасности технических систем является фундаментальным. Как отмечают исследователи Университета гражданской защиты МЧС Беларуси, в сфере производства не существует абсолютно безопасных объектов, поэтому требуются меры по снижению воздействия вредных факторов на работников. Соблюдение основных принципов безопасности технических систем при проектировании и эксплуатации оборудования позволяет повысить его безопасность, снизить травматизм и сохранить жизнь и здоровье работников [3].

Социотехнический подход рассматривает предприятие как сложную систему, где технические, социальные и организационные элементы неразрывно связаны. Это подтверждается требованием к работодателю разрабатывать, внедрять и поддерживать систему управления охраной труда (СУОТ), которая должна включать идентификацию опасностей, оценку профессиональных рисков и определение мер управления ими.

В белорусской практике оценка профессиональных рисков носит систематический характер. Конкретный порядок и периодичность оценки законодательство прямо не устанавливает, предоставляя работодателю право определять их самостоятельно с учетом специфики производства. Это создает предпосылки для внедрения наиболее адекватных методов, учитывающих человеческий фактор [4].

Одним из перспективных направлений является совершенствование процедур профессионального отбора персонала для работы на опасных производственных объектах. Исследователи Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой предлагают использовать методы диагностики профессионально важных качеств персонала на примере профессии оператора технологических установок. Разработана модель оценки профессиональной пригодности персонала на основе систем нечеткого вывода, а также предложена архитектура информационной системы для оценки профессиональной пригодности персонала к работе на опасных производственных объектах.

Другим важным методом является мониторинг функционального состояния операторов в процессе работы. В Объединенном институте машиностроения НАН Беларуси разработана бортовая модель экспериментальной системы для мониторинга функционального состояния операторов транспортных систем «человек-машина». Система позволяет регистрировать и сохранять 19 параметров, характеризующих

эффективность выполнения алгоритмов действий оператором, и может использоваться для эргономических исследований и исследований в области инженерной психологии.

К методам учета человеческого фактора при оценке рисков также относятся:

1) Эргономический анализ рабочих мест, позволяющий выявить несоответствия между физическими и психологическими возможностями человека и параметрами рабочего места;

2) Поведенческий аудит безопасности, направленный на наблюдение за действиями работника в процессе труда, выявление опасных действий и их коррекцию;

3) Анализ «дерева отказов» и «дерева событий», позволяющий при расследовании несчастных случаев проследить логическую цепочку событий и выявить роль человеческой ошибки.

Интеграция этих методов в единую СУОТ, функционирующую в соответствии с требованиями государственного стандарта СТБ ISO 45001-2020, позволяет перейти от реактивного управления (реагирования на уже произошедшие события) к проактивному, направленному на предотвращение реализации опасностей, источником которых является человек [5].

Заключение. Эффективное управление профессиональными рисками в современных условиях невозможно без смещения фокуса с чисто технических аспектов безопасности на углубленный анализ поведения, компетенций, мотивации и психофизиологического состояния работников. Внедрение современных методов профессионального отбора, мониторинга функционального состояния операторов и поведенческого аудита безопасности позволит существенно снизить уровень производственного травматизма и повысить надежность социотехнических систем.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку и валидацию конкретных методик количественной и качественной оценки влияния человеческого фактора на уровень профессионального риска применительно к различным отраслям экономики Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Бортовая модель экспериментальной системы для мониторинга функционального состояния операторов транспортных систем «человек-машина» / Государственное научное учреждение «Объединенный институт машиностроения Национальной академии наук Беларуси». – URL: http://ictt.basnet.by/cat-nasb/2014/data/07013e.html. – (дата обращения: 14.03.2026).

2. Закон Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда» (с изм. и доп.).

3. Булавка, Ю. А. Совершенствование процедуры профессионального отбора персонала для работы на опасных производственных объектах нефтеперерабатывающей промышленности / Ю. А. Булавка, Д. С. Адамович // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия В. Промышленность. Прикладные науки. – 2023. – № 1. – С. 108 – 112.

4. Основные принципы обеспечения безопасности технических систем / В.Н. Основина [и др.] // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. – 2018. – С. 1 – 8.

5. СТБ ISO 45001-2020 «Системы менеджмента здоровья и безопасности при профессиональной деятельности. Требования и руководство по применению». – Минск: Госстандарт, 2020.

КАДРОВЫЙ ДИСБАЛАНС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМА НЕСООТВЕТСТВИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ПОТРЕБНОСТЯМ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Н.Л. Дакука
Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Цифровая трансформация предъявляет принципиально новые требования к качеству трудовых ресурсов. Инновационное развитие невозможно без специалистов, обладающих актуальными цифровыми и гибкими навыками. Однако темпы обновления компетенций работников отстают от скорости технологических изменений, что порождает структурно-профессиональный дисбаланс [4, с. 64]. Это несоответствие становится сдерживающим фактором для экономики, снижая эффективность инвестиций в инновации.

Проблемы трансформации рынка труда активно исследуются белорусскими учеными. Е.В. Ванкевич и И.Н. Калиновская разрабатывают концепцию цифровой экосистемы рынка труда [1]. Л.Г. Тригубович исследует структурно-профессиональный дисбаланс как фактор, сдерживающий инновационное развитие [4]. И.Н. Калиновская предлагает методы анализа компетенций с использованием больших языковых моделей [2]. Л. Тригубович акцентирует внимание на разбалансированности системы формирования новых компетенций [3]. С.О. Горовой разрабатывает подходы к анализу рынка труда по данным онлайн-порталов [5]. О.В. Зайцева исследует цифровые решения для преодоления информационной асимметрии [6].

Цель исследования – выявление причин и форм проявления кадрового дисбаланса в условиях цифровой трансформации экономики Беларуси, а также определение перспективных направлений его преодоления.

Материал и методы. Информационную базу исследования составили:

- научные публикации белорусских авторов [1 – 6];
- данные онлайн-порталов вакансий (jobs.dev.by, rabota.by, praca.by) за 2023 – 2025 гг.;
- аналитические отчеты Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь;
- статистические данные Белстата.

Теоретико-методологическую основу составили концепция цифровой экосистемы рынка труда [1] и теория структурно-профессионального дисбаланса [4]. В работе применялись следующие методы: анализ и синтез, сравнительный анализ, контент-анализ вакансий [5], метод кластерного анализа компетенций [2], метод экспертных оценок, системный подход.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что кадровый дисбаланс в цифровой экономике представляет собой не столько количественное несоответствие спроса и предложения, сколько структурное несоответствие компетенций работников требованиям инновационных рабочих мест. Как отмечает Л.Г. Тригубович, «структурно-профессиональный дисбаланс становится сдерживающим фактором инновационного развития экономики» [4, с. 67].

В рамках концепции цифровой экосистемы рынка труда [1] дисбаланс проявляется в трех основных измерениях:

• Компетентностный дисбаланс – нехватка цифровых и гибридных навыков.

• Информационный дисбаланс – асимметрия информации о потребностях работодателей и возможностях соискателей [6].

• Институциональный дисбаланс – несоответствие системы подготовки кадров потребностям инновационной экономики [3].

Анализ спроса и предложения

Анализ онлайн-порталов вакансий (с адаптацией методики [5]) позволил выявить устойчивый дефицит в следующих сферах:

• IT-специалисты с компетенциями в области искусственного интеллекта и больших данных (спрос превышает предложение в 3,2 раза).

• Специалисты по интеграции цифровых технологий в промышленность.

• Digital-маркетологи.

• Специалисты по кибербезопасности.

Относительный избыток наблюдается среди традиционных бухгалтеров и экономистов без цифровых компетенций, юристов без навыков работы с правовыми базами данных, а также административно-управленческого персонала.

Применение подхода к анализу компетенций [2] выявило существенный разрыв в навыках (skills gap). Так, спрос на знание Python в вакансиях аналитиков и маркетологов вырос на 47% за 2024 – 2025 гг., однако лишь 12% соискателей указывают этот навык в своих резюме.

Барьеры преодоления дисбаланса

Систематизация выявленных проблем позволила выделить четыре основные группы барьеров, препятствующих преодолению кадрового дисбаланса:

1. **Образовательный барьер.** Л. Тригубович справедливо указывает на «разбалансированность системы формирования новых компетенций» [3, с. 42]. Существующая система образования зачастую обновляет учебные

программы с опозданием, не успевая за стремительным появлением новых технологий. Кроме того, модули по цифровой грамотности остаются факультативными для студентов гуманитарных и экономических специальностей, что усугубляет дефицит необходимых навыков.

2. **Информационный барьер.** Как отмечает О.В. Зайцева [6], существует значительная асимметрия информации между работодателями и соискателями. Работодатели не всегда четко формулируют свои потребности в компетенциях, а соискатели не всегда обладают полной информацией о востребованных навыках и возможностях карьерного роста. Это приводит к неэффективному подбору персонала и упущенным возможностям для обеих сторон.

3. **Институциональный барьер.** Несоответствие системы подготовки кадров реальным потребностям инновационной экономики [3] является серьезной проблемой. Учебные заведения не всегда оперативно реагируют на изменения рынка труда, что приводит к выпуску специалистов с устаревшими знаниями и навыками. Отсутствие тесной связи между образовательными учреждениями и бизнесом также способствует этому разрыву.

4. **Барьер адаптации и переквалификации.** Работники, обладающие традиционными компетенциями, сталкиваются с трудностями при освоении новых цифровых навыков. Недостаток доступных и эффективных программ переквалификации, а также отсутствие мотивации у некоторых сотрудников к обучению, замедляют процесс адаптации к меняющимся требованиям рынка труда.

Перспективные направления преодоления кадрового дисбаланса

Для эффективного преодоления выявленного кадрового дисбаланса в условиях цифровой трансформации экономики Беларуси предлагаются следующие перспективные направления:

5. **Модернизация образовательных программ:** Необходимо ускорить процесс обновления учебных планов в вузах и колледжах, включив в них актуальные цифровые компетенции, такие как анализ данных, машинное обучение, кибербезопасность, а также развивая гибкие навыки (soft skills). Важно сделать модули по цифровой грамотности обязательными для всех специальностей.

6. **Развитие цифровой экосистемы рынка труда:** Создание единой цифровой платформы, объединяющей образовательные учреждения, работодателей и соискателей, позволит снизить информационную асимметрию [1, 6]. Такая платформа может предоставлять актуальную информацию о востребованных компетенциях, вакансиях, образовательных программах и возможностях стажировок.

7. **Стимулирование непрерывного обучения и переквалификации:** Необходимо разработать и внедрить комплексные программы поддержки работников, направленные на освоение новых цифровых навыков. Это может включать субсидирование курсов, предоставление грантов на

обучение, а также создание корпоративных программ развития компетенций. Важно также повышать осведомленность сотрудников о важности непрерывного обучения.

8. **Укрепление партнерства между образованием и бизнесом:** Необходимо наладить более тесное взаимодействие между учебными заведениями и предприятиями. Это может быть достигнуто через совместную разработку образовательных программ, организацию стажировок и практик для студентов, а также привлечение представителей бизнеса к преподавательской деятельности.

9. **Развитие аналитических инструментов для рынка труда:** Использование больших языковых моделей [2] и анализ данных онлайн-порталов [5] должны стать неотъемлемой частью мониторинга рынка труда. Это позволит оперативно выявлять новые тренды, прогнозировать дефицит и избыток кадров, а также принимать своевременные меры для коррекции ситуации.

Заключение. Цифровая трансформация экономики Беларуси ставит перед рынком труда серьезные вызовы, связанные со структурно-профессиональным дисбалансом. Несоответствие компетенций работников требованиям инновационных рабочих мест является существенным препятствием для экономического роста. Выявленные компетентностный, информационный и институциональный дисбалансы требуют комплексного

Список использованных источников

1. Ванкевич, Е. В. Теоретико-методические аспекты формирования цифровой экосистемы рынка труда в Беларуси / Е. В. Ванкевич, И. Н. Калиновская // Белорусский экономический журнал. – 2025. – № 2. – С. 17 – 32.

2. Калиновская, И. Н. Применение больших языковых моделей для анализа профессиональных компетенций на региональном рынке труда Республики Беларусь / И. Н. Калиновская // Цифровая трансформация. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 21 – 31.

3. Тригубович, Л. Социальные аспекты трансформации трудовой деятельности в условиях цифровизации экономики / Л. Тригубович // Наука и инновации. – 2025. – № 6. – С. 40 – 43.

4. Тригубович, Л. Г. Структурно-профессиональный дисбаланс рынка труда как сдерживающий фактор инновационного развития экономики / Л. Г. Тригубович // Беларуская думка. – 2022. – № 2. – С. 63 – 73.

5. Горовой, С. О. Теоретические и методические подходы к анализу рынка труда молодежи Республики Беларусь по данным онлайн-порталов вакансий / С. О. Горовой // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 2(71). – С. 17 – 23.

6. Зайцева, О. В. Цифровые решения для преодоления информационной асимметрии на рынке труда Республики Беларусь / О. В. Зайцева // Экономика Беларуси: рост, инновации, безопасность : сборник научных статей. – Минск, 2025. – С. 181 – 187.

ВАКУУМНЫЙ И МАГНИТО-ЛЕВИТАЦИОННЫЙ ТРАНСПОРТ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В.К. Долматович
Научный руководитель: Н.В. Бонцевич
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Современная транспортная система стоит на пороге кардинальных изменений, вызванных необходимостью увеличения скоростей перемещения при одновременном снижении энергопотребления и негативного воздействия на окружающую среду. Традиционные виды транспорта (колесный железнодорожный, авиационный) практически достигли предела своих физических возможностей: сопротивление воздуха и трение являются основными барьерами для дальнейшего роста скорости. Альтернативой выступают системы, основанные на принципах магнитной левитации (маглев) и движения в вакуумной среде. Актуальность темы обусловлена появлением первых коммерческих проектов и амбициозных планов по созданию гиперзвуковых наземных магистралей.

Целью данной работы является анализ текущего состояния разработок в области вакуумного и магнито-левитационного транспорта, выявление ключевых проблем, сдерживающих их внедрение, и оценка перспектив применения таких систем в будущем. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1. Рассмотреть современное состояние разработок магнито-левитационного и вакуумного транспорта; 2. Выявить основные технологические и экономические проблемы внедрения данных систем; 3. Провести сравнительный анализ перспектив применения этих технологий в пассажирских и грузовых перевозках; 4. Сделать выводы о целесообразности развития данного направления транспорта.

Материал и методы. Исследование базируется на анализе открытых научных публикаций, технических отчетов компаний-разработчиков и патентной документации. Методологической основой послужил сравнительный анализ двух технологий: электродинамической левитации и электромагнитной подвески, а также оценка вакуумных технологий с точки зрения аэродинамики и материаловедения. Основное внимание уделено системам, находящимся на стадии прототипов или пилотной эксплуатации.

Результаты и их обсуждение.

1. Современное состояние технологий магнитной левитации.

1.1. История развития магнито-левитационного транспорта

История развития магнито-левитационного транспорта насчитывает несколько десятилетий. На сегодняшний день в коммерческой эксплуатации находится всего несколько линий, самой известной из

которых является Шанхайский маглев, соединяющий аэропорт Пудун с городом (скорость до 431 км/ч). Япония и Южная Корея активно развивают свои программы: поезд серии L0 в Японии с использованием сверхпроводящих магнитов установил рекорд скорости в 603 км/ч. Эти системы демонстрируют высокую надежность и комфорт, однако их главным недостатком является колоссальная стоимость инфраструктуры, требующей точного контроля зазора между поездом и полотном.

1.2. Развитие концепции вакуумно-левитационного транспорта

Параллельно развивается концепция вакуумно-левитационного транспорта, наиболее известным представителем которой является проект «Hyperloop». Идея заключается в движении капсулы внутри трубы с частичным вакуумом (пониженным давлением), что позволяет минимизировать сопротивление воздуха, а магнитная подушка устраняет трение. Теоретически это позволяет достигать скоростей свыше 1000–1200 км/ч. Компании «Virgin Hyperloop» и «Hardt Global Mobility» провели успешные испытания прототипов, подтвердив возможность управления левитацией и торможением в условиях вакуума.

2. Анализ проблем внедрения позволяет разделить их на три основные группы: технологические, экономические и нормативно-правовые.

2.1. Технологические вызовы и ограничения

К технологическим проблемам маглев-транспорта относится сложность создания мощной и экономичной магнитной системы. Использование обычных электромагнитов требует огромных затрат энергии на создание поля, а сверхпроводники нуждаются в дорогостоящих системах охлаждения. Для вакуумного транспорта критической проблемой является поддержание стабильного вакуума в трубах огромной протяженности. Любая утечка, вызванная сейсмической активностью или дефектом материалов, приведет к аварийной остановке. Также остро стоит проблема тепловыделения: при движении с гиперзвуковой скоростью в условиях остаточного давления корпус капсулы подвергается сильному аэродинамическому нагреву.

2.2. Экономические и инфраструктурные барьеры

Экономические проблемы являются, пожалуй, самыми серьезными. Строительство эстакад для маглева или вакуумных тоннелей требует вложений, значительно превышающих стоимость прокладки обычных железнодорожных путей или автомобильных трасс. Например, стоимость километра линии «Hyperloop» оценивается в десятки миллионов долларов, что делает проекты рентабельными только на самых загруженных направлениях. Возникает вопрос окупаемости и тарифной политики: готовы ли пассажиры платить цену, сопоставимую с авиабилетом, за поездку на наземном транспорте?

Инфраструктурные и правовые аспекты включают в себя необходимость полного физического разделения трассы (эстакады или тоннели не могут пересекаться с существующей инфраструктурой на

одном уровне), что изменяет ландшафт городов. Кроме того, отсутствует международная нормативная база для сертификации безопасности подобного рода транспорта.

2.3. Перспективы применения в транспортных системах будущего

Несмотря на перечисленные трудности, перспективы применения выглядят многообещающе. Вакуумно-левитационный транспорт может стать "золотым стандартом" для межконтинентальных перевозок, сократив время в пути между мегаполисами, расположенными на расстоянии до 1500 – 2000 км, до 30 – 40 минут. Это позволит разгрузить аэропорты и снизить углеродный след от авиации (так как система может работать на электроэнергии от возобновляемых источников). В свою очередь, классический маглев (без вакуума) найдет применение в качестве скоростного городского и пригородного транспорта там, где строительство тоннелей экономически нецелесообразно, но требуется высокая пропускная способность.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что вакуумный и магнито-левитационный транспорт представляют собой два взаимосвязанных направления пятого технологического уклада в транспортной сфере. Маглев-технологии уже достигли стадии коммерческого использования, хотя и ограниченного из-за высокой стоимости. Концепция вакуумного транспорта находится на этапе активного прототипирования и сталкивается с более сложными вызовами, прежде всего в области материаловедения и безопасности герметичных систем большой протяженности. Однако именно синтез этих двух технологий (левитация + вакуум) открывает путь к созданию транспортных систем с авиационными скоростями на наземной основе. Решение существующих проблем возможно только при объединении усилий государства и частного бизнеса для создания международных коридоров нового поколения.

Список использованных источников

1. Ким, К. К. Магнитолевитационный транспорт: научные основы и технологии / К. К. Ким. – М.: Инфра-М, 2021. – 320 с.

2. Hyperloop Alpha. Elon Musk / SpaceX. – 2013. – URL: https://www.spacex.com/sites/spacex/files/hyperloop_alpha-3.pdf. (дата обращения: 10.03.2026).

3. Оценка эффективности применения высокоскоростного наземного транспорта / В. И. Воробьев [и др.] // Вестник транспорта. – 2023. – № 5. – С. 12 – 18.

4. TransPod. The Future of Hyperloop: Feasibility Study Report. – TransPod Inc., 2022. – URL: https://transpod.com/reports. (дата обращения: 10.03.2026).

5. Системы магнитной левитации для высокоскоростного движения поездов / под ред. А. Н. Савоськина. – СПб.: ПГУПС, 2020. – 150 с.

6. Потапов, В. В. Вакуумный транспорт XXI века: от идеи к прототипу / В. В. Потапов, А. И. Соколов // Наука и техника. – 2024. – №3. – С. 45 – 52.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

К.А. Дьяченко
Научный руководитель: Н.В. Бонцевич
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Защита прав потребителей в нашей стране осуществляется ОО «БОЗП», которое в своей деятельности призвана повышать качество защиты прав потребителей в условиях меняющегося внешнего окружения. Указанное предполагает глубокий анализ эволюции используемых для этих целей подходов: в частности, от простого решения «сиюминутных проблем» к более глубокому пониманию, что современный потребитель нуждается в воспитании и просвещении. Актуальность указанного также подтверждается расширением проводимой деятельности на смежные области, такие как устойчивое потребление, экология (ЦУР 12) и взаимодействие с ответственным бизнесом в рамках Глобального Договора ООН [1 – 5]. Иными словами, приоритетной целью в создавшихся условиях становится воспитание, информирование и просвещение потребителей для формирования культуры потребления и осознанного выбора.

Материал и методы. Исследование проводилось по отработанной методике на базе Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», где разрабатывается модуль «Качество» в единой учебно-методической модульной программе по циклу дисциплин специальности «Маркетинг и логистика» [6 – 8]. В качестве «материала» выступает деятельность ОО «БОЗП». «Методы» работы, используемые при анализе, включают: Правовая защита: Претензионное, досудебное и судебное урегулирование споров (подача исков). Образовательная и просветительская деятельность: Работа общественной кафедры «Защита прав потребителей» на базе УВО. Создание диалоговых площадок (в частности, «Молодежь и экология»). Информирование через СМИ, собственный сайт и социальные сети. Проведение исследований и тестирований продуктов питания и товаров. Экспертная и консультационная помощь: Работа штатных юристов и экспертов, консультационные пункты [1]**.** Сотрудничество и партнерство: взаимодействие с государственными органами (МАРТ, Госстандарт, Министерство юстиции). Участие в международных организациях (Consumers International, структуры ЕАЭС). Партнерство с экологическими организациями и бизнесом (Глобальный Договор ООН). [2]

Результаты и их обсуждение. В результате выполненных исследований представлены следующие количественные и качественные результаты деятельности. Количественные показатели: За последнее десятилетие оказана помощь 176 000 потребителям, подано 2080 исков. В пользу потребителей взыскано более 8 млн рублей (материальный ущерб и

моральный вред). Местные бюджеты дополнительно пополнены более чем на 3,2 млн рублей (по инициативе организации).

Качественные изменения: Организация расширила сферу деятельности, перейдя от исключительно юридической защиты к формированию политики устойчивого потребления. Это признано на национальном уровне (участие в Национальном плане по развитию «зеленой» экономики, в мероприятиях Года качества) и на международном (членство в Глобальном Договоре ООН, статус единственной республиканской общественной организации в своей сфере) [3].

Обсуждение: Достижение таких результатов стало возможным благодаря смене парадигмы в 2006 году. Организация сделала ставку на сотрудничество (особенно с экологами) и просвещение, что позволило ей не только решать проблемы «здесь и сейчас», но и работать на перспективу, воспитывая грамотного потребителя [5].

Заключение. ОО «БОЗП» прошло путь от самоопределения до признанного института, эффективно сочетающего функции правовой защиты и потребительского просвещения.

Основным выводом из анализа деятельности ОО «БОЗП» является утверждение, что изолированная работа по решению только текущих потребительских споров недостаточна. Ключ к долгосрочной эффективности – в воспитании потребителя и формировании у него культуры ответственного потребления.

Организация подтверждает свою жизнеспособность и значимость, доказав это многолетней работой без государственной финансовой поддержки, весомыми результатами в защите прав граждан в непростых условиях внешних санкций и ограничений, а также активным участием в формировании повестки устойчивого развития как в Беларуси, так и на международной арене.

Список использованных источников

1. Белорусское общество защиты потребителей (БОЗП). 35 лет на защите прав и интересов потребителей : пресс-релиз // Материалы : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://bozp.by/materials/?PageIndex=3 (дата обращения: 13.03.2026).

2. Белорусское общество защиты потребителей (БОЗП). Белорусское общество защиты потребителей стало новым участником Глобального Договора ООН // Материалы : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://bozp.by/materials/?PageIndex=3 (дата обращения: 13.03.2026).

3. Белорусское общество защиты потребителей (БОЗП). О повышении качества и эффективности защиты прав потребителей // Материалы : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://bozp.by/materials/?PageIndex=3 (дата обращения: 13.03.2026).

4. Белорусское общество защиты потребителей (БОЗП). Устойчивые практики ответственного белорусского бизнеса // Материалы : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://bozp.by/materials/?PageIndex=3 (дата обращения: 13.03.2026).

5. Белорусское общество защиты потребителей (БОЗП). В Минске прошла пресс-конференция на тему: «Потребитель и предприниматель: доверие для развития» //

Материалы : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://bozp.by/materials/?PageIndex=3 (дата обращения: 13.03.2026).

6. Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В. Бонцевич. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: РИВШ, 2023. – 524 с.

7. Немогай, Н. В. Модель системы управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, С. Д. Колесников // Стандарты и качество. – 2020. – № 6. – С. 88 – 93.

8. Немогай, Н. В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

ПРИМЕР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГРУЗОПОТОКАМИ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Д.С. Евдокимов
Научный руководитель: Я.В. Емельянченко
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Эффективность логистической деятельности предприятия напрямую зависит от того, насколько четко выстроено взаимодействие между подразделениями, участвующими в управлении материальными и информационными потоками. В идеальной модели логистика пронизывает все стадии движения товара – от закупки сырья до сбыта готовой продукции, обеспечивая их бесперебойность и прозрачность. Однако на практике во многих производственных организациях функция логистики рассредоточена между классическими отделами, что приводит к разрывам в управлении единым грузопотоком.

Материал и методы. В данном докладе рассмотрим пример повышения эффективности управления грузопотоками на примере достаточно крупного предприятия Гомельской области – ПУП «Алкопак».

В структуре ПУП «Алкопак» отсутствует отдел логистики как таковой [1]. Функции управления материальными потоками рассредоточены между разными отделами и специалистами. За закупки и снабжение отвечает специалист по материально-техническому снабжению и менеджер по перевозкам продукции, в то время как подготовку договоров на поставку продукции, согласование условий и ведение сопутствующей документации осуществляет бухгалтер-экономист. Управление закупками ведется отделом закупок, а стратегические решения принимаются директором и его заместителями. Такое распределение обязанностей приводит к размыванию ответственности и снижает оперативность управления перевозками, особенно в условиях работы с международными рейсами.

Результаты и их обсуждение. В ходе работы был проведен анализ функциональных обязанностей сотрудников, задействованных в логистических процессах, а также исследование фактических затрат

рабочего времени бухгалтера-экономиста, специалиста по материально-техническому снабжению и менеджера по перевозкам готовой продукции за 2025 год. Основой для анализа послужили данные первичного учета и хронометраж операций, выполняемых специалистами. Исследование проводилось с целью выявления непрофильной нагрузки и обоснования необходимости введения новой штатной единицы – таможенного экспедитора.

Для наглядности представим в таблице 1 данные о рабочем времени менеджера по перевозкам.

Таблица 1 – Показатели фонда рабочего времени менеджера по перевозкам

Наименование операции	Время		
	Норматив	Фактически	Изменение
Прием и обработка звонков	650	370	-280
Формирование заказов, разработка графика поездок	786	350	-436
Согласование работы водителей и маршрутов	580	270	-310
Выписка, оформление и контроль за использованием международных ТН (CMR)	0	210	210
Выписка, оформление и контроль за использованием ТТН	0	125	125
Выписка, оформление и контроль за использованием счетов-проформ (инвойс)	0	130	130
Оформление таможенных документов (декларации, сопроводительные документы)	0	221	221
Подготовка, оформление, подача и получение разрешений на выезд	0	340	340
Итого	2016	2016	-1 026

В целом проведенный анализ показал, что значительная часть рабочего времени ключевых сотрудников тратится на операции, не соответствующие их прямым должностным обязанностям, а именно на оформление разрешительной документации и сопровождение международных перевозок:

Бухгалтер-экономист из всего фонда рабочего времени (2016 часов) затратил 745 часов (36,95 %) на оформление путевых листов, расчет себестоимости поездок и подготовку товарных накладных, что привело к неисполнению его прямых функций.

Менеджер по перевозкам затратил 1026 часов (50,89 %) своего времени на выписку международных товарно-транспортных накладных (CMR), оформление таможенных документов и получение разрешений на выезд.

В сумме непрофильная нагрузка на двух сотрудников составила 1771 час, что практически равно годовому фонду рабочего времени одного дополнительного работника. Это порождает несогласованность действий

подразделений и риски срыва сроков подачи документов, необходимых для получения разрешений.

В качестве решения предлагается пересмотреть существующие штатное расписание, выделить отдельного сотрудника, который сконцентрируется исключительно на задачах работы в условиях разрешительной системы: отслеживании изменений законодательства, оформлении и подаче документов, получении разрешений ЕКМТ, таможенном сопровождении перевозок.

Предварительный расчет экономической эффективности показал, что расходы на содержание нового специалиста (годовой фонд оплаты труда с отчислениями) составят 29,16 тыс. руб. Высвобождение времени профильных специалистов и повышение качества оформления документов позволят увеличить объемы международных перевозок. По экспертной оценке, выручка предприятия вырастет минимум на 5 %. При существующей рентабельности продаж прирост прибыли от реализации составит 33,11 тыс. руб. Таким образом, чистый экономический эффект от введения должности оценивается в 3,95 тыс. руб. в год без учета качественных улучшений бизнес-процессов.

Заключение. Таким образом, консолидация разрозненных логистических и оформительских функций в руках одного специалиста является экономически обоснованным и организационно целесообразным решением для ПУП «Алкопак». Данная мера позволяет не только снизить непрофильную нагрузку на бухгалтерию, отдел закупок и отдел перевозок, но и повысить качество и своевременность оформления документов для работы в современных условиях. Это, в свою очередь, создает предпосылки для наращивания внешнеторгового грузооборота и улучшения стратегических позиций предприятия на рынке.

Список использованных источников

1. О компании ALCOPACK // 2024 ALCOPACK – Изготовление медицинских изделий. – URL: https://pharmreliance.by/company?ysclid=mmrmaj4trc679450542 (дата обращения: 12.03.2026).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П.С. Ерёменко
Научный руководитель: Я.В. Емельянченко
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Транспортный комплекс Республики Беларусь играет важную роль в развитии национальной экономики. Он обеспечивает перевозку пассажиров и грузов, способствует развитию торговли и промышленности,

а также формирует транзитный потенциал страны. От эффективности функционирования транспортной системы во многом зависит устойчивость экономического развития, уровень мобильности населения и возможности международного сотрудничества. В современных условиях развитие транспортной отрасли связано не только с поддержанием существующей инфраструктуры, но и с её модернизацией, внедрением современных технологий и повышением эффективности перевозочного процесса.

Материал и методы. Рассмотрим перспективы развития транспортного комплекса нашей страны через реализацию долгосрочных программ развития транспорта. Одной из таких программ является государственная программа «Транспорт Беларуси» на 2026 – 2030 годы, которая направлена на повышение эффективности функционирования транспортной системы, развитие инфраструктуры и улучшение качества транспортных услуг [1]. В рамках данной программы предусматривается модернизация различных видов транспорта, внедрение цифровых технологий и совершенствование системы управления транспортными потоками.

Реализация данной программы потребует значительных финансовых ресурсов. Общий объем финансирования программы составляет 7,79 млрд руб., при этом: 4,18 млрд руб. планируется направить из средств местных бюджетов, 2,69 млрд руб. составят кредитные ресурсы, а 548,7 млн руб. – собственные средства организаций транспортной отрасли [1]. Такой масштаб финансирования свидетельствует о том, что транспортная система рассматривается как один из ключевых факторов экономического развития страны.

Результаты и их обсуждение. Одной из ключевых задач реализации программы является повышение эффективности транспортных перевозок. В частности, к 2030 г. предполагается обеспечить экономию времени пассажиров на уровне 1,23 млн человеко-часов ежегодно. Кроме того, вклад грузовых перевозок (без учета трубопроводного транспорта) в валовую добавленную стоимость экономики должен достигнуть 2 %. Эти показатели свидетельствуют о стремлении повысить производительность транспортной системы и снизить временные затраты на перевозки.

Далее в таблице 1 представим основные индикаторы развития транспортного комплекса Республики Беларусь по видам транспорта.

Таблица 1 – Ключевые задачи и целевые показатели развития транспорта в Республике Беларусь на ближайшие годы

Вид транспорта	Ключевые задачи и целевые показатели
Железнодорожный транспорт	Снижение износа подвижного состава не менее чем на 3 процентных пункта. Сокращение эксплуатационных расходов на содержание устройств технологического электроснабжения на 5 % по сравнению с уровнем 2025 г. Увеличение доли перевозочных документов, оформляемых в

	электронном виде, с 65 % до 75 % к 2030 г.
Автомобильный и городской пассажирский транспорт	Снижение износа транспортных средств, осуществляющих перевозки пассажиров, не менее чем на 4 процентных пункта. Поддержание ежегодного уровня обновления подвижного состава общественного транспорта не ниже 8 %, а в Минске в 2026–2027 годах – 8,3 %. Повышение транспортной доступности: доля сообщения между Минском и городами-спутниками с временем поездки 20–30 минут должна достигнуть 80 % к 2030 г.
Внутренний водный транспорт	Увеличение количества судов, находящихся в подведомственных организациях в технически исправном состоянии, с 206 до 230 единиц к 2030 г.
Воздушный транспорт	Рост объема обслуженных пассажиров в аэропортах до 116 % по сравнению с 2025 г. Увеличение коэффициента авиационной подвижности населения в 1,1 раза. Модернизация аэронавигационной инфраструктуры и обновление парка воздушных судов.

Примечание. Источник: составлено на основе [1], [2] и [3].

Одним из важнейших направлений развития транспортной системы является совершенствование дорожной инфраструктуры. В рамках государственной программы «Дороги Беларуси» на 2026 – 2030 годы планируется провести ремонт, реконструкцию и строительство не менее 25 тыс. км автомобильных дорог общего пользования. Данный показатель составляет 140 % по отношению к результатам предыдущей пятилетки, что свидетельствует о значительном увеличении объемов дорожных работ. На реализацию данной программы предусмотрено 18,88 млрд руб. [2].

В ближайшие годы объемы дорожных работ будут постепенно увеличиваться. Так, в 2026 г. ремонтные работы планируется выполнить более чем на 5 тыс. км автомобильных дорог, из которых около 1,8 тыс. км составят республиканские дороги, а 3,3 тыс. км – местные дороги. Для сравнения, если в 2022 г. на ремонт и реконструкцию дорог было направлено около 930 млн руб., то в 2025 г. объем финансирования превысил 2,3 млрд руб., а в 2026 году планируется около 2,5 млрд руб. [2]. Это свидетельствует о стабильном росте инвестиций в развитие дорожной инфраструктуры.

Следует отметить, что планы дальнейшего развития дорожной сети основаны на результатах предыдущих программ. В период реализации программы 2021 – 2025 годов в Республике Беларусь было отремонтировано и реконструировано около 18,5 тыс. км автомобильных дорог, а также около 500 мостов. При этом автомобильный транспорт обеспечивает более 40 % грузовых перевозок и около 60 % пассажирских перевозок, что подтверждает его ключевую роль в транспортной системе страны [3], [4].

Развитие транспортного комплекса Республики Беларусь также связано с расширением международного сотрудничества в транспортной сфере. Благодаря своему географическому положению страна располагается на пересечении международных транспортных коридоров, соединяющих государства Европы и Азии. Это создает благоприятные условия для развития транзитных перевозок и укрепления роли Беларуси как важного транспортно-логистического центра региона.

Заключение. Таким образом, перспективы развития транспортного комплекса Республики Беларусь связаны с модернизацией транспортной инфраструктуры, внедрением современных технологий и развитием международного сотрудничества. К 2030 году планируется достичь целого ряда конкретных показателей, включая экономию времени пассажиров до 1,23 млн человеко-часов в год, увеличение доли электронных перевозочных документов до 75 %, ежегодное обновление общественного транспорта не менее 8 %, рост пассажиропотока в аэропортах до 116 %, а также ремонт и реконструкцию не менее 25 тыс. км автомобильных дорог. Реализация этих мероприятий позволит повысить эффективность транспортной системы и укрепить транзитный потенциал Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Государственная программа «Транспорт Беларуси» на 2026 – 2030 годы // Министерство транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. – URL: https://mintrans.gov.by/images/2025/10-11-25-9.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

2. Государственная программа развития дорожного хозяйства «Дороги Беларуси» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500776 (дата обращения: 12.03.2026).

3. Министр транспорта и коммуникаций – об итогах и перспективах развития отрасли // Новости Pravo.by. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/february/92422/ (дата обращения: 12.03.2026).

4. Международное сотрудничество в транспортной сфере // Новости Pravo.by. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/february/92282/ (дата обращения: 12.03.2026).

БИОРАЗЛАГАЕМЫЕ И КОМПОНСТИРУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ В УПАКОВКЕ: МИФЫ, РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В ЗЕЛЕНОЙ ЛОГИСТИКЕ

Я.А. Журун
Научный руководитель: Е.И. Эйсымонт
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Экологическая повестка в логистике перешла из фазы маркетинговых манифестов в плоскость конкретных технологических решений. Ежегодно в мире образуется более 300 млн тонн пластиковых отходов, значительная часть которых приходится на упаковку товаров в цепях поставок. Онлайн-

торговля лишь усугубила проблему: даже бренды с экологичным продуктом вынуждены использовать пластик для транспортировки [1]. По прогнозам, рынок только компостируемой пузырчатой пленки вырастет с $620 млн в 2026 году до $2,42 млрд к 2036 году, что обусловлено ростом электронной коммерции и ужесточением требований к утилизации транспортной упаковки [2].

На этом фоне биоразлагаемые и компостируемые материалы позиционируются как безальтернативное решение будущего. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается множество противоречий: терминологическая путаница, несовместимость с существующей инфраструктурой переработки, ограниченные эксплуатационные характеристики и неочевидный экологический эффект. Особую значимость эта проблема приобретает в контексте зеленой логистики, где требуется системный подход к снижению экологического следа на всех этапах движения материального потока.

Цель статьи состоит в систематизации сведений о биоразлагаемых упаковочных материалах, разграничении маркетинговых мифов от технологической реальности и оценке перспектив их внедрения в логистические процессы с учетом современных ограничений и возможностей.

Материал и методы. Проведенные исследования базируются на научных трудах по экологичной упаковке, стандартах (EN 13432, ASTM D6400, ПНСТ 805-2022, ISO 18602, ISO 18603), характеристики биоразлагаемых материалов, изучение опыта отечественных и зарубежных компаний по внедрению биоразлагаемой упаковки. Методы исследования: сравнительный анализ, системный подход и оценка жизненного цикла.

Результаты и их обсуждение. Термин «биоразлагаемый» создает первую значительную проблему – это слишком широкая классификация, лишенная необходимой для системного проектирования точности. В результате анализа выявлены четыре принципиально различные категории материалов, которые часто смешиваются в дискуссиях (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристики упаковочных материалов

Характеристики	Категория упаковочных материалов			
	биоразлагаемые	компостируемые	оксоразлагаемые	с инициатором биоразложения
Механизм разложения	действие микроорганизмов	биологическое разложение	фрагментация под действием O_2 и УФ	управляемый распад до воска
Условия	требуются конкретные условия (температура, влажность)	промышленный компостер (58 °С+ , 180 дней)	обычная среда	естественная среда после срока службы
Стандарты	размытые критерии	EN 13432, ASTM D6400	устаревшие	PAS 9017:2020, ПНСТ 805-2022
Экологический	зависит от среды	безопасный	микропластик	полная

итог		компост		ассимиляция

Таким образом, материалы, маркируемые как биоразлагаемые, эффективно распадаются только в условиях промышленного компостирования, но не в компостных ямах, не на свалках и тем более не в морской среде. Оксоразлагаемые технологии, напротив, создают проблему микропластика и признаны небезопасными во многих юрисдикциях.

Следует отметить, что одновременно с растущим интересом к экологичной упаковке в настоящее время существуют определенные заблуждения в данной области (рисунок 1).

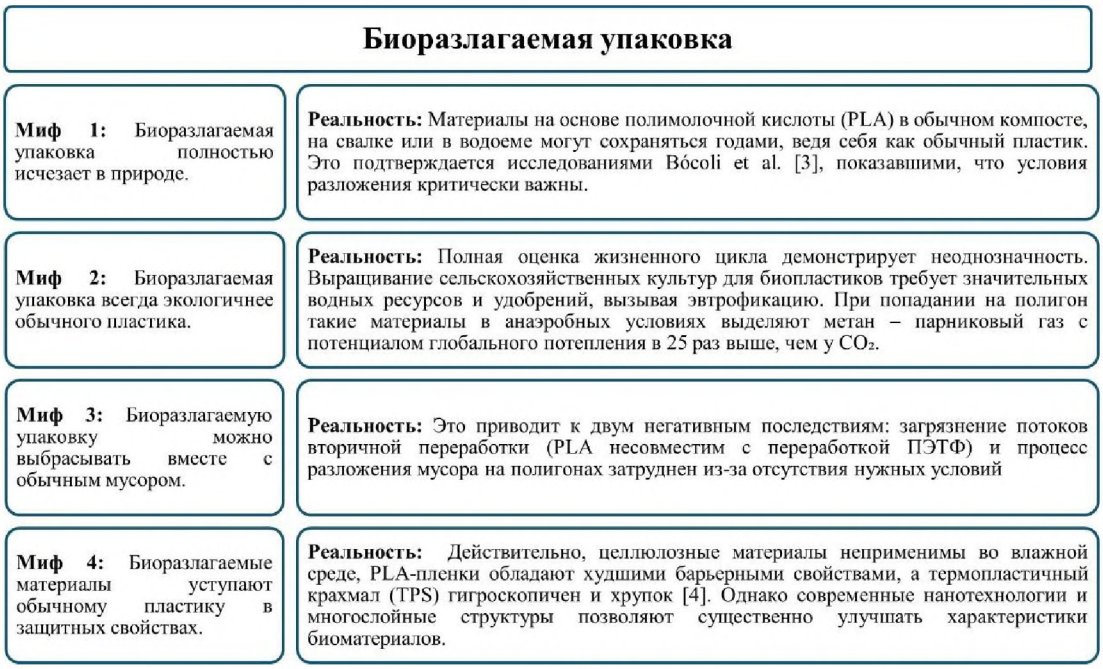


Рисунок 1. Мифы и реальность биоразлагаемой упаковки

Рассмотрим реальные вызовы внедрения биоразлагаемых упаковочных материалов в логистику.

1) Технологические ограничения. Различные типы биоразлагаемых материалов имеют специфические ограничения, критически важные для логистического применения (таблица 2).

Таблица 2. Преимущества и ограничения биоразлагаемых материалов

Материал	Преимущества	Ограничения для логистики
PLA	Прозрачность, хорошая печать	Требует промышленного компостирования, несовместим с рециклингом, хрупок при отрицательных температурах
PBAT	Гибкость, эластичность	Нестабилен к влаге и теплу, высокая стоимость
TPS	Быстрое разложение, возобновляемое сырье	Гигроскопичен, хрупок, не выдерживает механических нагрузок при транспортировке
Целлюлоза	Возобновляемость, биоразложение	Неприменима во влажной среде, не подходит для производства гибкой тары

2) Инфраструктурный разрыв. Ключевая системная проблема – отсутствие инфраструктуры, способной правильно утилизировать биоразлагаемую упаковку. Не во всех странах есть специализированные лаборатории для объективной оценки свойств таких материалов, нет утвержденных методик испытаний, а большая часть биоразлагаемой упаковки – импорт, сертифицированный за рубежом. Экологические преимущества реализуются только при попадании в промышленный компостер, но в реальности материал, вероятно, окажется на полигоне.

3) Экономические барьеры. Биоразлагаемые материалы пока значительно дороже обычных пластиков. Разница в цене упаковки может достигать 1,5 – 3 раз, что является серьезным препятствием для логистических компаний, вынужденных конкурировать по стоимости.

4) Проблемы стандартизации. Отсутствие единых стандартов для таких материалов создает неопределенность для бизнеса.

Тем не менее, рынок биоразлагаемых материалов растет: ожидается, что компостируемая пузырчатая пленка будет ежегодно увеличиваться в объеме на 14,6% благодаря ужесточению экологических требований и повышению спроса [2]. Российский бренд «КорнПак» успешно демонстрирует потенциал таких решений, предлагая наполнитель из кукурузного крахмала [5]. Этот продукт полностью разлагается за несколько месяцев, пригоден для компостирования с пищевыми отходами, растворяется в теплой воде и обеспечивает надежную защиту хрупких предметов, даже при падении с большой высоты.

Важно, что упаковка с таким наполнителем происходит в два раза быстрее, чем с пузырчатой пленкой, что дает операционную эффективность.

Особого внимания заслуживает технология управляемого биоразложения с инициатором, встраиваемым в рецептуру полиэтилена. Ее преимущества для логистики: сохранение всех эксплуатационных свойств обычного пластика в течение срока службы; возможность использования на стандартном оборудовании; отсутствие необходимости в переобучении персонала и инвестициях; совместимость с повторной переработкой внутри завода; гарантированное разложение в окружающей среде.

Оценивая перспективы внедрения биоразлагаемых и компостируемых материалов в зеленую логистику, следует отметить, что системный подход к внедрению биоразлагаемой упаковки должен включать:

1) Выбор материала – определяться не только экологическими соображениями, но и совместимостью с оборудованием, условиями транспортировки и доступными каналами утилизации.

2) Анализ инфраструктуры – картирование наличия промышленных компостирующих мощностей в регионах присутствия.

3) Коммуникацию с потребителями – четкая маркировка критически важна для предотвращения попадания материалов не в те потоки отходов.

Наиболее перспективными направлениями для внедрения являются: наполнители и амортизационные материалы из кукурузного крахмала; упаковка для e-commerce с контролируемым возвратным потоком; транспортная упаковка в замкнутых циклах (доставка продуктов питания).

Заключение. Необходимо четко различать биоразлагаемые, компостируемые, оксоразлагаемые материалы и материалы с инициатором биоразложения, так как их экологические характеристики и требования к утилизации принципиально различаются.

Главная проблема – системный разрыв между свойствами материалов и инфраструктурой утилизации, поэтому инвестиции в материалы должны сопровождаться инвестициями в системы сбора и переработки.

Логистика – особый сегмент внедрения: требования к надежности и стабильности свойств делают внедрение более сложным, но и потенциально более значимым по экологическому эффекту. Зеленая логистика требует не простой замены материалов, а системного управления жизненным циклом упаковки. Наиболее логичный выход – не избегать полимеров, а научиться управлять их судьбой до того, как они станут проблемой.

Список использованных источников

1. Солдатов, Г. Когда распад – это стратегия / Г. Солдатов // Полимерные материалы. – 2025. – № 8 (315). – С. 6 – 7.

2. Compostable Bubble Film Market Set to Nearly Quadruple as E-commerce Demands Greener Transit Protection. – URL: https://www.packnode.org/en/e-commerce/compostable-bubble-film-market-quadruple-ecommerce-transit (date of access: 13.03.2026).

3. Bócoli, P.F.J. [et al.] Perspectives on Eco-Friendly Food Packaging: Challenges, Solutions, and Trends // Foods. – 2025. – Vol. 14, № 17. – P. 3062.

4. What Are the Challenges of Shifting to Biodegradable Packaging?. – URL: https://product.sustainability-directory.com/question/what-are-the-challenges-of-shifting-to-biodegradable-packaging/. (date of access: 13.03.2026).

5. Кукуруза вместо пластика: как «КорнПак» создали экологичную упаковку товаров для маркетплейсов. – URL: https://journal.insales.ru/blogs/market/zachem-selleram-napolnitel-iz-kukuruzy (дата обращения: 13.03.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ АВТОНОМНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В КОММЕРЧЕСКУЮ ЛОГИСТИКУ

Е.А. Забовская
Научный руководитель: М.Н. Шевченко
Луганск, ЛГАУ имени К.Е. Ворошилова

Современная коммерческая логистика находится в состоянии технологической трансформации, одним из наиболее значимых направлений, которой является внедрение автономных транспортных средств. Под автономными транспортными средствами в данном контексте

понимаются грузовые автомобили, оснащенные системами технологического зрения, искусственного интеллекта и управления, позволяющими осуществлять движение без непосредственного участия водителя. Актуальность исследования экономической эффективности подобных инноваций обусловлена тем, что коммерческие предприятия сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, автономная техника обещает существенное снижение издержек в долгосрочной перспективе, с другой – требует значительных первоначальных инвестиций и изменения всей операционной модели. При этом большая часть существующих работ сосредоточена на технических аспектах автоматизации, тогда как экономическая составляющая остается недостаточно проработанной. Цель настоящей работы состоит в теоретическом анализе ключевых факторов, определяющих экономическую эффективность автономных транспортных средств в коммерческой логистике, а также в выявлении условий, при которых их внедрение становится оправданным с финансовой точки зрения.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования послужили научные труды российских авторов в области транспортной логистики, экономики инноваций и управления цепями поставок. Методологическая основа исследования включает системный подход, позволяющий рассматривать внедрение автономных транспортных средств как комплексное явление, затрагивающее все элементы логистической цепи, а также метод структурно-функционального анализа для выявления устойчивых связей между изменением технологического уровня автопарка и трансформацией операционных издержек коммерческого предприятия. Использовались также методы сравнительного анализа, позволяющие сопоставить традиционную и автономную модели грузоперевозок по основным статьям затрат, методы обобщения для систематизации разрозненных теоретических положений и синтеза для построения целостной концепции экономической эффективности логистики. Концептуальной рамкой анализа выступила теория совокупной стоимости владения, учитывающая не только первоначальные капиталовложения, но и все последующие эксплуатационные расходы, а также косвенные эффекты, связанные со страхованием, обслуживанием и адаптацией инфраструктуры.

Результаты и их обсуждение. Экономическая эффективность внедрения автономных транспортных средств в коммерческую логистику определяется взаимодействием нескольких групп факторов. К первой группе относятся факторы, связанные с сокращением переменных издержек. В традиционной модели грузоперевозок значительную долю затрат составляет оплата труда водителей с учетом отчислений в социальные фонды, а также расходы на командировки, прохождение медицинских осмотров и соблюдение режима труда и отдыха. Автономная система позволяет полностью или частично исключить эти статьи

расходов, что приводит к снижению себестоимости единицы транспортной работы [2, с. 389]. Однако данный эффект достигается лишь при условии, что система автоматизации способна работать без постоянного присутствия человека в кабине, что на текущем этапе реализовано не для всех типов дорожных условий и климатических зон. Кроме того, сокращение переменных издержек связано с оптимизацией расхода топлива или электроэнергии, поскольку алгоритмы автономного управления способны выбирать наиболее экономичные режимы движения без свойственных человеку резких ускорений и торможений.

Вторую группу образуют факторы, связанные с изменением структуры постоянных издержек. Затраты на приобретение автономного грузового автомобиля превышают стоимость традиционного аналога за счет необходимости установки дорогостоящих сенсоров, вычислительных блоков и систем резервирования. Кроме того, возрастают требования к техническому обслуживанию, поскольку сложная электронная начинка требует квалифицированных специалистов и специализированного диагностического оборудования. С другой стороны, автономные транспортные средства способны работать практически круглосуточно с перерывами только на технические операции и зарядку или заправку, что повышает коэффициент использования парка [5, с. 623]. Теоретически это означает, что один автономный грузовик может выполнять объем работы, сопоставимый с работой двух традиционных автомобилей с водителями, работающими в одну смену. Потребность в парке может быть снижена при сохранении того же объема перевозок, что приводит к экономии на приобретении техники.

Третья группа факторов касается косвенных и сопряженных экономических эффектов. Автономное управление, основанное на строгом соблюдении правил и отсутствии человеческой усталости, потенциально снижает частоту дорожно-транспортных происшествий, связанных с ошибками водителей. Это ведет к уменьшению страховых премий и сокращению расходов на ремонт и простои после аварий. Вместе с тем возникают новые виды издержек: необходимость защиты кибербезопасности, страхование ответственности разработчика автономной системы, затраты на модернизацию инфраструктуры связи и навигации [1, с. 214]. Важным выводом является, что эффект масштаба играет решающую роль: для крупных логистических операторов с протяженными маршрутами и высокой загрузкой техники внедрение автономных средств оказывается значительно более выгодным, чем для малых компаний, обслуживающих локальные направления. Это объясняется тем, что постоянные издержки, связанные с приобретением и настройкой автономных систем, распределяются на большой объем транспортной работы.

Обслуживание полученных положений позволяет выделить ключевые условий, при которых экономическая эффективность автономных

транспортных средств достигает приемлемого уровня. Во-первых, стабильность нормативно-правовой среды, так как неопределенность в вопросах допуска беспилотного транспорта на дороги общего пользования создает инвестиционные риски. Во-вторых, техническая готовность маршрутов: наиболее экономически оправданным представляется внедрение автономной логистики на магистральных направлениях с предсказуемым дорожным покрытием и развитой инфраструктурой связи. В-третьих, наличие внутри организации компетенций по управлению сложными информационными системами, поскольку диспетчеризация автономного парка требует иных навыков по сравнению с традиционным управлением [4, с. 143].

Также следует учитывать, что полный переход на автономные транспортные средства в коммерческой логистике, вероятно будет происходить поэтапно: от систем активной помощи водителю к частичной автоматизации на определенных участках маршрута и лишь затем к полностью беспилотным перевозкам [3, с. 435]. На каждом из этих этапов экономическая эффективность будет различаться, и задача управленца заключается в выборе оптимальной глубины автоматизации применительно к конкретным условиям деятельности. Кроме того, важным результатом является понимание того. Что экономическая эффективность не сводится к простой калькуляции затрат, а включает в себя стратегические аспекты, такие как повышение надежности доставки, снижение зависимости от рынка труда водителей и формирование технологического имиджа компании.

Заключение. Экономическая эффективность внедрения автономных транспортных средств в коммерческую логистику не является абсолютной величиной, а представляет собой функцию от множества переменных. Включая масштаб деятельности, структуру маршрутов, уровень технической готовности инфраструктуры и институциональные условия. С одной стороны, автономные технологии обещают значительное сокращение переменных издержек за счет исключения затрат на оплату труда водителей и повышения коэффициента использования парка. С другой стороны, они требуют увеличения постоянных издержек, связанных с приобретением и обслуживанием сложной техники. А также с адаптацией управленческих процессов. Ключевым условием положительного экономического эффекта выступает достижение достаточно высокой загрузки автономного транспорта, чтобы дополнительные капитальные вложения окупались за счет экономии на оплате труда и других переменных расходах. Кроме того, существенное значение имеют косвенные эффекты, такие как снижение аварийности и связанных с ней издержек, а также потенциальное уменьшение страховых тарифов при накоплении статистики безаварийной работы. Вместе с тем сохраняются риски, связанные с кибербезопасностью, юридической ответственностью и необходимостью переобучения персонала.

Перспективным направлением дальнейших исследований являются разработка методик оценки эффективности для различных типов логистических операторов, а также анализ институциональных барьеров и стимулов для внедрения автономных транспортных средств в современных условиях.

Список использованных источников

1. Афанасенко, И. Д. Цифровая логистика: учебник / И. Д. Афанасенко, В. В. Борисова. – Санкт-Петербург: Питер, 2018. – 272 с.

2. Венско, А. В. Цифровая трансформация логистики / А. В. Веско // Развитие логистики и управления цепями поставок: материалы II Международной научно-практической студенческой конференции, Минск, 26 ноября 2021 г. – Минск, 2022. – С. 387 – 391.

3. Коркина, В. С. Цифровизация экономики субъектов малого предпринимательства – от оценки бизнес-процессов к целеполаганию / В. С. Коркина, О. В. Змановсая. – EDN TSSXOA // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 429 – 437.

4. Пугачев, И. Н. Цифровая трансформация транспортной инфраструктуры – основа реализации ведомственного проекта «Цифровой транспорт и логистика» / И. Н. Пугачев, Ю. И. Куликов. – EDN CZFKPQ // Транспортное планирование и моделирование: сборник трудов V Международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 16-17 апреля 2020 г. – Москв, 2020. – С. 142 – 149.

5. Холмовский, С. Г. Цифровая логистика и ограничения процесса уберизации грузовых автомобильных перевозок / С. Г. Холмовский, А. В. Силантьев, М. Б. Малецкая. – EDN ENYXTP // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 615 – 625.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК В СЕТЯХ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ

Е.М. Зверкович
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Трансформация управления цепями поставок в условиях экономической интеграции и цифровизации проявляется в различных областях логистики, в том числе в сфере экспресс-доставки. Исследование этого процесса на примере крупных логистических операторов позволяет научно обосновать перспективы повышения эффективности их деятельности на основе цифровых инструментов.

Объектом исследования является международный логистический оператор «СДЭК-Глобал».и его партнерская сеть в Республике Беларусь.

Целью исследования является научное обоснование перспективных направлений трансформации управления цепями поставок в сфере экспресс доставки.

Материал и методы. Использовались материалы открытых научных публикаций, официальных сайтов объекта исследования. Применялись методы сравнительного анализа, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Как показал анализ, ООО «СДЭК-Глобал» это международный логистический оператор. Главный офис организации находится в Российской Федерации, в городе Новосибирске. Организация работает на рынке логистики с 2000 года. В настоящее время это международная сеть, представленная в 38 странах с более чем 5 тысячами пунктов выдачи заказов по всему миру. Штат организации насчитывает около 3,5 тысячи сотрудников, а с учетом партнерской сети более 20 тысяч [5].

Логистический оператор СДЭК имеет развитую сеть отделений по всей территории Республики Беларусь. Наибольшее количество пунктов выдачи заказов сосредоточено в Минске – 33 отделения. Помимо столицы, отделения открыты во всех областных и некоторых районных городах.

На территории Беларуси функционирует один собственный филиал организации ООО «СДЭК-Бел». Остальные отделения представлены партнерской сетью и работают на условиях франшизы [6].

СДЭК-Глобал является не просто логистическим оператором, а современной технологической компанией, которая развивает цифровые сервисы и IT-инфраструктуру для экспресс-доставки.

В целях исследования было проанализировать взаимосвязь реализации Государственной программы цифрового развития Беларуси и трансформации управлении цепями поставок в сети СДЭК.

Результаты анализа технологий в управлении цепями поставок в сети СДЭК приведены в таблице 1.

Таблица 1 - Анализ цифровых технологий в управлении цепями поставок в сети ООО «СДЭК-Глобал»

Технологии	Управление цепями поставок	Степень внедрения
Единое информационное пространство	Интеграция: -личных кабинетов отправителя и получателя; -мобильного приложения для курьеров; -складских WMS и транспортных систем.	Внедрено (является основой операционной деятельности)
Сквозное отслеживание (track & trace)	Обеспечение прозрачности логистического процесса для клиента путем присвоения каждому отправлению уникального трек-номера.	Внедрено (стандарт услуги для всех отправлений)
Онлайн-инструменты и API (программный интерфейс)	Автоматизация взаимодействия с клиентами и интернет-магазинами	Внедрено (активно используется в повседневной работе).

Искусственный интеллект	-оптимизация маршрутов -прогнозирование спроса	Перспективно (запущен пилотный проект)
Интернет вещей	-мониторинг состояния грузов	Перспективно (запущен пилотный проект)

Источник: разработана автором на основе [2].

Анализ показал, что используемые в организации «СДЭК-ГЛОБАЛ» технологии: единое информационное пространство, сквозное отслеживание грузов и онлайн-инструменты уже стали основой для эффективного управления цепями поставок. Они полностью внедрены и обеспечивают прозрачность, автоматизацию и интеграцию всех участников логистических процессов.

Чтобы развивать цифровизацию дальше и выходить на новый уровень эффективности, организации необходимо активно внедрять перспективные технологии, такие как искусственный интеллект для оптимизации маршрутов и прогнозирования спроса, а также элементы интернета вещей для мониторинга состояния грузов. Это позволит не только улучшить качество услуг, но и укрепить конкурентные преимущества в условиях цифровой трансформации.

Поскольку СДЭК активно развивает сотрудничество с белорусскими организациями и логистическую деятельность на белорусском рынке, проанализируем взаимосвязь реализации государственной программы цифрового развития Беларуси и трансформации управления цепями поставок в сети экспресс-доставки СДЭК (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ взаимосвязи реализации государственной программы цифрового развития и трансформации управления цепями поставок в сети экспресс-доставки СДЭК

Направление цифровизации	Трансформация управления цепями поставок	Эффект
Развитие цифровой инфраструктуры (статья 20 [1]): - сеть 5G - ЦОД	- обеспечивает техническую базу для масштабирования IoT-мониторинга грузов; - возможность использовать облачные сервисы	снижение объема капитальных затрат
Цифровая трансформация отраслей экономики (статья 33 [1]): - национальные логистические платформы	- интеграция с коммерческими сервисами (например, API СДЭК).	ускорение перевозок; упрощение документооборота
Создание условий для развития цифровой экономики (статья 38 [1]): - совершенствование законодательства в сфере электронного	- правовые основы; - правовые механизмы защиты экономических интересов сторон; - подготовка кадров	безопасность данных; квалифицированные специалисты для поддержки сложных информационных

документооборота, кибербезопасности		систем

Источник: разработана автором на основе [1].

Как видно из таблицы 2, в трансформации управления цепями поставок возникает эффект синергии в условиях реализации направлений государственной программы цифрового развития, что усиливает экономический эффект развития сети экспресс-доставки на белорусском рынке. Он возникает при реализации трех ключевых направлений цифровизации: развитие инфраструктуры (5G, ЦОДы), создание национальных логистических платформ и совершенствование нормативно-правовой среды. Их внедрение позволяет компании «СДЭК-ГЛОБАЛ» масштабировать мониторинг грузов, ускорять кросс-граничные перевозки и обеспечивать безопасность цифровых сервисов. В итоге это повышает эффективность управления цепями поставок и качество логистических услуг.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что синергия между коммерческими технологическими инновациями (на примере «СДЭК-ГЛОБАЛ») и государственными инициативами при реализации государственной программы цифрового развития открывает широкие перспективы для дальнейшего развития логистической отрасли.

Список использованных источников

1. Государственная программа цифрового развития Республики Беларусь на 2026 – 2030 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 30.12.2025 № 793.

2. Регламент возмездного оказания курьерских услуг компании 14.02.2026. – URL: https://www.cdek.ru/storage/source/Документы/Договора/4.02.26/Регламент%20оказания%20услуг_14.02.2026.pdf (дата обращения: 03.03.2026)

3. Лукинский, В. В. Логистика и управление цепями поставок: учебник / В. В Лукинский. – Издательство «Юрайт», 2017. – 359 с.

4. О компании CDEK. – URL: https://www.cdek.ru/ru/company-page/ (дата обращения: 03.03.2026)

5. СДЭК – экспресс-доставка грузов для физических и юридических лиц в Беларуси. – URL: https://cdek.by/ru/ (дата обращения: 03.03.2026)

6. Сергеев, В. И. Логистика: интеграция и оптимизация логистических бизнес-процессов в цепях поставок: учебник. / В. И. Сергеев, В. В. Дыбская. – М.: ЭКСМО, 2010. – 944 с.

АВТОМАТИЗАЦИЯ СКЛАДСКИХ ОПЕРАЦИЙ С ПОМОЩЬЮ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

К.А. Кажеко
Научный руководитель: П.А. Костин
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Современная логистика переживает технологическую революцию: автоматизация складских операций с использованием робототехники и искусственного интеллекта (ИИ) становится стратегическим приоритетом для предприятий, стремящихся повысить эффективность и снизить издержки. Актуальность данной темы обусловлена стремительным ростом электронной торговли, требованиями к ускорению обработки заказов и необходимостью минимизации человеческого фактора в операционных процессах [1]. Цель исследования – проанализировать современные технологии роботизации складов, оценить их экономический эффект и определить перспективы внедрения в условиях белорусской экономики. В условиях стремительного прогресса в области технологий важно изучить, как именно автоматизация может изменить подход к управлению складами, какие вызовы она приносит и как предприятия могут адаптироваться к новым условиям.

Материал и методы. В работе использованы методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения научной литературы, а также анализ практических кейсов ведущих логистических компаний мира. Источниковую базу составили материалы международных журналов в сфере логистики и автоматизации, отчёты McKinsey & Company, Международной федерации робототехники (IFR), а также данные белорусских операторов складской логистики за 2022 – 2025 годы [2; 3].

Применялись методы систематического обзора, что позволило структурировать информацию и выделить ключевые аспекты. Анализ конкретных примеров внедрения автоматизированных систем на складах. Для этого были выбраны несколько компаний, которые успешно интегрировали робототехнику и ИИ в свои операции. Были выбраны как крупные международные корпорации, такие как Amazon и Walmart, так и малые и средние предприятия, которые также внедрили новые технологии. Для каждого кейса были проанализированы процессы, которые были автоматизированы; используемые технологии и системы (например, системы управления складом, роботизированные комплексы); достигнутые результаты (например, сокращение времени обработки заказов, снижение затрат на операционные расходы).

Результаты и их обсуждение. Анализ мирового опыта показывает, что автоматизация складских процессов реализуется по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, автономные мобильные роботы (AMR) и автоматизированные транспортные системы (AGV) обеспечивают перемещение товаров внутри склада без участия человека. По данным IFR, к 2024 году мировой парк складских роботов превысил 700 тыс. единиц, а совокупные инвестиции в складскую робототехнику составили свыше 6 млрд долл. США [3]. Компании Amazon, Alibaba и IKEA внедрили роботизированные системы, позволившие сократить время сборки заказа на 50 – 70 %.

Во-вторых, системы на основе ИИ осуществляют интеллектуальное управление запасами, прогнозирование спроса и оптимизацию размещения товаров. Алгоритмы машинного обучения анализируют исторические данные о продажах, сезонность и рыночные тенденции, что позволяет сократить избыточные запасы на 20 – 35 % и уменьшить число случаев дефицита на 40 – 60 % [1].

В-третьих, компьютерное зрение и технологии распознавания образов применяются для автоматической идентификации, сортировки и контроля качества товаров. Системы машинного зрения на основе нейронных сетей достигают точности распознавания объектов свыше 99 % и функционируют в режиме 24/7 без снижения эффективности.

В-четвёртых, цифровые двойники склада – виртуальные модели физического пространства – позволяют моделировать операционные сценарии, оптимизировать потоки и превентивно устранять узкие места без остановки реальных процессов.

Экономический эффект от роботизации складов значителен: по оценкам McKinsey, автоматизация позволяет снизить операционные затраты на 20 – 40 %, повысить точность выполнения заказов до 99,9 % и увеличить пропускную способность склада в 2 – 3 раза [2]. Срок окупаемости инвестиций в роботизированные системы составляет, как правило, 2 – 4 года.

Применительно к белорусскому рынку следует отметить, что крупнейшие ритейлеры и логистические операторы страны – «Евроопт», «Гиппо», компании сектора 3PL-логистики – постепенно внедряют элементы автоматизации: конвейерные линии, WMS-системы, полуавтоматические стеллажные решения. Вместе с тем полноценная роботизация остаётся сдерживаемой высокой стоимостью импортного оборудования, ограниченностью отечественной технологической базы и дефицитом квалифицированных специалистов в области роботехники и ИИ [4]. Государственная программа «Цифровая экономика Республики Беларусь» создаёт регуляторные условия для преодоления данных барьеров.

Заключение. Результаты исследования показали, что внедрение робототехники и ИИ в складские операции может значительно повысить эффективность. Сокращение времени обработки заказов, снижение ошибок, оптимизация пространства и адаптивность систем являются ключевыми преимуществами. Роботы, выполняющие перемещение товаров, позволяют значительно уменьшить время, необходимое на выполнение заказов, в то время как автоматизированные системы минимизируют человеческий фактор, снижая количество ошибок в учете и обработке запасов. Кроме того, роботы могут работать в более компактных условиях, что позволяет эффективнее использовать складские площади. ИИ-системы способны адаптироваться к изменениям в спросе, что помогает быстро реагировать на рыночные изменения.

Для Республики Беларусь целесообразно разработать государственную программу субсидирования внедрения складских роботизированных систем, стимулировать создание отечественных технологических решений и подготовку кадров в области промышленной робототехники, что позволит обеспечить конкурентоспособность национального логистического рынка в долгосрочной перспективе. Однако, несмотря на эти преимущества, существуют и определенные вызовы, такие как высокие начальные инвестиции на внедрение робототехники и необходимость обучения персонала, что может занять время и ресурсы.

Список использованных источников

1. Ivanov, D. Artificial Intelligence and Machine Learning in Supply Chain Management / D. Ivanov, A. Dolgui // International Journal of Production Research. – 2023. – Vol. 61, № 3. – P. 653 – 659.

2. McKinsey & Company. Automation in logistics: Big opportunity, bigger uncertainty. – URL: https://www.mckinsey.com/industries/travel-logistics-and-infrastructure/our-insights/automation-in-logistics (дата обращения: 10.03.2026).

3. International Federation of Robotics. World Robotics 2024: Service Robots / IFR. – Frankfurt : IFR Statistical Department, 2024. – 120 p.

4. Государственная программа «Цифровая экономика Республики Беларусь» на 2021 – 2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.03.2026).

СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЛОГИСТИКИ

Д.Е. Квитка
Научный руководитель: М.Н. Шевченко
Луганск, ЛГАУ имени К.Е. Ворошилова

Актуальность темы обусловлена тем, что современная экономика Российской Федерации находится в состоянии глубокой технологической трансформации, однако логистическая сфера, выступающая ключевым связующим звеном меду производством и потреблением, демонстрирует выраженную инерционность в освоении нововведений. Переход к новому технологическому укладу требует от логистики не просто постепенных улучшений, а коренной перестройки всей системы движения товаров, информации и финансов. В России, как и во многих других странах, наблюдается разрыв между провозглашаемым курсом на инновационное развитие и реальным состоянием логистических систем. Этот разрыв приобретает особую остроту в условиях санкционного давления и необходимости переориентации экспортных и импортных потоков на восток и юг, когда эффективность логистики становится фактором экономический безопасности государства.

Целью исследования является выявление системных структурных проблем, препятствующих объединению инновационной экономики и логистики в Российской Федерации, а также определение стратегических направлений их преодоления. Гипотеза исследования состоит в том, что ключевые препятствия лежат не в плоскости технологического отстаивания, а носят институциональный, инфраструктурный, кадровый и финансовый характер, то есть относятся к глубинным свойствам сложившихся хозяйственных систем.

Материал и методы. Теоретической базой исследования послужили научные работы российских авторов в области инновационной экономики, логистического управления и институциональной теории. Методологическая основа включает системный подход, позволяющий рассматривать инновационную экономику и логистику как взаимосвязанные подсистемы, а также метод структурно-функционального анализа для выявления устойчивых связей и диспропорций. Использовались также методы сравнительного анализа, обобщения и синтеза. Эмпирическую базу составили статистические данные о развитии логистической инфраструктуры Российской Федерации, аналитические обзоры Министерства транспорта России, нормативные правовые акты, регулирующие инновационную деятельность, а также публикации в рецензируемых научных журналах.

Результаты и их обсуждение. Проведённый анализ позволяет выделить четыре группы структурных проблем, характерных для современной России. Первая группа связана с институциональной рассогласованностью. Государственная инновационная политика Российской Федерации ориентирована преимущественно на создание общих условий в виде налоговых льгот и грантов, тогда как логистический бизнес нуждается в единообразных технологических стандартах, совместимых информационных системах и предсказуемых правил перемещения товаров и данных через границы Евразийского экономического союза. Отсутствие этих условий приводит к тому, что многие инновационные разработки в области управления цепочками поставок остаются невостребованными. Стратегирование цифровой трансформации требует не только технических решений, но и изменения институциональной среды [1, с. 15]. Кроме того, действующее регулирование зачастую консервирует устаревшие схемы, поскольку внедрение новшеств требует пересмотра норм ответственности, страхования и таможенных процедур.

Вторая группа проблем носит инфраструктурный характер. Пространственная и технологическая неоднородность логистической системы России проявляется в том, что передовые узлы, оснащенные новейшими технологиями, соседствуют с участками, где сохраняется бумажный документооборот и ручное управление. По данным официальной статистики, степень износа подвижного состава

автомобильного и железнодорожного транспорта в России достигает значительных величин, а темпы обновления парка остаются недостаточными. Особенно остро эта проблема стоит в восточных регионах, куда в последние годы переориентируются основные грузовые потоки. Эта разорванность сводит на нет эффект от локальных нововведений.

Третья проблема касается кадрового обеспечения. Традиционная система российского логистического образования готовит специалистов к операционной, а не к инновационной деятельности. Цифровое преобразование требует от работников умений в области анализа больших объемов данных, построения логистических алгоритмов и управления сложными автоматизированными системами. Проблема кадрового дефицита в сфере цифровой трансформации является одной из наиболее острых для российской экономики [4, с. 270]. Дефицит таких кадров приводит к тому, что даже при наличии передовых технологий компании не могут их эффективно использовать. Ситуация усугубляется оттоком наиболее квалифицированных специалистов в другие секторы экономики.

Четвертая проблема связана с финансированием инновационных проектов в логистике. Логистика исторически воспринимается как затратная сфера, где каждый вложенный рубль должен приносить немедленный измеримый эффект. Банковский сектор и институты развития Российской Федерации, как правило, не обладают достаточными знаниями для оценки сложных инновационных проектов в цепочках поставок, связанных с цифровыми платформами, прогнозной аналитикой или беспилотными транспортными средствами [3, с. 25]. Возникает ситуация, когда риски внедрения кажутся инвесторам чрезмерными, а потенциальные выгоды – слишком отдаленными. Отсутствие специализированных инструментов финансирования, таких как венчурные фонды, ориентированные на логистику, дополнительно сдерживает развитие отрасли.

Наряду с выявленными проблемами исследование позволило определить стратегические перспективы для Российской Федерации, реализация которых возможна при условии системного подхода. Первая перспектива связана с цифровым преобразованием управления цепочками поставок на основе единых платформенных решений. В отличие от частичной автоматизации, платформенный подход предполагает создание национальной логистической платформы, объединяющей всех участников движения товаров – от грузоотправителей и перевозчиков до таможенных органов и конечных получателей. Стратегирование цифровой трансформации должно опираться на создание экосистемных платформ [5, с. 488]. Такая платформа должна обеспечивать сквозную прослеживаемость грузов, автоматизацию документооборота с использованием электронной подписи и прогнозное управление рисками на основе методов искусственного интеллекта.

Вторая перспектива заключается в соединении логистики с принципами круговой экономики, что предполагает проектирование обратных логистических потоков для сбора, сортировки, восстановления и повторного использования материалов и комплектующих. Для России, обладающей развитой промышленной базой и значительными природными ресурсами, это открывает возможности для создания новых бизнес-моделей, основанных на ремонте, переработке и снижении нагрузки на окружающую среду.

Третья перспектива – институциональная модернизация, включающая создание нормативной базы для беспилотных транспортных средств, электронного документооборота и распределенных реестров в логистике. Это потребует внесения изменений в гражданское, транспортное и таможенное законодательство Российской Федерации. Успешная цифровая трансформация невозможна без опережающего развития нормативной правовой базы.

Четвертая перспектива – формирование кластерной модели взаимодействия науки, образования и логистического бизнеса, при которой нововведения разрабатываются под конкретные отраслевые задачи, а подготовка кадров идет в ногу с потребностями рынка. В России уже накоплен определенный опыт такого взаимодействия, однако он требует масштабирования [2, с. 48]. Реализация указанных направлений позволит не только преодолеть существующие структурные проблемы, но и превратить логистику из сдерживающего фактора в движущую силу инновационного экономического роста Российской Федерации.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает исходную гипотезу о том, что ключевые проблемы развития инновационной экономики и логистики в Российской Федерации лежат не в плоскости технологического отставания, а в структурных институциональных, инфраструктурных, кадровых и финансовых диспропорциях. Эти проблемы носят системный характер и не могут быть решены точечными мерами. Стратегическая перспектива связана не с внедрением отдельных технологий, а с комплексной перестройкой всей системы управления инновационными процессами в логистике, включая изменение нормативной среды, модернизацию инфраструктуры, переподготовку кадров и создание новых механизмов финансирования. Практическая значимость результатов заключается в том, что выявленные проблемные зоны и предложенные направления могут быть использованы при разработке программ цифровизации логистического комплекса Российской Федерации, корректировке образовательных стандартов в области логистического управления, а также при формировании государственной инновационной политики в транспортной сфере. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на количественную оценку эффекта от внедрения предлагаемых мер и на разработку

конкретных дорожных карт для российских логистических компаний различного масштаба.

Список использованных источников

1. Журавлев, Д. М. Стратегрование цифровой трансформации экономических систем как драйвер инновационного развития / Д. М. Журавлев, В. В. Глухов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербурского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 7 – 21.

2. Квашнева, А. Е. О состоянии и развитии малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы / А. Е. Квашнев // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 6. – С. 45 – 52.

3. Ковалев, М. М. Инновационная экономика в условиях цифровой трансформации: вызовы и перспективы для России / М. М. Ковалев // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. – 2025. – № 2. – С. 18 – 27.

4. Макаров, В. Л. Рецензия на монографию Д. М. Журавлева «Стратегрование цифровой трансформации сложных социально-экономических систем» / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин // Управленческое консультирование. – 2024. – № 5. – С. 270 – 272.

5. Соколов, И. А. Рецензия на монографию Д. М. Журавлева «Стратегрование цифровой трансформации сложных социально-экономических систем» / И. А. Соколов // Экономика промышленности. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 487 – 489.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ СБЫТА

О.В. Кейзер
Научный руководитель: С.С. Гришанова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Особое значение приобретает совершенствование системы сбыта, так как именно она обеспечивает непосредственный контакт предприятия с рынком и формирует основу для достижения стратегических целей. Развитие маркетинговых технологий в сбытовой деятельности позволяет не только повысить объемы продаж, но и укрепить позиции предприятия на рынке, создать долгосрочные отношения с клиентами и повысить их лояльность. Эффективно функционирующая система сбыта предприятия – это ключ к успешному бизнесу.

Материал и методы. Материалом исследования послужила документация ОАО «ВИСТАН». Основные методы исследования: сравнение; анализ динамики показателей.

Результаты и их обсуждение. ОАО «ВИСТАН» является одним из старейших станкостроительных предприятий Республики Беларусь. Специализируется на производстве станков для технологического обеспечения автотракторной, электротехнической, аэрокосмической, сельхозмашиностроения и других ведущих отраслей машиностроительного комплекса.

Сбытовая деятельность предприятия направлена на формирование и расширение дилерской сети, развитие прямых продаж крупным промышленным предприятиям, работу с государственными и корпоративными заказами, а также внедрение системы долгосрочных контрактов и сервисного обслуживания. Важным элементом является взаимодействие со стейкхолдерами – поставщиками, транспортными компаниями, банками и страховыми организациями, что обеспечивает комплексное сопровождение сделок.

Основные поставки продукции осуществляются на рынок Российской Федерации. Это обусловлено не только высокой востребованностью станочного оборудования в промышленных регионах Российской Федерации, но и с действующими санкциями, которые ограничивают экспорт товаров за пределы страны. Эти меры обусловлены международной политической ситуацией и наложенными ограничениями на внешнеэкономическую деятельность.

В таблице 1 представлена динамика производства и реализации основных видов продукции ОАО «ВИСТАН».

Таблица 1 – Динамика производства и реализации основных видов продукции

Основные виды продукции	2023 г.	2024 г.	Абсолютное изменение	Темп роста, %
Объем производства продукции без налогов из выручки в фактических ценах отчетного периода, тыс. руб.	9 120	13269	+4 149,00	145,5
в.т.ч. основные виды				
продукция А: станки металлорежущие	7 102	11451	+4 349,00	161,2
продукция Б: части и приспособления к металлорежущим станкам, услуги по ремонту, модернизация	2 018	1818	-200,00	90,1
Темп роста к соответствующему периоду прошлого года, %	134,3	145,5	+11,20п.п.	-
Доля продукции в общем объеме производства, %	100,0	100,0		
продукция А:	77,9	86,3	+8,40п.п.	-
продукция Б:	22,1	13,7	-8,40п.п.	-
Объем реализации продукции (с НДС), тыс.руб	9646	11840	+2 194,00	122,8
продукция А:	9040	10565	+1 525,00	116,9
внутренний рынок	5179	3116	-2 063,00	60,2
экспорт	3865	7449	+3 584,00	192,7
продукция Б:	602	1275	+673,00	211,8
внутренний рынок	659	1174	+515,00	178,2
экспорт	47	101	+54,00	214,9
Удельный вес реализуемой продукции, %	100	100		
внутренний рынок	59,5	36,2	-23,30п.п.	-
экспорт	40,5	63,8	+23,30 п.п	-

в том числе:				
ближнее зарубежье	100,0	100,0		

Источник: Составлено автором по данным предприятия.

Анализируя данные таблицы 1 необходимо отметить, что в 2024 году по сравнению с 2023 годом:

- общий объем производства продукции вырос на 45,5% (причем объем производства более дорогостоящей продукции увеличился на 61,2% (продукция А). Доля продукции А в общем объеме производства составила 86,3%.

- общий объем реализации продукции вырос на 22,8% (причем объем реализации более дорогостоящей продукции увеличился на 16,9 % (продукция А)), а продукции Б – на 111,8%.

- спрос на внутреннем рынке упал на продукцию А и объемы реализации снизились на 39,2%, но возросли на продукцию Б на 78,2%.

- спрос на внешнем рынке вырос на все виды продукции и объемы реализации продукции А возросли на 92,7%, а на продукцию Б на 114,9%.

- удельный вес реализуемой продукции на внутренний рынок 36,2%, на экспорт – 63,8%. В 2024году предприятие стало больше ориентироваться на внешний рынок доля экспорта выросла на 23,3%.

В таблице 2 представлен анализ эффективности деятельности системы сбыта ОАО «ВИСТАН».

Таблица 2 – Анализ эффективности деятельности системы сбыта

Основные виды продукции	2023 г.	2024 г.	Абсолютное изменение	Темп роста, %
Объем производства продукции без налогов из выручки в фактических ценах отчетного периода, тыс. руб.	9 120	13 269	+4 149	145,5
Объем реализации продукции, тыс. руб.	9 646	11 840	+2 194	122,8
Выручка от реализации продукции (без НДС), тыс. руб.	9 641	11 839	+2 198	122,8
Выручка от реализации продукции (с НДС), тыс. руб.	10 917	12 471	+1 554	114,2
Соотношение выручки к объему производства, коэффициент	1,2	0,9	-0,30	-
Запасы готовой продукции на складах, тыс. руб.	609	1 461	+852	239,9
Соотношение запасов к среднемесячному объему производства в %	80,1	132,1	+52 п.п.	-
Себестоимость реализованной продукции всего, тыс. руб. (без учета управленческих расходов и расходов на реализацию)	7 776	8 955	+1 179	115,2
Расходы на реализацию, тыс. руб.	270	460	+190	170,4
Управленческие расходы тыс. руб.	1208	1879	+671	155,5

Прибыль от реализации продукции, тыс. руб.	387	505	+118	130,5
Рентабельность продаж, %	4,02	4,27	+0,25 п.п.	-
Доля расходов на реализацию в себестоимости реализов. продукции, %	3,5	5,1	+1,60 п.п.	-
Прибыль в расчете на 1 руб. расходов на реализацию, руб.	1,4	1,1	-0,30	78,6

Источник: Составлено автором по данным предприятия

Как показывает анализ данных таблицы 2, система сбыта в 2024 г. сработала менее эффективно по сравнению с 2023 г. Во-первых, в 2024 году объем производства превышает объем реализации продукции. О снижении эффективности сбытовой деятельности свидетельствует также рост запасов готовой продукции на конец года на 39,9 % и увеличение запасов готовой продукции в процентах к среднемесячному объему производства.

Выручка от реализации выросла на 22,8 %, производственная себестоимость реализованной продукции на 15,2%, но при этом входящие в состав полной себестоимости расходы на реализацию выросли на 70 % и управленческие расходы на 55,5%. Выручка от реализации увеличилась на 30,5%, благодаря увеличению объема реализации продукции на экспорт.

При этом доля расходов на реализацию в себестоимости реализованной продукции выросла на 1,6 п.п. В то же время прибыль на 1 руб. расходов на реализацию уменьшилась на 21,4 %.

Заключение. В результате анализа сбытовой деятельности предприятия установлено снижение эффективности работы системы сбыта и необходимость оптимизации сбытовой и маркетинговой деятельности. Определены также ключевые направления оптимизации, а, именно, внедрение современных маркетинговых технологий и инструментов, повышение квалификации персонала и автоматизации бизнес-процессов, обеспечение синергии между маркетинговыми активностями и общими бизнес-целями, введение гибкой ценовой политики, программ лояльности и увеличение персонализированных акций.

Список использованных источников

1. Бухгалтерская и финансовая отчетность, а также нормативно-техническая документация компании ОАО «ВИСТАН».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СКЛАДСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ЛОГИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

В.В. Князев
Научный руководитель: Е.М. Бондаренко
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В современных условиях глобализации экономики и стремительного развития цифровых технологий эффективность логистических операций становится ключевым фактором конкурентоспособности любого предприятия.

Складской комплекс, как центральное звено логистической цепи, играет решающую роль в обеспечении непрерывности товародвижения от производителя к конечному потребителю. Автоматизация складских процессов трансформируется из конкурентного преимущества в необходимое условие для стабильного развития бизнеса, особенно в сферах торговли, электронной коммерции и производства, где скорость и точность выполнения заказов напрямую влияют на лояльность клиентов и экономические показатели.

Материалы и методы. Для предприятия ООО «Медплант», специализирующегося на поставках медицинской продукции, внедрение автоматизированного складского комплекса приобретает особую значимость. Специфика медицинских товаров – требования к условиям хранения, строгий учет сроков годности, необходимость оперативного формирования экстренных заказов – предъявляет повышенные требования к точности, скорости и прозрачности всех складских операций. Внедрение автоматизированных решений позволит компании минимизировать влияние человеческого фактора, повысить скорость обработки заказов и обеспечить безупречный контроль за всем товарным запасом, что является критически важным в медицинской сфере .

Автоматизированная складская система (АСС) представляет собой комплекс программно-технических средств, предназначенных для автоматизации операций приема, размещения, хранения, отбора и отгрузки материальных ценностей . Основная задача АСС – обеспечить высокую производительность и точность складских процессов за счет минимизации ручного труда и интеграции информационных и материальных потоков.

Автоматизированные склады можно классифицировать по нескольким ключевым признакам, что позволяет выбрать оптимальное решение для конкретного предприятия, такого как ООО «Медплант».

Классификация по типу конструкции и применяемому оборудованию:

• Стеллажные склады с кранами-штабелерами (напольными или подвесными), которые обеспечивают высокую плотность хранения и автоматический доступ к любой единице груза.

• Склады с гравитационными стеллажами, где перемещение грузов происходит под действием силы тяжести, что повышает эффективность при обработке больших партий товара с ротацией по принципу FIFO (первым пришел – первым ушел).

• Элеваторные склады и склады кассетного типа, оптимальные для хранения компактных, мелкоштучных товаров с высокой оборачиваемостью.[1]

Классификация по организационно-функциональному принципу:

• Интегрированные системы объединяют все виды грузов (сырье, заготовки, инструмент, готовую продукцию) на едином автоматизированном складе. Такие системы эффективны при относительно малых грузопотоках и объеме производства .

• Дифференциальные системы состоят из нескольких обособленных складских модулей, каждый из которых предназначен для определенной номенклатуры (например, отдельно для деталей, инструмента, готовых изделий). Этот тип применяется при больших объемах производства и значительных грузопотоках, позволяя оптимизировать процессы под специфику каждого типа груза .

Классификация по уровню автоматизации:

• Механизированные склады, где ручной труд заменен машинным с помощью погрузочно-разгрузочной техники, но управление и контроль остаются за человеком .

• Автоматизированные склады, где используется оборудование, управляемое автоматикой; персонал выполняет функции контроля, настройки и коррекции работы систем .

• Автоматические склады (роботизированные), где участие человека в технологических операциях практически исключено, а все процессы управляются комплексом программно-аппаратных средств.[2]

Результаты и их обсуждение. Для ООО «Медплант», работающего с широкой номенклатурой медицинских товаров разного габарита и оборачиваемости, актуальным может быть рассмотрение гибридных решений, сочетающих элементы дифференциальной системы с различными типами хранения и уровнем автоматизации отдельных зон.

Эффективная работа современного автоматизированного склада обеспечивается за счет синергии физического оборудования и интеллектуального программного обеспечения.

Заключение. Таким образом, внедрение автоматизированных складских комплексов представляет собой стратегическое направление развития для современных предприятий, стремящихся повысить свою конкурентоспособность. Внедрение АСС обеспечивает комплексный

эффект: от ускорения операций и минимизации ошибок до повышения прозрачности логистики и снижения операционных затрат.

Список использованных источников

1. Классификация систем WMS (по данным консалтинговой компании ESYNC) // Studfile. – URL: https://studfile.net/preview/2799041/page:2/ (дата обращения: 10.02.2026).
2. Автоматизация склада – полное руководство: комплексный подход, учет, внедрение, стоимость // Habr. – 2023. – URL: https://habr.com/ru/companies/intekey/articles/976004/ (дата обращения: 10.02.2026).

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В УПРАВЛЕНИИ ЗАКУПКАМИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

М.Д. Кушнерова
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО

Актуальность исследования роли цифровых платформ в управлении цепями поставок обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, глобализацией рынков и необходимостью повышения эффективности логистических процессов. [9]. Цифровые платформы позволяют интегрировать участников цепи поставок, обеспечивать обмен данными в режиме реального времени, оптимизировать процессы планирования и контроля, снижать издержки и минимизировать риски [8], [6].

Целью исследования являлось выявление функциональных возможностей цифровых платформ системы закупок.

Материалы и методы. Использовались материалы научных публикаций, данные сайтов и электронных торговых площадок системы закупок. Использовались методы сравнительного анализа, социально-экономической статистики, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Известно, что поставщик является ключевым звеном в цепи поставок, а управление закупками (снабжением) является первоначальным процессом в управлении всей цепью поставок. В настоящее время в Республике Беларусь используется ряд сайтов и электронных торговых площадок для проведения процедур закупок. В таблице 1 приведены результаты сравнительного анализа цифровых платформ системы закупок в Республике Беларусь.

Электронная торговая площадка ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» (zakupki.butb.by) представляет собой площадку, на которой проводятся электронные аукционы, конкурсы, запросы ценовых предложений и закупки из одного источника; только в 2025 году здесь было проведено более 142 тысяч аукционов. Деятельность биржи

формирует прозрачный рынок закупок, снижает транзакционные издержки, обеспечивает конкуренцию и доступ к широкому кругу поставщиков[1].

Электронная торговая площадка Национального центра маркетинга и конъюнктуры цен (goszakupki.by) организует конкурентные процедуры государственных закупок, запросы ценовых предложений и аккредитацию участников; в 2022 году на его площадке было размещено 94,6 тысячи процедур и 330,1 тысячи запросов сведений. Работа центра способствует централизации госзакупок, повышает прозрачность и контроль, снижает коррупционные риски и обеспечивает равный доступ к государственным контрактам [2].

Таблица 1. – Сравнительный анализ цифровых платформ закупок

Наименование ЭТП	Интернет-адрес	Функции	Количество аккредитованных участников	Количество торговых процедур
Закупки ОАО БУТБ	zakupki.butb.by	Проведение госзакупок и закупок за счет собственных средств. Электронные аукционы, конкурсы, запросы ценовых предложений,закупки из одного источника для государственных и собственных средств.	БУТБ в целом использует более 27.000 компаний	В 2025 году проведено более 142.000 электронных аукционов.
НЦМ и КЦ Национальный центр маркетинга	goszakupki.by	Проведение конкурентных процедур госзакупок. Запросы ценовых предложений. Сопровождение закупок. Аккредитация участников.	Свыше 34.400 на 2022 субъектов хозяйствования аккредитовано на ЭТП.	В 2022 году размещено 94.600 конкурентных процедур и 330.100 запросов сведений.
ИС «Тендеры»	icetrade.by	Проведение тендеров и закупок за счет собственных средств организаций.Конкурсы, аукцион, запросы ценовых предложений.	Свыше 63.700 субъектов хозяйствования зарегистрировано на 2023 год.	В 2022 году размещено 75.400 процедур.
ГИАС	gias.by	Информационно-аналитическое обеспечение госзакупок. Интеграция данных всех ЭТП. Реестр договоров. Планы	Является информационным ресурсом, данные по участникам интегрированы с госзакупками.	С 2019 года аккумулировано более 116.000 процедур госзакупок.

		закупок.		

Источник: собственная разработка автора по данным [1],[2],[3],[4].

Информационная система «Тендеры» (icetrade.by) используется для закупок за счет собственных средств организаций и включает конкурсы, аукционы и запросы ценовых предложений; в 2022 году здесь размещено 75,4 тысячи процедур. Система упрощает взаимодействие бизнеса, дает возможность малым и средним предприятиям участвовать в тендерах и повышает эффективность снабжения[3].

Государственная информационно-аналитическая система (gias.by) не аккредитует участников, но аккумулирует данные обо всех закупках, формирует реестр договоров и планы закупок; с 2019 года собрано более 116 тысяч процедур. Она служит «единым окном» для анализа, обеспечивает мониторинг и прогнозирование, повышает управляемость закупочной системы и создает базу для стратегического планирования[4].

Таким образом, функционирование указанныхв ыше платформ отражает общую тенденцию цифровизации государственных и корпоративных процессов в Беларуси. Их внедрение способствует повышению уровня доверия к закупочным процедурам, так как использование электронных систем минимизирует человеческий фактор и обеспечивает автоматизацию ключевых этапов взаимодействия между заказчиками и поставщиками. Важным результатом является также расширение возможностей для малого и среднего бизнеса, который получает доступ к более широкому спектру контрактов и может конкурировать на равных условиях с крупными компаниями[7].

Не менее значимым является аналитический потенциал этих систем: аккумулируемые данные позволяют государственным органам и организациям отслеживать динамику закупок, выявлять проблемные зоны, прогнозировать потребности и формировать долгосрочные стратегии развития. Таким образом, цифровые платформы становятся не просто инструментом проведения торгов, но и важным элементом управления в экономике, обеспечивая баланс интересов государства, бизнеса и общества.

Заключение. Цифровые платформы сегодня выступают неотъемлемым элементом современной логистики и закупочной деятельности, формируя основу для эффективного управления цепями поставок. Их внедрение обеспечивает комплексное решение задач - от автоматизации рутинных операций до стратегического планирования и прогнозирования[5]. Преимуществами использования цифровых платформ являются: повышение прозрачности, конкурентности закупочных процедур, снижение транзакционных издержек, расширение доступа к рынку для малого и среднего бизнеса, формирование равных условий участия, укрепление доверия между государством, бизнесом и обществом. Развитие функционала платформ в направлении усиления их аналитических возможностей позволит выявлять тенденции,

прогнозировать потребности, формировать долгосрочные стратегии развития, что делает управление цепями поставок более устойчивым.

Список использованных источников

1. Закупки ОАО БУТБ. – URL: https://zakupki.butb.by/auctions/index.html (дата обращения: 07.03.2026).

2. Веретенникова, Е. С. Дорожная карта формирования региональной логистической системы управления цепями поставок на примере Витебской области/ Е. С. Веретенникова // Вестник ПГУ. – 2023. – №2 (64). – С. 2 – 6.

3. ГИАС. – URL: https://gias.by/gias/#/ (дата обращения: 07.03.2026).

4. ИС «Тендеры»». – URL: https://icetrade.by/ (дата обращения: 07.03.2026).

5. НЦМ и КЦ Национальный центр маркетинга. – URL: https://goszakupki.by/ (дата обращения: 07.03.2026).

6. Салтрукович, Н. О. Цифровая платформа для управления цепями поставок в неокластерах / Н. О. Салтрукович, Е. А. Алексеева // КиберЛенинка, 2024. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-platforma-dlya-upravleniya-tsepyami-postavok-v-neoklasterah (дата обращения: 07.03.2026)

7. Управление цепями поставок в цифровой экономике: учебник для ВУЗов / В. И. Сергеев, А. Б. Виноградов, В. В. Дыбская [и др.]. – Москва: Юрайт, 2024. – 1005 с.

9. Кластерный подход в реализации экосистемных проектов цифровой трансформации / М. А. Шумилина, К. А. Нефедова, А. К. Буханова [и др.] // Вестник Российского ун-та кооперации. – 2021. – №4(46). – С. 105 – 109.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ТОВАРОВ ДЛЯ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ, ПРИОБРЕТЁННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ

П.В. Лебедевич, Е.В. Пеньковская
Научный руководитель: Н.С. Габец
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Развитие трансграничной электронной коммерции является одной из значимых тенденций современной мировой экономики. Граждане все чаще приобретают товары в зарубежных интернет-магазинах, что создает новые вызовы для таможенного администрирования. Рост популярности электронной коммерции в ЕАЭС привел к созданию соответствующей правовой и институциональной основы для Интернет-торговли. Увеличивающийся поток товаров, заказываемых физическими лицами через сеть Интернет, потребовал не только адаптации правовой базы, но также и создание новых институтов и механизмов регулирования.

Если ранее национальные законодательства касались отдельных аспектов Интернет-торговли, то сегодня стоит задача перед государствами-членами сформировать единый системный подход. Как справедливо отмечает А.В. Шиманская, исключение составляет только Казахстан. Только эта страна приняла нормативный правовой акт, который определяет электронную торговлю, как единый процесс [1, с. 283]. В связи с этим,

необходимостью является закрепление как самого понятия «электронная торговля», но сопутствующих данному понятию элементов.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей перемещения товаров для личного пользования, приобретенных посредством Интернет-торговли.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили правовые акты Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), а также научные публикации по теме. В работе использован комплекс общенаучных и специально-юридических методов исследования: диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы.

Результаты и их обсуждение. Товары, приобретенные физическими лицами в иностранных Интернет-магазинах, имеют особый правовой статус. С одной стороны, они предназначены для личного пользования и не являются коммерческой партией. С другой стороны, массовый характер таких отправлений и их значительная совокупная стоимость создают риски для экономической безопасности и требует адекватного реагирования со стороны законодателя.

Одной из наиболее сложных проблем является идентификация товаров, приобретенных через Интернет, как предназначенных для личного пользования. В отличие от товаров, перемещаемых в сопровождаемом багаже, при международных почтовых отправлениях таможенный орган не имеет возможности задать вопросы владельцу и оценить его намерения. При этом, основными критериями, используемыми таможенными органами для идентификации товаров как товаров для личного пользования, выступают: количество однородных товаров, частота получения отправлений, характер товаров, стоимость товаров, сведения об отправителе.

В последние годы государства-члены ЕАЭС предприняли ряд определённых шагов, которые направлены на улучшение правового регулирования и устранение пробелов в данной области.

Так, в 2021 г. было принято решение о создании пилотного проекта в области внешней электронной торговли товарами [3]. Пилотный проект поспособствовал ускорению в выработке единых правил и механизмов обеспечения безопасности трансграничных товаров.

Кроме того, продолжением работы, проводимой таможенными органами, стала подготовка проекта Соглашения об электронной торговле в ЕАЭС [2]. Предполагается, что в Соглашении будут отражены такие аспекты как возврат товаров, защита персональных данных, а также меры по ограничению спам-рассылок. Прогнозируемой датой начала действия соглашения называют 2028 г. Одной из новаций Соглашения является то, что оно будет регулировать в качестве «электронной торговлей товарами» только те товары, которые перемещаются по схеме B2C [2].

Следует отметить, что схема B2C представляет собой такую модель бизнеса, при которой товар поставляется от продавца до конечного потребителя. При этом, применение схемы B2C в ЕАЭС имеет ряд преимуществ как в сфере защиты прав потребителей и пресечении недобросовестной конкуренции, так и в части соблюдения обеспечения экономических интересов государств-членов. Так, регулирование B2C исключает схемы B2B, где товары ввозятся партиями, а затем перепродаются физическим лицам. Это снижает давление на местных производителей. Кроме того, уже с 1 июля 2025 года НДС для B2C-поставок внутри ЕАЭС уплачиваются в стране потребления товара, а не производства. Это устраняет дисбаланс, когда товары из третьих стран доминируют на рынке через реэкспорт. Наконец, введение операторов электронной торговли, на наш взгляд, позволит взаимодействовать с ограниченным числом лиц, что, в свою очередь, должно снизить нагрузку на сотрудников таможенных органов.

Важно отметить, что хотя в ЕАЭС основной фокус сделан на регулировании B2C-операций, однако государства-члены ЕАЭС также заинтересованы в создании благоприятных условий и для B2B-торговли.

При этом, что определенные изменения, связанные с электронной торговлей, уже обсуждаются. Так, предполагается внесение изменений в Таможенный кодекс ЕАЭС. В частности, планируется закрепить новые понятия (««товары электронной торговли, предназначенные для реализации физическим лицам» и «товары электронной торговли, приобретённые физическими лицами»). Также одним из изменений должно стать введение ответственности на национальном уровне государств-членов ЕАЭС за использование товаров в коммерческой деятельности, приобретённых на электронных торговых площадках с использованием ресурсов сети Интернет и ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС [1].

Проведенный анализ позволяет выявить определенные пробелы и вызовы, с которыми могут столкнуться электронные торговые площадки при перемещении товаров между странами-членами ЕАЭС. Так, до настоящего времени отсутствует единый перечень запрещённых товаров электронной торговли на уровне законодательства ЕАЭС без корректировок на уровне национального законодательства государств-членов. Этот пробел может привести к проблемам в области защиты прав внутренних субъектов хозяйствования (например, физическое лицо может приобрести товар, запрещённый к продаже субъектами хозяйствования в его стране происхождения, на электронной торговой площадке другого государства-члена ЕАЭС). Оптимальным, на наш взгляд, решением может стать создание единого перечня запрещенных товаров на наднациональном уровне без дополнительных корректировок на национальном уровне государств-членов ЕАЭС.

Кроме того, имеются пробелы, связанные с регулирование в области защиты прав потребителей. При этом, согласно Распоряжению Коллегии

Евразийской экономической комиссии от 20 июня 2023 г. № 88 в перспективе предусмотрено возможное введение государствами-членами ЕАЭС специальных мер по защите прав потребителей при приобретении и использовании цифровых товаров [1].

Заключение. Таким образом, в ЕАЭС в настоящее время формируется правовая база для регулирования Интернет-торговли, которая ориентирована на перемещение товаров к физическим лицам (B2C). На практике это означает, что запущены пилотные проекты, вводятся операторы электронной торговли и обеспечено юридическое признание электронных подписей при трансграничных сделках. Вместе с тем, остаются нерешёнными ряд вопросов: отсутствует единый перечень запрещённых товаров и общие правила защиты прав потребителей в онлайн-торговле.

Список использованных источников

1. О проекте распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года»: Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 11 мая 2023 г., № 60 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).

2. О проекте Соглашения об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе: Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 20 июня 2023 г., № 88 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).

3. Об отдельных вопросах проведения в государствах - членах Евразийского экономического союза пилотного проекта (эксперимента) в области внешней электронной торговли товарами: Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии, 5 апр. 2021 г., № 7 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).

4. Шиманская, А. В. Регулирование некоторых аспектов электронной торговли в контексте формирования цифрового пространства ЕАЭС / А. В. Шиманская // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XIII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 2 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 281 – 286.

ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СЕТИ В СФЕРЕ ДОСТАВКИ

М.В. Леошко
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Оптимизация логистических цепей поставок в современных условиях становится драйвером развития регионального бизнеса. Внедрение новых технологий и моделей ведения бизнеса способствует повышению эффективности логистической деятельности.

Объект исследования: белорусский логистический оператор ООО «ЛОЭД», официальный партнер российского мультисервисного оператора логистических услуг ООО «ПЭК», организующего грузоперевозки на территории России и за рубежом.

Целью исследования являлось обоснование перспектив совершенствования процесса доставки и обеспечения безопасности в рамках партнерской сети ООО «ПЭК».

Материал и методы. Использовались материалы открытых научных публикаций, данные управленческого учета и официальных сайтов. Применялись методы сравнительного анализа, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Анализ опыта работы ООО «ЛОЭД» за последние годы позволил выявить ряд ограничений, препятствующих привлечению и удержанию клиентов, повышению прибыли. К числу проблем, требовавших оперативного решения, по мнению автора, относятся следующие. Во-первых, это низкая прогнозируемость поставок. Из-за неритмичности поставок клиент не может планировать производство или продажи, не зная, когда придет машина. Во-вторых, это риски информационной безопасности и кражи данных. В-третьих, это проблема старения груза. Для товаров с ограниченным сроком годности (косметика, некоторые продукты питания и прочее) длительное ожидание на складе – это путь к порче.

Для разрешения выявленных проблем предлагается трансформация действующей операционной модели ООО «ЛОЭД». Это обусловлено необходимостью преодоления «логистических разрывов», вызванных устаревшей схемой консолидации, и внедрением современных стандартов цифровой защиты данных. ООО «ЛОЭД» является официальным партнером ООО «ПЭК» и осуществляет деятельность на основании договора франчайзинга.

На основе комплексного изучения теоретических и практических источников была выбрана к внедрению модель «Hub-and-Spoke» как наиболее эффективный инструмент оптимизации логистической сети. Сравнительный анализ данной модели и традиционной децентрализованной системы представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ традиционной модели и модели «Hub-and-Spoke».

Характеристика	Традиционная модель	Модель «Hub-and-Spoke»	Преимущества / риски модели «Hub-and-Spoke»
Маршрут	Децентрализованные прямые связи между точками	Централизация всех потоков через единый узел	Экономия на масштабе (консолидация ресурсов в одной точке) / при сбое в работе хаба парализуется вся региональная сеть
График перевозок	Нерегулярный, отправки по мере накопления	Жесткое расписание рейсов вне	Предсказуемость, стабильность / при сбое будут лавинообразные задержки всех

	груза	зависимости от объема	последующих рейсов
Транспорт	Крупнотоннажный транспорт для редких больших партий	Использование малотоннажных автомобилей для частоты рейсов	При увеличении нагрузки увеличатся затраты на логистику из-за дополнительных рейсов
Таможенная процедура	Разрозненное таможенное и документальное сопровождение	Централизованный таможенный досмотр в хабе	Упрощение документальных процедур и государственного контроля / при ошибке затормозит выпуск всех грузов
Контроль и мониторинг	Локальная автономность каждого отделения	Единый диспетчерский мониторинг прибытия и наличия	Эффективное управление заторами и персоналом /
Хранение	Риск порчи товаров из-за долгого ожидания на складе	Минимальные сроки пребывания груза на складе (кросс-докинг)	Снижение потерь от порчи груза / риск повреждений при перевалке

Источник: разработано автором на основе [1], [2], [3].

Применение хабовой модели признано целесообразным, что позволяет успешно внедрить ее в работу организации. Данное решение послужит катализатором трансформации всей системы управления цепями поставок, позволив конвертировать выявленные «узкие места» в конкурентные преимущества и обеспечив переход к ритмичной, прозрачной и управляемой модели грузоперевозок.

Трансформация системы управления цепями поставок приводит к ряду следующих значимых изменений:

Во-первых, это реорганизация маршрутной сети. В Минске закрыт партнёрский офис и создан прямой филиал ООО «ПЭК», вследствии чего произошёл переход прямых отправок из Витебска и других региональных партнёров в Москву (для сортировки и перераспределения грузов) по мере консолидации на модель «через день», что обеспечило ритмичность поставок, независимую от степени наполненности склада.

Во-вторых, это регуляризация и ускорение потоков. Переход на отправки «через день» в новый филиал-хаб в Минске позволил исключить простои грузов. Использование транспорта меньшей грузоподъемности обеспечило высокую частоту рейсов без потери экономической эффективности.

В-третьих, это проблема промежуточных звеньев. Добавление дополнительного перевалочного пункта в Минске привело к увеличению рисков повреждения или утери грузов из-за возросшего количества погрузочно-разгрузочных работ. Это выявило необходимость оптимизации складского контроля на этапе кросс-докинга.

В-четвертых, это трансформация системы безопасности. Параллельно с физической логистикой была модернизирована цифровая среда. Для защиты персональных данных клиентов и предотвращения промышленного шпионажа внедрена система строгой аутентификации. Каждый аккаунт удаленного рабочего стола теперь жестко привязан к номеру телефона ответственного сотрудника. Появилась необходимость подтверждения каждого входа в систему, что минимизировало риски несанкционированного доступа и позволило обезопасить базу данных.

В-пятых, это маркетинговый эффект. Сокращение времени ожидания повысило лояльность текущих заказчиков и обеспечило приток новых клиентов.

В-шестых, это перспективы внутренней сети. Созданная инфраструктура подготовила почву для запуска перевозок между городами Республики Беларусь, что ранее было невозможно из-за отсутствия регулярного сообщения между областными центрами.

В-седьмых, это упрощение прохождения процедуры таможенного досмотра грузов, ввозимых в Республику Беларусь для физических лиц. Перенос ответственности за прохождение таможенного досмотра на Минский филиал позволил консолидировать потоки и оптимизировать взаимодействие с таможенными органами. Отпала необходимость в осуществлении этой функции другими региональными партнерами, что позволило сократить временные и транспортные затраты.

До трансформации грузы забирались соответствующими адресу клиента региональными партнёрами или клиенты сами привозили груз на склад. Далее по мере наполнения складов грузы отправлялись в Москву от каждого регионального партнёра. В центральном распределительном центре Москвы грузы сортировались и отправлялись в город назначения.

Например, Витебский партнёр забрал груз в Новополоцке для доставки в Алма-Ату. Далее груз лежит на складе ожидая, когда грузов на складе будет достаточно для отправки рейса в Москву. Рейсы отправлялись 1 – 2 раза в неделю, но могли не отправляться и несколько недель. По прибытии груза в Москву и окончания сортировки он отправлялся в Алма-Ату для доставки до склада клиента. Пример цепи: ОАО «НАФТАН» (клиент отправитель в Новополоцке) → ООО «ЛОЭД» (партнёр ООО «ПЭК» в Витебске) → ООО «ПЭК» (перевозчик до Москвы) → ТОО «ПЭК КАЗАХСТАН» (партнёр ООО «ПЭК» в Алма-Ате) → ТОО «ЭЛЬТАГРО» (клиент получатель в Алма-Ате).

Заключение. Таким образом, после трансформации Минский филиал стал центральным распределительным хабом для всех региональных партнёров ООО «ПЭК» в Республике Беларусь, следовательно произошёл переход к модели «Hub-and-Spoke». Трансформация управления цепями поставок в ООО «ЛОЭД» подтвердила эффективность перехода к модели регулярного хаба. Основным достижением стало ускорение оборачиваемости грузов и расширение клиентской базы. Однако

выявленные риски, связанные с сохранностью товаров на новом перевалочном пункте в Минске, указывают на необходимость дальнейшего совершенствования технологических процессов: внедрения более жестких стандартов упаковки, автоматизации сортировки на хабе и обучения персонала. Для дальнейшего совершенствования управления цепями поставок ООО «ЛОЭД» предлагается развитие следующих направлений: внедрение системы сквозного фотомониторинга на этапе кросс-докинга в хабе для минимизации рисков утери грузов, автоматических оповещений для клиентов о этапах движения груза в реальном времени, а также запуск регулярных внутриреспубликанских маршрутов.

Список использованных источников

1. Hub-and-Spoke Model // The Leading Source of Insights On Business Model Strategy & Tech Business Models. – URL: https://fourweekmba.com/hub-and-spoke-model/ (дата обращения 16.03.2026)

2. Morton, E. Interfacility interaction in models of hub and spoke networks / E. Morton, O'Kelly Deborah Bryan // JOURNAL OF REGIONAL SCIENCE. – 2002. – VOL. 42. – NO. 1. – P. 145 – 164.

3. Pavon, B. The impact of hub-and-spoke networks on transport costs and delivery efficiency / B. Pavon, M. J. Alvarez // Journal of Transport Geoqraphy. – 2018. – №. 69. – P. 123 – 134.

МОНОПОЛИЯ: ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИНОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

А.С. Липский
Научный руководитель: Е.Н. Дудко
Минск, БГЭУ

В современных условиях, когда главными задачами развития являются переход экономики на инновационный путь и увеличение ее конкурентоспособности, естественные монополии становятся особенно важными, так как имеют значительные финансовые ресурсы, нужные для обновления экономики, и могут быть двигателем инновационного роста. Однако, естественные монополии, действуя в своих экономических интересах (получение высокой прибыли, защита и усиление монопольной власти), могут использовать свое доминирующее положение во вред другим участникам рынка и конечным потребителям. Развитие естественных монополий связано с противоречиями, которые могут решаться как конструктивно, так и деструктивно. Необходимым условием для конструктивного разрешения этих противоречий является высокая степень участия государства в регулировании естественных монополий с учетом интересов общества. Следовательно, особенно важно изучение противоречий как источников развития естественных монополий и

определение роли государства в обеспечении конструктивных форм их разрешения в условиях инновационной экономики.

Актуальность, социально-экономическое значение и недостаточная степень исследования указанных проблем определили выбор темы, цели и задачи исследования. Целью исследования является выявление системы основных противоречий как источников развития монополий в условиях инновационной экономики.

Материал и методы. В ходе работы применялись общенаучные и узкоспециализированные методы, соответствующие поставленной цели и задачам. К ним относятся: системный и функциональный анализ, логические методы, научная абстракция для выявления ключевых противоречий в развитии естественных монополий, а также ретроспективный метод для обоснования исторической динамики изучаемого процесса.

Источниками информации для исследования послужили нормативные акты регулирующие деятельность монополий, статистические данные, официальные документы международных организаций, публикации в прессе, аналитические обзоры и материалы, размещенные в электронных и интернет-ресурсах.

Теоретическими и методологическими принципами, на которых строится данное исследование, являются основополагающие научные работы мыслителей классической политической экономии, марксизма, неоклассиков, институционалистов и сторонников эволюционного подхода. Также учитывались монографические исследования, научные публикации ведущих отечественных и зарубежных специалистов, материалы научных встреч, симпозиумов и конференций, посвященных функционированию реального сектора экономики, значению естественных монополий в этом контексте, особенностям инновационного развития, инвестиционной и инновационной активности естественных монополий, а также вопросам государственного регулирования их деятельности.

Результаты и их обсуждение. Проблемам функционирования естественных монополий и особенностям их государственного регулирования посвящено много работ отечественных и зарубежных ученых. Большой вклад в изучение экономического феномена монополий внесли зарубежные ученые Дж. Гэлбрейт, Э. Долан, Ж. Дюпюи, А. Курно, Д. Линдсей, К. Маркс, А. Маршалл, Дне. Милль, Д. Рикардо, Е. Ричард, Дж. Робинсон, П. Самуэльсон, А. Смит, М. Фридмен, Э. Чемберлин, Д. Хэй, И. Шумпетер.

В работах экономистов проанализированы особенности работы и государственного регулирования монополий, выявляя неоднозначность их развития в условиях различных типов экономических систем. В то же время система противоречий развития монополий на инновационном этапе и роль государства в их конструктивном разрешении еще не нашли должного отражения ни в белорусской, ни в зарубежной

литературе. Это связано с тем, что инновационный этап развития экономики находится на стадии формирования.

Уже сейчас выделился целый класс проблем, вызванных противоречивым развитием монополий и их неопределенной ролью в создании и внедрении инноваций.

Теория монополий основывается на общих методологических принципах изучения проблем монополизации экономики. Одним из главных результатов эволюции понятия монополии стало восприятие монополии как особой рыночной структуры, которая формирует весь объем предложения конкретного типа товаров (услуг) и имеет значительный контроль над ценами на продаваемые товары и услуги. При этом границы монополий охватывают всю отрасль, вход в которую для других фирм как потенциальных конкурентов ограничен технологическими, организационно-экономическими или финансовыми факторами. Это означает, что существуют барьеры для входа на рынок, защищающие монополию, которые могут быть либо установлены государством, либо вызваны преимуществом монополиста в используемых технологиях или управленческом опыте, либо связаны с необходимостью больших капиталовложений для ведения бизнеса в данной области.

Анализ различных теоретических подходов к определению монополии показал, что выделение естественных монополий как особого типа рыночной структуры основывается в четырех экономических направлениях: неоклассической теории, марксистской теории, западной экономической мысли 40-х годов XX века и отечественной экономической теории. Неоклассическая теория рассматривает экономию от масштаба производства как главное условие возникновения естественной монополии. Марксистская теория подчеркивает влияние природных и технологических факторов как главных причин возникновения естественной монополии. Западная экономическая мысль 40-х годов XX века, представляемая В.Баумолем, Дж.Панзаром и Р.Виллихом, описывает естественную монополию как отрасль, в которой преобладает субъективность издержек. Отечественная экономическая теория акцентирует внимание на ключевом признаке естественных монополий – барьерах входа в отрасль, связанными с особенностями реализации товаров (услуг). [1]

Сравнительный анализ этих концепций позволяет охарактеризовать главные условия возникновения и развития естественных монополий, большая часть которых связана преимущественно с технологическими, технико-экономическими и географическими факторами. Установлено, что ключевой особенностью большинства естественных монополий является их явная привязка к определённой территории: связь с конкретным регионом из-за специфики условий функционирования, наличия основных потребителей услуг и необходимости соединения различных территорий. Сделан вывод, что главным фактором возникновения естественной монополии является общественная значимость блага с точки зрения

экономической выгоды для государства и населения, а также для национальной безопасности. Данный фактор особенно важен для естественных монополий на региональном (местном) уровне, так как некоторые предприятия могут быть защищены от конкуренции по политическим причинам для обеспечения стабильной доходности услуг, которые важны для общества.

Инновацию в естественных монополиях можно описать как первое практическое использование нового научно-технического (технологического), организационно-экономического, производственного или другого решения в естественных монополиях. Например, технологическую инновацию можно определить как внедрение нового технического решения в технологических процессах, которые происходят в естественных монополиях.

Эффективность инновационной деятельности естественных монополий определяется не столько способностью этих субъектов постоянно генерировать научные знания и новые технологии, сколько их мастерством эффективно использовать эти технологии и быстро превращать их в нужные потребителям товары (услуги). Главная цель успешной инновационной деятельности естественных монополий заключается не только в приобретении результатов отечественных научных центров и зарубежных фундаментальных исследований, но и в нахождении способа создания товаров (услуг), основанных на этих результатах.[2]

Крупные компании – субъекты естественных монополий, чья выручка в основном идет от экспорта сырья (нефть, газ, энергетическое сырье), довольно неохотно инвестируют в технологические разработки, которые не гарантируют коммерческую выгоду и требуют долгосрочных вложений в опытное производство. В условиях текущего экономического кризиса наиболее явно проявилась тенденция к сокращению расходов на НИОКР не только со стороны компаний нефтегазового сектора, но и со стороны субъектов естественных монополий других отраслей, так как компании сосредоточились не на развитии и оптимизации производства, а на стабилизации своего финансового состояния.

На современном этапе развития мировой экономики естественные монополии увеличивают эффективность децентрализованного планирования, самостоятельно устанавливая оптимальный объем производства и качество товаров (услуг) для рационального использования природных ресурсов и защиты окружающей среды. В то же время, оказывая значительное влияние на рынок, естественные монополии могут подрывать эффективность его функционирования (злоупотреблять своим доминированием на рынке), поэтому деятельность естественных монополий требует непосредственного регулирования со стороны государства.[3]

Важно отметить, что противоречия между плановыми и рыночными аспектами в работе естественных монополий в условиях инновационной

экономики имеют свою специфику. С одной стороны, естественные монополии могут успешно действовать на рынке благодаря применению новых технологий и научных разработок, типичных для инновационной экономики, зарабатывая большие прибыли за счет влияния на рынок. С другой – естественные монополии могут замедлять внедрение инновационных технологий, если они угрожают получению больших прибылей, что требует непосредственного контроля со стороны государства.

Заключение. В рамках проведенного исследования были получены следующие результаты:

Конструктивное решение противоречий роста естественных монополий на инновационном этапе экономики возможно, когда, во-первых, увеличивается восприимчивость естественных монополий к достижениям научно-технического прогресса; во-вторых, обеспечивается оптимальное сочетание государственных и рыночных методов управления естественными монополиями; в-третьих, конечные результаты их инновационной деятельности приносят экономическую и социальную пользу не только самим естественным монополиям, но и всему обществу в целом. [4]

Для решения этой задачи нужно определить основные направления улучшения системы регулирования естественных монополий, основанной на гибком сочетании государственного регулирования и саморегулирования естественных монополий. К основным направлениям, упомянутым в диссертации, относятся:

– управление естественными монополиями: каждый субъект естественной монополии, работающий в инновационной рыночной среде, должен самостоятельно решать вопросы не только внутренней организации, но и всех связей с внешней средой;

– усиление антимонопольного регулирования в отношении интеграции капитала в деятельности естественных монополий и развитие внутрикорпоративной конкуренции: корпоративные подходы позволяют объединять инвестиции и направлять их на повышение эффективности работы субъектов естественных монополий. Таким образом, современное антимонопольное регулирование смещает центр борьбы с монополиями от рыночного принципа их демонополизации к интеграции на корпоративной основе (как организаций, которые могут снижать транзакционные издержки и повышать уровень технологической оснастки хозяйствующих субъектов);

– расширение механизмов в сочетании с административными методами регулирования по отношению к субъектам естественных монополий: инновационный этап развития экономики способствует сокращению монопольных отраслей при соответствующем расширении сферы конкурентного рыночного предпринимательства и развитию самоорганизации потенциально конкурентных секторов естественных

монополий. Их суть – в изменении институтов, осуществляющих саморегулирование взаимоотношений экономических агентов внутри естественной монополии по потокам товаров и услуг по монопольным инфраструктурным сетям на принципах внутриотраслевой конкуренции и повышения эффективности корпорации;

– переход на законодательно-правовые методы регулирования естественных монополий. Данное положение для естественных монополий осуществимо при создании специализированного отраслевого законодательства, направленного на расширение саморегулирования деятельности конкурирующих компаний и предприятий в рамках одной корпоративной структуры.

Полученные результаты исследования позволяют обоснованно говорить о том, что выделение конкурентных секторов в структуре естественных монополий способствует конкуренции и положительно влияет на развитие инновационной экономики в стране. Однако для конструктивного решения противоречий роста естественных монополий в условиях инновационной экономики необходима эффективная государственная политика (поскольку высоки риски нарушений со стороны компаний, остающихся де-факто монополиями) и саморегулирование внутри корпоративной структуры (за счет стимулирующего законодательства).

Список использованных источников:

1. Кулешов, В. В. Идеологические мифы современной экономической теории и реальность / В. В. Кулешов, Вс. В. Кулешов // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 1 (160). – С. 17 – 21.

2. Маховикова, Г. А. Экономическая теория : учебник и практикум для вузов / Г. А. Маховикова, Г. М. Гукасьян, В. В. Амосова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 443 с.

3. Экономическая теория : учебник для вузов / В. Ф. Максимова [и др.] ; под общей редакцией В. Ф. Максимовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 592 с

4. Заздравных, А. В. Теория отраслевых рынков : учебник и практикум для вузов / А. В. Заздравных, Е. Ю. Бойцова. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 288 с.

ЦИФРОВАЯ МАРКИРОВКА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЯ НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОВАРА

М.К. Марецкая
Научный руководитель: Н.С. Габец
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

В условиях глобализации торговли, роста трансграничных поставок и цифровизации экономики проблема обеспечения подлинности товаров приобретает приоритетное значение. Расширение электронной коммерции,

усложнение логистических цепочек и стабильное увеличение доли контрафактной продукции формируют устойчивый спрос общества на достоверность происхождения товаров и информации о нём. В этих условиях цифровая маркировка выступает не просто технологической инновацией, но и системным механизмом укрепления доверия потребителя к рынку в целом.

Актуальность исследования обусловлена тем, что традиционные формы подтверждения качества (преимущественно бумажные носители информации) уже не обеспечивают необходимый уровень защищённости и доступности информации для конечного потребителя. Покупатель всё чаще ожидает быстрой и удобной проверки подлинности товара с использованием цифровых инструментов. Именно поэтому внедрение национальных систем цифровой маркировки, интегрированных в единую информационную инфраструктуру, становится важным направлением государственной политики и элементом экономической безопасности.

Цель настоящего исследования – проанализировать цифровую маркировку как механизм реализации права потребителя на достоверную информацию о товаре.

Материал и методы. Эмпирическую базу исследования составили Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) 2018 г., аналитические материалы ассоциации «Антиконтрафакт», материалы Евразийской экономической комиссии, а также научные публикации по теме. В работе использован комплекс общенаучных и специально-юридических методов исследования: диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы.

Результаты и их обсуждение. Цифровая маркировка товаров сегодня является важным элементов торговой политики ЕАЭС. Как отмечают в своем исследовании В. А. Писанкова и П. В. Хохлова, цифровая маркировка представляет собой систему присвоения для определенной единицы товара идентификатора в виде цифрового кода (DataMatrix код), который дает информацию о продукте и его передвижении [5]. Такой код сопровождает товар от производства или импорта до реализации конечному покупателю. Также в научной литературе подчёркивается, что ключевым эффектом маркировки является снижение «информационной асимметрии между участниками рынка» [3, с. 62]. Иначе говоря, покупатель получает доступ к тем данным, которыми ранее обладали лишь производитель и контролирующие органы.

Механизм маркировки товаров средствами идентификации применяется в Евразийском экономическом союзе с 2016 года. В 2019 г. вступило с силу Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в ЕАЭС [6], определяющее порядок маркировки унифицированными в рамках Союза средствами идентификации. Следует отметить, что данное соглашение носит рамочный характер и может

распространяться на широкую группу товаров, перечень которых постоянно увеличивается [1].

Как отмечается в Евразийской экономической комиссии, ожидаемыми результатами от функционирования системы цифровой маркировки товаров должны стать:

1) для государства – эффективный инструмент контроля, упрощение взаимодействия уполномоченных органов государств-членов Союза при осуществлении трансграничных операций, наличие реальных статистических данных, повышение прозрачности внутренней торговли;

2) для бизнеса – рост конкурентоспособности добросовестных предпринимателей, снижение рисков заключения сделок с недобросовестными участниками рынка, ускорение и упрощение процессов взаимодействия бизнеса и государства, снижение количества контрольных процедур, оптимизация документооборота;

3) для потребителя – уверенность в приобретаемой продукции, доступность для широкого потребителя информации о товаре на каждом этапе, возможность участия в роли добровольного контролера [7].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие аспекты влияния цифровой маркировки на реализацию права потребителя на достоверную информацию:

1) доступность информации – цифровая маркировка делает информацию о происхождении доступной для любого потребителя, имеющего смартфон (для получения информации достаточно отсканировать код на упаковке). Это существенно упрощает доступ к информации по сравнению с традиционными способами (напр., изучение бумажных сертификатов или запрос документов у продавца);

2) достоверность информации – криптографическая защита кодов практически исключает возможность массовой подделки. Информация, получаемая потребителем, поступает непосредственно из национального реестра, который ведется уполномоченным оператором и защищен от несанкционированного изменения;

3) полнота информации – система маркировки предоставляет не только базовую информацию о товаре (наименование, производитель), но и данные о движении товара по цепочке поставок (импортер, дистрибьютор, магазин). Это, в свою очередь, позволяет оценить легальность ввоза и оборота товара;

4) своевременность информации – информация доступна в режиме реального времени (покупатель может проверить товар непосредственно в торговом зале и отказаться от покупки в случае выявления несоответствий);

Вместе с тем, в научных публикациях указывается, что без информационной кампании и формирования цифровой культуры даже самая совершенная система может не реализовать свой потенциал [4, с. 213]. Следовательно, доверие формируется не только через технологию, но и через практику её использования.

В декабре 2025 г. Евразийский межправительственный совет рассмотрел перспективы развития системы маркировки товаров в ЕАЭС.

Так, ключевыми направлениями развития системы маркировки товаров были определены:

1) интеграция на базе информационной платформы Евразийской экономической комиссии и технологическое совершенствование системы маркировки;

2) усиление контроля за легальностью и безопасностью товара посредством сопряжения с другими контролирующими системами на национальном уровне;

3) донастройка процессов для обеспечения свободы передвижения маркированных товаров на внутреннем рынке Союза [2].

Представляется, что данные меры будут способствовать более эффективному противодействию контрафактной продукции.

Заключение. Цифровая маркировка товаров выступает эффективным механизмом реализации права потребителя на достоверную информацию о товаре, его происхождении и легальности. Она обеспечивает доступность, достоверность, полноту и своевременность информации, а также оказывает профилактическое воздействие на производителей и продавцов контрафактной продукции.

Цифровая маркировки не только защищает права потребителей, но и способствует формированию цивилизованного рынка, созданию равных условий конкуренции для добросовестных производителей и продавцов, повышению собираемости таможенных платежей и защите интеллектуальной собственности.

Таким образом, цифровая маркировка трансформирует рынок, смещая акцент с исключительно государственного контроля на вовлечение самого потребителя в процесс подтверждения качества и безопасности товаров.

Список использованных источников

1. Гаврилова, В. Маркировка товаров в ЕАЭС: что нужно знать белорусам и каких новаций ждать / В. Гаврилова // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусью. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/89159/ (дата обращения: 12.03.2026)

2. Главы правительств определили дальнейшие направления развития системы цифровой маркировки товаров в ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/glavy-pravitelstv-opredelili-dalneyshie-napravleniya-razvitiya-sistemy-tsifrovoy-markirovki-tovarov-/ (дата обращения: 13.03.2026).

3. Гулин, В. М. Цифровая маркировка продукции – один из способов повышения доверия потребителей / В. М. Гулин // Актуальные проблемы менеджмента качества, стандартизации и метрологии : сб. докладов VIII Всерос. науч.-практ. Интернет-конф. – Белгород, 2021. – С. 62 – 64.

4. Кереселидзе, Н. Сертификация и таможня: барьеры на пути некачественной продукции / Н. Кереселидзе, Е. Н. Гончарова // Потребительский рынок: проблемы качества и безопасности товаров и услуг : материалы конф. (Орел, 04 декабря 2024 г.). – Орел, 2024. – С. 210-214.

5. Писанкова, В. А. Маркировка товаров: текущее состояние и перспективы развития / В. А. Писанкова, П. В. Хохлова // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. – 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/markirovka-tovarov-tekuschee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 28.02.2026).

6. Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евращийском экономическом союзе : заключено в г. Алматы 2 февраля 2018 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусью. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01800197 (дата обращения: 13.03.2026)

7. Торговая политика ЕАЭС – Цифровая маркировки товаров // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/66c/43.-TSifrovaya-markirovka-tovarov.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

С.Е. Махонько
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В современных условиях глобальной конкуренции и постоянного роста требований со стороны потребителей качество продукции и услуг становится одним из ключевых факторов устойчивого развития организаций. Если ранее качество рассматривалось преимущественно как техническая характеристика продукции, то в настоящее время оно приобретает стратегическое значение и охватывает все аспекты деятельности предприятия.

Формирование качества продукции и услуг представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который не ограничивается контролем готовой продукции. Современный подход предполагает создание комплексной системы формирования качества (СФК), охватывающей все этапы жизненного цикла продукции – от проектирования и производства до эксплуатации и обслуживания. Такой подход основан на принципах системного управления, ориентированного на удовлетворение потребностей потребителей и постоянное совершенствование процессов.

Развитие концепции управления качеством прошло длительный исторический путь – от философских представлений о сущности качества до современных международных стандартов менеджмента качества. Существенную роль в формировании современных подходов сыграли концепции всеобщего управления качеством (TQM), процессный подход и стандарты серии ISO 9000.

Целью данной работы является рассмотрение концептуальных основ системы формирования качества, анализ эволюции представлений о качестве, а также определение ключевых принципов и факторов,

обеспечивающих эффективное функционирование современных систем управления качеством.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных специалистов в области управления качеством, а также международные стандарты серии ISO 9000, регламентирующие требования к системам менеджмента качества.

В ходе работы использовались методы теоретического анализа, системного подхода и сравнительного анализа научных концепций. Основное внимание было уделено исследованиям, посвящённым формированию систем качества в организациях, включая работы А. Н. Морозевича, В. Н. Комличенко, а также современных авторов, изучающих философию управления качеством.

В рамках исследования рассматривалась эволюция понятия «качество» – от классических философских представлений до современных трактовок, ориентированных на удовлетворение потребностей потребителей. Также анализировались основные элементы системы формирования качества, включая организационную структуру, управленческие процессы, ресурсы и ответственность руководства.

Отдельное внимание уделялось современным концепциям управления качеством, таким как всеобщее управление качеством (TQM), процессный подход и стандартизация. Кроме того, рассматривалась роль человеческого фактора, организационной культуры и управления знаниями в формировании эффективной системы качества.

Результаты и их обсуждение. Анализ развития концепции качества показывает, что понимание данного понятия существенно изменялось на протяжении истории. Ещё в античной философии качество рассматривалось как фундаментальная характеристика объекта. Так, Аристотель определял качество как существенную определённость предмета. В течение длительного времени данное понимание сохранялось и в промышленной практике, где качество трактовалось как совокупность характеристик продукции, соответствующих установленным стандартам.

Однако с развитием рыночной экономики произошло существенное изменение подходов к пониманию качества. Переход от «рынка производителя» к «рынку потребителя» привёл к тому, что ключевым фактором оценки качества стала степень удовлетворения требований и ожиданий потребителей. В современных стандартах ISO 9000 качество определяется как степень соответствия совокупности характеристик продукции установленным и предполагаемым требованиям.

Важным этапом развития концепции управления качеством стало формирование системы формирования качества (СФК). Данный подход основывается на понимании того, что качество невозможно обеспечить исключительно посредством контроля готовой продукции. Оно должно формироваться на всех этапах жизненного цикла продукта.

Система формирования качества представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, включающих организационную структуру управления, регламентированные процессы и процедуры, ресурсы, а также ответственность руководства за обеспечение качества. Такая система ориентирована не только на конечный результат, но и на эффективность процессов, обеспечивающих создание продукции или услуги.

Современный этап развития управления качеством характеризуется признанием его многомерного характера. Особенно ярко это проявляется в сфере услуг, где качество определяется не только техническими показателями, но и уровнем удовлетворенности различных заинтересованных сторон. Например, в сфере образования качество деятельности учебного заведения оценивается с учетом мнения студентов, работодателей, государства и общества в целом.

Одной из современных научных концепций является понятие «антикачества», которое отражает совокупность потерь и дефектов, возникающих в процессе деятельности организации. Внутреннее антикачество связано с ошибками в производственных и управленческих процессах, тогда как внешнее антикачество проявляется в неудовлетворенности потребителей, снижении репутации и дополнительных издержках при использовании продукции.

Существенную роль в развитии современных систем формирования качества играют такие концепции, как всеобщее управление качеством (TQM), процессный подход и международная стандартизация. Концепция TQM предполагает вовлечение всех сотрудников организации в процесс непрерывного совершенствования деятельности. Процессный подход рассматривает деятельность организации как систему взаимосвязанных процессов, каждый из которых имеет свои входы, выходы и потребителей. Стандарты серии ISO 9000 обеспечивают формализацию требований к системам управления качеством и способствуют их международному признанию.

Наряду с организационными и технологическими аспектами важную роль в системе формирования качества играет человеческий фактор. Формирование культуры качества предполагает развитие ответственности сотрудников, соблюдение стандартов работы, а также готовность к постоянному обучению и обмену знаниями.

В условиях цифровой экономики особое значение приобретает управление знаниями. Эффективная система формирования качества должна включать механизмы накопления, хранения и распространения знаний внутри организации. Использование современных информационных технологий позволяет систематизировать знания и использовать их для совершенствования процессов управления качеством.

Заключение. Таким образом, анализ концепции системы формирования качества показывает, что представления о качестве существенно изменились в процессе развития науки и практики

управления. От первоначального понимания качества как совокупности характеристик продукции современная теория управления перешла к комплексному подходу, рассматривающему качество как стратегическую категорию, охватывающую все процессы организации.

Современная система формирования качества представляет собой сложную социально-техническую систему, включающую управленческие, организационные и технологические элементы. Она направлена на формирование качества на всех этапах жизненного цикла продукции и основана на принципах системного управления.

Ключевыми принципами современной концепции формирования качества являются ориентация на потребителя, применение системного и процессного подходов, а также непрерывное совершенствование деятельности. Важную роль в реализации данных принципов играет участие всего персонала организации, развитие культуры качества и эффективное управление знаниями.

Таким образом, система формирования качества становится неотъемлемой частью стратегии развития организации и важным фактором обеспечения её конкурентоспособности в долгосрочной перспективе.

Список использованных источников

1. Морозевич, А. Н. Система формирования качества: концептуальное представление / А. Н. Морозевич, В. Н. Комличенко, О. А. Морозевич, Т. М. Музычина // Белорусский экономический журнал. – 2004. – № 3. – С. 92 – 101.

2. ГОСТ ISO 9000-2011. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь = Quality management systems. Fundamentals and vocabulary : межгосударственный стандарт : введен впервые : дата введения 2013-01-01 / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Москва : Стандартинформ, 2012. – IV, 32 с.

3. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь = Quality management systems. Fundamentals and vocabulary : национальный стандарт Российской Федерации : введен впервые : дата введения 2015-11-01 / Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – Москва : Стандартинформ, 2018. – V, 49 с.

4. Всеобщее управление качеством : учебник / под ред. д-ра экон. наук, проф., акад. РАН В. В. Окрепилова, д-ра экон. наук, проф. Е. А. Горбашко. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – 287 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОСТАВКИ ПРОДУКЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК

К.А. Мельченко
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО

Тема инновационных технологий в доставке продукции является одной из ключевых в современной логистике и управлении цепями поставок (SCM). Внедрение этих технологий направлено на повышение скорости, прозрачности, гибкости и снижение стоимости логистических операций [1].

Материалы и методы. Использовались материалы научных публикаций, метод сравнительного анализа, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Результаты анализа автором преимуществ и рисков использования инновационных технологий в процессе доставки продукции в цепях поставок представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ преимуществ и рисков внедрения инновационных технологий в процесс доставки в цепи поставок.

Инновационные технологии	Преимущества	Риски	Оценка применимости
Искусственный интеллект (ИИ)	Точность прогноза Адаптивность	Качество данных (GIGO) Этические и правовые	Высокая
Блокчейн	Прозрачность Скорость расчетов	Масштабируемость Человеческий фактор	Средняя (с высоким потенциалом)
Автономные роботы и дроны	Скорость последней мили Снижение операционных затрат (OPEX)	Безопасность и законодательство Ограниченная функциональность	Средняя (с потенциалом роста)
Интернет вещей (IoT) и телематика	Прозрачность Контроль качества Предиктивность	Кибербезопасность Огромный объем данных Зависимость от связи	Высокая
Цифровые двойники (Digital Twins)	Экономия на тестах Точность планирования Оптимизация потоков	Высокая стоимость внедрения "Мусор на входе – мусор на выходе Квалификация персонала	Средняя (растущая).
RPA и умные склады	Скорость Точность Масштабирование	Высокие CAPEX Сложность переналадки Социальный аспект	Высокая

Источник: составлено автором на основе данных [1], [2], [3], [4], [5].

Искусственный интеллект (ИИ) основывается на преимуществах, заключающихся в точности прогноза, которая подразумевает возможность предсказать спрос с точностью до 85 – 95%, что снижает затоваривание складов или дефицит товара. Также преимуществом является адаптивность, предусматривающая перестройку маршрутов доставки в реальном времени, реагируя на погоду, пробки или закрытие границ. Риски данной технологии заключаются в качестве данных (GIGO) – если исторические данные были грязными или неполными, прогнозы ИИ приведут к убыткам. Этические и правовые вопросы ответственности не урегулированы. Оценка применимости данной технологии – высокая. Белорусская платформа INFINIUM с продуктами TMS Logimus и Optidriving успешно применяется для оптимизации логистики. Система использует данные более 100 000 автомобилей за 20 лет для прогнозирования трафика и оптимизации маршрутов. Технология уже активно применяется и будет масштабироваться, особенно в e-commerce, курьерских службах и грузовых автоперевозках[2].

Блокчейн (распределённый реестр) обладает преимуществами прозрачности: каждый участник цепи (от фермера до полки магазина) видит полную историю товара, подделать записи невозможно, а скорость расчетов повышается. Смарт-контракты автоматически оплачивают перевозчику доставку в момент сканирования кода получателем. А вот риски предполагают масштабируемость: публичные блокчейны пока медленнее централизованных баз данных и человеческий фактор – технология бессильна, если данные на входе были ложными (например, работник вручную ввёл неверную температуру). Оценка применимости технологии раскрывается в исследовании, что моделирование платформы на базе Hyperledger Fabric позволяет сократить издержки на 25%, ускорить цикл «отгрузка-оплата» в 10 раз и снизить потери от фальсификаций на 90% [5].

Автономные роботы и дроны обладают такими преимуществами, как скорость – последней мили доставка дроном может занять 20 – 30 минут вместо 1 – 2 часов (в городе), а также снижение операционных затрат (OPEX) – не нужно платить зарплату, больничные и налоги за водителя. Риски данной информационной технологии включают безопасность и законодательство – высокий риск падения дрона на людей/машины. В 90% стран мира полеты дронов над городом без спецразрешений запрещены и ограниченная функциональность робот не может занести тяжелую коробку на 5-й этаж без лифта. Оценка применимости данной технологии заключается в том, что Беларусь занимает 7 место в рейтинге готовности к внедрению автономного транспорта среди 16 стран (БРИКС, СНГ, партнеры Союзного государства), набрав 50,3 балла. В стране есть действующие разработчики: опытные образцы создаются на БелАЗ, МАЗ и

Минском тракторном заводе. Зоны для тестирования беспилотного транспорта уже существуют[3].

Интернет вещей (IoT) и телематика выделяют такие преимущества, как прозрачность: клиент и логист видят, где груз находится в реальном времени, контроль качества, гарантия сохранности чувствительных грузов (температура, влажность) и предиктивность – предсказание поломок транспорта до того, как они произойдут. Риски включают в себя кибербезопасность – потеря данных о перемещении ценных грузов (риск угона), подмена сигналов датчиков – огромный объем данных компании может быть не под силу их анализировать (нужны мощные серверы и аналитики) и зависимость от связи (при отсутствии сети (в туннелях, на удаленных трассах – трекинг теряется). Оценка применимости данной технологии заключается в том, что в Беларуси создана и активно развивается инфраструктура для IoT. Компания А1 с 2017 года развивает сеть NB-IoT, которая сегодня состоит из более чем 900 базовых станций по всей стране. Это позволяет подключать десятки тысяч устройств.

Цифровые двойники обладают преимуществами экономии на тестах – возможность сломать виртуальный склад, чтобы построить идеальный реальный и точность планирования моделирование сценариев "что, если" (например, рост цен на топливо на 20%), оптимизации потоков, что позволяет выявить узкие места без остановки производства. Риски подразумевают высокую стоимость внедрения требует огромных вычислительных мощностей и оцифровки каждого физического процесса; "мусор на входе – мусор на выходе": если данные в реальном мире собираются неточно, цифровой двойник будет показывать красивые, но ложные сценарии и квалификация персонала – нужны специалисты, умеющие работать с этим софтом. Оценка применимости подразумевает, что технология пока находится на ранней стадии внедрения. Основные барьеры – высокая стоимость и потребность в оцифровке всех процессов[5].

RPA и умные склады обладают преимуществами скорости – робот обрабатывает заказ быстрее человека, точности 0% ошибок при комплектации (пикинг) и масштабировании – легко добавить еще одного робота в пик сезона (в отличие от найма и обучения людей). Риски предусматривают: высокие CAPEX – стоимость автоматизации склада (роботы, стеллажи, ПО) окупается годами, сложность переналадки роботизированной линии – сложно перенастроить под новый тип товара (в отличие от человека) и социальный аспект сопротивление профсоюзов и сокращение персонала. Оценка применимости данной технологии заключается в высоком спросе со стороны как промышленных предприятий, так и складских комплексов, особенно в секторе e-commerce[1].

Заключение. Проведенный анализ инновационных технологий в доставке продукции свидетельствует о трансформации логистической

отрасли. Современное управление цепями поставок (SCM) переходит от традиционных моделей к интеллектуальным, гибким и полностью прозрачным экосистемам. Рассмотренные технологии – от искусственного интеллекта до роботизированных складов – не являются изолированными трендами, а формируют взаимосвязанную структуру «умной логистики».

Список использованных источников

1. Иванов, А. С. Автоматизация складской логистики: современные тенденции и перспективы развития / А. С. Иванов // Логистика и управление цепями поставок. –2024. – № 3. – С. 45 – 52.

2. INFINIUM: Умная логистика на базе искусственного интеллекта. – URL: https://logistinweb.ru/ (дата обращения: 09.03.2026)

3. Ковалев, Д. Н. Оценка готовности стран ЕАЭС к внедрению беспилотных технологий / Д. Н. Ковалев // Транспорт Российской Федерации. – 2025. – № 1. – С. 18 – 24.

4. Петров, В. К. Цифровые двойники в цепях поставок: от концепции к внедрению / В. К. Петров // Вестник университета. Серия: Менеджмент. – 2024. – № 5. – С. 92 – 98.

5. Смирнова, Е. А. Блокчейн-платформа как инструмент повышения эффективности и прозрачности цепочек поставок / Е. А. Смирнова, Д. И. Волков // Труды Белорусского государственного технологического университета. – 2025. – № 2. – С. 110 – 117.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

А.В. Мясоедова
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международный университет «МИТСО»

В современных условиях динамичного развития мировой экономики цифровизация становится ключевым фактором повышения эффективности бизнеса и конкурентоспособности предприятий. Особое значение цифровизация приобретает для логистических операторов, работающих в системе внешнеэкономической деятельности, в таможенной сфере. Исследования в этой области нашли отражение во многих научных публикациях [1], [3]. [5] и других.

Цель исследования: обосновать внедрение цифровых технологий в логистические процессы для оптимизации управления цепями поставок.

Материал и методы. Использовались материалы научных публикаций, данные официального сайта РУП «Белтаможсервис»; нормативно-правовых актов [2], [6]. Применялись методы сравнительного анализа, социально-экономической статистики, методы логисики.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что РУП «Белтаможсервис» это одно из ведущих предприятий Республики Беларусь

в области транспортно-логистических услуг, которое активно внедряет цифровые решения. Информационная инфраструктура логистических сетей предприятия играет ключевую роль в обеспечении эффективного управления грузоперевозками и таможенными процедурам.

Современные тенденции мировой и отечественной экономике свидетельствуют о том, что цифровизация становится ключевым фактором развития логистики и управления цепями поставок. Исследуемые научные материалы в совокупности отражают уровни осмысления цифровой трансформации с разных точек зрения.

Несмотря на различие исследовательских уровней, все работы объединяет единая концептуальная основа – признание того, что цифровизация является главным фактором повышения эффективности, устойчивости и прозрачности в управление цепями поставок. Авторы сходятся во мнении, что именно цифровые технологии позволяют перейти от классической модели управления потоками к интегрированной, адаптивной и прогнозной системе, основанной на данных.

Сравнив Указ Президента Республики Беларусь № 381 от 29 ноября 2023 года и Государственную программу «Цифровая Беларусь» на период 2026 – 2030 годов можно сделать вывод о приоритетности курса страны на укрепление и развитие национальных программно-технических решений. Ключевая цель – создание автономной белорусской экосистемы цифровых инструментов для коммерческого и государственного секторов. Эта экосистема должна опираться на передовую систему и инфраструктуру работы с данными, обеспечивая тем самым полную независимость от зарубежного программного обеспечения. Другими словами, Республика Беларусь стремится к суверенитету в цифровой сфере, опираясь на собственные разработки и ресурсы.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что цифровизация сегодня является ключевым фактором развития логистики и управления цепями поставок, обеспечивая их эффективность, устойчивость и прозрачность. Анализ научных трудов показывает, что внедрение цифровых технологий позволяет перейти от традиционных моделей к интегрированным системам управления, основанным на данных. В то же время Указ Президента Республики Беларусь № 381 и Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026 – 2030 годы подтверждают приоритет национального курса на развитие собственных программно-технических решений и создание автономной цифровой экосистемы, обеспечивающей технологический суверенитет страны.

РУП «Белтаможсервис» – это многопрофильное предприятие, входящее в систему Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, основными направлениями работы которого является транспортно-экспедиционное обслуживание, таможенное оформление грузов, услуги складов временного хранения и таможенных складов, международные перевозки и комплексные логистические решения.

Также одним из направлений РУП «Белтаможсервис» является разработка и создание программных продуктов для облегчения работы в оформление документов, ускорение обработки и выполнения услуг, а также для эффективного управления всеми цепями поставок.

Витебский филиал РУП «Белтаможсервис» уже реализует ряд эффективных решений, направленных на автоматизацию процессов, тем не менее, динамика развития цифровых технологий и растущие требования рынка создают новые возможности для дальнейшего совершенствования логистических процессов. В этой связи представляется актуальным рассмотреть направления, по которым возможно дополнительное развитие цифровой инфраструктуры предприятия и внедрение новых информационных инструментов, способных повысить эффективность управления цепями поставок.

Сравнительный анализ преимуществ и рисков внедрения цифровых технологий в управление цепями поставок в Витебском филиале РУП «Белтаможсервис» приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ преимуществ и рисков внедрения цифровых технологий

Наименование	Область применения	Преимущества	Риски
1.Цифровые двойники	1.Информационные технологии 2.Транспортная отрасль и логистика	- выявление потенциальных проблем -улучшение эффективности процессов -укрепление конкурентных позиций -увеличение прибыльности	-риск утечки информации -возможные кибератаки -высокие первоначальные затраты -непредвиденные расходы -необходимость в обучении
2. Supply Chain Control Tower (SCCT) совместно с применением Big Data, AI, IoT	1.Управление цепями поставок	-расширенная видимость всей цепочки -улучшение качества обслуживания клиентов -укрепление взаимодействия между участниками -повышение гибкости и адаптивности к изменениям.	-значительные первоначальные затраты на внедрение -непредвиденные расходы -необходимость в обучении -возможные кибератаки

Источник: разработано авторов на основе данных [3, с.13], [3, с.21].

На основе таблицы можно сделать вывод, что внедрение цифровых двойников и SCCT способствует повышению прозрачности и операционной эффективности цепочек поставок, обеспечивая превентивное выявление рисков и оптимизацию процессов. В то же время, их реализация сопряжена с угрозами информационной утечки и сложностью моделирования, что требует комплексных мер по управлению рисками и обеспечению информационной безопасности.

Беларусь последовательно работает над укреплением своего цифрового суверенитета, формированием отечественной экосистемы цифровых решений, не зависящей от иностранного ПО и обеспечивающей стабильный экономический рост. В этой стратегии ключевую роль играет РУП «Белтаможсервис», играющее важную роль во внешнеэкономической деятельности государства. Предприятие активно применяет цифровые технологии для оптимизации, повышения прозрачности и ускорения логистических операций.

Таким образом, цифровизация закладывает основу для развития логистических систем и позволит РУП «Белтаможсервис» улучшить конкурентоспособность, сократить расходы и повысить уровень клиентского сервиса, а также внести вклад в укрепление национального технологического суверенитета и развитие общей цифровой среды Беларуси.

Список использованных источников

1. Бордунов, И. В. Цифровизация в управлении цепями поставок / И. В. Бордунов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Том 10. № 6А. – С. 177 – 184. DOI: 10.34670/AR.2020.90.27.021.

2. Государственная программа, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 года №793 «Цифровая Беларусь» на 2026 – 2030 годы. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500793 – (дата обращения: 03.02.2026).

3. Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев, Н. Н. Лычкина, Ю. А. Морозова, И. В. Сергеев, И. М. Дутиков, П. А. Корниенко; под общ. и науч. ред. В. И. Сергеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 190 с.

4. Официальный сайт РУП «Белтаможсервис». – URL: https://declarant.by/ru/ - (дата обращения: 09.02.2026).

5. Симонович, Н. Логистика: современное управление цепями поставок и цифровые технологии: учебное пособие / Н. Симонович, Д. Варавва. – Ridero, 2025. – 96 с.

6. Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.12.2023, 1/21135. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300381 – (дата обращения: 05.02.2026).

СЕРВИТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ К ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ

А.А. Найденко
Научный руководитель: А.В. Бондарь
Минск, БГЭУ

В условиях глобального демографического старения и ускоренной сервитизации экономики возрастает потребность в переосмыслении роли людей старшего возраста, которые одновременно выступают значимой потребительской группой, формирующей спрос на специализированные услуги, и ценным кадровым ресурсом, особенно в сфере знаниеемких услуг, где востребованы опыт и квалификация. В соответствии с этим была поставлена цель данного исследования – проанализировать взаимосвязь демографического старения, сервитизации и инноваций и определить роль людей старшего возраста в формировании спроса и предложения в сфере знаниеемких услуг.

Материал и методы. Теоретическую основу исследования составили научные труды белорусских и зарубежных авторов в области сервитизации экономики, развития знаниеемких услуг, демографических изменений и их влияния на рынок труда, включая работы А. В. Бондаря, К. И. Рябовой, К. И. Жуковой, М. П. Томкович, Г. Г. Головенчик, Е. Г. Господарика и М. М. Ковалева. Методологическая основа включает общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения, систематизации и обобщения, а также методы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Начиная со второй половины XX века сектор услуг устойчиво превосходит первичный и вторичный сектора по доле в ВВП и занятости. Первоначальный импульс этому процессу дал перенос промышленности в развивающиеся страны при сохранении НИОКР в развитых государствах, второй импульс обеспечило развитие информационно-коммуникационных технологий, трансформировавших сервисную экономику в цифровую. Однако мировая экономика не может стать исключительно сервисной, поскольку сфера услуг остается сектором, обслуживающим производство. Промышленность и логистика выступают необходимой базой для инноваций: производство обеспечивает индустриализацию инновационных продуктов, логистика снижает издержки и поддерживает цепочки поставок, а эффект масштаба в обрабатывающей промышленности способствует формированию инновационных кластеров и распространению знаний, создавая синергию между отраслями и стимулируя дальнейшие инновации [1, с.12].

В Республике Беларусь структура валового внутреннего продукта в 2024 году также характеризовалась устойчивым преобладанием сферы услуг, доля которой в формировании добавленной стоимости (без учета чистых налогов на продукты) достигла 49,5 %. Сфера производства,

включающая промышленность, сельское хозяйство и строительство, сформировала 38,2 % ВВП. Внутри сервисного сектора ключевыми компонентами выступили оптовая и розничная торговля с долей 9,7 %, операции с недвижимым имуществом (6,0 %), транспортная деятельность и информация со связью (5,5 % и 4,9 % соответственно), а также образование и здравоохранение, достигшие 4,2 и 4,0 процента. В промышленном производстве традиционно доминирует обрабатывающий сектор, обеспечивающий 20,9 % совокупного ВВП (рисунок 1) [2].

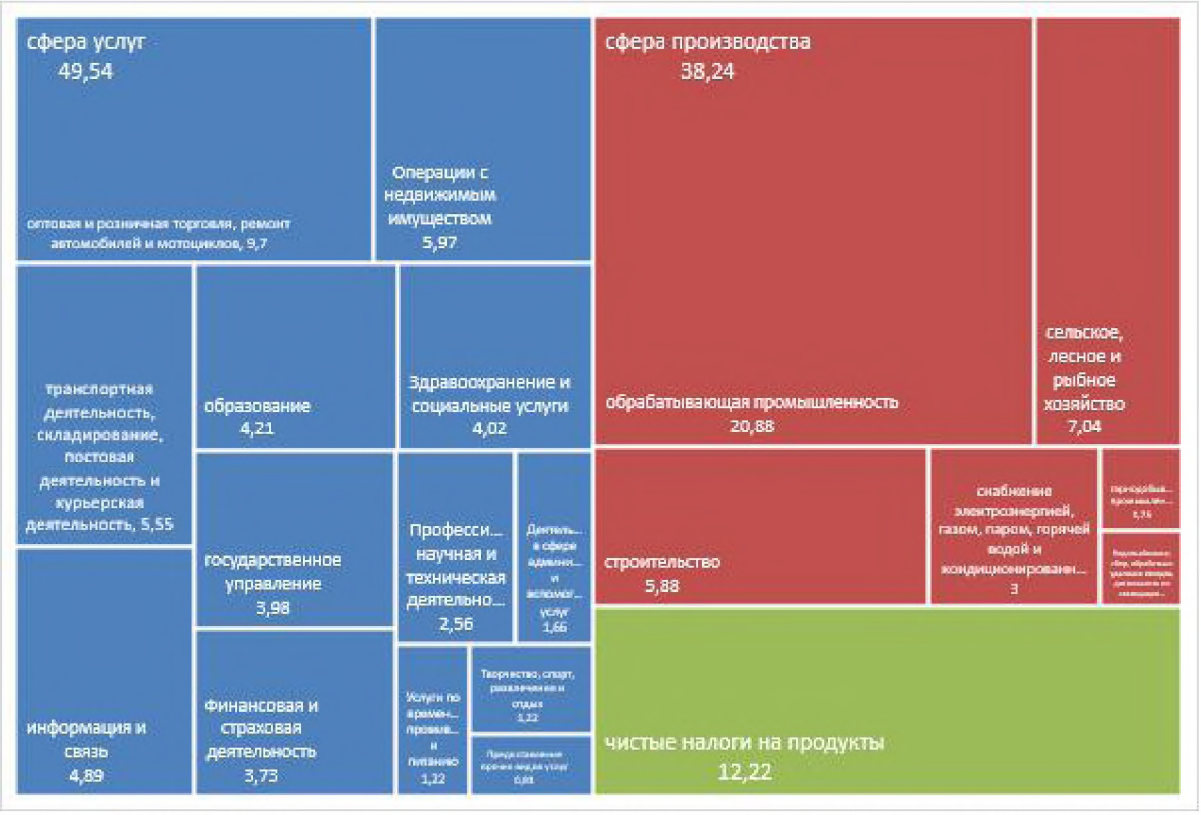


Рисунок 1 – Структура производства ВВП Республики Беларусь в 2024 году, в процентах к итогу

Примечание – Источник: составлено автором на основе [2].

В структуре национальной экономики отчетливо выделяется сегмент знаниеемких услуг, которые, согласно определению А. В. Бондаря и К. И. Рябовой, представляют собой «деятельность, основанную на квалифицированном труде высокообразованных работников, характеризующуюся неосязаемостью результата, значительным объемом знаний производителей и потребителей, а также способностью обеспечивать динамику добавленной стоимости благодаря наукоемкости и технологичности» [3, с. 94].

Раскрывая содержание знаниеемких услуг, А. В. Бондарь и К. И. Жукова конкретизируют их состав, указывая, что спрос на них в постиндустриальном обществе «обусловлен интенсификацией общественного производства с целью человеческого развития, требующего

высокой образованности, постоянного пополнения знаний, новой информации (образовательные, информационные, библиотечные услуги), предполагающего здоровый образ жизни и своевременные диагностические мероприятия (медицинские, санаторно-курортные услуги), а также освоение ИКТ, безопасность и высокую социальную защищенность (услуги страхования, защиты в чрезвычайных ситуациях, адвокатуры, защиты информации, общественного порядка, окружающей среды)» [4, с. 66].

К данному сектору правомерно отнести информацию и связь, формирующие 4,9 % ВВП и выступающие ядром цифровизации экономики, профессиональную, научную и техническую деятельность с долей 2,6 %, финансовую и страховую деятельность, достигающую 3,7 %, а также образование и здравоохранение, составляющие 4,2 и 4,0 % соответственно. В совокупности знаниеемкие услуги формируют около 19,4 % валового внутреннего продукта, что отражает потенциал развития инновационной экономики знаний в русле постиндустриальной трансформации, базирующейся на ресурсе интеллекта и инновациях (рисунок 1).

Стоит отметить, что демографические изменения вносят существенные коррективы в функционирование рынка труда и структуру занятости. В 2025 году была утверждена Государственная программа «Сбалансированный рынок труда» на 2026 – 2030 годы, направленная на адаптацию к демографическим вызовам и структурным изменениям экономики. Почти каждый пятый гражданин пенсионного возраста в Беларуси продолжает трудовую деятельность, а общая численность работающих пенсионеров достигла 472 тысяч человек, что составляет около 20 % от общего количества людей «серебряного» возраста. При этом более половины работающих пенсионеров (55 процентов) заняты именно в сфере услуг, что коррелирует с высокой долей сервисного сектора в структуре ВВП. Наиболее востребованными профессиональными областями среди пожилых работников выступают здравоохранение и инженерия, причем каждый пятый работающий пенсионер трудится в сфере образования.

Старшее население формирует устойчивый спрос на специализированные услуги, что создает предпосылки для развития концепции «серебряной экономики». Как отмечает М. П. Томкович, речь идет о стимулировании сектора услуг, ориентированных на удовлетворение специфических потребностей пожилых людей, включая здравоохранение, социальную помощь, транспорт и развлечения, причем данная задача решается как через донастройку существующих сервисов, так и посредством создания новых на основе цифровых технологий, Интернета вещей и искусственного интеллекта [5, с. 58]. Особую значимость приобретают технологии удаленного мониторинга здоровья, телемедицина, решения для «умного дома», обеспечивающие независимый

образ жизни, а также специализированные финансовые продукты, включая пенсионное страхование и программы долгосрочных сбережений. В свою очередь, развитие знаниеемких услуг в образовательной сфере, представленное программами «третьего возраста» и обучением цифровой грамотности, создает условия для дальнейшей экономической активности старшего поколения и передачи накопленного экспертного знания уходящих на пенсию специалистов, что в конечном итоге способствует превращению демографического вызова в источник устойчивого экономического роста.

Заключение. Проведенное исследование свидетельствует, что экономика Республики Беларусь характеризуется устойчивым преобладанием сферы услуг, внутри которой особое место занимают знаниеемкие услуги, отражающие потенциал развития инновационной экономики. Демографические изменения, выражающиеся в старении населения и росте численности работающих пенсионеров, значительная часть которых занята именно в сфере услуг, создают как вызовы, так и новые возможности. Люди старшего возраста выступают одновременно ценным кадровым ресурсом в социально значимых областях и формируют устойчивый спрос на специализированные услуги в рамках «серебряной экономики». Развитие знаниеемких услуг, включая телемедицину, цифровое образование и технологии, ориентированные на потребности старшего поколения, в сочетании с адаптацией рынка труда позволяет превратить демографический вызов в фактор устойчивого роста, основанного на эффективном использовании человеческого капитала и инновациях.

Список использованных источников

1. Головенчик, Г. Г. Конкурентные позиции Союзного государства Беларуси и России на мировом рынке услуг / Г. Г. Головенчик, Е. Г. Господарик, М. М. Ковалев // Банкаўскі веснік. – 2024. – № 12/737. – С. 12 – 27.

2. Валовой внутренний продукт производственным методом [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/vvp-rasschitannyi-proizvodstvennym-metodom/2024-god/ (дата обращения: 13.03.2026).

3. Бондарь, А. В. Знаниеемкие услуги как фактор формирования интеллектуального капитала / А. В. Бондарь, К. И. Рябова // Белорусский экономический журнал. – 2022. – № 3. – С. 87 – 101.

4. Бондарь, А. В. Знаниеемкие услуги в Республике Беларусь: особенности формирования и перспективы развития / А. В. Бондарь, К. И. Жукова // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : [сборник]. Вып. 7 / М-во образования Респ. Беларусь, Белорусский гос. экон. ун-т ; [редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2014. – С. 65 – 72.

5. Томкович, М. П. Приоритеты императивного развития сервисной экономики в Республике Беларусь / М. П. Томкович // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 2 (74). – С. 56 – 65.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

А.А. Нестеренко, В.В. Мизерия
Научный руководитель: Н.С. Габец
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Цифровая трансформация государственного управления в целом и таможенного администрирования в частности является одной из тенденций современного развития. Технология распределенного реестра (блокчейн) рассматривается как одна из наиболее перспективных инноваций, способных изменить парадигму таможенного контроля. По оценкам Всемирной таможенной организации, блокчейн может обеспечить принципиально новый уровень доверия, прозрачности и эффективности в международной торговле, минимизируя риски мошенничества и коррупции, а также сокращая временные и административные издержки [7, с. 15]. В Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) вопросы внедрения передовых технологий, включая блокчейн, рассматриваются в контексте положений Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 г. [1] и формирования «цифрового пространства» Союза.

Цель настоящей статьи заключается в анализе применения технологии блокчейн в деятельности таможенных органов.

Материал и методы. Эмпирическую базу исследования составили правовые акты ЕАЭС, аналитические материалы Всемирной таможенной организации и Евразийской экономической комиссии, а также научные публикации по теме. В работе использован комплекс общенаучных и специально-юридических методов исследования: диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы.

Результаты и их обсуждение. Как отмечает В.С. Курлянчик, в настоящее время ни в одном из государств-членов ЕАЭС технология блокчейн в деятельности таможенных органов не применяется. При этом в научных исследованиях отмечено, что ее внедрение упростит и ускорит процесс таможенного оформления, окажет положительное влияние на трансграничную торговлю [2, с. 174]

В научной литературе отсутствует единое определение блокчейна. Так, одни авторы рассматривают его как цепочку блоков, другие – как электронную таблицу, созданную для операций в глобальном масштабе [6]. В целом, блокчейн представляет собой распределенную базу данных, в которой информация хранится в виде последовательности связанных между собой блоков. Каждый блок содержит определенный набор записей (транзакций), метку времени и хеш-ссылку на предыдущий блок, что обеспечивает целостность и неизменность всей цепочки.

В научной литературе выделяют несколько ключевых характеристик, определяющих ее преимущество. К ним относятся: децентрализация (информация хранится не на едином сервере, а одновременно у всех участников сети); неизменность (внесенные в реестр записи не могут быть изменены или удалены задним числом без согласования с участниками сети); прозрачность и отслеживаемость, а также автоматизация с помощью смарт-контрактов [2, с. 174].

На наш взгляд, указанные выше характеристики позволяют решить ряд проблем: недоверие между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами, сложность проверки подлинности документов, высокие издержки на контроль и др.

Несмотря на то, что в ЕАЭС система блокчейн пока рассматривается как перспективная технология, мировая практика уже накопила определенный опыт внедрения блокчейн-технологий в деятельность таможенных органов, что, безусловно, заслуживает изучения и адаптации к условиям в ЕАЭС. Так, одним из пионеров внедрения технологии блокчейн является Сингапур, который уже использует эту технологию для обмена документами о происхождении товаров, что позволяет автоматически верифицировать сертификаты происхождения, исключая возможность подделки [6]. Кроме того, масштабный проект по созданию национальной блокчейн-платформы для внешней торговли, интегрированной с таможенными информационными системами, реализуется в Китае. Опыт применения блокчейн для улучшения управления карнетами АТА и связи между правительством и бизнесом есть и в странах ЕС [4].

Анализ потребностей таможенного администрирования и возможностей технологии позволяет выделить несколько направлений внедрения блокчейна в деятельность таможенных органов государств-членов ЕАЭС:

1) прослеживаемость товаров и цепочек поставок – на сегодня это, пожалуй, наиболее очевидная и востребованная сфера применения блокчейна. Внесение в распределенный реестр информации о каждой операции с товаром (производство, сертификация, отгрузка и т.д.) создает неизменяемую историю, доступную всем участникам процесса. Как отмечается в Соглашении о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС [5], создание единой системы, обеспечивающей прослеживаемость оборота товаров, является одним из приоритетов развития Союза.

2) автоматизация уплаты таможенных платежей с использованием смарт-контрактов – применение смарт-контрактов открывает возможности для автоматизации процессов исчисления и уплаты таможенных пошлин. Важным преимуществом использования смарт-контрактов является исключение человеческого фактора при расчетах и минимизация коррупционных рисков.

3) зашита прав интеллектуальной собственности и противодействие контрафакту – блокчейн может стать эффективным инструментом защиты прав интеллектуальной собственности и борьбы с контрафактной продукцией. Так, при ввозе товаров таможенный орган может в автоматическом режиме сверять информацию о товаре с данными, включенными в реестр, и выявлять признаки контрафакта.

4) обеспечение прозрачности транзитных перевозок – применение блокчейна в сочетании с иными технологиями (например, навигационными пломбами) позволяет создать т.н. «умный контракт» транзитной перевозки, в котором:

а) фиксируется маршрут следования и сроки доставки;

б) автоматически отслеживается соблюдение условий перевозки;

в) в случае отклонения от маршрута или нарушения условий формируется сигнал для контролирующих органов;

г) по факту доставки товаров в пункт назначения автоматически завершается таможенная процедура.

Кроме того, отдельные авторы анализируют возможность применения данной технологии в системе таможенных платежей, определяя ее преимущества в данной сфере [3, с. 133 – 134].

Вместе с тем, внедрение технологии блокчейн в деятельность таможенных органов сопряжено с целым рядом проблем, которые требуют глубокого анализа и готовности к выработке механизмов их решения:

1) правовой статус данных в распределенном реестре – требуется внесение изменений в таможенное, гражданское и налоговое законодательство государств-членов ЕАЭС;

2) интеграция с существующими информационными системами – внедрение блокчейна не может происходить в отрыве от уже существующих информационных систем (например, в Республике Беларусь – это АИС «Декларант»). Необходимо обеспечить совместимость форматов данных, возможность двустороннего обмена информацией между блокчейн-платформой и традиционными системами.

Кроме того, необходима выработка единых подходов в рамках ЕАЭС. Иными словами, внедрение технологии блокчейн должно происходить постепенно всеми государствами-членами ЕАЭС и предварительно быть согласованным.

Заключение. Таким образом, технология блокчейн обладает значительным потенциалом для трансформации таможенного администрирования. Рассмотренные в статье ключевые характеристики блокчейна позволяют решать многие проблемы, с которыми сталкиваются таможенные органы. Однако внедрение технологии также сопряжено с серьезными вызовами, поэтому представляется целесообразным поэтапное внедрение технологии блокчейн, начинающееся с пилотных проектов в отдельных сферах и плавно движущееся к созданию единой интеграционной платформы.

Список использованных источников

1. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» // ЕЭК. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/2030-2045/ (дата обращения: 12.03.2026).

2. Курлянчик, В. С. Технология блокчейн как элемент цифровизации таможенных органов в ЕАЭС / В. С. Курлянчик, А. С. Ковальчук // Актуальные проблемы таможенного администрирования : сб. материалов Молодежной науч. конф., Санкт-Петербург, 15 мая 2025 г. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2025. – С. 173 – 177.

3. Марецкая, М. К. Перспективы внедрения блокчейн-технологий в систему таможенных платежей ЕАЭС / М. К. Марецкая, А. А. Тозик // Современные проблемы финансового права – 2025 : сб. науч. ст. ; глав. ред. Л. Я. Абрамчик ; редкол.: Л. Я. Абрамчик [и др.]. – Гродно : ГрГУ имени Янки Купалы, 2025. – С. 132 – 135.

4. Обзор «Передовые цифровые технологии, реализуемые в сфере внешнеэкономической деятельности в контексте совершенствования механизма «единого окна»» // ЕЭК. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8dd/2023_11_16_Obzor.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

5. Соглашение о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза от 29 мая 2019 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).

6. Blockchain: unveiling its potential for Customs and trade // WCO. – URL: https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-87/blockchain-intro (дата обращения: 13.02.2026).

7. WCO. Blockchain: A New Frontier in Customs Control. – Brussels: WCO, 2024. – 64 p.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ТОРГОВОГО АССОРТИМЕНТА В ОАО «НИКА»

В.С. Небрадовская
Научный руководитель: Т.П. Побяржина
Витебск, Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

Ассортиментная политика ОАО «Ника» предполагает решение следующих наиболее важных задач: удовлетворение спроса конкретных групп потребителей; гибкое реагирование на требования рынка; обеспечение финансовой устойчивости торгового предприятия. Основными методами формирования ассортимента в ОАО «Ника» являются метод ассортиментного перечня и метод потребительского комплекса. Метод ассортиментного перечня предполагает наличие в продаже товарного предложения, заявленного в обязательном ассортиментном перечне, который утверждается Управлением торговли Витебского городского исполнительного комитета и согласовывается с Государственным санитарно-эпидемиологическим надзором.

Материал и методы. Информационной базой для исследования послужили данные организации, достаточно продолжительный опыт работы в ней и результаты анкетирования покупателей. Методология включала общенаучные методы синтеза, сравнительного анализа, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Современный подход к формированию ассортимента товаров, известный как метод потребительского комплекса, ставит во главу угла всестороннее удовлетворение потребностей покупателей. Он не только обеспечивает более полное удовлетворение конкретных запросов, но и значительно упрощает процесс выбора, экономит время и даже способствует совершению незапланированных покупок. Чтобы эффективно использовать этот метод, сотрудники коммерческого отдела и товароведы магазинов ОАО «Ника» активно изучают потребительский спрос с помощью опросов и наблюдений. Ключевым фактором успеха также является поддержание ассортимента, который характеризуется достаточной полнотой, широтой, глубиной и стабильностью, чтобы всегда отвечать ожиданиям клиентов.

Для формирования ассортимента в ОАО «Ника» используется многоступенчатый подход. Он начинается с тщательного исследования рынка, включающего анализ спроса на продовольственные и непродовольственные товары, изучение конкурентов и оценку текущих рыночных трендов, а также соотнесение этих данных со своими стратегическими целями. При этом ассортимент товаров в ОАО «Ника» строится с учетом дифференциации по ценовым сегментам, качественным характеристикам и брендам. В рамках этого процесса принимаются ключевые решения о том, какие именно товары будут предложены, в каком объеме и с какими вариациями. В результате, грамотно выстроенный и управляемый ассортимент становится мощным инструментом для привлечения покупателй, удовлетворения их потребностей и обеспечения устойчивой конкурентоспособности предприятия.

Состояние ассортиментной политики ОАО «Ника» представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Состояние ассортиментной политики ОАО «Ника»

Характеристика ассортиментной политики	Фактическое положение дел	Желательное положение или необходимые меры
Целевая направленность товарной политики	Сегментация рынка осуществляется на основе наблюдений, интуиции, используя опыт работы на рынке	Данному вопросу уделяется недостаточное внимание, требуется проведение маркетинговых исследований и точное установление целевых сегментов

Характеристика продаваемых товаров	Метод изучения спроса: оперативный метод - учет ежедневной реализации по количеству, сумме, структуре, в том числе по ассортименту и отдельным позициям, а также распределение спроса по времени (по дням недели); Ведение «журнала неудовлетворенного спроса».	Дополнительное использование метода полевых исследований - непосредственное общение продавцов с покупателями и выявление в процессе беседы цель их прихода в магазин
Порядок внедрения новых товаров	Обеспечение достаточной полноты, широты, глубины и обновляемости ассортимента, соответствие ассортимента товаров характеру спроса	Данному вопросу уделяется недостаточное внимание
Учет потребностей и спроса покупателей	Устные беседы с покупателями	Данному вопросу уделяется достаточное внимание
Слежение за жалобами покупателей	Учет замечаний ведется в «Книге жалоб и предложений»	Работы с жалобами осуществляется в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь
Ассортиментная политика	Ассортиментная политика разработана с учетом реального и прогнозируемого ассортимента, максимально приближающегося к оптимальному, для удовлетворения разнообразных потребностей покупателей	Данному вопросу уделяется достаточное внимание

Примечание – Источник: составлено автором по данным организации

ОАО «Ника» реализует самые разнообразные товары, произведенные как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. У предприятия имеется большой опыт в работе с российскими производителями. ОАО «Ника» является импортерами масла подсолнечного, крупы, муки, макаронных изделий, широкого ассортимента кондитерских изделий, овощной и рыбной консервации, чая, продукты быстрого питания, и т.д. Постоянными поставщиками предприятия являются: ООО «Роял Кейк», КРЦ «Эфко-каскад», ООО «Масло Экспорт», ООО «Анаком», ТД «Рижский», ООО «Альпенгурт», ООО «ПФ Авангард Экпорт», ООО «ТД Топ-кондитер», ООО «Петровские Нивы», ООО «Петербургский мельничный комбинат», ООО «Кристалл», ООО «Феретти Рус», ООО «Смоленский пищевой комбинат» и многие другие.

Как свидетельствуют данные таблицы 2, общий товарооборот ОАО «Ника» в 2024 году составил 87746 тыс. руб., что составило 103,9% от уровня предыдущего года. Положительным в работе организации является увеличение объема реализации товаров по всем видам

деятельности. Наибольший рост товарооборота имел место в оптовой торговле (на 5,4

Таблица 2 − Динамика и структура товарооборота ОАО «Ника» по видам

Показатель	2023 г.		2024 г.		Абсолютное изменение, тыс. руб.	Темп роста,%	Изменение структуры, п. п.
	сумма, тыс. руб.	уд. вес,%	сумма, тыс. руб.	уд. вес,%			
Оптовый товарооборот в действующих ценах	22982	27,2	24218	27,6	+1236	105,4	+0,4
Розничный товарооборот в действующих ценах	61509	72,8	63528	72,4	+2019	103,3	-0,4
Всего	84491	100,0	87746	100,0	+3255	103,9	-

Примечание – Источник: составлено автором по данным организации

В таблице 3 представлена информация для анализа динамики и структуры товарооборота ОАО «Ника» по группам товаров.

Таблица 3 − Динамика и структура товарооборота ОАО «Ника» по группам товаров

Показатель	2023 г.		2024 г.		Абсолютное изменение, тыс. руб.	Изменение структуры, п. п.
	сумма, тыс. руб.	уд. вес,%	сумма, тыс. руб.	уд. вес,%		
Товарооборот продовольственных товаров	78577	93,0	81692	93,1	+3115	+0,1
Товарооборот непродовольственных товаров	5914	7,0	6054	6,9	+140	-0,1
Всего	84491	100,0	87746	100,0	+3255	-

Примечание – Источник: составлено автором по данным организации

Анализ данных таблицы 3 показывает, что в ОАО «Ника» значительно вырос товарооборот продовольственных товаров. Разнообразие, полнота и устойчивость ассортимента служат свидетельством грамотной ассортиментной политики торговой организации.

Для оценки эффективности ассортимента продовольственных товаров было проведено выборочное анкетирование посетителей одного из магазинов. В таблице 4 представлены результаты анкетирования покупателей по вопросу эффективности ассортиментной политики

Таблица 4 – Результаты анкетирования покупателей магазина ОАО «Ника» по вопросу эффективности ассортиментной политики продовольственной группы товаров

Показатели	Оценка покупателей, %
Показатели ассортимента продовольственных товаров	

Ассортимент товаров узкий	10,0
Ассортимент товаров средний	30,0
Ассортимент товаров широкий	60,0
Изменение ассортимента продовольственных товаров за год	
Не заметили особых изменений в ассортименте товаров за последний год	77,5
Отметили расширение ассортимента	17,5
Считают, что ассортимент стал хуже	5,0
Степень обновления ассортимента продовольственных товаров	
Низкая	10,0
Средняя	37,5
Высокая	52,5

Примечание – Источник: составлено автором

Анализируя состояние ассортимента продовольственных товаров в ОАО «Ника», исходя из анкетирования покупателей, можно сделать следующие выводы: большинство респондентов – 60,0%) оценивают ассортимент товаров, как широкий; вторая группа – 30% – как удовлетворительный и только 10,0% респондентов считают, что ассортимент в магазине узкий. Результаты анкетирования свидетельствуют о высокой эффективности ассортимента продовольственной группы товаров ОАО «Ника», что оказывает положительное влияние на величину товарооборота и финансовые результаты предприятия.

Заключение. На основании комплексного исследования товарного ассортимента можно сделать следующие выводы. К преимуществам управления торговым ассортиментом ОАО «Ника» относятся:

1) устойчивая положительная динамика роста товарооборота большинства ассортиментных позиций, как продовольственных товаров, так и непродовольственных;

2) результаты анкетирования покупателей свидетельствуют о высокой эффективности ассортимента продовольственной группы товаров, что оказывает положительное влияние на величину товарооборота и финансовые результаты предприятия.

В то же время недостатками управления торговым ассортиментом в ОАО «Ника» являются:

1) при формировании ассортимента ОАО «Ника» не использует современные логистические аналитические методы, включая ABC-, XYZ-, FSN/FNS/FMR- и RFM-анализ – отсутствие систематического применения данных методик препятствует эффективной идентификации высокодоходных, высокооборачиваемых и низколиквидных позиций в структуре ассортимента;

2) ассортимент непродовольственных товаров ограничен и не отличается широтой, периодически проводится его незначительное

обновление, ориентированное на покупательский спрос, однако, это касается лишь ограниченного числа товарных категорий, в отдельные периоды наблюдался дефицит определенных позиций непродовольственных товаров, что негативно отражается на устойчивости ассортимента и показателях товарооборота.

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ООО ПП «УНИВЕРСАЛ-ОКС»)

Е.С. Пушкарёва
Научный руководитель: Е.Ф. Замостоцкая
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях цифровой трансформации экономики эффективность хозяйственной деятельности предприятия напрямую зависит от уровня автоматизации управления бизнес-процессами. Программное обеспечение (ПО) перестало быть просто средством учета и превратилось в инструмент стратегического управления, позволяющий оптимизировать затраты, ускорять принятие решений и повышать конкурентоспособность [1, с. 214]. Особую актуальность это приобретает для производственных предприятий, где накладные расходы и простои напрямую влияют на финансовый результат.

Материал и методы. Теоретической базой послужили научные публикации в области информационных технологий в управлении и логистике, а также материалы научно-практических конференций. Информационной базой исследования явились данные бухгалтерской и оперативной отчетности, внутренняя документация и результаты наблюдений за деятельностью ООО ПП «Универсал-ОКС» за 2022–2024 гг. В работе использовались методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, метод экспертных оценок и элементы SWOT-анализа.

Результаты и их обсуждение. ООО ПП «Универсал-ОКС» – стабильно работающее предприятие по производству корпусной мебели, демонстрирующее устойчивый рост выручки (более 11% ежегодно). В ходе анализа его хозяйственной деятельности было установлено, что программное обеспечение представлено преимущественно бухгалтерской системой «1С: Бухгалтерия», используемой для ведения регламентированного учета, и отчасти «1С: Управление торговлей», применяемой для оформления первичных документов (приходов, расходов, счетов). Однако функционал этих систем в части управления производством, складом и закупками используется лишь частично, в режиме оперативного учета, а не планирования.

SWOT-анализ, проведенный на предприятии, показал, что его слабыми сторонами являются преобладание ручного учета и оперативного планирования, а также отсутствие системного анализа запасов. Угрозами выступают рост цен на сырье и усиление конкуренции. В то же время, возможности для развития напрямую связаны с автоматизацией учета и внедрением современных методов анализа [2]. Это подтвердило гипотезу о том, что текущий уровень программного обеспечения сдерживает потенциал роста предприятия.

Ключевой проблемой стала недифференцированная политика управления запасами. Для её диагностики был применен метод ABC-XYZ анализа [3, с. 78]. Его результаты (таблица 1) показали, что к позициям с разной степенью важности и предсказуемости спроса применяются однотипные методы планирования.

Таблица 1 – Фрагмент результатов диагностики системы управления запасами

Категория	Характеристика спроса	Пример позиции	Риск при текущем управлении
AX	Высокоценный, стабильный	ЛДСП, кромка ПВХ	Низкий (возможен излишек)
AZ	Высокоценный, нерегулярный	Петли «скрытый монтаж», столешницы	Высокий (дефицит / заморозка средств)
CZ	Низкоценный, нерегулярный	Неходовые ручки	Высокий (неоправданные затраты на учет)

Выявленная категория AZ («дорогие и нестабильные» запасы) создает прямые риски для производства: с одной стороны, возможны срывы сроков выполнения заказов из-за отсутствия дорогостоящей фурнитуры, с другой – средства, вложенные в избыточный запас таких позиций, «замораживаются» и выбывают из оборота. Это косвенно подтверждается и финансовым анализом: снижение коэффициента финансовой независимости предприятия при одновременном росте краткосрочной задолженности может быть следствием иммобилизации средств в неликвидах.

Второй проблемой, выявленной при анализе складской деятельности, стала высокая трудоемкость учета. Используемые программные продукты не поддерживают адресное хранение и штрихкодирование, что приводит к следующим последствиям:

- значительные затраты времени на поиск товара на складе (приемка и отгрузка занимают до 2-3 часов);

• высокий риск ошибок «человеческого фактора» (пересортица, ошибки в документах);

• отсутствие возможности проводить инвентаризацию без остановки работы склада.

На основе проведенного анализа для ООО ПП «Универсал-ОКС» были разработаны следующие пути совершенствования программного обеспечения хозяйственной деятельности:

1. Внедрение дифференцированной системы управления запасами путем доработки существующего ПО. Вместо полной замены системы предлагается настроить в «1С: Управление торговлей» алгоритмы планирования закупок в зависимости от категории запасов (по матрице ABC-XYZ). Для категории AX – расчет оптимального размера заказа, для AZ – формирование заказов под конкретный проект или поддержание повышенного страхового запаса, для CZ – упрощенный учет по системе «минимум-максимум» [4, с. 155].

2. Автоматизация складского учета с использованием технологий штрихкодирования. Предлагается приобрести 2 терминала сбора данных (ТСД) и принтер этикеток, а также доработать конфигурацию 1С для обмена данными с ТСД. Это позволит маркировать товар при приемке, проводить отгрузку и инвентаризацию путем сканирования, что исключит ручной ввод, ускорит операции и сведет ошибки к минимуму.

3. Интеграция складского учета с системой «1С: Бухгалтерия» в режиме реального времени. Это исключит дублирование функций и задержки в формировании бухгалтерской и управленческой отчетности, повысив прозрачность движения материальных и денежных потоков.

Экономическая эффективность предложенных мер была подтверждена расчетами. Единовременные затраты (оборудование, доработка ПО, обучение) составят около 4 900 руб. Ежегодная экономия за счет высвобождения оборотных средств из запасов (2 000 тыс. руб.), сокращения потерь от дефицита и ошибок учета оценивается в 393 тыс. руб. Простой срок окупаемости проекта составит менее 2 месяцев.

Заключение. Таким образом, основными путями совершенствования программного обеспечения хозяйственной деятельности ООО ПП «Универсал-ОКС» являются: настройка существующей конфигурации 1С для дифференцированного управления запасами на основе ABC-XYZ анализа и внедрение технологии штрихкодирования с использованием ТСД. Ожидаемый эффект – не только прямой экономический результат (высвобождение оборотных средств, снижение издержек), но и качественные улучшения: повышение точности учета до 99,8%, ускорение складских операций на 30-40%, снижение рисков дефицита и, как следствие, повышение общей финансовой устойчивости и конкурентоспособности предприятия.

Список использованных источников
1. Информационные технологии в экономике и управлении : учебник для вузов / под ред. В. В. Трофимова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 526 с.
2. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учебник / В. И. Стражев [и др.] ; под общ. ред. В. И. Стражева. – 2-е изд., испр. – Минск : Вышэйшая школа, 2020. – 526 с.
3. Гаджинский, А. М. Логистика : учебник / А. М. Гаджинский. – 22-е изд. – Москва : ИТК «Дашков и К», 2021. – 484 с.
4. Основы логистики : учебник для вузов / под ред. В. В. Щербакова. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2023. – 338 с.
5. Дыбская, В. В. Логистика складирования : учебник / В. В. Дыбская. – 3-е изд. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 558 с.

ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.М. Русак, П.П. Фронская
Научный руководитель: Е.И. Эйсымонт
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Переход к цифровой экономике невозможен без трансформации логистических систем поставок. В настоящее время существуют различные цифровые помощники, с помощью которых процесс оптимизации может стать наиболее надёжным, автономным и быстрым. Например, актуальной тенденцией является использование нейросетей для различных областей и сфер в логистике. Искусственный интеллект может взять на себя как прогнозирование спроса на рынке, так и управление роботами и различными механизированными агрегатами на складе для более чёткого и оптимизированного хранения товаров и продукции. В качестве одного из перспективных и эффективных направлений рассматривается внедрение нейросетей в качестве цифровых двойников. Современные условия управления логистическими операциями, в которых ведущую роль играет технологический процесс, требуют использования новейших решений в оптимизации цепей поставок, что делает данную тему актуальной.

Целью исследования является анализ особенностей внедрения новых цифровых решений в управление цепями поставок, определение видов рассматриваемых решений, а также выявление проблем, которые могут возникнуть в процессе или после применения цифровых двойников.

Материал и методы. Материалами для данного исследований являлась информация и статистика использования и осведомлённости о цифровых двойниках, а также сайт компании-лидера в логистике – компании «DHL». Методы исследования, используемые в данной работе: анализ существующих научных публикаций и данных, анализ, прогнозирование, выявление проблем и определение перспектив.

Результаты и их обсуждение. Одним из инструментов цифровой трансформации логистики является «цифровой двойник» (Digital Twin).

Цифровой двойник цепочки поставок – это подробная имитационная модель реальной цепи поставок, которая использует данные в реальном времени для прогнозирования динамики цепи поставок. Данные с датчиков и других источников информации обеспечивают наиболее полное представление о текущем состоянии дел и создают цифровой двойник. Прозрачность, которая обеспечивается большим количеством данных, играет решающую роль в оптимизации всей цепочки поставок и раскрытии дополнительного потенциала для повышения эффективности. Таким образом, цифровой двойник позволяет выявить и изучить закономерности поведения цепи поставок, предсказать возможные нештатные ситуации и разработать план по их преодолению [1].

Цифровой двойник состоит из нескольких обязательных компонентов: физическая среда, виртуальная среда, среда аналитики, среда данных и каналы связи между ними. Физическая среда – это сам объект, оснащённый IoT-датчиками, которые в режиме реального времени собирают данные (температуру, геопозицию, давление и другие) и перенаправляют их цифровой копии. В свою очередь, виртуальная среда и блок аналитики обрабатывают эти данные с помощью алгоритмов машинного обучения и визуализируют объект. Это позволяет видеть текущую картину (как объект ведёт себя сейчас) и делать прогнозы (как объект поведёт себя в будущем).

Работа по созданию начинается с анализа требований и целей, для которых создаётся это виртуальное представление. Нужно понять, для чего именно цифровой двойник потребуется: для оптимизации процессов, прогнозирования спроса или улучшения управления рисками. На этом этапе также собираются ключевые данные: историческая информация, данные в реальном времени, сведения о поставщиках, логистике, запасах и инфраструктуре. Следующим шагом является моделирование самих процессов – создание виртуальной схемы цепочки поставок, которая отображает всех участников и потоки между ними: материалы, информация, финансы. На этом этапе важно выбрать такие цифровые решения, при использовании которых будет обеспечен постоянный поток обновленной информации. После этого разрабатываются сами цифровые двойники складов, поставщиков, транспортных средств, которые потом объединяют в единую систему. На следующем этапе происходит тестирование модели: сравнение результатов с реальными данными и проверка различных сценариев. Далее проводится внедрение – интеграция цифрового двойника в существующие системы управления цепочкой поставок. В процессе использования модель постоянно обновляется и поддерживается, чтобы демонстрировать нынешние условия и изменения. Наконец, с помощью данного инструмента осуществляется регулярный анализ эффективности, поиск проблем и способы их устранения или предотвращения.

Рассмотрим использование цифровых двойников на примере лидирующей логистической компании. Сайт DHL является

информативным ресурсом, где можно найти перечень данных о деятельности компании и предоставляемых услугах. Исходя из информации с платформы, можно увидеть, что пользователям доступно отслеживание грузов. Это возможно с помощью цифровых двойников. Как заявляют создатели сайта: «Вы можете отслеживать местонахождение перевозимого груза на всем пути в режиме реального времени» [2].

Поскольку цифровой двойник работает на основе огромного объёма информации, любые устаревшие или неполные данные могут привести к к ряду проблем, например, искажённому моделированию. Бывает сложно интегрировать цифрового двойника с уже существующими системами компании, особенно если платформы не совместимы или отсутствует корректный обмен данными, что может замедлить внедрение или снизить эффективность.

Не менее важной проблемой является высокая стоимость создания и поддержки цифрового двойника. Даже если у компании есть финансовые возможности начать использование цифрового двойника, стоит понимать, что поддержка его функционирования тоже требует определённых затрат. Нужно отметить, что не всегда есть возможность быстро обновлять модель или расширять её функционал. Кроме того, есть риск неверной интерпретации результатов: если пользователь недостаточно понимает работу системы или моделируемые сценарии, это может привести к неправильным решениям в сфере управления. Не менее важна проблема безопасности данных: цифровой двойник содержит серьезную информацию об операциях компании, если его безопасность будет нарушена, утечка данных или кибератака. Также важно выделить технологические ограничения – например, задержки во время передачи данных или недостаточная мощность ресурсов. Они могут негативно повлиять на точность и своевременность обновления статуса модели.

По статистике около 45 % лиц, несущих ответственность за принятие решений в области IT, никогда не слышали о цифровых двойниках. Важно как можно эффективнее интегрировать это понятие в сферы, связанные с информационными технологиями. При этом, около 59 % руководителей различных отраслей планируют начать использование цифровых двойников в своих компаниях к 2028 году. С течением времени использование такого помощника станет более бюджетным, что позволит охватить больше организаций, которые захотят воспользоваться подобным инструментом. Если сейчас «Digital twin» в цепях поставок это просто вспомогательный инструмент, то в ближайших перспективах он может стать ядром управления грузоперевозками [3].

Заключение. Цифровые двойники в цепях поставок становятся значимой частью современного бизнеса, позволяя повысить эффективность, прозрачность и скорость логистических процессов. Они дают возможность предсказывать развитие событий, быстро реагировать на изменения и снижать риски. С развитием технологий и искусственного интеллекта

потенциал использования цифровых двойников расширяется, что позволяет выявить новые возможности для конкурентных преимуществ.

Список использованных источников

1. Коломиец, А. Г. Цифровые двойники цепей поставок / А. Г. Коломиец, В. В. Лебедева // Edoc.bseu.by – 2024. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/105358/1/Kolomiets_208_209.pdf (дата обращения: 12.03.2026).
2. Leverx.com. – 2026. – URL: https://leverx.com/ru/newsroom/how-does-digital-twin-improve-decision-making-in-the-supply-chain (дата обращения: 05.03.2026).
3. DHL.RU. – 2026. – URL: https://express.dhl.ru/ (дата обращения: 11.03.2026).

КОНЦЕПЦИЯ КАЧЕСТВА И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОДУКЦИИ

Д.А. Ставров
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях современной кризисной экономики качество продукции и её конкурентоспособность являются ключевыми факторами устойчивого развития предприятий и национальных экономик. Глобализация рынков, рост требований потребителей и усиление конкуренции заставляют производителей уделять особое внимание совершенствованию характеристик продукции, внедрению инноваций и повышению эффективности производства [1 – 3]. Высокое качество продукции не только обеспечивает удовлетворение потребностей потребителей, но и способствует росту доверия к бренду, укреплению позиций предприятия на рынке и повышению его экономической устойчивости [2]. В связи с этим изучение социально-экономической сущности качества и конкурентоспособности продукции приобретает особую значимость.

Цель исследования – рассмотреть концепцию качества и ее роль в конкурентоспособности продукции, раскрыть социально-экономическое значение указанных категорий, а также определить роль конкурентоспособности предприятия и производства в условиях рыночной экономики. Для реализации поставленной цели решались следующие задачи: 1. Социально-экономическое значение качества и его роль в конкурентоспособности; 2. Социально-экономическая сущность и эволюция понятия качества; 3. Социально-экономическая сущность конкурентоспособности продукции; 4. Конкурентоспособность производства и предприятия в современной рыночной экономике

Материал и методы. В процессе исследования использовались общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный и системный подходы, а также методы обобщения научной литературы. Материалами

исследования послужили научные публикации в области экономики и управления (менеджмента) качества, учебная литература, а также теоретические положения, раскрывающие понятия качества продукции, конкурентоспособности товаров и предприятий. Методологической основой работы является комплексный подход к изучению качества и конкурентоспособности как взаимосвязанных экономических категорий, влияющих на эффективность функционирования предприятий и развитие экономики в целом. Исследование проводилось по отработанной методике на базе Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», где разрабатывается модуль «Качество» в единой учебно-методической модульной программе по циклу дисциплин специальности «Маркетинг и логистика» [1 – 3].

Результаты и их обсуждение.

1. Социально-экономическое значение качества и его роль в конкурентоспособности.

Результаты исследований свидетельствуют, что в самом широком понимании, качество продукции (товара, работы, услуги) представляет собой совокупность свойств и характеристик, которые определяют способность продукции удовлетворять потребности потребителя [1 – 3]. В социально-экономическом аспекте качество продукции имеет важное значение как для производителей, так и для общества в целом. Для потребителей высокое качество продукции означает повышение уровня жизни, удовлетворение потребностей и безопасность использования. Для предприятий оно обеспечивает рост конкурентных преимуществ, увеличение прибыли и укрепление рыночных позиций [1 – 3].

Конкурентоспособность продукции, в свою очередь, отражает её способность успешно конкурировать с аналогичными видами продукции на рынке. Она определяется совокупностью потребительских свойств, ценовых характеристик, уровня качества, репутации производителя и других факторов [1 – 8].

Таким образом, качество продукции является основой конкурентоспособности. Чем выше качество продукции, тем больше вероятность ее успешной реализации на рынке и укрепления экономических позиций предприятия.

1.2. Социально-экономическая сущность и эволюция понятия качества

Анализ показывает, что понятие качества имеет длительную историю развития. На ранних этапах развития производства качество продукции определялось главным образом соответствием изделия установленным стандартам и техническим требованиям [4].

С развитием промышленности и ростом конкуренции подход к качеству значительно изменился. Постепенно внимание стало уделяться не только техническим характеристикам продукции, но и степени удовлетворения потребностей потребителей [5].

В современном понимании качество рассматривается как комплексная категория, включающая функциональные, эстетические, экологические и экономические характеристики продукции. Кроме того, важную роль играет система управления качеством на предприятии, которая направлена на постоянное совершенствование процессов производства и повышение удовлетворенности потребителей [1 – 4,8].

Таким образом, эволюция понятия качества отражает переход от узкого технического подхода к более широкому социально-экономическому пониманию.

1.3. Социально-экономическая сущность конкурентоспособности продукции.

Результаты исследований свидетельствуют, что конкурентоспособность продукции представляет собой ее способность удовлетворять потребности потребителей более эффективно по сравнению с аналогами конкурентов

Она формируется под влиянием различных факторов, среди которых можно выделить [1 – 9]:

- уровень качества продукции;
- цену товара;
- технические и функциональные характеристики;
- дизайн и удобство использования;
- уровень сервиса и послепродажного обслуживания;
- имидж производителя.

С социально-экономической точки зрения конкурентоспособность продукции способствует развитию рынка, стимулирует инновации и повышение качества товаров. Она также способствует более рациональному распределению ресурсов в экономике, поскольку предприятия вынуждены повышать эффективность своей деятельности для сохранения позиций на рынке [7].

1.4. Конкурентоспособность производства и предприятия в современной рыночной экономике

Анализ исследований показывает, что конкурентоспособность предприятия является более широкой категорией, чем конкурентоспособность отдельного вида продукции. Она характеризует способность предприятия эффективно функционировать и развиваться в условиях конкурентной среды [2 – 4,8].

Основными факторами конкурентоспособности предприятия являются [2 – 4]:

- уровень технологического развития производства;
- эффективность управления;
- квалификация персонала;
- инновационная деятельность;
- конкурентоспособность выпускаемой продукции;
- финансовая устойчивость предприятия.

В условиях рыночной экономики предприятия вынуждены постоянно совершенствовать свою деятельность, внедрять новые технологии и улучшать систему управления качеством [6,8]. Это позволяет не только повышать конкурентоспособность продукции, но и обеспечивать устойчивое развитие предприятия в долгосрочной перспективе.

Заключение. В результате проведённого исследования было установлено, что качество продукции, как определяющий элемент конкурентоспособности, являются ключевым фактором успешного функционирования предприятий в условиях рыночной экономики.

Качество выступает основой конкурентоспособности продукции, поскольку именно оно определяет степень удовлетворения потребностей потребителей. В свою очередь, конкурентоспособность продукции способствует развитию предприятий, стимулирует внедрение инноваций и повышение эффективности производства [7].

Эволюция понятия качества свидетельствует о переходе от узкого технического понимания к комплексному социально-экономическому подходу, учитывающему интересы потребителей и общества в целом.

Таким образом, обеспечение высокого уровня качества продукции и повышение её конкурентоспособности являются важнейшими задачами современных предприятий, стремящихся укрепить свои позиции на рынке и обеспечить устойчивое экономическое развитие.

Список использованных источников

1. Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В. Бонцевич. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: РИВШ, 2023. – 524 с.

2. Немогай, Н. В. Модель системы управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, С. Д. Колесников // Стандарты и качество. – 2020. – № 6. – С. 88 – 93.

3. Немогай, Н. В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

4. Басовский, Л. Е. Управление качеством: учебник / Л. Е. Басовский, В. Б. Протасьев. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 212 с.

5. Деминг, У. Э. Выход из кризиса: новая парадигма управления людьми, системами и процессами / У. Э. Деминг. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 419 с.

6. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К. Л. Келлер. – 15-е изд. – СПб. : Питер, 2021. – 848 с.

7. Фатхутдинов, Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление / Р. А. Фатхутдинов. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 312 с.

8. ISO 9000:2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. – Минск : БелГИСС, 2018. – 45 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СКЛАДСКИХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ЦЕПИ ПОСТАВОК

П.В. Степанова
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Целью исследования являлось изучить потенциальные эффекты внедрения информационных технологий в управлении складскими процессами в цепочке поставок.

Складские процессы обеспечивают бесперебойность товародвижения в управлении цепями поставок. По мере развития автоматизации и цифровизации, интеграция технологий искусственного интеллекта в системы управления складом приобретает все большее значение [1].

Материал и методы. Использовались материалы научных публикаций, данные государственной статистики. Применялись методы сравнительного анализа, социально-экономической статистики, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Анализ динамики уровня запасов в 2020 – 2024 гг. по данным государственной статистики показал стабильный рост запасов, что видно на графика рисунка 1. Темп роста за анализируемый период составил 190%. Данный показатель означает, что запасы увеличились почти в 2 раза.

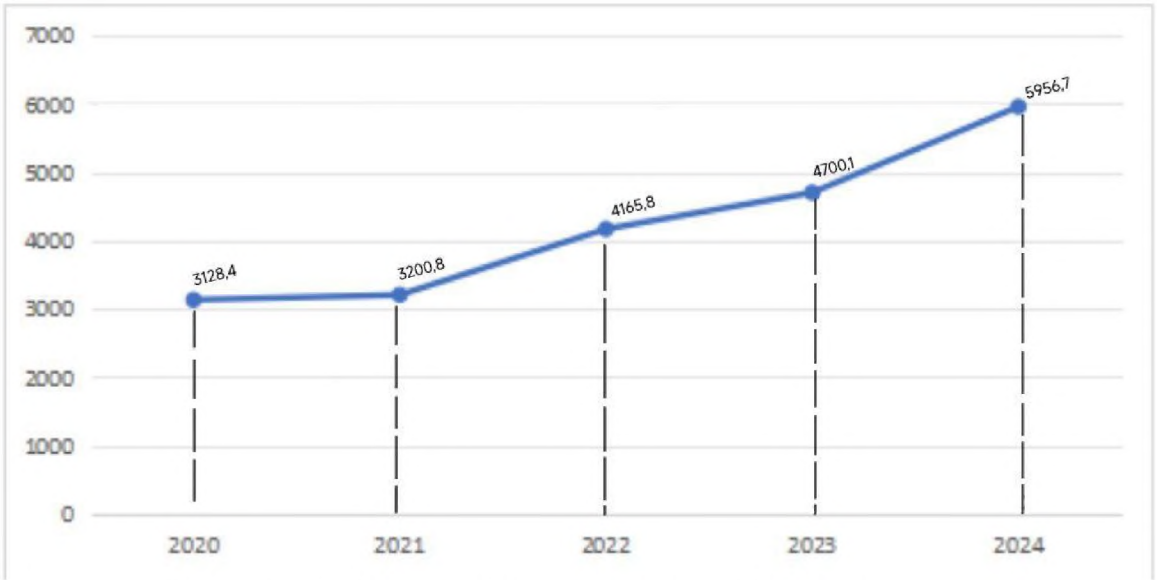


Рисунок 1 – Статистика по запасам за 2020–2024 гг

Источник: составлено автором на основе [2]

Вследствие роста уровня запасов традиционные методы складирования могут стать «узким звеном» логистической системы, так

как они не в состоянии обеспечить необходимую пропускную способность и рентабельность при растущих оборотах.

Решением этой проблемы может стать внедрение технологий «умного» склада, которые позволяют гибко масштабировать процессы и минимизировать влияние человеческого фактора.

«Умный» склад сегодня – это комплекс технологий, который позволяет ритейлерам и логистическим операторам оптимально и максимально эффективно для себя решать задачи складской логистики [3].

Концепция «умного» склада имеет ряд преимуществ в сравнении с «традиционным» складом, что видно по результатам сравнительного анализа (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ технологий «умного» склада и «традиционного» склада

Наименование показателя	«Традиционный» склад	«Умный» склад
Уровень автоматизации	Средний. Применяются средства механизации (ручные тележки, погрузчики, электрокары)	Высокий. Применяются роботы, **RFID, п**редиктивная аналитика)
Уровень оптимизации	Низкий. Преобладает ручной труд и интуитивное управление	Высокий.Роботы используются для приемки, управления запасами и упаковки
Точность	Высокий риск ошибок из-за человеческого фактора	Минимальный риск
Скорость операций	Низкая	Высокая
Управление и аналитика	Реактивное. Проблемы решаются постфактум. Управление на основе опыта, а не точных данных	Проактивное. WMS в реальном времени анализирует данные, прогнозирует узкие места и предлагает пути оптимизации
Гибкость и адаптивность	Низкая. Расширение возможно только за счет найма людей, аренды новых площадей или круглосуточной работы	Высокая. Система легко перенастраивается под новый ассортимент или пиковые нагрузки

Источник: составлено автором на основе [3]

Исходя из таблицы 1 видно, что технология «умного» склада принципиально превосходит «традиционный» по ключевым показателям: она обеспечивает высокую скорость операций и минимальный риск ошибок за счет роботизации, тогда как на традиционном складе преобладает «медленный» труд с высоким влиянием человеческого фактора.

Управление на «умном» складе становится **прогностическим** благодаря аналитике WMS в реальном времени, а не реактивным,

основанным на опыте; кроме того, гибкость «умного» склада позволяет легко перенастраиваться под новый ассортимент и пиковые нагрузки без необходимости найма персонала или аренды дополнительных площадей.

Чтобы понять, за счёт чего «умный» склад достигает преимуществ над традиционным, важно увидеть, какие именно технологии, для каких операций применяются и каков эффект. В таблице 2 проанализированы ключевые технологии современного склада, зоны их применения и конкретные результаты внедрения.

Таблица 2 – Эффект применения технологии «умного» склада

Наименование компонентов	Складские операции	Эффект
WMS (система управления складом)	Управление персоналом, размещение товаров, подбор заказов, интеграция с оборудованием	Оптимизация процессов в реальном времени, прозрачность, снижение ошибок комплектации, эффективное управление ресурсами
Радиочастотная идентификация (RFID)	Приемка, отгрузка, инвентаризация, идентификация товаров и техники	Повышение скорости и точности учета, снижение потерь, упрощение поиска, прозрачность
Автоматизированное оборудование (конвейер, сортировщики)	Сортировка, перемещение грузов, комплектация (система «товар к человеку»)	Рост производительности, работа 24/7, сокращение времени обработки, уменьшение пробегов техники
Интеллектуальные системы (освещение, управление техникой)	Энергосбережение, контроль работы оборудования, оптимизация маршрутов	Экономия ресурсов (электроэнергия, топливо), снижение износа техники
Автоматическая идентификация брака/повреждений	Контроль качества при приемке или отгрузке	Предотвращение потерь и рекламаций, повышение качества обслуживания клиентов

Источник: составлено автором на основе [4]

По данным из таблицы 2 видно, что технологии «умного» склада охватывают все ключевые процессы и дают конкретные результаты. Система управления WMS обеспечивает прозрачность и снижение ошибок комплектации за счёт оптимизации в реальном времени. Радиочастотная идентификация (RFID) повышает скорость и точность учёта, упрощая поиск товаров и снижая потери, а автоматизированное оборудование (конвейеры и сортировщики) позволяет работать круглосуточно, сокращая время обработки и пробеги техники. Интеллектуальные системы управления освещением и техникой экономят электроэнергию и топливо, продлевая срок службы оборудования; а автоматическая идентификация брака на приёмке предотвращает рекламации и повышает качество обслуживания клиентов.

Таким образом, внедрение технологий «умного» склада является экономически и технологически обоснованным, поскольку обеспечивает повышение производительности, точности и адаптивности при одновременном снижении издержек.

За рубежом известен опыт успешного внедрения технологии «умного» склада в американской компании (Amazon), у китайского ритейлера (Alibaba Group). Эти склады, задействующие передовые технологии и роботизированные комплексы, по мнению отраслевых экспертов, являются эталоном [5].

В Беларуси примеры успешного внедрения технологии «умного склада» известны в организациях БелАз (машиностроение), ООО Комфра (торговля и дистрибуция),

Можно сделать вывод, что внедрение технологий умного склада наиболее перспективно для крупных белорусских предприятий с высоким товаропотоком. В первую очередь это относится к флагманам машиностроения, деревообработки, а также к компаниям логистической и розничной сферы, где эффект от автоматизации будет максимальным.

Технологию экономически целесообразно внедрить там, где объем хранения товаров и запасов очень большой. Например, в таких отраслях как, металлообработка, логистика, фармацевтика, электронная коммерция.

Заключение. Таким образом, переход к концепции «умного» склада является экономически целесообразным и технологически необходимым. «Умные» склады на базе WMS и роботизации обеспечивают проактивную аналитику, высокую скорость операций, минимальные ошибки и гибкость под пиковые нагрузки. Комплексное внедрение технологий от RFID до интеллектуальных систем управления ресурсами дает синергетический эффект в виде роста производительности и снижения издержек. Для Беларуси в условиях реализации программы цифровизации внедрение данной концепции будет способствовать повышению конкурентоспособности национальной логистики.

Список использованных источников

1. Абросимов, М. А. Складская автоматизация на основе искусственного интеллекта / М. А. Абросимов. // Молодой ученый. – 2024. – № 38 (537). – С. 1 – 3. – URL: https://moluch.ru/archive/537/117715 (дата обращения: 06.03.2026).

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Годовые данные // – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/godovye-dannye/(дата обращения: 09.03.2026).

3. Николаева, Н. Склад с интеллектом / Н. Николаева. – URL: https://mdmag.ru/istorii-uspeha/sklad-s-intellektom/ (дата обращения: 06.03.2026).

4. «Умный склад»: реальные примеры реализации технологии. – URL: https://ibs.ru/media/umnyy-sklad-realnye-primery-realizatsii-tekhnologii/ (дата обращения: 06.03.2026).

5. «Умные склады» часть 2: реальные примеры реализации технологии и взгляд в будущее. – URL: https://sitec-it.ru/blog/robot/umnye-sklady-chast-2-realnye-primery-i-vzglyad-v-budushchee/ (дата обращения: 06.03.2026)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

П.В. Степанова, Д.П. Семенькова
Научный руководитель: С.С. Гришанова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Научно технический прогресс (НТП) – это непрерывный процесс внедрения новой техники и технологии, организации производства и труда на основе достижений и реализации научных знаний. Научно-техническая революция (НТР), как правило, является продолжением научно-технического прогресса, но на более высоком научно- техническом уровне [1].

НТР – явление качественного преобразования производства на основе внедрения новейших научно-технических достижений и превращения науки в производственную силу называется научно-технической революцией [2].

НТП – это эволюционный путь, ознаменованный совершенствованием известной техники и технологии.

НТР – это революционное скачкообразного движение вперед, сопровождаемое появлением принципиально новой техники и технологий.

Цель данного исследования заключается в изучении основных тенденций НТР на современном этапе, а также изменений в мировой экономике под ее влиянием.

Материал и методы. Основными материалами для исследования послужили научные статьи, посвященные научно-техническая революция на современном этапе [1-6]. Основный метод исследования: контент-анализ.

Результаты и их обсуждение. На современном этапе НТР характеризуется следующими особенностями:

Масштабность и универсальность НТР. Она охватывает все сферы человеческой деятельности (все отрасли производства, транспорт, связь, науку, сферу обслуживания, медицину), кроме того, быт, культуру и психологию людей. НТР открывает возможности управления как естественными, так и общественными процессами во всех областях развития природы и общества.

Чрезвычайное ускорение научно-технических преобразований. Оно проявляется в резком сокращении времени между научным открытием и его внедрением в производство, в быстром моральном износе и, соответственно, обновлении продукции и средств производства. Применение искусственного интеллекта значительно ускоряет все этапы исследования, так как специальные программы не только быстро собирают и анализирует данные, но и принимают решения и осуществляют их.

Коренное изменение роли и места человека в процессе производства. В настоящее время человек перестает быть прямым исполнителем рабочих операций, теперь он контролер и управляющий технологическим процессом. Однако автоматизация и электронизация производства на базе широчайшего применения компьютеров и роботов требует от работника высокой квалификации. Основная часть работников перемещается из материального производства в сферу услуг, в первую очередь информационных, технических, финансовых.

Милитаризацию инноваций. Это означает, что все достижения науки и техники применяются, в первую очередь, в военной сфере.

Основными составными частями НТР являются наука, техника и технология, производство, управление.

Под влиянием НТР в мировой экономике произошли прогрессивные изменения и наметились основные тенденции:

Изменения в отраслевой структуре мирового хозяйства. Происходит снижение доли добывающих отраслей, возрастание перерабатывающих. В первую очередь развиваются отрасли, производящие наукоёмкую продукцию. Наиболее активно развивающимися отраслями промышленности в период НТР являются машиностроение, энергетика и химическая промышленность. Сельское хозяйство выходит на новый этап, который характеризуется широким применением высокопроизводительной техники и новых удобрений, высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур.

Электронизация и цифровизация. Это процесс насыщения всех отраслей человеческой деятельности средствами электронно-вычислительной техники. Внедрение искусственного интеллекта в науку, производство, бизнес, биотехнологии. Эволюция облачных технологий - централизованные серверные решения теряют позиции перед распределенными системами. Государственные структуры, банки, логистические и медицинские компании внедряют блокчейн для хранения данных, проверки транзакций, контрактов и идентификации.

Комплексная автоматизация и роботизация. Автоматизированы многие производственные процессы и бизнес-процессы, часть быта человека. Роботы используются во многих отраслях промышленности.

Перестройка энергетического хозяйства. С максимальной эффективностью используются энергетические ресурсы, основанные на углеводородах. Но больше используются новые нетрадиционные виды энергии (атомная энергетика, термоядерный синтез и т.д.).

Получение материалов с заранее заданными свойствами позволяет сократитесь технологические цепочки, экономить сырье и энергоресурсы.

Развитие биотехнологий на пересечении с искусственным интеллектом. Ускоренное развитие биотехнологии позволят появляться инновациям в медицине, фармакологии, сельском хозяйстве [1-4].

Всемирная организация интеллектуальной собственности представила доклад об уровне развития инноваций в разных странах мира, содержащий и рейтинг государств в этой сфере – Глобальный инновационный индекс (ГИИ) за 2025 год [5]. На рисунке представлены топ-10 стран, которые активно развивают инновации в разных областях. При расчете ГИИ учитываются не только не только прорывы, основанные на исследованиях и разработках, но и постепенное внедрение новых технологий. Максимальный индекс инноваций может составлять 100 [5].

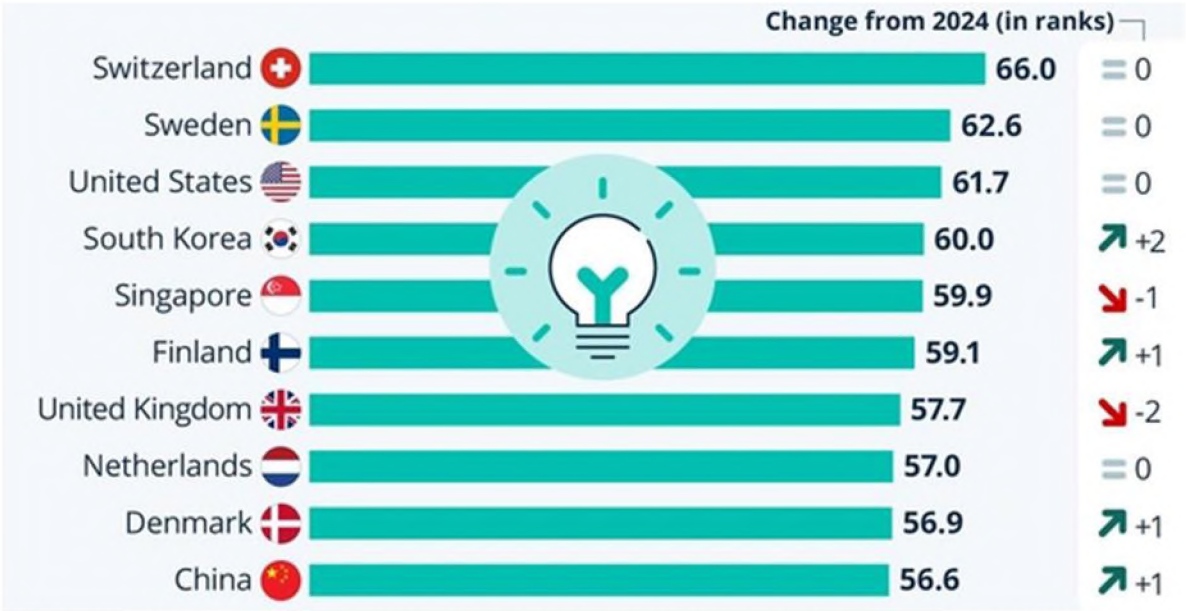


Рисунок - Топ-10 стран, которые активно развивают инновации в разных областях

Источник: [5].

Лидирующие места, как и в 2024 году, занимают Швейцария, Швеция и США. Это страны, которые активно развивают инновации в таких областях, как искусственный интеллект, чистая энергия и биотехнологии.

Швейцария благодаря большому количеству инвестиций в научные исследования и образование лидирует области инновационных технологий.

Швеция славится своими достижениями в автоматизации и цифровизации. Страна активно развивает цифровую инфраструктуру и устойчивые технологии, что позволяет ей оставаться на передовой технологического прогресса.

США активно занимается развитием искусственного интеллекта и всего, что с ним связано, а также биотехнологиями [6].

Эти страны не только задают тренды в инновациях и технологиях, но и формируют будущее мировой экономики, а, следовательно, и будущее планеты.

Заключение. В настоящее время НТР продолжается, набирает новые обороты и прогрессивно влияет на мировое хозяйство, открывая перед

человеком все новые возможности и перспективы. Однако, есть и другая, точка зрения на НТР, что она несет не только благо для человечества, но и потенциальные угрозы (техногенные и социальные катастрофы, ухудшение экологии, возможность манипулирования сознанием, войны, эпидемии).

Список использованных источников

1. Сущность научно-технического прогресса и научно-технической революции [Электронный ресурс]. – URL: https://studizba.com/lectures/jekonomika-i-finansy/lekcii-po-innovacionnomu-menedzhmentu/42677-suschnost-nauchno-tehnicheskogo-progressa-i-nauchno-tehnicheskoj-revoljucii.html (дата обращения: 15.12.2025).

2. Научно-техническая революция и мировое хозяйство [Электронный ресурс]. – URL:https://spravochnick.ru/geografiya/nauchno-tehnicheskaya_revolyuciya_i_mirovoe_hozyaystvo/ (дата обращения: 15.12.2025).

3. Wika.tutoronline [Электронный ресурс]. – URL: https://wika.tutoronline.ru/geografiya/class/10/chto-nuzhno-znat-o-nauchno-tehnicheskoj-revolyuczii--geografiya-dlya-10-klassa – (дата обращения: 15.12.2025).

4. Лучшие технологические компании и самые перспективные акции на 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: https://www.instatrading.com/ru/blog/374-luchshie-texnologicheskie-kompanii – (дата обращения: 15.12.2025).

5. Инфографика: топ-10 самых инновационных стран в 2025 году [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vokrugsveta.ru/history/infografika-top-10-samykh-innovacionnykh-stran-v-2025-godu-id6566960 – (дата обращения: 15.12.2025).

6. Десять самых технологически продвинутых стран в 2025 году: полный список [Электронный ресурс]. – URL: https://www.appercase.ru/news/95082/– (дата обращения: 15.12.2025).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ К СИСТЕМЕ «ОДНОГО ОКНА»

А.А. Тозик
Научный руководитель: Н.С. Габец
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Цифровая трансформация государственного управления является одним из ключевых направлений современного развития. Таможенные органы, находясь на переднем крае взаимодействия государства и бизнеса, одними из первых ощутили необходимость внедрения информационных технологий для повышения эффективности таможенного контроля, скорости, прозрачности и точности совершения таможенных операций при одновременном снижении административной нагрузки на государственные органы и создания комфортных условий для участников внешнеэкономической деятельности. Сегодня роль таможенных органов выходит далеко за рамки технических процедур оформления грузов и взимания платежей.

Республика Беларусь, обладая выгодным транзитным потенциалом и развитой таможенной инфраструктурой, последовательно реализует политику цифровизации таможенного администрирования. За последние два десятилетия белорусская таможня прошла путь от бумажного декларирования к обязательному электронному, от ручного контроля к автоматизированной системе управления рисками, от разрозненных информационных систем к формирования национального механизма одного окна.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ процесса цифровой трансформации таможенного администрирования в Республике Беларусь, исследование этапов этого процесса и оценка его влияния на эффективность таможенного контроля и условия ведения внешнеэкономической деятельности.

Материал и методы. Эмпирическую базу исследования составили как правовые акты Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), так и законодательство Республики Беларусь, а также труды белорусских и российских авторов в области таможенного дела и цифровизации. В работе использован комплекс как общенаучных, так и специально-юридических методов исследования. Так, диалектический метод позволил рассмотреть цифровую трансформацию таможенного администрирования как развивающийся процесс, находящийся в постоянном движении и имеющий внутренние противоречия. Историко-правовой метод применен для выделения этапов цифровой трансформации и их анализа. Метод прогнозирования применен при определении перспективных направления развития цифрового таможенного администрирования. Среди других методов, использованных автором, можно выделить также формально-юридический метод, метод системного анализа, статистический метод.

Результаты и их обсуждение. Согласно определению Всемирной таможенной организации термин «цифровая таможня» определяется как «использование цифровых систем в целях обеспечения и гарантии уплаты таможенных пошлин, контроля за потоком товаров, людей, транспортных средств и денег, а также защиты международной торговли от преступности, включая международный терроризм, продолжающий распространяться по всему миру» [1, с. 70].

Как отмечает А.В. Шиманская, таможенная сфера является ключевой областью для первоочередных процессов цифровизации в государствах-членах ЕАЭС, поскольку именно таможенные аспекты лежат в основе экономической интеграции стран [5, с. 24]. Ключевыми элементами цифровой трансформации являются:

1) переход на безбумажный документооборот и электронное декларирование;

2) автоматизация процессов регистрации и выпуска товаров;

3) использование технологий искусственного интеллекта и технологии блокчейна;

4) внедрение систем прослеживаемости товаров и др.

При этом, в условиях цифровизации защита экономических интересов государства остается одной из важнейших задач для таможенных органов. Так, одним их направлений деятельности таможенных органов является развитие системы управления рисками (далее – СУР). Вместе с тем, несмотря на нормативное закрепление принципов выборочности в Таможенном кодексе ЕАЭС и наличие общих стратегических ориентиров и методик применения СУР, существует проблема использования СУР, имеющих разные критерии и подходы к минимизации рисков. Например, в Российской Федерации СУР основана на глубокой цифровизации, автоматическом распределении деклараций и применении ИИ-алгоритмов, в то время как в Армении и Киргизии использование подобных технологий находится лишь на этапе становления.

Правовую основу цифровой трансформации таможенного администрирования в Республике Беларусь составляют как акты ЕАЭС (Таможенный кодекс ЕАЭС, решения Евразийской экономической комиссии, соглашения в рамках ЕАЭС о механизме прослеживаемости товаров, о применении навигационных пломб и др.), так и национальное законодательство (напр., Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» [2]).

Проведенный историко-правовой анализ позволил выделить четыре основных этапа цифровой трансформации таможенного администрирования в Республике Беларусь:

1) внедрение электронного декларирования (2000-е-2014 гг.) – начало этого этапа связано с проведением пилотных проектов по электронному декларированию. Ключевым событием стало принятие Таможенного кодекса Таможенного союза, что позволило к 2014 году полностью завершить переход на обязательное электронное декларирование.

2) автоматизация таможенных операций (2015-2020 гг.) – данный этап характеризовался внедрением автоматической регистрации и автоматического выпуска товаров;

3) развитие системы управления рисками и предварительного информирования (2015-2025 гг.) – параллельно с автоматизацией развивалась СУР и внедрено обязательное предварительное информирование о товарах, ввозимых автомобильным транспортом, что позволило проводить анализ рисков до прибытия товаров на границу.

4) создание системы «одного окна» – современный этап связан с формирование национального механизма «одного окна», позволяющего участникам внешнеэкономической деятельности однократно представлять документы для всех видов государственного контроля. Правовой основой в рамках ЕАЭС стало Решение Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 г. № 68 «Об Основных направлениях развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [3].

Цифровизация и автоматизация таможенных процедур выступает как основа для ускорения прохождения таможенных процедур. Так, применение электронных деклараций существенно сокращает время обработки информации, что достигается за счет автоматизации обработки документов и их интеграции с различными базами данных. Электронные декларации позволяют осуществлять предварительную проверку данных, выявляя потенциальные несоответствия еще до прибытия груза на таможенный пост. Это предотвращает задержки, связанные с выявлением ошибок уже на месте, что существенно экономит время и ресурсы как для экспортеров и импортеров, так и для самих таможенных органов [4, с. 52].

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровизации в таможенной сфере может сопровождаться целым рядом проблем и вызовов:

1) кибербезопасность и защита данных – существует риск утечек коммерческих и персональных данных, а также кибератак, способных парализовать работу таможенных служб;

2) цифровое неравенство в государствах-членах ЕАЭС – не все страны ЕАЭС готовы к внедрению цифровых технологий;

3) правовые проблемы – отсутствие или несовершенство соответствующей нормативно-правовой базы.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что цифровизация оказывает воздействие на развитие всей сферы таможенного дела. Цифровая трансформация таможенного администрирования в Республике Беларусь прошла этапы от электронного декларирования к автоматизации и созданию системы «одного окна». Она позволила существенно повысить эффективность таможенного администрирования в целом. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся успехи, сохраняются определенные проблемы: кибербезопасность, кадровый дефицит, цифровое неравенство и обеспечение совместимости систем. Как представляется, дальнейшее развитие таможенного администрирования будет связано с внедрением искусственного интеллекта, развитием системы прослеживаемости, использованием навигационных пломб и блокчейн-технологии.

Список использованных источников

1. Лобас, Т. В. Цифровая трансформация таможенного регулятора: теория, проблемы и международный опыт их решения / Т. В. Лобас, В. В. Макрусев // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9. – № 9А. – С. 65 − 79.

2. О цифровом развитии : Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300381 (дата обращения: 12.03.2026).

3. Об Основных направлениях развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 г. № 68 // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a79/635370518871769722.pdf (дата обращения: 12.03.2026)

4. Ороева, О. Д. Перспективы процедуры таможенного транзита / О. Д. Ороева, А. Д. Афонина // Бюллетень инновационных технологий. – 2023. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 52 – 55.

5. Шиманская, А. В. Цифровая трансформация таможенной сферы в условиях формирования цифрового пространства ЕАЭС / А. В. Шиманская // Цифровая трансформация. – 2018. – № 3 (4). – С. 20 – 26.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛОМБ В ГРУЗОПЕРЕВОЗКАХ БЕЛАРУСИ

С.С. Флерко
Научный руководитель: О.В. Устименко
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В современном мире вопросы безопасности и контроля грузоперевозок становятся особенно актуальными, учитывая рост объемов международной торговли и усложнение логистических цепочек. С каждым годом увеличивается количество грузоперевозок как внутри страны, так и на международных маршрутах, что требует внедрения новых технологий для обеспечения сохранности грузов, прозрачности перевозок и оперативного контроля. В этих условиях возрастают требования к надежности методов защиты грузов от несанкционированного вскрытия, кражи или подмены содержимого.

Одним из эффективных решений этих задач является применение электронных пломб – устройств, способных фиксировать факт вскрытия грузового контейнера, автомобиля или транспортного средства и передавать информацию о нарушении целостности в режиме реального времени. Электронные пломбы не только обеспечивают контроль физической сохранности груза, но и позволяют вести цифровой журнал событий, интегрировать данные с системами GPS-трекеров и логистических платформ, что открывает новые возможности для оптимизации процессов перевозки.

Для Республики Беларусь, как страны с развитой сетью международных автомобильных и железнодорожных маршрутов, применение электронных пломб приобретает особое значение.

Использование таких технологий способствует повышению прозрачности перевозок, снижению рисков краж и повреждений грузов, ускорению процедур таможенного контроля, а также обеспечивает соответствие международным стандартам безопасности и требованиям торговых партнеров.

Введение электронных пломб в транспортную практику также отражает глобальные тенденции цифровизации логистики и автоматизации процессов, где контроль и мониторинг перевозок осуществляется с использованием современных информационных и телекоммуникационных

технологий. В то же время внедрение таких устройств сталкивается с рядом вызовов, связанных с отсутствием единых нормативных правил, техническими ограничениями и экономической целесообразностью, что требует комплексного подхода к их использованию.

Цель работы – изучение практики применения электронных пломб в сфере грузоперевозок в Республике Беларусь, анализ существующих нормативных и технических условий, выявление проблем и перспектив дальнейшего развития этой технологии в контексте повышения безопасности и эффективности логистических процессов.

Материалы и методы. В рамках исследования были использованы актуальные источники, отражающие современные подходы и технологии обеспечения безопасности и контроля грузоперевозок.

Результаты и их обсуждение. Беларусь занимает стратегическое положение в Восточной Европе и выступает важным транзитным коридором между странами Европейского союза и государствами Евразийского экономического союза. В стране проходит значительная часть международных грузопотоков, включая автомобильные, железнодорожные и мультимодальные перевозки. В таких условиях контроль целостности грузов становится критически важным как для национальной экономики, так и для обеспечения доверия международных партнеров.

Основная цель применения пломб в Беларуси – защита грузов от несанкционированного вскрытия, кражи или подмены на всех этапах перевозки. Традиционные механические пломбы не всегда позволяют оперативно выявить нарушения и не интегрируются с цифровыми системами мониторинга. Электронные пломбы же предоставляют возможности дистанционного контроля, фиксации времени и места вскрытия, отслеживания состояния грузов в реальном времени и интеграции с информационными системами компаний и таможенных органов.

В белорусской логистической практике использование электронных пломб актуально по нескольким причинам [1].

1. Транзитные перевозки через территорию страны. Беларусь обеспечивает транспортные коридоры между ЕС и странами СНГ. Нарушение целостности грузов на транзитных маршрутах приводит к экономическим потерям и снижению доверия иностранных партнеров. Электронные пломбы позволяют таможенным и транспортным органам отслеживать перевозки и оперативно реагировать на нарушения.

2. Сохранность дорогостоящих и чувствительных грузов. В Республике Беларусь осуществляется перевозка фармацевтической продукции, медицинского оборудования, электроники и товаров с высокой добавленной стоимостью. Для этих категорий грузов особенно важно своевременное обнаружение попыток вскрытия, чтобы минимизировать убытки и обеспечить соблюдение международных стандартов.

3. Оптимизация процедур таможенного контроля. Электронные пломбы интегрируются с системами отслеживания и позволяют ускорить проверку грузов на границе, сократить очереди на пунктах пропуска и снизить административные издержки для перевозчиков.

4. Соответствие международным требованиям. Использование электронных пломб способствует соблюдению стандартов безопасности, принятых в Европе и странах Евразийского экономического союза, что повышает конкурентоспособность белорусских перевозчиков на международном рынке.

5. Снижение рисков и страховых расходов. Наличие электронного контроля целостности грузов позволяет страховым компаниям более точно оценивать риски и, при необходимости, снижать стоимость страховых полисов для перевозчиков.

Внедрение электронных пломб в грузоперевозках Беларуси стало важным шагом в повышении прозрачности и безопасности логистических процессов. Однако, как и любая новая технология, она имеет свои преимущества и недостатки, которые необходимо учитывать при дальнейшей интеграции системы [2, 3].

Преимущества внедрения электронных пломб.

1. Повышение безопасности грузов. Электронные пломбы фиксируют факт вскрытия или попытки вскрытия транспортного средства, что снижает риск хищений, подмены или повреждения грузов. Это особенно важно для подакцизных товаров, фармацевтической продукции, дорогостоящей электроники и скоропортящихся грузов.

2. Мониторинг в реальном времени. Пломбы позволяют отслеживать перемещение грузов на всех этапах перевозки, фиксировать маршрут, время и состояние груза. Это помогает транспортным компаниям и таможенным органам оперативно реагировать на нарушения и предотвращать инциденты.

3. Снижение административных издержек. Интеграция пломб с информационными системами таможни и логистики позволяет ускорить процедуры контроля, сократить ручные проверки и оптимизировать маршруты перевозки.

4. Соответствие международным стандартам. Использование электронных пломб позволяет белорусским перевозчикам соответствовать требованиям ЕАЭС и международным стандартам безопасности, повышая доверие со стороны иностранных партнёров и облегчая транзитные операции.

5. Повышение прозрачности логистических цепочек. Данные от пломб фиксируются в цифровых системах, что создаёт прозрачность в логистике и минимизирует конфликты между отправителями, перевозчиками и экспедиторами.

Недостатки внедрения электронных пломб

1. Сбои связи и технологические ограничения. Электронные пломбы иногда теряют сигнал, особенно в удалённых или труднодоступных регионах, что приводит к недостоверным данным о местоположении груза. В таких случаях информация о вскрытии или нарушении может не поступить своевременно, создавая риски для грузоотправителя и перевозчика.

2. Необходимость постоянной поддержки экспедиторов и перевозчиков. При возникновении проблем с пломбами, например, при сбоях связи или некорректной работе устройства, экспедиторам и водителям приходится регулярно звонить в службу поддержки. Это увеличивает нагрузку на персонал и замедляет процесс перевозки, особенно при массовом внедрении технологии на все категории грузов.

3. Высокая стоимость внедрения и обслуживания. Электронные пломбы стоят значительно дороже традиционных механических, а для обеспечения их бесперебойной работы необходимы расходы на абонентскую плату, обслуживание и интеграцию с информационными системами.

4. Зависимость от инфраструктуры и технологий. Для эффективного функционирования электронных пломб требуется стабильная работа мобильной сети и цифровой платформы мониторинга. В регионах с ограниченным покрытием связи эффективность контроля снижается.

5. Ограничения в массовом использовании. На текущий момент пломбы применяются преимущественно для подакцизных товаров и отдельных категорий грузов. Массовое внедрение на все перевозки планируется, но требует масштабной подготовки, обучения персонала и модернизации системы поддержки.

Заключение. Таким образом, внедрение электронных пломб в Беларуси открывает новые возможности для повышения безопасности и прозрачности грузоперевозок, однако сопровождается технологическими и организационными вызовами. Для успешной интеграции необходимо совершенствовать инфраструктуру, обеспечивать надежную связь, улучшать техническую поддержку и разрабатывать стандарты применения. Несмотря на недостатки, практика использования электронных пломб уже показала положительный эффект и создаёт фундамент для дальнейшего масштабного внедрения во всех сегментах транспортной отрасли.

Список использованных источников

1. Введение электронных навигационных пломб в Республике Беларусь // BelRus. – URL: https://belrus.ru/info/v-soyuznom-gosudarstve-zapustili-elektronnye-navigacionnye-plomby/ (дата обращения: 09.03.2026).

2. Проблемы применения навигационных пломб и техническая поддержка // Kommersant. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7462830 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Система навигационных пломб в Беларуси: практика и особенности // LCMG. – URL: https://lcmg.ru/company/news/navigatsionnye-plomby-na-gruzovye-perevozki-v-eaes-s-fevralya-2026-goda/ (дата обращения: 11.03.2026).

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК

П.А. Хоружик
Научный руководитель: Т.В. Касьянова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета "МИТСО"

Современная глобальная экономика предъявляет принципиально новые требования к системам грузовых перевозок. Усиление конкурентного давления, волатильность рынков и стремительное развитие электронной коммерции обусловили необходимость пересмотра традиционных подходов к организации транспортно-логистической деятельности. По данным аналитических обзоров, опубликованных в отечественных и зарубежных профильных изданиях, доля транспортных издержек в структуре себестоимости продукции в ряде отраслей достигает 25 – 40 %, что свидетельствует о колоссальном потенциале оптимизации в этом логистическом процессе в цепи поставок.

Материал и методы. Использовались материалы открытых научных публикаций, применялись методы сравнительного анализа, методы логистики.

Результаты и их обсуждение. Исследователи отмечают, что на протяжении последнего десятилетия традиционные методы управления перевозками всё отчётливее обнаруживают свою ограниченность: фрагментарность информационных потоков, высокий уровень «холостых» пробегов, недостаточная прозрачность цепочек поставок и неэффективное использование грузовместимости транспортных средств. Как подчёркивает Н.А. Троицкая [1], ключевым противоречием отрасли остаётся несоответствие между потребностью бизнеса в гибкой и интегрированной логистике и реальным состоянием инфраструктурно-управленческой базы большинства транспортных предприятий.

Именно это противоречие задаёт вектор научного поиска и практических преобразований, в центре которых находятся цифровизация и системный логистический подход.

В профессиональном сообществе сформировалось устойчивое понимание того, что повышение эффективности транспортировки невозможно достичь локальными мерами, как то расширение парка подвижного состава или точечная автоматизация отдельных операций. Авторы М.Н. Григорьев, А.П. Долгов, С.А. Уваров обосновывают, что конкурентоспособность транспортного предприятия определяется его

способностью выступать полноценным участником сквозной логистической цепи, координируя свою деятельность со складскими, таможенными и информационными звеньями [2].

Следовательно, важен переход от транзакционной модели взаимодействия с клиентами к партнёрской, ориентированной на совместное управление грузопотоками.

Практическим выражением указанного подхода служит внедрение технологий консолидации грузов, мультимодальных схем доставки и принципа «точно в срок» (just-in-time). Последний, как показывают наблюдения, позволяет не только существенно снизить складские запасы у грузополучателей, но и выровнять загрузку транспортных мощностей, сокращая тем самым непроизводительные пробеги и простои.

Вместе с тем, реализация данных концепций возможна лишь при наличии развитой цифровой инфраструктуры. Проведённый анализ научной литературы позволяет выделить несколько ключевых технологических направлений, активно преобразующих сферу грузоперевозок.

В-первых, это системы телематики и спутникового мониторинга транспортных средств. По оценкам, приводимым в публикациях журнала «Транспорт: наука, техника, управление», использование ГЛОНАСС/GPS-трекинга в сочетании с аналитическими платформами позволяет снизить расход топлива на 8 – 15% и повысить дисциплину соблюдения маршрутов и временны́х нормативов [3]. Это не только сокращает операционные издержки, но и формирует доверие грузовладельцев за счёт повышения прозрачности процесса перевозки.

Во-вторых, это применение больших данных (Big Data) и предиктивной аналитики. Накопленные массивы данных о грузопотоках, дорожных условиях и поведении транспортных средств открывают возможность для построения прогностических моделей, способных заблаговременно сигнализировать об отклонениях в цепи поставок и предлагать альтернативные маршруты или режимы доставки. Это принципиально меняет управленческую парадигму: на смену реактивному реагированию на сбои приходит проактивное управление рисками.

В-третьих, значимым технологическим трендом является распространение транспортно-логистических платформ и маркетплейсов грузовых перевозок. Подобные платформы существенно снижают транзакционные издержки при поиске и согласовании условий перевозки, формируют конкурентную среду среди перевозчиков и способствуют оптимизации загрузки транспортных средств за счёт механизма попутной загрузки. Тем самым решается одна из хронических проблем отрасли - высокая доля порожних рейсов, которая в отдельных сегментах рынка автомобильных грузоперевозок достигает 30 – 40%.

Вместе с тем необходимо признать, что процесс цифровой трансформации в транспортно-логистическом секторе наталкивается на ряд системных барьеров. В числе наиболее существенных исследователи называют дефицит квалифицированных специалистов, способных работать с новыми цифровыми инструментами, недостаточную стандартизацию форматов данных между участниками цепи поставок, а также инерцию управленческого мышления на предприятиях с устоявшимися операционными моделями. Преодоление этих барьеров требует не только технических, но и организационных решений - прежде всего выстраивания механизмов межотраслевого взаимодействия и государственного стимулирования цифровых инвестиций.

Заключение. Таким образом, совершенствование организации транспортировки грузов представляет собой комплексную задачу, решение которой лежит на пересечении логистической методологии и цифровых технологий. Системный логистический подход задаёт стратегическую рамку, в которой отдельные технологические инновации обретают подлинный экономический смысл - не как самоцель, а как средство достижения сквозной эффективности грузодвижения.

Список использованных источников

1. Троицкая, Н. А. Единая транспортная система / Н. А. Троицкая, А. Б.Чубуков. – М.: Академия, 2013. – 240 с.

2. Григорьев, М. Н. Логистика: продвинутый курс: учебник для вузов / М. Н. Григорьев, А. П. Долгов, С. А. Уваров. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 682 с.

3. Покровская, О. Д. Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок / О. Д. Покровская // Транспорт: наука, техника, управление. – 2020. – № 4. – С. 44 – 51.

РОЛЬ АВТОМАТИЗАЦИИ В РЕИНЖИНИРИНГЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ АПК

К.А. Шавловская
Научный руководитель: Н.А. Сырокваш
Минск, БГАТУ

Современный агропромышленный комплекс сталкивается с множеством вызовов, в том числе с высокими издержками, необходимостью постоянного повышения квалификации сотрудников и высоким уровнем рисков. В этих условиях реинжиниринг бизнес-процессов становится важным инструментом для достижения конкурентных преимуществ. Автоматизация, как неотъемлемая часть реинжиниринга, позволяет не только оптимизировать процессы, но и повысить их прозрачность, снизить затраты и улучшить качество продукции.

Цель исследования – определить роль автоматизации в реинжиниринге бизнес-процессов АПК, выявить ключевые цифровые технологии, обеспечивающие радикальное улучшение показателей, и оценить их эффективность на примере предприятий Республики Беларусь.

Материал и методы. В работе использованы общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение и системный подход. Информационную базу составили: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2021 – 2025 гг., статьи из журнала «Аграрная экономика», данные о деятельности ОАО «Савушкин продукт» и ОАО «Слуцкий сыродельный комбинат», а также материалы специализированных интернет-ресурсов по реинжинирингу и автоматизации бизнес-процессов.

Результаты и их обсуждение. Реинжиниринг бизнес-процессов (Business Process Reengineering, BPR) – это метод радикальной переоценки и перепроектирования процессов с целью достижения значительных улучшений в основных показателях эффективности. Цель реинжиниринга – значительно улучшить ключевые показатели: производительность, качество и стоимость. Этот подход чаще всего опирается на инновационные технологии и организационные решения [4]. Ключевые этапы реинжиниринга включают:

1) диагностику и анализ текущих процессов;
2) выявление проблем и узких мест;
3) разработку новых процессов;
4) внедрение изменений и последующий мониторинг [4].

Важно подчеркнуть разницу между реинжинирингом и традиционной оптимизацией. Традиционные методы оптимизации бизнес-процессов обычно дают прирост эффективности на 10 – 30%. Реинжиниринг же нацелен на прорыв: сократить издержки в два-три раза или увеличить производительность на 50 – 80% за счет радикальных изменений [3].

Автоматизация производственных и управленческих процессов пронизывает все ключевые этапы в агропромышленном комплексе (АПК). Её внедрение позволяет не только значительно ускорить выполнение операций, но и свести к минимуму влияние человеческого фактора, тем самым снижая вероятность ошибок. Основными цифровыми технологиями автоматизации в АПК являются:

- роботизация, то есть использование роботов для выполнения рутинных задач, например, сбор урожая, обработка почвы и упаковка продукции (внедрение роботизированных доильных установок Lely Astronaut, белорусские разработки в области роботизированных платформ для точечной обработки почвы);
- интернет вещей (IoT) – технология, основанная на внедрении сети датчиков, сенсоров и исполнительных устройств. Они в реальном времени собирают данные о влажности и химическом составе почвы, температуре воздуха и уровне освещённости, состоянии растений, а также показателях

здоровья и поведения животных (система «Умная ферма», датчики контроля микроклимата и активности скота от компании «БелСенсор»);

- искусственный интеллект и машинное обучение – использование AI для прогнозирования урожайности, оптимизации ресурсов, а также принятия решений (внедрение AI-модулей в ПО РУП «Белгипрозем» для расчёта оптимальных норм внесения удобрений);
- большие данные и аналитика, то есть сбор и анализ больших объемов данных для улучшения процессов и повышения эффективности [1, с. 2-3].

Внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство Беларуси привело к существенному повышению производительности труда и эффективности. Так, в 2025 г. выпуск продукции во всех категориях хозяйств составил 40 100 млн руб., что на 110,4% больше по сравнению с 2024 г. (36 326,8 млн руб.). Рентабельность продаж выросла до 8,6% по сравнению с 3,9% в 2021 г., а индекс производства продукции по сравнению с 2021 г. увеличился на 5,9%: в растениеводстве – на 19,7%, животноводстве – на 7,1%. При этом удалось снизить расходы не менее чем на 29% [1, с. 4], [2].

Агропромышленный комплекс обладает целым рядом отличительных черт, которые вносят существенные коррективы в процессы цифровой трансформации. Ниже приведены эти особенности, обязательные к учёту при любой автоматизации бизнес-процессов в отрасли:

1. Подчиненность природным факторам. Погода, состояние почвы и другие природные условия сильно влияют на производственные процессы, делая их непредсказуемыми.
2. Сезонность производства. Процессы в АПК привязаны к времени года, что требует гибкости от систем автоматизации.
3. Цепочка поставок. Сложные логистические цепочки в АПК делают необходимой автоматизацию логистики.
4. Экологические условия. Современное сельское хозяйство должно учитывать экологические нормы и стандарты. За счет этого возникает необходимость интеграции экологических аспектов в автоматизированные системы [5].

Примером успешного внедрения реинжиниринга является «ОАО Савушкин продукт». Компании удалось повысить эффективность производства и логистики за счет использования роботизированных ячеек. Для этого специалисты создали цифровой двойник завода, внедрили цифровую маркировку сырья от фермы до конвейера и добавили интеграцию с 1С. Это позволило автоматизировать 99% операций, сократить простои и повысить рентабельность (см. табл. 1) [3].

Таблица 1 – Сравнительный анализ эффективности лидеров молочной отрасли Республики Беларусь

Показатель	ОАО «Слуцкий	ОАО «Савушкин	Связь с реинжинирингом

эффективности	сыродельный комбинат»	продукт»	
Выручка от реализации	1520 млн руб.	5010 млн руб.	Переход от продажи сырья к продаже бренда с высокой добавленной стоимостью
Чистая прибыль	52,4 млн руб.	572,5 млн руб.	Масштабирование бизнеса без пропорционального роста накладных доходов
Рентабельность продаж	7,8%	14,8%	Сокращение потерь на каждом этапе
Выручка на одного работника	345,5 тыс. руб.	724,6 тыс. руб.	Ликвидация дублирующих функций и ручного контроля
Удельный вес сорта «Экстра»	76%	99,8%	Интеграция контроля качества напрямую в производственные линии
Оборачиваемость запасов	42 дня	18 дней	Производство под реальный спрос торговых сетей, а не на склад
Доля логистики в себестоимости	13,8%	7,2%	Автоматизация складов и динамическая маршрутизация доставки

Примечание: собственная разработка на основе [2], [3].

Данные таблицы 1 наглядно демонстрируют, что применение реинжиниринга бизнес-процессов в сочетании с автоматизацией дает измеримый экономический эффект. ОАО «Савушкин продукт» показывает почти в 3,3 раза большую выручку и в 10,9 раза – чистую прибыль по сравнению с ОАО «Слуцкий сыродельный комбинат», который в меньшей степени использовал инструменты реинжиниринга.

Исходя из этого, можно выделить преимущества, которыми обладает автоматизация в агропромышленном комплексе:

- снижение издержек на всех этапах осуществления деятельности;
- повышение качества произведенной продукции;
- повышение экономической эффективности и финансовой устойчивости.

Но также стоит обратить внимание на возникающие недостатки:

- высокий уровень издержек на внедрение новых технологий;
- необходимость обучения персонала;
- зависимость от качества данных и технологий;
- риски, которые связаны с кибербезопасностью.

Заключение. Автоматизация играет ключевую роль в реинжиниринге бизнес процессов АПК, позволяя оптимизировать процессы и повысить

конкурентоспособность предприятий. Учет специфики агросектора, таких как сезонность, зависимость от природных условий и экологические аспекты, делает процесс автоматизации более сложным, но и более значимым. Внедрение современных технологий автоматизации может стать ключевым фактором успеха в условиях растущей конкуренции и глобальных вызовов.

Список использованных источников

1. Журавлев, В. Цифровизация сельского хозяйства в Республике Беларусь: технологические решения для развития / В. Журавлев // Аграрная экономика – 2024. – №3. – С. 60 – 70.

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: http://belstat.gov.by/ (дата обращения: 08.04.2026).

3. Примеры реинжиниринга бизнес-процессов. – URL: https://ibmedia.by/news/ot-haosa-k-proryvu-primery-reinzhiniringa-biznes-protsessov/ (дата обращения: 08.04.2026).

4. Реинжиниринг и управление бизнес-процессами. – URL: https://elma365.com/ru/articles/reinzhiniring-biznes-processov/ (дата обращения: 08.04.2026).

5. Характеристика агропромышленного комплекса Республики Беларусь. – URL: https://studfile.net/preview/13898862/page:15/ (дата обращения: 08.04.2026).

АНАЛИЗ ЭФФЕКТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

П.Н. Швед
Научный руководитель: Н.В. Немогай
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях активного развития цифровой экономики и углубления процессов глобализации мировых рынков особое значение приобретает внедрение современных информационных технологий в деятельность предприятий. Трансформация бизнес-моделей под влиянием концепции Индустрии 4.0 требует от компаний высокой гибкости, быстроты принятия решений и способности обрабатывать значительные объёмы данных. Одной из наиболее перспективных технологий данного периода является искусственный интеллект (ИИ), который активно применяется в различных сферах бизнеса, включая транспорт и логистику.

Актуальность темы обусловлена тем, что транспортно-логистические системы играют ключевую роль в функционировании национальной и мировой экономики, выступая связующим звеном между производством и потреблением. Использование интеллектуальных технологий позволяет повысить эффективность управления материальными, финансовыми и информационными потоками, оптимизировать маршруты перевозок,

сократить время обработки заказов и снизить совокупные издержки предприятий. В условиях роста цен на топливные ресурсы и дефицита квалифицированных кадров автоматизация становится необходимым условием устойчивого развития компаний.

Объектом исследования являются транспортно-логистические системы, функционирующие в условиях цифровой экономики. Предмет исследования – социально-экономические и организационные эффекты внедрения технологий искусственного интеллекта в бизнес-процессы предприятий транспортно-логистической отрасли.

Цель работы заключается в комплексном анализе влияния технологий искусственного интеллекта на эффективность бизнес-процессов транспортно-логистических систем.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа и обобщения теоретических и практических данных. Основой исследования послужили научные и учебные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвящённые вопросам логистики, управления цепями поставок и применению искусственного интеллекта в бизнесе.

Анализ научных источников показывает, что вопросам цифровизации логистики уделяется значительное внимание. Многие исследователи отмечают, что внедрение искусственного интеллекта способствует повышению эффективности управления цепями поставок, снижению затрат и улучшению качества логистических услуг. Кроме того, использование интеллектуальных систем управления позволяет повысить прозрачность бизнес-процессов и улучшить координацию между участниками логистических цепей.

В рамках исследования рассматривались современные технологии искусственного интеллекта, применяемые в логистике, включая алгоритмы машинного обучения, системы анализа больших данных, автоматизированные системы управления и технологии компьютерного зрения. Анализ данных технологий позволил определить основные направления их применения в транспортно-логистических системах и оценить экономические результаты их внедрения.

Результаты и их обсуждение. Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологий и методов обработки данных, позволяющих компьютерным системам выполнять задачи, требующие интеллектуальной деятельности человека. К таким задачам относятся анализ информации, прогнозирование, распознавание образов и принятие решений на основе накопленных данных. В отличие от традиционных программных решений, системы на основе ИИ способны адаптироваться к изменяющимся условиям и совершенствовать свою работу по мере накопления опыта.

В современной деловой среде технологии искусственного интеллекта широко используются для автоматизации рутинных операций и повышения

эффективности управления предприятиями. Особенно важную роль они играют в логистике, где требуется оперативная обработка больших объёмов информации и принятие управленческих решений в режиме реального времени.

Транспортно-логистические системы включают множество взаимосвязанных процессов, среди которых управление транспортными потоками, планирование маршрутов, контроль складских операций и распределение товаров. Применение интеллектуальных технологий позволяет автоматизировать многие из этих процессов и повысить точность принимаемых решений, снижая влияние человеческого фактора. Например, системы компьютерного зрения могут использоваться для распознавания регистрационных номеров транспортных средств, контроля состояния грузов и мониторинга складских операций.

Одним из ключевых преимуществ искусственного интеллекта является возможность анализа больших массивов данных. Алгоритмы машинного обучения способны выявлять скрытые закономерности и прогнозировать развитие различных процессов. Это особенно важно для логистических компаний, которые функционируют в условиях высокой неопределенности и изменчивости внешней среды. Использование прогнозной аналитики позволяет компаниям заранее готовиться к пиковым нагрузкам и более эффективно распределять ресурсы.

Внедрение технологий искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на экономические показатели деятельности предприятий. Одним из наиболее заметных эффектов является оптимизация транспортных маршрутов. Интеллектуальные алгоритмы способны анализировать дорожную ситуацию, погодные условия и уровень загруженности транспортной инфраструктуры, что позволяет выбирать наиболее эффективные маршруты перевозок. Использование динамической маршрутизации помогает избегать пробок и снижать транспортные расходы, которые могут сокращаться в среднем на 15 – 25 %.

Значительный эффект также наблюдается в сфере складской логистики. Автоматизированные системы управления складскими операциями и роботизированные комплексы позволяют ускорить процессы обработки заказов, уменьшить количество ошибок при комплектации товаров и повысить производительность труда сотрудников. По данным исследований, производительность складских операций может увеличиваться на 20 – 30 %.

Кроме того, применение интеллектуальных технологий способствует сокращению сроков доставки товаров. Благодаря анализу исторических данных и прогнозированию спроса компании могут более эффективно планировать поставки и оптимизировать процессы распределения продукции. Это позволяет уменьшить время доставки на 10 – 20 %.

Дополнительным преимуществом внедрения искусственного интеллекта является повышение уровня безопасности транспортных

операций. Современные системы мониторинга и анализа данных позволяют своевременно выявлять потенциальные риски и предотвращать возможные сбои в функционировании логистических систем.

Заключение. Проведённое исследование позволило проанализировать влияние технологий искусственного интеллекта на эффективность бизнес-процессов транспортно-логистических систем. В результате было установлено, что искусственный интеллект выступает важным инструментом цифровой трансформации современного бизнеса.

Использование алгоритмов машинного обучения, систем анализа данных и автоматизированных систем управления позволяет существенно повысить эффективность управленческих решений и оптимизировать деятельность предприятий. Особенно значимое влияние данные технологии оказывают на транспортно-логистическую отрасль, которая характеризуется высокой сложностью и большим количеством взаимосвязанных процессов.

Анализ показал, что внедрение технологий искусственного интеллекта позволяет оптимизировать управление транспортными потоками, повысить эффективность складских операций и улучшить планирование поставок. В результате компании получают возможность снизить транспортные расходы на 15 – 25 %, увеличить производительность складских операций на 20 – 30 % и сократить сроки доставки товаров на 10 – 20 %.

Таким образом, применение искусственного интеллекта становится важным фактором повышения конкурентоспособности предприятий в логистической сфере. В дальнейшем можно ожидать расширения использования интеллектуальных технологий, развития цифровых платформ и систем анализа больших данных, что будет способствовать дальнейшему повышению эффективности логистической деятельности и устойчивому развитию бизнеса.

Список использованных источников

1. Гаджинский, А. М. Логистика: учебник / А. М. Гаджинский. – 21-е изд., перераб. и доп. – Москва: Дашков и К, 2021. – 484 с.

2. Немогай, Н. В. Конкурентоспособность предприятия: учебник / Н. В. Немогай, В. В Бонцевич, – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: РИВШ, 2023. – 524 с.

3. Немогай, Н. В. Модель системы управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, С. Д. Колесников // Стандарты и качество. – 2020. – № 6. – С. 88 – 93.

4. Немогай, Н. В. Роль подсистемы научного сопровождения в системе управления конкурентоспособностью предприятия / Н. В. Немогай, Колесников // Стандарты и качество. – 2021. – № 4. – С. 78 – 82.

5. Сергеев, В. И. Логистика и управление цепями поставок: учебник для вузов / В. И. Сергеев. – Москва: Юрайт, 2022. – 672 с.

6. Шарипов, Э. Ж. Применение искусственного интеллекта в логистике / Шарипов Э. Ж., Ишниязов О. О. // World Scientific Research Journal. – 2024. – № 3. – С. 112 – 118.

ДЕРЕВНЯ ДОМЖЕРИЦЫ КАК ПРИМЕР ПРОЕКТА «ДЕРЕВНЯ БУДУЩЕГО»

П.Ю. Шеенкова
Научный руководитель: Т.П. Побяржина
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В условиях современных глобальных вызовов – урбанизации, экологического кризиса и необходимости продовольственной безопасности – особую значимость приобретает поиск новой модели развития сельских территорий.

Традиционные деревни зачастую сталкиваются с проблемами оттока молодежи, отсутствия инфраструктуры и деградации хозяйства. В этой связи возникает потребность в концептуальном переосмыслении сельского пространства. Настоящая работа посвящена исследованию потенциала деревни Домжерицы как модели «населенного пункта будущего». Выбор объекта обусловлен её уникальным расположением на территории Березинского биосферного заповедника, что предполагает симбиоз традиционного уклада и инновационных подходов к устойчивому развитию.

Цель работы – разработать концепцию устойчивого развития деревни Домжерицы как модели «деревни будущего», сочетающей экологическую безопасность, современные технологии и сохранение культурной идентичности.

Материал и методы исследования. Объект исследования – деревня Домжерицы (Лепельский район, Витебская область). Предмет исследования – социально-экономические, экологические и градостроительные механизмы формирования «деревни будущего» на примере Домжериц [5]. Материалы для исследования: нормативно-правовые акты Республики Беларусь по развитию сельских территорий, статистические данные Лепельского района и Домжерицкого сельсовета, научные публикации по устойчивому развитию и концепции «умных деревень». Методы исследования: аналитический, сравнительный, социологический, статический.

Результаты и их обсуждение. Если бы официально существовал список самых красивых деревень Беларуси, пожалуй, Домжерицы могли бы его возглавить. Местные жители называют родное село не только перспективным, но и уникальным. Находится деревенька в самом сердце Березинского биосферного заповедника, от столицы эти живописные места отделяет чуть больше 120 километров. В окружении леса будто попадаешь в другой мир, наполненный тишиной и покоем.

По современным меркам эта деревня небольшая – всего 368 жителей. Но весомая их часть – молодежь. Деревня обеспечена социальной инфраструктурой: детское дошкольное учреждение, школа, библиотека и клуб, музыкальная школа и тренажерный зал. Работают почта, ФАП и два магазина, в которых можно купить товары первой необходимости. Поскольку деревня является центром заповедника, на ее территории есть еще и гостиница, ресторан, музеи. Всего в километре от села можно прогуляться по зоопарку и увидеть многочисленных представителей белорусской фауны: зубра, медведей, волков, оленей, лося.

Не каждая деревня может похвастаться столькими интересными объектами. Тот, кто родился здесь и вырос или приехал и остался, - это люди, влюбленные в природу. Они охраняют и берегут ее. Однако, чтобы молодежи хотелось жить на селе, нужно создать максимально комфортные условия. Пустующих участков с домами в деревне нет, все выкуплено под дачи. Больший процент приезжающих – из Минска. В 2024 году домик приобрела семья из Латвии.

Почти все трудоспособные жители поселка, в том числе молодежь, работают в Березинском заповеднике. В Домжерницах строится арендное жилье, возводятся объекты социальной инфраструктуры, что создает возможности для привлечения и закрепления молодых работников [3].

На живописной окраине соснового бора, в самом сердце Березинского биосферного заповедника, расположился лесной зоопарк, занимающий площадь около 12 гектаров. Он был открыт в 2011 году как часть масштабного проекта по экологическому просвещению и сохранению биоразнообразия. В этом просторном уголке природы созданы условия, максимально приближенные к естественной среде обитания диких животных, благодаря чему посетители получают уникальную возможность увидеть обитателей белорусских лесов в их привычной атмосфере.

Музей Природы – неотъемлемая часть любой экскурсионной программы, где вы сможете получить стартовую информацию об этом удивительном месте.

Человека не может не интересовать природа, она ему нужна, он с ней – неразрывное целое. Однако общению с природой надо учиться. В природоохранительном просвещении важную роль играют музеи. Главная задача музеев – пропаганда принципов охраны природы. Такую работу выполняет Музей Природы Березинского биосферного заповедника, обновленный после реконструкции.

Экспонаты животных размещаются в трех залах музея, в двух из которых представлены экспозиции с участием млекопитающих, третий посвящен птицам и рыбам. Фоном для некоторых экспозиций служат красочные фотообои, основой для которых стали фотографии ландшафтов заповедника. Экспозиции демонстрируют богатство представителей фауны, которые обитают в дикой природе Беларуси. Всего там представлено около

170 видов птиц и 20 видов млекопитающих, каждый из которых обитает в Березинском заповеднике

Музей Мифологии представляет собой здание, состоящее из трёх небольших залов – небесного мира, подземного мира и мира людей. Перед входом в здание музея посетители знакомятся с «Древом жизни», которое и символизирует все эти три мира. Крона дерева символизирует мир небесный, корни дерева – подземный мир, ну а ствол дерева – это ничто иное как мир людей или мир нынешний. В помещении людского мира демонстрируется жизненный цикл человека, который реализуется через традиционный календарь. Вся хозяйственная деятельность и праздничные периоды были подчиненны природе и проходили в соответствии с природными циклами. Традиционно «Подземный» мир представляли как мир, чужой для человека, но первоначально в нем не было ужаса. Это царство духов, которые отвечают за мощь природы, за силы плодородия земли, за подземные воды, которые питают землю.

На экологической мифологической тропе на протяжении всей экскурсии будет витать атмосфера постоянного присутствия кого-то потустороннего, таинственного защитника природной девственности. Этому поспособствуют созданные на тропе инсталляции мифологических персонажей, с этой же целью будут проводиться всевозможные элементы интерпретации.

Экологическая тропа «В краю мифов» позволит узнать природу, с иной, возможно, более глубокой стороны. Веревочный парк «Лесные забавы» создан в центральной усадьбе Березинского биосферного заповедника в д. Домжерицы, в 3 км от автомагистрали М3.

Парк представляет собой комплекс специально оборудованных висячих мостиков, подвижных переходов, веревочных переправ в сосновом лесу на высоте 4-6 метров, которые соединены в единый маршрут. Трасса маршрута с нарастающим уровнем сложности включает в себя 17 этапов. Трасса разделена на две части: «Малая медведица» (до 10-ого этапа) и «Большая медведица» (полный путь). На 10-ом этапе у посетителей парка, не уверенных в своих силах, есть возможность сойти с дистанции по веревке на блок-ролике. Остальные продолжают преодолевать этапы более высокого уровня сложности. В конце трассы гостей ожидает захватывающий почти 40-метровый спуск [2].

Заключение. Подводя итоги исследования темы «Домжерицы – деревня будущего», можно утверждать, что данный населенный пункт обладает уникальным набором ресурсов для формирования сильного территориального бренда и туристического кластера мирового уровня.

Будущее Домжериц видится нам как превращение деревни в «культурно-экологические ворота» Березинского заповедника. В работе обоснована необходимость синергии между природоохранной деятельностью заповедника и развитием деревенской инфраструктуры. Создание современных визит-центров, этнографических комплексов под

открытым небом, веломаршрутов и гостевых домов европейского уровня позволит переориентировать туристические потоки и увеличить продолжительность пребывания гостей в регионе.

Таким образом, концепция «деревни будущего» для Домжериц заключается в создании живого, динамично развивающегося пространства, где культурное наследие и природные богатства не просто сохраняются, а эффективно используются для экономического роста. Реализация этой модели станет важным шагом в развитии внутреннего и въездного туризма, демонстрируя, как небольшая деревня может стать точкой притяжения для всего мира.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/ (дата обращения: 19.03.2026).

2. О Березинском биосферном заповеднике. – URL: https://berezinsky.by/ (дата обращения: 19.03.2026).

3. О Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2021–2025 годы. Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 28 янв. 2021 г., № 50 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 19.03.2026).

4. Морозов, В. А. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика / В. А. Морозов. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2020. – 315 с.

5. Шевелева, О. В. Концепция «умных деревень» (Smart Villages) как инновационная модель развития сельских территорий / О. В. Шевелева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 112 – 126.

ЛОГИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СКЛАДСКИМ КОМПЛЕКСОМ ОАО «НИКА» И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

О.В. Шнитковская
Е.Г. Замостоцкий
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В целях оптимизации материальных потоков, сокращения логистических издержек и повышения конкурентоспособности предприятия критически важным является эффективное управление складским комплексом, которое позволяет минимизировать затраты на хранение, ускорить обработку заказов и повысить качество обслуживания клиентов [1]. Складское хозяйство современного промышленного предприятия представляет собой сложную систему, от функционирования которой зависят ритмичность производства, сохранность товарно-

материальных ценностей и своевременность отгрузки готовой продукции потребителям.

Материал и методы. Научные публикации отечественных и зарубежных авторов в области складской логистики и управления цепями поставок, данные оперативного учета и бухгалтерской отчетности ОАО «НИКА», а также отчеты исследовательских практик послужили основой для написания тезисов докладов. Методы: анализ документов, наблюдение, сравнительный и системный анализ, метод экспертных оценок.

Результаты и их обсуждение. ОАО «НИКА» является одним из крупных производителей в Республике Беларусь, специализирующимся на выпуске продукции производственно-технического назначения. Предприятие имеет развитую складскую инфраструктуру, включающую склады сырья и материалов, склады готовой продукции, а также открытые площадки для хранения. Общая площадь складских помещений составляет более 5000 кв. м.

Анализ деятельности складского комплекса предприятия показал наличие ряда проблем, характерных для многих производственных предприятий с исторически сложившейся инфраструктурой: нерациональное использование складских площадей (коэффициент использования объема складов составляет около 60%), отсутствие автоматизированной системы адресного хранения, недостаточная скорость комплектации заказов (среднее время комплектации одного заказа составляет 3,5 часа при нормативе 2 часа) и высокие затраты на внутрискладские перемещения [2].

В настоящее время на предприятии управление складскими операциями осуществляется с использованием учетной системы «1С: Предприятие», однако она выполняет только функции учета наличия и движения товарно-материальных ценностей и не обеспечивает оптимизацию логистических процессов. Отсутствие специализированной WMS-системы (Warehouse Management System) приводит к тому, что размещение товаров на складе происходит по принципу «свободного места», а не по принципу оборачиваемости и востребованности, что увеличивает время на отборку товара и маршрут движения персонала [3]. Кроме того, существующая система не позволяет в полной мере контролировать сроки годности материалов и готовой продукции, что приводит к потерям от порчи и списания.

Проведенный анализ документооборота складского комплекса выявил дублирование функций при оформлении первичных документов, значительные затраты времени на поиск информации о месте хранения конкретной партии товара, а также ошибки при отгрузке, связанные с человеческим фактором (пересортица, недогруз, пересорт).

Для совершенствования логистического управления складским комплексом ОАО «НИКА» предлагаются следующие пути:

1. Внедрение элементов системы адресного хранения. Даже без полномасштабной автоматизации, разбивка склада на зоны (приемки, хранения, комплектации, отгрузки) и закрепление за товарными группами постоянных мест хранения с присвоением адресов (ряд-стеллаж-полка-ячейка) позволит сократить время поиска товара на 30 – 40% и снизить количество ошибок при отборке. Разработка карт размещения товаров и схем проходов также будет способствовать оптимизации перемещений персонала.

2. Штрихкодирование товаров и тары. Маркировка товаров, мест хранения и тары штрихкодами (стандарт EAN-13 или CODE-128) и оснащение кладовщиков терминалами сбора данных (ТСД) позволит повысить точность учета, проводить инвентаризации без остановки работы склада, исключить человеческий фактор при вводе данных в систему и обеспечить прослеживаемость движения каждой единицы товара [1]. Ориентировочная стоимость внедрения данного мероприятия окупается за 6 – 8 месяцев за счет сокращения потерь и повышения производительности труда.

3. Оптимизация маршрутов внутрискладской транспортировки. Анализ существующих маршрутов движения погрузчиков, штабелеров и ручных тележек с целью их сокращения, исключения встречных и пересекающихся потоков, а также устранения холостых пробегов позволит снизить пробег техники на 15 – 20%, уменьшить риск повреждения товаров при транспортировке и сократить расход топлива (для автопогрузчиков). Для этого целесообразно составить картограммы грузопотоков и хронограммы рабочих смен.

4. Разработка системы мотивации складского персонала. Привязка оплаты труда к ключевым показателям эффективности (KPI), таким как скорость комплектации заказа, количество ошибок при отборке, соблюдение сроков отгрузки, состояние рабочих мест и отсутствие недостач, позволит повысить производительность труда на 20 – 25% и качество работы. Рекомендуется внедрение сдельно-премиальной системы оплаты труда с установлением нормативов времени на основные операции.

5. Совершенствование документооборота. Переход на частично безбумажный документооборот с использованием электронных накладных и актов, а также интеграция складского учета с бухгалтерской системой в режиме реального времени позволит сократить время на оформление документов и исключить дублирование функций.

Внедрение данных мероприятий не требует значительных капиталовложений на первоначальном этапе, так как предполагает преимущественно организационные изменения и использование недорогих технических средств. Это позволит подготовить складской комплекс к дальнейшей автоматизации (внедрению полноценной WMS-системы) и повысить эффективность его работы уже в краткосрочной перспективе.

Заключение. Таким образом, основными путями совершенствования логистического управления складским комплексом ОАО «НИКА» являются внедрение адресного хранения и штрихкодирования, оптимизация маршрутов движения транспорта, изменение системы мотивации персонала и совершенствование документооборота. Ожидаемый эффект от реализации данных направлений – сокращение времени обработки заказов на 30–35%, повышение точности учета до 99,5%, снижение логистических издержек на 10–15% и, как следствие, повышение уровня обслуживания потребителей и конкурентоспособности предприятия в целом.

Список использованных источников

1. Демина, Т. А. Логистика складирования : учебное пособие / Т. А. Демина. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2020. – 180 с.

2. Курочкин, Д. В. Логистика и управление цепями поставок : учеб.-метод. пособие / Д. В. Курочкин. – Минск : БНТУ, 2021. – 112 с.

3. Маликов, О. Б. Складская логистика : учебник / О. Б. Маликов. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 314 с.

4. Гаджинский, А. М. Логистика : учебник / А. М. Гаджинский. – 21-е изд. – Москва : Дашков и К°, 2020. – 418 с.

5. Моисеева, Н. К. Экономические основы логистики : учебное пособие / Н. К. Моисеева. – Москва : Инфра-М, 2021. – 528 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А.А. Щеглов
Научный руководитель Н.Ю. Вислобоков
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

В логистических цепях поставок, транспорт, как правило, выполняет одну из базовых функций в потоковых процессах и в настоящее время актуальны задачи увеличения объемов перевозок, повышения экономической эффективности деятельности отечественных грузовых, пассажирских перевозчиков и экспедиторов. Эффективность транспортной подсистемы, по сути, – это система показателей, которая характеризует уровень качества функционирования транспортной логистической системы при заданном уровне общих логистических затрат [1, с. 80]. С точки зрения потребителя, который является конечным звеном логистической цепи, эффективность логистической системы определяется уровнем качества обслуживания его заказа [2, с. 57]. В данной работе, проанализировав на основе логистического подхода логистическую систему типового транспортного предприятия, приведём наиболее перспективные пути

повышения её эффективности.

Целью исследования, некоторые результаты которого отражены в данной работе, являлось определение наиболее перспективных путей оптимизации логистической системы современного транспортного предприятия.

Материал и методы. Для примера рассмотрим совершенствование логистической системы общества с ограниченной ответственностью «Карго Лайн». ООО «Карго Лайн» является транспортной компанией, которая осуществляет услуги по международным грузоперевозкам, является членом Белорусской ассоциации международных автомобильных перевозчиков (БАМАП). Совокупность опыта и новой техники в автопарке организации позволяет предприятию быстро и своевременно доставлять различные грузы в любую точку СНГ, Европы и Азии.

Результаты и их обсуждение. Проанализируем динамику перевозок грузов данной организацией за 2023–2025 годы (таблица 1), видим что грузооборот автотранспорта компании увеличился в 2025 году на 1,8% по сравнению с 2024 годом, и на 1,0% в 2024 году по сравнению с 2023. Анализ общего пробега транспорта организации и его пробега с грузом за эти годы показал, что в 2025 году увеличился общий пробег автомобилей на 20,6% по сравнению с 2024 годом, и на 8,9% в 2024 году по сравнению с предшествующим годом. Пробег с грузом автомобилей увеличился в 2025 году по сравнению с 2024 годом на 2,3%, а в 2024 году по сравнению с 2023 годом на 2,0%.

Таблица 1 – Анализ динамики перевозки грузов

Наименование показателя	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %	
				2024 к 2023 г.	2025 к 2024 гг.
Грузооборот, т	11254,9	11369,2	11579,5	101,0	101,8
Пробег автомобилей, тыс. км	15883,8	17303,0	20872,2	108,9	120,6
Пробег автомобилей с грузом, тыс. км	104728,6	106868,6	109296,7	102,0	102,3

Анализируя транспортные расходы, как важный элемент управления логистической системой и один из показателей эффективности транспортных перевозок [3, с. 108], можно отметить, что они в исследуемом периоде увеличивались более быстрыми темпами, чем грузооборот, что свидетельствует о снижении эффективности транспортных перевозок.

Кроме транспортных расходов оценить эффективность транспортных перевозок можно по таким показателям, как коэффициент технической готовности, коэффициент выпуска, коэффициент использования грузоподъемности, коэффициент использования пробега и другие (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели эффективности транспортных перевозок

Показатели	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Грузовые автотранспортные средства, шт.	96	96	100,0
Автомобиле-дни в работе, ед.	7738,5	10757,4	139,0
Автомобиле-дни в ремонте, ед.	1574,5	2600,1	165,1
Автомобиле-дни простоя, ед.	11857,0	11896,5	100,3
Общая грузоподъемность, тн.	182,2	182,2	100,0
Объем перевозок, тыс. тн.	11369,2	11579,5	101,8
Общий пробег, тыс. км.	124171,6	130168,9	104,8
Пробег с грузом, тыс. км.	106868,6	109296,7	102,3
Коэффициент технической готовности	0,926	0,897	96,9
Коэффициент выпуска	0,366	0,426	116,5
Коэффициент использования грузоподъемности	0,258	0,223	86,6
Коэффициент использования пробега	0,283	0,277	97,9
Время в наряде, час	15,3	13,1	85,6
Среднесуточный пробег, км	314,5	235,2	74,8
Эксплуатационная скорость, км/час	20,6	18,0	87,4
Техническая скорость км/час	47,2	35,9	76,1
Коэффициент использования времени для движения	0,436	0,501	114,8
Среднее расстояние перевозки, км	32,8	26,7	81,5
Выработка на 1 среднесписочную автотонну, т	616,1	586,1	95,1
Выработка на 1 среднесписочную автотонну, км	20194,9	15659,8	77,5

Данные таблицы 2 позволяют сделать вывод о том, что эффективность функционирования ООО «Карго Лайн» снизилась в 2025 году. Коэффициент технической готовности парка снизился на 3,1%, однако за счет уменьшения простоев автомобилей, увеличился коэффициент выпуска автомобилей на 16,5%. Просматривается динамика уменьшения недозагруженности транспорта, коэффициент грузоподъемности низкий и наблюдается его снижение на 13,4% (всего 28% уровня от номинального значения по техническому паспорту). Коэффициент использования пробега в организации также является низким и составляет 28% (этот показатель низкий в основном из-за расчета общего пробега всего транспорта, а не только грузового). Использование среднедневного пробега менее 50% уровня экономически невыгодно, так как характеризует движение автомобилей в оба направления без груза, возможно даже их использование в личных интересах водителя. В целом наблюдается тенденция снижения эффективности транспортных перевозок, что характеризуется понижением выработки в тонно-километрах на 22,5%.

Заключение. Таким образом, на основе проведённого анализа можно отметить, что к основным недостаткам транспортной подсистемы организации можно отнести малую долю автотранспорта, работающего на газовом топливе; физический и моральный износ части транспортных средств; высокие транспортные расходы (транспортные расходы увеличиваются более быстрыми темпами, чем грузооборот); снижение

показателей эффективности транспортных перевозок. Данные результаты анализа указывают на необходимость корректировки стратегии организации, нацеленной на снижение эксплуатационных затрат, а значит и себестоимости, что приведёт к росту эффективности её деятельности. Для устранения отмеченных проблем наиболее перспективным представляется совершенствование процессов управления и мониторинга транспортом; обновление устаревшего автопарка; переход на современную TMS-систему, что обеспечит эффективный обмен информацией внутри компании и между компанией и потребителями; также актуальным будет обновление системы автоматизированного электронного документооборота между заказчиками и грузоперевозчиками, что будет способствовать улучшению имиджа компании у клиентов и повышению качества оказываемых услуг.

Список использованных источников

1. Александров, В. А. Автотранспортные средства / В. А. Александров, Н. Р. Шоль. – СПб.: Лань П, 2024. – 336 с.

2. Пузанова, И. А. Интегрированное планирование цепей поставок / И. А. Пузанова, Б. А. Аникин; под ред. Б. А. Аникина. – Москва: Юрайт, 2022. – 319 с.

3. Селиванов, А. В. Транспортная логистика международных цепей поставок / Селиванов А. В., Буркацкий М. А. // Менеджмент социальных и экономических систем. – 2017. – № 4. – С. 56 – 69.

DIGITAL MATURITY OF WOMEN'S BUSINESS: FROM AUTOMATION TO INTELLECTUAL TRANSFORMATION

D.N. Gurinovich, S.S. Romanchyk
Scientific supervisor: S.A. Slassi Moutabir
Minsk, BNTU

In Belarus, 2026 has been declared the Year of the Belarusian Woman, which is dedicated to the role of women in the economic development of the country. The modern economy is undergoing profound transformations: automation is giving way to intellectualization, where artificial intelligence and Big Data analysis systems play a key role. In these circumstances, the question of how quickly and efficiently enterprises headed by women or with a high proportion of female staff are implementing new generation technologies is of particular interest. The relevance of this scientific work is due to the need to understand the real contribution of women's business to the digital development of Belarus and identify the factors that accelerate or slow down this process. The purpose of the work is to analyze the level of digital maturity of women's entrepreneurship and assess the dynamics of the introduction of intelligent technologies.

Material and methods. Statistical data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus on women's employment in various

sectors of the economy were analyzed. The materials of the Ministry of Economy describing the portrait of a modern Belarusian businesswoman were used. Open cases of digital technology implementation in Belarusian companies and government agencies are considered [2]. Special attention is paid to publications on the practical application of AI in the real sector and examples of successful women's leadership in the digital sphere [5]. The methodological basis is the analysis of the available information on the activities of enterprises and a generalization of the identified trends.

The results and their discussion. Analysis of statistical data shows that women in Belarus make up a significant part of those employed in key sectors of the economy. At the beginning of 2025, the proportion of women in the field of information and communications reached 37%, while Belarus is the leader among European countries in this indicator [1]. Traditionally, women have dominated education and healthcare. Women make up 40% of the heads of organizations, and 70% of civil servants. For women, the number of individual entrepreneurs is approaching 40%, and world statistics, confirmed by Belarusian realities, indicate that women's businesses are highly resistant to bankruptcy.

The assessment of digital maturity involves an analysis of the transition from basic automation to the introduction of intelligent systems. There are already successful examples of such transformation in Belarus. In the public sector, the Ministry of Taxes and Duties has introduced intelligent document processing services, where up to 67% of tasks are performed automatically, and the speed of business processes has increased by 45% [4]. This is an illustrative example of how digital solutions capable of processing large amounts of data increase work efficiency, including for thousands of female employees of departments. Belneftihim Concern is taking an active position in the industry on the introduction of AI. It is noteworthy that the request for training in working with neural networks came specifically from women working at the concern's enterprises. Women who actively use AI in their personal lives can become drivers of its implementation in professional activities and investment development [2]. Various seminars are held at the state level where women, who stand out in the financial and digital sphere, share their experience in the practical application of AI in the industry [4]. Their journeys often from managing logistics projectors to leading the largest digital platform demonstrates women's ability to effectively innovate, including creating secure transactional models and integrating it with banks. Their management approach, based on a combination of technical knowledge and communication, has helped strengthen the company's position in the market.

Digitalization issues are being actively discussed at the Energy and Creation platforms for women entrepreneurs. In May 2025, digitalization of business and building communication links for small businesses using digital solutions became one of the key topics. And at the Belarusian-Uzbek Women's Business Forum in Vitebsk, participants talked about entering foreign markets through AI and digital platforms, as well as women's activities in developing

small innovative enterprises. This indicates that women's entrepreneurship in Belarus is actively integrating into global digital trends [3].

The portrait of the Belarusian businesswoman, compiled by the Ministry of Economy, a citizen with a university degree aged 30 – 45 years, is a favorable basis for digital transformation. The high educational level (57% of women have higher or secondary education) and the active lifestyle of the new generation of Belarusians create the prerequisites for accelerated implementation of intelligent systems [5]. As a result, it can be concluded that women's business in Belarus demonstrates its willingness to accept and implement AI and Big Data technologies. Women managers and specialists are not just automating routine processes, but are moving towards intellectual transformation, as evidenced by real-world cases in petrochemicals, finance and public administration. This allows enterprises under their leadership to increase efficiency, reduce costs and enter new markets.

Conclusion. The analysis shows that the level of digital maturity of enterprises headed by women or with a high proportion of female staff in Belarus is quite high and has a steady upward trend. Women act not only as users, but also as initiators of the introduction of intelligent technologies, which is confirmed by their active participation in educational projects on AI and leadership of digital platforms [6]. In the Year of the Belarusian Woman, it is especially important to note that the combination of a high proportion of women in the IT sector, education and entrepreneurial activity forms a solid foundation for further intellectualization of the Belarusian economy. A promising area for further study is the quantification of the impact of the introduction of AI on the economic performance of specific enterprises headed by women.

List of references

1. Госсектор Беларуси внедряет интеллектуальный документооборот // РБК Компании. – 17.09.2025. – URL: https://companies.rbc.ru/news/jtcMOo1oTD/gossektorbelarusi-vnedryaet-intellektualnyij-dokumentooborot/ (дата обрщения: 10.03.2026).

2. Какие сферы деятельности в Беларуси «самые женские», рассказали в Белстате // БелТА. – 06.03.2025. – URL: https://belta.by/society/view/kakie-sfery-dejatelnosti-v-belarusisamye-zhenskie-rasskazali-v-belstate- 700583-2025/ (дата обрщения: 10.03.2026).

3. Купаловцы участвуют во II Республиканском Форуме женщин-предпринимателей «Энергия и созидание» // Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. – 28.05.2025. – URL: https://www.grsu.by/ntp/kontakty/item/55566-kupalovtsy-uchastvuyut-vo-ii-respublikanskom-forume-zhenshchin-predprinima-telej-energiya-i-sozidanie.html (дата обрщения: 10.03.2026).

4. Марина Латышева-Андреева: от юной мечты к управлению крупнейшим финансовым порталом Myfin // https://myfin.by/. – 26.10.2025. – URL: https://myfin.by/article/blogi/marina-latyseva-andreeva-ot-unoj-mecty-k- upravleniu-krupnejsimfinanso-vym-portalom-myfin-41360 (дата обрщения: 10.03.2026).

5. Юрий Чеботарь: белорусские женщины – заботливые мамы и успешные бизнес-леди // Министерство экономики Республики Беларусь. – 07.03.2025. –

URL: https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/jurij-chebotar-belorusskie-zhenschiny-zabotlivye-mamy-i-uspeshnye-biznes-ledi-50142-2025/ (дата обрщения: 10.03.2026).

6. Slassi Moutabir, S. A. Integration of the financial literacy into the education system of the Republic of Belarus in terms of SDGs / S. A. Slassi Moutabir, A. S. Klius // Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Innovative methods of teaching foreign languages, modern approaches in translation studies and philological research», 16 – 17 мая 2025 г. – Ч. 2. – 2025. – С. 479 – 483.

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЗООНИМАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

К.В. Артюховская
Научный руководитель: В.А. Скачкова
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность исследования обусловлена тем, что фразеологизмы с зоонимами, являясь обязательной частью лексикона любого языка, выявляют антропоцентризм человеческого мышления и культурные стереотипы. В любом языке мира такие единицы активно используются в повседневной жизни и встречаются часто в фольклорном материале, что делает их ценным материалом для лингвокультурологических исследований.

Целью работы является анализ фразеологизмов с компонентами-зоонимами в английском языках с учетом их лингвокультурологических и семантических особенностей.

Материалы и методы. Для выявления культурных коннотаций в работе использованы метод семантического анализа и метод лингвокультурологии. Материалом для анализа послужили английские фразеологические единицы с компонентами-зоонимами, отобранные из словарей и интернет-источников,.

Результаты и их обсуждение. Зооним (от греч. ζῶου – ‘животное’ и ὄνομα – ‘имя, название’) – это существительное, обозначающее какое-либо животное. Это относительно молодой термин, появившийся в лингвистике в 60-е гг. XX века [5, с. 15]. В нашей выборке английских фразеологизмов зоонимы имеют переносно-метафорическое значение и чаще всего отражают внешние характерные черты или особенности поведения человека.

Лингвокультурологический аспект раскрывает символизм животных в английской культуре. Так, лев символизирует храбрость, как в *brave as a lion* ‘храбрый как лев’, что восходит к библейским и мифологическим традициям, где лев – царь зверей. Осел ассоциируется с упрямством или глупостью, *donkey work* ‘ишачий труд’, показывая влияние Библии и фольклора. Влияние Библии очевидно и в выражениях типа *separate the sheep from the goats* ‘отделить овец от козлищ’, где овцы – символ добродетели, козлы – порока. Мифы, такие как греческие или римские, проявляются в *albatross round someone's neck* ‘альбатрос на шее’, отсылающем к поэме Кольриджа, где альбатрос – символ вины. Эти символы формируют культурную картину мира, где животные передают человеческие качества, подчеркивая антропоцентризм [1, с. 200 – 250].

Эмотивность, являясь лингвистической категорией, выражает эмоциональное состояние и переживания [4, с. 178]. Большая часть фразеологических единиц обладают таким признаком, как антропоцентризм, относятся напрямую к человеку, либо связана с ним, носят оценочный характер, выявляя как отрицательные и положительные оценки, так и отсутствие оценки.

Приведем примеры фразеологических единиц с компонентами-зоонимами с положительной оценкой, например: *the cat's pajamas* 'первый сорт'; *strong as a horse* 'здоров как бык'; *to have a memory like an elephant* 'помнить все'; *brave as a lion* 'храбрый как лев'; *lucky dog* 'везунчик'; *strong as a horse* 'здоров как бык'. С отрицательной оценкой: *like a bull in a china shop* 'как слон в посудной лавке, неуклюже, неповоротливо'; а *dog's life* 'собачья жизнь, очень несчастливая жизнь'; *bullhead* 'тупица', *the black sheep* 'паршивая овца'; а *leopard cannot change its spots* 'горбатого могила исправит'. С нейтральной оценкой: *to sleep like a dog* 'спать как сурок, крепко спать'; to have kittens 'не находить себе место'; *wet like a drowned rat* 'насквозь промокший'; *to watch like a hawk* 'следить орлиным взором, пристально наблюдать'; *bull session* 'разговоры в мужской компании'.

Как видим, среди представленных единиц преобладают фразеологизмы, выражающие отрицательную оценку.

Сравнение с русским языком выявляет различия в представлениях, передаваемых содержанием фразеологизмов. Английское выражение *to kill two birds with one stone* 'убить двух птиц одним выстрелом' имеет русский аналог, но с другим компонентом-зоонимом – 'убить двух зайцев'. Различия обусловлены культурными ассоциациями: в английском языке делается акцент на эффективности, в русском – на первое место выходит охота.

Некоторые английские устойчивые выражения с названиями животных идентичны русским; другие имеют смысловые эквиваленты, но отличаются по структуре, при переводе их компонент-зооним исчезает; третьи – оказываются непрозрачными для носителей русской лингвокультуры. Но есть и такие, перевод которых требует особого мастерства и чувство языка.

Среди фразеологических единиц А.Н. Баранов выделяет полные эквиваленты, частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы. Полная эквивалентность предполагает идентичность значения, внутренней формы, а также синтаксической и лексической структуры [2, с. 205]. Из отобранных выражений выявлены полные эквиваленты, например: *be as tired as a dog* 'устать как собака'; *a paper tiger* 'бумажный тигр'; *a dark horse* 'тёмная лошадка'; *swan song* 'лебединая песнь'; *separate the sheep from the goats* 'отделить агнцев от козлищ'.

К частичной эквивалентности относятся фразеологические единицы разных языков с близкими актуальными значениями и лексико-синтаксическими структурами [2, с. 206]. Примерами фразеологизмов, обладающих частичной эквивалентностью, являются, например: *the black*

sheep ‘паршивая овца’; *to buy a pig in a poke* ‘купить кота в мешке’; *to work like a dog* ‘работать как вол/лошадь’; a snake in the grass ‘змея подколодная’. Фразеологические аналоги характеризуются семантическим сходством при почти полном отсутствии формального сходства [2, с. 206]. Аналогов оказалось большинство, например: *to get smb’s goat* ‘вывести из себя’; *a bear with a sore head* ‘зол как черт’; *monkey business* ‘валять дурака, ломать петрушку’. Безэквивалентных – некоторые, например: *camel’s nose* ‘маленькая деталь, которая приведет к большой проблеме’; *white elephant* ‘обременительное или разорительное имущество’; *to show / see the lions* ‘показывать / осматривать достопримечательности’; *dead as a dodo* ‘уже не существующий, не популярный, не важный’.

Кросскультурные исследования выявляют универсальность и специфичность фразеологизмов. Универсальность проявлена в выражении *mute as a fish* ‘нем как рыба’, которое характеризует малоразговорчивого человека, из которого сложно вытянуть хоть одно слово. Фразеологизм отражает общие наблюдения за животными. Специфичность демонстрирует выражение *dead as a dodo*. Птицы додо вымерли после встречи с человеком еще в семнадцатом веке на острове Маврикий. Образ этой птицы как беззащитного создания вошел в массовую культуру, встречается в популярных художественных произведениях и даже в мультипликационных фильмах.

В английском языке адъективных фразеологических единиц с зоосемическими номинациями с положительной оценкой выявлено немного. Положительная оценка характерна для номинаций: *as busy as a bee* ‘трудолюбивый, как пчела’; *as innocent as a dove* ‘кроткая, как голубка’; *as quiet as a lamb* ‘тише воды, ниже травы’; *as bold as a lion* ‘храбрый, как лев’; *as strong as a horse* ‘сильный, как лошадь’; *as playful as a kitten* ‘игривый, как котенок’ [3, с. 20-1004]. Конь – животное, которое выручало в крестьянском хозяйстве. Оно символизирует такие качества, как сила и выносливость: *as strong as a horse* ‘сильный, как лошадь’.

Чаще, чем дикие животные, упоминаются в английских фразеологизмах птицы. Такие выражения имеют положительную оценку: *as graceful as a swan* ‘изящный, как лебедь’; *as innocent as a dove* ‘кроткая, как голубка’; *as cheerful as a lark* ‘жизнерадостный’. Намного больше в английском языке фразеологических единиц с отрицательной оценкой. Вероятно, общая семантическая асимметрия фразеологической системы может быть объяснена более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления [4, с. 21]. Кошки – одни из самых популярных домашних любимцев в Англии и США. С этими животными связано множество устойчивых выражений, но они несут больше отрицательный характер, нежели положительный: *as nervous as a cat* ‘очень нервный’; *as weak as a cat* ‘очень слабый физически’. Главная кормилица – корова – не избежала насмешливых выражений: *as awkward as a cow* ‘неуклюжий, как корова’. Отрицательное отношение выражено и

к свинье: *as fat as a pig* ‘жирный, как свинья’; *as greedy as a pig* ‘жадный, как свинья’. Такое недоброжелательное отношение к свинье восходит к Библии. Выражения, в которых имеются волки, также содержат отрицательную оценку, например: *as mean as a wolf* ‘жадный, как волк’. Как в России, так и в Англии ослы являются символом упрямства или глупости: *as obstinate as a donkey* ‘упрямый, как осел’*; as stupid as a donkey* ‘глуп, как осел’.

Отрицательная оценка конкретизируется признаками лукавства, хитрости, коварства с такими животными, как лиса – *as cunning as a fox* ‘хитрый, как лиса’; *as sly as a fox* ‘коварный, как лиса’; медведь – *like a bear with a sore head* ‘сильно рассерженный’; угорь – *as slippery as an eel* ‘скользкий, как рыба (угорь)’.

Собака издавна считалась другом человека. Выражения *собачья верность, собачья преданность* положительно оценивают собаку. Но таких выражений мало. Больше других, отрицательных: *собачья жизнь, собаке собачья смерть, как собак нерезаных, собаке под хвост.* В английском языке это такие фразеологические единицы, как *as a dog`s hind leg* ‘бесчестный, непорядочный’; *as tired as a dog* ‘уставший, как собака’.

Заключение. Таким образом, фразеологизмы с компонентами-зоонимами в английском языке служат зеркалом культурных ценностей, исторических событий и психологических особенностей англоязычного сообщества. Их изучение способствует глубокому пониманию лингвокультурных связей, подчеркивая универсальность человеческого мышления и уникальность национальных мировидений.

Список использованных источников

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 – «Анг. яз.» / И. В. Арнольд. – 4. изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 383 с.

2. Баранов, А. Н. Основы фразеологии [Текст] : краткий курс : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский ; Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики, Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 307.

3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian phraseological dictionary : English-Russian phraseological dictionary : ок. 20000 фразеол. единиц / А. В. Кунин. – 6-е изд., испр. – Москва : Живой язык, 2005 (ОАО Тип. Новости). – 942 с.;

4. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : [учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. В. Кунин. – Москва : Высш. шк., 1986. – 336 с.

5. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка : [учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высш. шк., 1987. – 287 с.

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФАРМАКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЙ БАДОВ)

А.Ю. Войтеховская
Научный руководитель: А.Л. Дорняк
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Жанр текстов описания биологически активных добавок (БАДы) представляет собой специфическую форму коммуникации в сфере здравоохранения и маркетинга, где сочетаются информативные и персуазивные элементы. Этот жанр функционирует в дискурсе здоровья, как отмечает В. Е. Чернявская, где тексты выступают как «формальная структура для длительного хранения и передачи информации» [1], но с акцентом на прагматические цели.

Целью настоящего исследования является описание дискурсивных особенностей текстов, представляющих собой описание БАДов. Задачей исследования было определено выявление коммуникативных и социокультурных характеристики заявленного дискурса.

Материал и методы. В основе методологии лежит метод дискурсивного анализа.

Результаты и их обсуждение. Тексты описания БАДов информируют о продукте, мотивируют к его приобретению, формируя определенное восприятие здоровья и благополучия. В контексте гуманитарных технологий, как подчеркивает Н. И. Алмазова, такие тексты способствуют «извлечению информации и знаний из больших объемов необработанных данных» [2], делая их инструментом социальной инженерии знаний. Коммуникативные характеристики этого жанра определяются двойственной целью: информированием о свойствах продукта и его продажей. М. М. Бахтин в своих работах подчеркивал, что жанры формируются в типических ситуациях общения, где цель выступает как «коммуникативная интенция» [3, с. 159]. В текстах описания БАДов эта цель реализуется через сочетание объективных данных и субъективных выгод, что позволяет жанру функционировать как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» [4]. Структура таких текстов обычно включает введение продукта, описание преимуществ, инструкцию по применению и отзывы, что обеспечивает логичную последовательность от презентации к убеждению.

Введение продукта часто начинается с названия и краткого описания состава, подчеркивая его натуральность или научную обоснованность. Например, в текстах БАДов для иммунной системы вводная часть акцентирует на «дополнительном источнике полиненасыщенных жирных кислот омега-3», что сразу позиционирует продукт как полезный.

Преимущества описываются через перечисление эффектов, таких как «укрепление иммунитета» или «Anti-Age effect», что соответствует функциональному подходу, где жанр отражает «совокупность жанров, функционирующих в определенной сфере» [5]. Инструкция предоставляет практические рекомендации, а отзывы добавляют социальное доказательство, усиливая доверие.

Информирование в текстах описания БАДов предстает как коммуникативная цель, которая органично переплетается с персуазивностью, формируя картину мира здоровья, где биологически активные добавки становятся мостом между повседневной реальностью и идеалом витальности. Философски это можно интерпретировать через призму экзистенциализма, где здоровье не просто биологический факт, а экзистенциальный выбор, позволяющий индивиду обрести аутентичность в мире, полном хаоса и неопределенности. В текстах БАДов информирование не ограничивается сухими данными о составе или дозировке; оно трансформируется в нарратив, в котором продукт описывается как ключ к восстановлению внутренней гармонии, регенерации сил и укреплению жизненной энергии. Например, описание БАДа для суставов может подчеркивать его роль в «восстановлении подвижности и гибкости», что апеллирует к понятию энергии как жизненной силы.

Персуазивность проявляется в том, что информация подается не как объективная констатация, а как приглашение к трансформации: читатель не просто узнает о свойствах, но ощущает, как продукт интегрируется в его картину мира, где здоровье – это не отсутствие болезни, а активное состояние, наполненное энергией и регенерацией. Это соответствует концепции внутренней картины здоровья, где, как отмечает И. В. Зябкина, здоровье переживается как ценность, включающая чувственные, интеллектуальные и смысловые компоненты [6]. В текстах БАДов персуазивность усиливается через риторические приемы, такие как метафоры энергии «заряд бодрости на весь день» или регенерации «обновление клеток изнутри».

В контексте лингвокогнитивной интерпретации поликодовых текстов, таких как описания БАДов, «лингвокогнитивная интерпретация текста может рассматриваться и как процесс, и как результат, что предполагает несколько самостоятельных направлений исследования, ещё более востребованных на гетерогенном материале. Мы остановимся на интерпретации ПТ как процесса формирования смысла», что объясняет, как понятия вроде «регенерации» трансформируются в мотивацию к потреблению через ассоциативные связи между вербальными и визуальными элементами» [7, с. 99].

Манипулятивность в этом жанре выступает как манипулятивная коммуникативная цель, где тексты не просто убеждают, но тонко направляют восприятие, формируя зависимость от продукта как от

источника здоровья. Философски это можно рассматривать через призму постмодернизма, где реальность конструируется дискурсом, и здоровье предстает как симулятор, созданный маркетинговыми нарративами. В текстах описания БАДов манипулятивность проявляется в использовании эмоциональных триггеров, таких как страх потери энергии или обещание регенерации, что манипулирует подсознанием, заставляя читателя ассоциировать благополучие с конкретным продуктом. Например, описание БАДа для иммунитета может подчеркивать «укрепление защитных сил организма», апеллируя к понятию укрепления как стабильности в нестабильном мире, но на деле это манипуляция, где продукт позиционируется как единственный способ избежать хаоса болезни. В текстах БАДов это реализуется через создание иллюзии контроля над здоровьем. Манипулятивная цель – не открытое принуждение, а скрытое внушение, где читатель начинает воспринимать БАДы как неотъемлемую часть картины мира здоровья, где энергия и восстановление зависят от регулярного потребления.

Создание имиджа здоровья через БАДы предстает как социокультурная конструкция, где продукт становится символом витальности в современной картине мира. Тексты формируют имидж здоровья как динамичного состояния, где укрепление организма – это не пассивное ожидание, а активное действие через потребление добавок. Понятия энергии, восстановления, регенерации и укрепления становятся центральными, отражая экзистенциальную потребность в полноте бытия.

Например, описание БАДа для сердца может акцентировать на «восстановлении сердечного ритма и укреплении сосудов», что философски отсылает к аристотелевскому понятию энтелехии, где организм стремится к совершенству. В картине мира здоровья, создаваемой этими текстами, БАДы не просто добавки, а катализаторы трансформации, позволяющие индивиду преодолеть энтропию повседневности и обрести энергию для самореализации. Это соответствует внутренней картине здоровья, где здоровье включает когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, и тексты БАДов усиливают эту картину, делая продукт частью личностного смысла.

Социокультурно это отражает тренды постиндустриального общества, где здоровье – товар, и имидж витальности продается через обещания регенерации и укрепления, формируя культуру профилактики, где энергия – это капитал в конкурентном мире. Механизмы импликации и инференции, как указано в исследованиях, «реализуются через механизмы импликации и инференции. Теоретические положения, касающиеся этих механизмов, нами сформулированы на основе публикаций, посвященных интерпретации линейного текста... и изложены в редакции, учитывающей отличия интерпретации ПТ от понимания линейного текста» [7, с. 99].

В философском контексте картина мира здоровья, конструируемая текстами описания БАДов, предстает как синтез античных идей витализма

с современными представлениями о теле как проекте. Здоровье – не статичное отсутствие патологий, а динамическое равновесие, где энергия циркулирует как в даосских практиках, а регенерация – это возрождение феникса из пепла. Тексты подчеркивают укрепление как укрепление границ индивидуальности, позволяя человеку противостоять хаосу внешнего мира. Это манипулятивно, поскольку создает зависимость от продукта, но одновременно информативно, предоставляя знания о механизмах тела. В итоге жанр текстов БАДов не просто описывает продукт, а формирует мировоззрение.

Заключение. В заключении можно сказать, что фармакологический дискурс в лице текстов-описаний БАДов представляет собой комплексную коммуникативную форму, где информирование органично интегрируется с персуазивностью, формируя не только знания о продукте, но и мотивацию к его использованию. Манипулятивность проявляется как скрытая цель, направленная на формирование зависимости от добавок через эмоциональные апелляции и иллюзию контроля над здоровьем, что способствует созданию имиджа витальности как достижимого состояния. Картина мира здоровья, конструируемая этими текстами, предстает как динамичное равновесие, где понятия энергии, восстановления, регенерации и укрепления становятся ключевыми элементами, отражающими экзистенциальную потребность в гармонии и самореализации. В социокультурном контексте не только продается продукт, но и формируются культурные нормы, при которых здоровье воспринимается как товар, доступный через регулярное потребление, что усиливает биовласть и манипулятивные практики в современном обществе.

Список использованных источников

1. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2006. – С. 46.

2. Алмазова, Н. И. Гуманитарные технологии в анализе больших данных / Н. И. Алмазова // Вестник гуманитарных наук. – 2021. – № 1. – С. 1.

3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста. Собрание сочинений: в 5-ти т. / М. М. Бахтин. – М.: Языки русской культуры, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 159 – 206.

4. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – С. 11.

5. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 15.

6. Зябкина, И. В. Внутренняя картина здоровья и внутренняя картина болезни / И. В. Зябкина // Вестник психологии. – 2010. – № 2. – С. 128.

7. Романова, Т. В. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации монография / Т. В. Романова, А. С. Винокурова, Д. А. Маликова; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2021. – 179 с.

КЛИКБЕЙТ В МОТИВАЦИОННЫХ ВИДЕОБЛОГАХ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.М. Вьюнова
Научный руководитель: А.А. Биюмена
Минск, БГУИЯ

В настоящее время люди потребляют большое количество видеоконтента, который многообразен по содержанию и целям. Одним из источников вдохновения интернет-пользователей являются мотивационные видеоблоги – видео, в которых содержится призыв к активным действиям по улучшению жизни.

Заголовок играет большую роль при выборе видео для просмотра, поэтому блогеры, как правило, стараются сделать его привлекательным. Некоторые авторы пользуются таким способом возбуждение интереса, как кликбейт. Под кликбейтом мы понимаем заголовок, направленный на привлечение внимания интернет-пользователей к контенту путём введения в заблуждение, недосказанности.

Цель настоящего исследования – выявление способов создания кликбейт-заголовков в русскоязычных и англоязычных мотивационных видеоблогах на платформе YouTube.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования выступили 30 заголовков мотивационных видео на русском и 30 – на английском языке на платформе YouTube. При проведении исследования был использован метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Проанализированные видео не содержат вредоносную информацию, следовательно, блогеры-мотиваторы используют кликбейт-заголовки исключительно в целях привлечения внимания к своему каналу и полезному, по их мнению, материалу.

В заголовках русскоязычных и англоязычных мотивационных видеоблогов на платформе YouTube выявлены следующие способы создания кликбейта: приведение необоснованной статистики, гиперболизация, использование указательных местоимений, превосходной степени сравнения.

Нередко блогеры приводят в заголовках статистику, у которой по определению не может быть источника. Например: *How to Outperform 97.3% of People in 2026* ‘Как превзойти 97,3% людей в 2026’ (Dr. Izzy Sealey). Скорее всего, дробное число использовано для повышения убедительности статистики, хотя никаких обоснований того, что озвученная в видео информация поможет стать лучше именно такого количества людей, нет. Более того, данный показатель фигурирует исключительно в названии видеоролика.

В заголовках можно увидеть формулировку «топ 1% людей/женщин/мужчин», под чем подразумеваются успешные люди,

которые, как считают авторы, составляют меньшинство: *8 Game-Changing Habits of Top 1% Women* ‘8 прорывных привычек топ 1% женщин’ (Dr. Izzy Sealey); *The 9 Habits of Top 1% Women* ‘9 привычек топ 1% женщин’ (Natalie Dawson); *How to Become the Top 1% of People* ‘Как войти в топ 1% людей’ (Amy Wang). Это референтная группа для тех, кто стремится к образу жизни, характерному для преуспевающих личностей.

Распространены кликбейты, содержащие определённый, обычно небольшой, промежуток времени, за который якобы возможно изменить свою жизнь. То есть, при создании заголовков использована гиперболизация. Блогеры озвучивают мысль, которая может вдохновить людей и повлиять на способ их мышления. Такие видеоролики могут длиться меньше минуты. Зрители переходят на подобные видео в надежде получить максимальный эффект при минимуме усилий с их стороны: *эти* ***59 секунд*** *изменят вашу жизнь* (Семён | Работа над собой); *these* ***99 seconds*** *will change your life* ‘эти **99 секунд** изменят вашу жизнь’ (Soma Chhaya).

Заголовки роликов, в которых авторы мотивационного контента делятся полезными привычками, помогающими улучшить качество жизни за ограниченный период, могут тоже представлять собой гиперболизацию: *как ИЗМЕНИТЬ свою ЖИЗНЬ за 14 дней : пошаговый гайд и советы для достижения целей* (AlexGoldenGirl); *How to change your life in 90 days* ‘Как изменить свою жизнь за 90 дней’ (Angel Zheng); *how to change your life in 30 days: your 2026 comeback* ‘как изменить свою жизнь за 30 дней: ваше возвращение в 2026’ (nadeen).

Использование указательных местоимений без называния конкретного действия создаёт интригу и побуждает пользователей нажать на видео и скорее узнать, что скрывается за словами *это*/*this*: *Уилл Смит – Делай* ***ЭТО*** *в Течение 21 Дня! Только 1% Людей Делают* ***ЭТО****! Лучшая Мотивация!* (INSTARDING); *If you’re not motivated, do* ***this*** ‘Если у вас нет мотивации, делайте **это**’ (Russel Wofford).

Привлечение зрителей может осуществляться за счёт использования прилагательных в превосходной степени сравнения. Часто прилагательное *лучший* применяется в качестве характеристики самого видео: *КОГДА ВАМ ХОЧЕТСЯ СДАТЬСЯ – **Лучшее** Мотивационное Видео!* (MNC Motivation); *NO EXCUSES – **Best** Motivational Video* ‘НИКАКИХ ОПРАВДАНИЙ – **Лучшее** Мотивационное Видео’ (Ben Lionel Scott).

Заключение. Использование в заголовках мотивационных видеоблогов на русском и английском языках недостоверной статистики, гиперболизации, указательных местоимений, прилагательных в превосходной степени сравнения способствует тому, что пользователи, не подвергающие информацию критическому осмыслению, имеют большие ожидания от видео, которые, в свою очередь, вряд ли будут оправданы. Рассмотренные способы создания кликбейта активно используются блогерами для вовлечения аудитории.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА «ORDNUNG» В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА А.К. ДОЙЛА «ОБРЯД ДОМА МЕСГРЕЙВОВ»: КОГНИТИВНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.В. Дубровская
Научный руководитель: Н.Л. Дружина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Каждый народ по-своему осмысляет мир, и язык запечатлевает эти способы видения. Среди множества лексем встречаются те, в которых сфокусированы ключевые ценности культуры. Лингвокультурный концепт «Ordnung» принадлежит именно к таким ментальным образованиям. Как отмечает В.И. Карасик, данный феномен пронизывает не только повседневный быт, но и образ мышления, восприятие времени и принципы взаимодействия носителей языка с окружающим миром [4, с. 145]. Исследователь подчеркивает, что «аксиологическая значимость порядка в немецком языковом сознании проявляется в многочисленных паремиях и устойчивых выражениях» [4, с. 148].

Актуальность данной работы обусловлена тем, что художественный перевод подобных смыслов требует от переводчика особой когнитивной гибкости – простого использования словарей недостаточно. Детективная проза о Шерлоке Холмсе представляет интерес для исследования, поскольку когнитивно-метафорический аспект изучен не в должной степени.

Цель исследования – выявить способы репрезентации концепта «Ordnung» в немецком переводе рассказа «Обряд дома Месгрейвов» в сопоставлении с оригиналом и русским переводом, а также определить специфику передачи данного концепта на русский язык.

Материал и методы. Материалом исследования послужили три текста: оригинал «The Musgrave Ritual» [1], немецкий перевод «Das Musgrave-Ritual» (К. Хаузер) [2] и русский перевод Н. Треневой [3]. Выбор указанного рассказа обусловлен тем, что сюжет центрирован вокруг формализованного семейного ритуала, что делает категорию порядка ключевым элементом повествования. В работе применялись метод лингвокультурологического анализа, сравнительно-сопоставительный метод и методика анализа когнитивных метафор. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафоры пронизывают нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление, и действие» [5, с. 25].

Результаты и их обсуждение. Понятие «Ordnung» в немецком языке обладает более широкой семантикой по сравнению с русским эквивалентом «порядок», включая такие компоненты, как «система», «регламент», «дисциплина», «добросовестность». По мнению Р. Ратмайр, «Ordnung для немца – это не просто внешнее состояние вещей, а

внутренний принцип организации жизни, имеющий почти сакральный статус» [6, с. 92]. Исследователь поясняет, что данный концепт неразрывно связан с понятиями дисциплины, надежности и предсказуемости [6, с. 94]. В тексте рассказа концепт реализуется через следующие когнитивные метафоры:

1. Метафора «мышление – это упорядочивание». При характеристике Холмса немецкий переводчик вводит причастие «ordnend», которое отсутствует в оригинале:

Оригинал (англ.): «He was, I take it, the most perfect reasoning and observing machine that the world has seen» [1].

Немецкий перевод: «Er war, wie ich zugeben muss, die perfekteste ordnende und beobachtende Denkmaschine, die die Welt je gesehen hat» [2].

Русский перевод (Н. Треневой): «Он был, признаюсь, самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую только видел свет» [3].

Использование «ordnend» (упорядочивающий) акцентирует не просто процесс размышления, а его структурирующий характер. В русском переводе эта метафора нейтрализуется.

2. Метафора «истина – это скрытый порядок». В сцене осознания Холмсом логики событий немецкий текст оперирует понятием «внутреннего порядка»:

Оригинал (англ.): «I could see that there were indications of consistency in the whole business» [1].

Немецкий перевод: «Ich konnte erkennen, dass das Ganze einer inneren Ordnung folgte» [2].

Русский перевод: «Я понял, что в этом деле есть внутренняя логика» [3].

Английское «consistency» является логическим термином, тогда как в немецком варианте истина предстает как фундаментальная структура реальности.

3. Метафора «текст – это система». Описание ритуала: Оригинал (англ.): «this is the strange catechism to which each Musgrave had to submit» [1].

Немецкий перевод: «Es ist ein strenger Katechismus, dem sich jeder Mann in der Familie unterziehen muss» [2].

Русский перевод: «это и есть то странное испытание, которому должен был подвергнуться каждый Месгрейв» [3].

Немецкое «strenger Katechismus» усиливает идею нормативности и системности, в то время как русское «испытание» смещает акцент в плоскость индивидуального опыта.

4. Метафора «хаос – это скрытый порядок». Описание беспорядка в бумагах:

Оригинал (англ.): «A confusion of papers» [1].

Немецкий перевод: «Ein systematisches Durcheinander von Papieren» [2].

Русский перевод: «Бумажный хаос» [3].

Оксюморон «systematisches Durcheinander» (систематический беспорядок) выражает специфически немецкую идею подчиненности любого хаоса внутренней логике.

Заключение. Немецкий перевод последовательно эксплицирует лингвокультурную доминанту «Ordnung», формируя образ Холмса как воплощения абсолютного системного мышления. Русский перевод, во многом следуя за оригиналом, нивелирует ряд системных смыслов, заложенных в немецкой версии. Таким образом, объем концепта существенно разнится в сопоставляемых языках, что подтверждает тезис В.И. Карасика о сложностях межкультурной коммуникации [4, с. 201]. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпуса текстов для анализа репрезентации «Ordnung» в различных типах дискурса.

Список использованных источников

1. Doyle, A. C. The Musgrave Ritual / A. C. Doyle // The Memoirs of Sherlock Holmes. – London : George Newnes, 1894. – P. 112 – 138.

2. Doyle, A. C. Das Musgrave-Ritual / A. C. Doyle ; übers. von K. Hauser // Sherlock Holmes : Gesammelte Werke. – Zürich : Diogenes, 2005. – S. 345 – 372.

3. Дойл, А. К. Обряд дома Месгрейвов / А. К. Дойл ; пер. с англ. Н. Треневой // Собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Правда, 1966. – Т. 2. – С. 215 – 243.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.

5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

6. Rathmayr, R. Die Ordnung als Lebenskonzept: Zur Kulturspezifik eines deutschen Wertes / R. Rathmayr // Kultur und Sprache. – Wien : Praesens, 2008. – S. 87–104.

СЛЕНГ ПОКОЛЕНИЯ Z КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

М.А. Казущик
Научный руководитель: Е.В. Сажина
Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Социальный диалект поколения зумеров (Z-поколения) – объект пристального внимания лингвистов и социологов, сложный социолингвистический феномен построения коммуникации в цифровой среде. Согласно данным исследований *Datareportal* время, проводимое пользователем в социальных сетях, составляет в среднем 13 часов 48 минут в неделю; девушки в возрасте 16 – 24 года в социальных сетях еженедельно проводят 19 часов 46 минут, парни – 17 часов 16 минут [1].

Лингвистический и прагматический анализ сленга поколения Z, выявление его структурных особенностей и доказательство его ключевой функции как инструмента трансляции оценочных суждений – актуальное направление исследования. Представляет интерес сравнительный анализ

англоязычного и русскоязычного корпусов сленга с целью определения, как универсальных черт цифрового социолекта, так и специфики его локальной адаптации.

Теоретическая основа исследования – концепции социолекта и теория поколений. Социолект как язык социальной возрастной группы выполняет коммуникативную, идентификационную, эстетическую, информационную функции. Теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува объясняет ценностные разрывы между возрастными когортами [2].

Материал и методы. Применены следующие методы исследования:

– сравнительно-сопоставительный анализ двух словарных корпусов: англоязычного словаря с ресурса Gabb (149 лексических единиц) [3; 4] и русскоязычного «Словаря молодежного сленга 2025» (86 единиц) [5];

– количественный (статистический) анализ, позволивший определить соотношение исконных и заимствованных единиц, продуктивных словообразовательных моделей;

– компонентный и контекстуальный анализ для определения семантики и прагматики сленгизмов;

– классификация лексики по тематическим группам и оценочным векторам.

Результаты и обсуждение. Структурно-лингвистический анализ двух актуальных по состоянию на 2025 год словарных корпусов (англоязычного на 149 единиц и русскоязычного на 86 единиц) привел к следующим выводам:

1) доминирование англоязычных заимствований в русскоязычном анализируемом материале: из 86 единиц русского сленга 71 единица – это англицизмы, что составляет 83%. Используются следующие типы заимствований:

– прямое заимствование (*буллинг, хайп, краш, флексить*);

– фонетическая адаптация (*гамать* от *game*, *чилить* от *chill*);

– калькирование (*фейспалм* facepalm , *соулмейт* soulmate);

– усечение и аббревиация (*ЛС* личные сообщения, *Изи* easy).

Можно сделать вывод о том, что английский язык выступает не как внешняя система, а как внутренний ресурс для формирования гибридного цифрового кода, что является прямым следствием глобализации и доминирования англоязычного контента в интернете;

2) в русскоязычной лексике используются словообразовательная модель семантического сдвига как переосмысление исконных слов (*базар* – договорённость, *шляпа* – нечто плохое, *бомбить* – злиться);

3) в обоих словарях присутствуют акронимы (*ЧСВ* – чувство собственной важности, *GOAT* – Greatest Of All Time);

4) в обоих словарях присутствуют редукция и фонетическая игра (*падра* как сокращённое от подруга, *Delulu* как сокращение от delusional).

Анализ позволил выделить ключевые семантические поля, отражающие жизненные приоритеты и виды деятельности поколения Z, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Тематические группы лексики в сленге поколения Z

Тематическая группа	Примеры (английский язык)	Примеры (русский язык)	Анализ
Оценка как одобрение или неодобрение	slay, ate, fire (approval); cringe, mid, sus (disapproval)	вайб, пушка (одобрение); кринж, зашквар, (неодобрение)	Инструмент мгновенной социальной оценки
Цифровая среда и игры	ghost, noob, GG, stream	гамать, донатить, ливнуть, нуб	Отражает интеграцию геймификации в неигровые процессы для повышения мотивации, вовлеченности
Социальные отношения	boo'd up, FWB, simp, rizz	краш, токсик, френдзона, ЧСВ	Описывает форматы отношений, типы личности
Эмоции и состояния	salty, delulu, mood, bed rot	агриться, бомбить, муд, орать	Подчёркивается экспрессивное, гиперболизированное выражение эмоций

Проведенный анализ показал, что сленг зумеров является в первую очередь инструментом для трансляции оценочных суждений. Эта функция реализуется через систему оппозиций и градаций; лексика четко структурирована по полюсам «одобрение – отторжение», основные оценочные векторы представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Основные оценочные векторы в сленге поколения Z

Оценочный вектор	Ключевые слова	Сущность оценки	Прагматический эффект
Абсолютное одобрение	slay, ate, fire, bussin	Признание безупречного успеха, соответствие идеалу	Повышение социального статуса в группе, увеличение социального капитала в группе
Негативная оценка, стыд	cringe, зашквар	Обозначение неприемлемого, постыдного, вызывающего отвращение	Социальная дискредитация, регулирование социальных норм
Социальная	бумер, зумер,	краш, токсик,	Описывает форматы отношений, типы

категоризация	сигма, пикми	френдзона, ЧСВ	личности
Ирония	mid, cheugy, 67, окей-бумер	Обозначение посредственного, устарелого, несерьезного	Дистанцирование, демонстрация критического восприятия

Можно сделать вывод о следующих социальных функциях оценочного сленга:

– идентификационная как определение принадлежности к группе (пароль-шибболет), мгновенно отделяющий «посвященных» (digital natives) от «аутсайдеров» (чаще представителей старших поколений);

– нормативно-регулирующая как публичное обозначение границ допустимого в сообществе, инструментарий мягкого или жесткого социального контроля (например, *токсик*, *абьюзер* и *буллинг* – обозначение и осуждение деструктивных моделей поведения);

– компрессионно-экспрессивная функция как языковая способность к сжатию (компрессии) информации при одновременном усилении ее выразительности (экспрессии), что позволяет передать максимум смысла и эмоций в минимальном объеме (*рипнуться* – испытать крах, *орать* – неконтролируемо смеяться). Это отвечает требованию скорости и эффективности коммуникации в условиях клипового мышления и информационной перегрузки.

Полученные результаты позволяют рассматривать сленг поколения зумеров как закономерный продукт новой социальной реальности, результат гибридности и глобализирвоанности лексикона:

1) доминирование оценочной лексики коррелирует с такими чертами сетевого дискурса, как «экономика внимания» и «культура отмены». В условиях высокой конкуренции за внимание, способность к моментальной, яркой оценке становится ключевым коммуникативным навыком. Слова-вердикты (*slay*, *cringe*) идеально приспособлены для комментирования, реакций и создания вирального контента;

2) цифровая среда, социальные отношения, эмоции фиксируют новые социальные практики и явления (*донатить*, *стримить*, *френдзона*), которые зачастую еще не имеют устоявшихся обозначений в литературном языке;

3) прослеживаются негативные явления и риски: утрата исходного культурного контекста у заимствований, что ведет к культурной апроприации; усиление категоричности мышления через ярлыки (*бумер*, *пикми*); углубление коммуникационного разрыва между поколениями.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что сленг поколения Z представляет собой сложную, динамичную и функциональную социолингвистическую систему. Сформированный под

определяющим влиянием цифровой среды, он базируется на массовых англоязычных заимствованиях, семантических трансформациях и словообразовательных моделях, ориентированных на экономию и экспрессию. Главной прагматической функцией этого социолекта является трансляция оценочных суждений. Через бинарные оппозиции и систему социальных ярлыков он позволяет осуществлять моментальную навигацию в социальном пространстве, проводить границы, присваивать или отнимать статус и регулировать нормы внутри группы. Сленг выступает не просто языковой игрой, а инструментом конструирования социальной реальности и коллективной идентичности цифрового поколения.

Список использованных источников

1 Digital 2025 July Global Statshot Report // Datareportal. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-july-global-statshot (date of access: 03.01.2026)

2 Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – №1 (1). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya (дата обращения: 12.01.2026).

3 Glossary of 2020s slang // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Glossary_of_2020s_slang (date of access: 03.01.2026)

4 2026 Teen Slang Dictionary: Decode Gen Z Lingo. – URL: https://gabb.com/blog/teen-slang/ (date of access: 03.01.2026)

5 Словарь молодёжного сленга 2025. Самые часто используемые слова с объяснением и примерами // vc.ru. – URL: https://vc.ru/id4789204/1915052-slovar-molodezhnogo-slenga-2025 (дата доступа 15.01.2026)

6 Khan, C. Each year, word of the year gets darker. 'Six-seven' may be annoying – but it's bucked that trend / C. Khan // The Guardian. – URL: Each year, word of the year gets darker. ‘Six-seven’ may be annoying – but it’s bucked that trend | Coco Khan | The Guardian https://share.google/Xi6fRNaq9L0JB9njU

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИЙСКИХ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

В.С. Койвумяко
Научный руководитель: Н.А. Левченко
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Фразеологические единицы являются неотъемлемой частью любой языковой системы. Они аккумулируют культурный опыт народа, закрепляют традиционные ценности и формируют представления о социальных ролях. Посредством устойчивых выражений в языке фиксируются культурные стереотипы, связанные с различными сферами жизни общества, в том числе гендерными отношениями.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к проблемам языковой репрезентации гендерных стереотипов. Язык не только отражает

социальные и культурные реалии общества, но и участвует в формировании устойчивых представлений о мужских и женских ролях. Особое значение в этом процессе имеют фразеологические единицы, которые концентрируют культурно-исторический опыт народа и передают оценочные характеристики различных социальных групп. Рассмотрение в данной статье гендерно обусловленных фразеологизмов позволяет определить, какие стереотипные представления о женщине закрепились в англоязычной культуре.

Целью исследования является проведение структурно-семантического и лингвокультурного анализа английских гендерно маркированных фразеологизмов, характеризующих образ женщины.

Анализ материала позволяет выделить пять основных тематических групп фразеологизмов английского языка, характеризующих образ женщины.

1. Внешность и привлекательность. Наиболее многочисленную группу составляют фразеологизмы, характеризующие внешность женщины (примерно 35 – 40% анализируемых выражений). К фразеологизмам с положительной оценкой относятся *glamour girl* ‘эффектная девушка’, *(as) pretty as a picture* ‘красивая как картинка’, *a dream girl* ‘девушка мечты’, которые описывают женскую красоту и привлекательность. Однако значительная часть устойчивых единиц этой группы имеет объективирующую или ироническую окраску: *sex kitten* ‘сексуально привлекательная молодая женщина’, *dolly bird* ‘девушка-куколка’, *blonde bombshell* ‘сногсшибательная блондинка’. Значение подобных фразеологизмов часто основано на метафорическом сопоставлении женщины с образами из других сфер деятельности. Так, широко используются зооморфные метафоры (с компонентами *chick*, *kitten*) или ассоциации с предметами и объектами внешнего мира (*doll, a bit of jam*). Подобные образы способствуют формированию представления о женщине как об объекте эстетической оценки и внешнего восприятия. Например, фразеологизмы *dolly bird* ‘девушка-куколка’ и *sex kitten* ‘сексуально привлекательная молодая женщина’ демонстрируют тенденцию к представлению женщины главным образом через её внешнюю привлекательность.

2. Интеллектуальные характеристики. Вторая по численности группа (около 20 – 25%) включает фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные способности женщины. Большинство из них имеет ироническую или негативную коннотацию: *woman’s wit* ‘женская хитрость’, *female logic* ‘женская логика’, *dumb blonde* ‘глупая блондинка’, *silly goose* ‘легкомысленная женщина’. Характерной особенностью данной группы фразеологизмов является гендерная асимметрия в оценке интеллектуальных способностей. Например, выражение *a man of sense* обозначает разумного и рассудительного человека, тогда как *female logic* используется иронически, подразумевая нелогичность рассуждений.

Подобная оппозиция отражает культурный стереотип, согласно которому мужчина традиционно ассоциируется с рациональностью, тогда как женщина – с эмоциональностью.

3. Характер и поведение. Около 20% единиц описывают характер и поведенческие особенности женщины. В данной группе преобладают выражения с негативной оценкой: *old hen* ‘ворчливая женщина’, *battle-axe* ‘властная женщина’, *dragon lady* ‘сварливая или агрессивная женщина’. Положительные характеристики встречаются реже: *lady of quality* ‘дама высокого происхождения или благородных качеств’, *a perfect lady* ‘женщина с безупречными манерами’, *a woman of substance* ‘влиятельная женщина’.

4. Социальные роли и семейный статус. Группа (15 – 20%) включает фразеологизмы, связанные с социальными ролями женщины. К данной группе относятся выражения *soccer mom* ‘мать, активно занимающаяся воспитанием детей’, *a woman of the house* ‘хозяйка дома’. Некоторые выражения подчёркивают семейный статус, часто с иронической или негативной окраской: *old maid* ‘старая дева’, *grass widow* ‘соломенная вдова’. Подобные единицы отражают традиционные представления о социальной роли женщины, тесно связанной с семьёй и браком.

5. Морально-этические характеристики. Незначительную по количеству фразеологизмов группу (около 10%) составляют обороты, характеризующие моральные качества женщины: *scarlet woman* ‘блудница’, *lady of easy virtue* ‘дама легкого поведения’, *woman of the streets* ‘уличная женщина, проститутка’. Устойчивые обороты демонстрируют зависимость оценки женщины от соответствия социальным моральным нормам.

Материал и методы. Материалом исследования послужили гендерно маркированные фразеологические единицы английского языка, характеризующие образ женщины. Фразеологический материал был отобран методом сплошной выборки из «Большого англо-русского фразеологического словаря» А. В. Кунина [1], а также из словарей «Oxford Dictionary of Idioms» [2] и «Cambridge Idioms Dictionary» [3].

В работе применялись следующие методы исследования. Структурно-семантический анализ, позволивший определить значение и семантическую структуру фразеологических единиц. Метод лингвокультурной интерпретации, направленный на выявление культурных и социально обусловленных представлений, отражённых во фразеологизмах. Метод классификации, с помощью которого фразеологические единицы были распределены по тематическим группам в зависимости от отражаемых характеристик образа женщины.

Результаты и их обсуждение. Проведённый анализ показал, что большинство исследованных фразеологизмов закрепляет устойчивые гендерные стереотипы, в которых женщина часто представляется через призму внешности, эмоциональности или социальной роли. Фразеологические единицы, характеризующие образ женщины, могут

быть распределены по нескольким тематическим группам: внешность и привлекательность, интеллектуальные характеристики, характер и поведение, социальные роли и семейный статус, а также морально-этические качества. Многочисленной является группа фразеологизмов, описывающих внешность женщины, что свидетельствует о значительной роли эстетической оценки в формировании женского образа в языковой картине мира. Вторая по численности группа связана с интеллектуальными характеристиками женщины, при этом многие выражения имеют ироническую или негативную окраску. Фразеологизмы, описывающие характер и поведение, также преимущественно содержат критическую оценку. Группа устойчивых выражений, связанных с социальными ролями, отражает традиционные представления о женщине как о матери, супруге и хранительнице домашнего очага.

Заключение. Образ женщины в английских гендерно маркированных фразеологизмах обладает ярко выраженным оценочным характером. Наиболее многочисленные группы устойчивых выражений связаны с внешностью, интеллектуальными характеристиками, поведением, социальными ролями и моральными качествами. Значительная часть фразеологических единиц содержит негативную или ироническую оценку, отражая и закрепляя традиционные представления о женском поведении, внешности и социальной роли. Гендерная асимметрия подтверждает, что английская фразеологическая система по-прежнему транслирует патриархальные стереотипы, акцентируя внимание на внешней привлекательности и эмоциональности женщины в противовес мужской рациональности. В английской фразеологии также заметна тенденция к объективации и сексуализации женского образа, что может быть связано с влиянием массовой культуры и медиа.

Список использованных источников

1. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Русск. язык, 2021. – 1210 с.

2. Oxford Dictionary of Idioms / edited by Judith Siefring. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 352 p.

3. Cambridge Idioms Dictionary. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 520 p.

СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

П.И. Митина
Научный руководитель: А.Л. Дорняк
Гомель, Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»

Современная профессиональная среда, особенно в таких глобализированных отраслях, как информационные технологии,

характеризуется высокой интенсивностью межкультурных контактов. Рабочая коммуникация все чаще осуществляется на неродном для участников языке, что требует от специалистов не только языковой компетенции, но и владения особыми стратегиями речевого поведения. Межкультурная коммуникация предполагает балансирование между сохранением собственной идентичности и адаптацией к чужой культуре, однако для успешной профессиональной деятельности простого осознания культурных различий недостаточно. Необходим сознательный и гибкий выбор эффективных речевых стратегий, которые позволяют минимизировать риски недопонимания и выстроить продуктивное взаимодействие.

Цель данного исследования преследует выявить и систематизировать данные стратегии. Задачей исследования было определить специфику их реализации в профессиональной коммуникации на неродном языке.

Материал и методы. Методологическую базу составили теоретический анализ научной литературы и метод моделирования коммуникативных ситуаций. В результате исследования предложена классификация стратегий профессионального речевого поведения, ориентированная на потребности специалистов, работающих в мультинациональных командах.

Результаты и их обсуждение. Под стратегией профессионального речевого поведения в данной работе понимается совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели в условиях профессионального взаимодействия с учетом культурных и языковых особенностей собеседника. Анализ научной литературы и практики управления мультинациональными командами позволяет выделить пять ключевых стратегий, которые могут быть применены в зависимости от ситуации общения, канала коммуникации и культурной принадлежности партнера. Современные исследования подчеркивают необходимость различения двух подходов к пониманию межкультурной коммуникации: инференционного (основанного на психологических выводах о собеседнике) и практико-ориентированного (основанного на наблюдении за реальным взаимодействием), что имеет прямое значение для выбора речевых стратегий [1, с. 438].

Одной из важнейших стратегий является упрощение языка, которое предполагает сознательный отказ от сложных синтаксических конструкций, узкоспециальных идиом и избыточной метафоричности. Использование коротких предложений, стандартной лексики и избегание многозначных выражений позволяют снизить когнитивную нагрузку на собеседника, для которого язык коммуникации не является родным. Особую значимость эта стратегия приобретает в письменной коммуникации, где отсутствует возможность мгновенно переспросить или уточнить смысл сказанного. Если ранее исследователи указывали на сложности, вызванные использованием кальки с родного языка и

дословного перевода идиом, то стратегия упрощения как раз призвана минимизировать эти риски со стороны говорящего, делая высказывание максимально доступным для восприятия. Как показывают исследования межкультурных барьеров в IT-проектах, языковые различия являются одной из шести ключевых проблем, требующих целенаправленных коммуникативных стратегий [2, с. 6].

Не менее важной представляется стратегия четкости речи, которая реализуется через логическую структурированность высказывания. В профессиональной коммуникации, особенно письменной, это достигается использованием стандартизированных структур изложения информации, когда сообщение строится по ясной схеме, например, от постановки проблемы к предложению решения и обозначению сроков. Особую значимость эта стратегия приобретает при взаимодействии с представителями культур с низким контекстом, где ценится прямота и однозначность формулировок. Согласно классической теории Э. Холла и ее современным интерпретациям, представители таких культур ожидают прямого ответа и могут воспринимать обтекаемые формулировки как неуверенность или некомпетентность [3], в то время как структурированное и четкое сообщение способствует формированию доверия и взаимопонимания.

Третья стратегия ориентирована на реципиента информации и может быть обозначена как активное понимание. Она включает в себя техники проверки и уточнения понимания, такие как переспрос и вербализация. Умение задать уточняющий вопрос, перефразировать услышанное, чтобы убедиться в правильности понимания, или кратко резюмировать итоги обсуждения становится жизненно важным фактором эффективного взаимодействия. Реципиент должен быть готов к недопониманиям и активно участвовать в их преодолении. Данные техники особенно важны в асинхронной коммуникации, например, в электронной почте или при работе с системами управления проектами, где отсутствует возможность мгновенно переспросить и приходится полагаться исключительно на написанный текст.

Стратегия соблюдения формальности является одним из ключевых маркеров межкультурной компетенции. Уровень формальности в общении может существенно варьироваться в зависимости от культурного контекста. С одной стороны, в культурах с высокой дистанцией власти ожидается соблюдение строгих формальностей, особенно на начальных этапах взаимодействия, что предполагает использование официальных обращений и следование принятому протоколу [4].

С другой стороны, в современной IT-среде часто распространена неформальная, ориентированная на результат коммуникация, что создает зону риска для недопонимания. Как показывают эмпирические исследования, проблемы в межкультурных IT-проектах часто возникают из-за скрытых предположений о должном уровне формальности и

различий в управлении временем [5, с. 9]. Важно различать формальность статусную, связанную с обращением и соблюдением иерархии, и формальность процедурную, которая касается следования принятым протоколам обсуждения. Адаптация уровня формальности к конкретному партнеру и ситуации является проявлением культурной чуткости и способствует созданию комфортной рабочей атмосферы.

Наконец, в условиях дефицита языковой компетенции или необходимости обеспечения максимальной точности целесообразно обращение к вспомогательным средствам, что составляет суть пятой стратегии. К таким средствам относятся онлайн-переводчики, профессиональные глоссарии и базы терминов, визуальные средства коммуникации, такие как скриншоты и диаграммы, а также шаблоны типовых документов и писем. Как отмечалось ранее, письменная форма коммуникации дает возможность использовать онлайн-переводчики и словари, проверять тексты через грамматические корректоры. Использование этих инструментов не должно рассматриваться как признак слабой компетенции, а скорее как сознательная стратегия повышения надежности коммуникации, особенно при работе со сложной технической документацией. Исследования культурных ценностей в коммуникации подтверждают, что цифровые инструменты играют все более значимую роль в управлении межкультурным диалогом и преодолении коммуникативных барьеров [6, с. 29].

Заключение. Таким образом, профессиональная коммуникация на неродном языке в мультикультурной среде требует от специалиста осознанного применения комплекса речевых стратегий. Выделенные стратегии не являются изолированными и должны применяться комплексно, в зависимости от конкретной ситуации общения, канала коммуникации и культурной принадлежности собеседника. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на эмпирическую проверку эффективности данных стратегий в различных профессиональных контекстах, в частности, с помощью опросов специалистов, работающих в международных компаниях, что позволит уточнить и дополнить предложенную классификацию на основе реального практического опыта.

Список использованных источников

1. Dai, D. W. Interactional Competence for professional communication in intercultural contexts: Epistemology, analytic framework and pedagogy / D. W. Dai // Language, Culture and Curriculum. – 2024. – Vol. 37, No. 4. – P. 435 – 455.

2. Kelemen, Z. Identifying Cross-Cultural Communication Barriers in Global IT Rollout Projects / Z. Kelemen, E. Malota, K. Lendvai // Periodica Polytechnica Social and Management Sciences. – 2024. – P. 1 – 13. – DOI: 10.3311/PPso.23032.

3. Слинкова, О. К. Кросс-культурные коммуникации: размышления об истоках проблем взаимопонимания / О. К. Слинкова, И. Р. Федоркова // Наука и образование:

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2025. – № 3. – С. 62 – 69.

4. Hofstede, G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context / G. Hofstede // Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – Vol. 2, No. 1. – 26 p.

5. Mazur, N. Advancing the CROSS Cycle Framework with Communication-Fit and Value-Fit Integration for Cross-Cultural Management of IT Teams / N. Mazur, N. Chukhray // Grail of Science. – 2025. – No. 57. – P. 147 – 163.

6. Каразина, Я. М. Значение культурных ценностей в понимании, восприятии и интерпретации в межкультурной коммуникации / Я. М. Каразина // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 22 – 32.

СТРАТЕГИИ И ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

А.И. Мысливец
Научный руководитель: А.Д. Дудько
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Перевод военной терминологии представляет собой сложный и многосторонний процесс межъязыкового преобразования, обеспечивающий эквивалентную передачу денотативного, коннотативного и прагматического содержания исходного текста в условиях строгой терминологической стандартизации. Согласно Л. С. Бархударову, переводческие трансформации определяются как отношения между исходной и целевой языковыми единицами, в которых вторая создаётся на базе первой для достижения адекватности, учитывая системные расхождения в формальных и семантических структурах языков [1, с. 23]. В контексте военного дискурса это особенно актуально: военная терминология отражает иерархические структуры вооружённых сил, тактические доктрины и технологические инновации. Достижение эквивалентности и адекватности при переводе военной терминологии требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключённую в исходном тексте, при строгом соблюдении норм языка перевода.

Материал и методы. Анализ проводился на основе корпуса англоязычных СМИ (The Times, The Guardian), охватывающих период 2024 – 2025 гг., с выборкой 112 единиц военной терминологии. Классификация трансформаций основана на модели В. Н. Комиссарова, разделяющей их на лексические (транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция), грамматические (дословный перевод, членение/объединение предложений, грамматические замены) и лексико-грамматические (антонимический перевод, описательный перевод, компенсация) [2, с. 168]. Дополнительно учтена специфика военного

перевода по В. Н. Шевчуку, включая адаптацию к русскоязычной доктрине (например, operational maneuver group – оперативная манёвренная группа) [6, с. 543].

Результаты и их обсуждение. Подробно рассмотрим каждый приведённый выше вид трансформаций, на основе отобранных примеров.

Транслитерация сохраняет фонетическую форму термина для идентификации его в иноязычном окружении, при этом минимизируя семантическую потерю в военных номинациях: *stealth technology* – стелс-технология; *drone* – дрон; *sniper* – снайпер; *javelin (anti-tank missile)* – джавелин (противотанковая ракета); *mayor* – майор; *marshal* – маршал; *general* – генерал; *Iskander* – Искандер (оперативно-тактический ракетный комплекс); *Armata* – Армата (основной боевой танк); *Zircon* – Циркон (гиперзвуковая ракета); *Poseidon* – Посейдон (подводный беспилотный аппарат).

Калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путём замены её составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в языке перевода. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания, копирующего структуру исходной лексической единицы. Данный тип переводческих трансформаций наблюдается в следующих примерах: *flight crew* – лётный экипаж; *strategic bomber* – стратегический бомбардировщик; *air-to-air missile* – ракета класса «воздух-воздух»; *special-purpose aircraft* – самолёт специального назначения; *pre-flight check* – предполётный осмотр. Данный прием доминирует в 40% случаев для составных терминов.

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием языка перевода с более узким значением. Данный тип переводческих трансформаций наблюдается в примерах: *to attack* – идти в атаку; *to engage in combat* – участвовать в бою; *combat zone* – зона боевых действий [3, с. 256].

Генерализацией называется замена единицы языка оригнала, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением, то есть преобразование, обратное конкретизации. Подкрепим данный тип переводческих трансформаций следующими примерами: *engagement* – бой / столкновение; *Patriot missile* – Ракета / система ПВО; *armored fighting vehicle* – бронетехника; *squad* – подразделение; *precision strike* – удар / атака; *fighter jet* – самолёт.

Эти два приёма адаптируют материал к лингвокультурным нормам языка перевода.

Модуляция или смысловое развитие – замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесённых слов в оригинале и переводе оказываются

при этом связанными причинно-следственными связями. Приведем следующие примеры: *to secure an area* – взять под контроль территорию; *command and control* – система управления войсками; *continuous shelling destroyed ...* – в результате артиллерийских ударов была разрушена.

Дословный перевод либо синтаксическое уподобление – это способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру языка перевода. Этот тип «нулевой» трансформации примеряется в тех случаях, когда в исходном языке и языке перевода существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе. Мы наблюдаем данную стратегию перевода в следующих примерах: *The commander ordered his troops to advance.* – Командир приказал своим войскам наступать. *The forces moved rapidly.* – Войска двигались стремительно. *Enemy forces launched a counter-attack.* – Вражеские силы начали контратаку [4, с. 74].

Заключение. Применение переводческих трансформаций – это не просто инструментарий для преодоления лексико-грамматических расхождений между исходным языком и языком перевода, но и фундаментальный механизм достижения адекватности перевода. В научном дискурсе адекватность рассматривается как высшая ступень соответствия перевода оригиналу, предполагающая максимально полную передачу не только денотативного содержания, но и всех прагматических, стилистических, коннотативных и функциональных аспектов текста, релевантных для целевой аудитории [5, с. 50].

Каждый вид рассмотренных трансформаций на примере военной терминологии – от транскрипции и транслитерации, обеспечивающих узнаваемость и привязку к оригиналу, до калькирования, позволяющего вводить новые концепты через прозрачную внутреннюю форму, – служит цели адекватности перевода. Конкретизация и генерализация позволяют манипулировать уровнем детализации, адаптируя специфику военного термина к пониманию широкой аудитории или, наоборот, уточняя общее понятие для передачи точного смысла. Применение разнообразных переводческих трансформаций является основным методом решения лингвокультурных и лингвопрагматических задач. Они позволяют эффективно преодолевать безэквивалентность и культурные различия в номинации военных объектов и концепций, обеспечивают функциональную адекватность военной терминологии, передавая не только семантику, но и прагматику военных доктрин, иерархии званий и военных технологий. Их комбинаторное применение помогает преодолевать лингвострановедческие барьеры, повышая точность в передаче информации.

Список использованных источников

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М., 1975. – С. 23.

2. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 168 с.

3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭГС, 2002. – С. 256.

4. Львовская, З. Д. Современные проблемы перевода / З. Д. Львовская; пер. с исп. В. П. Иовенко. – М., 2008. – С. 74 с.

5. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Оникс, 2003. – 50 с.

6. Шевчук, В. Н. Тематический англо-русский словарь новой военной терминологии / В. Н. Шевчук. – М.: Военный институт, 1983. – 543 с.

ПАЛИМПСЕСТ ПАМЯТИ: АНТРОПОМОРФНЫЙ КОД КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОМЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИСТОЛЯ

М.М. Прищепа
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Городская топонимика, особенно её антропонимический пласт, представляет собой концентрированное выражение коллективной памяти и ценностных ориентаций общества [1, 5, 6]. В сравнительной перспективе, как показали предыдущие исследования, каждый город формирует уникальный антропоморфный код, отражающий его экономическую функцию, социальную структуру и доминирующий исторический нарратив [2 – 4].

Бристоль (Bristol) как объект исследования занимает особое место. Крупнейший западный порт Англии, ключевой центр трансатлантической торговли, один из двигателей Промышленной революции и важный религиозный центр – его история многогранна. Эта многогранность инкорпорирована в его топонимическое пространство. Актуальность исследования антропоморфного кода Бристоля обусловлена не только масштабом и хронологической глубиной материала, но и его резонансом в современных общественно-политических дебатах о колониальном наследии, исторической памяти и социальной справедливости. Улицы Бристоля стали ареной символической борьбы, что делает его топонимию живой лабораторией публичной истории.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе обширного корпуса бристольских антропонимов с выделением ключевых исторических слоёв и тематических кластеров, а также в его встраивании в сравнительную модель, разработанную для других английских городов.

Цель исследования – комплексный анализ антропоморфной топонимии Бристоля и выявление структуры, доминирующих тематических кластеров и исторических слоев его урбанонимического пространства.

Материал и методы. Источником материала исследования послужили списки названий внутригородских линейных объектов Бристоля, полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streefview. Достижение цели потребовало комплексного применения различных методов исследования: инвентаризации и систематизации ономастического материала, качественно-количественного анализа, сравнительного метода, метода семантического описания и структурного анализа, дескриптивного метода.

Результаты и их обсуждение. В работе проведён комплексный анализ антропоморфного кода Бристоля на основе списка наименований его внутригородских линейных объектов. Количество антропогодонимов составляет 137 ед. (32,1 % от общего количества улиц), что демонстрирует большой объём антропонимики, характерный для крупного города с длительной историей. В годонимиконе отражены слоистость и хронологическая стратификация, чётко видны пласты разных эпох: средневековый (землевладельцы), раннемодерный (мореплаватели, торговцы), викторианский (промышленники, политики), современный (культурные деятели). Для города характерны три ключевые темы: морская/торговая тема, промышленность/наука, религия/филантропия. Эти темы отражают суть Бристоля как города. Названия улиц увековечивают как национальных героев, так и мировых культурных лидеров.

Нами осуществлена классификация названий по доминирующим категориям:

– торговцы, судовладельцы, мореплаватели и колониальные деятели (ядро бристольской идентичности): *Colston Street* – улица Колстона (Эдвард Колстон – купец, филантроп, член парламента, чьё состояние было основано на работорговле. Его имя было повсеместно в Бристоле (улицы, школы, концертный зал), но в 2020 г. его статуя была сброшена в воду протестующими), *Hawkins Close* – тупик Хокинса (Джон Хокинс (1532–1595) – английский адмирал, кораблестроитель, пионер английской работорговли), *Rodney Avenue*, *Rodney Road, Rodney Walk* – авеню, улица и тропа Родни (Джордж Брайджес Родни – английский адмирал, герой войн XVIII в.), *Collingwood Avenue* – авеню Коллингвуда (Катберт Коллингвуд – английский адмирал, сподвижник Нельсона), *Burchells Avenu, Burchells Green Road – авеню и улица Берчеллов* (Burchells – старинный род землевладельцев, представители которого после нормандского завоевания 1066 г. жили в Беркшире. Около 1150 г. Уильям де Берчалл получил в дар эти земли от Херефордского аббатства);

– промышленники, изобретатели, учёные: *Boultons Road* – улица Болтона (Мэттью Болтон (1728 –1809) – английский промышленник и деловой партнёр шотландского инженера Джеймса Уатта, в конце XVIII в. партнёры выпустили сотни паровых машин «Болтона и Уатта», что

сделало возможной механизацию заводов и фабрик). *Darwin Close* – тупик Дарвина (Чарлз Роберт Дарвин (1809 – 1882) – английский биолог-эволюционист), *Newton Drive*, *Newton Road*, *Newton Close* – подъездная дорога, улица и тупик Ньютона (Исаак Ньютон (1642 – 1727) – английский физик, создатель классической физики и математического анализа), *Alfred Lovell Gardens* –сады Альфреда Ловелла (сэр Альфред Чарлз Бернард Ловелл (1913 – 2012) – английский астроном), *Gillard Road* – улица Гилларда (Генри Гиллард основал компанию Gillards of Bath в 1888 г., открыв свой первый магазин на Нью-Бонд-стрит, а затем переехав на Бродстрит);

– религиозные деятели, филантропы, реформаторы (отражение религиозной жизни и общественной мысли): *Wesley Hill*, *Wesley Lane* – возвышенность и тупик Уэсли (Джон Уэсли (1703 – 1791) – английский священнослужитель, богослов и проповедник, руководитель движения ривайвелизма в англиканской церкви, известного как методизм, *Tyndale Road* – улица Тиндейла (Уильям Тиндейл (1494 – 1536) – английский учёный-гуманист, протестантский реформатор и переводчик Библии), *Upper Berkeley Place* – верхний тупик Беркли (Джордж Беркли (1685-1753) – англо-ирландский философ, основоположник теории субъективного идеализма), *Monks Avenue* – авеню Монка (Джеймс Генри Монк – епископ Глостера и Бристоля в XIX в., *Samuel Wright Close* – тупик Сэмюэла Райта (Сэмюэл Райт (1683–1746) – дьякон, английский несогласный министр;

– представители искусства, литературы, музыки (культурный слой): *Southey Avenue* – авеню Саути (Роберт Саути (1774 – 1843) – британский поэт-романтик, известен сказкой «Три медведя», родился в доме на Винной улице в Бристоле, *Tippetts Road* – улица Типпетта (Майкл Типпетт (1905 – 1998) – британский композитор и дирижёр), *Macrae Court* – двор Макрея (Джереми Томас Макрей Блэколл (1969) – британский музыкант, певец, композитор и автор песен), *Duncombe Road*, *Duncombe Lan*e – улица и переулок Данкомба (Уильям Данкомб (1736 – 1819) – английский органист в Кенсингтоне).

– монархи, аристократы, политики (общенациональный контекст): *King Johns Road* – улица короля Джона (1663), *Prince Street* – улица принца (Георг Датский (1653 – 1708) – принц Дании, муж королевы Анны), *Queen Charlotte Street* (1787) – улица королевы Шарлотты (Шарлотта – принцесса Мекленбургского дома, супруга короля Великобритании Георга III), *Kimberley Road* (1897) – улица Кимберли (Джон Вудхаус, 1-й граф Кимберли – государственный секретарь по делам колоний (1870 – 1874) при премьер-министре Уильяме Эварте Гладстоне), *Staffords Court* – двор Стаффордов (Бароны Стаффорды владели землями и замком Лонгфорд в Девоншире);

– земле- и домовладельцы, застройщики (локальный слой): *Kennard Road* – улица Кеннарда (урожденный лорд Невил Кеннард), *Courtney Road* – улица Кортни, *Pettigrove Road* – улица Петтигроув, *Henshaw Road* –

улица Хеншоу и многие другие (Алсоп, Бейлис, Бернем и т.д.). Значительные участки города были названы по имени семей, продавших землю под застройку. Проведен анализ по типам улиц (*Street Types*) и временным периодам. *Street*, *Lane*, *Road* часто встречаются в старых, центральных районах города. *Close, Drive, Way, Avenue, Court* типичны для пригородов и районов массовой застройки XIX-XX вв., что подтверждают наименования в честь семей-застройщиков. Наличие нескольких улиц с одним именем говорит о системной застройке крупного района одним девелопером.

Гендерный анализ показал, что подавляющее большинство годонимов – мужские имена (90,0 %). Женские имена представлены минимально (10,0 %) через принадлежность к мужчине (*Queen Charlotte Street*) и через названия в честь жён/дочерей застройщиков (*Alma Close*).

Антропоморфный код Бристоля – это код города-космополита, города-предпринимателя, города с богатым историческим наследием. Для него характерен торгово-промышленный прагматизм: наименования в честь торговцев, промышленников, изобретателей. Это код капиталистического, предпринимательского города, который формировался стихийно: средневековые землевладельцы, советы городских гильдий, викторианские застройщики, городские советы разных эпох. Отсюда наличие огромного разнообразия и отсутствие единой направляющей идеи.

Заключение. Проведенное исследование антропоморфного кода Бристоля позволяет сформулировать ряд выводов, которые углубляют понимание взаимосвязи между городской топонимией, исторической памятью и формированием идентичности. 1. Бристоль представляет собой палимпсест памяти: многослойность и смысловая нагруженность. Анализ показал, что в антропонимическом пространстве выделяются четкие исторические пласты: средневековый (имена землевладельцев), ранненововременной (мореплаватели, колониальные деятели), индустриальный (изобретатели и промышленники) и современный (деятели культуры и науки). Эта многослойность является прямым отражением длительной и сложной истории города, где каждый период оставлял свой след в названиях улиц. 2. Ядро бристольского кода формируют фигуры, связанные с созданием материального богатства: торговцы, судовладельцы, промышленники, изобретатели. Это отражает сущность Бристоля как города-предпринимателя, где успех измерялся коммерческой и промышленной мощью. 3. Формирование антропоморфного кода не было результатом единого замысла. В него вносили вклад разные группы населения: средневековые землевладельцы, гильдии купцов, викторианские застройщики, увековечивавшие свои фамилии, и городской совет. Эта децентрализованность привела к отсутствию единой идеологической рамки и создала эклектичную картину. 4. Анализ выявил место Бристоля в типологии английских городов, что

подтвердило существование различных топонимических моделей, зависящих от функции города. Бристоль представляет собой модель-диалог. Таким образом, антропоморфный код Бристоля является наиболее рефлексивным и социально значимым. Он служит ключом к пониманию исторической экономики и социальной структуры города, доказательством того, что городская топонимия – это динамичная система смыслов, активно участвующая в формировании современной гражданской идентичности и публичной культуры.

Список использованных источников

1. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167с.

2. Миниярова, Д. Р. Годонимическая система Лондона как отражение культурно-языкового ландшафта / Д. Р. Миниярова, А. В. Уразметова // Филология и человека. – 2023. – № 2. – С. 136 – 144.

3. Прищепа, М. М. Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии / М. М. Прищепа // Ученые записки. – 2024. – Т. 39. – С. 151 – 155.

4. Стаселько, Е. А. Мотивы номинации внутригородских объектов в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале годонимов Минска и Лондона) / Е. А. Стаселько // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апреля 2013. – Минск : БГУ, 2013. − С. 8 – 96.

5. Уразметова, А. В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация / А. В. Уразметова. – СПб. : Сциентиа, 2022. – 172 с.

6. Хвесько, Т. В. Страноведение: история топонимии Великобритании / Т. В. Хвесько. – Тюмень : Издат. центр «Академия», 2006. – 104 с.

ГЕНДЕР В МЕЖДУНАРОДНОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ «СЛОВ ГОДА» (2015–2025 ГГ.)

А.Г. Реут
Научный руководитель: А.Д. Дудько
Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

Взаимосвязь языка и социальных процессов представляет собой одну из фундаментальных проблем современной лингвистики. Лексическая система языка выступает не только средством номинации элементов действительности, но и инструментом для закрепления изменений в общественном сознании, ценностях и социальных взаимодействиях. Особый интерес в этом контексте приобретает феномен «слова года» – лексической единицы, которая, по мнению лексикографов, или по результатам общественного голосования, отражает ключевые события, тенденции и настроения определенного временного периода.

Материал и методы. Материалом исследования выступают «слова года» за период 2015 – 2025 гг., отобранные по данным ведущих англоязычных лексикографических ресурсов: Oxford English Dictionary, Merriam-Webster, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary и

Dictionary.com, а также сопровождающие их официальные комментарии, пресс-релизы и медийное освещение. В корпус анализируемых единиц входят как непосредственно связанные с гендерной проблематикой лексемы, так и слова, отражающие более широкие социальные тенденции, в рамках которых актуализируются гендерные отношения и идентичность. Методологической основой исследования является когнитивно - дискурсивный подход к изучению языковых единиц. В работе применяются: метод дискурсивного анализа; элементы критического дискурс-анализа; когнитивно - семантический анализ; контент - анализ; сравнительно-сопоставительный анализ «слов года» разных лет и словарей.

Результаты и их обсуждение. В период с 2015 по 2025 год в выборках ведущих англоязычных словарей – Oxford English Dictionary, Merriam-Webster, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary и Dictionary.com – регулярно фиксировались лексические единицы, прямо или косвенно связанные с гендерной проблематикой. Одним из первых значимых стало слово «feminism», выбранное Merriam-Webster словом 2017 года. Анализ поисковых запросов показал, что частота обращений к этому слову в онлайн-словаре увеличилась на 70% по сравнению с предыдущим годом, причём пик интереса пришёлся на январь 2017 года, когда после инаугурации президента США Дональда Трампа по всему миру прошли массовые женские марши [1]. В официальном комментарии лексикографы отмечали, что если в 2016 году слово «feminism» чаще ассоциировалось с академическим дискурсом и воспринималось как терминологически узкое, то к 2017 году оно прочно вошло в повседневную коммуникацию, став частью мейнстримного культурного поля. Этот сдвиг был непосредственно связан с движением #MeToo, получившим глобальное распространение в конце 2017 года и актуализировавшим дискуссии о гендерном неравенстве и праве женщин на безопасность в профессиональной и личной сферах.

Показательно, что в том же 2017 году Cambridge Dictionary объявил о внесении изменений в определение слова «woman». Новая редакция, опубликованная в июне 2017 года, включала формулировку: «взрослый человек, который живёт и идентифицирует себя как женщина, хотя может иметь другой пол при рождении» [2]. Это решение отразило растущий общественный запрос на инклюзивность и признание гендерного разнообразия, а также легитимацию трансгендерной идентичности в языковом пространстве. Дискуссии вокруг данного изменения показали, что лексикография перестаёт быть исключительно описательной дисциплиной и начинает участвовать в формировании социальных норм. Редакторы словаря поясняли, что изменение продиктовано необходимостью отражать реальное употребление языка, а не предписывать его, и что подобные решения принимаются на основе анализа корпусных данных и общественной дискуссии [3].

В 2018 году Oxford English Dictionary назвал словом года прилагательное «toxic». Данная лексема интересна тем, что её употребление вышло далеко за пределы первоначального экологического контекста. В публичном дискурсе 2018 года активно закрепились словосочетания «toxic masculinity», «toxic relationships» и «toxic environment». Концепт «токсичная маскулинность» стал использоваться для описания деструктивных моделей мужского поведения, связанных с подавлением эмоций, агрессивностью и пренебрежением к чувствам других людей. Популяризация этого термина была тесно связана с продолжением дискуссий, инициированных движением #MeToo, а также с выходом ряда документальных фильмов и журналистских расследований, посвящённых проблеме домашнего насилия и гендерных стереотипов. Анализ поисковых запросов в Google Trends показывает, что интерес к словосочетанию «toxic masculinity» вырос более чем на 450% в период с 2015 по 2018 год, что свидетельствует о постепенном вхождении данного концепта в общественное сознание [4].

В 2019 Merriam-Webster объявил словом года местоимение «they» в его гендерно-нейтральном употреблении. Речь идёт об использовании местоимения «they» в единственном числе для обозначения человека, чья гендерная идентичность не вписывается в бинарную систему, либо когда гендер человека неизвестен или нерелевантен для контекста. Хотя такое употребление существовало в английском языке на протяжении нескольких столетий, именно в 2019 году оно получило широкое общественное признание и официальное закрепление в лексикографии. Этому предшествовал ряд событий, включая решение Американского психологического ассоциации рекомендовать использование гендерно-нейтрального местоимения «they» в академических публикациях, а также активные дискуссии о правах небинарных людей в социальных сетях и традиционных медиа.

В 2021 году Dictionary.com выбрал словом года термин «allyship». Данная лексема обозначает активную поддержку маргинализированных групп со стороны людей, обладающих привилегированным положением в обществе. В контексте гендерной повестки «allyship» подразумевает, в частности, поддержку женщин и небинарных людей со стороны мужчин. Выбор этого слова отразил сдвиг в общественной дискуссии от обсуждения идентичности к обсуждению конкретных действий и практик. Важно отметить, что лексема «allyship» фиксирует не просто пассивную солидарность, а именно активное участие в изменении социальных структур. В этот же период в академическом и активистском дискурсе широкое распространение получило понятие «интерсекциональность», введенное юристом и правозащитницей Кимберле Креншоу в 1989 году . Интерсекциональность представляет собой аналитический инструмент для понимания того, как различные аспекты социальной идентичности – такие как раса, пол, класс, сексуальная ориентация, возраст и наличие

инвалидности – пересекаются и создают качественно иные формы дискриминации и привилегий [5]. Креншоу использовала метафору перекрестка для объяснения феномена: подобно тому, как автомобильная авария на пересечении дорог может быть вызвана транспортными средствами, движущимися с разных направлений, дискриминация чернокожей женщины может быть следствием как расизма, так и сексизма, действующих одновременно, и ее ущерб не может быть адекватно описан или компенсирован при рассмотрении этих форм дискриминации по отдельности. Включение интерсекциональной позиции в понимание союзничества существенно изменило требования к «allyship». Исследования показывают, что союзничество, не учитывающее пересекающихся систем угнетения, может быть неэффективным или даже наносить вред [6]. Например, мужчины, поддерживающие феминистскую повестку, могут игнорировать проблемы женщин с другим цветом кожи, сосредотачиваясь исключительно на опыте белых женщин из среднего класса, или занимать позицию «спасателей», лишая женщин голоса в тех самых пространствах, которые декларируются как инклюзивные. Другой случай – мужчины, участвующие в дискуссиях о гендерном равенстве, но отказывающиеся признавать свою роль в патриархальных структурах на работе или в семье, что превращает их «союзничество» в формальную декларацию без реальных действий. В официальном комментарии Dictionary.com указывалось, что рост интереса к этому слову был связан с дискуссиями о социальной справедливости, которые активизировались в 2020–2021 годах на фоне движения Black Lives Matter и продолжающегося обсуждения гендерного неравенства.

В 2024 году Collins English Dictionary выбрал словом года «brat», что стало неожиданным, но показательным решением. Изначально имевшее негативную коннотацию – «избалованный ребёнок» – это слово подверглось семантической трансформации под влиянием цифровой культуры. Термин приобрёл популярность благодаря альбому певицы Charli XCX, который стал манифестом так называемой «цифрового бунта». В новом значении «brat» стало обозначать уверенное, независимое и гедонистическое поведение, сознательно противопоставляемое нормативным ожиданиям. В контексте гендерного дискурса интересно, что это слово, будучи гендерно-нейтральным по форме, активно использовалось женщинами для самоидентификации, позволяя им отказываться от навязанных стандартов «приличного поведения».

Заключение. Таким образом, анализ «слов года» за период 2015–2025 годов позволяет проследить эволюцию международного гендерного дискурса от прямой борьбы за права женщин (feminism) через признание гендерного разнообразия (they, woman) и критику деструктивных моделей поведения (toxic masculinity) к более сложным формам рефлексии, включающим анализ цифровых технологий (hallucinate), социальных медиа (rage bait) и новых форм самоидентификации (brat, зумер).

Лексикографические выборы фиксируют не только изменения в языке, но и глубинные сдвиги в общественном сознании, демонстрируя, что гендерная проблематика остаётся одной из ключевых тем современного международного дискурса.

Список использованных источников

1. CBC News. – URL: https://www.cbc.ca/news/world/feminism-word-of-the-year-1.4444111. (дата обращения: 04.03.2026).
2. The Cambridge Dictionary. – URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/woman. (дата обращения: 04.03.2026).
3. The Telegraph. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2022/12/13/cambridge-dictonary-definition-woman-trans-female-update/. (дата обращения: 04.03.2026).
4. GoogleTrends. – URL: hthttps://trends.google.com/trends/explore?date=2015-01-01%202020-01-01&q=Toxic%20masculinity. (дата обращения: 05.03.2026).
5. Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/topic/intersectionality. (дата обращения: 05.03.2026).
6. ScienceDirect. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0749597824000232?ref=stanislav-kondrashov.ghost.io. (дата обращения: 05.03.2026).

ТИПЫ ДИСКУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСОЛОГИИ

К. Рябцева
Научный руководитель: А.А. Лавицкий
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Актуальность темы исследования определяется необходимостью анализа способов языкового воплощения коммуникативных стратегий и культурных ценностей в различных видах дискурса. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных различным типам дискурсивных практик, большинство из них концентрируется либо на лексических особенностях отдельных текстов, либо на формальных аспектах их прагматики, не учитывая сравнительно-культурологический аспект, позволяющий выявить различия и сходства в конструктивных и оценочных стратегиях, характерных для разных языковых сообществ. Для решения указанного спектра проблем следует подробно рассмотреть вариативность дискурса, чему посвящено настоящее исследование, *цель которого – выявить и кратко описать дифференцирующие признаки современной дискурсологии.*

Материал и методы. Материалом исследования потужили научные труды по теории дискурса Т. А. ван Дейка, В. Г. Борботько, В. И. Карасика и др. В качестве методов проведения научного изыскания использовались общенаучные методы систематизации, сравнения и анализа, а также элементы специального метода – дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Одно из наиболее полных определений дискурса дает Т. А. ван Дейк. Он выделил два различных подхода для описания понятия «дискурса», а именно широкий и узкий. В широком смысле под дискурсом Т.А. ван Дейком понимается коммуникативное происшествие между теми, кто говорит, и теми, кто слушает, а также между теми, кто наблюдает. Участники дискурса осуществляют определенные коммуникативные акты в конкретном пространстве и времени [1, с. 199]. В узком смысле дискурс рассматривается как устный либо письменный продукт речи коммуникативного акта [1, с. 200]. Таким образом, Т. А. ван Дейк раскрывает понятие дискурса как со стороны коммуникативного действия, так и со стороны итогового продукта этого действия.

В то же время, для данного исследования ключевым является определение дискурса, разработанное ученым В. Г. Борботько, согласно которому дискурс – это «текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, которые находятся в непрерывной смысловой связи, что дает возможность воспринимать его как цельное образование» [2, с. 8]. В. Г. Борботько подчеркивает тот факт, что текст как языковой материал не всегда является связной речью, то есть дискурсом. «Текст – это более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное неверно, ведь не всякий текст является дискурсом… дискурс является частным случаем текста» [2, с. 12].

Так, дискурс рассматривается с точки зрения различных подходов, в рамках которых он представляется со стороны текстового единства, процесса общения, ситуаций общения, процесса и организации речи, тогда как каждый подход представляет собой интерес для рассмотрения различных сторон дискурса. В данном исследовании использовано понятие дискурса, предложенное В. Г. Борботько, поскольку данное понятие является основополагающим для дальнейшего изучения акта коммуникации с точки зрения воздействия на аудиторию, в котором дискурс рассматривается как сложный акт коммуникации; А также является значимым социальным и коммуникативным явлением, включающим акт как процесс создания определенного текста, и акт его восприятия, как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности.

В рамках данного исследования важным представляется рассмотрение типологии дискурса. Одной из значимых оппозицией является противопоставление бытового (повседневного) и институционального (официального) дискурса, которое в теории В. И. Карасика обозначается как различие между личностно- и статусно-ориентированным дискурсом [3, с. 12]. Бытовой дискурс строится на межличностных отношениях и не предполагает жесткой регламентации, тогда как институциональный

дискурс обусловлен социальными ролями и нормами взаимодействия в профессиональной и официальной среде. Исторически бытовой дискурс представляет собой первичную форму коммуникации, тогда как институциональный дискурс осваивается в ходе социализации, преимущественно в образовательных учреждениях. Несмотря на культурную и историческую специфику, основные типы институционального дискурса обладают универсальными характеристиками, включая политический, юридический, медицинский, научный, деловой, дипломатический дискурс [1, с. 12].

Отметим, что создание общей типологии дискурса остается нерешенной задачей, несмотря на существование предпосылок для выделения его различных разновидностей. На данный момент разработка универсальной классификации представляется актуальной, и фундаментальной проблемой, поскольку ее решение определяет перспективы формирования общей теории дискурса, осмысления его многообразия и дальнейшего развития данной научной области.

На этапе формирования дискурсивных исследований значительные усилия были направлены на определение соотношения между терминами «дискурс», «текст» и «речь». Рассматривая текст, определения текста и соотношение дискурса и текста, важно отметить, что американский постструктуралист З. Харрис, который ввел понятие «дискурс» в научный оборот, рассматривал его как *language above the sentence* ‘язык выше уровня предложения’ [4, с. 11]. Существуют различные подходы к разграничению указанных терминов. Например, В. В. Богданов отмечает, что дискурс охватывает языковой материал во всех его формах – как звуковых, так и графических, что делает его родовым по отношению к речи и тексту. В то же время текст рассматривается в более узком смысле, и определяется как языковой материал, зафиксированный на материальном носителе.

В связи с этим специалисты отмечают, что дифференциация понятий «дискурс» и «текст» представляет значительную сложность, поскольку их разграничение основывается на нескольких ключевых критериях.

Заключение. Таким, образом дихотомия «письменного текста» и «устного дискурса». Несмотря на то, что дискурс нередко ассоциируется с устной речью, а текст – с письменной формой, данное противопоставление не является строго детерминированным. Так, доклад существует как в форме письменного текста, так и в виде устного монологического выступления.

Дискурс интерпретируется как «текст в совокупности с ситуацией», в то время как текст рассматривается как «дискурс без привязки к ситуации». Дискурс определяется как интерактивный процесс, тогда как текст традиционно соотносится с продуктом индивидуального авторского творчества. Однако такая бинарность не является абсолютной, поскольку,

согласно М.М. Бахтина, язык и сознание обладают диалогической природой.

В рамках критического анализа дискурса, предложенного Т.А. ван Дейком, дискурс рассматривается как использование языка, и как элемент социального взаимодействия, протекающего в контексте конкретного коммуникативного события. Дискурс понимается как динамическое явление, связанное с процессом коммуникации, тогда как текст трактуется как его статичный результат

Размышления о соотношении категорий «дискурс – речь» коррелируют с классической дихотомией «язык – речь», предложенной Ф. де Соссюром. В этом контексте дискурс интерпретируется как промежуточное явление между языковой системой и индивидуальной речевой реализацией. Он объединяет различные характеристики речевой деятельности, такие как тип участников, коммуникативная ситуация, целевая установка, тематическая направленность и другие параметры.

Список использованных источников

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Просвещение, 1989. – 316 с.

2. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса / В. Г. Борботько. – Грозный : Чечено-Ингуш. ун-т, 1981 – 113 с.

3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкозн. АН СССР, Волгоград. пед. ин-т, 1991. – 495 с.

4. Holt-Lunstad, J, Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: A meta-analytic review / J. Holt-Lunstad [a.o.] // Perspect Psychol Sci. – 2015. – 10(2). – P. 227 – 237. doi: 10.1177/1745691614568352.

РОЛЬ АНГЛИЦИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В.Г. Сак
Научный руководитель: А.Д. Дудько
Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы

В современном мире процессы глобализации оказывают значительное влияние на развитие языков. Одним из наиболее заметных проявлений данного влияния является активное распространение англицизмов – слов или оборотов речи, заимствованных из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [2]. Наиболее интенсивно этот процесс происходит в цифровом медиапространстве, где социальные сети выступают средой и посредником коммуникации.

Сегодня дети и подростки активно используют различные онлайн платформы для общения, обмена информацией, самовыражения и самообучения. Социальные сети стали неотъемлемой частью их повседневной жизни, оказывая заметное влияние на формирование речевых привычек. Одной из наиболее популярных платформ среди молодёжи является TikTok, который позволяет пользователям создавать и

публиковать 15-секундные видеоролики на любую тему [3]. На данной платформе активно распространяются новые слова и выражения, многие из которых имеют англоязычное происхождение.

Целью данного исследования является выявление особенностей употребления англицизмов в речи детей и подростков в цифровом медиапространстве и определение влияния данных заимствований на формирование языковой компетенции и коммуникативных навыков.

Материал и методы. В качестве основного материала исследования послужил корпус текстов из социальной сети TikTok, собранный в период с января по март 2026 года. Корпус включал 156 популярных видеороликов и 156 сопутствующих текстовых подписей от пользователей. Анализ проводился с использованием методов контент-анализа и дискурсивного анализа для выявления англицизмов, их адаптации (графической, фонетической, семантической) и контекстов употребления.

Результаты и их обсуждение. Так, аббревиатура POV (point of view) используется для обозначения формата видео, где зрителю предлагается определённая ситуация или точка зрения. Например, подпись «*pov: ты идёшь сдавать экзамен и понимаешь, что ничего не учил*» создаёт сценарий, с которым пользователь может себя ассоциировать / соотнести. Таким образом, англицизм фактически заменяет развёрнутое пояснение ситуации. В русском языке не существует столь же краткого и устойчивого эквивалента, который мог бы передать подобное значение в одном слове. При этом в современной интернет-коммуникации данное выражение всё чаще воспринимается не как аббревиатура, а как самостоятельное слово, которое фактически вводит определённую воображаемую ситуацию. В этом контексте его значение нередко приближается к словам «представь» или «представим ситуацию», что демонстрирует процесс адаптации англицизма и трансформацию его первоначального значения в цифровой среде.

Слово «trend» применяется для обозначения популярного формата видео, музыки или идеи, которая активно распространяется среди пользователей. Подростки часто говорят: «сейчас это тренд в ТикТоке». В данном случае англицизм постепенно интегрируется в разговорную речь и используется наравне с русскими словами. С лингвистической точки зрения, можно отметить, что данная лексическая единица уже адаптировалась в русском языке и получила графическое оформление – «тренд». При этом слово сохраняет своё первоначальное значение, обозначая актуальное направление или популярную тенденцию в медиапространстве.

Англицизм «challenge» обозначает определённое задание или действие, которое пользователи повторяют в рамках тех самых трендов, о которых шла речь выше. В русскоязычной интернет-среде слово также подвергается адаптации и транслитерируется как «челлендж». Оно уже вышло за рамки цифрового пространства и активно используется подростками, когда речь

идёт о повседневных ситуациях, вызывающих сложности. С лингвистической точки зрения, подобные примеры демонстрируют процесс лексического заимствования и последующей адаптации иностранных реалий.

Слова «cringe» и «vibe» используются для выражения эмоциональной оценки. «Cringe» обозначает неловкую или странную ситуацию, вызывающую смущение. В свою очередь, слово «vibe» используется для описания приятной атмосферы или общего хорошего впечатления.

Следует отметить, что молодёжный сленг зародился достаточно давно (ещё в XIX веке), однако его источники и динамика распространения существенно эволюционировали. Ранее формирование сленга происходило преимущественно внутри замкнутых социальных групп, с постепенным и локализованным распространением новых единиц. В цифровую эпоху процесс ускоряется за счёт глобальных платформ. Этот процесс особенно сложен и любопытен в контексте англицизмов: они не просто заимствуются, но подвергаются адаптации – графической (например, *хайп* от *hype*), фонетической (*селфи* от *selfie*) и семантической (расширение или сужение значения: *краш* (от англ. *crush* – «влюблённость, симпатия») в русском молодёжном сленге сузилось до «объект романтического влечения»; *чилл* (от англ. *chill* – «охлаждаться, расслабляться») в русском сленге расширилось до «спокойная, приятная атмосфера» или «комфортное времяпрепровождение» (не только физическое расслабление, но и эмоциональное состояние).

Постоянный контакт подростков с такими заимствованиями влияет на формирование их языковой компетенции, которая охватывает не только грамматические нормы, но и прагматическую способность адекватно использовать лексику в различных коммуникативных контекстах.

С одной стороны, использование англицизмов способствует раннему знакомству с английским языком. Даже если дети и подростки не изучают язык на углубленном уровне, многие слова и высказывания начинают восприниматься ими на интуитивном уровне. Это, в свою очередь, расширяет пассивный словарный запас и облегчает дальнейшее изучение иностранного языка. Такие слова как «репост – *поделиться на своей странице»*, «хейт – *ненависть*», «скип – *пропустить*», постепенно закрепляются в сознании и помогают быстрее распознавать похожие слова в английской речи.

Более того, взаимодействие с подобной лексикой способствует развитию навыков межкультурной коммуникации. Социальные сети представляют собой глобальное пространство, где пользователи из разных уголков мира используют схожие выражения. Подростки активно взаимодействуют с англоязычным контентом, благодаря чему начинают лучше понимать культурные особенности и модели построения коммуникации, характерные для англоязычной среды.

С другой стороны, чрезмерное употребление англицизмов может создавать определённые трудности. Иногда подростки начинают заменять русские слова иностранными аналогами «ок – вместо хорошо», что может приводить к снижению уровня владения нормами родного языка. В некоторых случаях доходит до упрощения речи и сокращения активного словарного запаса на родном языке. Исследователь О. В. Апишева отмечает, что главной проблемой современного образования является то, что большинство обучающихся автоматически используют слова без полного их понимания, а в большинстве случаях, не уверены, как пишется первоисточник, и не обладают информацией о его происхождении. Неправильно интерпретируя значение «модных» слов, учащиеся могут испытывать трудности при переводе англоязычных текстов и неточно понять их содержание [1, с. 30].

Заключение. Таким образом, влияние англицизмов на формирование языковой компетенции подростков носит двойственный характер. С одной стороны, они способствуют развитию коммуникативных способностей на иностранном языке, расширяют словарный запас и формируют навыки межкультурной коммуникации. С другой стороны, их чрезмерное использование может приводить к снижению внимания к нормам родного языка. Поэтому важной задачей современного образовательного процесса является формирование у детей и подростков осознанного отношения к языку и умения использовать заимствования уместно и грамотно.

Список использованных источников

1. Апишева, О. В. Англицизмы как инструмент преодоления языкового барьера у студентов неязыкового вуза / О. В. Апишева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 4 (106). – С. 27 – 30.

2. Толковый словарь Ожегова. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=473 (дата обращения: 13.03.2026).

3. Kaspersky: Безопасность и конфиденциальность в TikTok. – 2021 – URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/is-tiktok-safe (дата обращения: 10.03.2026).

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ У СТУДЕНТОВ НА ПРАКТИКЕ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

К.Ю. Стариков
Научный руководитель: Н.А. Задорожная
Витебск, ВГАВМ

Взаимодействие между людьми разных профессий и возрастов, у которых разный опыт, взгляды и способы общения, называется межкультурным общением. Понимание психологических особенностей такого общения помогает лучше работать вместе и уменьшает количество

конфликтов. Данный аспект актуален для любой профессиональной деятельности, в том числе и в современном сельском хозяйстве.

Материалы и методы. Целью исследования является изучение межкультурной коммуникации в профессиональной среде для студентов, в дальнейшем молодых специалистов, проходящих практику в сельскохозяйственных организациях, с точки зрения коммуникативных трудностей, возникающих в этом процессе. В качестве методов использовались анкетирование и метод статистической обработки данных. На вопросы разработанной авторами анкеты отвечали студенты 3 и 4 курсов факультета ветеринарной медицины УО "Витебская ордена "Знак Почета" государственная академия ветеринарной медицины общей численностью 50 человек, неоднократно проходившие за это время стажировки и практики в сельскохозяйственных организациях.

Результаты и их обсуждение. Результаты анкетирования показали, что в процессе прохождения стажировок и практики в сельскохозяйственных организациях для студентов главными трудностями в профессиональной коммуникации являются: разные взгляды и подходы к работе – 44 % (3 курс) и 33 % (4 курс); боязнь ошибиться или не быть понятым – 23 % (3 курс) и 28 % (4 курс); недопонимание при использовании профессиональных слов и выражений – 12 % (3 курс) и 18 % (4 курс); конфликты из-за разных способов выполнения профессиональных задач – 18 % (3 курс) и 10 % (4 курс); недостаток доверия – 3 % (3 курс) и 8 % (4 курс); другие причины – 0 % (3 курс) и 3 % (4 курс). Таким образом, по мнению студентов, главным коммуникативным барьером, снижающим эффективность делового общения между студентами, окунувшимися в будущую профессиональную среду, и работниками сельскохозяйственной организации являются разные взгляды и подходы к работе, что связано с различиями в мышлении и восприятии, обусловленные разницей в возрасте и опыте. Такие коммуникативные трудности в деловом общении между представителями, которых можно отнести к разным поколениям и как следствие к разным культурам, могут приводить к недопониманию, снижать уровень доверия, вызывать напряжённость, и соответственно плохо влиять на качество совместной работы и формирование профессионального опыта у студентов.

Страх ошибиться или не быть понятым, который занимает второе место по частоте упоминаний, говорит о том, что студенты не всегда уверены в своих знаниях и умениях. Кроме того, для студентов на практике очень важно, как их оценивают более опытные коллеги и специалисты смежных профессий, а также руководители. Такое состояние может приводить к тому, что они становятся менее инициативными, стараются избегать конфликтов и ведут себя более пассивно на работе.

На вопрос «как вы действуете в ситуации, когда более опытный специалист, работающий в сельскохозяйственной организации, на которой вы проходите практику, учит «неправильному» (по мнению студента)»,

преобладание тех или иных стратегии поведения определяется возрастом студента. Так, 42 % студентов 3 курса предпочитают не спорить и действуют согласно рекомендации, в то время как такую стратегию используют только 34 % студентов 4 курса, а 38 % аргументируют свою точку зрения. Это говорит о том, что с опытом и возрастом у студентов появляются больше профессиональных и психологических компетенций, а также навыков уважительного диалога.

Наибольшие трудности в профессиональном общении у студентов 3 курса на практике возникали в общении с рабочими, которые ухаживают за животными – доярками и скотниками (61 %). Это связано с тем, что они часто взаимодействуют с ними на практике и как следствие большая вероятность возникновения конфликтной ситуации. Студенты 4 курса также отмечают сложности в общении с такими работниками, но уже в меньшей степени (36 %), и 37 % студентов называло проблемным коммуникации с представителями смежных профессий, например, агрономами и зоотехниками (37 %), что можно объяснить тем, что круг задач и обязанностей расширяется и усложняется.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что основными коммуникативными трудностями в межкультурном общении у студентов на практике в сельскохозяйственных организациях оказались разные взгляды и подходы к работе, страх допустить ошибку, недостаток доверия. Всё это приводит к напряжённости и снижению желания студентов активно участвовать в учебном процессе на практике. Стратегия поведения студентов в конфликтных ситуациях в профессиональном общении зависит от их возраста и уровня подготовки. Это показывает, что с опытом у студентов формируется умение выстраивать грамотный диалог. Студентам нужно учиться уважать опыт более опытных работников, находить общий язык с руководством, учитывая особенности официальных отношений. Развитие коммуникативных способностей у студентов, будущих молодых специалистов, позволит повысить эффективность взаимодействия и как следствие успешность обучения и дальнейшей профессиональной деятельности.

Список использованных источников

1. Бороздина, Г. В. Психология делового общения: учебное пособие / Г. В. Бороздина. – Минск: Вышэйшая школа, 1998. – 224 с.

2. Куницина, В. Н. Межличностное общение: учебное пособие / В. В. Куцинина – Санкт-Петербург, 2001. – 544 с.

3. Бороздина, Г. В. Основы психологии и педагогики: учебное пособие / Г. В. Бороздина. – Минск: Вышэйшая школа, 2023. – 415 с.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОНЦЕПТОМ «ЛЮБОВЬ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Е.С. Стоянова
Научный руководитель: А.В. Шаколо
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Язык хранит ценности каждого народа, отражает действительность, интерпретирует и формирует языковую картину мира. Фразеология отражает многовековой опыт народа, в ней проявляется национальная система ценностей, менталитет. Концепт «любовь» играет важную роль в эмоциональной картине мира каждого народа, однако его восприятие в русском и английском фразеологическом фонде имеет свою специфику, обусловленную историческими, социальными и религиозными факторами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире анализ ценностных доминант различных лингвокультур приобретает особую значимость. Выявление сходств и различий в аксиологическом (ценностном) наполнении такого универсального концепта, как «любовь», способствует предотвращению коммуникативных неудач и более глубокому взаимопониманию между представителями русской и английской культур.

Цель исследования – сопоставительный анализ аксиологического (ценностного) содержания русских и английских фразеологизмов о любви.

Материал и методы. Материал исследования – 35 фразеологических единиц из русского и английского языков (пословицы, поговорки, идиомы).

В ходе исследования нами были использованы следующие методы: метод сплошной выборки из фразеологических словарей русского и английского языков, описательный, сопоставительный (сопоставление английских и русских фразеологических единиц с точки зрения аксиологии).

Результаты и их обсуждение. Мы разделили следующие фразеологические единицы на несколько категорий с целью сопоставительного анализа ценностного содержания концепта «любовь» в русской и английской лингвокультурах.

1. Свобода/власть в любовных отношениях

Известно, что распределение ролей между партнерами, понятия «свобода», «независимость» являются объектом споров на протяжении многих веков. Мы рассмотрели несколько фразеологических единиц на эту тему:

– «*Быть под каблуком*» (обычно о муже, находящимся в подчинении у жены) [3]. Образ каблука является наглядной метафорой подавления. В английском языке существуют похожие фразеологизмы «to be under someone's thumb» (букв. *быть под чьим-то большим пальцем*) и «henpecked» (букв. *заклеванный курицей* – о мужчине, которым командует жена) [2].

– *«To wear the trousers»* (букв. *носить брюки*) имеет аналог в русском языке *«быть главой семьи»* (принимать ключевые решения) [5; 1]. Интересно, что русский язык чаще использует метафоры физического давления (каблук), когда английский – метафоры символического присвоения власти (предметы одежды как знаки статуса).

2. Флирт, кокетство

Открытость проявления чувство также является немаловажным аспектом ценностной картины мира любого народа. Рассмотрим это на следующих примерах:

– *«Вешаться на шею»* (нескромно, навязчиво проявлять интерес) имеет точный английский аналог *«to throw at one's head»* (букв. *броситься кому-л. на голову*) [3; 2]. Оба фразеологизма отражают негативную коннотацию, осуждая излишнюю навязчивость.

– «Строить глазки» (манипулировать взглядом и жестами, чтобы вызвать у другого человека симпатию или влюбленность) имеет в английском языке целый ряд эквивалентов: «*to make eyes at someone*» (прямой аналог), «*to bat one's eyelashes at someone*» (хлопать ресницами), «*to give someone the eye*» (бросать кокетливые взгляды), «*o make sheep's eyes at someone*» (смотреть влюбленными «бараньими» глазами) [3; 1; 5]. Такое большое количество аналогов свидетельствует о детальной разработанности темы невербального флирта в английской фразеологии.

– *«Положить глаз на кого-то»* (заметить, выбрать объект увлечения) коррелирует с английским *«to have one's eye on someone»* (прямой аналог) [5].

– *«Вскружить голову»* в своем значении в любовной фразеологии отражает более активное привлечение внимания и имеет намного более аналогов на английском языке: *«to sweep someone off their feet»* (очаровать, букв. *сбить с ног*), *«to make someone's head spin»* (ошеломить) и даже сленговое *«to melt someone's butter»* (растопить чье-то масло) [3; 1; 5]. Последнее выражение подчеркивает идею «таяния» под воздействием чар.

3. Взаимность

Языковая оценка таких сложных любовных ситуаций, как безответность, проявление взаимного интереса к партнеру, охлаждение чувств, всегда вызывает особый интерес.

– *«Любовь прошла, завяли помидоры»* имеет ряд аналогов на английском языке: *«the magic is gone»* (магия исчезла), *«the honeymoon is over»* (медовый месяц закончился), *«the bloom is off the rose»* (цветок отцвел), *«Cupid has flown the coop»* (Купидон вылетел из курятника) [3; 1; 5].

– *«Любовный треугольник»* полностью совпадает с английским *«love triangle»*, что свидетельствует об универсальности этого образа [4].

– *«Ноль внимания – фунт презрения»* (полное равнодушие, игнорирование) в английском языке передается в основном только через описательные конструкции: *«to treat with complete contempt»* (относиться с

полным презрением), *«not to give someone the time of day»* (не удостоить даже взглядом), *«can't care less about»* (абсолютно все равно) [3; 5; 1].

– *«Души не чаять»* (очень сильно любить, обожать) [2]. В английском языке этому соответствуют идиомы *«to be the apple of one's eye»* (быть зеницей ока), *«to dote on someone»* (обожать), *«to love someone to bits»* (любить до безумия) [1; 2].

– *«Marriage is the tomb of love»* (брак – могила любви) фиксирует пессимистический взгляд на трансформацию чувств в браке и свидетельствует о том, что в русском и английском фразеологическом фонде различается оценка брака как института [4]. Русская традиция, напротив, содержит больше паремий, связывающих любовь именно с семейным благополучием (*«настоящий клад, когда в семье лад»*) [3].

Заключение. Мы пришли к выводу, что ценностное содержание концепта «любовь» в русской и английской лингвокультурах включает в себя как универсальные, так и национально-специфические черты. Обе фразеологические системы фиксируют общее для этих культур представление о любви как о чувстве, неподвластном рациональному контролю. Однако ключевое различие заключается в оценке соотношения любви и материальных факторов: русская традиция склонна идеализировать любовь вопреки обстоятельствам, английская – предостерегать от пренебрежения прагматической стороной отношений. Также мы обнаружили, что властные отношения в любви метафоризируются по-разному: в русском языке преобладают образы физического давления, в английском – символические маркеры статуса.

Список использованных источников

1. Английские пословицы о любви с переводом. – URL: https://www.tania-soleil.com/angliiskie-poslovitcy-o-liubvi-s-perevodom/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Английский фразеологический словарь. – URL: http://audiorazgovornik.ru/anglijskaya-frazeologiya/anglijskij-frazeologicheskij-slovar (дата обращения: 10.03.2026).

3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – URL: https://gufo.me/dict/fedorov (дата обращения: 10.03.2026).

4. Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL: https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 10.03.2026).

5. Collins online dictionary. – URL: https://www.collinsdictionary.com/?roistat_visit=67591441 (дата обращения: 10.03.2026).

ПЕРЕВОД ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В МУЛЬТФИЛЬМЕ «ЗВЕРОПОЛИС»: СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ, АДАПТАЦИИ И ОПУЩЕНИЯ

А.В. Тимошенко

Научный руководитель: О.Н. Иванькова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

Мультфильм студии Disney «Зверополис» (англ. Zootopia) представляет собой уникальный материал для переводческого анализа. Само название является авторским неологизмом, образованным слиянием слов *zoo* (зоопарк) и *utopia* (утопия). Создатели наделили персонажей «говорящими» именами, которые несут информацию о характере, внешности, виде животного или отсылают к популярной культуре. Задача переводчика в таком случае – не просто передать звучание имени, но и сохранить его смысловую нагрузку, сделав понятной для иноязычного зрителя.

Материал и методы. В данном исследовании были использованы следующие методы: теоретический анализ литературы и других источников по теме, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Материалом для исследования послужили имена собственные, отобранные из оригинальной англоязычной версии мультфильма «Зверополис» (Zootopia), а также их переводы на русский язык, представленные в официальном дубляже и субтитрах.

Теоретическую базу работы составили интернет-источники, включая материалы, размещенные на таких ресурсах, как Wikipedia, а также видеоматериалы, опубликованные на платформе YouTube. Кроме того, использовались публикации в научных электронных библиотеках и статьи, посвященные вопросам перевода имен собственных и аудиовизуального перевода.

Результаты и их обсуждение. Само название «Zootopia» (дословно – «Звериная утопия» [1]) образовано с помощью слияния двух слов zoo + utopia. Перевод названия на русский язык как «Зверополис» обоснован адаптацией для русскоговорящего зрителя. События происходят в современном городе, населённом самыми разными животными, от огромных слонов до крошечных землероек [1], что позволяет полностью отразить место повествования с помощью употребления древнегреческого слова «полис». В. А. Ташицкий считает, что «все имена собственные имеют некое значение, так и в художественных произведениях они наполняются особым содержанием, и обладают значением, важным для понимания характера героя, отношения к нему самого автора и тем ассоциациям, которые возникают при восприятии данного имени [3]. Вопросами изучения имен собственных занимались многие ученые, такие как С.Б. Веселовский, Б.А, Старостин, Е. Курилович, А.В. Суперанская и другие [5].

В процессе локализации имён собственных переводчики используют разные подходы, основными из которых являются сохранение, адаптация и

опущение. Стратегия сохранения подразумевает воспроизведение имени с минимальными изменениями, чаще всего через транскрипцию или транслитерацию. Помимо этого, при переводе имён собственных применяется и калькирование. Калькирование – воспроизведение звукового состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка [4]. Как утверждает М. Бернал-Мерино, под локализацией понимается придание продукту лингвистической и культурной адекватности, а также технического и юридического соответствия для страны, где он будет использоваться и продаваться, и ее языка [2, с. 31].

В русскоязычной версии мультфильма имя главной героини, Джуди Хоппс, фонетически приближено к оригиналу, однако теряет игру слов, заложенную в фамилии Hopps (от английского "hop" – "прыгать"), что является символичным для персонажа-кролика. Такая адаптационная стратегия, направленная на сохранение узнаваемости и звучания имени для целевой аудитории, зачастую приводит к потере смысловых оттенков.

В случае с именем Ник Уайлд, его фонетическое сходство с оригиналом облегчает запоминание. Однако, при этом утрачивается коннотация английского слова "wild", которое могло бы усилить восприятие лиса как существа свободолюбивого и проницательного.

Хотя семантический перевод имен иногда был бы уместнее, в коммерческой анимации чаще всего выбирают благозвучные и легко запоминающиеся варианты. Это особенно очевидно, когда имя персонажа основано на игре слов. Например, ленивца назвали Флэш (Flash), хотя это слово означает "молния" или "быстрый". Такой выбор лишает зрителя возможности оценить иронию между медлительностью героя и значением его имени. Адаптация, направленная на сохранение юмора, могла бы сделать персонажа более ярким. Примечательно, что имя мэра города, Leodore Lionheart, транскрибируется на русский как Леодор Лайонхарт. Этот подход фокусируется на сохранении фонетического звучания оригинала. Тем не менее, оригинальное имя содержит явные аллюзии к английским словам "lion" (лев) и "heart" (сердце), что придает образу лидера дополнительную глубину, подчеркивая его силу и благородство. В русскоязычном переводе эта смысловая игра слов теряет свою очевидность, что несколько ослабляет воздействие имени на формирование восприятия персонажа.

Частичная адаптация наглядно демонстрируется на примере имени помощницы мэра, Dawn Bellwether. В русскоязычной версии это имя было трансформировано в «Дон Барашкис». Переводчики сознательно отказались от дословного воспроизведения фамилии Bellwether, которая в оригинале обозначает «вожака стада овец». Вместо этого была использована лексема, ассоциирующаяся с образом барана («барашек»), что позволило более эффективно донести имплицитный смысл до целевой

аудитории. Данный случай иллюстрирует успешную трансляцию смыслового наполнения с учетом культурных коннотаций.

Особого внимания заслуживает случай с персонажем Бенджамином Клохаузером, чье имя в русском дубляже сохранило оригинальное звучание. Однако, несмотря на стремление к фонетической точности, упускается важный смысловой пласт: слово "claw" (коготь) в его фамилии намекает на скрытую хищную сущность, контрастирующую с его внешне добродушным обликом.

Имя персонажа, известного как Mr. Big, было сохранено в переводе без изменений. Изначально оно призвано вызывать ассоциации со стереотипным образом главы мафиозной структуры и отражает культурные особенности американского общества. Хотя в русскоязычной версии узнаваемость самой фразы позволяет частично передать эту отсылку, ее культурная подоплека может оказаться неясной для юных читателей.

Псевдоним певицы Gazelle («Газель») оказался результатом удачной случайности прямого перевода. Русское слово «газель» не только существует в языке, но и гармонично коррелирует с образом исполнительницы, что позволяет сохранить ее визуальные и смысловые атрибуты без искажений.
Нельзя обойти вниманием и имя Дюка Визелтона, которое в русском дубляже превратилось в «Дюк Хорькович». Это прекрасный образец того, как переводчики проявили креативность: фамилия Weaselton, происходящая от английского слова "weasel" (ласка, хорёк), была переведена как «Хорькович». Такой ход придал имени забавный оттенок и сделал его более понятным и естественным для русскоязычного зрителя. Этот пример показывает, что создатели стремились не просто передать смысл, но и сохранить оригинальный стиль и юмор.

Изучение других примеров показывает, что при переводе имен собственных в «Зверополисе» использовались разнообразные методы – от прямого переноса до глубокой адаптации. Наиболее успешными оказались те решения, которые смогли передать заложенный в оригинале смысл и вызвать нужный эффект у зрителя, при этом звуча при этом органично на русском языке.

Список использованных источников

1. Зверополис : [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/Зверополис- (дата обращения: 20.03.2026).

2. Bernal-Merino, M. A. On the Translation of Video Games / M. A. Bernal-Merino // The Journal of Specialized Translation. – 2006. – № 6. – P. 22 – 36.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. Советская энциклопедия: [сайт]. – URL: https://tapemark.narod.ru/les/175a.html – (дата обращения: 20.03.2026).

4. Казакова, Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 320 с.

5. Ономастика России. Имена собственные в нашей жизни: [сайт]. URL: https://www.onomastika.ru/terms/onomastika – (дата обращения: 20.03.2026).

ДИСКУРС КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ СЕРИАЛЕ «ДОКТОР КТО»

Н.А. Хоронеко
Научный руководитель: О.Н. Иванькова
Витебск, Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»

"Доктор Кто", британский научно-фантастический сериал, является не просто значимым явлением в массовой культуре, но и важной частью британской национальной идентичности. Он появился в 1963 году и до сих пор служит своеобразным "культурным зеркалом", отражая и переосмысливая представления британцев о самих себе, своем месте в мире и историческом значении. Культурная идентичность конструируется и транслируется сериалом посредством его языковых, визуальных и нарративных средств. В современной лингвистике растет интерес к тому, как жанры массовой культуры, такие как фантастика, комиксы и телесериалы, приобретают статус носителей значимых идеологических и национальных смыслов. "Доктор Кто", будучи одним из самых продолжительных научно-фантастических произведений, представляет собой идеальный объект для анализа британской идентичности. Хотя существуют культурологические исследования сериала (Дж. Чепмен [3], П. Батлер [2]), лингвистические и дискурсивные аспекты формирования национальной идентичности в сериале остаются малоизученными. В то время как сюжетные архетипы являются частыми объектами анализа, собственно языковые механизмы – от дискурса Доктора до вербальных и невербальных средств репрезентации культурной идентичности второстепенных персонажей – редко подвергаются лингвистическому исследованию.

Материалы и методы. В данном исследовании были использованы следующие методы: дискурс-анализ, лингвокультурологический и семиотический анализ. Материалом для исследования послужили сценарии и аудиовизуальный ряд избранных серий «Доктора Кто» (в оригинале на английском языке с последующим переводческим комментарием), интервью с шоураннерами, а также рецептивные данные – отзывы британских зрителей и критиков. Теоретическую базу работы составили интернет-источники, включая материалы, размещенные на таких ресурсах, как Wikipedia, а также видеоматериалы, опубликованные на платформе YouTube. Кроме того, использовались публикации в

научных электронных библиотеках и статьи, посвященные культурным феноменам и культурной идентичности.

Результаты и их обсуждение. "Доктор кто" – это научно-фантастический сериал от Британской Телевещательной Корпорации более известной как Би-Би-Си (англ. British Broadcast Corporation / BBC) [1].

Выбор жанра пал на научную фантастику в связи с активно продолжавшейся на тот момент космической гонкой. Сидни Ньюман обратился за помощью к старой знакомой Верити Ламберт, чтобы она стала продюсером нового научно-фантастического сериала. Стоит отметить, она была самой молодой в своём деле и единственной женщиной-продюсером, работающей на BBC. Сериал планировал обучать юных зрителей истории и естественным наукам. Проект был назван "Доктор кто", хотя на русском более правильным был бы перевод "Какой Доктор", так как английский вопрос: "Doctor who?" подразумевает уточнение имени.

23 ноября 1963 года родился сериал, который в будущем войдёт в Книгу рекордов Гиннеса как "Самый продолжительный научно-фантастический сериал в мире".

Статус культовости во многом сериал приобрёл благодаря машине времени. ТАРДИС, от английского акронима Time And Relative Dimension(s) In Space (Время и относительное(ые) измерение(я) в пространстве) [2]. Культовым корабль стал не из-за своей способности к перемещению во времени и пространстве, а из-за того, что он был больше внутри, чем снаружи. Внешне это синяя полицейская будка, с надписью "Police Public Call Box" (Общественная телефонная будка полиции), типичный объект 1963 года, а внутри это огромный корабль. По сюжету сериала маскировочный механизм ТАРДИС ломается, и она остаётся в этой форме по сей день. Сама по себе полицейская будка является артефактом прошлого. Раньше в них находились дежурные полицейские, из будок можно было позвонить в полицию, теперь в массовом сознании этот ранее распространённые на территории всей страны объекты стали напрямую ассоциироваться с машиной времени Доктора. Факт того, что ТАРДИС являлась (да в сериале если делают акцент на роде корабля, то употребляют именно женский) машиной времени позволяло строить сюжет вокруг важных исторических событий и личностей: времена ацтеков, восстание якобитов 1745 года, великий лондонский пожар 1666 года, викторианская эпоха, Уильям Шекспир, Марко Поло, Чарльз Диккенс, Уинстон Черчилль, королевы Елизаветы, Агата Кристи и так далее.

Для того, чтобы продолжать сериал создатели придумали концепцию регенерации, благодаря которой они могли менять главного героя. Это позволило шоу не просто продолжаться, но и оставаться современным. По сути каждая реинкарнация главного героя по-своему отражала эпоху, в которой выходил сериал.

Разбор фраз и цитат из сериала. Сериал "Доктор Кто" оставил богатый и многогранный культурный след, оказывая влияние на различные аспекты массовой культуры, науки и общества. "Доктор Кто" стал одним из самых долгосрочных и узнаваемых научно-фантастических сериалов, сформировав стандарт для будущих произведений этого жанра. Он популяризировал идеи путешествий во времени, инопланетных цивилизаций и технических чудес. Образы, персонажи и цитаты из сериала вошли в общественную и культурную среду. Фразы "It's bigger on the inside than the outside!" (Она больше внутри, чем снаружи), "Reverse the polarity of the neutron flow" (Обрати полярность нейтронного потока), "Would you like a jelly baby?" (Не хотите ли мармеладку?), "Allons-y!" (Пойдемте!), "Bowties are cool" (Бабочки – это круто) стали узнаваемыми символами. Последняя даже увеличила продажу галстук-бабочек в Великобритании. Из сериала можно сделать целый цитатник:

- "Never be cruel, never be cowardly, and never, ever eat pears! Remember, hate is always foolish, and love is always wise. Always try to be nice, but never fail to be kind." (Никогда не будь жестоким, никогда не будь трусливым, и никогда не ешь груши! Помни, ненависть всегда глупа, а любовь мудра. Всегда пытайся быть хорошим, но никогда не переставай быть добрым.)
- "The universe is big. It’s vast and complicated and ridiculous. And sometimes, very rarely, impossible things just happen and we call them miracles." (Вселенная огромна. Она обширна, запутана и нелепа. И иногда, очень редко, невозможные вещи просто происходят, и мы зовём их чудесами.)
- "Our lives are important, at least to us. As we see, so we learn. Our destiny is in the stars, so let's go and search for it." (Наши жизни важны, по крайней мере нам самим. Мы учимся на том, что видим. Наша судьба в звёздах, так пойдем и найдём её.) [4],[5].

Список цитат можно продолжать бесконечно. Но помимо мудрых цитат сериал полон британского юмора: "– A complete and total absence of any kind of sunlight. – Death by Scotland." (– Полное отсутствие любого солнечного света. – Его убила Шотландия.) ©Doctor Who, "The Eaters of Light".

Конечно, важно упомянуть и фанатские сообщества, которое было прозвано Whovians (от части Who в названии сериала и добавлением суффиксов "v" и "ian", которые добавляют значение принадлежности к местности, например, Peruvian – Перуанец, перуанский), ведь как признаётся Питер Капальди, исполнитель Двенадцатого Доктора, он сам был огромным фанатом сериала с самого начала. Фанаты "Доктора Кто" создали огромное сообщество по всему миру: фан-клубы, фан-арты, косплеи, конференции. Этот сериал стал платформой для креативного самовыражения и межличностного общения. Многие зрители увлеклись физикой, космологией и инженерией, вдохновившись идеями сериала. Он

стал частью популяризации науки среди молодежи. Собственно, сериал создавался именно с этой целью.

Заключение. В целом, "Доктор Кто" – не просто сериал, а культурный феномен, который сформировал и продолжает развивать представления о будущем, науке, человечности и фантазии, оставаясь важнейшей частью глобального культурного наследия.

Список использованных источников

1. BBC IPlayer [Electronic resource] : An Adventures in Time and Space. – URL: https://www.bbc.co.uk/iplayer/episode/p01kqt9x (date of access: 06.04.2026).

2. Butler, D. Time and Relative Dissertations in Space: Critical Perspectives on Doctor Who / D. Butler. – Manchester: Manchester University Press, 2007.

3. Chapman, J. Inside the Tardis: The Worlds of Doctor Who – A Cultural History / J. Chapman. – London: I.B. Tauris, 2006.

4. Parade [Electronic resource] : 135 Doctor Who Quotes From the Doctors To Make You Feel Better About Your Place in the Universe – URL: https://parade.com/1218758/jessicasager/doctor-who-quotes/#iconic-quotes-from-doctor-who (date of access: 09.04.2026).

5. Chrissie's Transcripts Site [Electronic resource] : Doctor Who & spin-offs – URL: http://www.chakoteya.net/DoctorWho/ (date of access: 09.04.2026).

ВОЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

А.Д. Цвикевич
Научный руководитель: А.Д. Дудько
Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Метафора в современном медиадискурсе перестала быть исключительно художественным или риторическим приёмом: сегодня она выполняет когнитивную, коммуникативную, идеологическую и культурную функции. В англоязычных средствах массовой информации особое место занимают военные метафоры – лексико-семантические конструкции, в которых заимствованные из сферы войны термины используются для описания политических, экономических, социальных или экологических процессов. Такие метафоры трансформируют восприятие событий, позволяя преподнести их как форму борьбы, конфликта или противостояния, тем самым влияя на общественное сознание и структурируя коллективное мышление.

Военная метафора – это не просто перенос значения, а целостная концептуальная рамка, через которую упорядочивается восприятие действительности. Через выражения вроде *battle for democracy* ‘битва за демократию’, *war on terror* ‘война с терроризмом’, *mobilize support* ‘мобилизовать поддержку’, *defend our values* ‘защищать наши ценности’ формируется чёткое понимание происходящего как сражения, где

присутствуют противники, цели, стратегия и жертвы. Метафора войны становится универсальной моделью описания кризиса, конфликта, борьбы за власть, реформ или протестной активности, тем самым предлагая читателю удобную схему интерпретации и морального выбора: "мы" защищаемся, "они" нападают. Особенно активно военные метафоры функционируют в англоязычной прессе США и Великобритании, опираясь на исторический опыт и культурную память. В США они окрашены героизмом, решимостью и экспансией, отражая нарратив о миссии свободы и глобального лидерства. Термины типа *preemptive strike* 'превентивный удар', *invasion* 'вторжение' воспринимаются как проявление силы и решительности. В британской традиции метафоры чаще связаны с выживанием, исторической преемственностью и обороной: *Dunkirk spirit* 'дух Дюнкерка', *last stand* 'последний бой' апеллируют к коллективной памяти о Второй мировой войне и национальной стойкости.

Лингвокультурный аспект проявляется также в том, как воспринимаются и интерпретируются одни и те же образы в разных странах. Так, например, *war room* 'военная комната' в США ассоциируется с центром принятия стратегических решений, тогда как в других культурах может вызывать ассоциации с закрытостью, милитаризмом или авторитаризмом. Одна и та же метафора может восприниматься как позитивная или негативная в зависимости от культурного кода.

Материал и методы. Материалом исследования послужили публикации англоязычных средств массовой информации, в частности статьи из изданий *The New York Times*, *The Guardian*, *Financial Times*, *PBS*, а также аналитические материалы интернет-ресурсов. Методологическую основу исследования составили: метод контекстуального анализа медиатекстов; метод лингвистического и семантического анализа метафорических выражений; элементы лингвокультурного анализа. Анализ проводился на основе примеров употребления военной метафорики в медиадискурсе, отражающих различные сферы общественной жизни: политику, экономику, общественные процессы, пандемию и спортивную журналистику.

Результаты и их обсуждение. Анализ материалов англоязычных средств массовой информации показывает, что военная метафорика активно используется при описании различных политических, экономических и общественных процессов. Подобные метафоры помогают журналистам представить сложные события в форме противостояния или борьбы, что делает информацию более выразительной и понятной для аудитории. Так, в статье *Encyclopedia Geopolitica* от 01.01.2021 с заголовком *"The Battle for Britain's Soul: Bobbitt, Brexit, and the geopolitical reasons the UK left the EU"* процесс Brexit изображён через метафору *battle for Britain's soul* 'битва за душу Британии', которая акцентирует внимание на судьбоносности политических решений в рамках этого события [2]. В статье *The New York Times* от 23.06.2021 под названием *"A Culture War*

Between Hungary and Europe Escalates Over L.G.B.T. Bill" политическое противостояние между странами Европы также получило описание через метафору *culture war* 'культурная война' [3]. В *Financial Times* от 15.01.2022 встречается выражение *pre-emptive strike* 'превентивный удар', которое используется в контексте экономических решений и мер [4]. Метафоры не ограничиваются только политическими и экономическими аспектами, но также активно используются в спортивной журналистике. Так, в репортаже газеты *The Guardian* от 05.03.2023, посвящённом матчу между "Liverpool" и "Manchester United", действия команды "Liverpool" описываются как стремительное и разрушительное наступление во втором тайме. Подобные описания соотносятся с военной метафорикой атаки и наступления, подчеркивая интенсивность и эффективность действий команды на поле [6]. В период распространения COVID-19 в медийных текстах заметно усилилось использование военной метафорики при описании деятельности медицинского персонала. Показательным является материал *PBS* от 26.06.2020 под названием *"I became a full-throttled warrior: Frontline workers on their fight against COVID-19"*. В данном тексте сотрудники системы здравоохранения описывают свою работу через образ *warriors* ‘воинов’, которые ведут борьбу с COVID-19. Подобное метафорическое представление способствует формированию восприятия пандемии как масштабного противостояния с невидимым врагом. Тем самым в медиадискурсе подчеркиваются мужество, стойкость и профессиональная самоотверженность медицинских работников, находящихся на переднем крае борьбы с заболеванием [5]. Анализ материалов англоязычных СМИ позволяет выделить несколько основных функций военной метафорики в медиадискурсе. Подобные метафоры не только усиливают драматизм описываемых событий, но и способствуют упрощению сложных социальных и политических процессов, а также могут выступать средством мобилизации общественного мнения и оправдания решительных политических действий. Кроме того, они нередко участвуют в формировании устойчивых культурных образов и нарративов. Так, в британском медиапространстве широко распространено выражение *Dunkirk Spirit* ‘дух Дюнкерка’, которое отсылает к событиям эвакуации союзных войск из Дюнкерка в 1940 году и символизирует способность общества объединяться перед лицом трудностей. В современных публикациях эта метафора используется для обозначения коллективной стойкости и готовности к взаимопомощи в кризисных ситуациях [7]. Культурные различия в использовании военных метафор также проявляются в различных подходах к символике. В американском медиадискурсе преобладают образы наступления, лидерства и конфронтации, тогда как в британском акцент смещается на защиту, выживание и коллективную стойкость. Исследования, например, данные *BuzzSumo*, показывают, что статьи, содержащие военную риторику, имеют

на 25–30 % более высокий уровень вовлеченности, чем те, которые используют нейтральную лексику [1].

Заключение. Проведённое исследование показывает, что военная метафорика занимает значимое место в современном медиадискурсе. Она используется не только как выразительное языковое средство, но и выполняет более сложные функции – когнитивную, идеологическую и культурную. Обращение к подобным метафорам позволяет журналистам представить сложные социальные и политические процессы в более понятной форме, интерпретируя их через модель противостояния или борьбы. При этом важную роль играет культурный контекст, который влияет на смысловое восприятие и интерпретацию таких образов. Так, в американских средствах массовой информации чаще встречаются метафоры, связанные с идеями наступления, силы и лидерства. В британском медиадискурсе, напротив, заметнее образы, апеллирующие к обороне, выживанию и коллективной стойкости общества.

Список использованных источников

1. BuzzSumo [Электронный ресурс]. – URL: https://www.buzzsumo.com/research/2023/military-metaphors-engagement (дата обращения: 14.03.2026).

2. Encyclopedia Geopolitica [Электронный ресурс]. – URL: https://encyclopediageopolitica.com/2021/01/01/the-battle-for-britains-soul-bobbitt-brexit-and-the-geopolitical-reasons-the-uk-left-the-eu/ (дата обращения: 14.03.2026).

3. Financial Times [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ft.com/content/5ce367ba-9197-4302-b71a-4779bbb93056 (дата обращения: 14.03.2026).

4. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nytimes.com/2021/06/23/world/europe/hungary-europe-lgbt-culture-war.html (дата обращения: 14.03.2026).

5. PBS [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pbs.org/newshour/world/i-became-a-full-throttled-warrior-frontline-workers-on-their-fight-against-covid-19 (дата обращения: 14.03.2026).

6. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: https://www.theguardian.com/football/2023/mar/05/liverpool-manchester-united-premier-league-match-report (дата обращения: 14.03.2026).

7. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: https://spectator.com/article/coronavirus-and-the-enduring-myth-of-britain-s-dunkirk-spirit/ (дата обращения: 14.03.2026).

DIGITAL RESOURCE CONSTRUCTION OF HPU CONTINUING EDUCATION COLLEGE IN CHINA

Chen Ying
Minsk, Business Belarusian State University
Supervisor: O.L. Sapun
Minsk, BSATU

The object of the study is: Henan Polytechnic University Continuing Education College (HPU Continuing Education College). Founded in 1909, Henan Polytechnic University is the first mining institute in China and the earliest higher institute in Henan Province. After a century of efforts and hard work of many generations, HPU has developed into a teaching, research-oriented, innovative and comprehensive university.

Subject of the study is digital resource construction of HPU Continuing Education College

Materials and methods: To implement this principle, the system adopts a modular and hierarchical design tailored to different groups. For current college students, the system sets up extended courses related to professional knowledge, such as intelligent mining technology, mining big data analysis, and mine environmental engineering, to complement the formal curriculum and improve their professional competitiveness. From 2022 to 2024, 6,500 college students participated in extended courses, with a pass rate of 95.2%. For enterprise employees, it provides customized training modules according to their positions [1]:

– basic operation modules for front-line workers (such as equipment operation specifications and safety accident prevention),

– technical research modules for technical backbones (such as complex mine disaster treatment and new technology application),

– and management decision-making modules for enterprise managers (such as mining enterprise digital operation and low-carbon development strategies).

For alumni, the system launches updated courses based on industry development trends, helping them keep pace with the latest technologies and standards. From 2022 to 2024, 2,350 alumni participated in continuous learning courses, with a satisfaction rate of 90.8%. For retired personnel, it sets up interest-oriented courses such as mining culture appreciation, health management, and digital technology popularization, enriching their later life. In 2024, 1,150 retired personnel participated in interest courses, with a participation rate increasing by 26% compared with 2022 [2].

Meanwhile, the system optimizes the learning experience through diversified teaching methods to adapt to different learning habits. For learners with fragmented learning time, online micro-courses, video tutorials, and audio lectures are provided to realize “learning anytime and anywhere”; by 2024, HPU has built 300 online micro-courses for lifelong education, with a total playback volume of 1.15 million times. For learners who need practical operation training, offline practical courses and VR simulation training are carried out to improve their practical operation ability; in 2024, 4,500 learners participated in VR simulation training, with a training effectiveness evaluation score of 8.6/10. For learners who prefer interactive learning, online discussion groups, offline seminars, and expert lectures are organized to promote knowledge exchange and sharing; from 2022 to 2024, HPU organized 92 offline seminars and 45 expert

lectures, with a total participation of 6,900 person-times. In addition, the system establishes a learning feedback mechanism, collecting learners' opinions and suggestions on a regular basis, and adjusting the knowledge content, teaching methods, and course settings in a timely manner to continuously meet the changing learning needs of learners. The overall satisfaction rate of learners in 2024 reached 88.9%, increasing by 6.8 % compared with 2022 [3].

Fourth, the principle of digital empowerment and sustainability. In the context of the digital economy, educational digital transformation theory provides important support for the sustainable development of the lifelong education knowledge system. This principle requires integrating digital technology into the whole process of the system's construction, operation, and update, realizing the optimization of resource allocation, the innovation of knowledge update mechanisms, and the improvement of operation efficiency, so as to ensure the long-term vitality of the system. Digital empowerment is not only the application of simple digital tools but also the deep integration of digital technology with educational concepts, teaching methods, and management models.

Results and discussion. In terms of digital resource construction, HPU has built a unified digital lifelong education platform, integrating high-quality resources such as courses, teaching materials, simulation software, and typical cases. The platform was officially put into use in 2022, and by 2024, it has integrated 550 online courses, 180 sets of teaching materials, and 140 typical enterprise cases. At the same time, the platform uses big data and artificial intelligence technology to analyze learners' learning behavior, such as learning time, course preferences, and learning difficulties, and pushes personalized learning recommendations for learners. In 2024, the platform pushed 360,000 personalized learning recommendations, with a click-through rate of 40.8%.

To intuitively reflect the application effect of HPU's digital lifelong education platform Table 1 shows the annual usage rate trend of all functional modules from 2022 to 2024. The data are sourced from the platform's background operation statistics, covering 28,500 active users [4].

Table 1 Usage Rate of Functional Modules in HPU's Lifelong Education Digital Platform (2022-2024)

Functional Modules	2022	2023	2024	Total Growth (2022-2024)
VR Simulation Training	14.8	20.2	25.7	10.9 %
Online Course Learning	31.8	35.9	39.9	8.1 %
Live Expert Lectures	12.9	14.8	16.8	3.9 %
Other Function Modules	10.2	11.9	15.3	5.1 %

As shown in Table 1, the usage rate of all functional modules of the platform presented a steady growth trend from 2022 to 2024. Specifically, the usage rate of VR Simulation Training increased by 10.9 % over three years, reflecting the growing recognition of digital practical teaching tools among learners. Online Course Learning maintained the highest usage rate, rising from 31.8% in 2022 to 39.9% in 2024, which indicates that it is the core functional module of the platform. The usage rates of Live Expert Lectures and Other Function Modules also increased steadily, with an average annual growth rate of approximately 2 %. Enterprise employees accounted for 61.8% of the total usage frequency, being the main user group of the platform. The overall growth trend of each module reflects the continuous optimization of the platform ' s functional layout and the gradual improvement of learner satisfaction, which provides a solid data basis for the further optimization of the platform ' s functional layout and personalized recommendation algorithm.

In terms of knowledge update mechanisms, digital technology enables dynamic updates of the knowledge system. From 2022 to 2024, the knowledge system has been updated 16 times, adding 68 new knowledge modules and eliminating 25 outdated modules.

Sustainability also requires the system to balance short-term effects and long-term development. In the short term, the system focuses on solving the urgent learning needs of learners and the talent gaps of enterprises; in the long term, it pays attention to the development trends of the mining industry and educational technology, continuously optimizing the knowledge framework and operation mechanism to adapt to the changes of the times. At the same time, the system has established a sound operation guarantee mechanism, including financial support, talent team construction, and institutional construction, to provide a solid foundation for its sustainable development. From 2022 to 2024, HPU has invested a total of 17.2 million yuan in the construction and operation of the lifelong education knowledge system.

Conclusion. Based on the above four construction principles, combining HPU's disciplinary advantages and Henan's industrial characteristics, four core construction paths are proposed to promote the practical landing of the independent lifelong education knowledge system. These paths are interrelated and mutually supportive, covering knowledge content construction, teaching model innovation, platform construction, and industry-university-research cooperation, forming a complete construction system.

List of references

1. HPU. 2022-2024 Lifelong Education Training Records[R].

2. Jiaozuo: Henan Polytechnic University, 2024 (publicly available in HPU Industry-University-Research Cooperation Annual Report);

3. Henan Mining Enterprise Lifelong Education Feedback Survey Group. 2024 Henan Mining Enterprise Lifelong Education Service Satisfaction Survey Report[R]. Zhengzhou: Henan Coal Industry Association, 2024 (publicly released).

4. HPU's Independent Lifelong Education Knowledge System: Construction Paths,

CHINESE BRAND NAMING ON THE INTERNATIONAL MARKET

A.Y. Gnas
Research supervisor: V.B. Balabanov
Mogilev, BRU

The Chinese manufacturing tradition dates back many centuries, however, until the second half of the 20th century, Chinese trademarks remained uncompetitive on the international stage [3]. Economic reforms and the policy of openness allowed Chinese companies to enter the global market. Yet, at the beginning, products from China were firmly associated with poor quality. For this reason, manufacturers often used a mimicry strategy, releasing goods under names imitating world-famous brands («Abibas», «Sqny», «Nokla», etc.). In recent decades, this tendency has fundamentally changed: Chinese companies increasingly use elements of their national language and cultural identity in naming, shaping the image of China as a producer of high-quality products. This study examines the process of Chinese brand naming entering the international market, analyzes consumer perception of these naming decisions, and identifies characteristic features and problematic aspects of adapting Chinese trade names to the Russian-speaking environment.

Materials and Methods. The practice of Chinese brand naming represents a multi-level system, deeply rooted in Confucian philosophy, traditional mythology, and folk numerology. Characters with positive symbolism are frequently used in Chinese names: 龙 (lóng) – «dragon», symbolizing strength and luck, 福 (fú) – «happiness», 吉 (jí) – «favorable», 华 (huá) – «China / magnificence» [2]. Color and number symbolism play a significant role: yellow and gold are associated with fertility and stability (brand Gold Secret), red with life force and beauty (clothing brand Red Sleeves, a metonym for beauty). The number «8» (八) is popular because it sounds like the character 发 («wealth»), while «4» (四) is avoided due to homophony with 死 («death») [8]. A characteristic feature of Chinese nomination is double naming: alongside an international name, a hieroglyphic version is created carrying a hidden message. For example, Huawei (华为) combines characters «Chinese/Bright» and «Act/Do»; Xiaomi (小米) – «Small Rice Grain» – embodies the philosophy of humility and creation; Tencent (腾讯) joins values «Rise» and «Information»; the car brand Geely (吉利) literally means «Luck and Profit»; and Chery (奇瑞) means «Unusual Favorable Sign» [7].

When entering foreign markets, separate adaptation strategies are chosen for each region: for Europe, priority is neutral premium sound and phonetic simplification; for the USA – brevity, absence of slang ambiguities, and narrative support; for the Middle East – compliance with religious norms; for

Russia – readability in Russian manner and checking for unintended comic homonyms. World practice confirms the importance of such checks: Chevrolet Nova in Spanish-speaking countries was perceived as «Does not go», Pepsi slogan in China was read as «Pepsi raises your ancestors from the grave», and bottled water «Blue Water» on the Russian market acquired an ironic sound «Blyu Wotta». Despite extensive localization work, foreign consumers still face difficulties with correct pronunciation of Chinese names, which can act as a barrier to forming consumer trust in the brand [6].

Analysis of Chinese trademarks on the Russian-speaking market revealed several cases of unwanted phonetic interference between original names and Russian lexical units. The Xiaomi ecosystem sub-brand Soocas (producer of smart toothbrushes and body care accessories) causes stable association with obscenity among Russian-speaking consumers; the name BlinBlin (Bluetooth speakers and nightlights) inevitably relates to a Russian colloquial interjection; the backpack brand KAKA generates association with a childish euphemism for feces; the name Deerma (home appliances – humidifiers, vacuum cleaners) is perceived as sounding like colloquial words; and the external battery brand Pisen associates with a physiological process [1]. In all these cases, the product objectively has worthy quality, but the comedic or negative coloring of the name can undermine consumer trust in the goods. Interestingly, in the original linguistic context, none of the mentioned names carry negative connotation, indicating precisely an interlingual semantic conflict. These examples allow us to state that a significant part of Chinese producers does not conduct preliminary linguocultural audit of the trade name when entering the Russian-speaking market, which underscores the need to include the stage of cross-linguistic verification in the standard procedure for preparing a brand to launch in a new linguistic market.

A questionnaire survey among about 170 respondents (mainly 16–24 years old) identified several important patterns: 86% of those surveyed encounter Chinese brands at least a few times a week, yet 44.1% can only name 1–3 brands from memory, which indicates insufficient memorability of the names. Phonetic perception of Chinese names is assessed mainly neutrally (42.4%) or positively (38.8%), and the presence of hieroglyphs on packaging is regarded by most (57.1%) without interest. Interlingual homophony generating unwanted associations with Russian words was noticed by 34.7% of respondents before, and another 28.8% realized the problem after getting familiar with examples in the questionnaire; at the same time, 62.4% stated willingness to buy a product with an unpleasant-sounding name given its quality and favorable price. As a preferred adaptation strategy, 64.5% chose partial correction of spelling or pronunciation while retaining recognizability, while only 8.9% supported a full replacement of the name. Chinese brand origin affects trust for 66.3% of respondents (it does not influence), and 68.3% evaluated the adaptation of Chinese naming on the Russian-speaking market as successful overall [5]. Thus, Chinese brand naming does not meet strong rejection, interlingual homophony

represents a real but not critical problem, and the most demanded strategy is soft adaptation of the name without complete refusal of the original sound.

Conclusion. The conducted study allows to state a fundamental transformation in the practice of Chinese brand naming. If at the initial stage of exploring foreign markets Chinese manufacturers used a mimicry strategy, masking the national origin of products under names imitating Western and Japanese brands, now there is an opposite tendency – conscious demonstration of Chinese identity through authentic naming. Perception by Russian-speaking consumers has undergone corresponding evolution: differentiating nominations «Honest China» and «Factory China» have been fixed in everyday speech [4], opposed to the outdated stereotype «Underground China», which indicates the conversion of Chinese origin from a low-quality marker to an association with affordable luxury.

Empirical survey data confirm this tendency: 66.3% of respondents indicated that Chinese brand origin does not affect their trust in the product, and 68.3% evaluated the adaptation of Chinese naming on the Russian-speaking market as generally successful [5]. At the same time, analysis of specific cases demonstrated that the risk of unwanted associations due to interlingual homophony remains an actual problem. Meanwhile, most consumers do not argue for a complete rejection of the original name, but for its soft correction with retention of recognizability. Further study of the linguocultural aspects of Chinese brand naming appears to be a promising direction, capable of contributing both to the development of commercial nomination theory and to the practice of cross-linguistic verification of trade names.

List of references

1. 11 funny names of chinese gadgets [Electronic resource]. – URL:https://www.iphones.ru/iNotes/imidzh--nichto-krutye-brendy-s-glupymi-nazvaniyami-08-10-2018 (date of access:: 14.03.2026).

2. Dubkova, O. V. Naming of global brands in China: problems of linguistic translation into Chinese / O. V. Dubkova, A. V. Zakharova // Language and Culture. – 2021. – №:, – P. 22 – 40.

3. History and current state of chinese brands: from traditions to globalization [Electronic resource]. – URL:https://kitay.ffik.ru/istoriia-i-sovremennoe-sostoianie-kitaiskikh-brendov-ot-traditsii-k-globalizatsii-gsn.html (date of access:: 14.03.2026).

4. How russian buyers' tastes have changed toward chinese luxury [Electronic resource]. – URL:https://robb.report/stil-zhizni/99217-kak-izmenilsya-vkus-rossiiskih-pokupatelei-v-storonu-kitaiskogo-lyuksa/?utm_source=bing.com&utm_medium=organic&utm_campaign=bing.com&utm_referrer=bing.com (date of access:: 14.03.2026).

5. Perception of chinese brand naming in the post-soviet market [Electronic resource]. – URL:https://forms.gle/9LhJMp4XR4SoN75d6 (date of access:: 14.03.2026).

6. Psychological foundations of naming [Electronic resource]. – URL:https://studme.org/140601/psihologiya/psihologicheskie_osnovy_neyminga (date of access:: 14.03.2026).

7. What do the names of chinese brands mean [Electronic resource]. – URL:https://ecoguildtalks.ru/motor/27/chto-oznachayut-nazvaniya-kitajskix-brendov (date of access:: 14.03.2026).

8. Zabolotneva, O. L. Linguocultural component «numbers and numerals» in Chinese brand naming / O.L. Zabolotneva, R.M. Pavlova // Young Scientist. – 2020. – №28 (318). – P. 123 – 124.

DEVELOPMENT OF CHINESE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE GLOBAL EDUCATIONAL CONTEXT

Yang Xueling
Minsk, Business Belarusian State University
Supervisor: O.L. Sapun
Minsk, BSATU

Driven by both economic globalization and the technological revolution, international exchanges and competition in education have become increasingly intense. As key carriers connecting educational resources and social needs, China's educational organizations are undergoing a profound transformation from localized development to global adaptation. In this process, these organizations must not only be rooted in the local educational tradition but also take the initiative to align with international standards, exploring a sustainable development path amid diverse challenges.

Materials and methods: Globalization has brought unprecedented development opportunities to China's educational organizations. Firstly, the scope of resource sharing has continuously expanded. The introduction of international educational concepts, curriculum systems, and teaching methods has provided more references for organizations to optimize their operational models. Secondly, the goals of talent cultivation have become more diversified. With multinational enterprises deeply rooted in the Chinese market and Chinese enterprises going global, the social demand for talents with cross-cultural communication capabilities and an international perspective has surged, forcing educational organizations to adjust their training programs and strengthen the cultivation of relevant abilities such as bilingual teaching and cross-cultural communication. In addition, the establishment of international cooperation platforms has lowered the threshold for development. Cooperation forms such as Sino-foreign joint education and international educational certification have enabled China's educational organizations to rapidly enhance their brand influence and industry recognition.

However, the wave of globalization has also brought many practical challenges to educational organizations.

Firstly, the collision of concepts caused by cultural differences is inevitable and a problem that many organizations need to solve. Some organizations blindly copy foreign educational models, ignoring the cognitive habits and social needs of local students, resulting in poor teaching effects.

Secondly, the pressure of international competition continues to increase. With the opening of the educational market, high-quality foreign educational institutions have entered China one after another, seizing market share with their mature operational systems and brand advantages, bringing direct competitive pressure to local organizations. Especially in the field of high-end education, the gap between local institutions and foreign counterparts in terms of faculty level and teaching facilities is more obvious.

Thirdly, it is difficult to adapt to international standards. There are differences in educational evaluation systems and qualification certification standards among different countries. When participating in international cooperation and promoting academic recognition, China's educational organizations need to invest a lot of energy in aligning with international standards, which is undoubtedly a heavy burden for small and medium-sized organizations with limited resources.

Facing the opportunities and challenges brought by globalization, the development of China's educational organizations must adhere to the dual-drive of "local roots + international perspective". In adhering to local characteristics, they should base themselves on China's educational tradition and social development needs, retain the core advantages of valuing fundamentals and fostering virtue through education, and avoid losing direction in the process of internationalization. In aligning with international standards, they need to selectively learn from advanced international experience and carry out adaptive reforms in combination with their own actual conditions, rather than simple duplication.

At the same time, organizations also need to strengthen the construction of their core competitiveness. On the one hand, they should enhance the international training of faculty, improving teachers' cross-cultural teaching capabilities and international perspective through overseas studies and international exchanges. On the other hand, they should promote digital transformation, using information technology to build international educational resource sharing platforms, reduce cooperation costs, and expand service coverage. In addition, the government and industry associations should play a guiding role, establish and improve a standardized system for international educational cooperation, provide policy support and information services for organizations, and help them avoid cooperation risks.

Conclusion. In the context of globalization, the development path of China's educational organizations is destined to be full of both opportunities and challenges. Only by embracing changes with an open and inclusive attitude, focusing on local development with a pragmatic and truthful approach, and finding a balance between tradition and innovation, local and international, can they provide solid support for the high-quality development of China's education cause and the implementation of the talent-strengthening country strategy.

List of references

1. Han, Fei Research on the Construction of a High-Quality Open Education System in the New Era [J] / Fei Han // Inner Mongolia Radio & TV University Journal. –2023. – №6. – P. 97 – 101.

2. Wang, Lei Target Positioning and Model Reform of Legal Education Talent Cultivation in Open Universities in the New Era [J] / Lei Wang // Journal of Guangdong Open University. –2020. – 29(02). – P. 28 – 33.

3. Zhang, Xiaoyan Reform of Talent Cultivation Model and Course Practice Integrating Specialization and Innovation in Open Education [J] / Xiaoyan Zhang, Feiyun Liu // Journal of Shandong Open University. – 2023/. – (02). – P. 38 – 41.

4. Haomiao, Yu Analysis of Talent Cultivation Co-construction between Higher Vocational Education and Open Education [J]. Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition). 2023(05): 104-106.

5. Honggai, Shi The Dilemmas and Optimization Strategies of Skills Talent Training in Open Education – Taking the Example of Modern Domestic Services and Management Specialty at Beijing Open University [J] / Shi Honggai, Zhang Yabin, Zong Haijing // Journal of Hebei Open University. – 2024. – 29(01). – P. 22 – 25.

6. Jiansheng, Qu Discussion on the Integration of Education, Science and Technology, and Talent Development under the Background of Open Science [J] / Qu Jiansheng, Huang Kemin, Liu Hao // China Science Fund. – 2024. – (03).

THE CONCEPT OF LITERACY IN THE WORKS OF FOREIGN RESEARCHERS

A.D. Yeskun
Scientific supervisor: L.S. Vasyukovich
Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov

Over the past two decades, interest in the concept of *literacy* has significantly increased, driven by the rapid processes of digitalization and informatization of our society. Nowadays, the idea is being developed that an individual's success in any field of life directly depends on their literacy and education.

The main *aim* of writing the article is to study and to summarize the viewpoints on the problem of literacy made by foreign researchers in the chronological order.

In the Republic of Belarus, the term *literacy* is in demand and frequently used due to the conception of functional literacy, which has been updated in recent years. From 2021 to 2025, the republic implemented the scientific and methodological program «Scientific and Methodological Support for the Development of Students' Functional Literacy in the Educational Process», the main goal of which is the progressive, continuous development of the national system of preschool, general secondary, and higher education in accordance with modern trends.

Material and methods. In order to write the article a general scientific method of analyzing, synthesizing, and generalizing literature was used. The article is based on the ideas about the notion of literacy in the works of UNESCO programs, World Congress of Ministers of Education for the

Eradication of Illiteracy, works made by S. Brown, P. Freire, H. Graff, N.N. Smetannikova and R.L. Venezky.

Results and their discussion. The word *literacy* comes from the Greek 'grammata', meaning reading and writing. Literally, the word denotes «a certain degree of mastery of oral and written language skills» [7, p. 475]. However, it should be noted that the specific meaning of this term has been changing at various historical stages of society's development, as demands for human knowledge have increased.

In international literature, the notion «literacy», its structure, and characteristics have been discussed since 1958 at the meetings on statistics and census programs at the UNESCO General Conference. According to UNESCO recommendations, «literate people should be considered those who can read a text, understand what they have read, and write a brief summary of their daily life» [9, p. 136]. In 1958, the UNESCO conference introduced the concept of «minimum literacy», which is understood as the level of literacy that enables an individual to function productively within a social environment.

At the World Congress of Ministers of Education for the Eradication of Illiteracy, held in September 1965 in Tehran, the term «functional literacy» was proposed. According to this concept «a citizen who can participate in all types of social activities is considered functionally literate» [11, p. 32].

In the 1960s and 1970s of the XX century, the concept of «critical literacy» was developed by the Brazilian educational philosopher Paulo Freire. In his work of 1968 year «Pedagogy of the Oppressed» P. Freire claimed that «literacy is not a technical skill, but an act of knowledge and liberation» [4, p. 90].

The term «literacy» began to undergo significant modifications in the early 1990s of the XX century. In the 1990s and 2000s, R.L. Venezky's conception of literacy was popular in the United States. According to R.L. Venezky, «minimal literacy» was replaced by «basic literacy», and it was believed that there was a minimum level of literacy sufficient for a person's subsequent self-education in the future [10, p. 54-56]. The author proposed that literacy is a constantly evolving phenomenon, making it difficult to define precisely, particularly when it comes to measuring «population illiteracy». His work contributed to a shift from a binary approach (literate/illiterate) to a more detailed and functional understanding of how skills were applied in life.

In 1995, H. Graff, in his work «Labyrinths of Literacy», makes several fundamental assertions about the concept of literacy:

1. Literacy is inextricably linked to human history; all concepts of literacy are historically conditioned.
2. Theoretical concepts of literacy require practical testing.
3. Literacy cannot be neutral with respect to a value system.
4. There are many types of literacy that coexist and interact with each other.
5. One set of literacies cannot be better than another.
6. Literacy acquisition is a complex process; it is necessary to recognize and appreciate the difficulties that learners regularly face [5, p. 323-333].

H. Graff's proposals are important for understanding literacy in its modern way.

A group of foreign researchers and educators (D. Alvermann, D. Buckingham, H. Nixon, B. Comber), interested in student-centered learning, advocated for expanding the scope of this term [1; 3; 6]. The works of these scholars formed the basis for modern educational programs in media literacy and digital literacy, the goal of which is to prepare active citizens who are able to reason and think critically.

According to research proposed by N.N. Smetannikova, in the early 20th century, foreign pedagogical literature identified two key approaches to interpreting literacy: unitary and pluralistic. According to the first approach (represented by Sh. Hit and E. Millard), literacy is a complex of interconnected, multi-order skills acquired in the process of education. This set of basic skills is sufficient for working with a wide range of written language phenomena, but does not exhaust its diversity. Literacy levels can be measured. This approach is also called the psychological-pedagogical approach [8, p. 44].

The second approach – the pluralistic or social approach (represented by K. Lankshire and D. Barton) – is based on the existence of multiple literacies, each representing a practice of working with a text. Proponents of the social approach believe that, for example, «school literacy» may confront «professional literacy». Literacy is acquired through sociolinguistic practice. Measuring literacy, according to the pluralistic approach, is impossible because it constantly changes contextually.

N.N. Smetannikova summarizes that «both approaches to the concept of literacy should exist as complementary to each other. Thus, literacy is a phenomenon that functions in different ways when using written language in a social group to achieve different goals» [8, p. 45].

The modern perspective on the concept of literacy is expressed by S. Brown in her book, in which the author defines literacy «as the ability to identify, understand, interpret, create, communicate, and evaluate using printed and handwritten materials» [2, p. 16]. S. Brown emphasizes an important aspect of literacy – the continuous process of learning, which allows one to achieve one's goals, improve knowledge, increase potential, and fully participate in the society.

It should be noted that international studies assessing the quality of education are currently being conducted on a regular basis, including studies such as:

– TIMSS (Trends in International Mathematics and Science Study), which assesses the mathematics and science knowledge of fourth- and eighth-grade students;

– ICILS (International Computer and Information Literacy Study), which assesses computer and information literacy;

– PISA (Program for International Student Assessment), which assesses the functional literacy of 15-year-old students, their ability to apply the knowledge

and skills they acquired at school to solve problems in academic and life contexts. Around 50 countries participate in these studies.

The Republic of Belarus participated in the PISA program once in 2018, demonstrating satisfying results (for example, a reading literacy score of 474 points, ranking 35th-36th in the world). Subsequently, the Republic of Belarus withdrew from PISA, creating its own educational program, NIKO (National Study of Education Quality), which aims to comprehensively test students in grades 10 –11 to assess their functional literacy.

Conclusion. As a result of our study the following conclusions can be made:

1. *Literacy* is an integrative concept. It can be viewed as either a pedagogical problem or a social one. For a long time, literacy was opposed to illiteracy, which was considered as a social problem, and international organizations (UNESCO, the World Congress of Ministers of Education and others) were actively used to more effectively struggle with illiteracy.

2. The concept of *literacy* has evolved at various stages of society development, depending on the demands to human knowledge. Major historical stages that contributed to the process of achieving universal literacy can be identified, such as the Reformation Period and the Period of Enlightenment.

3. At present moment *literacy* is viewed at two main levels:

- basic (elementary, minimal) literacy – the ability to read, write, count, perform simple mental tasks, work with text, and retell it.

- functional literacy – the level of knowledge and skills necessary for full and effective participation in society, and the ability to further self-education.

4. There are some international tests of literacy and functional literacy, such as TIMSS, ICILS, PISA, which were described briefly in this article.

List of references

1. Alvermann, D. E. Critical media literacy: research, theory and practice in «new times» / D. E. Alvermann, M. C. Hagood // Journal of Education Research. – 2000. – № 93. – P. 193 – 205.

2. Brown, S. Doodling for Creative People / S. Brown. – Minsk: Popurri, 2014. – 318 p.

3. Buckingham, D. Media education: literacy, learning and contemporary culture / D. Buckingham. – Cambridge: Polity Press, 2003. – 219 p.

4. Freire, P. Pedagogy of the Oppressed / P. Freire. – M: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2018. – 286 p.

5. Graff, H. J. The labyrinths of literacy: reflections on literacy past and present / H. J. Graff. – Pittsburg, PA: University of Pittsburg Press, 1995. – 349 p.

6. Nixon, H. Film and video bridge popular and classroom cultures / H. Nixon, B. Comber // Journal of Adolescent and Adult Literacy. – 2001.– № 44 (5). – P. 480 – 483.

7. Ozhegov, S. I. Dictionary of the Russian Language: Approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions / S. I. Ozhegov; ed. by prof. L. I. Skvortsov. – Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019. – 1376 p.

8. Smetannikova, N. N. Strategic approach to teaching reading / N. N. Smetannikova. – M: School Library, 2005. – 509 p.

9. UNESCO Recommendations concerning the Development of Adult Education (adopted by the UNESCO General Conference at its 19th session, Nairobi, 26 November

1976) // World Education Report 2000. The Right to Education: Towards Education for All throughout Life. – Moscow: UNESCO: Magister-Press, 2000. – 192 p.

10. Venezky, R. L. Book reviews: in search of the meaning of literacy / R. L. Venezky // Educational Researcher. – 1993. – T.22. – № 3. – P. 52 – 60.

11. World Congress of Ministers of Education on the Eradication of Illiteracy. Tehran, 8 – 19 September 1962 / UNESCO – [Paris], 1965. – 94 p.

Научное электронное издание

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ВЕКТОР 3.0» = VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE OF YOUNG RESEARCHER “VECTOR 3.0”:

Материалы VI Международной научно-практической конференции

(г. Витебск, 15 апреля 2026 года)

Усл. печ. л. 34,82 Уч.-изд.л. 38,48